

ВНѢШНІЙ  
БЫТЪ НАРОДОВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора имп. Академіи Художества въ Берлинѣ.

ТОМЪ III.

ИСТОРІЯ ОДЕЖДЫ, ВООРУЖЕНІЯ И УТВАРИ.

(ОТЪ XIV-ГО СТОЛѢТІЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ).

Съ 900 отдѣльн. изображеніями, рисованными Ф. Вейсомъ.

ЧАСТЬ 1-я.

ОТЪ 14-ГО ДО 16-ГО СТОЛѢТІЯ.

Съ нѣмецкаго В. Чаева.

Издание К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ШИЛОВОЙ.

1877.





ВНѢШНІЙ  
БЫТЪ НАРОДОВЪ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора имп. Академіи Художествъ въ Берлинѣ.

ТОМЪ III.

Съ 900 отдѣльн. изображеніями, рисованными Ф. Вейсомъ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шоловой.

1877.

ИСТОРИЯ  
ОДЕЖДЫ, ВООРУЖЕНІЯ И УТВАРИ

ОТЪ 14-ГО СТОЛѢТІЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора имп. Акад. Художествъ въ Берлинѣ.

Часть 1-я.

ОТЪ 14-ГО ДО 16-ГО СТОЛѢТІЯ.

~~~~~

Съ нѣмецкаго В. Чаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

—\*~>~<~\*~—

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1877.

Рисунки дозволены Цензурой. Москва, 13 Января 1877 г.

## О Г Л А В Л Е Н И Е.



Введение: Высшій бытъ съ 12 и 13 стол. Стр. 1—27.

**Одежда:** Мужской костюмъ въ 12 и 13 стол. стр. 3; женскій—7.—Одѣяніе государей 9.—Вооруженіе и оружіе 9.—Свщен. облаченіе 14.—Одежда монашествующихъ и рыцарскихъ орденовъ 19.

**Утварь:** Состояніе искусства в ремеслѣ 20. Церковная утварь 21. Домашняя утварь 22.—Игральные приборы 24. Музыкальные инструменты 25.—Воинскій снарядъ 27.—Погребальная утварь 27.

### ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ начала 14 до начала 16 столѣтія.

Историческій обзоръ стр. 28—34.

#### А. ОДЕЖДА.

(А. 2. Вооруженіе. А. 3. Священ. облаченіе).

#### I. Франція, Англія и Нидерланды стр. 35—132.

Матеріи и ихъ изготовленіе 35.—*Костюмъ до 1340 г.*: Мужской 37; женскій 40. Названія нѣкоторыхъ одеждъ 42.—*Костюмъ отъ 1340 до 1400*: Мужской 44 (Верхняя и нижняя одежда 44. Поясъ, панталоны, обувь 45. Головные уборы 47. *Houise* и *houprelande* 48. Принадлежности костюма 49. Прическа 51.); женскій 51 (Платья верхнее и нижнее 52. Прорѣзы и шлейфы 53. Лифы и кофты 54. Вдовій костюмъ 55. Головные уборы 56. Прическа 57. Украшенія 57.) Отдѣла костюма вообще (разнополосность: *mi-parti*, бубенчики и пр.) 58. *Костюмъ отъ 1400 до 1440 г.*: Мужской 59 (обтяжные кафтаны 59 и панталоны 60. Длинные одежды 62. Обувь 63. Головные уборы 64); женскій 65 (Верхняя одежда и рубы 66. *Surocot* 67. Головные уборы 67.).—Бургундскій Дворъ и его вліяніе 71. *Костюмъ отъ 1440 до 1480 г.*: Мужской 73 (Церемониальные одежды 74. Шейныя цѣпочки 75. Головные уборы и прическа 76); женскій 77 (Верхнее и нижнее платье 77, безрукавки и плащи 78. Головные уборы 78). *Костюмъ отъ 1480 до 1500 г.*: вообще 79; мужской 80; (Широкая верхняя одежда 81. Новыя формы головн. уборовъ 81. Драгоценныя вещи, перевязи, четки, *variance des habits* 83); женскій 83 (Обнаженіе шеи и груди 84. Отдѣленіе лифа отъ юбки 85. Кофты 86. Головные уборы 87. Прическа 88). Костюмъ поселеній 89. Траурная одежда 89.

Одѣяніе государей 90. Мантія, далматика, туніка 91, цвѣтъ и отдѣлка 92. Корона 93. Скипетръ 94. Держава 95. Одѣяніе королевъ 95.—Отличія герцоговъ, графовъ 96. Рыцарскіе (кавалерскіе) ордена 97.—Отличія дворянскихъ родовъ 98,—придворныхъ 99; остальныхъ сословій: въ Англій 100 (Ученыхъ, судей, врачей и др. 101, публичныхъ женщинъ и евреевъ 102); тоже во Франціи 103, скомо-рохи и шуты 105.

2. Вооруженіе: *отъ 1300 до 1350*: оборонительное 106, нападательное 109. Дальнѣйшее усовершенствованіе 109;—*отъ 1350 до 1450 г.*: 112. Досчатый доспѣхъ 114;—*отъ 1450 до 1500 г.*: 155. Шлемы 117. Конская брова и ея части 119.—Нападательное оружіе: *отъ 1300 до 1500 г.* 120 (мечъ 120, коше 121, палица, сѣкира, боевой топоръ, бердышъ 121, партизана, алебарда 122, casse-tête, Péau 122, лукъ и самострѣлъ (арбалетъ) 122. Ручное огнестрѣльное оружіе 123). Войско (1300—1500): 124.
3. Священническое облаченіе (1300—1500): 126 (матеріи и отдѣлка 127, части облаченія 128, одѣяніе кардиналовъ 130.) Одежда духовныхъ 131.

## II. Германія и Скандинавскія земли.—стр. 132—184.

*Костюмъ отъ 1300 до 1350 г.* 132. Уставы объ одѣждѣ (Kleiderordnungen) 135; *отъ 1350 до 1450 г.*: вообще 136 (Tappert, Duchsing 143). Дальнѣйшія постановленія объ одѣждѣ 146. Мужской костюмъ отъ 1400—1450 г. 148; (отдѣлка выстѣлкой (Zaddelwerk), погрешушки, mi-parti 149; длинноносая обувь 149, шляпы и шапки, Sendelbinde 149); женскій костюмъ отъ 1400 до 1450 г. 151. *Костюмъ отъ 1450 до 1500 г.* (подъ вліяніемъ французскихъ и бургундскихъ модъ) мужской 153, женскій 159.—Постановленія объ одѣждѣ—франконскаго рыцарства 166;—саксонскій законъ 167; уставъ объ одѣждѣ 1497 г.—167; фрейбургскія постановленія 168,—аугсбургскія 169.

Одѣяніе государей отъ 1300 до 1500 г. Короновальныи нарядъ нѣмецкихъ императоровъ 169. Церемоніалъ коронованія 172. Погребеніе 173. Церемоніальный нарядъ королевъ, герцоговъ и т. д. 173.—Отличія высшаго дворянства 175,—государствъ, сановниковъ 176. Рыцарскіе ордена 176. Одежда городскихъ властей, ученыхъ, врачей 177,—публичныхъ женщинъ и Евреевъ 177.

2. Вооруженіе и составъ войска отъ 1300 до 1500 г. 178.
3. Облаченіе духовенства отъ 1300 до 1500 г. 183.

## III. Италія. Стр. 184—232.

Постепенное развитіе роскоши и мѣры для ея ограниченія 184. Мужской костюмъ отъ 1300 до 1350 г. 185;—отъ 1350 до 1400 г. 189; женскій—отъ 1300 до 1350 г. 192,—отъ 1350 до 1400 г. 195. Измѣненія одѣжды въ 15 стол. 197. Мужской костюмъ отъ 1400 до 1500 г. 198; женскій того же времени 210.

Одѣяніе государей отъ 1300 до 1500 г.: папы, дожа 222; герцогонъ и обрядъ врученія лена 223. Костюмъ должностныхъ лицъ: сенаторовъ 224, городскихъ магистратовъ 225; адвокатовъ, докторовъ и др. 225. Постановленія относительно Евреевъ и публичныхъ женщинъ 225. Ремесленныя товарищества; общество de la Calza 226.

2. Вооруженіе отъ 1300 до 1500 г.: 226; отдѣлка вооруженія и различныя ея способы: niello, tusaia, opus mallei 227; металлическіе щиты 228. Нападательное оружіе 228.—Итальянское рыцарство 228.—Составъ и вооруженіе войска 229.
3. Священническое облаченіе отъ 1300 до 1500 г. 230. Церемоніалъ коронованія папы 231.

## IV. Испанія. Стр. 232—256.

Мавританское вліяніе и его постепенное ослабленіе 232. Вліяніе Италіи и Франціи 233. Костюмъ вообще до 1350 г. 234. Мѣры противъ роскоши 235. Особенности испанскаго костюма (sacha, capa, basquina, mantilla) 237. *Костюмъ отъ 1350 до 1400*: мужской 237, женскій 239; *отъ 1400 до 1470 г.*: мужской 243, женскій 245; *отъ 1470 до 1500 г.*: мужской и женскій 248.—Мѣры противъ роскоши 250.

Королевское одѣяніе отъ 1300 до 1500 г.: 251.

2. Вооруженіе отъ 1300 до 1500 г.: мавританское вліяніе 255. Особенности испанскаго вооруженія 254.—Испанское рыцарство и рыцарскіе ордена 255.
3. Священническое облаченіе отъ 1300 до 1500 г.: 256.

**V. Россия, Польша и Венгрия.** Стр. 257—275.

Россия: состояние страны под монгольским владычеством 257. Народный костюмъ отъ 1300 до 1500 г. 259. Одежда высшихъ сословій. 260.—Царское одѣяніе 264.

2. Вооруженіе отъ 1300 до 1500 г.: 265.

3. Священническое облаченіе 1300—1500: 267 (облаченіе патріарха 269).

Польша: состояніе страны 270. Нѣмецкое вліяніе 271. Костюмъ вообще отъ 1300 до 1500 г. 273.

Венгрія: 274.

**Б. УТВАРЬ.****Утварь отъ 1300 до 1400 г.** Стр. 276—304.

Источники для ея изученія 276. Вліяніе архитектурнаго стіля на формы утвари 277. Отдѣлка и орнаментация 278. Состояніе ремеслъ 278; устройство цеховъ и ихъ усиленіе 279; ремесленная техника 280.—Золотыхъ-дѣлъ-мастерство 280; эмальрное—281; стеклянные издѣлія 281; ювелирное искусство 282; рѣзьба изъ кости 282; древодѣльное мастерство 283; кузнечное, литейное—283; гончарное—284; тканье, вышиванье 285.

Утварь церковная: свящ. сосуды 285 (ихъ формы и отдѣлка). Прочая церк. утварь (алтари, каедры, сѣдалища, клиросн. сидѣнья и пр.) 289; шкафы и сундуки 290; панорама, подсвѣчники 291; нагревательные снаряды и мелкая утварь 292.—Домашняя утварь: дорогіе сосуды 293; столовая посуда: 294.—Мебель: ея формы и отдѣлка вообще 298. Сундучки 299, сѣдалища (троны и тронныя кресла 299, почетныя сидѣнья 300, стулья, кресла, лавки и др. 300); сундуки, баулы, столы (горки, буфеты) 301; кровати (дѣтскія люльки) 302. Мелкая утварь (зеркала, сундучки, часы, колокольчики) 302.

**Утварь отъ 1400 до 1500 г.** Стр. 304—334.

Состояніе ремеслъ 304—307. Формы утвари и ея отдѣлка 307.—Церковная утварь: сосуды 308; алтари, каедры, клиросныя сидѣнья 309.—Домашняя утварь: дорогіе сосуды 313; столовыя принадлежности (фонтаны, треножники, судки 313; плато, солонки 314; сосуды для питья и ихъ названія 315; столовые приборы 316.—Мебель: ея отдѣлка 317; кресла и стулья 318; пулты и люстры 319; сундуки, шкафы 320; столы, поставцы, горки 321; кровати 322. Мелкая утварь 322. Картины 323.—Домашнее убранство среднихъ классовъ 323.

Игральныя приборы отъ 1300 до 1500 г.: кости, шахматы и шашки 323; карты 324. Музыкальныя инструменты: цеховыя музыканты и ихъ инструменты 325; органы 326; духовыя инстр. 326, ударныя 326, струнныя и смычковыя 327.

Земледѣльческія орудія, охотничьи снаряды, экипажи отъ 1300 до 1500 г. 327.

Воинскій снарядъ отъ 1300 до 1500 г.: пушки, ихъ введеніе 329, ихъ изготовленіе 331. Пушечныя станки и лафеты 331.—Стѣнныя и камнеметныя машины и ихъ устройство 333.

Погребальная утварь отъ 1300 до 1500 г.: 334.

Указатель рисунковъ стр. 335—343.

ПОПРАВКИ:

- Стран. 75—стр. 20 связу: л. б.: pretium laborum non vile:  
— 133 и 135, въ заглавіи, вм. 1350—1400 д. б. 1300—1350.  
— 167 стр. 7 св. вм. франкское д. б. франконское.  
— 189 и 191, въ заглавіи, вм. 1300—1350 д. б. 1350—1400.
-

## ВВЕДЕНІЕ.



### ВНѢШНІЙ БЫТЪ ВЪ 12 И 13 СТОЛѢТІЯХЪ <sup>1</sup>.

Всюду, куда ни проникалъ Римскій мечъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ римскаго владычества водворялись и римскіе нравы и обычаи, какъ главнѣйшія его основы. Гордый сознаниемъ своего всемірнаго господства, Римъ не признавалъ иной цивилизаціи, кромѣ римской и навязывалъ её побѣжденнымъ народамъ, не обращая вниманія на ихъ индивидуальныя особенности. Такимъ образомъ еще задолго до вторженія сѣверныхъ племенъ въ предѣлы римской имперіи, римская образованность уже царилъ въ большей части Галліи, Испаніи, Британіи и придунайскихъ земляхъ, не говоря уже о восточныхъ областяхъ, изъ которыхъ въ особенности Византія своимъ развитіемъ была обязана единственно Риму.

Съ разложеніемъ римскаго міра и окончательнымъ разрушеніемъ имперіи германскими племенами сила римскаго меча была навсегда сломлена, но римскій обычай успѣлъ уже укорениться повсюду настолько прочно, что даже сами побѣдители не могли не подчиниться его вліянію. Онъ былъ для нихъ богатымъ наслѣдіемъ ниспосланнымъ судьбой и они свободно и съ полною готовностію вступили въ обладаніе имъ.

Но у этихъ сѣверныхъ племенъ были свои, имъ свойственныя народныя особенности и притомъ уже получившія свое, изъ самой сущности ихъ вытекавшее, опредѣленное выраженіе. Какъ въ своихъ понятіяхъ о порядкѣ, нравственности и законности, такъ и въ своемъ внѣшнемъ бытѣ племена эти показали себя не просто грубыми завоевателями, а завоевателями способными усвоить себѣ завоеванное, и самодѣтельно переработать его въ одно цѣлое съ своими собственными особенностями. Но вынесенные ими изъ ихъ первоначальныхъ жилищъ зачатки внѣшней культуры были слишкомъ ничтожны сравнительно съ утонченными формами римской жизни, чтобы такая переработка могла удасться, и побѣдителямъ пришлось мало по малу совершенно подчиниться вліянію побѣжденных и стать въ теченіи по крайней мѣрѣ восьми вѣковъ носителями римскаго преданія.

<sup>1</sup> Подробности и указаніе источниковъ см. Внѣш. бытъ народ. Т. II. Пер. И. Васильева М. 1875.

Какъ ни плодотворно для самостоятельнаго развитія сѣверныхъ племенъ было появленіе Карла Великаго и послѣдовавшее затѣмъ образованіе изъ нихъ трехъ могущественныхъ политическихъ тѣлъ — Германіи, Франціи и Италіи, они во всей своей внѣшней обстановкѣ, особенно въ одеждѣ и утваря, продолжали неизмѣнно держаться древнеримскихъ образцовъ, хотя и начали уже присматриваться въ то же время къ болѣе пышнымъ образцамъ византійскимъ. О самостоятельной выработкѣ своихъ народныхъ формъ у нихъ не было еще и помину. Со временъ Карла Великаго они начинаютъ лишь испытывать свои силы въ подражаніи и только послѣ долгихъ и трудныхъ усилій приходятъ къ переработкѣ заимствованнаго согласно съ пробудившимся между тѣмъ самобытнымъ чувствомъ формы.

Самые ранніе и еще крайне грубые результаты этой переработки появились не ранѣе 10-го вѣка. Всѣ они были посвящены почти исключительно Церкви и заключались въ постройкѣ церквей и изготовленіи принадлежностей богослуженія. Такъ продолжалось до конца 12-го вѣка, когда выработанныя въ этой области формы стали мало по малу примѣнять и внѣ ея предѣловъ, именно къ постройкѣ свѣтскихъ зданій и изготовленію утвари вообще. Что же касается одежды, то она и теперь сохраняла свои старинныя, традиціонныя формы, измѣнялись лишь матеріи и украшенія по мѣрѣ того какъ совершенствовались производившія ихъ мастерства.

Народно-германское творчество было еще слишкомъ связано вліяніемъ классическаго преданія и духовенствомъ, чтобы быть въ состояніи выразить во всей полнотѣ и въ опредѣленныхъ формахъ всю присущую ему внутреннюю силу. Не прежде какъ когда народъ достигъ полнаго сознанія равноправности церковной и свѣтской власти и правъ личности, удалось ему разорвать эти узы и вполне отдаться давно уже пробудившемуся въ немъ и въ тиши лелѣмому стремленію къ самобытному творчеству.

Только при Фридрихѣ I и лишь послѣ того какъ онъ, около 1177 г., заставилъ папу Александра III признать равенство церковной и свѣтской власти — народная жизнь прониклась тѣмъ всеоживляющимъ чувствомъ духовной независимости, безъ котораго невозможно никакое самостоятельное творчество. Въ продолженіи послѣдовавшей затѣмъ борьбы за полное освобожденіе свѣтской власти отъ папства, борьбу, которою руководилъ проницательный умъ Фридриха II, открылась возможность и гражданамъ образоваться въ самостоятельное третье сословіе и стать на ряду съ духовенствомъ и рыцарствомъ. Если новое сословіе и не вдругъ смогло опрокинуть всѣ преграды, которыми его тѣснили два старѣйшихъ сословія, оно всё таки приобрѣло немало средствъ для того, чтобы, съ одной стороны, заставить рыцарство уважать свое положеніе и черезъ это проложить путь къ сближенію обоихъ сословій, а съ другой — и самому воспитаться къ самостоятельной дѣятельности и вступить въ состязаніе съ духовенствомъ въ принадлежавшей дотолѣ исключительно послѣднему области знанія и искусства. Освободившись отъ стѣнявшихъ его дотолѣ оковъ, германскій геній получилъ возможность стать самостоятельнымъ и давать своимъ произведеніямъ лашъ ему одному свойственную форму выраженія. Эта самостоятельность выразилась прежде всего въ сферѣ искусства тѣмъ, что уже въ концѣ 12-го

вѣка, рядомъ съ исключительно господствовавшимъ до тѣхъ поръ романскимъ стилемъ появился отличный отъ него стиль германскій. Зародившійся въ сѣверной Франціи, но развившійся до полнѣйшей чистоты, къ какой онъ только былъ способенъ, преимущественно въ Германіи въ началѣ 13 вѣка, стиль этотъ выразился, совершенно соответственно духу его произведшему, въ разрѣшеніи тяжелыхъ традиціонныхъ формъ въ болѣе легкія и свободныя образованія и притомъ такой органической цѣльности, что они скоро вытѣснили прежнія. Правда, что новый стиль, подобно романскому, осуществился прежде всего въ архитектурѣ, именно церковной, но какъ, непосредственное произведение народнаго духа, онъ не могъ не высказаться и въ формообразованіи всей вообще вещественной обстановки, какъ напр. въ формахъ утвари и даже въ покроѣ одежды, который впрочемъ измѣнялся очень медленно, такъ какъ въ одеждѣ, болѣе всего зависящей отъ личнаго вкуса, крѣпко держались привычныхъ старинныхъ формъ и неохотно рѣшались мѣнять ихъ на новыя. Даже въ 13 и въ концѣ 14 вѣка одежда носитъ еще очень явныя слѣды своего древнеримскаго происхожденія, какъ это видно по современнымъ изображеніямъ ея на рисункахъ рукописей и другихъ памятникахъ того времени.

#### Одежда.

Въ концѣ 12 столѣтія мужскую одежду составляли очень узкіе, плотно обтягивавшіе ноги штаны (бывшіе въ употребленіи у Римлянъ уже въ 5 вѣкѣ), туникоподобная рубашка, совершенно похожая на древнеримскую тунику, верхняя одежда, кафтанъ, съ короткими или длинными узкими рукавами, и похожій на римскій *sagum* или *paludamentum* плащъ (фиг. 1.). Рубашка была обыкновенно полотняная, какъ и у Римлянъ, съ короткими рукавами; кафтанъ (Roc)—изъ шерстяной или шолковой матеріи, плащъ обыкновенно тоже шерстяной, но у знатныхъ и богатыхъ людей отороченный дорогими каймами также какъ и ихъ кафтаны. Было также принято носить кафтанъ сшитый изъ двухъ разноцвѣтныхъ половинокъ, какъ это дѣлалось для штановъ уже съ 10-го вѣка, и удлинять носки обуви по модѣ изобрѣтенной около 1089 г. графомъ Фулько Анжуйскимъ.

Оставляя въ сторонѣ эти послѣднія особенности, касающіяся главнымъ образомъ только отдѣлки описанной одежды, нельзя не видѣть, что всё различіе ея отъ древне-римской заключалось лишь въ томъ, что верхняя одежда (Roc) постепенно утрачивала свою полноту, становилась уже, и что подолъ ея иногда вырѣзывался зубчиками (фиг. 2 b).

Въ этой, въ сущности едва измѣненной, формѣ верхняя одежда оставалась почти до половины 13-го вѣка, когда она получила большую длину и, можетъ быть вслѣдствіе ея удлинненія, прежній короткій плащъ былъ замѣненъ тоже болѣе длиннымъ (фиг. 3 a. b). Новая одежда, доходившая до ступней, опять таки была подобіемъ древне-римской *tunica talaris*, отличающаяся отъ нея тѣмъ, что или вовсе не имѣла рукавовъ (фиг. 3. c), или же

была снабжена длинными и широкими висячими рукавами и нерѣдко, широкимъ остроконечнымъ кашономъ (капучею: фиг. 4 с). Въ этомъ последнемъ

Фиг. 1.



Фиг. 2.



видѣ она замѣняла плащъ и называлась въ Германіи *Warkus*, *Karre* и *Scharren*, между тѣмъ какъ безрукавная верхняя одежда носила названіе

Фиг. 3.



Фиг. 4.



*Sukkenie*. Самый плащъ, который обыкновенно накидывали на одно правое плечо, съ половины 13 вѣка стали надѣвать на оба плеча (фиг. 1; фиг. 5.)

По мѣрѣ того какъ одежда, суживаясь, стала отчетливѣе обозначать формы тѣла, отдѣлка ея сдѣлалась проще. Теперь уже обращали болѣе внима-

ніе на красоту и свободное паденіе складокъ, а потому главное достоинство одежды полагали въ тонкости и добротности матерій, изъ которыхъ её дѣлали. Кромѣ шелковыхъ тканей, которыя все еще изготовлялись на Востокаѣ,

Фиг. 5.



въ Сициліи и Испаніи, употребляли, не менѣе впрочемъ дорогія, большею частью одноцвѣтныя сукна, изготовленіемъ которыхъ отличались Нидерланды, обыкновеннѣе же всего льняныя ткани. Обычай носить разноцвѣтно-половинчатую одежду, цвѣта которой опредѣлялись цвѣтами гербовъ, перешолъ отъ высшаго дворянства къ богатымъ гражданамъ, которыя въ сочетаніи цвѣтовъ руководились уже не требованіями геральдики, а собственнымъ вкусомъ. Украшенія, отрѣшившись отъ собственно одежды, получили болѣе самостоятельное значеніе, т. е. не какъ прикрасы, но какъ драгоценныя вещи сами по себѣ. Ихъ составляли главнымъ образомъ перстни, головные обручи, или *Schapeln*, украшенные дорогими камнями пояса, шейныя цѣпочки и особенно красиво сформованныя пряжки къ плащамъ (*Fürsprangen. Tasseln*).

До половины 13 вѣка древнеримскій обычай ходить съ открытою головою оставался почти во всей силѣ. Но съ тѣхъ поръ въ средѣ высшихъ классовъ становится нѣкоторымъ образомъ требованіемъ приличія выходить изъ дому не иначе какъ съ покрытою головою. Вслѣдствіе этого, къ употреблявшимся иногда уже и прежде круглымъ шапкамъ, прибавились разнаго рода болѣе или менѣе богато отдѣланныя головные уборы въ видѣ колпаковъ (*Bundhauben*), отороченныхъ мѣхомъ шапокъ, и различныхъ островерхихъ шляпъ изъ мягкой и твердой матеріи, иногда съ завернутыми полями.

Изъ шляпъ наиболѣе любимыми были англійскія, сплошь покрытыя павлиньими перьями, такъ наз. Pfavenhüte.

Къ дальнѣйшимъ принадлежностямъ мужскаго туалета причислялись уже вышеупомянутые головные обручи, металлическіе съ драгоценными камнями, или вышитые (Schapel или Schappelin)—ихъ носили впрочемъ только молодые люди; затѣмъ небольшіе, красиво отдѣланные кармашки или сумки, подвѣсивавшіяся къ поясу, и перчатки, обыкновенно изъ толстой кожи и съ раструбами. Перчатки сначала надѣвали только на охотѣ или въ дорогѣ.

Женская одежда состоявшая подобно мужской изъ полотняной рубашки, надѣвавшаяся поверхъ нея платья (Rock) и накидки (фиг. 6), при общемъ сходствѣ съ древнеримскою, уклонилась однакожъ отъ нея въ нѣкоторыхъ частностяхъ и притомъ сравнительно гораздо ранѣе чѣмъ мужская — что конечно объясняется свойственною женскому полу склонностью къ всѣмъ касающимся внѣшности нововведеніямъ. Уклоненія эти къ концу 12 вѣка, заключались въ уменьшеніи объема верхней одежды и въ измѣненіи формы ея рукавовъ. Что касается суживанья верхней одежды, то оно шло постоянно усиливаясь и дошло наконецъ до того, что верхняя часть ея стала совершенно плотно обхватывать туловище, отчетливо обрисовывая его формы, а потомъ дѣлалась даже съ разрѣзами на бокахъ стягивавшимися шнуровкою. Простые рукава превратились въ широкіе висячіе, которые или расширялись начиная отъ самого плеча, или шли въ обтяжку до самой кисти и оканчивались чрезвычайно широкимъ раструбомъ. Вскорѣ затѣмъ увеличена была и длина платья, до того что подолъ его тащился сзади длиннымъ шлейфомъ (фиг. 7).

Фиг. 6.



Эта уродливая мода, противъ которой не замедлило возстать и духовенство на соборѣ въ 1195, вскорѣ уступила мѣсто другой, противоположной. Перемена обнаружившаяся уже въ началѣ 13 вѣка состояла въ томъ, что висячіе рукава были совершенно оставлены и всё платье получило видъ безрукавной одежды, по покрою сходной съ древнеримскою tunica talaris. Оно вскорѣ было принято и мужчинами и съ тѣхъ поръ оба пола стали носить одежду совершенно одинаковую какъ въ отношеніи матеріи, отдѣлки, такъ и въ отношеніи покрою; женская одежда была только гораздо длиннѣе мужской, такъ что при ходьбѣ её подбирали съ боковъ (фиг. 8 с).

Безрукавная одежда, изъ которой вскорѣ выработались другія подобныя ей одежды съ рукавами, тоже принятыя мужчинами, сдѣлалась съ этихъ поръ, вмѣстѣ съ старинною рукавною туникою, главною одеждою. Такъ какъ её носили обыкновенно неподпоясанною (вѣроятно преимущественно для того, чтобы скрыть слишкомъ узкую нижнюю тунику), то бывшіе дотолѣ въ употребленіи красивые пояса были оставлены какъ ненужные, или же если и надѣвались, то просто какъ украшеніе. Остальныя украшенія жен-

скія были совершенно сходны съ мужскими и также какъ и эти послѣднія съ упрощеніемъ отдѣлки одежды получали болѣе самостоятельное значеніе.

Почти одновременно съ этими измѣненіями одежды измѣнялись и головныя уборы. Общераспространенные еще въ концѣ 12 ст. шапочки (Нау-

Фиг. 7.



ben) и тюрбанобразныя повязки (фиг. 6 и 7) были замѣнены съ начала 13 вѣка красивыми баретами, большею частью съ мѣховою опушкою (фиг. 8), платками, покрывалами, головными сѣтками и вышеупомянутыми шляпами изъ павлиныхъ перьевъ. Замужнія женщины и теперь еще, какъ и прежде, довольствовались длиннымъ и широкимъ платкомъ (у иѣмцевъ: Rise), которымъ они закутывали себѣ голову, обвертывая концы его нѣсколько разъ вокругъ шеи. Дѣвушки и молодыя женщины носили бареты съ двумя лентами (Gebende), изъ которыхъ одну повязывали вокругъ лба, а другую вокругъ щекъ и подбородка. Кроме того, онѣ носили, по примѣру молодыхъ мужчинъ, металлическіе головные обручи, вышитыя повязки и т. п. украшенія, которыя особенно вошли въ моду въ началѣ тринадцатаго столѣтія, когда было принято распускать волосы по плечамъ, а не зачесывать ихъ сверху какъ прежде.

Женская обувь осталась при своихъ прежнихъ формахъ и временно принятая въ 12 ст. мода на остроконечныя носки была скоро оставлена и не перешла въ слѣдующее столѣтіе.

Также какъ и мужчины (но вѣроятно даже гораздо раньше мужчинъ и несомнѣнно чаще) женщины носили перчатки и небольшіе красивые мѣшечки,

а съ конца 13 столѣтія и маленькія ручьяя зеркальца въ деревянной или костяной рѣзной оправѣ, которыя подвѣшивали сурками къ поясу.

Фиг. 8.



Всѣ до сихъ поръ указанныя отклоненія отъ стариннаго покроя одежды получили свое начало въ средѣ знатнаго сословія, а потому въ ней и достигли своего наиболѣе опредѣленнаго выраженія. Среднее сословіе и завистѣвшіе отъ него служебные классы удержали свою прежнюю одежду, изготовленную изъ болѣе грубыхъ матерій. Только съ половины 13 вѣка, когда мѣщанство (*Bürgerthum*) завоевало себѣ болѣе самостоятельное положеніе и достигло большаго благосостоянія, благодаря своей промышленной дѣятельности, — пробудилось и въ немъ желаніе и стремленіе не уступать вышнимъ классамъ ни въ чемъ касавшемся внѣшней представительности, а слѣдовательно и въ одеждѣ. Это стремленіе сообщилось отъ средняго сословія и служебнымъ классамъ, а отчасти даже и зажиточнымъ крестьянамъ (въ австрійскихъ земляхъ) и привело къ довольно значительному измѣненію отношеній долготѣ существовавшихъ между этими классами.

Несравненно долѣе удержались формы древнеримской одежды въ церемониальномъ царскомъ одѣянніи. Ибо не смотря на то что и оно испытало не мало измѣненій, измѣненія эти касались только его украшеній, отдѣлки и формы такихъ его принадлежностей, какъ корона, скипетръ и т. п., само же одѣяніе осталось почти безъ перемѣны такимъ же, какимъ оно было въ началѣ т. е. во всемъ сходнымъ съ одѣяніемъ древнеримскихъ императоровъ. Оно состояло изъ длинной и широкой бѣлой туники подпоясанной драгоценнымъ поясомъ, и пурпурной мантии (фиг. 9).

Совершенно противоположное замѣчается въ постепенномъ образованіи вооруженія. Въ немъ уже очень рано, можетъ быть раньше чѣмъ во всемъ

остальномъ, были откинуты римскія преданія, такъ что уже въ началѣ 11-го вѣка отъ нихъ почти не оставалось и слѣдовъ. Употребленіе меча какъ

Фиг. 9.



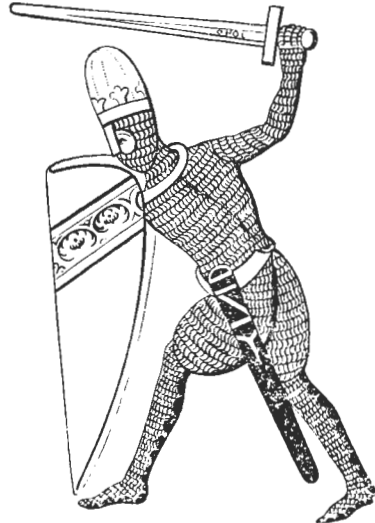
главнаго оружія, вмѣсто римскаго длиннаго копья и тяжелаго дрота (pilum), уже само по себѣ обуславливало необходимость такого вооруженія, которое служило бы тѣлу надежной защитой въ (рукопашномъ) близкомъ бою. Этой цѣли болѣе всего соотвѣтствовала кольчуга, употреблявшаяся, но всегда рѣдко, и римлянами, а отъ нихъ перенятая впоследствии и древними галлами. Поэтому кольчуга сдѣлалась любимымъ вооруженіемъ германскихъ племенъ и особенно у нихъ получила дальнѣйшую выработку. Уже въ теченіи названной эпохи полное вооруженіе благороднаго воина состояло изъ покрывавшаго всё тѣло кольчужнаго (иногда чешуйчатого, болѣе древняго) доспѣха, желѣзнаго круглаго шлема, щита и нападательнаго оружія (фиг. 10).

Въ такомъ видѣ, съ немногими измѣненіями, введенными въ него въ 12 ст. (фиг. 11), оно оставалось въ продолженіе всего 13 ст. и даже позднѣе

Фиг. 10.



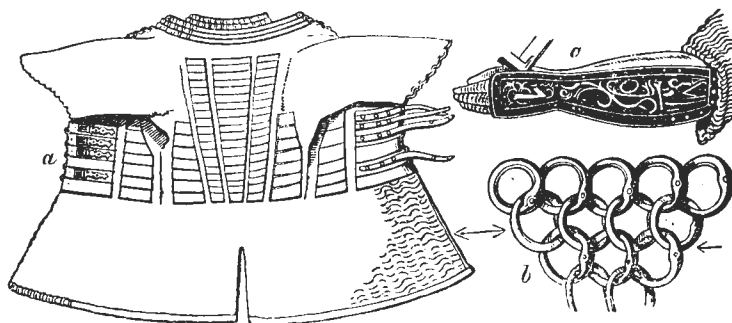
Фиг. 11.



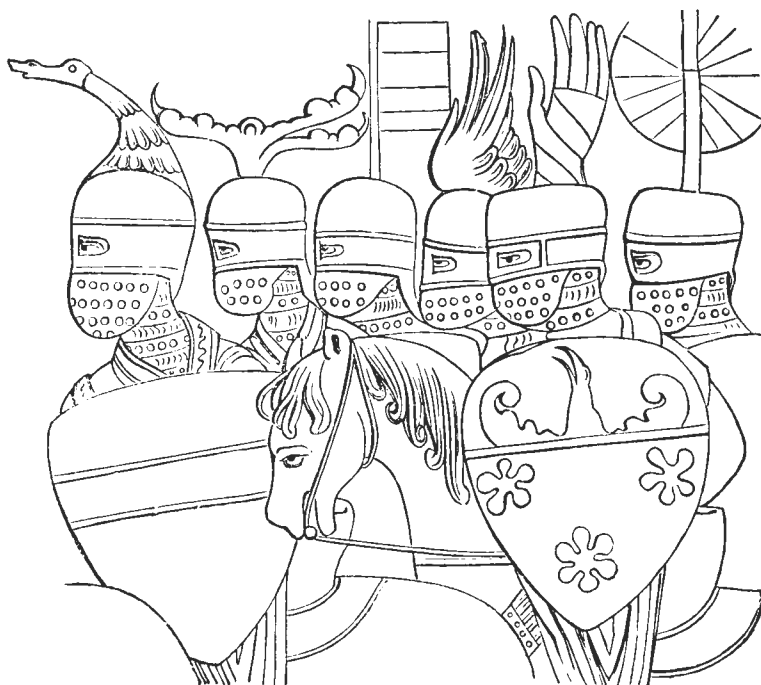
всё еще было очень распространено, хотя и начало постепенно замѣняться болѣе удобнымъ и искуснѣе выработаннымъ тоже кольчужнымъ вооруженіемъ. Разница между этими вооруженіями состояла въ томъ, что у старинныхъ кольчугъ металлическія кольца были нашиты, какъ чешуи на чешуй-

чатомъ панцырь, на толстую стеганую подкладку и обыкновенно такъ, что кольца одного ряда покрывали до половины кольца слѣдующаго ряда, или же одинъ рядъ колець отдѣлялся отъ другаго кожанюю полоскою; новыя же кольчуги, перенятыя вѣроятно въ концѣ 12 ст. отъ восточныхъ народовъ, состояли изъ небольшихъ колець, изъ коихъ каждое захватывало четыре сосѣднія колечка и было крѣпко запаяно наглухо (фиг. 12 b), такъ что всё вооруженіе казалось связаннымъ изъ желѣзныхъ петель. Современный стихотворецъ увѣряетъ, что носить его и двигаться въ немъ было такъ же легко и удобно, какъ въ полотняной одеждѣ. Значительныя преимущества этого вооруженія передъ прежнимъ имѣли послѣдствіемъ быстрое распространеніе его сначала между богатыми и знатнѣйшими война-

Фиг. 12.



Фиг. 13.



ми, а затѣмъ, съ удешевленіемъ его, и между менѣе состоятельными. Этому быстрому распространенію не мало способствовало также и то обстоятельство, что новымъ способомъ можно было изготовлять кольчатые наожники, перчатки и шапки, которыя до тѣхъ поръ дѣлались только очень неуклюже.

Вмѣстѣ съ введеніемъ кольчатого доспѣха (подъ который надѣвали кожаный или стеганный поддѣвъ), получило новую форму и головное вооруженіе: прежняя обыкновенно открытая металлическая шапка была замѣнена кругловерхимъ шлемомъ съ спускавшимся до плечъ забраломъ, въ которомъ были прорѣзаны щели для глазъ. Съ этихъ же поръ начали украшать шлемы гребнями съ панашемъ (*Sendelbinde*), обыкновенно изъ шолка (*sindal*), и вмѣсто прежнихъ длинныхъ щитовъ носить небольшіе сердцеобразные или трехугольные, съ какимъ нибудь символическимъ изображеніемъ или съ гербомъ владѣльца (фиг. 13).

Съ конца 12 ст. начало входить въ обыкновеніе поверхъ описаннаго вооруженія надѣвать родъ безрукавной рубашки, такъ наз. *Waffenhemd*. Эта одежда, первоначально вѣроятно надѣвавшаяся для защиты тѣла отъ дѣйствія солнечныхъ лучей на желѣзо и для предохраненія дорогаго вооруженія отъ пыли и дождя—походила на обыкновенную безрукавную одежду, *Scharpen*, была только короче ея и для удобства при верховой ѣздѣ имѣла спереди и сзади разрѣзы (фиг. 14 а; ср. фиг. 3 с), а позднѣе приняла форму нарамника (фиг. 14 б). Первоначально она была проста, но сдѣлалась ма-

Фиг. 14.

Фиг. 15.



ло по малу роскошнымъ одѣвіемъ, которое изготовляли изъ дорогихъ матерій и украшали различными вышивками, чаще всего изображеніями фамиль-

Фиг. 16.



наго герба (фиг. 15). Съ половины 13 вѣка къ полному рыцарскому вооруженію были прибавлены небольшіе богато украшенныещиты, которые навѣшивались на грудь, а за тѣмъ и боевыхъ коней стали одѣвать въ кольчуги, сверху покрытыя вышитыми пононами (фиг. 16).

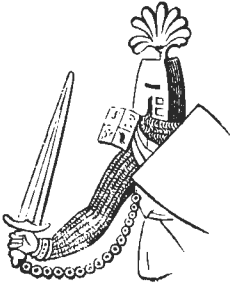
Въ концѣ 13 вѣка появилось новое вооруженіе, превзошедшее прежнее не только удобствомъ и красивою, но и прочностью. Оно называлось *Kogazin* или *Jaserin*, и было какъ бы соединеніемъ *Waffenhemd*'а съ стариннымъ почти оставленнымъ чешуйчатымъ панциремъ. *Waffenhemd*, сшитый изъ прочной матеріи, обыкновенно кожи, съ бархатнымъ или шелковымъ верхомъ, подкладывался металлическою чешуею. Концы штифтиковъ, которыми прикрѣплялись изнутри отдѣльныя чешуи, пропускали наружу и обдѣлывали въ

Фиг. 17.



видѣ пуговокъ, иногда золотили и усаживали камнями, что придавало особенную красоту вооруженію, которое сверхъ того было легко и гибко. По своей дороговизнѣ оно однакожъ не вдругъ вошло въ употребленіе, по крайней мѣрѣ какъ боевое вооруженіе, но за то не осталось безъ вліянія на прежнее въ томъ отношеніи, что и то стали обкладывать, сначала на груди и вдоль плечъ и предплечій, а потомъ на сгибѣ ногъ и по длинѣ ихъ, валиками и полосами изъ твердой кожи или металлическихки, — послѣдними обыкновенно обкладывали концы рукавовъ въ видѣ нарукавниковъ (фиг.

Фиг. 18. 17 а. в. с).



Нападательное оружіе за всё это время не испытало почти никакихъ измѣненій или только незначительныя. Главнымъ оружіемъ оставался по прежнему мечъ, измѣнившійся лишь въ томъ отношеніи, что онъ сталъ длиннѣе и остроконечнѣе; перевязь, на которой его носили, застегивалась уже на пряжку, а не захлестывалась какъ прежде (фиг. 10; ср. фиг. 14 и 17 а. с.). Къ концу 13 вѣка мечъ вмѣстѣ съ кинжаломъ носили иногда на цѣпочкахъ, при-

крѣпленныхъ къ нагруднику (фиг. 18 и 17 с.). Другое главное оружіе — копье тоже получило большую длину, а потому и большее значеніе въ бою. Древо рыцарскихъ копій ра-

Фиг. 19.



снисывали или инымъ образомъ украшали, а подъ остриемъ копья прикрѣпляли значекъ въ видѣ флюгера. — Изъ остальнаго оружія нѣсколько измѣнились одни только арбалеты: съ 12 ст. они стали меньше и прежній способъ натягиванья ихъ былъ замѣненъ болѣе удобнымъ.

Церковное облаченіе, не смотря на то, что въ немъ особенно старались сохранить свойственную и ему древнеримскую основную форму, какъ освященную преданіемъ, уклонилось отъ нея въ западной церкви еще до начала 11 вѣка и притомъ въ такой степени, что изо всѣхъ частей, составлявшихъ въ 13 вѣкѣ облаченіе высшихъ сановниковъ церкви — папы, архіепископовъ и епископовъ — одна только риза, *roenula*, обнаруживала свое римское происхожденіе (ср. фиг. 19 а. в.). Части эти были слѣдующія:

1. Чулки (*tibialia, caligae*): они были длинны, сшиты изъ бархата или шолковой матеріи, обыкновенно темнофіолетоваго цвѣта, и подвязывались пришитыми къ нимъ подвязками.

2. Башмаки (*sandalia, calceamenta*) въ формѣ полусапожекъ или ботинокъ изъ матеріи или кожи ярко-краснаго цвѣта, вышитые золотомъ или отороченные каменьями, жемчугомъ и т. п.

3. Наплечникъ (*amictus, superhumerale*)—большой четверугольный платъ, на углахъ котораго съ одной стороны были пришиты петли, а съ другой ленты или тесемки. Назначеніемъ этого плата было предохранить шею отъ тренія объ одежду и вмѣстѣ защитити её отъ простуды, а потому его и надѣвали такъ, что вся шея была имъ закутана: положивъ его на голову тою стороною, гдѣ были петли, напередъ, такъ чтобы концы его равномерно свѣшивались на грудь, его сдвигали назадъ на шею и потомъ, тесемки, пришитыя къ задней сторонѣ, пропускали подъ мышками въ петли передней стороны, перекрещивали на спинѣ и связывали концами на груди.

4. Альба (*alba, camisia, poderis, tunica talaris*): длинная, надѣвавшаяся черезъ голову, одежда съ рукавами. Она дѣлалась изъ полотна или бѣлой шолковой матеріи и иногда прошивалась напереди узкою цвѣтною полоскою (на подобіе древнеримской *angusticlavia*), а по подолу оторачивалась узорочною каймою. Ее подпоясывали —

5. Поясомъ (*cingulum, zona, balteus*) такой длины, что концы его спускались до половины бедра. Поясъ былъ тоже вышитъ, и кромѣ того, концы его иногда обшивались бахрамою съ маленькими золотыми бубенчиками или колокольчиками.

6. Стола (*stola, orarium*) — широкая и длинная лента изъ шерстяной или шолковой матеріи. Ее надѣвали сверхъ альбы вокругъ шеи такъ что оба конца ея спускались вдоль груди до самыхъ ступней. Иногда она бывала еще длиннѣе и тогда её перекрещивали на груди и подпоясывали поясомъ. Главное украшеніе столы составляли нашитые на ней латинскіе кресты; концы ея были обшиты бахрамою или кистями.

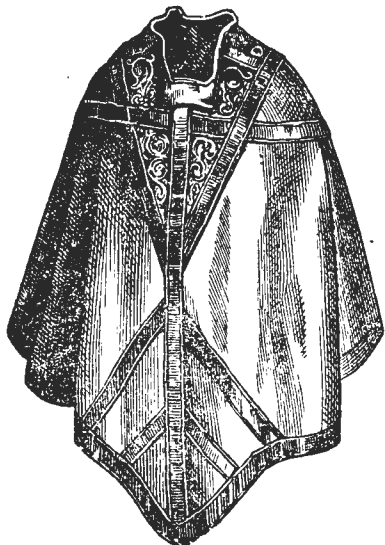
7. Наручникъ (*manipula, mappula, phanon*)— съ 12 вѣка подобная столѣ, но болѣе короткая лента, которую носили на рукѣ какъ украшеніе.

8. *Dalmatica* и *tunicella*— двѣ длиннорукавныя одежды неравной длины и ширины и разнаго цвѣта. Первая, болѣе длинная и широкая, обыкновенно краснаго цвѣта; послѣдняя, болѣе короткая и узкая, бѣлаго. Онѣ надѣвались поверхъ альбы или обѣ вмѣстѣ (сначала бѣлая, потомъ на нее красная), или только одна красная. Вдоль боковыхъ швовъ и по нижнему краю онѣ были украшены вышитыми каймами. Иногда у далматикъ на обоихъ бокахъ дѣлались надрѣзы отъ края вверхъ до известной высоты, или полукруглыя выемки, а по нижнему краю нашивались золотыя бубенчики, какъ на облаченіи іудейскихъ первосвященниковъ.

9. Риза (*paenula, planeta, casula, casubula*). Какъ въ альбѣ (*alba*) удержался покрой древнеримской *tunica talaris*, такъ и риза сохранила фор-

му древнеримской пераснашной верхней одежды того же имени (*paenula*). Главное различіе между ними состояло лишь въ томъ, что ризы (фиг. 20) дѣлали

Фиг. 20.



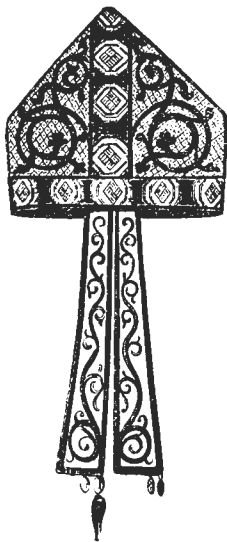
всегда изъ дорогой матеріи и богато украшали золотымъ шитьемъ, драгоценными каменьями, жемчугомъ и т. д. Эта отдѣлка бывала иногда такъ неумѣренно роскошна, что дѣлала самую одежду слишкомъ тяжелою для ношенія и неудобною для надѣванія. Для устраненія этого неудобства, на бокахъ ризы дѣлались разрѣзы, или они подтягивались кверху посредствомъ снурковъ.

10. Перчатки (*manicae, chirothecae*). По уставу онѣ должны были быть тканья, а не шитыя (*inconsutilis*). Изготавливали ихъ обыкновенно изъ шолка пурпурнаго цвѣта и вышивали на нихъ крестъ.

11. Перстень (*annulus*), золотой, съ драгоценнымъ камнемъ безъ всякой рѣзбы. При служеніи его надѣвали на безымянный палецъ правой руки.

12. Головной уборъ (*mitra, tiara, infula, phrygium, cidaris* и др.). Митра, образовавшаяся изъ простой круглой шапки, уже около половины 12 вѣка получила ту форму, которую сохранила и до сихъ поръ какъ головное украшеніе епископовъ западной церкви, т. е. форму высокой треугольной шапки, глубоко вдавленной посрединѣ надъ теменемъ, или дѣйствительно составленной изъ двухъ половинокъ соединенныхъ однимъ околышемъ, къ которому сзади пришиты двѣ широкія лопасти (*infulae*) (фиг. 21). Соответ-

Фиг. 21.



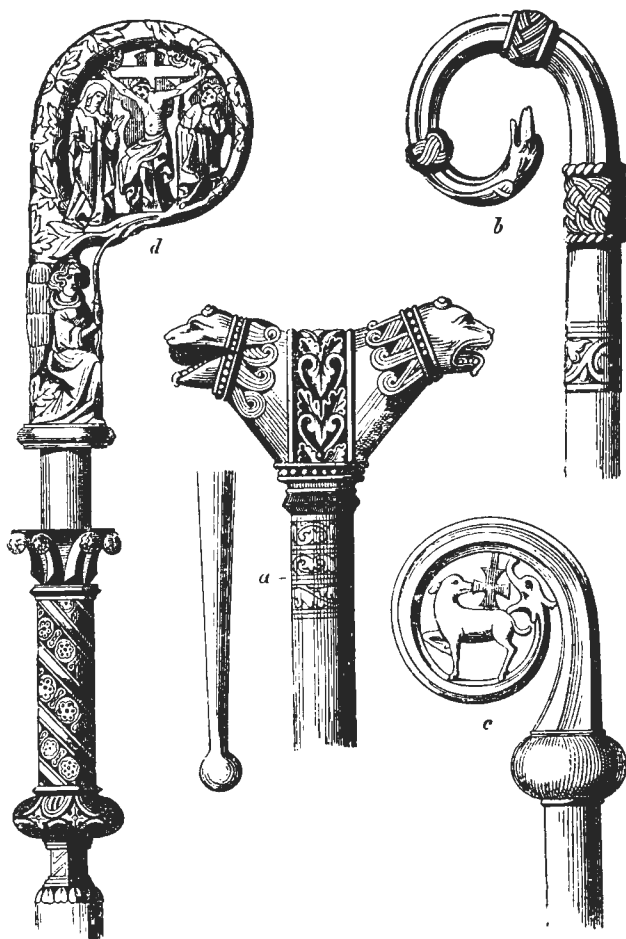
ственно остальному облаченію, митры дѣлались изъ дорогихъ матерій и вышивались золотомъ и жемчугомъ. Особенно богато отдѣлывали околышь митры (*circulus*) и вертикальную полосу (*titulus*) соединявшую его съ вершиной, выкладывая ихъ оправленными въ золото драгоценными каменьями. Такія роскошныя митры (*in titulo et in circulo*) употреблялись, впрочемъ, лишь въ высокаторжественные праздники; въ обыкновенные праздники довольствовались золотомъ вышитыми митрами безъ дорогаго оклада (*sine circulo*), а въ будніе дни носили простыя бѣлыя митры.

Почти одновременно съ епископскою митрою установилась форма головного украшенія папы, какъ главенствующаго епископа. Первоначально папская тиара имѣла видъ высокой конической шапки (ср. фиг. 19), съ такою же среднею полосой и такимъ же околышемъ, какъ и епископская митра. Папа Бонифацій VIII (избр. въ 1294) замѣнилъ околышь вѣщомъ, надъ ко-

торымъ, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, придѣлалъ еще вѣнецъ, обративъ такимъ образомъ тиару въ родъ двойной короны. Къ этимъ двумъ вѣнцамъ Бенедиктомъ XII (1334—1342) или Урбаномъ V (избр. 1362) былъ прибавленъ третій вѣнецъ и тиара стала тройною короною, которую, однакожь, первый началъ носить Урбанъ VI (ок. 1378). Три вѣнца опоясывающіе тиару имѣютъ символическое значеніе.

13. Посохъ (*baculus episcopalis, pastoralis*) — трость отъ 4 до 5 фут. длины съ загнутымъ внутрь верхнимъ концомъ. Сама трость дѣлалась обыкновенно изъ дерева, иногда изъ слоновой кости, верхній же конецъ или крюкъ всегда изъ слоновой кости, причемъ ему давали разныя пластическія формы, напр. свернувшейся змѣи, или украшали его рѣзбою и въ кольцо имъ образуемое, вставляли изображенія изъ христіанской символики, напр. изображеніе агнца и т. п. (фиг. 22 а, б, с.). Въ концѣ 12 вѣка отверстие крюка заплняли иногда медальономъ съ вырѣзанными на немъ сценами изъ свящ. исторіи (фиг. 22); вмѣстѣ съ этимъ и нижнюю часть крюка обработы-

Фиг. 22.



Вѣкъ. v.

2

вали пластически, давая ей, какъ опорѣ верхняго украшенія, форму колонны современнаго стиля.

Къ перечисленнымъ частямъ облаченія слѣдуетъ прибавить различныя украшенія, которыя носили сверхъ него, какъ почетныя отличія. Къ нимъ принадлежали:

14. *Pallium archiepiscopale* — родъ широкой перевязи, которая охватывала плечи и отъ которой спереди и сзади спускались два конца, доходившіе до земли. На ней были нашиты кресты пурпурнаго цвѣта.

15. Нарамникъ (*amiculum, superhumeralе, rationale episcoporum*) введенный, кажется, не ранѣе 12 вѣка. Онъ походилъ на эфодъ еврейскихъ первосвященниковъ и также какъ и тотъ состоялъ изъ двухъ половинокъ, передней и задней, соединенныхъ на плечахъ. Весь онъ покрывался вышитыми изображеніями символическаго значенія. — Къ этой одеждѣ принадлежалъ

16. Наперсникъ (*pectorale или formale*), украшеніе тоже заимствованное отъ облаченія іудейскихъ первосвященниковъ. Это была золотая или серебряная четырехугольная дощечка съ 12 вставленными въ нее каменьями. Она прикрѣплялась къ нарамнику цѣпочками.

Наконецъ, въ разное время были присоединены къ описаннымъ нѣкоторыя одежды, которыя однакожъ по своему происхожденію не могли получить литургическаго значенія. Таковы были:

17. Плащъ (*pluviale, sарра*), принятый въ число церковныхъ одеждъ не ранѣе 10 вѣка. Онъ сохранилъ свою первоначальную форму безъ всякой перемѣны, лишь капишонъ его превратился въ родъ наспинника, или спиннаго щита, который, также какъ и вся одежда, былъ богато убранъ шитьемъ, каменьями, жемчугомъ и т. п.

18. Стихарь (*superpelliceum*; нѣм. *Chorrock*; фр. *rochet*) — одежда мало различающаяся отъ альбы. Такъ какъ онъ не принадлежалъ къ священническому одѣянію, а былъ одеждою церковныхъ прислужниковъ, то и покрой его и отдѣлка могли быть по произволу измѣняемы, вслѣдствіе чего длина его постепенно уменьшалась и наконецъ не переходила за колѣна.

19. Беретъ (*birretum*). Какова была первоначальная форма этого головного убора — достоверно неизвѣстно. Но можно предположить, что въ 12 вѣкѣ онъ уже принялъ видъ плоскостонной круглой шапки; нынѣшнюю же свою форму четырехугольной шапки съ выступающими ребрами и кистью на верху получилъ не ранѣе 17 вѣка.

20. Кардинальская шляпа (*pileus*, также и *galerus ruber*, по своему красному цвѣту), какъ отличительная принадлежность кардинальскаго сана, была установлена Иннокентіемъ IV на ліонскомъ соборѣ въ 1245 г. и тогда же получила свою настоящую форму широкополой шляпы, но безъ боковыхъ шнуровъ и кистей, которые были прибавлены къ ней въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Когда были установлены и остальные отличія кардиналата — красная сутана \*) и такой же беретъ, неизвѣстно, такъ какъ введеніе ихъ приписывается то Бонифацію VIII (ок. 1294), то Павлу II (ок. 1464). —

\*) Какъ извѣстно, нынѣшніе кардиналы носятъ черную сутану, красные чулки и такіе же перчатки; въ торжественныхъ случаяхъ — красную мантию.

Всѣ остальные добавленія къ облаченію, какъ напр. мѣховая накидка, закрывавшая голову и плечи (*almutium*), карманъ или сумка (*bursa*), опухало, гребень и др. не подлежали уставу и потому опредѣлялись личнымъ вкусомъ каждаго, что однакожь не мѣшало, чтобы всѣ эти вещи не отдѣлялись такъ же богато какъ и всѣ прочее.—

Кромѣ кардинальской одежды, принадлежавшей исключительно сану кардинала, тиары, какъ знака папскаго достоинства, и палліума, которымъ архіепископъ отличался отъ епископа,—всѣ описанныя одежды и принадлежности облаченія были общи всѣмъ высшимъ сановникамъ церковной іерархіи. Облаченіе низшаго духовенства состояло изъ альбы, пояса, наплечника (*amictus*), наручника (*manipula*), столы и ризы (*paenula*) для священника; изъ столы (ораря: *orarium*) и стихаря (*dalmatica* и *tunicella*) для діакона; изъ стихаря же (*tunicella*) и наручника (*manipula*) для поддьякона. Длинная бѣлая туника была одеждою церковныхъ прислужниковъ—чтецовъ, придверниковъ, заклишателей (экзорцистовъ) и др., а стихарь и плащъ составляли одежду пѣвчихъ.

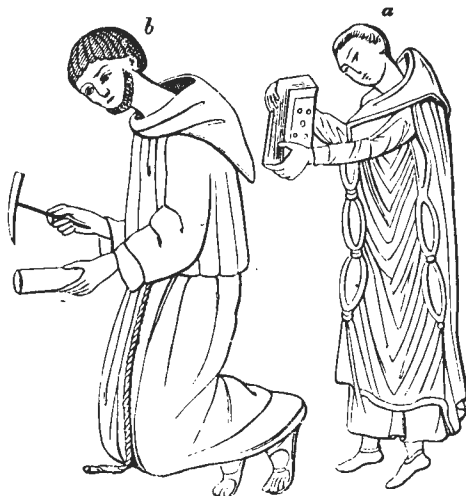
Сравнительно съ тою пышностью, которою отличалось облаченіе высшихъ представителей церкви и которая еще болѣе усилилась вслѣдствіе того что Иннокентій III въ концѣ 12 вѣка установилъ для каждаго большаго праздника облаченіе извѣстнаго цвѣта, — обыкновенная одежда духовенства должна была казаться особенно скромною. Послѣ довольно продолжительнаго сопротивленія, духовенство, при Николаѣ II (1058—1061), должно было совершенно отказаться отъ свѣтскаго платья и постоянно носить особую присвоенную его званію одежду, которою съ половины 13 вѣка и сдѣлался длинный темнаго цвѣта кафтанъ (*сутана*) и такой же плащъ.

Одежда монашествующихъ всѣхъ орденовъ была въ сущности установлена уже въ 6 вѣкѣ постановленіями Бенедикта изъ Нурсіи, опредѣлившими одежду имъ основанныхъ орденовъ; ибо если происшедшіе отъ этихъ послѣднихъ и въ послѣдствіи вновь учреждавшіеся ордена и уклонялись отъ упомянутыхъ постановленій, то эти уклоненія или состояли въ прибавкѣ какихъ нибудь особыхъ отличій, или касались цвѣта одежды, форма же ея, за рѣдкими исключеніями, оставялась неизмѣнною и такую осталась до сихъ поръ. Согласно постановленіямъ Бенедикта существенныя части монашеской одежды суть слѣдующія: длинная до ступней доходящая рубашка или туника; скапулярій — длинная одежда изъ двухъ четырехугольных кусковъ, сшитыхъ на плечахъ, а на бокахъ связанныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ завязками (фиг. 23 а), или же, какъ это было принято съ 12 вѣка, слерживаемыхъ вмѣстѣ поясомъ (ср. фиг. 14 b); *sucillum* — остроконечный капюшонъ съ пелериной, или же снабженный такимъ капюшономъ длинный и широкій кафтанъ съ широкими рукавами (фиг. 23 b); обувь — сандалии, башмаки или ботинки (*pedales* или *caligae*), а для путешествія — *femorales*, роль напозножниковъ. Непремѣнною принадлежностью этой одежды былъ *psalterium* — четки изъ 15 крупныхъ и 150 мелкихъ зеренъ, введенные навѣрное уже ранѣе 12 ст.

Одежду духовныхъ рыцарскихъ орденовъ составляли: короткая бѣлая туника сверхъ брони и широкій плащъ извѣстнаго, для каждаго ордена

особаго цвѣта, съ нашитымъ на него орденскимъ знакомъ, обыкновенно латинскимъ крестомъ. Свѣтскіе рыцарскіе ордена, появленіе которыхъ восходитъ,

Фиг. 23.



самое раннее, къ концу 12 ст., а полный разцвѣтъ только ко второй половинѣ 13 ст., не были подчинены никакому уставу въ отношеніи одежды, которая поэтому зависѣла у нихъ отъ произвола учредителей орденовъ и въ теченіи времени многократно измѣнялась.

### Утварь.

Пока художественная и ремесленная дѣятельность сосредоточивалась въ рукахъ духовенства, она была почти исключительно обращена на возвышеніе церковнаго благолѣпія, и стала оказывать ощутительное вліяніе на улучшеніе бытовой обстановки лишь съ тѣхъ поръ, какъ въ ней приняло участіе и мало по малу стало ея главнѣйшимъ двигателемъ гражданское сословіе—что случилось не ранѣе конца 12 столѣтія. Съ этого времени началось быстрое развитіе всякаго рода производствъ, чему особенно много способствовало учрежденіе цеховъ, давшихъ каждому искусству и ремеслу сродную ему и прочную почву. Сначала и здѣсь, конечно, не вдругъ смогли отрѣшиться отъ преданія и долго еще держались завѣщанныхъ имъ формъ. Полстолѣтіе спустя послѣ появленія въ архитектурѣ новаго стиля, для церковной утвари всё еще довольствовались неизмѣннымъ повтореніемъ тѣхъ же формъ, которыя она заняла отъ романской архитектуры еще въ 10-мъ вѣкѣ. Постепенное отрѣшеніе отъ нихъ и усвоеніе и переработка формъ уже вполнѣ опредѣлившагося къ тому времени „германскаго“ архитектурнаго стиля \*) началось не ранѣе половины 13 вѣка.

\*) Авторъ употребляетъ «германскій» стиль вмѣсто «готическаго», по примѣру Куглера, который хотѣлъ замѣнить послѣдній эпитетъ первымъ, но скоро отказался отъ этого но-

Изъ предметовъ церковной утвари, это новое формообразование было принято сначала къ сосудамъ и изъ нихъ прежде всего къ чашѣ. Ея основная форма, обуславливаемая назначеніемъ, не могла конечно быть значительно измѣнена; но всѣ части ея стали легче, стройнѣе и прежніе неуклюжіе орнаменты на нихъ замѣнились болѣе свободными и болѣе соответственными новому стилю орнаментами.

Къ прочимъ церковнымъ сосудамъ, сохранившимъ свои древнія формы до конца 13 вѣка, принадлежали: *patena* —блюде, которымъ накрывали чашу; *fistula* или *sypho*—трубочка, черезъ которую въ извѣстныхъ случаяхъ принимали освященное вино \*), и значительное количество кружекъ и кувшиновъ (*ampulla, amula, manile*), съ ихъ поддонами и тазами. Всѣ эти сосуды были металлическіе, болѣе или менѣе богато украшенные, и имѣли форму соответствовавшую ихъ назначенію, кромѣ кружекъ, которыя иногда дѣлались въ видѣ разныхъ странныхъ животныхъ, всадниковъ и т. п., причемъ отверстіе сосуда помѣщалось всегда на лбу фигуры (фиг. 24). Къ этому же разряду церковной утвари причислялись: небольшіе сосуды для храненія гостей, ладана и елея (*carpa, ruxis, ruxamelum*) — болшею частью круглой или конической формы (фиг. 25); чаши для святой воды—изъ кости или металла съ орнаментомъ вкругъ; кадила (*thuribula*) очень разнообразнаго вида, искусной прорѣзной работы (фиг. 26), и наконецъ, купели (*piscinae*), каменные и металлическія, обдѣланныя въ архитектурномъ стилѣ съ архитектурными орнаментами, или съ рельефными изображеніями, имѣющими отношеніе къ таинству крещенія.

Фиг. 24.



Гораздо ранѣе чѣмъ на сосудахъ отразилось вліяніе „германскаго“ стиля на предметахъ внутренняго убранства самого зданія—какъ-то алтаряхъ, каюдрахъ, сѣдалищахъ, аналояхъ. Господствовавшія въ нихъ дотолѣ романскія формы—полукруглая арка и кубическая капитель густо орнаментированная, были замѣнены болѣе легкою и стремящеюся кверху стрѣльчатою аркою и растительною капителью, и они постепенно приведены въ возможно полную гармонию съ архитектурою зданія. Такой же переработкѣ въ направленіи новаго стиля подверглись переносные алтари, дарохранильницы, релікваріи—насколько назначеніе этихъ предметовъ допускало эту переработку.

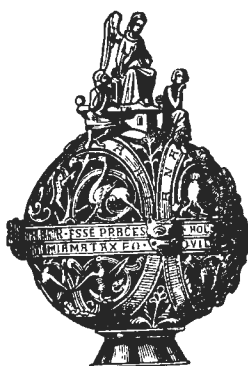
вовведенія, найдя его неправильнымъ—такъ какъ готическій стиль не былъ исключительнымъ достояніемъ германскаго племени и, какъ самъ же авторъ говоритъ выше, даже возникъ не въ Германіи. \*) Переводимъ дословно. Прим. пер.

Для внѣцерковной, собственно домашней утвари не существовало никакихъ установленныхъ преданіемъ формъ. Формы ея опредѣлялись употребленіемъ для котораго она назначалась, а украшенія личнымъ вкусомъ, который, разумѣется, всегда былъ болѣе или менѣе отраженіемъ вкуса господствовавшаго. Для усовершенствованія этой утвари имѣло особенно важное значеніе цеховое устройство и сопряженное съ нимъ правильное раздѣленіе работъ.

Фиг. 25.



Фиг. 26.

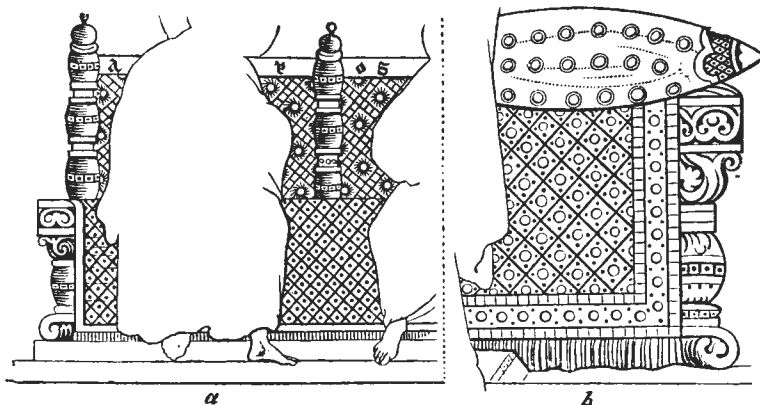


Только когда это устройство обратилось въ прочное учрежденіе (въ теченіи 13 ст.), отдѣльныя стремленія нѣкоторыхъ ремесленниковъ сообразоваться съ духомъ и вкусомъ времени сдѣлались какъ

бы обязательными для всѣхъ ремесленниковъ вообще. Этому помогло еще то обстоятельство, что общая дотолѣ всѣмъ классамъ невзыскательность относительно житейскаго комфорта, замѣнилась, по крайней мѣрѣ у знатныхъ, разборчивостью, которая требовала, чтобы вся окружающая обстановка была не только доброкачественна и цѣлесообразна, но и изящна.

Эта требовательность не простиралась впрочемъ на посуду, которая до половины среднихъ вѣковъ и далѣе отличалась крайнею простотою. Даже богатые граждане ѣли съ глиняныхъ или оловянныхъ блюдецъ и пили изъ такихъ же кружекъ, изрѣдка только, въ какихъ нибудь чрезвычайныхъ случаяхъ, замѣняя ихъ и то лишь отчасти серебряною посудою. Высшее дворянство и короли допускали, правда и въ этомъ отношеніи нѣкоторую роскошь, но въ началѣ она была очень незначительна, хотя и не замедлила принять быстрое развитіе: между тѣмъ какъ у императора Фридриха II (ок. 1249) было не болѣе какъ на тысячу марокъ золотой и серебряной посуды, — посуда, ко-

Фиг. 27.



торую были убраны столы при коронованіи короля Венцеля въ 1297, стоила 6000 марокъ.

Рѣзче и рѣшительнѣе всего отразился новый стиль на мебели, конечно уже и по той причинѣ, что мебель стоитъ въ ближайшей связи съ самымъ знаніемъ, да и сама по себѣ представляется какъ бы нѣкотораго рода постройкою въ миниатюрѣ. Всѣ мебели, насколько это позволяло назначеніе каждой, получили соответствующее новому стилю формообразованіе, причемъ однакожь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, весьма впрочемъ немногихъ, отразились и иноземныя вліянія, преимущественно восточное.

Этимъ вліяніемъ повидимому опредѣлилась между прочимъ и новая форма троновъ и почетныхъ сѣдалищъ. Тогда какъ до того времени имъ давали форму обыкновеннаго кресла, а съ 12 столѣтія даже форму табурета безъ спинки (фиг. 27 б), теперь стали ихъ дѣлать, придерживаясь восточныхъ образцовъ, въ видѣ высокаго и широкаго кресла съ круглымъ или многоугольнымъ сидѣньемъ и высокою спинкою, и украшать, тоже въ азіатскомъ вкусѣ, изображеніями различныхъ фантастическихъ животныхъ. Но, какъ было уже сказано, примѣненіе этихъ иноземныхъ формъ ограничивалось лишь однимъ этимъ родомъ сидѣній съ принадлежавшимъ къ нимъ балдахиномъ, вся же обыкновенная мебель сохранила и впродъ тѣже туземныя формы, которыя ей были даны въ 12 вѣкѣ.

Какъ ни скудно было мебельное убранство жилищъ еще и въ 13 вѣкѣ, тѣмъ не менѣе уже съ начала 12 вѣка въ числѣ комнатной мебели мы встрѣчаемъ: стулья и кресла, какъ самыя употребительныя сидѣнья, скамьи со спинкою и безъ нея, обыкновенно прикрѣпленныя вдоль стѣнъ и, также какъ и стулья, покрытыя коврами и подушками; затѣмъ — столы круглые и четырехугольные иногда значительной длины (преимущественно обѣденные: фиг. 28), небольшіе пюпитры для чтенія и письма съ покатою верхнею

Фиг. 28.



доскою, иногда сплошь металлическіе, сундуки съ плоскою крышкою для храненія платья, драгоценностей и т. п., (высокіе платяные шкафы съ створчатыми дверцами предназначались пока еще почти исключительно для храненія церковнаго облаченія); маконецъ кровати и качалки, изъ которыхъ первыя уже въ 11 и 12 (фиг. 39), а еще болѣе въ 13 стол. (фиг. 30), любили отдѣлывать рѣзбою и т. п., и вообще украшать такъ, что онѣ были

Фиг. 29.



настоящею парадною мебелью — что конечно зависѣло отъ того, что кровати помѣщались тогда не во внутреннихъ комнатахъ какъ у насъ, а занимали почетное мѣсто въ пріемномъ покоѣ.

Къ показной домашней утвари можно причислить также рѣзныя баульчики изъ кости и дерева, зеркальца въ красивой оправѣ, металлическія рѣшотки для каминовъ, канделябры, люстры, висячія лампы и маконецъ, покрывавшіе стѣны и полъ ковры, болѣею частью очень дорогіе.

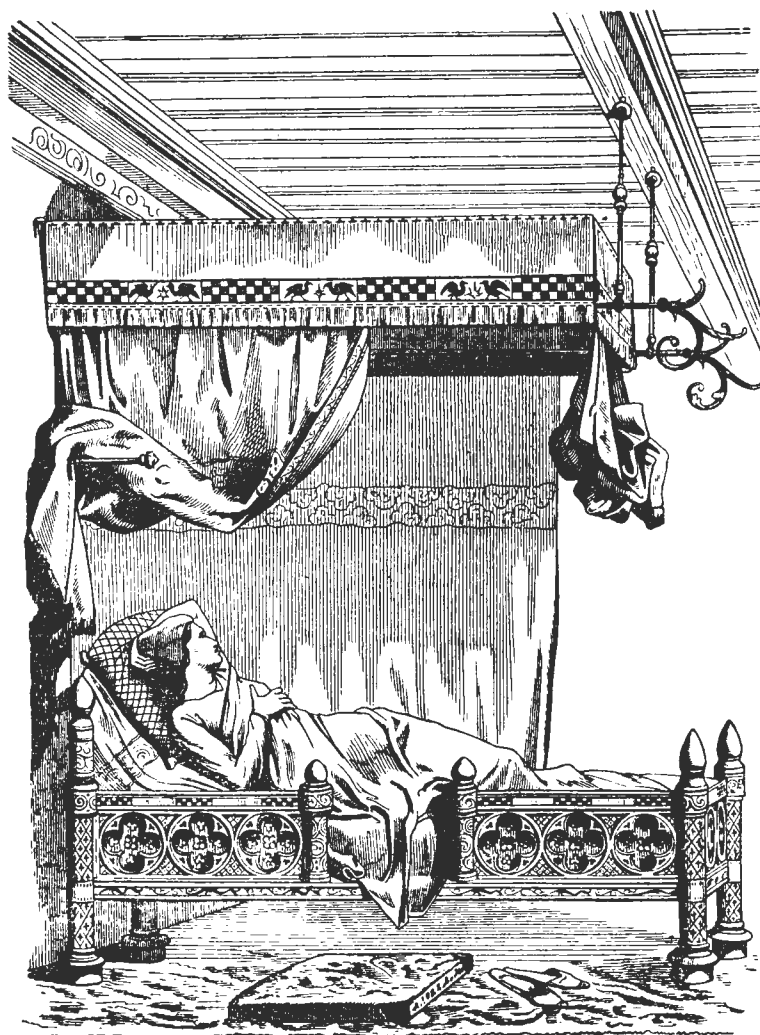
Соотвѣтственное новому направленію формообразованіе получили даже и такія вещи, какъ игральныя приборы, въ особенности шахматныя доски и принадлежащія къ нимъ фигуры, которыя съ большимъ искусствомъ вырѣзывали изъ слоновой кости.

Измѣненія коснулись и музыкальныхъ инструментовъ, выразившись въ особенно тщательной отдѣлкѣ рѣзбою и инкрустаціею нетолько струн-

ныхъ съ деревяннымъ корпусомъ — лиры, цитры, псалтериума и арфы, на которыхъ играли рукой (фиг. 31), и смычковыхъ, какъ *Crut*, *Rotta*, *Giga* и др. (фиг. 32), но и металлическихъ, какъ большая часть духовыхъ — кромѣ дудки (*salamus*) и волынки (*cornemusa*), которыя дѣлались тоже изъ дерева, — большіе органы, перенесенные изъ Византии, треугольники, литавры и барабаны, которые были обыкновенно изъ листовой мѣди.

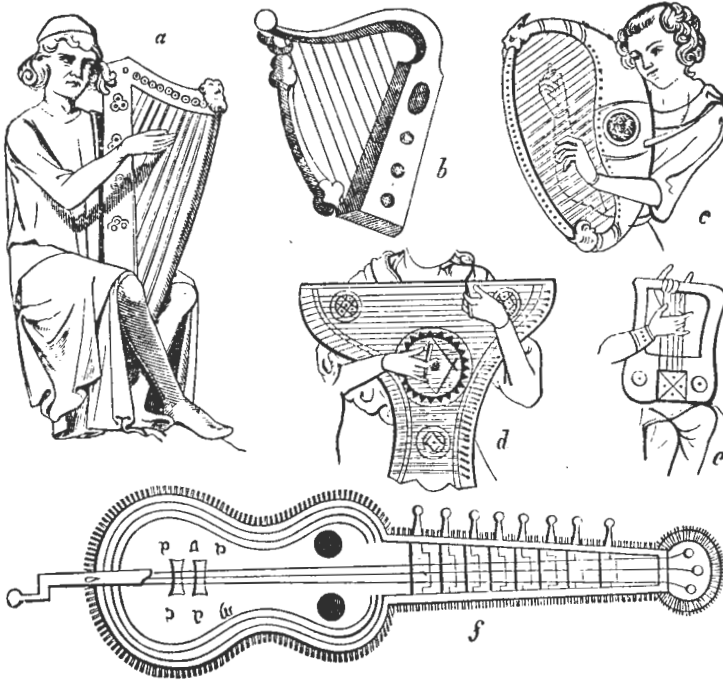
Съ 12 стол. начали также обращать вниманіе и на красивую отдѣлку экипажей и портшезовъ, не измѣняя впрочемъ ихъ устройства. Экипажи остались по прежнему двухъ-и четырехъ-колесными, съ кузовомъ лежащимъ прямо на осяхъ. Портшезы употреблялись наряду съ экипажами, а для путе-

Фиг. 30.

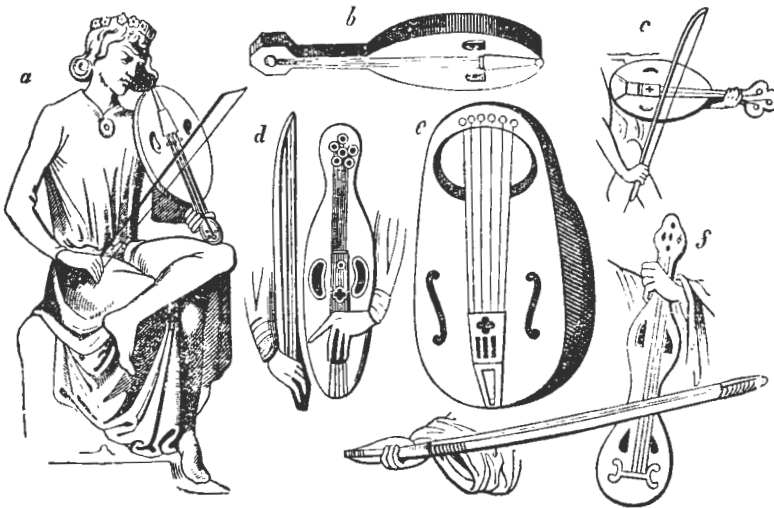


шествія даже предпочтительно передъ ними. Въ послѣднемъ случаѣ носильщиковъ замѣняли двумя лошадьми, которыхъ впрягали въ перекладины носилокъ, и погонщикомъ.

Фиг. 31.



Фиг. 32.



Воинскій снарядъ этого времени былъ точною копіею древнеримскаго и продолжалъ оставаться такимъ до начала 14 вѣк., когда распространеніе пороха потребовало замѣны его болѣе цѣлесообразнымъ. — Палатки простыхъ солдатъ дѣлались изъ жердей и рогожъ или толстыхъ пологовъ; ставки полководцевъ и знатныхъ воиновъ были просторны, удобны и обвѣшаны узорчатыми, перѣдко очень дорогими коврами.

Относительно погребальной утвари, состоявшей главнымъ образомъ изъ носилокъ и гробовъ, можно замѣтить лишь то, что при выносѣ и вообще во время процессіи гробъ покрывали чернымъ покровомъ, по которому были вышиты серебромъ кресты — если же умершій принадлежалъ къ благородному класеу, то и его фамильный гербъ.

---

## Отдѣлъ первый.

Отъ начала 14 до начала 16 вѣка.

### Историческій обзоръ.

Уже передъ исходомъ тринадцатаго вѣка верховодство во всемъ, что относилось до внѣшностей жизни, перешло отъ Германіи къ Франціи. Въ ней первой совершился тотъ глубокій переворотъ въ строительномъ искусствѣ, который былъ ближайшимъ послѣдствіемъ новаго умственного направленія и стремленія найти ему выраженіе. И въ силу этого она же стала впереди другихъ странъ и въ разработкѣ остальныхъ сторонъ бытовой обстановки, въ особенности костюма, который она подняла до такой роскоши, что Филиппъ IV, Красивый, призналъ необходимымъ, въ 1294 г., ограничить до крайности дошедшее щегольство строгимъ закономъ. Между тѣмъ французская роскошь перешла сначала въ Англію, благодаря тѣснымъ сношеніямъ между обѣими странами, затѣмъ, хотя нѣсколько медленнѣе, проникла въ Германію и, наконецъ, сообщилась даже Италіи и Испаніи, не смотря на то, что въ обѣихъ этихъ странахъ было еще живо древнеримское преданіе. Это вторженіе роскоши заставило государей и правительства названныхъ странъ послѣдовать примѣру Филиппа Красиваго и издать ограничивающіе ее законы—что нѣкоторыми итальянскими городами, въ томъ числѣ и Флоренціей, было сдѣлано какъ бы заблаговременно еще въ 1299. Однѣ только нѣмецкія земли опоздали на дѣльхъ полвѣка принятіемъ подобныхъ мѣръ, хотя страсть къ подражанію, которою и въ послѣдствіи постоянно укоряли Нѣмцевъ, пробудилась у нихъ ранѣе чѣмъ гдѣ нибудь; но это замедленіе было вознаграждено особенно тщательною обработкою именно этого отдѣла городского законодательства, не принесшаго однакожъ никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что гдѣ бы и въ чемъ бы ни проявлялось это стремленіе къ новому, вездѣ оно затрогивало лишь одну внѣшность, отдѣлку, не касаясь основной формы. Какъ въ предшествовавшемъ вѣкѣ съ трудомъ рѣшались разставаться съ завѣтными римскими типами, такъ теперь упорно держались формъ, выработанныхъ по этимъ типамъ. Въ такихъ рамкахъ продолжали вращаться до половины 14 вѣка, чтобы затѣмъ сначала робко раздвинуть ихъ, а потомъ почти насильственно разбить, словно для

того чтобы вознаградить себя за вынесенное стѣсненіе. Этотъ, опять таки всеобщій, переворотъ \*), которымъ въ сущности и обозначилось начало новаго порядка вещей, нашолъ себѣ выраженіе и въ архитектурѣ, которая, произвольнымъ употребленіемъ строительныхъ формъ и пренебреженіемъ строительныхъ условій, низвела себя до щеголянья одними прикрасами. Въ одной только Италіи, по крайней мѣрѣ начиная съ 15-го вѣка, какъ въ архитектурѣ, такъ и въ другихъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ, пробудилась и стала крѣпнуть всё болѣе и болѣе склонность къ древне-римскимъ формамъ.

Въ виду тѣхъ политическихъ отношеній, которыя уже въ исходѣ предшествовавшей эпохи установились между значительнѣйшими изъ западныхъ государствъ, не можетъ показаться страннымъ, ни то общее что было въ ихъ бытовой обстановкѣ до упомянутаго переворота, ни почти одинаковое вліяніе произведенное на нихъ этимъ переворотомъ. Уже при Гогенштауфенахъ до Фридриха II, когда Германія была передовымъ государствомъ,—постоянныя войны, преимущественно крестовыя походы, съ одной стороны, и распространенныя далеко торговыя сношенія съ другой, успѣли на столько сблизить между собою даже самые удаленные другъ отъ друга народы, что между послѣдними не могло не установиться постоянного общаго бытовыхъ особенностей, который былъ тѣмъ удобіемъ, что въ основѣ этихъ особенностей лежало всё имъ общее древне-римское преданіе. Послѣ этого, въ такой высокой степени плодотворнаго для международныхъ отношеній періода, всё какъ бы только приготовленныя имъ нити стали переплетаться всё въ болѣе и болѣе мелкую сѣть, причемъ даже и самыя замѣшательства, бывшія послѣдствіемъ этого переплетенія, много способствовали тому, чтобы начатая нивелировка продолжалась и впредь. Всюду, куда бы въ то время ни обращался взоръ, онъ видѣлъ одну неустанную борьбу: государи и дворянство, города и сословія, всё боролись за расширеніе и упроченіе своего могущества или своихъ правъ, причемъ каждый думалъ лишь о томъ, чтобы захватить на свою долю сколько возможно больше. Война изъ за преобладанія между Англіей и Франціею такъ тѣсно приковала ихъ другъ къ другу, что исторіи обѣихъ странъ за всё это время и даже далѣе впередъ представляютъ собственно говоря одну исторію. Ибо не смотря на то, что послѣ войны, лишившей оба народа лучшихъ силъ, каждая страна должна была замкнуться сама въ себѣ, чтобы заняться внутренними своими дѣлами, онѣ всё таки не теряли изъ виду другъ друга, помимо другихъ болѣе внѣшнихъ отношеній, которыя повели къ взаимному ихъ сближенію и на будущее время.

Начало французскому вліянію въ Италіи было положено еще въ предшествовавшую эпоху воцареніемъ въ Неаполѣ Анжуйскаго дома. Первоначально оно ограничивалось главнымъ образомъ предѣлами неаполитанскаго королевства, но въ началѣ 14 вѣка распространилось на папскія владѣнія, а затѣмъ и на сѣвероитальянскія области, постоянно при этомъ усиливаясь, чему конечно не мало способствовало перенесеніе папскаго престола подъ

\*) Т. е. полное отрѣшеніе отъ традиціи и обращеніе къ самобытности въ творчествѣ.

защиту Франціи въ Авіньонъ, гдѣ онъ и оставался съ 1309 г. по 1376 г. до избранія Григорія XI. Но вслѣдствіе географической отдѣленности Италіи отъ остальной Европы и раздиравшей её борьбы городскихъ общинъ съ благородными родами, обокъ съ французскимъ вліяніемъ сложились тамъ многія мѣстныя особенности, которыя, примѣшиваясь къ нему, придали бытовымъ явленіямъ нѣкоторый отпечатокъ народности. Тоже самое было и въ Испаніи, связь которой съ Франціею основывалась отчасти на родствѣ государей (Наварра), отчасти (Кастилія съ 14-го и Арагонія позднѣе) на военныхъ союзахъ. — Плодотворное также и въ бытовомъ отношеніи сближеніе Испаніи и Италіи съ Франціею произошло, собственно говоря, не ранѣе исхода 15 столѣтія, когда вслѣдствіе многократно измѣнявшихся политическихъ отношеній почти всѣ значительнѣйшія государства Запада пришли въ ближайшее соприкосновеніе между собою.

Въ Германіи, съ тѣхъ поръ какъ она уступила свою роль руководительницы Франціи и пріучилась во всемъ, касавшемся внѣшностей жизни, слѣдовать примѣру послѣдней, французское вліяніе водворилось и укоренилось само собою безъ всякаго какого либо особаго повода. Къ тому же Нѣмецкая имперія была въ это время такъ занята собственными дѣлами, что Нѣмцы, при свойственной имъ сосредоточенности, были скорѣе довольны такою опекой, чѣмъ тяготились ею. Нисколько не будучи врагами нововведеній, а напротивъ, очень падкіе на всякія перемѣны, они всё таки предпочитали въ своей внѣшней обстановкѣ подражать уже готовымъ хотя и чужимъ формамъ, чѣмъ изобрѣтать ихъ самимъ. Самодѣятельность свою въ этомъ отношеніи они ограничивали лишь передѣлкою на свой ладъ нѣкоторыхъ частныхъ, весьма нерѣдко впадая при этомъ въ преувеличеніе, особенно въ костюмѣ. Не обошлось конечно и безъ того, чтобы они не переняли кое-чего и отъ другихъ народовъ, напр. отъ Итальянцевъ, чему особенно благопріятствовали походы въ Италію при Генрихѣ VII и Людвигѣ IV (между 1312 и 1347). При Карлѣ IV началось сближеніе Нѣмцевъ съ славянскими землями—Чехіей, Моравіей и др., втянувшее и эти земли во всеобщій обмѣнъ бытовыми особенностями. Россія оставалась еще пока во власти и подъ вліяніемъ Монголовъ.

Въ скандинавскихъ государствахъ, которыя, за исключеніемъ вооруженныхъ столкновеній съ Россіей, держались еще въ сторонѣ отъ общаго движенія, продолжали неизмѣнно слѣдовать перенятымъ въ 12 стол. нѣмецкимъ образцамъ, измѣняя ихъ лишь настолько, чтобы приспособить къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ.

Измѣненія, которыя испыталъ костюмъ при этомъ взаимномъ обмѣнѣ и въ особенности его быстрое повсемѣстное преобразование къ половинѣ 14 вѣка, объясняются лишь совокупнымъ дѣйствіемъ различныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ. При томъ порядкѣ вещей который сложился послѣ Гогенштауфенскаго движенія, каждый, и знатный и подлый, могъ надѣяться только самъ на себя, и долженъ былъ самъ охранять свои интересы. Непрерывавшаяся борьба партій другъ противъ друга поглощала всѣ ихъ силы. Усиленіе городовъ, ослабивъ дворянство, заставило его примкнуть ближе къ трону и черезъ это проложило путь единой державѣ, въ самихъ же горо-

жанахъ развило давно ими питаемое стремленіе къ возможно полному самоуправленію. Къ этому раздору, въ которомъ принимали участіе и сами сильнѣйшіе государи, помогая то той, то другой сторонѣ, присоединились, кромѣ почти повсемѣстныхъ опустошительныхъ войнъ съ ихъ послѣдствіями, еще различныя естественныя бѣдствія, такъ что все это вмѣстѣ взятое было скорѣе способно воплотитъ и исключительно поглотить умъ тогдашняго человѣка, чѣмъ расположить его къ иной дѣятельности, тѣмъ болѣе къ дѣятельности касающейся внѣшностей жизни. Въ началѣ разсматриваемой эпохи, около 1305 г., появилась во Франціи, Германіи и Италиі, страшная эпидемія, такъ называемая черная смерть, свирѣпствовавшая съ короткими промежутками вплоть до половины столѣтія съ такимъ ожесточеніемъ, что, по мнѣнію современниковъ, половина человѣческаго рода погибла отъ нея. Что она дѣйствительно была опустошительна и унесла по крайней мѣрѣ четвертую часть населенія, явствуетъ изъ сохранившагося документа, по которому число умершихъ отъ чумы въ однихъ только францисканскихъ монастыряхъ простиралось до 124,434 человѣкъ. Сверхъ этой чумы, губительно повліявшей и на развитіе общественныхъ отношеній и бывшей временнымъ бѣдствіемъ, западную Европу часто посѣщали другія постоянныя: продолжительная дороговизна, голодъ, а южную кромѣ того и частыя землетрясенія. Въ добавокъ ко всему этому въ Германіи, въ прирейнскихъ и придунайскихъ земляхъ, открылось преслѣдованіе Евреевъ, которыхъ считали виновниками всѣхъ бѣдствій. Преслѣдованіе это сопровождалось крайнимъ ожесточеніемъ и разжигало самыя дикія страсти.

Такъ какъ всеми желаемое примиреніе государственныхъ и сословныхъ интересовъ не могло быть достигнуто безъ борьбы, къ тому же и склонность къ военной дѣятельности нигдѣ еще не ослабѣла, то не война съ ея послѣдствіями была вѣроятно причиною того мрачнаго настроенія которое овладѣло тогдашнимъ міромъ, а скорѣе перечисленныя естественныя бѣдствія. Мало того что люди чувствовали себя совершенно безсильными передъ ними, они видѣли въ нихъ наказующій перстъ Божій, и единственными средствами избавиться отъ нихъ считали строгое покаяніе. Во многихъ мѣстахъ собирались многочисленныя общества изъ лицъ обоого пола и частію отправлялись по обѣту въ Римъ, частію образовали изъ себя общины кающихся, которыя подъ именемъ бичующихся странствовали преимущественно по сѣвернымъ землямъ. Но господствовавшее мрачное настроеніе не замедлило произвести реакцію, сначала въ немногихъ отдѣльныхъ личностяхъ, которая выразилась въ жадѣ наслажденій по преимуществу чувственныхъ. Когда же, какъ говорится въ Лимбургской хроникѣ подъ 1350 годомъ— „и бичеваніе, и богомольныя странствія въ Римъ, и большая смертность, и избіеніе жидовъ, прекратились и міръ божій снова ожилъ и зазеленѣлъ“ — стремленіе къ наслажденію жизнью стало разливаться все шире и шире.

Особенно благопріятную почву нашло себѣ новое настроеніе въ мѣщанскомъ сословіи. Ободряемое сознаніемъ что, давши отпоръ угнетавшему его дворянству, оно сдѣлало гигантскій шагъ къ собственному освобожденію, и одушевляемое мыслию, что своимъ обогащеніемъ оно обязано только себѣ самому, своей энергіи и дѣятельности, мѣщанское сословіе въ этихъ же

качествахъ надѣялось найти средства для упроченія своего политическаго положенія, равно какъ и для дальнѣйшаго улучшенія своего быта. Съ одной стороны, промышленная дѣятельность, которой оно предавалось, давала ему возможность не уступать дворянству по крайней мѣрѣ въ удобствахъ жизни, а съ другой, благодаря пріобрѣтеннымъ имъ за это время познаніямъ, оно могло рѣшительнѣе и самостоятельнѣе противодѣйствовать и вліянію духовенства. Это послѣднее, начиная съ папы, всё до такой степени развратилось, что уже не могло внушать къ себѣ никакого уваженія, а папская резиденція въ Авиньонѣ прямо считалась школою всякой распущенности.

При тогдашнемъ состояніи нравовъ вообще, мѣщанское сословіе въ своемъ новомъ положеніи естественно не могло удержаться отъ увлеченій. Стремясь устроить свою жизнь сообразно съ своими желаніями и воззрѣніями, оно искало этимъ послѣднимъ соответствующаго выраженія. Но такъ какъ старыя формы оказывались несостоятельными, то онѣ или совсѣмъ отбрасывались, или же если и удерживались, то какъ основа новымъ.

Эта передѣлка распространилась на всё вообще проявленія жизни, но съ особенною наглядностью обнаружилась въ бытовой обстановкѣ, особенно въ костюмѣ, который измѣнился до такой степени, что ему дивились даже сами современники. Такъ сочинитель лимбургской хроники въ приведенномъ выше мѣстѣ къ картинѣ обновленнаго міра прибавляетъ еще черту словами — „и люди одѣлись въ новое платье“.

Съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ древнеримскаго преданія — (преимущественно въ сѣверной Европѣ) началось совершенно самостоятельное, чрезвычайно измѣнчивое переработыванье утвари и одежды. Первая впрочемъ измѣнялась медленнѣе, такъ какъ въ ней строительныя формы еще долго принимались за основныя; напротивъ того въ одеждѣ, какъ болѣе непосредственно опредѣляемой индивидуальностью носящаго, измѣненія происходили быстрѣе. Пробудившееся стремленіе къ самостоятельности вмѣстѣ съ развивавшеюся любознательностью и болѣе живымъ сознаніемъ индивидуальной правоспособности, освободили и саму личность отъ подчиненія всеуравнивающему обычаю старинному, вслѣдствіе чего каждый всё рѣшительнѣе признавалъ за собою право считать для себя обязательными лишь свои собственныя склонности и воззрѣнія и отстаивать ихъ какъ таковыя предъ другими. Разумѣется всё это могло совершаться лишь въ предѣлахъ общаго современнаго настроенія, но оно-то и было тогда особенно благоприятно такимъ индивидуальнымъ стремленіямъ. Опоры настоящаго средневѣковья — ленная система и церковная іерархія, уже давно поколебленные въ своемъ основаніи, приближались теперь къ конечному разрушенію, рыцарство сходило со сцены, а городское сословіе, благодаря добытымъ вольностямъ, достигало значительнаго благосостоянія, которое оно постоянно увеличивало, — и внѣшняя жизнь начала развѣтвляться по различнымъ направленіямъ, вызывая новыя потребности и такимъ образомъ держа умъ въ постоянномъ и многостороннемъ напряженіи. Освободившись отъ давившаго его двойнаго гнета — дворянства и духовенства — городское сословіе потеряло и цѣль и мѣру. Возможность свободно слѣдовать своимъ склонностямъ развила въ немъ духъ противорѣчія и своеволія и даже такъ извра-

тила существующій нравственный строй, что мало по малу чувство стыда и цѣломудрія почти потеряли всякое значеніе. Эта распущенность нравственная и была тѣмъ факторомъ, которымъ опредѣлились не только переходныя формы, но и основной характеръ костюма и другихъ предметовъ внѣшней обстановки.

Выйдя на этотъ новый путь, общество быстро двинулось по немъ впередъ. Дворянство и мѣщанство \* старались превзойти другъ друга въ изобрѣтеніи всё новыхъ и новыхъ удовольствій, а чего они не умѣли изобрѣсти сами, то изобрѣтало за нихъ духовенство. Какъ ни горячо ратовали противъ такого порядка вещей нѣкоторые благомыслящіе люди, проповѣдники и моралисты, какъ ни возставала противъ него сама власть и притомъ не всегда безуспѣшно, эти порицанія и запрещенія только раздражали большинство и еще болѣе подстрекали его къ упорству въ необузданномъ произволѣ. Вообще это безпокойное время перестройки общественной жизни вызвало много противорѣчій. Тогда какъ съ одной стороны рѣзкія грани раздѣлявшія сословія начали стираться и взаимнодѣйствіе чуждыхъ и даже враждебныхъ дотолѣ элементовъ придавало новыя силы пробивавшимся зачаткамъ общественнаго развитія; съ другой стороны въ связи прежней обособленности были ослаблены или совсѣмъ разорваны. Передъ усиливавшеюся роскошью знатныхъ и богачей бѣдные классы невольно чувствовали сильнѣе свою бѣдность. Средняго класса въ нашемъ смыслѣ, класса который былъ бы соединительнымъ звеномъ этихъ двухъ крайностей, пока еще не было. Къ тому же рыцарское и мѣщанское сословія еще слишкомъ враждебно относились другъ къ другу и слишкомъ еще различались во внѣшностяхъ жизни, чтобы добровольно признать другъ за другомъ принадлежащія каждому права. Это соперничество развило въ дворянахъ надменность, грабительство и жестокость, а въ мѣщанахъ хитрость и осторожность. Въ добавокъ ко всему, почти повсемѣстно дѣтская простота сталкивалась съ грубостью, умственная ограниченность съ варварствомъ. Несмотря на то что духовенство, утративъ свое значеніе, должно было поступиться и своею привиллегіею на научное образованіе въ пользу мірянъ, эти послѣдніе, занятые преслѣдованіемъ чисто внѣшнихъ интересовъ, были еще мало способны и мало склонны посвятить себя серьезнымъ умственнымъ занятіямъ.

Усилія прозорливыхъ людей примирить эту всеобщую разрозненность не остались однакожъ безуспѣшны: имъ удалось мало по малу выслѣдить настоящія причины зла. Умноженіе высшихъ учебныхъ заведеній по образцу основаннаго въ 1348 въ Прагѣ университета дало этимъ усиліямъ прочную основу. Что корень всему злу лежалъ въ развращенномъ духовенствѣ и слабости церкви — это не могло укрыться и отъ самаго непроницательнаго взгляда, и тѣмъ менѣе, что никому не запрещалось жить по правиламъ религіи и быть благочестивымъ. Потребность церкви была еще жива въ массѣ, но дѣло въ томъ, что потребность эта не могла найти себѣ удовлетворенія въ религіозной практикѣ. Утративъ свою власть надъ мірянами, духовенство старалось подчинить ихъ своему вліянію, дѣйствуя на ихъ чувства пышною

\* Т. е. недворянство, среднее сословіе (бюргерство, буржуазія), горожане. Пер. Вейсъ. v.

обстановкою безчисленныхъ церемоній, блестящая внѣшность которыхъ только рѣзче выказывала ихъ внутреннюю пустоту. Когда же произошелъ расколъ и въ нѣдрахъ самой церкви, когда въ теченіи длиннаго ряда годовъ на папскомъ престолѣ появлялись папы и антипапы, негнушавшіеся никакими средствами чтобы взаимно унижать другъ друга, тогда необходимость реформы въ церкви и въ ея представителяхъ сдѣлалась для всѣхъ очевидною. — Попытки сдѣланныя въ этомъ направленіи отдѣльными лицами, въ особенности Виклефомъ (1360 г.), продолжали дѣйствовать въ тиши, потому что были выраженіемъ всеобщаго настроенія. Но теперь явились толкователями его люди одаренные такою мощью слова и дѣла, что церковь вынуждена была считаться съ ними. И если ей удалось (на констанцкомъ и базельскомъ соборахъ) отстаять свою неприкосновенность, то эта побѣда ея, какъ достигнутая насильемъ и неправдою, способствовала лишь къ тому чтобы еще болѣе выяснитъ необходимость реформы.

Давъ новую пищу умамъ, религиозное движеніе внесло больше страстности и въ общественныя отношенія и усилило враждебность партій, а влѣдствие этого придало большее разнообразіе общественнымъ явленіямъ. Рядомъ съ пышными церковными церемоніями, съѣздами государей и другими торжествами, богатое дворянство давало турниры и общественныя празднества, городское сословіе съ своей стороны устраивало нарядныя цеховыя процессіи, народныя праздники, заводило ярмарки, гулянья и т. п. Къ этому присоединялись постоянныя передвиженія войскъ, своихъ и наемныхъ, появленіе богомольцевъ, а также и отдѣльныхъ авантюристовъ искавшихъ счастья, или ханжей-лицемѣровъ, рассчитывавшихъ поживиться на счетъ суевѣрія развѣдавшаго всеіи общества—все это, вмѣстѣ съ прочими смутами и при неустановившемся еще законодательствѣ, было скорѣе способно возбудить фантазію, чѣмъ отвлечь умъ отъ внѣшностей жизни и сосредоточить его на самомъ себѣ. Для этого нужно было совершиться еще глубже захватывающимъ событіямъ. Пока слово оставалось устнымъ или только писаннымъ, слѣдовательно не могло еще стать дѣйствительно общимъ достояніемъ, широкое развитіе умственной дѣятельности было невозможно. Только книгопечатаніе, открытое около 1450, дало массѣ возможность принять сознательное участіе въ происходившей борьбѣ, воспитать въ себѣ серьезное отношеніе къ ней и твердымъ шагомъ идти навстрѣчу торжеству просвѣщенія—реформаціи.

Къ этому событію, сдвинувшему жизнь съ ея колеи и направившему ея къ инымъ, высшимъ цѣлямъ, присоединялись другія событія, благопріятныя этому движенію. Изгнаніе Арабовъ изъ Испаніи, имѣвшее такія важныя послѣдствія для этой страны, открытіе Америки и морскія путешествія португальцевъ, познакомившія Европу съ новымъ міромъ, и наконецъ, усиленное примѣненіе пороха, также не мало содѣйствовали къ измѣненію жизненнаго строя, какъ въ цѣломъ такъ и въ частностяхъ, а слѣдовательно и въ отношеніи костюма.

## А. Одежда.

### 1. Франція и Англія; Нидерланды<sup>1</sup>.

Принявши на себя роль уставщицы внѣшней обстановки жизни, Франція предприняла выполнить её возможно блестящимъ образомъ, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями. Какъ ни былъ строгъ законъ противъ роскоши, изданный Филиппомъ Красивымъ въ 1234<sup>2</sup>, онъ не имѣлъ другаго дѣйствія какъ то, что опредѣляемые имъ штрафы платили, запрещеній же его не соблюдали. Щегольство въ средѣ высшихъ сословій и богатыхъ горожанъ не только не уменьшилось, но еще болѣе усилилось, благодаря расширенію торговли и усовершенствованію ремесль.

Издавна извѣстныя восточныя шолоковыя ткани, итальянскія и нидерландскія шолоковыя матеріи, не смотря на свою дороговизну, стали распространяться и между среднимъ классомъ. Ткани эти, особливо восточныя и мавританско-сициліянскія, продолжали отличаться, какъ и прежде, плотностью, яркостью красокъ и красотой рисунка, который въ итальянскихъ тканяхъ сталъ теперь разнообразнѣе. Рядомъ съ матеріями, рисунокъ которыхъ состоялъ изъ цвѣточныхъ и листовыхъ формъ съ чередующимися съ ними фантастическими животными и т. п., появились ткани полосатыя, съ узкими параллельными и перекрещивающимися полосками и разсыпанными между ними звѣздочками, кружочками и т. д., и ткани сплошь покрытыя фигурами, буквами или другими какими нибудь произвольными знаками. Золотая

<sup>1</sup> Изъ множества сочиненій посвященныхъ настоящему предмету, мы приведемъ какъ особенно выдающіяся: 1. *О средневѣковомъ костюмѣ вообще*: J. H. von Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters. Frankfurt a. M. 1840—1844. 2 Abthl. XIV u. XV Jahrhundert. A. v. Eye und Falke. Kunst und Leben der Vorzeit von Beginn des Mittelalters bis zu Anfang des XIX Jahrh. Nürnberg, 1855. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires. Tome. II. — 2. *Во Франціи*: N. X. Willemain. Monum. français inédits depuis le VI siècle jusqu'au commencement du XVII siècle. Paris 1839. 2 vols. J. Herbé. Costumes français civils, militaires, religieux etc. depuis les Goulois jusqu'en 1834 etc. Paris 1840. De la Mesangère. Galerie française des femmes, célèbres par leur talent, leur rang ou leur beauté. Portraits en pied etc. avec des notes biographiques et des remarques sur les habillements. Fol. Paris 1841. A. Debay. Les modes et les parures chez les Français depuis l'établissement de la monarchie jusqu'à nos jours. Paris 1857.—3. *Англія*: J. Strutt. Regals and ecclesiastical antiquities. London, 1773—93 (new edit. London 1842); Dresses and habits of the people of England (new edit. Lond. 1842). Ch. Martin. The civil costume of England from the Conquest to the present time. Lond. 1842. J. R. Planché. British Costume. Lond. 1849. F. W. Fairholt. Costume in England: a history of dress from the earliest period till the close of the XVIII century. Lond. 1846. Th. Hollis. The monumental effigies of Great Britain. Lond. 1840. C. Boutell. The monumental brasses of England. Lond. 1849. G. Stotthard. Monumental effigies in Great Britain. Lond. 1817. J. G. and L. A. B. Waller. A series of monum. brasses, from the reign of Edward I. to that of Elisabeth. Lond. 1845. — 4. *Нидерланды*: D. von der Kellen. Nederlands-Oudheden. Antiquités des Pays-Bas (du 13-e au 18-e siècle). La Haye 1861 (особен. таб. 1—VIII). W. J. Hofdijk. Schets van de Geschiedenis der Nederlanden. Orgeheldert met Afbeeldingen. Amsterd. 1857. — Какъ оригинальные источники; картины старыхъ фламандскихъ мастеровъ и (для времени съ половины XV вѣка) ихъ гравюры, рисунки и т. д. такъ какъ въ нихъ независимо отъ сюжета всегда передавъ современный костюмъ и обстановка.—2 Ch. Menestrien. De la chevalerie ancienne et moderne. Paris, 1632. pp. 111; 132.

и серебряная парча, бархатъ и такъ называвшіяся, по рисунку или по цвѣту, павлиньи матеріи— „escarlates raonnacés“ и „velluiaux raonnez“— цѣнились и теперь также высоко какъ и прежде. Бархаты, иногда тоже протканые золотыми и серебряными нитями, дѣлались по прежнему почти исключительно зеленого цвѣта, имѣ издавна присвоеннаго; потомъ стали появляться бархаты синіе и голубые, а затѣмъ, кажется впрочемъ не ранѣе второй половины 14 вѣка, и остальныхъ цвѣтовъ.— Всѣ эти матеріи, распространеннаясь, получали все новыя названія, такъ что не рѣдко весьма трудно догадаться, что собственно подъ извѣстнымъ названіемъ разумѣли.

Разнаго рода шерстяныя издѣлія, въ томъ числѣ цвѣтныя и узорчныя сукна, пока еще тоже вывозились изъ иностранныхъ земель, преимущественно изъ Нидерландовъ, откуда получались также тонкія полотна и нѣкоторые другіе товары, между прочимъ кожевенные.

Но пока всѣ эти предметы добывались почти исключительно изъ за границы, во Франціи и Англій было уже положено начало къ производству ихъ у себя дома. Изготовленіе шолковыхъ матерій не принималось правда ни въ той ни въ другой странѣ до половины 15 ст., не смотря на то, что гораздо ранѣе этого времени (въ Провансѣ уже въ 1340 г.) были дѣлаемы попытки ввести его въ кругъ отечественной промышленности<sup>1</sup>. Но за то уже въ началѣ 14 ст., въ Англій при Эдуардѣ III, и особенно въ средней Франціи, быстро развилась выдѣлка суконъ и вмѣстѣ съ нею красильное искусство, усовершенствованію котораго много способствовало открытіе новыхъ красильныхъ веществъ и составовъ. Приготовленіе полотняныхъ и кожевенныхъ издѣлій, изъ послѣднихъ преимущественно сафьяновъ, которыми славились Марсельцы во второй половинѣ предыдущаго вѣка,—тоже пошло быстро впередъ одновременно въ обѣихъ странахъ.

Съ развитіемъ отечественной промышленности, которому много способствовало распределеніе ремеслъ между цехами и корпораціями, потребленіе иностранныхъ издѣлій нѣсколько уменьшилось, прежде всего среди людей небогатыхъ, которые обратились къ произведеніямъ туземной промышленности, ограничиваясь однакожъ тѣми изъ нихъ, которыя могли соперничать въ доброкачествахъ и цѣнѣ съ иностранными. А это обстоятельство было и осталось еще надолго важнымъ препятствіемъ къ быстрому поднятію туземной промышленности. Ибо одновременно съ развитіемъ послѣдней, развивалась и иностранная и будучи старше, шла всегда впереди ея. Такою передовою промышленностью была въ то время нидерландская, не только служившая образцомъ для промышленности другихъ странъ, но и способствовавшая ея развитію въ нихъ. Англійская ремесленность была обязана своими первыми успѣхами нидерландскимъ ремесленникамъ переселившимся въ Англійю при Эдуардѣ III, около 1330 г.

Продолжительная война, загорѣвшаяся между Англією и Францією и до крайности истощившая силы обѣихъ странъ, почти совершенно уничтожила зарождавшуюся въ нихъ промышленность, которая стала управляться отъ

<sup>1</sup> Ср. W. Volz. Beiträge zur Culturgeschichte. Lpzg 1852. стр. 419: «Въ 1301 г. во Франціи вовсе еще не было туземной выдѣлки шолковыхъ матерій. Первые тутовые червя и шелковичные черви были привезены въ Дофьянъ въ 1440 году.

нанесеннаго ей удара не ранѣ половины 15 столѣтія. Въ это время во Франціи принялись снова за выдѣлку суконъ и были введены два новыхъ производства — бумагопрядильное и тканье камчатныхъ полотень. Затруднительный и медленный способъ изготовленія всѣхъ этихъ продуктовъ былъ причиною ихъ значительной цѣны. Особенно дороги были высшіе сорта суконъ, имѣвшіе впрочемъ, въ замѣнъ этого, плотность и прочность кожи. Красильное искусство, не смотря на сдѣланныя въ немъ усовершенствованія, тоже еще долго оставалось дорогимъ производствомъ, также какъ и всѣ вообще производства, кромѣ самыхъ простыхъ, требовали значительныхъ средствъ для веденія ихъ. Медленнѣе другихъ развивалось во Франціи тканье шолоковыхъ матерій. Успѣхи его стали замѣтны только съ 1480 г., когда Людовикомъ XI были призваны греческіе и итальянскіе ткачи и устроены для нихъ въ Турѣ мастерскія, въ которыхъ они должны были обучать различнымъ приѣмамъ своего мастерства.

Нидерландская промышленность не испытала тѣхъ потрясеній, которыя выпали на долю французской и англійской, а продолжала развиваться съ постояннымъ успѣхомъ, особенно со времени Филиппа Добраго (1419—1467), послѣ соединенія Нидерландъ съ богатою Бургундіею. Издавна упрочившееся благосостояніе страны, ея цвѣтущая торговля и вызванная ими въ населенія склонность къ роскоши были до такой степени благоприятны развитію нидерландской промышленности, что во многихъ своихъ отрасляхъ она успѣла достигнуть высокаго совершенства уже въ то время, когда промышленность во Франціи и Англіи только что еще начинала подниматься. И при томъ не одни только издавна заведенныя производства находились въ Нидерландахъ въ цвѣтущемъ состояніи, но и новыя, напр. выдѣлка шолоковыхъ матерій и бархата. Гораздо ранѣ введенія этихъ производствъ во Франціи Людовикомъ XI, въ Нидерландахъ были устроены для нихъ мастерскія, произведенія которыхъ славились добротою ткани, прочностью и чистотою красокъ, богатствомъ и изяществомъ рисунка. Въ тоже время выдѣлка парчей была поставлена на такую ногу, что съ 15 стол. могла конкурировать даже съ итальянскими фабрикатами. Что касается издавна усвоенныхъ нидерландцами производствъ, то они были уже доведены объ эту пору до возможнаго совершенства, напр. выдѣлка разныхъ сортовъ суконъ и полотняныхъ тканей, отъ простыхъ до самыхъ тончайшихъ.

Такимъ образомъ выснія сословія какъ во Франціи, такъ и въ Англіи не имѣли недостатка въ разнообразныхъ и дорогихъ матеріяхъ, чтобы удовлетворить своей склонности къ роскоши. Между тѣмъ ни число одеждъ, ни цѣнъ ихъ, не подверглись никакимъ значительнымъ измѣненіямъ вплоть до упомянутаго переворота въ половинѣ 14 вѣка. Не смотря на образованіе отдѣльныхъ корпорацій портныхъ, сапожниковъ и т. д., измѣненія эти какъ въ мужскомъ такъ и въ женскомъ костюмѣ ограничились въ сущности лишь тѣмъ, что одежда вообще стала еще уже, а мужская притомъ и короче, и незначительною передѣлкою нѣкоторыхъ, весьма, впрочемъ, немногихъ особенностей наряда.

Въ мужскомъ костюмѣ, состоявшемъ по прежнему изъ рубашки, кафтана, штановъ, плаща, головного убѣра и обуви, измѣненія коснулись прежде все-

го кафтана, который, сохраняя свой старинный покрой, постепенно всё укорачивался, пока наконецъ не перешелъ далеко за колѣна (фиг. 33 а. д. с.);

Фиг. 33.



но уменьшаясь въ длину, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшался и въ ширину, становился уже, вслѣдствіе чего, для большаго удобства при надѣваніи его, стали дѣлать на немъ спереди и сзади разрѣзы, которые застегивали на пуговицы, или зашнуровывали (фиг. 34 а. б). Рукава носили различно — то прежняго покроя, то очень узкіе съ разрѣзами застегивавшимися на пуговицы, то очень широкіе, не рѣдко совершенно висячіе (фиг. 34). Капюшонъ, отдѣльный или пришитый къ кафтану, былъ оставленъ, но верхушка его значительно удлинилась, а у отдѣльнаго капюша съ воротникомъ края вырѣзывались зубчиками. Этотъ родъ украшенія (т. е. зубчики), употреблявшійся въ предшествовавшемъ вѣкѣ рѣдко, сталъ входить всё болѣе и болѣе въ моду, такъ что скоро зубчиками начали обшивать не только подолъ кафтана, но и всё швы и вырѣзку ворота (фиг. 34 а). Даже мѣховую опушку на одеждахъ, подбитыхъ или отороченныхъ мѣхомъ, обдѣлывали на подобіе зубчиковъ (фиг. 34 б).

Верхняя одежда долѣе сохранила своей прежней покрой, однакожь тоже сдѣлалась уже, но рѣдко короче, и кромѣ того, иногда спереди разрѣзывалась или отъ талии внизъ, или отъ ворота до пояса, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ застегивалась на крючки или пуговицы. Если она дѣлалась съ рукавами, то съ очень длинными и широкими (фиг. 33 в). По подолу и швамъ она также обшивалась зубчиками.

Плащъ оставался пока безъ измѣненій (фиг. 5), но рядомъ съ нимъ не замедлили появиться похожія на него, но болѣе короткія накидки, которыя спереди застегивались на пуговицы по всей длинѣ, и другаго рода накидки, которыя вмѣсто того чтобы на правомъ плечѣ застегиваться на пряжку, какъ обыкновенный короткій плащъ, были на этомъ мѣстѣ наглухо зашиты, часто до половины предплечія, или же для большаго удобства застегивались ря-

домъ пуговокъ (фиг. 38 а, в; фиг. 41 а). Эти накидки дѣлались иногда съ большимъ откиднымъ воротникомъ или съ капюшономъ и тоже обшивались зубчиками.

Фиг. 34.



Пожное одѣяніе измѣнилось въ томъ отношеніи, что вмѣсто прежнихъ отдѣльныхъ штанинъ, \* прикрѣпленныхъ къ поясу шнурками, съ этихъ поръ стали всё болѣе и болѣе распространяться цѣльные штаны, придерживаемые вокругъ талии очкуромъ. Такъ какъ эти штаны одѣвали вмѣстѣ съ ногою и ступню, то и къ нимъ, для прочности и въ замѣнъ обуви, подшивали кожаныя подошвы (ср. фиг. 34 а и др.).

Собственно обувь остались прежніе полусапоги, зашнуровавшіеся спереди, и башмаки. Единственное измѣненіе, которому они подверглись, состояло въ постепенномъ удлиненіи ихъ носковъ. Удлиненіе это дошло наконецъ до того, что уже Филиппъ IV нашелся вынужденнымъ издать постановленіе опредѣлявшее длину носковъ обуви у дворянъ не болѣе двухъ футовъ, у гражданъ,—не болѣе одного фута, а у прочихъ классовъ—шесть дюймовъ. Башмаки съ такими длинными носками назывались во Франціи—roulaines, въ Англіи—cracowes, вѣроятно по городу Кракову, который, можетъ быть не безъ основанія, считали мѣстомъ происхожденія этой моды.

Изъ головныхъ уборовъ стали носить преимущественно капюшоны и жесткія круглыя шляпы; затѣмъ, небольшіе чашеобразные чепцы, и, наконецъ, простыя повязки, появившіяся уже позднѣе. Всѣ эти уборы носились или каждый отдѣльно, или по два вмѣстѣ, такъ что было въ большомъ обыкновеніи поверхъ общепотребительнаго капюшона надѣвать еще шляпу, и т. п. (фиг. 34 в; фиг. 37 в; фиг. 41 с. в.).

\* Beinlinge—родъ очень длинныхъ чулковъ, обтягивавшихъ всю ногу до бедра. Пер.

Измѣненіе женской одежды происходило хотя и не столь быстро, но тѣмъ не менѣе также замѣтно. Оно состояло, главнымъ образомъ, въ суживаніи тѣхъ частей одежды, которыми прикрывалась верхняя часть туловища, такъ что лифъ все явственнѣе обрисовывалъ формы тѣла; за измѣненіемъ же верхней части платья, послѣдовало измѣненіе и всей одежды. Также какъ и въ мужскомъ костюмѣ, перемѣна началась съ того, что не измѣняя покроя одежды, её закладывали складками, отчего она становилась уже, затѣмъ стали суживать и самый покрой (фиг. 35 а. б. с.), пока наконецъ не сшили до того, что лифъ стягивали шнуровкою, а на самомъ лифѣ дѣлали разрѣзы напередѣ и назадѣ, также какъ и въ мужской одеждѣ. Но такъ какъ этотъ способъ стягиванья платья давалъ возможность суживать одежду по произволу, то и былъ доведенъ до крайности, особенно женщинами.

Фиг. 35.



Онѣ неограничились однимъ лишь сильнымъ шнурованіемъ верхней части стана, но стали суживать также и рукава платья, при чемъ обыкновенно рукавъ разрѣзался отъ кисти руки вплоть до плеча и разрѣзъ обшивали множествомъ маленькихъ пуговокъ, посаженныхъ обыкновенно очень близко одна отъ другой (фиг. 36 а. б). Нижнюю часть платья, которая въ то время выкраивалась еще изъ одного куска съ лифомъ, стали также постепенно дѣлать уже, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гораздо длиннѣе, такъ что платье, постепенно расширяясь книзу, заканчивалось шлейфомъ. Такія длинныя платья появились довольно рано во Франціи. Вмѣстѣ съ этими уз-

кими рукавами, особенно предпочитавшимися для нижняго платья, \* вошли въ употребленіе — почти въ половинѣ этого періода — короткіе, узкіе полурукава, отъ которыхъ шли длинныя полосы матеріи, вродѣ лентъ, доходившія обыкновенно до земли; эти рукава употреблялись болѣе для верхняго платья (фиг. 36 а), хотя въ тоже время, его носили, какъ и прежде, и вовсе безъ рукавовъ, съ широкими и длинными проймами по бокамъ (фиг. 36 с). — Такъ какъ поясъ сдѣлался при узкой одеждѣ совершенно излишнимъ, то его надѣвали только какъ украшеніе, и для того чтобъ онъ не соскальзывалъ съ бедръ, прикрѣпляли прямо къ платью.

Фиг. 36.



Плащи женскіе были исключительно такъ называемые спинные, которые употреблялись и до этого времени. При изготовленіи ихъ обращали особенное вниманіе, кромѣ общей богатой отдѣлки, на украшеніе ихъ красивыми и богатыми аграфами, шнурками и застежками (фиг. 35; фиг. 36 b c). Только въ исключительныхъ случаяхъ плащъ снабжался воротникомъ, который иногда подбивался мѣхомъ, и выкраивался такимъ образомъ, что могъ свободно перекладываться какъ на спину, такъ и на грудь (фиг. 36 d.).

Кромѣ обуви, которая также какъ и мужская измѣнялась только въ томъ отношеніи, что принимала постепенно все болѣе заостренную форму,

\* Unterkleid,—было бы можетъ быть точнѣе называть «исподнее платье», такъ какъ его надѣвали подъ другое верхнее (Oberkleid), сверхъ котораго, при выходѣ изъ дому, надѣвался уже плащъ или навидка. Пер.

мѣнялись въ отдѣльных частяхъ своихъ и головные уборы, соотвѣтственно измѣненію прически волосъ. Вскорѣ по окончаніи предшествовавшего періода, обычай носить волосы распущенными былъ оставленъ, и если еще удерживался между дѣвушками и молодыми женщинами, то лишь какъ рѣдкое исключеніе (фиг. 35 а.); вообще же было принято заплетать волосы въ косы и по возможности плотно укладывать ихъ вокругъ головы, большую часть такъ чтобы вдоль каждой щеки спускалось по одной только косѣ (фиг. 36 а. d). Вслѣдствіе этого, и еще болѣе отъ возраставшей постепенно склонности носить и подвязывать волосы высоко, съ тѣмъ чтобы выказать шею и затылокъ, были оставлены, столь любимыя до тѣхъ поръ, головныя ленты и легкія шапочки, тугостянутыя сѣтки и другіе тому подобныя повязки, которыя впоследствии приняла самыя странныя формы, особенно когда стали снова носить покрывала и т. п. съ самыми разнообразными украшеніями изъ разныхъ дорогихъ матерій. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы для контраста, вошло въ обыкновеніе, по повидимому только у пожилыхъ женщинъ, укутываться покрываломъ на подобіе монахинь, скрывая подъ нимъ не только шею, но и часть подбородка (фиг. 36 с. d.).

Такъ какъ всѣ перечисленныя измѣненія производились до сихъ поръ только въ имѣвшихся уже видахъ платья, и не было изобрѣтено ничего новаго, то и названія, особенно главныхъ частей одежды, оставались тѣже самыя, что и прежде. Во Франціи, Англии, а также отчасти и въ Нидерландахъ, платья, преимущественно верхнія, какъ мужскія такъ и женскія, назывались „surcot (surcot), b্লাіа (b্লাіа), cotte hardie (cotardia), garnache, rondeau, rundellus“ и т. д. Изъ нихъ названіемъ „surcot“ обозначались, по всей вѣроятности, различнаго рода старинныя туникообразный верхнія одежды или накидки; то же значеніе имѣло и слово „b্লাіа“, сохранившееся до настоящаго времени въ названіи „blouse“; „cotte hardie“ и „rondeau“, назывались какъ короткія, такъ и длинныя узкооблегающія платья на застежкахъ, къ разряду которыхъ принадлежали по всей вѣроятности и такъ называемыя „rundellus“ и „garnache“ (garnaccia), также какъ полуоткрытыя плечевыя плащи, и еще нѣсколько другихъ плащеобразныхъ накидокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя дѣлались съ рукавами. Употреблялись еще названія cloques, boubles и другія, точное значеніе которыхъ опредѣлить весьма трудно, такъ какъ эти названія обозначали, вѣроятно, большей частью только особый видъ покроя или украшеній платья. Такъ словомъ „cloques“ обозначались, по всей вѣроятности, короткіе плащи, которые, застегиваясь во всю длину, покрывали станъ вродѣ капюшона.

Такимъ образомъ къ половинѣ четырнадцатаго столѣтія одежда значительно усовершенствовалась и стала гораздо разнообразнѣе прежняго, такъ какъ теперь казалось уже недостаточнымъ довольствоваться измѣненіемъ только старыхъ костюмовъ, но были приложены весьма усердныя старанія къ изобрѣтенію новыхъ видовъ одежды. Всякое нововведеніе, которое до тѣхъ поръ выступало робко и нерѣшительно или казалось исключительностью, теперь быстро принималось, распространялось все шире и шире и въ короткое время становилось общимъ достояніемъ. Перемѣна въ этомъ направленіи обнару-

жилаась сначала во Франціи, гдѣ уже около 1340 и скорѣ затѣмъ, послѣ битвы при Креси (Crécy), около 1346 г., выступили противъ нея люди серьезные, порицая не столько измѣненія одежды, сколько ея безобразіе и даже ея непристойность именно у мужчинъ. „Надобно полагать“ пишетъ авторъ большой хроники С. Дени (St. Denis) послѣ бѣдственной для Франціи битвы при Креси,—„что Богъ послалъ на насъ эту напасть за грѣхи наши; потому что тщеславіе Франціи было велико, особенно межъ дворянами, велика была также и жадность богатыхъ, и несообразность одежды и разнаго платья, переходившая изъ одной крайности въ другую: одни носили платье имѣвшее видъ зубчатого лоскута, до того короткое, что если одѣтый въ него нагибался, то стоявшіе позади могли видѣть его панталоны и то что ими прикрыто. И панталоны эти были такъ узки, что надѣвать и снимать ихъ безъ посторонней помощи было невозможно. Другіе одѣвались какъ женщины, въ длинныя платья со множествомъ складокъ и приэтомъ капуцы (chaperons) съ разрѣзами или съ зубчатыми краями, и штаны (частію изъ сукна, частію изъ другихъ матерій) у которыхъ одна половина была непохожа на другую; длинныя концы шапокъ (cornettes) и рукава висѣли почти до земли, такъ что люди эти походили скорѣе на шутовъ, чѣмъ на честныхъ людей, а потому и не удивительно, что за подобные безразсудства, превысившія всякую мѣру, Богъ наказалъ насъ бичемъ своимъ—королемъ Англіи“.

Хотя авторъ приведенныхъ словъ и упускаетъ изъ-виду, что въ то время и англійская одежда такъ-же часто мѣнялась, но всё таки его заключеніе справедливо въ томъ отношеніи, что всё моды исходили изъ Франціи и перенимались и распространялись прежде всего въ Англіи. Измѣненія одежды были дѣйствительно слишкомъ рѣзки, такъ какъ они переходили отъ чрезмѣрнаго укороченія и сѣуживанья къ такому же чрезмѣрному удлинненію и расширенію. Такой же переходъ изъ одной крайности въ другую замѣчается и въ томъ, что рядомъ съ модой, доводившей обнаженіе шеи и груди до крайней возможности, уживалась другая, требовавшая тщательнаго прикрытія этихъ частей, въ особенности у женщинъ. Вслѣдствіе этого, вмѣстѣ съ употреблявшимися уже одеждами, появились разные новыя виды платья, носившіе особыя названія; такъ преимущественно для мужчинъ (но по названію также и для женщинъ) существовали „housse“ (housia) „houppelande“, „jupon, (pour-point)—и др. „Housse“ называлась длинная и широкая накидка, покрывавшая всё тѣло, и разрѣзанная по правую и по лѣвую сторону, начиная отъ груди, или отъ пояса, на два полотнища; „houppelande“ означало широкое съ рукавами и открытое спереди верхнее платье, (сюртукъ) которое носилось или очень длиннымъ вродѣ кафтана, или-же болѣе короткимъ, и стягивалось на бедрахъ шнуркомъ, или особымъ поясомъ. „Jupon“, и „pour-point“ (также „jaquette“) были плотно прилегающія одежды, которыя надѣвали непосредственно сверхъ сорочки, подъ верхнее платье; первая изъ нихъ (jupon), родъ застегивающагося лифа съ короткими полами, вторая—родъ кафтана на пуговицахъ, съ довольно узкими длинными или короткими рукавами, покрывавшаго по крайней мѣрѣ верхнюю часть бедръ. Эта одежда походила болѣе всего на „cotte-hardie“, изъ котораго она, вѣроятно, и образовалась, также какъ „cotte hardie“ образовалось изъ прежняго „surcot“. Между тѣмъ какъ „housse“, употреблявшаяся въ осо-

бенности въ царствованіе Карла V (съ 1364 г.), была замѣнена въ царствованіе Карла VI (съ 1380 г.) „houppelande“ и разными другими тому подобными одеждами—въ такъ называемыхъ настоящихъ плащахъ (mantle, mantelet, manteaux à pager или „manteaux à la royale), которые, конечно, при новой одеждѣ не были настолько необходимы, не произошло никакой замѣтной перемѣны; удержались также и узкія исподнія платья, измѣнявшіяся только въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, или въ украшеніяхъ.—Вообще въ это время началось настоящее господство ножницъ, а вмѣстѣ съ нимъ проявился и такъ называемый „вкусъ дня или времени“, или „мода“ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Фиг. 321.



Въ этомъ переворотѣ передовыми явились опять мужчины. Верхняя и нижняя одежда, которая до того времени, несмотря на различныя измѣненія, сохранила вообще характеръ прежнихъ туникъ (surcot), стала дѣлаться до того узкою, что при одѣваніи приходилось разстегивать ее во всю длину, причемъ, обыкновенно, нижняя одежда зашнуровывалась, а верхняя застегивалась на маленькія пуговицы. Кромѣ того еѣ кроили такимъ образомъ, что зашнурованная или застегнутая она облегла тѣло совершенно гладко, не дѣлая ни одной складки, и доходила обыкновенно только до половинъ бедръ (фиг. 37 а. в. с; фиг. 38 а. в; фиг. 39 а, в). Рукава нижней одежды, сохранивши прежнюю длину, стали еще уже, и не рѣдко доходя въ видѣ узкихъ маншетъ до самыхъ пальцевъ, застегивались на пуговицы (фиг. 38 а.), рукава-же верхней одежды, утративъ прежній чрезмѣрный объемъ, дѣлались рѣдко цѣльными, а чаще полурукавами, и не на столько узкими, какъ нижніе (фиг. 37 а. с; фиг. 39 а.). Ради длинныхъ рукавовъ нижней одежды, носившихся на виду, вошло въ обыкновеніе дѣлать эту одежду (которой иногда давали форму крайне узкаго жилета съ рукавами) изъ

такой же дорогой матеріи, какъ и верхнюю, хотя и безъ тѣхъ украшеній, которыми обыкновенно такъ тщательно убирала послѣднюю. Кромѣ того что для этихъ одеждъ выбирали шелковыя матеріи, бархатъ, или сукна яркихъ цвѣтовъ и различныхъ узоровъ, и иногда даже украшали эти матеріи вышивками, обращали особенное вниманіе на изящную выдѣлку пуговиць, число которыхъ на одеждѣ было значительно умножено, и на ихъ оправу, имѣвшую продолговатую форму. Что же касается зубчатыхъ вырѣзовъ по подолу, бывшихъ до этого времени въ большомъ употребленіи, то они встрѣчались теперь гораздо рѣже, замѣняясь иногда небольшими особой формы металлическими привѣсками (фиг. 37 а. с.), и наконецъ остались только на плащахъ и другихъ длинныхъ и широкихъ одеждахъ (фиг. 38 а. б; фиг. 30b). Верхній кафтанъ продолжали дѣлать по прежнему съ капюшономъ, хотя всё рѣже и рѣже, и иногда оторачивать мехомъ по подолу и по рукавамъ. Такое плотно обтягивающее платье употреблялось даже для охоты (фиг. 40 с), хотя для этого, также какъ и для всякаго другаго случая, гдѣ требовались болѣе свободныя движенія, сохранились туникообразныя, широкія „surcot“ (фиг. 40 а. б.), удержавшіяся вообще у крестьянъ и ремесленниковъ не только далѣе окончанія этого періода, но даже и до конца среднихъ вѣковъ (срав. фиг. 33 а. б. с.).

Фиг. 38.



Поясъ, имѣвшій при узкой одеждѣ значеніе простаго украшенія, стали опускать все ниже и ниже и наконецъ значительно ниже бедръ. Какъ вещь для показа и щегольства, его отдѣлывали украшеніями изъ благородныхъ металловъ и т. п. (фиг. 38 а. б. и слѣд.).

Панталоны въ обтяжку\* остались безъ измѣненія, но по мѣрѣ удлинненія носковъ обуви, удлиннялась также и ихъ нижняя часть, а со времени Филиппа Валуа (1328) сверхъ нихъ стали надѣвать особый родъ чулокъ или носковъ, доходившихъ или до колѣнъ, или только до икръ.

Что касается обуви, то она не мало разнообразилась какъ по формѣ, такъ и по цвѣту, помимо все еще увеличивавшагося удлинненія ея носковъ, которое дошло до такой несоразмѣрности, что снова вызвало запретъ со стороны не только духовенства, но и правительства. Тѣмъ не менѣе всё оста-

\* Эти панталоны (франц. chausses), которые вѣрнѣе было бы назвать наношниками, обтягивали, какъ трико, всю ногу вмѣстѣ со ступней. Пер.

лось по прежнему; мало того, пристрастіе къ длиннымъ носкамъ еще болѣе усилилось и дошло наконецъ до того, что (особенно въ Англіи) длина нос-

Фиг. 39.



ковъ не рѣдко переходила высшую мѣру, данную Филиппомъ IV (стр. 61.), и что даже между духовенствомъ употребленіе такой обуви распространилось такъ сильно, что соборомъ въ Анжерѣ (Angers), около 1365 г., было настоятельно запрещено духовнымъ лицамъ носить подобную обувь. Уже прежде, въ 1350., въ тѣхъ же видахъ, Іоаннъ II издалъ особыя постановленія касавшіяся башмачнаго ремесла въ Парижѣ, что имѣло, конечно хорошее вліяніе на производство обуви, но не могло измѣнить преслѣдуемой моды. Не остановилъ распространенія ея и штрафъ или пошлина въ 5 флориновъ, которую наследникъ Іоанна, Карлъ V, назначилъ за ношеніе такой обуви. Только въ царствованіе Карла VI употребленіе ея нѣсколько ослабѣло, но лишь затѣмъ, чтобы впоследствии снова усилиться.

Съ улучшеніемъ башмачнаго мастерства, появились, кромѣ обыкновенной обуви, различныя богато отдѣланныя башмаки, полубашмаки и полусапожки. Къ первымъ принадлежали „soulers tranchies“, разрѣзанныя вдоль подъема, гдѣ иногда пришивались маленькія красивыя пуговицы, которыми застегивался башмакъ; кромѣ того были еще „soulers eschichies“, которые изготовляли изъ матерій затканыхъ золотомъ и серебромъ, вышивали жемчугомъ и т. п. и дѣлали иногда на завязкахъ, или на шнуровкѣ, и наконецъ башмаки съ отвернутыми ушками или клюшами, и разными выпуклыми украшеніями. Ко вторымъ принадлежали башмаки съ такой же отдѣлкой, но имѣвшіе нѣрѣдко форму штиблетъ, всевозможныхъ

цвѣтовъ, чаще краснаго и голубаго; они изготовлялись, какъ и вообще обувь того времени, изъ различныхъ матеріаловъ — кожи, войлока, сукна, шелка, бархата и т. п. и дѣлались на каждую ногу особо.

Фиг. 40.



Всѣ, что было изобрѣтено новаго по части головныхъ уборовъ, отчасти повторяло уже имѣвшіяся формы. Маленькія шапочки („coiffes, souvge-chefs“) и кашюшонъ („capuchon“) употреблялись какъ и прежде, съ той только разницей, что дѣлались изъ болѣе дорогихъ матерій и съ болѣе дорогими украшеніями, при чемъ кашюшоны, которые или пришивали къ платью, или носили отдѣльно, измѣнились особенно въ томъ отношеніи, что и безъ того длинная ихъ верхушка стала еще длиннѣе, и не рѣдко доходила даже до пола (фиг. 41 с.). Кромѣ того употреблялись, по прежнему, шапки, шляпы и повязки („chapeles, chapegons“ и т. д.), отличавшіяся отъ прежнихъ болѣе богатыми украшеніями, и приготовлявшіяся изъ разныхъ дорогихъ матерій (шелка или бархата), съ дорогой мѣховой, или какой либо другой особенно богатой отдѣлкой. У такихъ шляпъ поля обшивались шелковой или золотой бахромой, а иногда и кружевами; тулью, обвитую шнуркомъ, обшивали всю или только по мѣстамъ небольшими эмальированными бляшками, спереди, надо лбомъ, къ ней прикрѣпляли аграфъ иногда съ перомъ или пучкомъ перьевъ (ср. фиг. 40 b. и фиг. 44 a—d). Относительно формы, кромѣ головныхъ повязокъ, которыя только увеличились въ объемѣ, болѣе всего измѣнились шляпы и шапки. Измѣненіе поя-

зюкъ состояло лишь въ увеличеніи ихъ объема. Шляпы же и шапки дѣлались то болѣе высокими, то болѣе низкими, въ видѣ валиковъ, согнутыми, плоско-полукруглыми, то съ полями, то безъ полей; полукруглыя шляпы съ болѣе или менѣе твердою тульей иногда обматывали на подобіе тюрбана (фиг. 44 а—d). Приготавливались онѣ кромѣ названныхъ уже матерій, также изъ войлока, сукна, кожи и т. п. всевозможныхъ цвѣтовъ, вслѣдствіе чего многочисленный цехъ шапошниковъ въ Парижѣ раздѣлился на нѣсколько отдѣльныхъ отраслей этого производства. — Въ это же время появились снова, столь любимыя прежде, головныя обручи и повязки, надѣвавшіеся на самый лобъ; но какъ прежде, такъ и теперь употреблялись они только молодыми, да и то гораздо рѣже прежняго (срав. фиг. 38 а. б.); настоящіе же вѣнцы сдѣлались исключительно знакомъ сана (фиг. 39 а. б.).

Изъ широкихъ и длинныхъ одеждъ, за исключеніемъ плаща, который не подвергался никакой значительной перемѣнѣ (фиг. 38, фиг. 39 б) — употреблялись преимущественно „housse и „houppelande“, отчасти сверхъ узкой одежды для ея прикрытія, а также и сами по себѣ. Покрой и украшенія этихъ одеждъ оставались частью тѣ же самыя, или же измѣнялись только въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, и эти-то измѣненія повели къ постепенной выработкѣ совершенно новаго покроя платья. Такъ „housse“, черезъ то, что раскрытые бока ея были наглухо сшиты, а спереди сдѣланъ разрѣзъ начиная отъ пояса внизъ, обратилась въ настоящую верхнюю одежду съ широкими или узкими рукавами или полурукавами, иногда довольно укороченную (фиг. 41 б. с.). Такъ какъ такое широкое платье нельзя было носить безъ пояса, то этотъ послѣдній, надѣвавшійся прежде для красоты, получилъ теперь свое настоящее значеніе, и тѣмъ болѣе, что въ это же время возобновился старинный обычай носить на поясѣ кошельки (фиг. 41 а. б. в.). Эти кошельки, называвшіеся въ Англіи „girciere“, а во Франціи

Фиг. 41.



„amôniers“ сдѣлались необходимой принадлежностью одежды, и такъ какъ на форму и отдѣлку ихъ обращали особенное вниманіе, то вслѣдствіе этого образовался особый цехъ кошелечныхъ мастеровъ.

Между тѣмъ какъ „housse“ принимала все болѣе и болѣе виль „houppelande“, такъ что въ Англіи, въ царствованіи Ричарда II (съ 1377 г.), не разъ поднимались жалобы на то, что мужчины одѣваются одинаково съ женщинами, сама „houppelande“ сохранила вполнѣ свой покрой длиннаго и широкаго платья, открытаго спереди и съ рукавами (фиг. 42; 43 а. d.). Все измѣненія ограничились только рукавами и отдѣлкою ихъ, которая стала гораздо богаче, особенно когда съ устраненіемъ „housse“ это платье стало считаться самой парадной верхней одеждой. Не смотря на большее количество матеріи, которое требовалось на houppelande, ее изготовляли нерѣдко изъ шелка, и даже бархата, разшивали богатыми узорами, подбивали и обшивали дорогимъ мѣхомъ, а при случаѣ украшали даже золотомъ и жемчугомъ, что особенно вошло въ употребленіе къ концу столѣтія. Чѣмъ болѣе распространялась эта одежда, тѣмъ длиннѣе ее дѣлали, такъ что наконецъ она волочилась по полу (фиг. 43 а. b.); а если же она назначалась для верховой ѣзды, то для этого дѣлались на ней разрѣзы сзади (фиг. 43 е.). Рукава ея кроились также гораздо длиннѣе и шире прежняго, такъ что нерѣдко и они волочились по полу; къ концу царствованія Карла VI (съ 1385 г.) стали еще носить при этой одеждѣ довольно высокой и жесткій воротникъ и валики, прикрѣпившіеся у плечъ надъ рукавами или подъ рукавами, и дѣлавшіе рукава болѣе пышными. Эти валики, называвшіеся „mahoitres“, остались потомъ надолго въ модѣ (фиг. 43 а. с.). Поясъ, который носили и при этой одеждѣ, также какъ и при „housse“, стали опоясывать гораздо выше прежняго—т. е. ближе къ груди,—что было крайне некрасиво и несообразно съ естественнымъ строеніемъ тѣла. Безвкусіе этой одежды увеличивалось еще тѣмъ, что такъ любимые тогда вырѣзки на краяхъ платьевъ дѣлались на ней до того несоразмѣрными, что, какъ говоритъ лѣтописецъ Ст. Дени (St. Denis), одѣтые въ houppelande походили болѣе на связки лоскутьевъ, чѣмъ на одѣтыхъ людей.

Фиг. 42.



Судя по рисункамъ того времени (если только эти рисунки вѣрны), появились въ концѣ этого столѣтія еще нѣсколько другихъ видовъ одежды, которые, впрочемъ, были ничто иное, какъ видоизмѣненіе прежнихъ (фиг. 44 а—d; фиг. 45 b.), за исключеніемъ развѣ одного только длиннаго платья, покрывавшаго все тѣло и имѣвшаго широкій и очень длинный плечевой воротникъ, который, вѣроятно, изготовлялся изъ какой либо жесткой матеріи, или сукна, такъ какъ не смотря на свою ширину облегалъ плечи не дѣлая складокъ (фиг. 45 а).

Изъ прочихъ принадлежностей одежды, извѣстныхъ уже съ давнихъ поръ,  
Вейсв. v.

но еще болѣе распространенныхъ въ это время, употреблялись, кромѣ поясныхъ кошелевѣ, разныя украшенія, какъ кольца, запястья и т. п., также

Фиг. 43.



Фиг. 44.



перчатки, длинные или короткія, и длинныя трости. Перчатки приготовлялись или просто изъ кожи, или изъ шелковой ткани и въ этомъ случаѣ не рѣдко вышивались узорами; украшенія дѣлались металлическія (изъ золота, серебра или бронзы — золоченой мѣди) и нерѣдко, какъ наприм. поясныя пряжки, были съ рѣзбою и обложены камнями; трости же, вошедшія особенно въ употребленіе въ царствованіе Карла VI (съ 1380 г.), дѣлались всегда изъ какого нибудь особенно дорогаго дерева, съ металлическимъ разукрашеннымъ набалдашикомъ (фиг. 45 а. б.).—Было также принято, хотя и не всѣми и не всегда, носить на поясѣ или при кошелькѣ ножъ въ родѣ кинжала, тоже богато отдѣланный.

Что касается прически волосъ, то было принято носить волосы бѣльшей частью немного подстриженными и подвитыми. Отступали отъ этого правила только молодые люди, оставлявшіе свои волосы въ естественномъ видѣ. (фиг. 38 а. б.). Тоже можно сказать и относительно бороды, которую также какъ и прежде большею частью брили, такъ что только пожилые люди и высокопоставленныя лица носили полную бороду, которой, впрочемъ, въ половинѣ этого столѣтія, стали также придавать болѣе заостренную форму, на подобіе козлиной бороды (фиг. 39 а. б; фиг. 43 б). Впрочемъ, вскорѣ затѣмъ рыцари снова стали носить круглыя бороды, и вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя сначала въ очень рѣдкихъ случаяхъ, брить бакенбарды, оставляя бороду и усы, или только одни усы. Мода эта, ради ея языческаго происхожденія, подвергалась часто строгому порицанію.

Фиг. 45.



Въ женской одеждѣ происходили такія же измѣненія, какъ и въ мужской, съ тою только разницей, что она удержала свою прежнюю длину и укороти-

лась лишь въ верхней своей части, т. е. лифѣ, и что сверхъ платья стали надѣвать родъ узкой курточки.

Изъ двухъ главнѣйшихъ одеждъ, нижней—*cotte*, и верхней—*cotte hardie* (*surcot*), первая измѣнилась только въ томъ отношеніи, что сдѣлалась еще уже, вслѣдствіе чего разрѣзы по бокамъ лифа и спереди его, доходившіе до самаго пояса, а также и вдоль длинныхъ и постоянно узкихъ рукавовъ, принимали все большіе размѣры и обсаживались пуговицами, или стягивались шнуровкой, а вырѣзъ лифа вокругъ шеи дѣлался постепенно все глубже и глубже (сравн. фиг. 46 а. ff.). Въ такомъ видѣ, облекая плотно верхнюю часть туловища, одежда эта составляла въ домашнемъ употребленіи нерѣдко единственное платье, почему и обращалось особенное вниманіе на матерію, изъ которой она приготовлялась, а также и на ея отдѣлку. Рукава этой одежды обыкновенно доходили до пальцевъ, охватывая руку въ видѣ узкозастегнутыхъ манжетъ, а ея юбка иногда удлиннялась на столько, что лежала шлейфомъ (фиг. 46 а.). — Верхняя одежда, назначавшаяся соб-

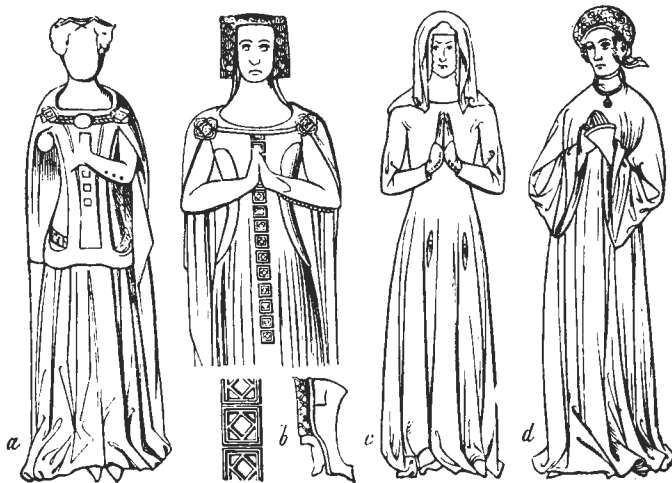
Фиг. 46.



ственно для ношенія въ обществѣ и считавшаяся по этому нарядною, различалась нѣсколько покроємъ отъ нижней, и притомъ, соотвѣтственно своему назначенію, дѣлалась изъ болѣе дорогихъ матерій и съ болѣе богатой отдѣлкой. Разница въ покроѣ между нижней и верхней одеждой заключалась въ томъ, что послѣдняя или во всемъ походила на первую, отличаясь отъ нея лишь болѣе длинной и въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе короткими и болѣе широкими рукавами (фиг. 46 с; фиг. 47 с. d); или же сохраняла форму безрукавной верхней одежды (фиг. 36 с), по сѣуженной и приспособленной для застегиванія и шнурованія (фиг. 47 b), при чемъ, для того чтобы можно было видѣть находящуюся подъ нею нижнюю одежду, на обѣихъ бокахъ ея,

отъ талии внизъ, дѣлались прорѣзы, и кромѣ того, шлейфу ея придавалась большая полнота (фиг. 46 b). Эти прорѣзы и шлейфы, какъ бросающееся въ глаза нововведеніе, вызвали протестъ со стороны строгихъ моралистовъ. Прорѣзы они называли въ насмѣшку адскими окошками (*fenêtres d'enfer*), изъ которыхъ выглядываютъ бѣсы кокетства; что же касается шлейфовъ, которые во Франціи при Карлѣ V (съ 1364 г.) и въ Англіи до Ричарда II (до 1377 г.) достигли почти аршинной длины, то на нихъ нападали они еще болѣе, распространяя, преимущественно въ Англіи, особые пасквили, не имѣвшіе, конечно, никакого успѣха, такъ что на зло имъ, мода эта нашла себѣ покровительницу въ лицѣ даже супруги Карла VI, Изабеллы Баварской (1385 г.). Если одежда эта дѣлалась съ рукавами (что въ послѣдствіи случалось довольно часто), для чего шивались особенныя боковыя полотнища, то рукава ея были или такъ же длинны и узки, какъ рукава нижней одежды, или немного короче и шире ихъ (фиг. 47 c. d.), или же, наконецъ, совершенно подобны рукавамъ мужской „*houppelande*“ — т. е. очень широки и иногда такъ длинны, что почти доходили до земли. При этомъ измѣненіи, которому позднѣе, въ царствованіе Карла VI, подверглись и рукава другой верхней одежды, вошло въ обыкновеніе, для болѣе свободнаго движенія руки, разрѣзать рукава до самаго локтя и, совершенно также какъ и при мужской одеждѣ, дѣлать ихъ болѣе пышными на плечахъ и вырѣзывать зубцами по краямъ. Верхняя одежда дѣлалась изъ самыхъ дорогихъ матерій — шелковыхъ, протканыхъ золотомъ или серебромъ, парчи, бархата, сукна, и пр.; её также оторачивали и подбивали драгоценными мѣхами — собольимъ, горностаевымъ, куньимъ и другими, расшивали разноцвѣтными узорами, а для дворянъ ихъ гербами (фиг. 48 а; ср. фиг. 49 a. b). Что касается пояса, то съ нимъ было тоже, что и съ мужскимъ: при узкой одеждѣ онъ оказывался лишнимъ, но его всё таки носили какъ украшеніе, надъвая гораздо ниже талии; позднѣе, къ концу столѣтія, когда онъ снова сталъ нуженъ, его опоясывали совершенно на оборотъ — очень высоко, почти подъ самую грудь (фиг. 49 а; фиг. 47 a—d).

Фиг. 47.



Эта одежда дополнялась, во Франціи еще ранѣе 1340г. а вскорѣ послѣ того и въ Англии, особымъ лифомъ, который носили сверхъ платья (фиг. 47 а; фиг. 48 в.). Лифъ этотъ походилъ отчасти на безрукавную накидку, но обыкно-

Фиг. 48.



венно спускался только немного ниже бедръ, и облегая корпусъ или совершенно гладко, или же отчасти складками, имѣлъ видъ красивой безрукавки. Вслѣдъ за этимъ лифомъ, имѣвшимъ также, какъ и прежнія накидки, большіе и широкіе проймы для рукъ (фиг. 47 а.), въ послѣдствіе вшивались рукава, появилась настоящая кофточка, которая, такъ какъ ее дѣлали еще болѣе соответствующей росту и тѣлосложенію, особенно понравилась (фиг. 48 в.). Такъ какъ эта одежда, въ обоихъ видахъ своихъ, съ самаго начала считалась скорѣе какъ красивая прибавка къ костюму, то съ самого ея появленія въ видѣ безрукавой накидки, её стали изготовлять изъ золотой и серебряной парчи, цвѣтной шелковой матеріи или бархата, съ опушкой изъ дорогаго мѣха, преимущественно горноста, при чемъ спереди, внизъ отъ шеи, нашивались (какъ бы для застегиванія) красивыя пуговицы. Въ формѣ кофточки она дѣлалась изъ тѣхъ же матерій и тоже обшивалась мѣхомъ (кромѣ впрочемъ рукавовъ) (фиг. 48 в; фиг. 49 в), но уже дѣйствительно застегивалась на пуговицы, а въ послѣдствіи ее снабжали спереди противъ груди упругою планшеткою (что, какъ говорятъ, было введено Іоанной Бурбонской, супругой Карла V), и украшали вокругъ бедръ вышитой полосой, въ подражаніе, вѣроятно, настоящему набедренному поясу, который при прежнихъ накидкахъ, открытыхъ на бокахъ, былъ видѣнъ сквозь разрѣзы (фиг. 47 а; фиг. 48 в; фиг. 49 в).

Почти одновременно съ появленіемъ упругихъ нагрудниковъ, — которые Изабелла Баварская (съ 1385 г.) ввела въ употребленіе и при своемъ дворѣ, что еще болѣе способствовало ихъ распространенію — вошли въ моду, уже давно принятые нѣкоторыми, нескромно открытые лифы, незамедлившіе переступить все границы приличія. Такъ, начиная съ царствованія

Карла VI становится очень обыкновенным носить платья съ лифомъ настолько вырѣзаннымъ, что оиъ оставлялъ обнаженными груди (фиг. 49 а). Негодование и убѣжденія моралистовъ остались и на этотъ разъ совершенно тщетными. Не помогъ и протестъ столь любимаго Роберта де Блуа, насмѣливо совѣтовавшаго женщинамъ „не позволять никому, кромѣ мужа, касаться ихъ грудей, такъ какъ для отраженія подобныхъ посягательствъ изобрѣтены застежки и булавки“; надъ нимъ только посмѣялись, а мода осталась. Но одновременно съ этою модою явилась другая противоположная крайность—закутыванье себя на подобіе монахинь (сравн. фиг. 47 с.), принятое, впрочемъ, преимущественно въ мѣщанскомъ сословіи, и то лишь старыми женщинами, или же, какъ исключеніе, во время траура, хотя для послѣдняго случая употреблялась обыкновенно совершенно особаго рода одежда, приготовлявшаяся исключительно изъ темной, бѣльшей частью черной матеріи, при чемъ вдовы носили иногда до вторичнаго вступленія въ бракъ бѣлый напечникъ (scapulier), на которомъ были нарисованы или вышиты черныя слезы, а поясъ замѣняли шнуркомъ, походившимъ на опояску францисканцевъ.

Фиг. 49.

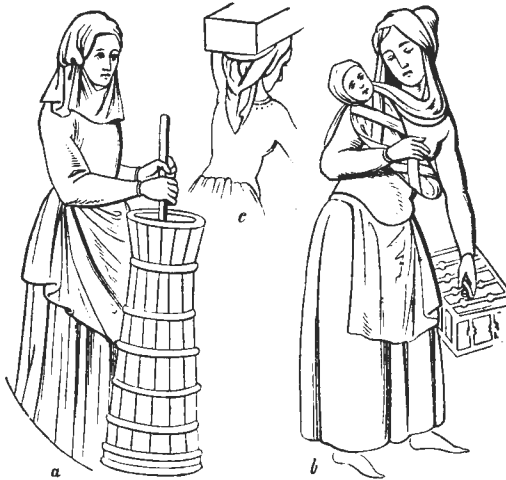


Плащи не испытали никакихъ особенныхъ измѣненій. Они сохранили покроемъ полукруглой накидки, длинной и широкой, сходящейся двумя конца-

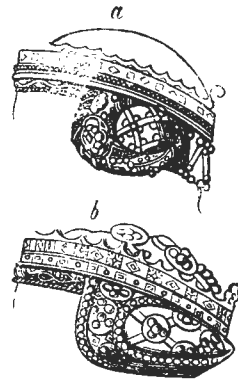
цами на груди, и слерживаемой пряжками, съ прикрѣпленными къ нимъ шнурами (фиг. 47 а. b; фиг. 48 а.). Знатныя дамы, слѣдуя примѣру супруги Карла VI, Изабеллы Баварской, извѣстной по своей любви къ роскоши (фиг. 49 a) — носили плащи со шлейфами такихъ размѣровъ, что при выходѣ въ плащъ, шлейфъ его должны были нести слуги или служанки, иначе въ немъ трудно было двигаться, и это тѣмъ болѣе, что плащъ сталъ теперь нарядной одеждой, дѣлался изъ тяжелыхъ дорогихъ матерій, съ мѣховою опушкой, или даже совѣтъ на мѣху (фиг. 49 b). Но вмѣстѣ съ этими плащами вошли постепенно въ употребленіе и болѣе короткія накидки („mantelet, heuke“), походившія на короткія, колоколообразныя накидки мужчинъ (отъ которыхъ онѣ и были, вѣроятно, заимствованы) и распространились преимущественно между нѣшнимъ сословіемъ.

Минуя обувь, въ которой не появлялось почти ничего новаго, и которую, не смотря на запрещеніе Карла V и всевозможныя убѣжденія, женщины носили тоже съ заостренными носками, „какъ-бы на поруганіе церкви и Бога“ (фиг. 49 b.), — страсть къ новизнѣ сказалась особенно въ измѣненіи головныхъ уборовъ. Не покидая разъ принятыхъ формъ, къ нимъ присоединили нѣсколько новыхъ, частію довольно красивыхъ, частію очень странныхъ. Такъ къ шолковымъ головнымъ сѣткамъ, *сегрипес*, прибавили золотой обручъ красивой работы, съ двумя широкими валиками изъ золота, драгоценныхъ камней и т. п., приходившимися прямо противъ ушей и закрывавшими ихъ собой (фиг. 51 а. b; ср. фиг. 47 b). Затѣмъ измѣненія этой формы ограничивались одними валиками и обнаружались въ

Фиг. 50.



Фиг. 51.



несоизмѣрному увеличеніи объема послѣднихъ. По прошествіи только немногихъ лѣтъ со времени введенія ихъ, приблизительно съ 1364 г., валики эти, дѣлавшіеся уже полукруглыми или продолговатыми, имѣли почти футъ длины (сравн. фиг. 48 а) и при томъ такую странную форму, что противъ нихъ возставало, хотя и тщетно, не только духовенство, но и міряне, — про-

повѣдникъ Senare и стихотворецъ Eustache de Champs. Такимъ же по-рицаніямъ подвергались и другіе вновь появившіеся не менѣ странные го-ловные уборы, образованные изъ соединенія чепцовъ съ вуалемъ. Эти го-ловные уборы (atours) носили или очень высокими, при чемъ по срединѣ ихъ дѣлалось раздвоеніе, вдоль краевъ котораго шли узкіе валики, а сзади ви-сѣлъ кусокъ матеріи (фиг. 49 а. б.), или же въ видѣ роговъ съ прикрѣпленною къ нимъ вуалю; кромѣ того дѣлали ихъ также въ формѣ широкаго круглаго валика, облежавшаго голову на подобіе сердца или какъ либо иначе, или про-сто въ видѣ высокихъ наколокъ изъ проволоки, или серебряныхъ булавокъ обтянутыхъ какой нибудь тонкой матеріей; но каждый головной уборъ укра-шался по возможности богато шитьемъ, жемчугомъ и т. п. При всѣхъ этихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ головнаго убора, появившихся вообще только къ концу четырнадцатаго столѣтія, и особенно во Франціи, имѣла большое значеніе вуаль, для которой выбирались преимущественно самыя тонкія льняныя ткани. Вообще вуаль составляла постоянно одно изъ лю-бимѣйшихъ украшеній, отъ котораго никто охотно не отказывался, особенно при болѣе простыхъ головныхъ уборахъ, какія напр. носили бѣльшую часть въ Англіи. Къ такимъ уборамъ принадлежали, кромѣ прежнихъ об-щеупотребительныхъ колпаковъ, шапокъ, завязныхъ чепцовъ и т. п. (сравн. фиг. 48 б.), нововведенные шарообразные чепцы съ сплоенными оборками, обрамливавшими лицо и спускавшимися до самыхъ плечъ. Эти чепцы носили преимущественно однѣ только пожилыя женщины.

Въ прическѣ не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій во все продолженіе этого періода. Волосы раздѣляли, какъ и прежде, проборо-ромъ, идущимъ ото лба по срединѣ головы, и заплетали въ косы, которыя носили свободно спущенными сзади, или же обвивали вокругъ головы и скрывали подъ головнымъ уборомъ. Еслиже иногда волосы носили распу-щенными—что встрѣчалось особенно у молодыхъ—тогда нерѣдко вплетая въ нихъ для украшенія жемчугъ, кораллы и т. п.

Что касается уборовъ и украшеній, то они становились все богаче, художественнѣе и дороже. При томъ же теперь уже не довольствовались одними только украшеніями въ собственномъ смыслѣ, какъ браслеты, коль-ца, шейныя цѣпи, пояса, аграфы и т. д., но требовали такой же богатой и искусной отдѣлки и для такихъ вещей, которыя составляли какъ бы непо-средственную принадлежность одежды, напр. пуговицъ, обшивокъ, а также поясныхъ кошелековъ и флакончиковъ для духовъ, которые тоже прикрѣп-лялись къ поясу цѣпочкой. Благодаря такому запросу, многіе города, въ особенности Монпелье и Парижъ, обратились въ главныя мастерскія золо-тыхъ издѣлій, и уже около 1355 г. и позже около 1365 г. парижскіе зо-лотыхъ дѣлъ мастера получили особое предписаніе, опредѣлявшее величину камней которые они могли отдѣлывать, и строго воспрещавшее всякаго рода обманъ дурною работою, не настоящаго достоинства металломъ, фальшивы-ми камнями. Не менѣ значительнаго развитія достигли у женщинъ раз-ныя помады, притиранія и румяна, въ употребленіи которыхъ онѣ дошли по-степенно до большого искусства. Но и противъ этого обычая явилось не ма-ло протестовъ, и между прочимъ, епископъ Гуго изъ Безье (Beziers), около

1369 г., подъ страхомъ тяжкаго наказанія запретилъ въ своемъ діоцезѣ употреблять эти средства.

Кромѣ того женщины, также какъ и мужчины, носили перчатки, и даже липныя разукрашенныя трости; послѣднія, впрочемъ, вошли въ моду у женщинъ только къ концу царствованія Карла VI и продержались недолго.

Что же касается отдѣлки всего костюма, то въ этомъ отношеніи удержался старинный обычай составлять платья изъ различныхъ цвѣтовъ, соотвѣтственно цвѣтамъ гербовъ, или же совершенно по произволу, такъ что половинчатый костюмъ \* (сшитый изъ двухъ разнаго цвѣта матерій: такъ наз. *mi-parti* или *party-coloured*) не только остался по прежнему въ модѣ, но достигъ еще большаго разнообразія, особенно начиная съ половины этого періода. Во Франціи со временъ Карла VI, а въ Англіи съ Ричарда II (1377—1399) разноцвѣтныя одежды, составленныя изъ полосъ то вертикальныхъ, то горизонтальныхъ, то косыхъ, стали украшать вышивками гербовъ, животныхъ, растений, и шивать изъ матерій различныхъ уже не по одному цвѣту, но и по качеству. Такимъ манеромъ, некрасиво разбивавшемъ станъ на квадраты или куски, отдѣлялось только верхнее платье, покрывавшее туловище, и плащи, исподнее же (панталоны) осталось и теперь по прежнему двуцвѣтнымъ (половинчатымъ: сравн. фиг. 39 а). Весьма странное украшеніе появившееся во Франціи и въ Англіи уже въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія, но просуществовавшее очень недолго, составляли небольшіе металлическіе бубенчики, которые носили или вокругъ шеи, въ видѣ ожерелья, или на поясѣ, или обшивали ими длинную перевязь, которая надѣвалась черезъ плечо и спускалась иногда до колѣнъ <sup>1</sup>.

Наступилъ пятнадцатый вѣкъ. Роскошь, распространившаяся еще до этого времени въ Англіи при Ричардѣ II, а во Франціи при Карлѣ VI и подъ покровительствомъ супруги его Изабеллы и герцоговъ Беррійскаго и Орлеанскаго, удержалась въ той же степени, какъ и прежде, но сосредоточивалась постепенно при богатомъ и блестящемъ Бургундскомъ Дворѣ, причиной чему была отчасти смерть щеголеватаго и дававшего тонъ герцога Орлеанскаго, убитаго около 1407 г. Іоанномъ Бургундскимъ, частью же постоянно возобновлявшаяся англо-французская война, которая хотя и пріостановила на время роскошь, но нисколько не уменьшила расположенія къ ней. Не смотря на смуты этой бѣдственной войны, на постоянно повторявшіеся протесты моралистовъ и строгіе законы противъ роскоши, также какъ и на стараніе самаго Лудовика XI (1461—1483) противоудѣйствовать ей своимъ собственнымъ примѣромъ, наклонность къ роскоши не только не уменьшалась, но еще болѣе усиливалась благодаря вліянію названнаго, т. е. бургундскаго двора. Впрочемъ, хотя богатая Бургундія, послѣ сѣдиненія своего съ Нидерландами въ 1431 г., занимала, по самому богатству своему, первое

\* Каждая часть этого костюма дѣлилась вертикально на двѣ половины разнаго цвѣта напр. правая сторона куртки (*rougpoint*) желтая, а лѣвая черная, также и панталоны — на правой ногѣ одного цвѣта, на лѣвой другого. — <sup>1</sup> Ср. W. Fairholt. *Costume in England*. p. 180 съ рис., по которому мнѣніе о распространеніи этихъ бубенчиковъ, высказанное Фальюмъ (*Die deutsche Trachten—und Modenwelt* Lpz. 1859 I, 237): «Исторія одежды въ Англіи не знаетъ ихъ и т. д.» оказывается невѣрнымъ.

мѣсто между Европейскими державами, вліяніе ея на Францію, а черезъ ея посредство и на Англію, вначалѣ было весьма незначительно, такъ какъ въ это время обѣ эти страны нуждались въ денежныхъ средствахъ; но съ 1431 г., когда война кончилась въ пользу Франціи, оно до такой степени усилилось и упрочилось, что Бургундія стала единственнымъ образцомъ для всего, что только касалось наружнаго блеска и пышности. Эту первенствующую роль она удержала за собою до самой смерти Карла Смѣлаго, послѣдовавшей въ битвѣ при Нанси (1477), и навсегда лишившей Бургундію ея блестящаго положенія. Вслѣдствіе этого, а также и по случаю перехода государства въ руки Максимилиана I, женившагося на Маріи — дочери и наслѣдницѣ Карла Смѣлаго, и немѣвшаго не только достаточно денегъ, но и самой склонности къ подобной роскоши, тѣмъ болѣе, что ему приходилось оспаривать право своего наслѣдства, а около 1488 отказаться отъ престола—Франція получила снова первенство въ области моды, хотя и не на долго, такъ какъ вскорѣ послѣ смерти Лудовика XII, съ 1515 г., она должна была уступить его Испаніи, которая съ этихъ поръ приобрѣтаетъ въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе значенія.

Разнообразныя измѣненія, которымъ подвергалась одежда, производились до сихъ поръ постоянно только надъ имѣвшимися уже видами платья, такъ что перемѣна ограничивалась вообще только болѣшимъ усовершенствованіемъ уже вошедшихъ въ употребленіе странностей; и это время перехода къ другимъ новымъ видамъ платья продолжалось по крайней мѣрѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ, почти до 1440 г., до начала настоящаго модовладычества Бургундіи.

Фиг. 52.

На мужской одеждѣ оно отразилось настойчивымъ стремленіемъ превзойти, если возможно, уже принятое шнурованье и стягиванье, равно какъ и всѣ безобразныя покрои вошедшіе въ моду при Карлѣ VI, удержавъ при этомъ длинныя и широкія верхнія одежды.

Верхнее платье (кафтанъ), которое къ концу прошлаго столѣтія, при чрезмѣрно узкомъ покроѣ, едва доходило до половины бедръ, постепенно сѣзилось и укоротилось теперь настолько, что наконецъ получило видъ узкой въ обтяжку куртки съ рукавами и съ такими коротенькими полками, что онѣ едва прикрывали нижнюю часть туловища (фиг. 52). Вмѣстѣ съ тѣмъ вошло въ обыкновеніе какъ можно болѣе стягивать талью, грудь подбивать округло ватой, и уже безъ того высокія оплечья рукавовъ (*manôitres*) дѣлать еще выше. Самому же рукаву, который вообще дѣлался предпочтительнѣе узкимъ, стали давать вверху вздутую, бочко-



образную форму, отъ плеча до локтя, или же дѣлали въ верхней его части большой прорѣзъ, служившій для болѣе удобнаго просовыванія руки, одѣтой кромѣ того еще въ узкій рукавъ (сравн. фиг. 55 а. б.). Съ этой курткой (rougpoint, giron и др.), которая спереди зашнуровывалась, или застегивалась сверху до низу, носили узкіе панталоны, прикрѣплявшіеся подъ полами куртки вокругъ бедръ ремнями, и такъ плотно обтягивавшіе ногу, что сквозь нихъ отчетливо обрисовывались всѣ ея формы. Къ тому же, какъ-бы для того чтобы усилить непристойность такой узкости панталонъ, на мѣстѣ обычнаго дотолѣ разрѣза на нихъ, закрывавшагося полами платья, пришивали родъ жесткаго мѣшечка или „braguette“, который былъ совсѣмъ на виду (фиг. 52) и не рѣдко украшенъ бантами изъ лентъ или бахромой на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прикрѣплялся къ панталонамъ.

Очень можетъ быть, что для того чтобы хотя немного смягчить неприличіе такой одежды, не отказываясь впрочемъ отъ моднаго покроя, были введены накидки („jaquette“, англ. „jacket“), появившіяся впервые въ царствованіе Карла VI (1422—1461), которыя хотя и дѣлались также короткими, но были шире, и имѣли длинныя и широкіе рукава. Эти жакеты, тотчасъ же распространившіеся въ Англіи при Генрихѣ VI (1420 — 61), появились съ самаго начала въ двухъ различныхъ видахъ. Одинъ видъ, принятый преимущественно во Франціи, представлялъ закрытую, довольно широкую накидку, которая опоясывалась вокругъ бедръ, а посрединѣ, на самомъ поясѣ, собиралась въ косыя складки и была такъ коротка, что едва прикрывала животъ (фиг. 53 а. б.). Другой видъ, принятый особенно въ Англіи, былъ родъ не очень широкаго распашаго кафтана или камзола,

Фиг. 53.



доходившаго до половины бедръ, и только рѣдко до колѣнъ (фиг. 54). Если эта одежда должна была надѣваться сверхъ камзола съ фальшивыми плечами („mahoitres“), то рукава ея дѣлались, соответственно рукавамъ послѣдняго, такими же пышными, (фиг. 53 б; фиг. 54); вообще же рукава были очень широки и притомъ или совсѣмъ глухіе или же съ прорѣзами по срединѣ, или разрѣзные (висячіе: фиг. 53 а). Кромѣ того ихъ дѣлали еще, особенно при открытой спереди накидкѣ, то вродѣ давно уже извѣст-

ных длинных рукавовъ, доходившихъ до пола, то въ видѣ круглаго мѣшка съ небольшимъ прорѣзомъ по срединѣ для руки, или же въ формѣ колокола, и различной ширины. При этомъ было въ большомъ употребленіи отдѣлывать рукава по краямъ зубчатыми вырѣзами, и подбивать или оторачивать ихъ мѣхомъ, какъ это дѣлалось и съ самимъ платьемъ, которое служило вмѣстѣ и парадной одеждой, и дѣлалось изъ дорогихъ матерій яркаго цвѣта, съ украшеніями, вышитыми бордюрами и т. п.

Такой костюмъ, со всѣми принадлежащими къ нему прибавленіями, головнымъ уборомъ и т. п., носили всѣ имѣвшіе притязаніе на щегольство, если они не отдѣались исключительно въ длинное платье, которое въ свою очередь подверглось также моднымъ измѣненіямъ. Люди же съ небольшими средствами, или неимѣвшіе вообще наклонности къ щегольству, хотя и слѣдовали вкусу времени, но тѣмъ не менѣе придерживались болѣе благопристойной простоты, и если не вполне отказывались отъ узкаго и короткаго покроя, такъ какъ глазъ уже слишкомъ привыкъ къ нему, то по крайней мѣрѣ значительно умѣряли его. У этихъ людей верхнее платье (кафтаны)—„giron“ или „juron“, имѣло видъ просторнаго полукафтана, доходившаго до половины ноги, или походило на короткій камзолъ. У того и другого были длинные рукава, которые обыкновенно дѣлались въ складкахъ, иногда коротко и пышно подобранныхъ на плечахъ, и съ прорѣзомъ посреди верхней части рукава (фиг. 55. в.). Пакидка, надѣвавшаяся иногда сверхъ этого платья состояла обыкновенно изъ простой (куртки) „jaquette“ съ короткими полыми, или же походила на блузу („heuche“) съ полурукавами, или даже безъ рукавовъ. Панталоны же хотя и обтягивали ноги очень узко, но все таки не

Фиг. 54.



Фиг. 55.



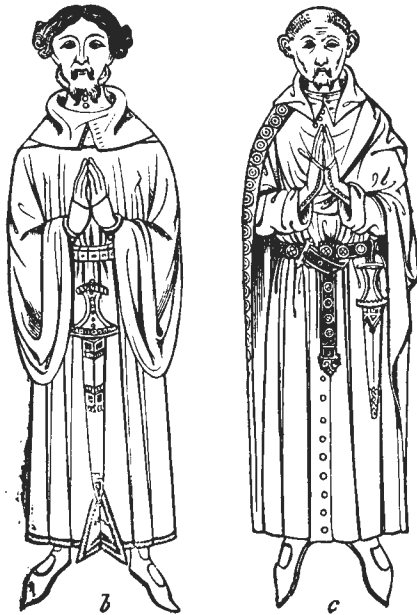
на столько, чтобъ оскорблять чувство приличія.—Названныя платья изготовлялись большею частью изъ сукна и кожи; послѣдняя употреблялась преимущественно для „jaquette“.



Изъ длинныхъ одеждъ *houppelande* сохранила свой прежній покрій, хотя и стала называться *gobe* и подъ этимъ именемъ сдѣлалась самымъ употребительнымъ верхнимъ платьемъ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, и притомъ всѣхъ классовъ. Кому позволяли средства, тѣ носили „робы“ изъ дорогихъ матерій съ богатою отдѣлкою мѣхомъ, вышивками, бахромой и т. п.

Покрій этой одежды измѣнялся довольно медленно; прежде всего измѣнились рукава, которые изъ обыкновенныхъ (фиг. 57 с) или очень широкихъ (фиг. 57 б) постепенно обратились въ обтяжные рукава короткой одежды и притомъ съ болѣе или менѣе подстеганными плечами (фиг. 56). Только къ концу этого періода и (около 1440) когда „gobe“ сдѣлалась обыкновенною всѣдневною одеждою, сталъ измѣняться покрій и самого платья, и прежде всего относительно длины, такъ что, ради большаго удобства, она дѣлалась значительно короче, обыкновенно не длинѣе лодыжекъ (фиг. 58 а. б.), или же, подобно короткой „jaquette“, сбиралась во множество складокъ, которыя слерживались шнуркомъ или поясомъ (фиг. 59 а. б.). Вообще робы этого покрія, распространившіяся преимущественно между

Фиг. 57.



среднимъ сословіемъ, дѣлались или совершенно глухія, такъ что ихъ надо было надѣвать чрезъ голову, или же распашныя, то отъ ворота до пояса, то отъ пояса внизъ, то всю длину, и съ длинными, или короткими разрѣзами спереди, сзади и съ боковъ платья, при чемъ края этихъ разрѣзовъ опушались, и даже нерѣдко подбивались мѣхомъ (фиг. 57 до фиг. 59.). Въ это же время стали носить брыджи или „colliere“ („англ. „collar“), надѣвавшіяся сверхъ короткаго воротника платья; ими же обшивались и рукава близъ самой кисти руки (фиг. 58 а. б.).—Какъ видоизмѣненіе робы, явились постепенно еще другія болѣе короткія и болѣе простыя накидки, называвшіяся „paletot“, рукава которыхъ дѣлались или совершенно разрѣзными, или разрѣзались только отчасти, и снабжались пуговицами

и шнуровкой, такъ что ихъ можно было носить по произволу открытыми или закрытыми. — Наконецъ существовалъ еще особый родъ накидки, называвшейся „tappert“ или „tabard“. Это платье, по назначенію своему соответствовавшее плащу, имѣло видъ колоколообразной накидки съ отверстіями для головы и рукъ, или же форму напличника, открытаго съ обоихъ боковъ.

Фиг. 58.



Плащи, кромѣ прибавленія къ нимъ отложныхъ воротниковъ, застегивавшихся спереди наглухо, остались безъ всякой перемѣны (фиг. 57 с.); но въ это же время, вмѣстѣ съ этими плечевыми плащами, стали снова носить настоящіе спинные плащи, застегивавшіеся на груди.

Обувь оставалась та же, что и прежде, т. е. съ длинными заостренными носками. Несмотря на постоянно повторявшіяся осужденія этой моды, никто не отступалъ отъ нея, и хотя въ концѣ царствованія Карла VI, она испытала нѣкоторое ограниченіе, но за тѣмъ снова распространилась при немъ же до такой степени, что незадолго до смерти своей (1422), онъ еще разъ строго запретилъ изготовленіе и продажу модной обуви. Впрочемъ и эта мѣра осталась также безъ всякихъ послѣдствій. Ни во Франціи, ни въ Англіи (гдѣ Эдуардъ IV тотчасъ же по вступленіи на престолъ (1461) опредѣлилъ наибольшую длину заостренныхъ носковъ обуви двумя дюймами), никто не хотѣлъ отказатся отъ разъ уже принятаго преувеличеннаго размѣра носковъ, считавшагося принадлежностью хорошаго тона. Но въ самое же царствованіе Эдуарда IV (1483), мода на длинноносную обувь, достигнувъ высшаго своего развитія, была оставлена и смѣнилась модою на тупоносную обувь на широкой подошвѣ. — Въ теченіи этого же періода появилась еще особаго рода обувь — повидимому, совершенно новое изобрѣтеніе, вызванное, вѣроятно, необходимостью облегчить и сдѣ-

латъ болѣе удобною ходьбу въ модной обуви съ непомерно длинными носками. Эта какъ бы вспомогательная обувь состояла изъ деревянной, обтянутой кожей довольно толстой подошвы,

Фиг. 59.



которая имѣла совершенно форму длинноносаго башмака и прикрѣплялась къ ногѣ ремнями. — Обыкновенная, немодная обувь состояла изъ полусопогъ и сапогъ съ длинными голенищами, доходившими за колѣно и для большаго удобства, отворачивавшимися (фиг. 55 b).

Что касается головныхъ уборовъ, то они подверглись еще новымъ измѣненіямъ, причѣмъ изъ сохранившихся старыхъ формъ кашюшонъ былъ окончательно замѣненъ шляпой и шапкой, особенно у городскихъ жителей, и употреблялся только въ неизбѣжныхъ случаяхъ, между тѣмъ какъ къ остальнымъ причудливымъ формамъ головныхъ уборовъ прибавились еще совершенно круглыя, широко-развалиетныя головныя повязки съ плоско-круглымъ верхомъ (фиг. 56; фиг. 59.), плоскія на подобіе тарелки шапки (бареты) съ твердымъ околышемъ (фиг. 55 a.), и настоящія, очень вы-

сокія конусообразныя шляпы, отчасти съ узкими кругловздутыми полями, или же съ широкимъ вытянутымъ напередъ и заостреннымъ отворотомъ; кромѣ того носили еще и совершенно жесткія, но менѣе высокія шляпы съ полями (фиг. 53 b. фиг. 59 b.). Предполагаютъ, что первую шляпу такой формы носилъ Карлъ VII, король французскій, и ввелъ ее въ употребленіе при своемъ дворѣ; но такъ или иначе, вѣрно только то, что эта форма шляпъ появилась впервые во время его царствованія (1422—1461). Вмѣстѣ съ появленіемъ означенныхъ головныхъ уборовъ (изъ которыхъ конусообразныя шапки изъ мягкой матеріи, нагнутыя напередъ, походили на старинныя фригійскія шапки: фиг. 53 a.), и отдѣлка ихъ получила большее разнообразіе. Кромѣ того что всѣ прежнія украшенія остались и развѣ только сдѣлались въ отдѣльныхъ случаяхъ еще богаче и красивѣе, къ нимъ прибавилась еще повязка (cornette), которую повязывали вокругъ шляпъ и шапокъ и которая была такъ широка и длинна, что спускалась густыми складками почти до земли (фиг. 54; фиг. 59 a. b.). Эта повязка, которую по причинѣ ея длины обматывали вокругъ шеи и плечъ, приготовлялась обыкновенно изъ тонкой шелковой матеріи „taffeta“ или „sendal“, а концы ея украшались вырѣзами или зубцами, или же маленькими металлическими привѣсками и т. п. Въ царствованіе Карла VI, во время междоусобной войны во Франціи, повязки эти служили даже отличі-

тельными знаками различныхъ политическихъ партій, напр.: Бургиньоны носили ихъ на правой сторонѣ, а Арманьяки—на лѣвой.—Высокія же шапки, которыя нерѣдко дѣлались вязанныя, также какъ и жесткія круглыя шляпы, натягивавшіяся вмѣстѣ съ матеріей (tonaille) на форму, на которой онѣ и утюжились, украшались въ это время преимущественно длинными узкими прямостоячими перьями, прикрѣпленными спереди. — Кромѣ того были еще особыя шапки изъ толстой матеріи, съ пуговицей, или съ кистью по срединѣ макушки, называвшіяся „mortiers“; эти шапки были впрочемъ отличіемъ извѣстнаго сана или званія, между тѣмъ какъ небольшія круглыя шапочки (calotte), надѣваемые подъ шляпы и шапки, были общеупотребительнымъ головнымъ уборомъ.

Распространенію этого рода шапочекъ способствовало въ особенности то обстоятельство, что Карлъ VII (1422—1461), слѣдуя требованію духовенства, носилъ волосы очень коротко остриженными, и требовалъ того же отъ всѣхъ своихъ приближенныхъ, примѣру которыхъ послѣдовали другія сословія, хотя и не въ такой сильной степени. Тоже самое постигло и борода, которыя во Франціи, въ особенности до царствованія Карла VIII (1483), и въ то же время въ Англіи до Генриха VII (1485), были изгнаны изъ высшаго, „хорошаго“ общества.

Вмѣстѣ съ общимъ преобразованіемъ мужской одежды увеличивалось все болѣе, также какъ и въ женской одеждѣ, употребленіе различныхъ украшеній, при чемъ отдѣлка верхняго платья нерѣдко состояла изъ лентъ, на которыхъ вышивали разныя остроумныя изрѣченія, или символическія знаки; ихъ носили на груди, рукахъ, плечахъ и т. д. Большую роль играли также длинныя и тяжелыя, усыпанныя камнями золотыя цѣпи, которыя носили на шеѣ.

Что касается женскаго костюма, то и онъ, точно также какъ и мужской, становился все роскошнѣе и вмѣстѣ безобразнѣе. Не смотря на то, что противъ этого безобразія возставали теперь не одни только тогдашніе публицисты, но и отцы семействъ, стараясь противоудѣйствовать ему каждый въ своей средѣ—какъ напр: рыцарь de la Tour-Landry, около 1400 г., составившій для своего семейства особый сборникъ предохранительныхъ примѣровъ,<sup>1</sup> — противоудѣйствіе это было все-таки весьма ограниченное. Въ высшихъ и достаточныхъ слояхъ общества не только продолжали слѣдовать господствующей модѣ, но и не стѣсняясь подчинялись всѣмъ ея капризамъ.

Обѣ верхнія одежды стали носить теперь еще длиннѣе и подпоясывать еще выше, чѣмъ прежде (въ началѣ царствованія Карла VI). Несмотря на то,

<sup>1</sup> Это сочиненіе, ради отличнаго содержанія своего, было уже рано напечатано и переведено на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: Der Ritter vom turn oder der Spiegel der Tugend und Ersamkeyt mit gar schönen und köstlichen Hystorien Exempeln. etc. Strassburg 1519. Другое изданіе было озаглавлено такъ: Der Ritter vom Thurn, Zuchtmaister der Weiber und Junckfrawen. Anweisung der Junckfrawen und Frawen, wess sich eynjede in ihrem standt gegen idermann etc. halten soll. etc. Strassburg. 1538. (Рыцарь фонъ Турнь, наставникъ женщинъ и дѣвицъ. Наставленіе женщнамъ и дѣвицамъ, какъ онѣ въ своемъ положеніи должны держать себя относительно каждаго и т. д. Въ новомъ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Страсбургъ 1538.) Оба изданія со многими полатищами.

что отъ этого вся фигура казалась какъ-бы вытянутой, поясъ не замедлили поднять еще выше, подъ самую грудь, гдѣ его и носили довольно продолжи-

Фиг. 60.



тельное время (фиг. 60 а— с; и слѣд.). Всё это безобразіе, увеличенное еще тѣмъ, что женская роба дѣлалась на подобіе мужской, со сборками на груди и очень широкою (фиг. 60, фиг. 61), не вызывало порицанія со стороны строгихъ моралистовъ, хотя въ то же время духовенство возстало съ большимъ чѣмъ когда либо рвеніемъ противъ удлинненія шлейфовъ, и дошло наконецъ до того, что около 1435 г., францисканскимъ монахамъ удалось выхлопотать дозволеніе Папы Евгенія IV не отпускать грѣховъ женщинамъ, носившимъ шлейфы, или занимавшимся изготовленіемъ ихъ.

Фиг. 61.



Но не смотря на это, шлейфы не только не укорачивались, но даже удлинялись еще болѣе, совершенно по произволу (фиг. 62; фиг. 63 и сл.).

Тогда какъ въ нижнемъ, болѣе узкомъ платьѣ, составлявшемъ исключительно домашнюю одежду, измѣнялся только вырѣзъ ворота, дѣлавшійся то шире, то угловатѣе (фиг. 62 а.), въ верхнемъ платьѣ (гобе), кромѣ вышеупомянутыхъ перемѣнъ, произошли еще разныя измѣненія въ покроѣ лифа и рукавовъ. Измѣненія эти касались преимущественно узкооблегающихъ лифовъ „гобе“, особенно любимыхъ во Франціи. Теперь эти лифы стали дѣлать открытыми спереди до пояса, откуда лифъ поднимался къ пле-

часть вроде отложного воротника, образуя на груди треугольное отверстие через которое виднѣлся, во всю ширину его, нагрудникъ нижняго платья (фиг. 63.) Велѣдствіе этого покроя лифа стали обращать особое вниманіе на украшеніе нагрудной части платья, причемъ отвороты платья дѣлались то уже, то шире, и большей частью изъ другой матеріи и даже нерѣдко другаго цвѣта, чѣмъ самое платье. Такъ какъ эти открытыя спереди робы имѣли большею частью длинныя совершенно узкіе, или только незначительно широкіе рукава съ простыми отворотами, или жесткими манжетами; то были измѣнены только рукава упомянутыхъ уже широкихъ верхнихъ одеждъ, которыя и сами измѣнились (особенно въ Англіи) въ томъ отношеніи, что дѣлались иногда распашными, застегивавшимися на пуговицы (фиг. 60 d.), и что къ нимъ прибавляли еще широкіе, откидные, или стоячіе воротники (фиг. 60 a b. c; фиг. 61a.). Измѣненіе рукавовъ женскихъ платьевъ, происходило въ общемъ также какъ и у мужской одежды. Закрытыя широкіе рукава мѣшкомъ (фиг. 60 a. b.), а также отчасти и совершенно открытыя, стали дѣлаться еще шире (фиг. 60 b.), при чемъ, особенно въ послѣднемъ случаѣ, рукавъ разрѣзывался во всю длину свою такъ, что спускался отъ плеча внизъ и волочился по полу какъ шлейфъ, а края его вырѣзались болѣе или менѣе широкими зубцами (фиг. 64). — Кромѣ того, остались еще въ употребленіи „surcot“, какъ третья верхняя одежда, имѣвшая поперечныя проймы для рукъ (фиг. 65 b.), и очень нарядныя горностаевыя лифы. „Surcot“ надѣвали преимущественно при торжественныхъ случаяхъ, какъ парадное платье, иногда вмѣстѣ съ означеннымъ горностаевымъ лифомъ, надѣтымъ сверхъ него, что дѣлало весь костюмъ еще болѣе роскошнымъ (фиг. 65 a. c.). — Спинныя плащи получили также еще болѣе богатую отделку и обратились въ самостоятельную парадную одежду (фиг. 65 a—c; срав. фиг. 61 a. b.).

Фиг. 62.



Но болѣе всего прихоти моды отразились снова на головныхъ уборахъ, преувеличивая еще болѣе странности имѣвшихъ уже формъ, и пзо-

брѣтая нѣкоторыя новыя, но не менѣе причудливыя видовзмѣненія ихъ. Какъ въ концѣ прошлаго столѣтїя, такъ и въ это время, законодательницею

Фиг. 63.



моды была Изабелла, супруга Карла VI, извѣстная своей склонностью къ роскоши, и до самой смерти оставшаяся вѣрною своимъ вкусамъ. О придворныхъ дамахъ ея говоритъ Juvenal des Ursins въ 1417 г. „что онѣ, не смотря на войну и смуты въ государствѣ, радились на пропалую и украшали себя головными уборами, походившими на необыкновенные рога, чрезвычайной вышины и ширины, и имѣвшими по бокамъ, намѣсто валиковъ, на-

Фиг. 64.



ушники или кольца такой величины, что въ такомъ уборѣ нельзя было пройти въ дверь иначе, какъ бокомъ и нагнувшись, что весьма не нравилось благопристойнымъ людямъ“ (срав. фиг. 66). Такой же чрезмѣрный объемъ получили и другіе высокіе головные уборы съ прикрѣпленными на нихъ валиками (фиг. 63; фиг. 49 b.), такъ же какъ и болѣе простыя сѣтчатыя чепцы, закрывавшіе уши, влѣдствие чего и вуаль, которую носили преимущественно съ послѣднимъ головнымъ уборомъ, должна была подвергнуться разнымъ измѣненіямъ (фиг. 67).

Не смотря однако на все безобразіе этихъ головныхъ уборовъ, такъ странно противорѣчившихъ своему назначенію, была изобрѣтена въ 1428 г.

Фиг. 65.



еще новая форма превзошедшая своею странностью всё, что до тѣхъ поръ появлялось въ этомъ родѣ особенно оригинальнаго. Это были такъ называемые hennins: очень высокіе, частью подушкообразные, частью коническіе головные уборы, приготовлявшіеся изъ картонной или проволочной основы, обтянутой матеріей и обшитой сверху до низу и по бокамъ чрезмѣрной массой прозрачной ткани, которая спереди надо-лбомъ и вдоль щекъ лежала въ видѣ широкаго клина и обыкновенно отбрасывалась назадъ густыми складками, въ родѣ вуали, и спускалась иногда такъ низко, что при ходьбѣ необходимо было подвирать ее (фиг. 62 b.; сравн. фиг. 71 а.). Если въ рога томъ чепцѣ приходилось нагибать голову на бокъ, чтобъ пройти въ двери, то съ этимъ уборомъ на головѣ было уже необходимо въ подобномъ случаѣ почти опуститься на колѣни—обстоятельство, особенно возбуждавшее негодованіе проповѣдниковъ. Впрочемъ это негодованіе не имѣло никакого успѣха, и изъ многихъ порицателей безобразной моды только одному удалось хотя на короткое время приостановить ея распространеніе. Это былъ весь-

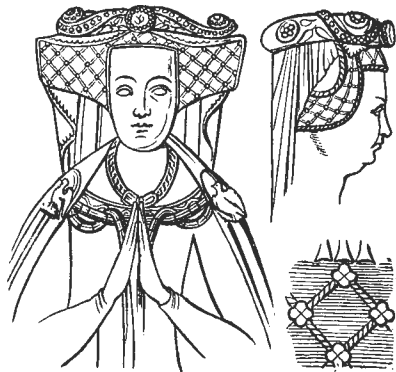
Фиг. 66.



а

ма уважаемый въ то время кармельтъ Тома Коннектъ (Thomas Connecte). Его рѣзкія и настойчивыя увѣщанія побудили многихъ женщинъ открыто, на улицахъ, сжигать вмѣстѣ съ прочими модными вещами головные уборы этого

Фиг. 67.



рода, такъ что, какъ значится въ точныхъ показаніяхъ того времени (около 1428), въ Парижѣ въ одинъ день было сожжено болѣе ста подобныхъ костровъ. „По“—продолжаетъ повѣствователь—„это увлеченіе продолжалось недолго, и какъ скоро ревностный гонитель моды оставлялъ какую либо мѣстность, гонимая мода появлялась тамъ снова и головные уборы дѣлались по возможности еще выше прежняго“.

Причиной особаго предпочтенія „hep-nins“ было преимущественно покрывало, которое легко можно было располагать различнымъ образомъ и та-

кимъ образомъ удовлетворять склонности къ разнообразію. Сначала его просто обвивали вокругъ конусообразнаго головнаго убора, съ котораго оно спускалось къ низу (фиг. 62 в.), но въ послѣдствіи его стали укладывать на особыхъ проволочныхъ станкахъ, такъ что оно нерѣдко совѣмъ не спускалось внизъ, а вся масса его распредѣлялась поровну, образуя по обѣимъ сторонамъ головы широкія и высокоподнятыя крылья, прикрываемыя сзади въ промежуткахъ остальной тканью, сквозь которую просвѣчивалъ коническій головной уборъ (фиг. 68 а. в. с.). И то и другое расположеніе покрывала сохранились почти безъ измѣненія до настоящаго времени; первое, болѣе простое—преимущественно у алжирскихъ евреекъ <sup>1</sup>, послѣднее, бо-

Фиг. 68.



лѣ замысловатое, у женщинъ Нормандіи, какъ ихъ національный головной уборъ.—Конечно, при всемъ этомъ были и другіе менѣе причудливые, простые и даже красивые головные уборы, точно также какъ сохранились

<sup>1</sup> Ср. Alon h. Gallerie royale de Costumes etc. Par'is. gr. fol. Costumes algériens. pl. 20.

и всё употреблявшіяся до тѣхъ поръ формы ихъ; но они всё болѣе и болѣе переходили къ женщинамъ средняго сословія, вытѣсняя постепенно очень любимый ими до тѣхъ поръ кашюшонъ.

Прическа осталась безъ всякой перемѣны до конца пятнадцатаго столѣтія, такъ какъ всё еще продолжали считать весьма моднымъ и красивымъ открывать лобъ какъ можно больше, и показывать какъ можно меньше волосъ. Употребленіе румянъ и другихъ косметическихъ снадобій, равно какъ и ношеніе различныхъ дорогихъ вещей и остроконечной обуви не прекращались, несмотря на безпрестанно повторявшіяся порицанія.

Около половины этого столѣтія законодателемъ моды выступилъ бургундскій дворъ, извѣстный своей склонностью къ пышности и уже давно старавшійся превзойти во вѣншемъ блескѣ дворъ Французскій. Это соревнованіе началось со времени соединенія обѣихъ Бургундій подъ управленіемъ Филиппа Смѣлаго (ум. около 1404); и при Филиппѣ Добромъ, бывшемъ сначала намѣстникомъ Іоанна Безстрашнаго въ Гентѣ, а по смерти его въ 1419 г. ему наслѣдовавшемъ, роскошь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ сдѣлалась при его дворѣ уже обыденнымъ явленіемъ. Впрочемъ, бургундскіе герцоги отличались не только роскошью, но и склонностью къ высшей умственной дѣятельности. Хотя они, какъ и другіе государи, должны были вести частыя войны, но тѣмъ не менѣе не переставали при этомъ покровительствовать научнымъ и артистическимъ стремленіямъ, вслѣдствіе чего и придворная жизнь ихъ, при всей своей вѣншности, носила на себѣ отпечатокъ утонченной образованности. Но такъ какъ соединеніе умственныхъ интересовъ съ совершенно вѣншними требованіями поражаетъ обыкновенно строго рассчитанные приемы обращенія особенно въ средѣ людей богатыхъ, то и при Бургундскомъ Дворѣ случилось тоже самое. Нигдѣ этикетъ не былъ такъ строгъ и разработанъ до такихъ мелочей, какъ тамъ. Даже Филиппъ Добрый, при своей особенной любви къ искусству и наукѣ, заботившійся болѣе своихъ предшественниковъ объ истинно-рыцарскомъ тонѣ и вполне эстетическомъ великолѣпіи, не только не могъ освободиться отъ него, но даже самъ содѣйствовалъ еще болѣе натянутости и церемонности въ обращеніи; также поступалъ и Карлъ Смѣлый, въ кратковременное царствованіе котораго, не смотря на великіе планы, занимавшіе его, роскошь дошла до высшей степени своего развитія.

Эта безграничная роскошь, также какъ и церемонная слержанность въ обращеніи, наложили особый отпечатокъ не только на вѣншнія отношенія людей межъ собою, но и на одежду ихъ. По мѣрѣ того какъ она становилась всё драгоцѣннѣе и блестящѣе, она пріобрѣтала всё большую жесткость, особенно у мужчинъ, которые казались какъ бы закованными въ свое негнущееся платье. Такой видъ имѣла не только короткая, плотно обтягивавшая тѣло одежда, но и длинная верхняя и даже длинныя женскія платья, чему, конечно, не мало способствовали плотность и упругость тяжелыхъ шелковыхъ, парчевыхъ и т. п. матерій, давно уже изготовлявшихся въ Нидерландахъ, и вошедшихъ въ это время въ общее употребленіе.

Впрочемъ такую чрезмѣрную роскошь Бургундскій Дворъ выказывалъ не только въ костюмахъ, но вообще во всемъ, и въ самыхъ обыкновенныхъ,

обыденныхъ вещахъ, и въ устройствѣ какого либо праздника или турнира и т. п. Такъ, когда въ 1454 г., по поводу взятія Византіи Турками, Филиппъ Добрый задумалъ воодушевить христіанъ къ крестовому походу, онъ устроилъ съ этою цѣлью большой пиръ, издержки котораго почти превзошли все доходы Французскаго короля. Платье, надѣтое въ этотъ день на Филиппѣ, было на столько разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями, что при одномъ взглядѣ на него, нельзя было оцѣнить его мѣнѣе, чѣмъ въ одинъ миллионъ талеровъ. Для гостей было накрыто три стола, изъ которыхъ на первомъ возвышалась выложенная стекломъ церковь, внутри которой звонилъ колоколъ и находилось четыре челоуѣка пѣвчихъ, а возлѣ нея стоялъ корабль съ распущенными парусами, полнымъ экипажемъ и всеми прочими принадлежностями. На второмъ столѣ былъ поставленъ паштетъ, въ которомъ сидѣло 26 музыкантовъ, игравшихъ во время обѣда, и кромѣ того—укрѣпленный замокъ, въ которомъ жила волшебница Мелузина въ образѣ змѣя, а рвы окружавшіе этотъ замокъ были наполнены душистой померанцовой водой. Затѣмъ представлена была пустыня и среди нея тигръ борющійся съ большимъ змѣемъ, потомъ дикій челоуѣкъ, сажающійся на верблюда, и шутъ, влезающій на медвѣдя. Къ концу обѣда явился великанъ въ одеждѣ Гранадскихъ Мавровъ, который велъ увѣшаннаго дорогими шелковыми покрывалами слона, на спинѣ котораго возвышался замокъ, а въ замкѣ стояла плѣнная женщина въ монашеской одеждѣ. Эта женщина, эмблема христіанской церкви, вмѣстѣ съ другими двѣнадцатью женщинами, въ длинной рифмованной рѣчи взывала къ собранію о своемъ освобожденіи. Послѣ этого былъ принесенъ фазанъ, на шеѣ котораго висѣла дорогая цѣпь, украшенная драгоценными камнями, и каждый изъ присутствовавшихъ поклялся Богомъ, дѣвою и фазаномъ, побѣдить невѣрныхъ. Однако эти клятвы остались только на словахъ, такъ какъ большая часть сотрапезниковъ позабыла о нихъ еще прежде, чѣмъ окончился этотъ праздникъ.—На крестины Маріи, единственной дочери Карла Смѣлаго и Изабеллы Бурбонской, около 1441 г., были приглашены, кромѣ безсчетной толпы, присутствовавшей въ самыхъ пышныхъ нарядахъ при совершеніи таинства, еще шесть сотъ факельщиковъ, частью изъ придворныхъ, частью изъ знатныхъ гражданъ, которые встрѣчали и провожали новорожденную. Граждане, числомъ до четырехъ сотъ, были одѣты совершенно одинаково, прочіе же, сто придворныхъ и сто пажей, имѣли на себѣ свой блестящій придворный костюмъ. Обширная церковь была вся наполнена Дворомъ съ его гостями, въ числѣ которыхъ былъ и французскій дофинъ, и духовенствомъ въ пышныхъ одѣянїяхъ. Сама церковь была убрана весьма богато: стѣны и полъ ея были покрыты богатыми коврами, а надъ сидѣнїями и купелью, убранными парчею, возвышались вышитые балдахины изъ тяжелаго бархата.—До какой степени доведена была роскошь Бургундскаго Двора Карломъ Смѣлымъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ появленіе его на свиданіе съ императоромъ Фридрихомъ въ Трирѣ, въ 1474, и еще болѣе—сокровища, которыя онъ вынужденъ былъ оставить въ добычу побѣдителямъ послѣ несчастной для него битвы при Грансонѣ, около 1476 г. Тогда какъ императоръ счелъ совершенно достаточнымъ для представительства своего сана явиться на упомянутое свиданіе со свитою въ полторы тысячи челоуѣкъ, Карль

встрѣтилъ его въ роскошнѣйшей обстановкѣ и въ сопровожденіи трехъ тысячъ рыцарей, пяти тысячъ простыхъ всадниковъ и шести тысячъ пѣхотинцевъ, особо разодѣтыхъ для этого случая. На самомъ Карлѣ, сверхъ латъ, былъ надѣтъ плащъ, богато разукрашенный золотомъ и брилліантами, цѣною въ двѣсти тысячъ лукатовъ, а на верхней шитой одеждѣ каждаго изъ герольдовъ, открывавшихъ шествіе его свиты, было вышито цвѣтными шелками по одному изъ его владѣтельныхъ гербовъ. Результатомъ этой встрѣчи было то, что императоръ, изъ недовѣрія ли къ бѣльшей силѣ Карла, или изъ оскорбленнаго самолюбія, оставилъ Трирь не простившись съ Карломъ и тѣмъ самымъ прекратилъ всякіе дальнѣйшіе переговоры. — Битва при Грансонѣ доказываетъ также какой пышностью окружали себя бургундскіе рыцари даже въ походахъ. Они выѣзжали навстрѣчу непріятелю разодѣтые какъ для турнира, въ дорогомъ вооруженіи, и со всѣмъ запасомъ тѣхъ, всякаго рода, удобствъ, къ которымъ они привыкли. Палатки ихъ были бѣльшей частью изъ пестро-вышитой шелковой матеріи; а внутренность герцогской палатки обтягивалась обыкновенно бархатомъ, расшитымъ золотомъ и жемчугомъ, и раздѣлялась на нѣсколько помѣщеній. Возлѣ герцогской палатки ставилась другая, служившая столовой и снабженная золотой и серебряной столовой посудой; недалеко отъ столовой помѣщалась часовня со всѣми необходимыми и въ высшей степени роскошными принадлежностями богослуженія. Въ такомъ положеніи застали побѣдители этотъ бургундскій лагерь, покинутый войскомъ, въ испугѣ обратившимся въ бѣгство. Въ герцогской палаткѣ, подлѣ золотого богато-разукрашеннаго трона, лежали еще драгоцѣнный мечъ Герцога, усыпанный алмазами, его знаки золотого руна и его шляпа покрытая жемчугомъ, алмазами и другими камнями, и въ послѣдствіи приобретенная Яковомъ Фуггеромъ изъ Аугсбурга за 4700 гульденовъ. Кромѣ того, тамъ было найдено еще четыреста ящичковъ, наполненныхъ парчей, бархатомъ, дорогими, золотомъ и серебромъ затканными матеріями, тонкимъ полотномъ и т. п., а также готовыми парадными платьями, изъ которыхъ не менѣе ста самыхъ дорогихъ принадлежали самому Герцогу. Всѣ эти вещи достались въ руки побѣдителей, которые такъ мало знали имъ цѣну, что вмѣсто того чтобы обогатиться ихъ продажей, бѣльшую ихъ часть сбыли за безцѣнокъ.

Объ измѣненіи одежды этого времени, и прежде всего мужской, даетъ очень точное понятіе хроника Монстрелэ <sup>1</sup> (Monstrelet) за 1469 годъ. „Въ это время“, такъ говорится въ хроникѣ, „мужчины носили платье до того короткое, что изъ подъ него видѣлись во всей своей формѣ ихъ „culs“ и „génétoires“, совершенно какъ у одѣтыхъ обезьянъ“. Это относится къ тѣмъ чрезвычайно укороченнымъ кафтанамъ, полы которыхъ, едва въ ладонь длиною, разрѣзались въ это время съ правой и лѣвой стороны до самой талии (фиг. 69 d.). Для того, чтобы одежда какъ можно болѣе обтягивала тѣло, стали надѣвать подъ нее родъ жилетовъ съ узкими рукавами, открытыхъ спереди отъ самой шеи и зашнуровывавшихся. Вслѣдствіе этихъ

<sup>1</sup>) Chroniques d'Eng. de Monstrelet. Gentilhomme jadis demeurant à Cambrai (avec les contin. jusqu'en 1516), edit. par Denys Sauvage. Paris 1572.—Новое издан. J. A. C. Buchon. Avec notices histor. Paris 1854.

шнуровокъ талья дѣлалась чрезвычайно гибкой, что впрочемъ при тог-  
дашней модѣ толсто подбивать плечи („mahoitres“) придавало корпусу

Фиг. 69.



еще болѣе безобразный и неуклюжій видъ. Тотъ же повѣтствователь за-  
мѣчаетъ далѣе, что на рукавахъ мужскихъ кафтановъ и камзоловъ дѣла-  
лись прорѣзы, единственно лишь для того, чтобы выказать блестящую бѣлиз-  
ну весьма дорогой полотняной сорочки,—хвостовство, которое дошло нако-  
нецъ до того, что такіе же прорѣзы („fenêtres“) стали дѣлать и на тальѣ,  
животѣ и даже на бедрахъ. — Панталоны оставались по прежнему узкими,  
съ маленькимъ круглымъ мѣшечкомъ или „braguette“ спереди, и при-  
крѣплялись подъ полами кафтана или камзола посредствомъ застежекъ. Въ  
обуви не произошло также никакой перемѣны (фиг. 69 d.).

Чтоже касается верхняго платья, то лишь умѣренно длинныя, доходив-  
шія до колѣнъ или немного ниже колѣнъ одежды измѣнились въ покроѣ, сдѣ-  
лавшись уже и обтянутѣе; одежды же совершенно длинныя, влачащіяся,  
составлявшія въ это время исключительно церемоніальный костюмъ, оста-  
вались широкими. Негибкость поколѣнныхъ верхнихъ одеждъ, которыя но-  
сили то подпоясанными, то безъ пояса, обусловливалась не только толщиной  
и упругостью матеріи, изъ которой онѣ приготовлялись, но и особаго рода  
складками, которыя шли параллельно во всю длину одежды и имѣли видъ  
органическихъ трубокъ, а также очень широкою и тяжелою мѣховою опушкою,  
(фиг. 69 a.). Рукава этой одежды дѣлались очень широкими, нерѣдко под-  
бивались ватой и, подобно рукавамъ короткаго кафтана, имѣли прорѣзы и  
т. д. (фиг. 69 a. d.), или же дѣлались всевозможныхъ имѣвшихся покроевъ  
и обшивались по краямъ галуномъ или дорогимъ мѣхомъ.

Влачащіяся парадныя верхнія одежды, все еще походившія на прежнюю  
„houppelande“, доходили по крайней мѣрѣ до ступней, имѣли спереди раз-

рѣзъ, застегивавшійся на пуговицы, то длинныя узкіе, то очень широкіе одиночныя или двойныя рукава; въ послѣднемъ случаѣ, исподніе или нижніе рукава надѣвались, а верхніе висѣли сверхъ нижнихъ совершенно свободно. Эти парадныя одежды изготовлялись изъ парчи или шелковой матеріи. Ихъ почти постоянно носили подпоясанными шнуромъ, сплетеннымъ изъ шелковыхъ и золотыхъ нитей, съ дорогими кистями на концахъ. Кромѣ того и эти одежды обшивались или подбивались нерѣдко мѣхомъ, при чемъ высшіе сановники, для обозначенія своего сана, употребляли исключительно горнастаевый, или соболій мѣхъ. Когда Филиппъ Добрый, при своемъ бракосочетаніи съ Изабеллой Португальской въ Брюгге, въ 1430 г., установилъ орденъ „золотога руна“, и праздновалъ учрежденіе его въ Лиллѣ, въ 1431 г., онъ, вмѣстѣ съ кавалерами новаго ордена, явился одѣтымъ въ яркочерный кафтанъ подбитый и опушенный бѣличьимъ мѣхомъ. Сверхъ этого кафтана, доходившаго до ступней, была наброшена длинная мантия изъ толкаго краснаго сукна, вышитая золотомъ и окаймленная мѣхомъ. Голова его была покрыта широкимъ валикомъ, на подобіе тюрбана, съ котораго висѣла книзу двойная лента одного цвѣта съ плащомъ, а на рукахъ были надѣты бѣлыя вышитыя перчатки. По бортамъ мантии были вышиты эмблемы ордена, изображавшія золотыя Андреевскіе кресты, между которыми были представлены кремни, сдѣланные изъ голубой эмали, и искры, огнива и знаки руна — изъ золота. Сверхъ плаща, вокругъ шеи, висѣла цѣпь, составленная изъ тѣхъ же эмблемъ, расположенныхъ такимъ образомъ, что кремни чередовались въ ней съ огнивами, образуя звенья, и только на одномъ изъ камней, на которомъ были вырѣзаны слова: „pretium labore non vite“, висѣло руно (сравни. фиг. 70).

Съ плащами было тоже, что и съ длинными верхними одеждами. Сохранивъ свой прежній покррой, они обратились въ парадную одежду и, соотвѣтственно этикету Двора, употреблялись высшими сословіями только въ исключительныхъ случаяхъ, а для обозначенія сана украшались широкими плечевыми воротниками изъ горностаея или соболя.

Старинный обычай украшать отдѣльныя части одежды буквами, символическими изрѣченіями и т. п., вышитыми золотомъ, или пестрыми шелками, входилъ все болѣе и болѣе въ употребленіе, также какъ и золотыя шейныя цѣпочки, которыя жаловались нѣкоторыми государами въ знакъ почета, налагавшаго какъ бы извѣстныя обязательства на жалуемаго, и пазывались „chaines“ (цѣпи, оковы). Такъ Людовикъ XI, послѣ побѣды при Кенуа (Quesnoy), повѣсилъ на шею храбраго Рауля де Ланнуа (Raoul de Lannoy) тяжелую золотую цѣпь, цѣною

Фиг. 70.



въ пятьсотъ талеровъ, сказавъ при этомъ слѣдующія слова: *Par la Pasques-Dieu, другъ мой, вы слишкомъ бѣшены въ сраженіи; васъ слѣдуетъ посадить на цѣпь, такъ какъ я не хочу лишиться васъ, желая чтобъ вы не разъ еще послужили мнѣ*“.

Головные уборы этого времени состояли большей частью изъ широко-полыхъ плоскихъ или высокихъ войлочныхъ шляпъ. Такой же формы была и шляпа Карла Смѣлаго, оставленная имъ при Грансонѣ, и превосходившая драгоцѣнностью и великолѣпіемъ отдѣлки всѣ другія шляпы. Эта шляпа, съ тупой тульей и узкими полями, была обтянута желтымъ бархатомъ (сравн. фиг. 69 d.), нижняя часть тульи была охвачена золотымъ вѣнцомъ съ сафирами и рубинами, изъ которыхъ каждый былъ окруженъ тремя большими жемчужинами; отъ вѣнца до самаго верха висла шнуръ изъ шести жемчужныхъ нитокъ, украшенный спереди аграфомъ изъ брилліантовъ, рубиновъ и жемчуга въ золотой оправѣ, прикрѣпленнымъ красное и бѣлое завитое перо. Когда эта шляпа была куплена Іаковомъ Фуггеръ (*Jacob Fugger*), который разрѣзалъ ее на части, самые дорогіе камни съ нея перешли во владѣніе императора Максимилиана.—Вообще же шляпы украшались, вмѣсто золотого вѣнца, который могли носить только царствующія лица, золотымъ крученымъ шнуркомъ, а дорогіе каменья замѣнялись вышитыми золотомъ или шелками украшеніями; перьевъ на шляпахъ или вовсе не носили или же носили одно узкое и совершенно прямо-торчащее перо; матеріи, которыми обтягивали шляпы выбирались всевозможныхъ цвѣтовъ. Такъ какъ этикетомъ Бургундскаго Двора требовалось снимать шляпу передъ всѣми высокопоставленными лицами, и никогда не надѣвать ее въ присутствіи Герцога, то между знатными лицами вошло въ обычай носить подъ шляпами шапочки, которыя никогда не снимались вмѣстѣ съ шляпой (фиг. 69 a. d.). Эти шапочки, обыкновенно одноцвѣтныя и почти одной вышины со шляпой, имѣли конусообразную форму безъ полей и вообще походили, на употреблявшіяся уже прежде высокія шапочки; иногда ихъ украшали еще небольшою кисточкой, прикрѣпленной на верхушкѣ, а къ самой шляпѣ пришивалась узкая лента, служившая для поддержанія шляпы, когда ее откидывали на спину, (фиг. 69 d; сравн. фиг. 53 b.). Было въ обыкновеніи поля шляпы заворачивать кверху спереди или съ боку, смотря по ширинѣ полей, причѣмъ загнутая часть прикрѣплялась къ тульѣ крючечками, и на ней пристегивался аграфъ. — Такія шляпы съ шапочками подъ ними употреблялись преимущественно знатными особами, носившими кромѣ того, хотя уже и гораздо рѣже, широковыдающіеся круглые валики съ ниспадающей съ нихъ массой матеріи, и головныя повязки; остальные же головные уборы были предоставлены прочимъ сословіямъ.

Что касается прически волосъ, то и она подверглась въ это время нѣкоторому измѣненію, что продолжалось впрочемъ весьма недолго, и не распространилось далѣе тѣснаго круга Бургундскаго Двора. Обычай носить волосы длинными или, какъ говоритъ Монстрелэ (*Monstrelet*) „по обѣимъ сторонамъ лица такими длинными и закрученными, какъ собачьи уши“, который повелъ къ употребленію фальшивыхъ волосъ, былъ на время приостановленъ тщеславіемъ Филиппа Добраго, потерявшаго въ тяжелой болѣзни

вѣ свои волосы и, вслѣдствіе этого, строго повелѣваго вѣмъ дворянамъ своимъ стричься совершенно гладко до тѣхъ поръ, пока у него самага не отрутуть волосы. Такое приказаніе было, конечно, очень жестоко, а потому его собственный сынъ, Карлъ, а за нимъ и многія знатныя лица, не желая подвергать себя насмѣшкамъ, тотчасъ же воспротивились ему, такъ что длинныя волосы все-таки удержались. Бороды брили какъ и прежде. —

Чрезвычайно тяжелыя матеріи, которыя въ это время сдѣлались модными у женщинъ, придали и женской одеждѣ ту же негибкость и неуклюжесть, какими отличалась мужская. Понятно, что употребленіе такихъ дорогихъ матерій могло распространиться только среди знати, но вѣстѣ съ тѣмъ оно имѣло всетаки вліяніе и на низшія сословія, которыя въ это время, болѣе чѣмъ когда либо, стремились подражать въ этомъ отношеніи богатымъ и знатымъ

Что касается покроя одежды, то въ немъ не произошло въ сущности никакой замѣтной перемѣны. Хотя въ хроникѣ Монстрелэ и сказано о женщинахъ, подъ 1467 г., что онѣ именно въ это время „перестали носить чрезмѣрно-длинные шлейфы, и замѣнили ихъ отдѣлкою изъ дорогихъ матерій, шелка, бархата или мѣха, занимавшей цѣлую четверть всей длины платья, и что шелковыя пояса вокругъ бедръ стали дѣлаться гораздо шире, а шейныя цѣпочки носились все въ томъ же безобразномъ излишкѣ“, но все это начало вводиться уже въ царствованіе Людовика XI, и какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, по крайней мѣрѣ до начала царствованія Карла VIII (1483), составляло бѣльшей частью явленіе исключительное. Длинные шлейфы не только не были оставлены, но получили при Бургундскомъ Дворѣ даже особое значеніе, такъ какъ относительно ношенія ихъ, при торжественныхъ случаяхъ и вообще, были составлены особыя правила (ср. фиг. 69 в. с. е; фиг. 71 а. в.). Также и всѣ порицанія моралистовъ этого времени были по прежнему направлены преимущественно противъ этого наряда, какъ противъ „изобрѣтенія сатаны“.

Верхнее платье, гоубе, которое только и дѣлалось со шлейфомъ, доходившимъ до четырехъ локтей длины, ставъ параднымъ, получило и соответствующую этому назначенію отдѣлку (фиг. 71; фиг. 69). Его шили изъ самыхъ дорогихъ матерій—парчи, узорчатой шелковой ткани, и обкладывали по подолу, обшлагамъ и воротнику, если былъ таковой, широкою обшивкою изъ цвѣтной шелковой матеріи, бархата или мѣха. Поясъ, которымъ его подпоясывали, былъ вышитъ золотомъ и отдѣланъ жемчугомъ и драгоценными камнями; онъ былъ обыкновенно въ ширину ладони и подпоясывался, какъ и прежде, подъ самую грудь.

Нижнее платье доходившее обыкновенно только до ступней, украшалось не менѣе богато въ тѣхъ частяхъ своихъ, которыя оставались непокрытыми верхнимъ платьемъ, какъ напр: на груди и нѣкоторыхъ мѣстахъ подола, оставшихся на виду, когда подбирали шлейфъ; нагрудникъ вышивали обыкновенно жемчугомъ и дорогими камнями и т. п., подолъ же, какъ и у верхняго платья, обкладывали каймою. Такой нагрудникъ, украшенный дорогимъ аграфомъ, дѣлался то закрытѣе, то открытѣе, иногда такъ, что грудь оста-

вадась до половины обнаженной; въ такомъ случаѣ ее вмѣстѣ съ шеей закрывали особымъ воротникомъ, который дѣлался нерѣдко изъ кружевъ

Фиг. 71.



переплетенныхъ золотомъ и серебромъ. Сверхъ этого нагрудника надѣвали обыкновенно на шею нѣсколько нитокъ жемчуга, или золотыя украшенныя камнями цѣпочки. Руки украшали кольцами, которыя нерѣдко надѣвали даже сверхъ вышитыхъ перчатокъ. — Обшитыя мѣхомъ безрукавки, бывшія уже издавна любимую одеждою женщинъ (фиг. 65 а; фиг. 496), не только не выходили изъ употребленія, но сдѣлались, напротивъ того, самымъ моднымъ и вмѣстѣ очень богатымъ и наряднымъ платьемъ, особенно при Бургундскомъ Дворѣ, гдѣ онѣ получили значеніе парадной одежды.

Относительно женскихъ плащей, можно сказать тоже самое, что и о мужскихъ плащахъ: ихъ носили преимущественно знатныя дамы при парадномъ костюмѣ, влѣдствіе чего и отдѣлывали ихъ возможно богато. Длинный шлейфъ составлялъ ихъ главную красоту.

Въ головныхъ уборахъ хотя и не произошло въ сущности никакой перемѣны и не появилось ничего новаго, но имѣвшіяся уже формы ихъ стали отдѣлываться еще богаче и изящнѣе въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ. Высокія конусообразныя „hennins“ съ длиннымъ ниспадающимъ покрываломъ, или съ крылообразно - поднятыми лопастями по бокамъ, съ двойными поперечными валиками и т. д., получили еще большій объемъ и еще болѣе богатую отдѣлку, вопреки всемъ порицаніямъ духовныхъ лицъ (фиг. 69 b. c. f; фиг. 71.). Напрасно эти послѣдніе насмѣхались надъ наряженными такимъ образомъ дамами, сравнивая ихъ съ рогатыми животными, а головнымъ уборамъ давали насмѣшливыя прозвища: привыкшіи къ нимъ глазъ находилъ ихъ и красивыми и очень нарядными. Какъ во всемъ другомъ, такъ и въ головныхъ уборахъ образцомъ служилъ Бургундскій Дворъ, дамы котораго особенно любили „hennins“ и высокія съ широкими двойными валиками шапки, хотя носили также, но повидимому рѣдко и только нѣкоторыя изъ нихъ, и чепцы болѣе низкой и упрощенной формы (фиг. 69 с.). Этой модѣ слѣдовала безусловно Франція, а за ней и Англія, хотя англійскія дамы и теперь еще не покидали очень любимыхъ ими прежде чепцовъ съ широкими выпуклыми наушниками, (срав. фиг. 65; фиг. 66; фиг. 67.). — Волосы продолжали носить по прежнему, т. е. зачесывали назадъ и прятали подъ головною уборъ. — Обувь осталась также безъ перемѣны относительно формы, но согласно

съ остальнымъ костюмомъ получила болѣе богатую отдѣлку. Особенно богато и вмѣстѣ искусно отдѣлывались принятыя теперь и женщинами подвязаныя подошвы, которыя иногда дѣлались сплошь филиграновыя.

Когда со смертью Карла Смѣлаго (1477) померкъ блескъ Бургундскаго Двора, и законодательницею моды сдѣлалась снова Франція, постоянное усиленіе роскоши между высшими классами не могло не внушать серьезныхъ опасеній людямъ разсудительнымъ. Многіе знатные дворяне Франціи, усиливаясь превзойти въ пышности богатое бургундское дворянство, вынуждены были распродать одно за другимъ свои имѣнія, или войти въ неоплатные долги и такимъ образомъ выдти на прямую дорогу къ вѣрному разоренію. Старанія Людовика XI противодѣйствовать усиленію роскоши примѣромъ своей собственной крайне простой жизни<sup>1</sup>, остались тщетными. И только послѣ того какъ Карль VIII (1463—1498), не смотря на свою склонность къ роскоши и нарядамъ, принялъ мѣры для ограниченія роскоши костюма законодательнымъ путемъ, послѣдовало въ ней нѣкоторое, хотя и незначительное и постепенное, но всё таки замѣтное ослабленіе. Указомъ Карла VIII, явившимся по этому поводу въ 1485 г., запрещалось вѣтъмъ, кромѣ высшаго дворянства, носить платья изъ золотой, или серебряной парчи (*drap d'or* или *d'argent*), изъ шелка и на подкладкѣ „*doublures*“; съ ослушниковъ взимался значительный денежный штрафъ и у нихъ отбирались запрещенныя вещи. Изъ богатыхъ дворянъ, *chevaliers*, имѣвшіе 2000 ливровъ дохода (около 42000 франк.), могли носить всевозможные сорта шелковыхъ матерій, а *écuyers* съ такимъ же доходомъ — только „*drap de damas*“, „*satin ras*“ и „*satin figuré*“. Матеріи заткаанныя золотомъ и серебромъ были предоставлены только самымъ знатымъ и высокопоставленнымъ лицамъ.

Но болѣе, чѣмъ этотъ указъ, касавшійся только матеріи, изъ которой приготавлилась одежда, а не покроя послѣдней, имѣлъ вліяніе на костюмъ вообще походъ Карла VIII въ Италію, сдѣланный имъ въ концѣ 1494 г., и продолжавшійся около года. До сихъ поръ покрой платья оставался въ сущности одинъ и тотъ-же, мѣняясь по произволу, болѣе или менѣе, только въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ; послѣ же этой войны, когда Французы ближе ознакомились со всѣми особенностями итальянскаго костюма, они стали иди приноровлять его въ особенности къ своему собственному костюму, или прямо перенимали ихъ безъ измѣненій; а такъ какъ онѣ коренились преимущественно въ древне-римской традиціи, то съ перенесеніемъ ихъ на французскій костюмъ, этотъ послѣдній сталъ постепенно измѣнять свои формы въ болѣе соответствующія естественному строенію тѣла, нисколько не теряя при этомъ въ нарядности и отдѣлкѣ. Такое превращеніе всего замѣтнѣе выразилось въ женскомъ костюмѣ; гораздо медленнѣе совершалось оно въ муж-

<sup>1</sup> По разсказу Филиппа Коммина (*Philippe Commines. Memoires sur l'histoire de Louis XI. Paris. 1524; нов. изд. Lengllet du Frenoy. 1747*), Людовикъ XI одѣвался обыкновенно очень бѣдно. Но позднѣе, когда во Франціи была введена обработка шелка и заведены шелковые мануфактуры въ Ліонъ и Туръ, онъ измѣнилъ свой костюмъ на болѣе богатый и носилъ только шелковую одежду яркочернаго цвѣта.

скомъ, такъ какъ прежнія свойственныя ему уродливости удержались въ немъ почти до конца этого періода.

И такъ, что касается мужской одежды, то она сохранила свой прежній короткій и узкій покрой. Всѣ измѣненія, которымъ она подвергалась, касались лишь ея отдѣлки и нѣкоторыхъ частностей. Высокіе наплечники, *taillottes*, были нѣсколько уменьшены въ объемѣ; прорѣзы, дѣлавшіеся на кафтанахъ съ цѣлью показать тонкое бѣлье, увеличились въ числѣ. Въ этихъ именно прорѣзахъ страсть къ измѣненіямъ пошла для себя обильную пищу: такъ какъ они дѣлались то на рукавахъ, по одному или по нѣсколько, въ въ верхней или въ нижней части рукава, то на груди, отъ плечъ и до самой талии, гдѣ изъ подъ нихъ выступала большими буфами сорочка, а вырѣзъ на груди закрывался гладкимъ, но богато украшеннымъ нагрудникъ, сверхъ котораго шли шелковые, серебрянные или золотые шнуры переходившіе крестообразно отъ одного края разрѣза къ другому, то слѣдовало бы предполагать, что все это придавало одеждѣ достаточно разнообразіа; однакожь оказалось противное: начали обрѣзать боковыя полы кафтановъ и дѣлать прорѣзы въ верхней части панталонъ, а иногда даже въ нижней, особенно спереди и вдоль икръ, при чемъ нѣкоторые щеголи, не довольствуясь одними прорѣзами, и желая выказать шею и руку, носили нагрудникъ далеко ниже плечъ, укорачивали рукава до самаго локтя, а на спицѣ дѣлали такой же глубокой вырѣзъ, какъ и на груди. Рукава съ прорѣзами кроились обыкновенно весьма узкими, отчего сорочка выступала изъ прорѣзовъ еще пышнѣе; рукава же безъ прорѣзовъ дѣлались въ обтяжку до локтя и расширялись отъ локтя до плеча (сравн. фиг. 73 а; фиг. 55 а).— Измѣненія въ отдѣлкѣ кафтановъ и панталонъ, заключались преимущественно въ томъ, что у кафтановъ отдѣлывались особенно богато края груднаго вырѣза и находившіяся межъ ними нагрудникъ; отдѣлка панталонъ состояла обыкновенно изъ пестрыхъ полосъ, по которымъ были разбросаны, или шли въ горизонтальномъ направленіи, разныя отдѣльныя украшенія, или же нашивались и вышивались гербы, изрѣченія и т. п., и всѣ эти украшенія помѣщались или на одной только ногѣ, занимая одну, или обѣ стороны ея, или же на обѣихъ ногахъ и въ послѣднемъ случаѣ либо были совершенно одинаковы, либо различныхъ рисунковъ и цвѣтовъ. Позднѣе, около конца этого періода, стали отдѣлять верхнюю часть панталонъ отъ нижней, или носили сверхъ обыкновенныхъ панталонъ еще короткія, недоходившія до колѣна верхнія панталоны\* и родъ чулковъ, покрывавшихъ нижнюю часть панталонъ, что было особенно принято въ Англіи въ царствованіе Генриха VII (съ 1485 г.).

Весьма распространенный прежде обычай подшивать подошвы къ панталонамъ охватывавшимъ ступню, и такимъ образомъ замѣнять ими обувь, постепенно вывелся. Отдѣльная обувь сдѣлалась теперь общеупотребительной, оставаясь такой же какъ и прежде, съ той только разницей, что съ 1480 г. длинные носки замѣнились сначала болѣе короткими носками на подобіе „утинаго носа“, которые въ свою очередь, около 1500 г., уступили мѣсто очень широкимъ тупымъ носкамъ.

\* По франц. *haut de chausses*, а самые панталоны обтягивавшіе всю ногу—*chausses*.

Къ такому костюму, особенно быстро распространившемуся въ Германіи, прибавлялся еще короткій плащъ, состоявшій нерѣдко изъ одного четырехугольнаго куска матеріи, обрамленнаго то широкой, то узкой каймой, и едва хватавшаго для прикрытія одной половины верхней части туловища, съ лѣвой стороны котораго онъ висѣлъ совершенно свободно, и прикрѣплялся двойнымъ шнуромъ, обхватывавшимъ шею и соединявшимся на груди. Что же касается длиннаго и широкаго плаща, то, сохранивъ свой старый покррой, онъ употреблялся знатными лицами не какъ ежедневное платье, а только въ торжественныхъ случаяхъ, но замѣнялся иногда и другими верхними одеждами.

Эти широкія одежды, хотя и сохранили свой основной видъ, но тѣмъ не менѣе подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Измѣненія эти заключались преимущественно въ томъ, что за исключеніемъ широкой и длинной церемоніальной одежды, всѣ остальные виды верхней одежды укоротились такъ что доходили до половины ноги и самое большее до ступней (фиг. 72). Рукава оставались прежнихъ покроевъ; носили даже рукава чрезвычайно длинныя, волочившіеся по полу; такъ какъ они были длиннѣе платья и стѣсняли свободное движеніе рукъ, то они дѣлались разрѣзными почти отъ самыхъ плечъ. Такого же покроя были рукава церемоніальной одежды, отличавшейся отъ обыкновенной, открытой спереди (распашной) верхней одежды только своей богатой отдѣлкой и чрезвычайно длиной и шириной (фиг. 73 а. в.). — Кроме того появились еще, во Франціи въ царствованіе Карла VIII (1483 — 1498) и въ тоже время въ Англіи при Эдуардѣ V (съ 1483) и еще болѣе при Генрихѣ VII (съ 1485 г.), почти такія же длинныя одежды, но съ болѣе короткими рукавами, и были приняты даже въ среднемъ сословіи, хотя, какъ здѣсь такъ и во Франціи, ученые люди носили ихъ уже и прежде и продолжали носить впродъ, какъ одежду присвоенную ихъ званію (фиг. 74 а—в.).

Фиг. 72.



Къ головнымъ уборамъ прибавились опять новыя формы: къ концу царствованія Карла VIII, (около 1490 г.) появились довольно низкія круглыя шляпы съ очень широкими полями, вошедшія въ общее употребленіе преимущественно у высшаго дворянства. Ихъ приготовляли большею частью изъ жесткой матеріи, войлока или толстаго сукна, и обтягивали цвѣтнымъ шелкомъ, бархатомъ, или какой либо другой дорогой матеріей; широкія поля ихъ, обшитыя богатой каймой, съ одной стороны, обыкновенно съ правой, были заворочены кверху настолько что закрывали собою тулю. Главнымъ же украшеніемъ этихъ шляпъ былъ прикрѣпленный сбоку пучокъ дорогихъ разноцвѣтныхъ перьевъ, которыми теперь также щеголяли какъ прежде длинными носками обуви. Перья располагали вѣтромъ, стараясь сдѣлать пучокъ какъ можно шире, такъ что пучки связанные изъ длинныхъ перьевъ

представляли изъ себя настоящіе павлиньи или страусовые хвосты. — Кромѣ того, нѣкоторые щеголи стали снова носить давно забытые головные обручи и

Фиг. 73.



повязки, для украшенія которыхъ употреблялось, впрочемъ, только одно перо, прикрѣплявшееся обыкновенно спереди посреди лба и стоявшее совершенно перпендикулярно.

Фиг. 74.



Волосы носили очень длинные, на лбу подстриженные. Въ высшемъ обществѣ ихъ слегка завивали; щеголи употребляли при этомъ различные средства, чтобы приучить свои волосы виться: они ихъ завивали, заплетали, помадили и т. д. Ни бородъ, ни усовъ, ни бакенбардъ не носили.

Ношеніе драгоценныхъ украшеній (кольцо, цѣпочекъ и т. п.), перчатокъ и поясныхъ кармановъ, также какъ и обыкновеніе вышивать на платьѣ золотыя буквы—распространялись всё болѣе и болѣе. Рассказываютъ, что герцогъ Орлеанскій, для приѣма герцога Бурбонскаго и другихъ князей въ Парижѣ, велѣлъ приготовить дорогія итальянскія „heures“ изъ фіолетоваго бархата, и выложить на нихъ золотыми пуговками слова: „le droit chemin“. При одеждахъ, украшенныхъ такимъ образомъ, стали надѣвать узкія перевязи черезъ плечо—„écharpes“, тоже съ вышитыми на нихъ девизами. Кромѣ того вошло еще въ обыкновеніе носить вмѣстѣ съ пояснымъ мѣшечкомъ такъ называемый „pater-poster“ или „четки“, которыя вслѣдствіе этого сдѣлались украшеніемъ костюма и соответственно ему отдѣльвались (сравни. фиг. 72).

Въ добавокъ ко всему этому, въ высшемъ сословіи установилось въ это время особое требованіе приличія—мѣнять свой костюмъ какъ можно чаще, если возможно ежедневно. Этому требованію—„variance des habits“—удовлетворяли тѣмъ, что, если только позволяли средства, отдавали разъ надѣтое платье портному для передѣлки. Это обыкновеніе, разумѣется, придавало еще болѣе франтовитости тѣмъ, кто ему слѣдовалъ.

Въ женскомъ костюмѣ возвращеніе къ покрою болѣе сообразному съ естественными формами тѣла выразилось въ томъ, что высокія плечи, *maillottes*, были оставлены, поясъ стали носить на талии, и, главное, въ томъ,

Фиг. 75.



что лифъ сталъ снова свободнѣе. При этомъ рукава и юбка платья оставались сначала безъ всякой существенной перемѣны, или же измѣнялись только въ томъ, что узкіе рукава стали предпочитать широкимъ, а юбки дѣлались съ менѣе длиннымъ шлейфомъ.

Но при этомъ возвратѣ къ болѣе сообразнымъ съ природою формамъ, распространившемся также и на головные уборы, возникла снова склонность къ преувеличенію, породившая точно также свои уродливости, хотя и въ другомъ направленіи, чѣмъ прежде. Сюда приваждаетъ всё болѣе и болѣе усиливавшееся обнаженіе шеи и груди, потомъ рукъ, а въ концѣ этого періода, при кокетливой супругѣ Людовика XII, королевы Аннѣ Бретанской (1491), женщины стали даже выставлять на показъ обнаженныя икры ногъ. Уже во время Людовика XI, около 1480 г., вырѣзы на груди и спинѣ дѣлались гораздо шире прежняго, а нагрудникъ спускался все ниже, такъ что иногда едва только прикрывалъ грудь (фиг. 75 с.), или же совсѣмъ устранялся, и былъ замѣняеъ совершенно тонкой и прозрачной матеріей. Хотя эта мода и не пользовалась сначала общимъ одобреніемъ, а напротивъ того, вызвала порицаніе даже со стороны самихъ женщинъ, особенно изъ средняго сословія (фиг. 75 b; фиг. 76 а—с.), тѣмъ не менѣе ей продолжали слѣдовать, и какъ бы въ дополненіе къ ней, стали разрѣзывать узкіе рукава платья (какъ и мужчины) ради хвастовства тонкимъ полотномъ сорочки, которую выпускали буфами, или же, желая выказать руки, укорачивали рукава до самаго локтя, а иногда даже до половины предплечья. Вслѣдствіе этого, такъ какъ укорачивались рукава только нижняго платья, которое вообще въ покроѣ своемъ сообразовалось съ перемѣнами покроя верхней одежды, стали надѣвать, для прикрытія совершенно об-

Фиг. 76.



наженныхъ рукъ, особые рукава изъ тончайшей матеріи и разнообразныхъ фасоновъ, между тѣмъ какъ въ верхнее платье вшивались совершенно короткіе рукава, покрывавшіе только верхнюю часть руки. Эти короткіе рукава отдѣлялись по краямъ мѣхомъ, или богато вышитою каймой, но еще чаще, особенно въ это время, золотой или цвѣтной бахромой и т. п. (сравни. фиг. 75 b; фиг. 76 c; ff.).

Гораздо важнѣе для дальнѣйшаго образованія женской одежды было то, что вслѣдствіе ли постоянного употребленія короткихъ безрукавокъ, или же вслѣдствіе стремленія приспособить лифъ къ формамъ тѣла, его стали теперь отдѣлять отъ юбки, почему и само платье (*gobe*), которое кроилось постоянно изъ одного цѣльнаго куска, раздѣлилось на двѣ части, приготовившіяся изъ различной матеріи и различнаго цвѣта. Эта перемѣна имѣла вліяніе и на позднѣйшую разработку женскаго костюма. Впрочемъ, первое время этотъ новый видъ платья употреблялся только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ что по крайней мѣрѣ до конца этого періода все еще преобладали старыя покрои, подвергавшіеся впрочемъ нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ напр: (съ 1491 г.) по примѣру королевы Анны, щеголявшей въ особенности красотой своихъ ногъ, юбки дѣлались разрѣзными съ боку, почти до самаго колѣна, что, впрочемъ, дѣлалось уже и прежде съ той только разницей, что тогда ноги закрывались исподнимъ платьемъ, а теперь его тоже приподнимали (фиг. 77 a; сравни. фиг. 46 b.). вмѣстѣ съ распаденіемъ „*gobe*“ на двѣ отдѣльныя части, вслѣдствіе чего талія стала ясно обозначаться сама собою, поясъ утратилъ снова свое настоящее значеніе, и употреблялся при этой двойной одеждѣ, также какъ и при мужскомъ платьѣ,

Фиг. 77.



только для придерживанія прикрѣпленныхъ къ нему мѣшечка и болѣе или менѣе богато-разукрашенныхъ четокъ (фиг. 76 с; фиг. 80); иногда, впрочемъ, онъ служилъ также для подбора платья, и тогда къ нему прикрѣплялись шнуры съ небольшими крючками (фиг. 76 а.).

Верхняя кофта, отличавшаяся постоянно своимъ красивымъ видомъ, употреблялась дамами высшаго сословія безъ измѣненія прежняго покроя, то въ видѣ накидки, открытой съ обоихъ боковъ, то въ видѣ безрукавки, обшитой мѣхомъ. Въ такой кофтѣ представлена королева Анна на одной современной картинѣ (фиг. 78). Подобныя этимъ кофты, но длиннѣе ихъ, спускавшіяся немного ниже колѣнъ, были въ большомъ употребленіи въ Англіи, особенно среди молодыхъ дѣвицъ высшаго общества (фиг. 79 в.).

Фиг. 78.



Фиг. 79.

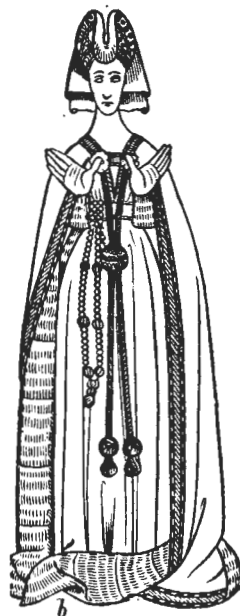


Длинный и широкій плащъ (или мантия) былъ преимущественно почетною одеждою (фиг. 80; сравн. фиг. 78; фиг. 79). Подобные ему, но безъ всякой отдѣлки и изъ толстой и грубой матеріи сдѣланные плащи носили женщины средняго сословія, для защиты отъ холода и непогоды. Такъ какъ эти плащи по свойству матеріи не дѣлали складокъ, которыя всетаки шли къ подобной одеждѣ, то по всему плащу прошивали продольныя складки, отчего онъ дѣлался еще негибче, особенно если къ нему прибавлялся еще висячій или стоячій плечевой воротникъ, а иногда даже и мѣховая опушка.

Головные уборы этого времени стали дѣлаться проще прежнихъ. Вслѣдствіе ли вліянія укоротительныхъ проповѣдей, постоянно направляемыхъ

противъ нихъ, или же потому, что сами женщины сознали наконецъ безобразіе и неудобство этихъ модныхъ уборовъ, но вскорѣ послѣ того, какъ Бургундія отыграла свою роль законодательницы модъ, именно въ послѣдніе годы царствованія Людовика XI, начали снова появляться головные уборы менѣе странныхъ формъ. При Карлѣ VIII (съ 1483 г.) исчезли прежде всего непомерно-высокія коническія шляпы, разнаго рода „hennins“, а также и всевозможныя причудливыя формы широкорасходящихся рогъ изъ валиковъ, высокоподнятыхъ двойныхъ валиковъ, широкихъ ушныхъ сѣтокъ и т. д. и замѣнились частію новыми уборами, хотя еще и походившими на оставленные, но по крайней мѣрѣ болѣе умѣренныхъ размѣровъ, (фиг. 80), частію же, и преимущественно, маленькими, различной вышины и красиво отдѣланными, шапочками и шапками. Надо предполагать, что не такъ скоро были оставлены остроконечныя шляпы съ крылообразной драпировкой изъ легкой матеріи, такъ какъ такую же драпировкою убирали и небольшія круглыя шляпы, съ той только разницей, что на нихъ вуаль располагалась вокругъ проволочнаго станка вѣерообразно расходящимися складками и составляла такимъ образомъ только двойную прозрачную драпировку (фиг. 75 а. б. с.). Такимъ же измѣненіямъ подверглись и прочіе виды шляпъ, при болѣе упрощенной формѣ которыхъ продолжали носить вуаль, доходившую однако только до плечъ, между тѣмъ какъ совершенно новые фасоны болѣе употребительныхъ головныхъ уборовъ, какъ бы въ противоположность прежнимъ, почти постоянно едва прикрывали верхнюю часть головы, такъ что подъ ними носили обыкновенно еще головной платокъ (фиг. 76 а. б. с.). Вообще же эти уборы имѣли форму частію маленькихъ плоскихъ баретовъ, частію довольно низкихъ, круглыхъ плоскихъ и заостренныхъ шапочекъ, а также не очень широкихъ чепцовъ и сѣтокъ, и какъ тѣ, такъ и другіе богато украшались разнымъ шитьемъ, жемчугомъ, отдѣлкой изъ золота и т. п. бареты нерѣдко обшивались по околышу мѣхомъ. Головной платокъ, который, какъ сказано, носили подъ этими шапками, а впоследствии даже нерѣдко прикрѣпляли къ нимъ (фиг. 76 б.), или же налѣвали одинъ безъ всякой шляпы (фиг. 79 а.), складывая его вдвое или втрое, доходилъ обыкновенно до плечъ, и прикрывалъ верхнюю часть ихъ. Сначала платокъ этотъ просто накидывали на голову, но постепенно и для него выработался особый модный способъ ношенія, распространившійся прежде всего и болѣе всего въ Англіи. Онъ состоялъ въ томъ, что подъ платокъ подкладывался кусокъ жесткой матеріи, приподнимавшій его угломъ противъ самой середины лба, влѣдствіе чего складки платка натягивались и теряли мягкость (фиг. 76 а. с.). Еще позднѣе, снова обратились къ длиннымъ покрываламъ, которыя и стали носить съ этими платками, можетъ быть отчасти и для того, чтобы нѣсколько смягчить ихъ непріятную накрахмаленность. Когда Анна Бретан-

Фиг. 80.



ская, во время перваго вдовства своего, надѣла черную вуаль, то это тотчасъ же вошло въ моду сначала у придворныхъ дамъ, а потомъ и у болѣе богатыхъ женщинъ средняго сословія; эти черные вуали тоже отдѣлывали разнымъ шитьемъ и жемчугомъ, и прикалывали богатыми аграфами. Принцессы носили короны или головные обручи на подобіе вѣнцовъ; точно также и прочія знатныя дамы, имѣвшія право на это отличіе, но обыкновенно въ соединеніи съ какимъ нибудь головнымъ уборомъ.

Измѣненіе головныхъ уборовъ имѣло вліяніе и на прическу. Съ появленіемъ маленькихъ шапочекъ волосы стали носить болѣе на виду, и прежнее обыкновеніе совершенно покрывать ихъ стало постепенно выводиться и наконецъ вывелось совершенно. Сначала гладко зачесанные назадъ волосы открывали настолько, насколько это позволяла надѣтая на нихъ шапочка (фиг. 75 с.), только иногда прикрывая ихъ при этомъ платкомъ (фиг. 76 а. в. с.). Затѣмъ, когда глазъ уже привыкъ къ этой новой прическѣ, волосы стали спускать даже вдоль щекъ въ видѣ локоновъ или косъ; но вмѣстѣ съ этимъ нововведеніемъ, заслужившимъ особенное одобреніе Анны Бретанской (фиг. 78), исчезла и вся сдержанность въ прическахъ: теперь уже стали хвастаться густотою волосъ, и съ этою цѣлью молодыя женщины не только удлинняли по возможности косы, или носили, какъ въ старину, волосы совершенно распущенными (фиг. 77 а. в; фиг. 79 в.), но даже, въ случаѣ недостатка волосъ, пополняли ихъ (подражая италіанскимъ преданіямъ, какъ говорятъ Оливье Мальяръ) фальшивыми волосами.

Между тѣмъ щегольство дорогими вещами всё усиливалось въ средѣ знатныхъ. Кромѣ того что они необыкновенно богато отдѣлывали свои дорогія одежды различнымъ шитьемъ, жемчугомъ, кружевами и т. п., они еще старались перещеголять другъ друга драгоценностью различныхъ принадлежностей костюма: вѣнцовъ, браслетъ, цѣпочекъ, колець, поясовъ, кармашковъ, вышитыхъ перчатокъ, а со времени Людовика XI, въ особенности вѣровъ, въ которыхъ цѣнили не столько матеріалъ, сколько искусную работу. Всё это конечно не мало послужило къ развитію золотыхъ дѣлъ мастерства и другихъ близкихъ къ нему производствъ. До такой же крайности доведено было употребленіе различнаго рода дорогихъ косметиковъ, благовонныхъ мылъ, эссенцій, помадъ, постоянно возбуждавшее негодованіе духовныхъ особъ и между прочимъ патера Мальяра, который свои поученія женщинамъ обыкновенно оканчивалъ такими словами: „вы раскрашиваете себѣ лицо и измѣняете его цвѣтъ, чего никакъ не слѣдовало бы дѣлать добродѣтельнымъ женщинамъ. Но вы смѣетесь и говорите, что всё это пустяки и что проповѣдникамъ не должно вѣрить. Ну, какъ хотите, по мнѣ пусть васъ всѣхъ чортъ возьметъ!“

Каковы господа, таковы и слуги, по пословицѣ. Кто не былъ знатенъ по рожденію, или не былъ особенно богатъ, тотъ старался по крайней мѣрѣ казаться такимъ. Этому стремленію благоприятствовало особенно то обстоятельство, что дворяне, вслѣдствіе своей чрезмѣрной роскоши, были принуждены закладывать большую часть своихъ имѣній мѣщанамъ, которые такимъ образомъ стали постепенно людьми имущими, межъ тѣмъ какъ дворяне впадали все болѣе и болѣе въ бѣдность. Во всемъ, что можно было достать

за деньги, мѣщане могли теперь равняться съ знатными лицами, а въ иныхъ случаяхъ не уступать даже королямъ и князьямъ, вслѣдствіе чего и исчезло постепенно различіе сословій по внѣшнему виду, и особенно по костюму. Прямѣру богатыхъ мѣщанъ послѣдовали менѣе богатые, разумѣется по мѣрѣ своихъ средствъ, за ними низшіе и рабочіе классы, исключая служителей, получавшихъ одежду отъ своихъ господъ. Но постоянное исключеніе въ этомъ общемъ уравненіи костюма составляли, какъ и прежде, крестьяне, которыхъ не касалась городская жизнь, и которые сохранили почти безъ всякаго измѣненія старинную простую одежду, приспособленную къ ихъ занятіямъ. И такъ какъ полотно и лучшіе сорта сукна цѣнились

Фиг. 81.



еще очень дорого, то вслѣдствіе этого крестьянская одежда приготовлялась исключительно только изъ посконины и очень грубаго сукна, называвшагося „gros bugeaux“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ встрѣчается еще и теперь въ Бретани, крестьяне носили особый родъ жилетовъ изъ козьихъ и овечьихъ кожъ. Вообще же крестьянскій мужской костюмъ состоялъ по прежнему изъ штановъ, блузы и короткаго плаща; на ногахъ кожаные или деревянные башмаки (сравн. фиг. 81 а. б.). Женщины носили, при подобной же обуви, юбки, доходившія до ступней, и короткія накидки, и, смотря по мѣстности, различныя, по большей части совершенно простые чепцы (сравн. фиг. 50 а. б. с.).

Что касается траурной одежды, то относительно цвѣта она была одинакова для всѣхъ сословій, такъ какъ траурнымъ цвѣтомъ остался черный. Исключеніе составляли французскіе короли, траурная одежда которыхъ была краснаго цвѣта. Женщины при траурномъ костюмѣ надѣвали бѣлый вуаль. Вдовы должны были носить покрывала спускавшіяся по меньшей мѣрѣ до колѣнъ.

Не смотря на всѣ измѣненія, которымъ подвергался костюмъ вообще до конца 15 столѣтія, церемоніальное одѣяніе государей сохранило и до этой поры свой традиціонный покрой, носившій еще ясный отпечатокъ своего древнеримскаго происхожденія (ср. фиг. 82). Всѣ измѣненія, которыя оно испытало, касались главнымъ образомъ лишь отдѣлки различныхъ его частей и способа ношенія мантии, которая застегивалась то на правомъ плечѣ, на манеръ старинныхъ плечевыхъ плащей, то на груди.

Переимѣна въ манерѣ надѣвать плащъ, начались, повидимому, съ конца тринадцатаго столѣтія, такъ какъ до тѣхъ поръ, на картинахъ того времени, короли и вообще всѣ коронованныя лица изображены въ плечевыхъ плащахъ; съ конца же тринадцатаго столѣтія на многихъ картинахъ встрѣчается уже и другой видъ плаща, употреблявшійся одновременно съ первымъ. Такъ на портретахъ французскихъ и англійскихъ королей, первые представлены исключительно въ плечевыхъ плащахъ (фиг. 82 а), послѣдніе же напротивъ, особенно въ началѣ этого столѣтія, преимущественно въ спинныхъ плащахъ (фиг. 82 в. с.)

Фиг. 82.



Вообще же одѣяніе королей состояло и теперь изъ тѣхъ же частей какъ и прежде. Къ нему принадлежали, кромѣ обыкновенной исподней одежды, двѣ туники: нижняя и верхняя, или „dalmatika“, необходимый при нихъ поясъ, плащъ, башмаки, перчатки и, какъ знаки верховнаго сана, мечъ,

корона, скипетръ и держава. Но мечъ, опоясываемый вокругъ далматики во время церемоній, короли носили не всегда сами, а поручали носить его одному изъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ, который вручалъ его королю предъ алтаремъ во время совершенія коронованія, также какъ и державу, которая, впрочемъ, составляла болѣе принадлежность императорскаго облаченія, а у королевъ замѣнялась обыкновенно вторымъ скипетромъ, что было принято уже съ давнихъ поръ, особенно во Франціи. Точно также широкая и длинная, перекрещенная на груди лента (такъ называемая стола, принятая и духовенствомъ), заимствованная отъ византійскаго орната, сдѣлалась исключительною принадлежностью императорскаго одѣянія. Въ Англіи послѣднимъ королемъ носившимъ это отличіе былъ, повидимому, Эдуардъ I (1272—1307), потому-что, при вскрытіи въ 1774 его гробницы въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, вмѣстѣ съ королевскимъ одѣяніемъ, покрывавшимъ его тѣло, находилась и эта перевязь. Самое же одѣяніе состояло изъ красной, шелковой камки туники или далматики, атласнаго ярко-краснаго плечеваго плаща, застегнутаго на плечѣ пряжкой длиною въ дюймъ и разукрашеннаго камнями и жемчугомъ. Стола, перекрещенная на груди, была изъ бѣлой матеріи, также богато украшена камнями, жемчугомъ и кромѣ того, желтыми металлическими украшениями на подобіе четверолистника филигранной работы. Въ одной рукѣ короля находился скипетръ, а въ другой остатки металлическихъ украшеній, вѣроятно отъ державы; самое же тѣло его было завернуто до колѣнъ въ матерію въ родѣ парчи. Камни и жемчугъ были фальшивые, а металлическія украшенія только вызолоченныя, такъ что все найденное одѣяніе было только вѣрою копіею настоящаго королевскаго одѣянія. На одной миниатюрѣ этого времени, представляющей короля (быть можетъ самого Эдуарда I) въ полномъ орнатѣ, король этотъ изображенъ въ такомъ же точно облаченіи. На немъ надѣта такая же доходящая до ногъ далматика, съ длинными и широкими рукавами и богато украшенной столой, дважды перекрещенной на груди, при этомъ корона и держава, а на ногахъ затканная золотомъ башмаки; но вмѣсто плечеваго плаща, длинная до земли доходящая мантия, подбитая собольимъ или горностаевымъ мѣхомъ. На другой миниатюрѣ того же времени, представляющей по всей вѣроятности коронованіе Эдуарда I, король изображенъ снова въ широкомъ плечевомъ плащѣ, открытомъ съ правой стороны, который хотя въ общемъ и походитъ на плащъ изображенный на вышеназванной миниатюрѣ, такъ какъ имѣетъ такую же длину и также какъ и тотъ подбитъ мѣхомъ, но отличается отъ перваго преимущественно широкимъ наглухо застегнутымъ горностаевымъ воротникомъ, идущимъ отъ шеи и до груди. (Этотъ воротникъ, употреблявшійся уже въ началѣ тринадцатаго столѣтія въ знакъ отличія самыхъ высокопоставленныхъ сановниковъ, составлялъ также и въ послѣдствіи, хотя и не постоянно, принадлежность королевскаго орната). На той же миниатюрѣ, гдѣ вѣроятно многое принадлежитъ также фантазіи художника, представлена далѣе простая зубчатая корона, длинные весьма плотноприлегающіе рукава нижней одежды, обтяжные панталоны и башмаки—что, взятое все вмѣстѣ, и при сравненіи со многими другими современными изображеніями королевъ въ полномъ орнатѣ, ясно доказываетъ, какъ мало въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ от-

дѣльныхъ случаяхъ, слѣдовали въ этомъ отношеніи какимъ либо общепринятымъ или твердо установленнымъ предписаніямъ. Чаще всего перемѣнялся покрой рукавовъ туники или далматики, которые, какъ уже было принято и прежде, носились совершенно произвольно то длиннѣе, то короче, то шире, то уже. Кромѣ того, какъ показываетъ скульптурное изображеніе Эдуарда III (1327—1377) въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ (фиг. 82 b.), далматика надѣвалась иногда безъ пояса и имѣла среди передняго полотнища разрѣзъ, который шелъ отъ подола вверхъ до извѣстной высоты.

Что касается цвѣта королевскихъ одеждъ, то въ выборѣ его руководствовались отчасти личнымъ вкусомъ, отчасти преданіемъ. Французскіе короли уже съ тринадцатаго столѣтія выбрали для себя голубой цвѣтъ<sup>1</sup>, который и остался постояннымъ цвѣтомъ ихъ одѣянія: по крайней мѣрѣ и въ началѣ 15 ст. ихъ далматика, мантия и башмаки были голубаго цвѣта. Англійскіе короли, напротивъ того, не были такъ исключительны: по современнымъ изображеніямъ ихъ видно, что названныя части ихъ одѣянія бывали разнаго цвѣта. Раскрашенныя надгробныя статуи Генриха II и Элеоноры, Ричарда I и Беренгарды, въ аббатствѣ Фонтевро (въ Нормандіи), изъ 12 и 13 ст., одѣты—однѣ въ темную мантию и красную далматику, другія на оборотъ; на миниатюрѣ временъ Генриха VI, изображающей Генриха IV, король этотъ представленъ въ голубой далматикѣ и пурпуровомъ плащѣ, между тѣмъ какъ въ одѣяніи Ричарда III (1483—1485) и даже еще Генриха VII (1485—1509), при ихъ коронаціи, преобладаютъ цвѣта пурпуровый и ярко-красный. По современному разсказу, Ричардъ III, извѣстный своей сильной склонностью къ роскоши, въ день коронаціи своей былъ одѣтъ въ два полныхъ платья (Roben), одно ярко-краснаго бархата, богато разукрашенное золотымъ шитьемъ и все подбитое бѣличимъ мѣхомъ, а другое пурпуроваго бархата, подбитое горностаемъ; панталоны, шолковая мантия и затканные золотомъ башмаки были такого-же ярко-краснаго цвѣта.

Гораздо большее разнообразіе представляютъ отдѣлка и украшенія не столько отдѣльныхъ частей одежды, сколько инсигній \* въ собственномъ смыслѣ, т. е. короны, скипетра и т. д., форма и отдѣлка которыхъ опредѣлялась частію господствовавшимъ вкусомъ, частію личнымъ вкусомъ и изобрѣтательностью изготовлявшихъ эти вещи мастеровъ. Отдѣлка самого одѣянія состояла въ обложеніи его по краямъ широкимъ бордюромъ изъ золотого шитья, или изъ золотыхъ пластинокъ, усаженныхъ разноцвѣтными камнями и жемчугомъ. Такимъ образомъ отдѣлывалось одѣяніе англійскихъ королевъ. На одѣяніи Генриха IV (1399 — 1412), въ точности воспроизведенномъ на статуѣ этого короля въ Кантербурійскомъ соборѣ (фиг. 82 c.), не только далматика обшита по подолу каймою изъ жемчуга, но и карманъ на ней по краямъ охваченъ такою каймою—доказательство, какъ этотъ родъ

<sup>1</sup> Нѣкоторые предполагаютъ, что именно плащъ французскихъ королевъ имѣлъ первоначально ярко-красный цвѣтъ, хотя большая часть изображеній этого времени явно опровергаютъ это. Вѣроятно это предположеніе основывается на одной замѣткѣ въ хроникѣ Монстреля по поводу вѣзды Генриха, короля Англій, въ Парижъ, и одного изображенія Карла II, гдѣ онъ представленъ въ плащѣ яркокраснаго цвѣта. Сравни слѣдующ. примѣч.

\* Инсигнія (insignia)—знаки царскаго достоинства. Пер.

отдѣлки были любимы въ Англіи. Если о нѣкоторыхъ Англійскихъ короляхъ и разсказывается, что они украшали свои королевскія платья совершенно инымъ образомъ, какъ наприм: Генрихъ III, на платьѣ котораго спереди и сзади было вышито по три леопарда, или Ричардъ II (1377—1399), вся далматика котораго была сплошь расшита розами и буквами *R*,—то это было такимъ же исключеніемъ, какъ и башмаки на статуѣ Генриха III (умер. 1272), на памятникѣ его въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, на которыхъ представлены львы въ ромбоидальныхъ поляхъ. Во время продолжительной англо-французской войны случалось нерѣдко, что англійскіе короли заставляли вышивать на своихъ одеждахъ англійскій гербъ рядомъ съ французскимъ; но это нисколько не касалось собственно церемональнаго ихъ одѣянія.

Короли французскіе, избравшіе, какъ сказано, одинъ опредѣленный цвѣтъ для своего одѣянія, выбрали для него и опредѣленное украшеніе. Это была лилія (*fleur de lis*), въ томъ видѣ, какой получила она послѣ геральдическаго измѣненія этого цвѣтка, служившаго въ среднихъ вѣкахъ вмѣстѣ съ голубымъ цвѣтомъ главной эмблемой пресвятой Дѣвы, въ каковомъ значеніи лилія вѣроятно и была принята французскими королями. Кромѣ исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ, можетъ быть по особо-уважительнымъ причинамъ, приходилось отступать отъ общепринятаго обычая—какъ напр: когда Карлъ VI во время коронаванія супруги его Изабеллы имѣлъ мантию ярко-краснаго цвѣта, затканную золотомъ,<sup>1</sup>—главныя части одѣянія французскихъ королевъ—мантия, далматика и башмаки, дѣлались съ этого времени исключительно только изъ голубой матеріи (бархата, атласа, шелка и т. п.), по которой на равномъ разстояніи вышивались золотыя лиліи. Даже и узкая нижняя одежда вышивалась лиліями, по крайней мѣрѣ пока она не замѣнилась въ послѣдствіи туникой (фиг. 82 а.) Только панталоны, дѣлавшіеся также изъ шелковой матеріи темно-голубаго или фіолетоваго цвѣта, и туника, имѣвшая обыкновенно по произволу то бѣлый, то розовый цвѣтъ, оставались безъ этихъ украшеній. Ко всему этому, кромѣ упомянутой уже отдѣлки наружныхъ краевъ и т. д. золотомъ, камнями и жемчугомъ, что впрочемъ въ послѣдствіи было сильно упрощено, прибавилась еще, какъ особое украшеніе, преимущественно для мантий, подкладка изъ горностаеваго мѣха, а съ появленіемъ ливныхъ шлейфовъ, и шлейфъ, болшею частью очень значительной длины.

Изъ инсигній разнообразнымъ измѣненіямъ подверглись преимущественно короны,<sup>1</sup> причемъ, конечно, измѣнялись только украшенія и отдѣлка ихъ, такъ какъ основная форма короны, широкій обручъ съ возвышающимися надъ нимъ украшеніями, оставалась безъ всякой перемѣны.<sup>2</sup> Образцами для этихъ украшеній служили преимущественно растенія (листья или цвѣты); орнаментация обруча была разнообразнѣе, въ видѣ арабесокъ изъ

<sup>1</sup> Случайность, происшедшая вѣроятно вслѣдствіе того, что короновался не онъ самъ, а супруга его, на которой, какъ извѣстно, по случаю этой церемоніи была надѣта королевская мантия, ушьянная золотыми лиліями. Когда же въ 1630 г. Карлъ получилъ корону, то при взѣздѣ его въ Парижъ на немъ была надѣта точно такая же одежда съ вышитыми на ней лиліями.—<sup>2</sup> См. Texier. Dictionnaire d'orfèvrerie, de gravure et de siseleur echrétiens etc. publié par M. l'abbé Migne. Paris 1857. S. m. «couronnes impériales, royales etc. особ. стр. 489 ff и слѣд.—<sup>3</sup> Срав. фиг. 38. фиг. 46.

каменной, жемчуга и т. п. перѣдко съ филиграновыми промежутками между ними. Главнымъ украшеніемъ, особенно на коронахъ французскихъ королей, была тоже лилія, которая хотя употреблялась также и на англійскихъ коронахъ, но, повидимому, только какъ добавленіе къ ихъ прочей листообразной отдѣлкѣ. Подобную отдѣлку представляетъ корона на надгробной статуѣ Генриха IV (фиг. 83, сравн. фиг. 82 с.). Какъ предполагаютъ, она предста-

Фиг. 83.



вляеть вѣрный снимокъ съ драгоценной „Haggu Crown“, которую, въ 1415 г., Генрихъ V разломалъ, а куски ея заложилъ, чтобы расплатиться съ наемными войсками во время войны съ Франціей. Эта корона состояла изъ обруча, богато украшеннаго драгоценными камнями (однимъ рубиномъ, тремя большими сапфирами) и десятью крупными жемчужинами; надъ обручемъ возвышались широкія листья, въ промежуткахъ между которыми были лиліи и жемчужныя украшенія — все осыпанное камнями. — До этого времени всѣ короны надѣвались обыкновенно прямо на голову; съ этихъ же поръ стали носить подъ ними шапочки, которыя, соответственно всему головному убору, какъ это видно на изображеніи Генриха IV (фиг. 83), украшались очень богато. Кромѣ того, до времени Генри-

ха VI (1420—1461) короны дѣлались открытыми сверху, во время же царствованія этого короля, (какъ видно по монетамъ его времени) стали дѣлать ихъ съ поперечной, согнутой дугою, на подобіе старинныхъ императорскихъ коронъ. Такія короны были приняты и во Франціи, но только со времени Людовика XII, который первый надѣлъ такую корону при вѣздѣ своемъ въ Парижъ, въ 1498 г. Вскорѣ была прибавлена другая такая же дугообразная поперечина перекрещивающаяся съ первою подъ прямымъ угломъ, что дало возможность на точкѣ пересѣченія обѣихъ поперечинъ укрѣплять крестъ или какое нибудь украшеніе, какъ это и было сдѣлано на коронѣ Людовика XII, имѣвшей на своей верхушкѣ большую лилію.

Украшенія скипетра сосредоточивались преимущественно на верхней его части; самый же стержень дѣлался то круглый, то граненый, съ круглыми или тоже гранеными яблоками посрединѣ и на концѣ, или только на одномъ концѣ. Скипетръ былъ обыкновенно золотой или обложенъ золотымъ листомъ, и имѣлъ отъ двухъ до трехъ футовъ длины (фиг. 82. а.). Верхушка скипетра, по издавна принятому обычаю, украшалась какою нибудь фигурою — то орломъ, то цвѣткомъ (чаще всего лиліей), или же яблокомъ съ утвержденнымъ на немъ крестомъ, или однимъ крестомъ и однимъ яблокомъ. Иногда, какъ на скипетрѣ статуи Эдуарда II, украшеніе это представляло зубчатую башенку съ сидящей на ней птицей. Но такія произвольныя украшенія допускались лишь для одного изъ двухъ скипетровъ, которые держали короли во время коронаціи въ обѣихъ рукахъ, именно для скипетра служившаго символомъ власти, другой же скипетръ, который они имѣли въ лѣвой рукѣ, оканчивался на верхушкѣ рукою изъ слоновой кости съ первыми тремя поднятыми и послѣдними двумя пригнутыми къ ладони

пальцами. Это изображеніе, вмѣстѣ съ значеніемъ украшеннаго имъ скипетра, какъ символа правосудія, было завѣщено римскимъ преданіемъ. Какъ французскіе такъ и англійскіе короли короновались съ описанными двумя скипетрами.—Надгробное изображеніе Эдуарда III (ум. 1377) представляетъ его съ двумя скипетрами, какъ это видно по остаткамъ ихъ въ каждой рукѣ фигуры (фиг. 82 b).

Держава, если только короли употребляли ее, дѣлалась обыкновенно совершенно гладкою, или украшалась обручемъ, проходившимъ по срединѣ ея, а иногда также двумя перекрещивающимися обручами и утвержденнымъ на ней крестомъ; все это убиралось болѣе или менѣе богато камнями и т. п. Орнаментація мечей ограничивалась разумѣется только рукоятью ихъ и ножами. Последнія дѣлались иногда совершенно прорѣзныя изъ красиво переплетавшихся арабесокъ, для усиленія эффекта подложенныхъ кокою нибудь дорогою матеріею—бархатомъ или шелкомъ, голубаго или краснаго цвѣта.

Со времени учрежденія орденовъ, вошло въ обыкновеніе носить при орнатѣ весьма дорогія шейныя цѣпи, надѣвавшіяся сверхъ мантии. Особый родъ этихъ цѣпей представленъ на нѣкоторыхъ надгробныхъ памятникахъ знатнѣйшихъ дворянъ Англіи временъ Генриха IV и послѣ него, равно какъ и на надгробномъ изображеніи его супруги, королевы Іоанны Наварской, въ Кантерберійскомъ соборѣ: звенья этихъ цѣпей имѣютъ форму буквы S, что, между разными другими толкованіями, объясняютъ словомъ „sovereayne“, которое было девизомъ названнаго короля.

Одѣяніе королевъ походило въ главномъ на одѣяніе королей, съ той только разницей, что нѣкоторыя отдѣльныя части его, особенно корона и скипетръ, были еще красивѣе, а послѣдній, кромѣ того, быть можетъ и по какой либо другой причинѣ, дѣлался обыкновенно меньше скипетра королей. Въ 1389 г., когда супруга Карла VI, Изабелла, вѣзжала въ Парижъ въ сопровожденіи герцогинь де Баръ (de Bar), де Берри (de Berri) и де Турень (de Touraine), на ней было надѣто шелковое платье, усыянное золотыми лиліями, а доѣхавъ до С. Лазара (Saint Lazar), недалеко отъ Парижа, она и герцогини надѣли на себя короны, богато украшенныя дорогими камнями. На слѣдующій же день во время коронаціи, при совершеніи церемоніи, королева была одѣта совершенно одинаково съ королемъ, только что волосы ея висѣли свободно изъ подъ короны. Съ этихъ поръ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя изображенія того времени, одѣяніе королевъ стало приближаться по крою къ обыкновенной женской одеждѣ. Впрочемъ эта перемѣна коснулась сначала только нижней одежды, но не королевской мантии, которая сохранила свою традиціонную форму наравнѣ съ остальными инсигніями — короною, скипетромъ и т. д. Въ случаевъ появленія въ торжественномъ королевскомъ одѣяніи, королевы носили мантии, крой и отдѣлка которыхъ опредѣлялась ихъ личнымъ вкусомъ или господствующею модою (сравни. фиг. 49 b).

Королей погребали въ такомъ же одѣяніи, въ какомъ они короновались. По исконному обычаю, тѣло умершаго короля, облеченное въ полный орнатъ, выставлялось на нѣкоторое время и затѣмъ въ такомъ видѣ предавалось погребенію. Впрочемъ этотъ обычай просуществовалъ, по крайней

мѣръ во Франціи, только до конца тринадцатаго столѣтія, когда вошло въ обыкновеніе погребать отдѣльно тѣло, сердце и внутренности умершаго, вслѣдствіе чего, такъ какъ нельзя было выставять на показъ изрѣзанное тѣло \*, дѣлался изъ воска или вѣрный снимокъ съ умершаго, и надъ этимъ-то „semblance de cuir“, раскрашеннымъ и убраннымъ какъ настоящій покойникъ, совершалась обычная прощальная церемонія. Такое фиктивное погребеніе было совершено надъ Карломъ VI и вскорѣ послѣ него надъ наслѣдникомъ его Генрихомъ V англійскимъ, около 1422 г. При торжественныхъ похоронахъ Карла VI — какъ сообщаетъ о томъ большая хроника Монстрелэ — „весьма сходное изображеніе этого короля лежало на великолѣпной постели, накрытой балдахиномъ изъ дорогого сукна, затканнаго золотомъ, подбитаго „vermeil d'azur“ и усыпаннаго вышитыми золотомъ лиліями. На самомъ же изображеніи была надѣта корона, богато украшенная камнями, а въ рукахъ находились монеты—въ одной золотая, въ другой серебряная. Одежда фигуры состояла изъ „drap d'or à un champ vermeil“ съ длинными рукавами, и изъ мантии, украшенной такимъ же образомъ и подбитой горностаемъ; панталоны были чернаго цвѣта, а „sollers“ (башмаки) свѣтло-синяго бархата съ изображеніемъ золотыхъ лилій. Эта фигура была перенесена со всѣми почестями сначала въ церковь Богоматери (Notre-Dame), а потомъ уже въ С. Дени (St. Denis).“ Точно также было поступлено и съ тѣломъ Генриха V, съ той только разницей, что приближенные его, желая непременно препроводить тѣло Генриха въ Англію и сохранить его долѣе неспорченнымъ, поручили одному Руанскому мяснику, разрѣзавъ трупъ на части, посолить его, между тѣмъ какъ изображеніе короля, сдѣланное изъ вываренной кожи, было положено въ гробъ, поставлено на колесницу, запряженную четырьмя лошадьми, и послѣшно перевезено къ гавани, гдѣ его ожидалъ корабль. Если упомянутая фигура Карла VI держала въ обѣихъ рукахъ по монетѣ, то это было сдѣлано, вѣроятно, по какой либо особой причинѣ, и составляетъ исключеніе, такъ какъ обыкновенно въ руки королей клались скипетры, въ одну главный, а въ другую малый; или же, какъ у императоровъ, вмѣсто малаго скипетра давалась въ руку держава, какъ это и нашли при трупѣ англійскаго короля Эдуарда I.

Герцоги и графы („comtes“ и „earls“) и вообще всѣ крупные ленники, при вступленіи своемъ во владѣніе, короновались иногда также какъ и короли, облачаясь при этомъ въ подобные же орнаты. Разница была въ томъ, что между тѣмъ какъ королевскій орнатъ, особенно во Франціи, измѣнялся очень мало, сохраняя разъ установившуюся для него форму, орнаты этихъ владѣтельныхъ лицъ измѣнялись весьма разнообразно, особенно въ отдѣльных частяхъ своихъ, какъ напр. въ цвѣтѣ, украшеніяхъ и т. п. Самымъ виднымъ украшеніемъ этихъ орнатовъ были фамиліальные гербы, которые вышивались разноцвѣтными шелками, преимущественно на мантияхъ. Только для коронъ существовала издавна опредѣленная форма, по которой на золотомъ обручѣ герцогской короны находилось только два зубца, на

\* Die so zerstückelte Leiche. Тутъ очевидно недоразумѣніе со стороны автора. Пер.

подобіе цвѣтка, графская же корона состояла просто изъ одного обруча. На сколько строго соблюдалось это предписаніе, опредѣлить почти невозможно, такъ какъ на многихъ памятникахъ, особенно англійскихъ графовъ, какъ напр. на памятникахъ Тамаса и Вилліама Фитцъ-Алланъ (первый 1416 г., второй 1487 г.) въ Арундельской церкви, встрѣчаются короны, весьма несходныя и по формѣ и по количеству зубцовъ, но всѣ очень богато украшенныя. Надо предполагать (если только въ Англіи не существовало полной свободы въ этомъ отношеніи), что знатные вассалы надѣвали установленныя для нихъ короны только въ тѣхъ случаяхъ, когда это требовалось церемоналомъ, какъ напр. въ присутствіи короля, вообще же носили короны произвольной формы. Позднѣе дошло до того, что даже низшее дворянство присвоило себѣ это отличіе, что конечно при его положеніи въ свѣтѣ не имѣло никакого значенія, а потому и было оставлено безъ особаго вниманія. Очень можетъ быть, что короны, закрытыя сверху, были приняты только для того, чтобы отличить этимъ королевскія короны отъ вассальныхъ.

Особый родъ украшенія костюма, сначала только этихъ владѣтельныхъ лицъ, а также и королей, составляли постоянно учреждавшіеся орденскіе знаки, такъ какъ именно въ это время многіе государи старались учрежденіемъ орденовъ и раздачею ихъ сильнѣйшимъ изъ своихъ вассаловъ, привлечь ихъ на свою сторону и заставлять такимъ образомъ дѣйствовать въ интересахъ своей династіи. Такъ во Франціи, кромѣ имѣвшихся уже орденовъ, былъ учрежденъ Людовикомъ II, въ 1370 г., въ день его бракосочетанія и съ цѣлью пріобрѣсти сильныхъ сторонниковъ противъ Бургундіи „орденъ репейника“ (или Св. Андрея) <sup>1</sup>, а вскорѣ послѣ того, около 1378 г., Карлъ VI, король французскій, и Ричардъ II англійскій, учредили орденъ „страстей Господнихъ“ \*. Затѣмъ появились въ короткое время: „орденъ Дикобраза“ (ordre du Poec-épic или du Camail), учрежденный около 1393 г. Людовикомъ Орлеанскимъ и уничтоженный Людовикомъ XII; „орденъ золотого руна“ (Ordre de la Toison d'or), учрежденный въ 1431 г. Филиппомъ Бургундскимъ; „орденъ Горностая“ (Ordre de l'Hermine)—Иоанномъ V, герц. Бретонскимъ, въ 1381; „орденъ Архангела Михаила“ — Людовикомъ XI около 1469 г., и наконецъ, орденъ „подпоясанныхъ дамъ“ <sup>\*\*\*</sup>, установленный въ 1483 г. супругою Карла VIII. Что касается Англіи, то въ этомъ отношеніи она была гораздо умѣреннѣе, такъ что кромѣ упомянутого уже ордена „Страстей Господнихъ“, учрежденнаго Ричардомъ II, существовали еще только „орденъ Подвязки“ или рыцаря Св. Георга, основанный Эдуардомъ III въ 1350 г., и „орденъ Бани“, учрежденный въ 1399 г. Генрихомъ IV.—Знаки этихъ орденовъ были болѣею частью весьма разнообразны. Такъ знакъ ордена „подпоясанныхъ дамъ“, которымъ награждались, конечно, только женщины, состоялъ изъ веревки, совершенно похожей

<sup>1</sup> Der heiligen Passion. — \* Учрежденъ въ 1540 г. Яковомъ I Шотландскимъ; восстановленъ въ 1687 Яковомъ II, и потомъ, въ 1703 г., королевою Анною. Существуетъ и доселѣ. См. Gourdon de Genouillac, Dictionnaire historique des Ordres de Chevalerie. Paris, 1854. Пер.—\*\* Ordre de la Passion de Jesus Christ. Просуществовалъ очень недолго. Ibid. Цер.—\*\*\* Der gegürteten Damen. Въ назв. Словарѣ такого ордена нѣтъ, а есть Ordre des Dames de l'Echarpe, установленный въ 1380 г. Иоанномъ I Кастильскимъ и въ послѣдствіи соединенный съ ordre de la Bande. Пер.

на поясъ Францисканскихъ монаховъ, которую носили вокругъ талии. Кромѣ того причислялись еще къ орденскимъ знакамъ не только цѣпи, или цѣпи со звѣздами и изображеніемъ ордена, но и особыя орденскія платья, имѣвшія также различный видъ, смотря по различнымъ степенямъ, на которыя дѣлился орденъ. Не входя въ дальнѣйшія подробности относительно этого предмета <sup>1</sup>, можно упомянуть для примѣра объ орденской одеждѣ кавалеровъ золотого руна, которая въ 1468 г. была упрощена тѣмъ, что верхняя одежда не дѣлалась болѣе изъ пурпуровой ткани, подбитой бѣличьимъ мѣхомъ, но изъ краснаго атласа, подбитаго бѣлой тафтой, при чемъ шапочка и самое платье не должно было имѣть никакой опушки (стр. 107); къ ордену же Подвязки, кромѣ присвоенной ему одежды, цѣпи и звѣзды, принадлежитъ золотой обручъ, покрытый голубой эмалью, по которой золотыми буквами написанъ девизъ ордена: *Honni soit qui mal y pense*. Обручъ этотъ застегивается подъ лѣвымъ колѣномъ. Изъ всѣхъ присвоенныхъ ордену отличій, носили обыкновенно только какое либо одно, преимущественно цѣпь, или звѣзду, или же, при орденѣ Подвязки, обручъ подъ колѣномъ; полное же орденское одѣяніе надѣвалось только при исключительныхъ торжествахъ. Иногда орденскія принадлежности отдѣлялись чрезвычайно богато и становились дорогимъ нарядомъ. Такъ напр. извѣстно, что герцогъ Бургундскій, для встрѣчи своей съ герцогомъ Ланкастерскимъ въ Амьенѣ (1392 г.), велѣлъ приготовить себѣ, ради болѣе пышности, двѣ бархатныя „*houppelandes*“, одну вишневаго цвѣта, и другую черную; на груди вишневаго платья былъ вышитъ серебромъ большой медвѣдь съ великолѣпнымъ намордникомъ изъ рубиновъ и сафировъ; на черномъ платьѣ были выложены сафирами и настоящимъ жемчугомъ изображенія стариннаго ордена „*de la cosse de genêt*“ (Дрока), а на лѣвомъ рукавѣ платья шла вѣтвь изъ двадцати двухъ розъ, составленныхъ изъ сафировъ, окруженныхъ рубинами и жемчугомъ; кромѣ того по всему платью были вышиты буквы *P* и *U*, переплетенныя вмѣстѣ, и означавшія монограмму герцога. Одна работа этихъ двухъ платьевъ, на которыя была употреблена 31 марка чистаго золота, стоила не менѣе 2977 ливровъ.

Иного рода были отличія, которыми дворянскіе роды отличали себя отъ недворянъ и различались между собою. Это были, кромѣ гербовъ, фамильные цвѣта, которые каждый родъ выбиралъ для своей одежды и вооруженія, такъ что по однимъ этимъ цвѣтамъ, весьма часто не имѣвшимъ никакого отношенія къ цвѣтамъ гербовъ, можно было отличать одинъ дворянскій родъ отъ другаго. Подобно тому, какъ въ Англо-французской войнѣ сынъ Эдуарда III, принцъ Вельскій, былъ извѣстенъ и внушалъ страхъ подъ именемъ „Чернаго Принца“, такъ и многіе изъ дворянъ получали подобныя же прозвища, особенно если они отличались какими либо особыми качествами, или были извѣстны своей силой и богатствомъ, и одѣвали

<sup>1</sup> P. Heliot. Histoire des ordres monastiques et militaires. 2. edit. avec 812 fig. Paris 1792. (In deutscher Uebersetzung. Leipz. 1783.)—C. F. Schwan. Die weltlichen Ritterorden, welche eine eigne Ordenskleidung haben. Mannheim 1791.—M. Tiron. Histoire des ordres religieux et militaires. Bruxelles 1845; для англ. орденовъ: E. Ashmole: Of the institution, laws and ceremonies of the most noble order of the Garter. London 1672, и др.

въ свой цвѣтъ своихъ сторонниковъ. Для примѣра упомянемъ здѣсь, что графы Фландріи носили темнозеленый цвѣтъ, графы Анжу—свѣтло-зеленый; графы Блуа и Шампани—пунцовый и голубой, герцоги Бретонскіе—черный и бѣлый, герцоги Лотарингскіе—желтый, а герцоги Бургундскіе—красный. Не всегда, однакожь, удерживался въ родѣ разъ выбранный имъ фамильный цвѣтъ, а часто замѣнялся какимъ нибудь другимъ; такъ напр: между графовъ Савойскихъ „красный графъ“ смѣнялся „зеленымъ“.

Затѣмъ слѣдовало право носить постоянно шпору, присвоенное, особенно во Франціи, сначала только однимъ знатымъ, пока наконецъ Карль V (около 1371 г.) не распространилъ его на всѣхъ жителей Парижа, послѣ чего, впрочемъ, шпору весьма скоро вошли уже въ общее употребленіе.

Для дворянъ, занимавшихъ какую либо придворную должность при королѣ, или герцогѣ, какъ напр. маршала, сенешаля и др., составила особая, обозначающая ихъ санъ, придворная одежда, которую они надѣвали при отправленіи своей должности, или же когда имъ слѣдовало являться представителями ея. Сначала одежда эта походила на одежду, носимую вообще знатыми лицами при торжественныхъ случаяхъ, съ тою только разницей, что она была богаче отдѣлана (фиг. 73; фиг. 43.). Въ послѣдствіи, около начала пятнадцатаго столѣтія, для каждой должности придворной установлена была опредѣленная одежда, отличавшаяся отъ другихъ должностныхъ одеждъ цвѣтомъ, отдѣлкою и изображеніемъ на ней атрибутовъ должности. Цвѣта, чаще всего выбиравшіеся (во Франціи) для этихъ дѣйствительно церемоніальныхъ одеждъ, были темно-голубой, ярко-красный и фіолетовый; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ употреблялся также зеленый и желтый цвѣтъ<sup>1</sup>. Покрой официальной одежды отличался постоянно значительной шириной, обиліемъ складокъ и умѣренной длиной шлейфа (фиг. 73). — Что касается президента и совѣтниковъ парламента, то относительно ихъ существовалъ во Франціи обычай, по которому самъ король выдавалъ ежегодно президенту новую одежду ярко-краснаго цвѣта, подбитую горностаемъ, и бархатную шапочку или „mortier“, украшенную золотыми обручами; совѣтники парламента получали отъ него тоже ярко-красная платья, хотя уже въ пятнадцатомъ столѣтіи они не составляли болѣе дѣйствительныхъ чиновниковъ королевскаго дома, а причислялись скорѣе къ государственнымъ чиновникамъ.

И въ прочихъ классахъ общества обнаружилась тоже довольно рано наклонность къ обозначенію различныхъ положеній и занятій внѣшними отличіями костюма. Эта наклонность стала проявляться особенно рѣзко со времени болѣе устойчиваго развитія городовъ и раздѣленія городского населенія на ремесленныя корпораціи, на чиновниковъ, ученыхъ и т. д. До начала 15 стол. не существовало впрочемъ никакихъ законодательныхъ постановленій, которыми бы опредѣлялся костюмъ различныхъ классовъ горожанъ, и даже

<sup>1</sup> При бракосочетаніи Вильгельма Баварскаго съ Маргаритой Бургундской, въ 1385 г., въ свѣтъ ихъ находилось пятнадцать рыцарей въ зеленыхъ бархатныхъ одеждахъ и 240 офицеровъ въ шелковыхъ платьяхъ такого же цвѣта; кромѣ того было еще множество слугъ въ зеленыхъ и красныхъ ливреяхъ. А при вѣздѣ Изабеллы Баварской въ Парижъ около 1389 г., чиновники и слуги королевскаго дома были одѣты даже въ розовыя платья.

въ теченіи названнаго вѣка они ограничивались мало дѣйствительными предписаніями, появлявшимися время отъ времени.

Каковы были особенности костюма городскихъ жителей въ Англіи въ 14-мъ вѣкѣ, объ этомъ мы находимъ замѣчательныя и вполне достовѣрныя указанія у Чосера (Geoffrey Chaucer, 1328—1400), въ его превосходныхъ Кантербурійскихъ разсказахъ (Canterbury Tales). Изъ этихъ разсказовъ мы узнаемъ, что молодые дворяне носили вышитое бѣлыми и красными цвѣтами короткое платье съ длинными и широкими рукавами, и длинные завитые въ локоны волосы. „Yeomen“ (вольные однодворцы) одѣвались въ зеленого цвѣта камзолы; такого же цвѣта были у нихъ и шапки; черезъ плечо висѣлъ охотничій рогъ на зеленой перевязи, за поясомъ воткнута была связка стрѣлъ, украшенныхъ павлиньими перьями; на лѣвомъ боку висѣли мечъ и щитъ, на правомъ кинжалъ (gay dagger) и въ рукѣ большой лукъ. Для предохраненія руки отъ удара тетивы на ней былъ надѣтъ наручникъ; грудь была украшена серебрянымъ изображеніемъ Св. Христофора—покровителя охотниковъ и стрѣлковъ. Купцы носили раздвоенныя бороды, пестрыя платья смѣшанныхъ цвѣтовъ, „фландрскія“ войлочные шляпы и шнурованныя полуботинки; „frankelein“ или помѣщики (Landedelmann) отличались пояснымъ карманомъ и пояснымъ ножомъ; моряки — широкимъ балахономъ („falding“) или толстой курткой, доходившей обыкновенно до колѣнъ, и шпагой на боку; управляющіе или смотрители замковъ носили коротко остриженныя бороды, волосы выстриженные вокругъ ушей, и длинное „surcot“ пестрыхъ цвѣтовъ, или сѣровато-синяго и т. п., между тѣмъ какъ ремесленники имѣли особые отличительные знаки, смотря по цеху и гильдіи, къ которымъ они принадлежали, вообще же принадлежность одежды ремесленниковъ составляли кошельки, пояса и ножи, отдѣланные серебромъ „а никакъ не мѣдью“. Наконецъ, свѣтскіе ученые, слѣдовательно всѣ тѣ лица, званіе и дѣятельность которыхъ обуславливались болѣе научнымъ образованіемъ, одѣвались всѣ почти безъ исключенія въ длинныя и широкія одежды, подобно духовенству, изъ котораго они и выдѣлялись. Къ нимъ причислялись преимущественно доктора и хирурги, законовѣды и приказные. Врачи отличались темносинюю и голубую верхнюю одежду изъ полотна съ тафтой; судейскіе чиновники, въ особенности sergeants-at-law, — разноцвѣтнымъ полосатымъ или двуцвѣтнымъ (mi-partie) платьемъ съ богатымъ набедреннымъ поясомъ въ серебрянной оправѣ; кромѣ того они носили бѣлую шапку, сначала изъ полотна, потомъ шолковую съ мѣховой опушкой, и особаго рода плечевой воротникъ, обшитый также мѣхомъ. Судя по изображенію на памятникѣ сира Ричарда де Уиллогби (Sir Richard Willoughby) времени Эдуарда III (около 1338 г.), гдѣ сиръ Ричардъ представленъ въ костюмѣ „Chief Justice of the king's Bench“ (главнаго судьи королевской скамьи), костюмъ этотъ состоялъ изъ широкаго со складками платья, покрывающаго весь станъ отъ шеи до самыхъ ногъ, съ разрѣзомъ спереди, довольно широкими рукавами и узкимъ до ушей входящимъ загнутымъ наружу воротникомъ; изъ длиннаго пояса съ металлической оправой, застегивавшагося на пряжку, и изъ плоской круглой шапки, прикрывавшей только темянную часть головы. Подъ этой длинной одеждой надѣвалась обыкновенная короткая, какъ это можно заключить по ея рука-

вамъ, длиннымъ и весьма узкимъ, которые видны изъ за широкихъ верхнихъ. На другой надгробной фигурѣ, на памятникѣ Вилліама Гасконскаго (William Gascoigne) 1419 г., представленнаго въ одеждѣ того же сана, на верхнемъ платьѣ видѣнъ широкій плечевой воротникъ, доходящій до локтей, а сверхъ него длинный и широкій плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ, съ прекрѣпленнымъ къ нему головнымъ покровомъ въ родѣ капюшона; съ правой стороны къ поясу привѣшенъ короткій ножъ (кинжалъ). По изображеніямъ того же костюма на памятникахъ конца четырнадцатаго и половины пятнадцатаго столѣтій, онъ состоялъ изъ очень длинной, бѣльшею частью волочившейся нижней одежды съ рукавами средней ширины, изъ немного болѣе короткой верхней одежды, которая, оставаясь неподпоясанною, имѣла значительно болѣе широкіе рукава и отложной, совершенно закрытый воротникъ, не вполне доходившій до локтей, снабженный капюшономъ и отороченный по нижнему краю узкою полоскою болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ самая одежда; на головѣ простая шапка; иногда изъ подъ капюшона видны два коротенькіе отороченные клинушка, въ родѣ такъ называемыхъ „баветокъ“, которые носятъ нынѣшніе протестантскіе духовные.

При Эдуардѣ III (1327—1377), а въ рѣдкихъ случаяхъ и послѣ него, даже въ шестнадцатомъ столѣтій, судебные чиновники получали матеріалъ для своей официальной одежды отъ короля. Этотъ матеріалъ состоялъ, смотря по чину, обыкновенно изъ сукна или шолоковой матеріи и мерлушки (Kleinspelt) для отдѣлки. Въ царствованіе Ричарда II (1377—1399) судьи получали для лѣтней одежды десять аршинъ зеленого сукна, а главный судья еще особенно двадцать четыре аршина зеленой тафты. При Генрихѣ VI (1420—61) главному судѣ королевскаго казначейства („Chief Baron of the Exchequer“) выдавалось ежегодно къ Рождеству на зимнюю одежду десять аршинъ „violet in grain“ и сто-пятьдесятъ-двѣ маленькія шкурки горноста, изъ которыхъ тридцать-двѣ болѣе тонкія назначались для головнаго покрова. Къ Троицыному дню получалъ онъ десять аршинъ зеленого сукна и полкуса зеленого „tartarin“, прочіе же судьи этого судебного мѣста получали столько же „violet in grain“, съ такимъ же количествомъ горностаевыхъ шкурокъ и два куска шелковой матеріи, по семи „tires“ на каждого,—изъ чего слѣдуетъ, что въ Англіи сословіе судей, по крайней мѣрѣ въ этомъ столѣтій, носило одежду преимущественно зеленого цвѣта, съ отдѣлкой изъ горностаеваго мѣха. — Въ 1432 г., когда Генрихъ VI возвращался изъ Франкфурта, лордъ-мэръ Лондона, торжественно встрѣчавшій его при въѣздѣ въ Лондонъ, былъ одѣтъ въ ярко-красную одежду, отдѣланную мѣхомъ и подпоясанную золотымъ поясомъ; на шеѣ у него была золотая, или затканная золотомъ перевязь, которая низко спускалась сзади. Трое слугъ или пажей его были одѣты въ платья краснаго же цвѣта съ серебряной отдѣлкой, а „Alderman“ (членъ магистрата) имѣлъ на головѣ ярко-красную шапку, также какъ и всѣ представители городскихъ сословій, одѣтые въ платья бѣлаго цвѣта, на рукавахъ которыхъ были вышиты отличительные знаки сословій.

Подобнымъ же образомъ различались сословія и во Франціи. Въ четырнадцатомъ столѣтій всѣ ученые, судьи, врачи и хирурги одѣвались въ длин-

ную одежду, походившую на одежду духовныхъ лицъ. Одежда врачей была обыкновенно сѣраго цвѣта, поясъ и шапка черныя; у шапки были два широкихъ наушника, подвязывавшихся подъ подбородкомъ. У хирурговъ и платье и шапки были краснаго цвѣта. Правовѣды и судьи, которые также какъ и духовныя лица брили себѣ головы, носили и длинную и короткую одежду, доказательствомъ чего служить дѣленіе ихъ на людей длинной одежды и людей короткой одежды. Къ первому разряду причислялись адвокаты, носившіе еще сверхъ длиннаго платья длинную накидку, по обѣ стороны которой были сдѣланы проймы для рукъ.—Для богослововъ и вообще всѣхъ докторскихъ степеней при университетѣ, а также и для учащихся въ немъ, былъ установленъ особый костюмъ, служившій также для отличія ихъ отъ прочихъ сословій. Онъ состоялъ изъ накидки особаго покроя, обыкновенно изъ темной или черной матеріи, шапочки такого же цвѣта, и черныхъ башмаковъ открытыхъ сверху<sup>1</sup>. Велѣдствіе многочисленныхъ безпорядковъ и неблагопристойностей, которые дозволяла себѣ учащаяся молодежь, отъ нея строго требовалось не носить другаго костюма кромѣ ей предписаннаго.—Главные сборщики податей, нотаріусы, писцы и помощники ихъ отличались шапками боброваго и выдроваго мѣха, которыя выдавались имъ ежегодно. Городецкія власти носили платье разнополосное (такъ называемое „mi-parti“), цвѣтовъ городскаго герба, изображеніе котораго нерѣдко нашивалось, или вышивалось, также на рукавѣ или на груди ихъ обыкновенной одежды; для хранения казенныхъ бумагъ, у нихъ былъ у пояса бархатный кошель съ металлическими застежками („tasse“). Нерѣдко случалось, что даже жены этихъ чиновниковъ отличали себя особой одеждой, смотря по чину мужей своихъ; такъ, между прочимъ, во многихъ городахъ родственницы городскихъ судей носили ради отличія красныя и черныя наголовники (chaperons).

Особенно строгимъ уставамъ подлежала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одежда публичныхъ женщинъ и Евреевъ, почти одинаково подвергавшихся общему презрѣнію. Такъ напр. въ Тулузѣ, публичнымъ женщинамъ было вмѣнено въ обязанность носить постоянно капоры и бѣлыя мѣтки, и только при Карлѣ VI, по настоятельной просьбѣ этихъ женщинъ, умолявшихъ избавить ихъ отъ такого позора, было имъ дозволено одѣваться по произволу, нашивая только на одномъ изъ рукавовъ платья шнурокъ другаго цвѣта, чѣмъ самое платье. Относительно же Евреевъ было постановлено на церковныхъ соборахъ 1233 и 1367 г., что они должны вообще носить длинныя одежды; а на церковномъ соборѣ 1314 г. было еще особо прибавлено, что шапки ихъ должны быть рогатой формы и желтаго или желто-краснаго цвѣта, а на груди нижней одежды или на плечѣ плаща должно быть нашито красное или оранжевое колесо. Однакожъ всѣ эти предписанія были въ различныхъ мѣстностяхъ многократно измѣняемы.

Въ судѣ, особенно въ уголовномъ судопроизводствѣ, извѣстный костюмъ

<sup>1</sup> Одежда студентовъ Тулузскаго Университета состояла въ 1314 г. изъ открытой туники, безрукавной куртки и капюшона. Стоимость этого костюма не должна была превышать 25 sols tournois.

примѣнялся какъ мѣра наказанія. Такъ напр.: дѣлателей фальшивой монеты выставляли цѣлый день на показъ въ бѣлой одеждѣ, на которой были нарисованы головы съ вьющимся надъ ними пламенемъ; измѣнникамъ надѣвали на голову пергаментныя короны и такъ водили ихъ по улицамъ; банкроты обязаны были выходить въ зеленыхъ шапкахъ. Приговоренныхъ къ смерти, если они принадлежали къ высшему дворянскому сословию, передъ отправленіемъ къ мѣсту казни лишали всѣхъ отличительныхъ знаковъ рода и званія, а при публичной выставкѣ на эшафотѣ надѣвали на нихъ власяницу, или же оставляли совершенно обнаженными.

Во Франціи, постановленія касающіяся одежды получили въ теченіи пятнадцатаго столѣтія болѣе опредѣленный характеръ. Всѣ дотолѣ еще не вполне установившіяся внѣшнія отличія были регулированы и обозначены съ большою точностью. Прежде всего былъ установленъ особый служебный костюмъ для чиновниковъ суда и администраціи; костюмъ этотъ, какъ независимый отъ моды, переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе почти безъ всякихъ измѣненій. Объ особой одеждѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ должностныхъ лицъ было говорено уже выше; здѣсь слѣдуетъ только замѣтить, что при торжественныхъ случаяхъ они появлялись въ одеждахъ, которыя имъ выдавались (отъ казны?). Такъ при погребеніи Карла VII въ 1461 г. (о которомъ имѣются точныя свѣденія)<sup>1</sup>, всѣ чиновники были одѣты преимущественно въ ярко-красный цвѣтъ, при чемъ на главномъ президентѣ былъ такого-же цвѣта плащъ, доходившій до земли; одежда президентовъ и совѣтниковъ такъ называемаго тайнаго двора и одежда адвокатовъ была въ этомъ случаѣ тоже яркочернаго цвѣта.

Впрочемъ, въ это время яркочерная одежда не составляла уже официальнаго костюма даже и высшихъ чиновниковъ, по крайней мѣрѣ не всѣхъ, а служила имъ церемоніальной одеждою, которую они надѣвали при торжественныхъ какихъ нибудь случаяхъ. Это замѣчаніе касается также и костюма адвокатовъ и прокураторовъ. Первые уже съ половины пятнадцатаго столѣтія стали носить длинный темнофіолетовый или черныи кафтанъ съ черною сверхъ него накидкою, и уже около 1436 г. замѣнили подбитый мѣхомъ шаргерон четырехугольною шапкою.<sup>2</sup> Прокураторы одѣвались тоже въ длинную черную одежду, но безъ накидки, и носили простую шапку безъ мѣховою опушки. Такъ и при погребеніи Карла VI, всѣ совѣтники казначейства и подчиненные имъ были уже одѣты въ черное, между тѣмъ какъ присутствовавшіе на церемоніи тайные судьи города Парижа имѣли на себѣ полосатую одежду, такъ называемую „mi-parti“, а у служителей ихъ судовъ былъ, кромѣ того, вышитъ на груди городской гербъ.—Когда, около 1431 г., Генрихъ VI англійскій вѣзжалъ въ Парижъ, то городской голова (Prevôt), открывавшій поѣздъ, былъ одѣтъ въ ярко-красное шелковое платье съ голубымъ „шаргерон“ на головѣ. Знатные горожане свиты, мѣняла, куп-

<sup>1</sup> Chronique de Mathieu de Coussy y J. A. Buchon, Collection des chroniques nationales françaises écrits en langue vulgaire du 13—16 siècle. Paris 1824. Tom XI. p. 368. sq.—<sup>2</sup> Ср. фиг. 74.

цы и т. д., также какъ и рекетмейстеры, совѣтники и др. были все одѣты въ красное, между тѣмъ какъ въ костюмѣ купческаго старшины преобладали цвѣта красный и голубой. Главное отличіе высшихъ чиновниковъ администраціи составляли особаго рода бархатныя шапки съ разваломъ, называвшіяся „mortier“ и не похожія на четырехугольныя суконныя шапки адвокатовъ, получившія по ихъ формѣ, при Карлѣ VIII (1483—1498), названіе „bonnets carrés“ (фиг. 74 а. в. с.).

Различія костюма недолжностныхъ классовъ городского населенія опредѣлялись, какъ и до сего времени, отчасти родомъ занятій, частью обычаемъ. Такъ было особенно въ ремесленномъ классѣ, гдѣ каждое товарищество и каждый цехъ имѣли свой особый значекъ и часто даже присвоивали себѣ особый цвѣтъ одежды, которымъ и отличались отъ остальныхъ на процессіяхъ, торжественныхъ собраніяхъ и т. п.<sup>1</sup> Что же касается до повседневной одежды ремесленниковъ, то она обуславливалась родомъ ихъ занятій, отъ которыхъ и вся вѣншность ремесленники получала извѣстный отпечатокъ. Такъ напр. кузнецы и другіе работники, имѣвшіе дѣло съ огнемъ, почти также какъ и теперь, носили кожаные фартуки и засучивали рукава рубашки; повара одѣвались въ бѣлое, съ бѣлымъ фартукомъ и заткнутымъ за поясомъ поварскимъ ножомъ; продавцы талисмановъ и тому подобные бросались въ глаза странностью и пестротой своихъ костюмовъ<sup>2</sup>, а нѣкоторымъ отдѣльнымъ промышленникамъ, какъ напр. виноторговцамъ въ Парижѣ, было дозволено, въ видѣ исключенія, открыто носить при себѣ мечъ и кинжалъ.

Публичныя женщины, или какъ ихъ называли „femmes folles de leur corps“ или „publiques récheresses“, были подчинены, относительно костюма, постоянно строгимъ предписаніямъ, особенно въ Парижѣ, гдѣ послѣ нѣсколькихъ приказовъ, оставшихся безъ послѣдствій, состоялись по этому предмету два парламентскихъ постановленія въ 1420 и 1426. Этими постановленіями публичнымъ женщинамъ запрещалось носить платья съ широко-отложными воротниками, длинными шлейфами, а равно золотые пояса и другія приличествующія честнымъ женщинамъ украшенія, съ строгимъ предписаніемъ представить все подобныя вещи сержантамъ или служителямъ въ „Chatelet“ въ восьмидневный срокъ по изданіи этого постановленія. Но и эти мѣры, не смотря на строгость, съ которою старались примѣнять ихъ, не имѣли въ сущности большого успѣха: публичныя женщины умѣли обойти ихъ, обманывая даже самый опытный глазъ протворной благопристойностью своей

<sup>1</sup> Ср. особен. P. Lacroix et F. Seré. Le livre d'or des metiers. Paris 1849 и слѣд.— F. de Vigne. Recherches historiques sur les costumes civils et militaires des guildes et des corporations des metiers, leurs drapeaux, leurs armes, leurs blasons etc. Avec une introduction historique par J. Stecher. Gand 1847. — Erome: Moeurs et usages des corporations de métiers de la Belgique et du Nord de la France, pour faire suite aux recherches historiques sur les costumes etc. Gand. 1849. (съ 35 табл. рис.) — M. Quin-Lacroix. Histoire des anciennes corporations d'arts et metiers de la capitale de la Normandie. Paris 1850.—<sup>2</sup> Они также какъ астрологи, предсказатели будущаго и т. п. представлены на современныхъ миниатюрахъ обыкновенно въ одинаковыхъ костюмахъ, состоящихъ изъ длинныхъ красныхъ панталонъ, красныхъ башмаковъ, остроконечной шляпы и краснаго верхняго платья съ голубыми лентами.

одежды и своих пріемовъ.—Что касается одежды Евреевъ, насколько их вообще терпѣли въ обществѣ, то всѣ прежнія постановленія о ней были оставлены въ силѣ.

Остается еще упомянуть объ особомъ классѣ людей, которые избирали себѣ занятіемъ увеселеніе публики различными остротами и шутками, заученными или импровизированными, и которые, подобно прочимъ корпораціямъ, отличались особымъ костюмомъ. Эти люди занимались своимъ искусствомъ или самостоятельно (въ одиночку или труппами въ нѣсколько чело-вѣкъ) или же нанимались на извѣстное время у другихъ. Почти каждый цехъ держалъ такого нанятаго шутника, обязанностью котораго было выказывать свое искусство при праздничныхъ сходкахъ, процессіяхъ и т. п. На одной изъ такихъ процессій въ Турнэ (Tournay), участвовашіе въ ней шутники (скоморохи) появились передъ публикой одѣтыми съ ногъ до головы въ пестрое. На французской игральной картѣ, изъ конца четырнадцатаго или начала пятнадцатаго столѣтія, представленъ во весь ростъ одинъ изъ такихъ шутовъ („foi“), окруженный дѣтьми, которыя его дразнятъ<sup>1</sup>. Нижняя часть тѣла его совершенно обнажена до самыхъ бедръ, вокругъ которыхъ идетъ мѣшкообразная перевязь, прикрывающая непристойныя части тѣла, верхняя же часть туловища прикрыта чѣмъ-то въ родѣ рубашки съ неширокими, у краевъ надрѣзанными полурукавами и длиннымъ, почти закрывающимъ всю рубашку воротникомъ съ зубчатыми краями, который довольно плотно обхватываетъ шею и спускается отъ нея по плечамъ, спинѣ и груди. На головѣ у него круглая остроконечная шляпа, обвитая чѣмъ-то въ родѣ турбана, по правую и лѣвую сторону котораго торчатъ лоскуты имѣющіе форму ослиныхъ ушей; на верхушкѣ шляпы прикрѣпленъ бубенчикъ. Лицо шута безъ усовъ и бороды; волосы тоже совсѣмъ невидны изъ-подъ шляпы. Совершенно отличны отъ публичныхъ скомороховъ по положенію и профессіи были уже изстари извѣстные придворные шуты<sup>2</sup>, а также и члены общества, которыя образовались во многихъ мѣстахъ просто для того чтобы весело проводить время и посмѣяться иногда надъ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Какъ члены этихъ обществъ, такъ и придворные шуты имѣли свой особый костюмъ<sup>3</sup>, хотя одежда послѣднихъ зависѣла обыкновенно отъ прихоти ихъ повелителей, тогда какъ первые составляли себѣ костюмъ сами, по общему соглашенію. Придворныхъ шутовъ одѣвали большею частью, какъ бы въ противоположность ихъ положенію, очень богато, но въ тоже время допускали для ихъ богатаго наряда не весьма почетныя сближенія.

<sup>1</sup> Сравн. сочиненіе, напечатанное только въ незначительномъ числѣ экземпляровъ: *Jeux de cartes tarots et de cartes numérales du quatorzième au dix-huitième siècle, représ. en cent planches d'après les originaux avec un précis historique et explicatif, publiés par la Société des Bibliophiles français. Paris. 1844. Pl. II.* —<sup>2</sup> К. F. Flügel. *Geschichte der Hofnarren. Liegnitz u. Leipzig 1759* —<sup>3</sup> На одномъ, по всей вѣроятности бур-гундскомъ коврѣ, послѣднихъ годовъ пятнадцатаго столѣтія, изображающемъ княжескій ширъ, представленъ на первомъ планѣ такой придворный шутъ въ обтяжныхъ панталонахъ, узкомъ застегнутымъ спереди кафтанѣ, съ длинными не очень широкими вздутыми рукавами, внизу на поляхъ кафтана привѣшено по бубенчику. На головѣ у него перегну-тая напередъ шапка, съ пѣтушей головой на верхушкѣ и ослиными ушами по сторонамъ, въ рукѣ палка ованчивающаяся дурацкой головой. См. рисунокъ у W. J. Hofdijk: *Schets van de Geschiedenis der Nederlanden etc. Amsterdam. 1857 p. 57.*

Для уясненія этого достаточно будетъ сказать, что въ четырнадцатомъ столѣтїи, при французскомъ Дворѣ было принято за правило, чтобы платье, впрочемъ весьма богатое, придворныхъ шутовъ было сдѣлано изъ той же самой матерїи, которой обивался „ночной стулъ“ короля. Что касается костюма членовъ шутовскихъ обществъ, то, какъ уже замѣчено, онъ составлялся ими вполне произвольно, или же соответственно какой либо особой цѣли, преслѣдуемой ими. Когда въ Валансьенѣ справлялся праздникъ „*principauté de Plaisance*“, на который были приглашены вся окрестная знать и дворянство, то на „*prince de Plaisance*“ и „*roi des porteurs au sac*“ были надѣты красныя платья съ черными лентами; а въ городѣ Лилѣ, при подобномъ же торжествѣ, на головѣ „*évêque des Innocents*“, вмѣсто митры, была надѣта подушка, а вмѣсто башмаковъ, сандалии. Подобныя празднества походили поэтому на большіе маскарады. Этотъ послѣдній родъ увеселенія появился впервые при Карлѣ VI, по случаю бракосочетанія одной фрейлины королевы съ кавалеромъ Вермандуа, въ 1393 г.; но празднество это кончилось неблагополучно, такъ какъ многіе изъ участвовавшихъ въ немъ наряженныхъ сгорѣли, влѣдствіе чего король тотчасъ же запретилъ подобныя увеселенія; однако не смотря на это они вскорѣ возникли снова и быстро распространились повсемѣстно.

2. Что касается вооруженія (оборонительнаго) <sup>1</sup>, то пока продолжали держаться принятаго уже въ концѣ истекшаго періода способа укрѣпленія кольчужной брони посредствомъ металлическихъ бляхъ и полосъ, которыми всё гуще и гуще уснащали какъ кольчужную рубаху (*cotte de mail; haubert*), такъ и кольчужныя набедры (*bainbergs*). Такъ продолжалось до начала 15-го столѣтїя, когда, послѣ многократныхъ измѣненій формы отдѣльныхъ частей, кольчатая подкладка или основа была почти совсѣмъ устранена и весь доспѣхъ (*broigne*) стали готовить изъ однихъ металлическихъ бляхъ и полосъ, весьма искусно сплоченныхъ. Съ этого же только времени начали выдѣлывать вооруженіе сплошное металлическое, изъ жельза или стали, тогда какъ до тѣхъ поръ всё его скрѣпы, а иногда и всю

<sup>1</sup> Сравни. въ особ.: S. B. Meyrick. A critical inquiry into ancient armour as it existed in Europe but particularly in England from the Norman conquest to the reign of King Charles II. Lond. 1844. (Къ этому. D. Meyrick. Engraved illustrations of ancient arms and armours, from the collection of D. Meyrick. Oxford 1830 и изм. перев. G. Finke. Berlin 1834).—C. N. Allou. Etudes sur les armes et armures du moyen âge, въ Mémoires de la soc. royale des antiquaires de France. Nouv. série T. IV; его же: Casques du moyen-âge. Op. cit. T. X. p. 287; T. XI. p. 157; его же: Les boucliers. Op. cit. T. XIII. p. 287.—N. X. Willemain. Mon. français inédits etc. Choix de costumes civils et militaires etc. Paris 1839.—J. Asselinau. Armes et armures etc. du moyen âge et de la renaissance. Paris 1842.—F. de Vigne. Vademecum du peintre ou recueil de costumes du moyen âge. Gand. 1844.—Его же: Recherches historiques sur les costumes civils et militaires des guildes etc. Gand. 1847.—E. Cutts. Manual of sepulchral slabs et crosses.—Th. Hollis. The monum. effigies of Great Britain. London 1840.—C. Boutell. The monum. brass of England. Lond. 1849.—G. Stotthard. Monum. effigies in great Britain. Lond. 1817.—G. Cotmans. Sepulchral brasses in Norfolk and Suffolk. London 1838.—J. G. et L. A. Waller. A series of monum. brasses, extending from the reign of Edward I. to that of Elisabeth. London. 1845.

его верхнюю половину изготовляли обыкновенно из твердой, вываренной в масле и прессованной, кожи и только местами обивали металлическими ободами, бляхами и проч.

Фиг. 84.



Из сравнения некоторых надгробий (рыцарских) 1300 (фиг. 84 а.), 1327 (фиг. 84 в.), и 1337 (фиг. 84 с.) годов съ такими же надгробіями половины 14-го столтія (фиг. 86 а. в. с.) оказывается, что все улучшения, сделанныя въ вооруженіи за все это время, заключались единственно въ возможно прочномъ укрѣпленіи тѣхъ его частей, которыя были наиболее открыты ударамъ. Въ этихъ видахъ сначала были увеличены и сделаны непроницаемѣ посредствомъ наклепокъ оплечники (*épaullières*) съ наручами (*demi-brassarts*), и наколѣнники (*genouillères*) съ поножами (*demi-jambes*).

Наручи (отъ плеча до локтя) и поножи (отъ колѣна до ступни) были настолько увеличены, что охватывали члены до половины толщины, совершенно закрывая ихъ спереди; прикрѣплялись они крѣпкими ремнями съ пряжками. Къ наручамъ придѣлывали иногда небольшія подвижныя части, изъ соединенныхъ между собой на подобіе чешуи узкихъ поперечныхъ полосъ, закрывавшихъ плечо и локоть; наножики удлинняли такими же прибавками, спускавшимися на подъемъ ноги и закрывавшими всю плюсну (фиг. 84 а. в.). Верхнія прибавки къ наручамъ сохранили свое прежнее названіе,

а нижніе стали называться *cubitière, coute, gousset* (по англ. *elbow-pieces*), прибавки къ поножамъ—*heuses, pedieeux* и *sollerets*. Затѣмъ было закрыто и предплечіе, но съ внутренней стороны обращенной къ туловищу, отдѣльнымъ металлическимъ листомъ (*avant-bras, vambrace*), и были прибавлены двѣ круглыхъ бляхи (*palettes, tassets, taces*), одна къ оплечнику противъ подмышковаго углубленія, другая къ наручу у локтеваго сгиба (фиг. 84 а. б.). На бедра, сверхъ полуштановъ изъ толстой кожи или какой либо прочной матеріи (*cuissart*), были наложены широкія полосы однимъ краемъ примыкавшія къ наколѣнникамъ.—Перчатки (*gantelets, gauntles*) дѣлали по прежнему съ короткими раструбами и покрывали съ наружной стороны сплошною металлическою чешуей (фиг. 17 с.)—Точно также и головное вооруженіе сохранило (по крайней мѣрѣ до половины 14 столѣтія) свои прежнія формы круглой заостренной шапки (*bassinet*), съ привѣшанной къ ней кольчатой сѣткой, закрывавшей шею и верхнія части спины и груди (*cap-mail, samail*), но оставлявшей все лицо открытымъ (фиг. 84 а. б. с. и слѣд.), и надѣвавшася сверхъ этой шапки горшкообразнаго шлема (*helme, helmet, héaume, casque*), который измѣнился лишь въ томъ отношеніи, что теперь его дѣлали весь металлическій, тогда какъ прежде одна только передняя его часть была металлическая, а остальная изъ кожи. вмѣстѣ съ тѣмъ удержалось также и обыкновеніе, этотъ тяжелый шлемъ, когда онъ былъ ненуженъ, отдавать нести слугѣ, а надѣвъ прикрѣплять цѣпью къ нагруднику (фиг. 84 с; ср. фиг. 17 а. с.),—желѣзному листу, цѣльному или составному, который надѣвался сверхъ кольчуги или подъ нее и назыв. *plastron de fer, poitrail, breast-plate*.

Подъ кольчугу или панцырь надѣвали толсто простеганую куртку изъ кожи или какой нибудь плотной матеріи (*wammesin, wambeson, gambeson*), а сверхъ кольчуги или панцыря—родъ туники или рубашки (*côte-hardie, cōte armour*), обыкновенно очень нарядной, съ вышитыми на ней гербами и другими украшеніями (фиг. 85). Съ 1320 года къ верхней туникѣ была прибавлена нижняя (*gaudichet?*), надѣвавшаяся подъ нее и непосредственно на броню (фиг. 84 б. с.). вмѣстѣ съ этимъ измѣнилась и форма верхней туники именно въ томъ, что передняя половина послѣдней была значительно укорочена (чтобы открытъ нижнюю тунуку: фиг. 84 б. с.), а верхняя часть, покрывавшая спину и грудь, сжужена на столько, что довольно гладко облегла туловище, почти не дѣлая складокъ. Кроме того, на груди верхней туники сталишивать одну или двѣ круглыя бляхи (*mamelières*), служившія для пристегиванія цѣпочекъ отъ шлема, кинжала и т. п. (фиг. 84 с. слѣд.). Взамѣнъ всѣхъ этихъ добавленій къ вооруженію, прикрѣплявшіеся къ нему плечныя щитки (фиг. 84 а, б, с. фиг. 85), или крылышки (*ailerons ailettes, reconnaissances*) были откинута и исчезли совсѣмъ во Франціи при Филиппѣ VI (ок. 1328), а въ Англіи нѣсколько раньше, въ концѣ царствованія Эдуарда II (1327).—Такъ какъ при узкой верхней туникѣ поясъ (фиг. 84 а.) сдѣлался ненуженъ, то онъ былъ оставленъ и удержана одна только португеза, на которой висѣлъ мечъ (*sangle, ceinture*, англ. *girdle*: фиг. 84 б. с.)—широкій ремень въ металлической оправѣ и съ пряжкой. Его не затягивали на талии, а носили настолько распушеннымъ, что онъ только держался на бедрахъ.

Щиты (*bouclier, écu*) сохранили въ продолженіе почти всего четырехъ-надцатаго столѣтія свою давнишнюю форму плоскаго или выпуклаго треугольника, большею частью меньшаго размѣра, съ нѣсколькими округленными продольными сторонами. Дѣлали ихъ преимущественно изъ крѣпкаго дерева, обтягивали кожей, пергаментомъ или холстомъ, и лицевую сторону украшали изображеніемъ герба, намалеваннымъ или выпуклымъ. Носили щитъ на перевязи (*lanière*), которая прикрѣплялась къ верхнему краю щита съ внутренней его стороны и надѣвалась на шею. Перевязь эта бывала различной длины, такъ что повѣшенный на ней щитъ закрывалъ только лѣвую руку, или лѣвую ногу начиная съ бедра, вмѣстѣ съ мечомъ отъ самой его рукояти (фиг. 84 а. в. с. слѣд.). Для дѣйствія щитомъ въ бою, къ внутренней сторонѣ его придѣлывалась рукоять.

Шпоры (*éperons; англ. spurs*), составлявшія необходимую принадлежность вооруженія и служившія притомъ же главнымъ отличіемъ рыцарскаго званія, сохраняли еще долго свои принятыя формы—круглаго или граненаго шипа, и зубчатаго колеса на короткой шейкѣ (фиг. 84 в. с.), но уже при постоянно возрастающемъ преобладаніи послѣдней формы надъ первою. Онѣ прикрѣплялись ремнями, которые пристегивались довольно высоко надъ пяткою.

Въ нападательномъ оружіи, также какъ и въ вооруженіи боевыхъ коней не было сдѣлано никакихъ значительныхъ измѣненій, кромѣ развѣ того, что конское вооруженіе, подобно рыцарскому, всё болѣе покрывалось металлическими скрѣпами (см. ниже).

Главнымъ поводомъ къ дальнѣйшему и всестороннему усовершенствованію вооруженія вообще послужила Англо-французская война. Продолжаясь слишкомъ столѣтіе, она сопровождалась частыми и большею частью чрезвычайными потерями обѣихъ воюющихъ сторонъ, заставлявшими ихъ постоянно озабочиваться изысканіемъ средствъ, которыя могли бы предотвратить возможность подобныхъ потерь. При постоянныхъ взаимныхъ столкновеніяхъ воюющихъ, всякое усовершенствованіе, сдѣланное одною стороною, тотчасъ же перенималось другою, и обѣ стороны опять уравнивались между собою. Кромѣ того, начавшійся съ половины столѣтія переворотъ въ покроѣ одежды вообще не остался также безъ вліянія на оборонительное вооруженіе, которое, вслѣдствіе этого вліянія, приняло къ началу 15-го столѣтія почти совершенно новую форму. Съ другой стороны, успѣхи англичанъ въ началѣ войны усилили начавшую уже развиваться между англійскимъ рыцарствомъ склонность къ щегольству красивымъ и богато отдѣланнымъ вооруже-

Фиг. 85.



ніемъ и желаніе по крайней мѣрѣ сравнятся въ этомъ отношеніи съ рыцарствомъ французскимъ, славившимся богатствомъ своего вооруженія <sup>1</sup>.

Дальнѣйшія усовершенствованія отдѣльныхъ частей вооруженія состояли въ слѣдующемъ:

Наручи были значительно улучшены тѣмъ, что защищающія локоть выпуклыя круглыя бляхи получили большій размѣръ и посредствомъ двухъ узкихъ полосокъ слѣланы подвижнѣе (фиг. 84 а. в. с.). Велѣдствіе этого,

Фиг. 86.



круглый щитокъ на локтевомъ сгибѣ (roundel) и подобный же щитокъ противъ подмышковой впадины, были откинуты или остались какъ украшеніе, а послѣдній замѣненъ нѣсколькими подвижными чешуями (фиг. 86 б). Вслѣдъ затѣмъ, между 1345 и 1350 гг., къ половинчатымъ доселѣ наручамъ были прибавлены дополняющія ихъ части, соединившіяся съ ними шарниромъ и ремнями съ пряжками, такъ что теперь вся рука отъ плеча до кисти, за исключеніемъ локтеваго сгиба, была вокругъ одѣта желѣзомъ (фиг. 86 с.). Локтевой же сгибъ и подмышковая впадина предохранялись теперь главнымъ

<sup>1</sup> Какое значеніе придавали обладанію цѣннымъ вооруженіемъ, видно между прочимъ изъ замѣтки Фуассара (Froissart. Chronique de France. Lib. I. ch. 98), что одинъ рыцарь, изъявившій готовность сдаться одолѣвшему его противнику, былъ имъ убитъ, вопреки военному обычаю, единственно изъ-за своего дорогаго вооруженія. См. также: K. Schnaase Gesch. der bild. Künste VI. p. 79.

образомъ кольчугой, которую всё еще надѣвали какъ исподнее вооруженіе, но кромѣ того, на локтевомъ сгибѣ устраивали особую покрывку изъ узкихъ поперечныхъ полосокъ (splints). Перчатки по прежнему дѣлались чешуйчатая, причѣмъ чешуйкамъ на пальцевыхъ суставахъ (gadlings) давали форму многосторонней пирамидки. Раструбы перчатокъ, иногда изъ желѣзныхъ поперечныхъ полосокъ, бывали нерѣдко такой длины, что заходили за половину предплечія (фиг. 86 с.).

Такимъ же точно образомъ, какъ наручи, были улучшены и поножи: чрезъ прибавленіе небольшихъ боковыхъ пластинокъ наколѣнники сдѣланы подвижнѣе; къ передней половинѣ прибавлена задняя (отъ подколѣнной впадины до пятки), соединенная съ ней шарниромъ (фиг. 86 с): сомкнутыя вмѣстѣ ремнями, эти двѣ половинки закрывали голень со всѣхъ сторонъ. Что касается формы желѣзныхъ ноговицъ, которыя составляли одно цѣлое съ переднею половинкою поножей, то она была тогдашняя модная—т. е. съ длинными, заостренными носками. Шпоры стали длиннѣе и съ очень большими колесиками (фиг. 86 с).—Для бедръ, которыя почти совершенно прикрывались исподнимъ вооруженіемъ и верхней туникой, остались прежнія общеупотребительныя кожаныя полустаны съ наложенными на нѣкоторыхъ мѣстахъ металлическихкими бляхами (фиг. 86 а. b).

Вооруженіе стана, состоявшее по прежнему изъ кольчуги, стеганой куртки, кирасы и т. д., измѣнено было въ томъ отношеніи, что всѣ эти покровы стали дѣлать уже и болѣе прилаживать къ формамъ тѣла. Въ это же время стали входить въ употребленіе изобрѣтенныя уже въ концѣ 13-го столѣтія толстыя куртки, изнутри выложенныя металлическими чешуями. Онѣ назывались *korazin*, *jaserin*, *jesseraunt*, и надѣвались сначала только подъ верхнюю туніку. Эта послѣдняя, оставаясь по прежнему нарядной одеждой, была сѣужена въ верхней своей части такъ что до пояса сидѣла въ обтяжку (фиг. 86 а. b); а внизу укорочена на столько что доходила до половины бедръ, или самое большее до колѣнъ.—Португекю или рыцарскій поясъ стали носить гораздо ниже талии (какъ тогда носили вообще пояса), постепенно увеличивая его ширину и усиливая металлическую обивку (фиг. 86 с. ср. а. b).

Для защиты шеи, затылка и щекъ остался прежній кольчатый воротникъ, но теперь онъ уже не прикрѣплялся наглухо къ шапкѣ, а могъ быть отдѣленъ отъ нея (фиг. 86 b; ср. а. с.). Это улучшеніе было вѣроятно слѣдствіемъ измѣненій, сдѣланныхъ въ видахъ большей цѣлесообразности въ формѣ головного вооруженія—шапки (*bassinet*) и горшкообразнаго шлема. Первая теперь заостряется у верхушки и, расширяясь къ низу, обрѣзывается не ровно вокругъ всей головы, какъ прежде, а такъ что закрываетъ уши и затылокъ; спереди къ ней придѣлывается для защиты лица подвижное забрало (*visière*, *avanttaille*, *aventail*), состоящее изъ металлическаго клапана, выкованнаго сообразно съ окладомъ лица и снабженнаго глазами и дыхательными отверстіями (фиг. 86. а. с) <sup>1</sup>. Эта шапка съ забраломъ (*bassi-*

<sup>1</sup> Миѣніе (R. Planché, *British Costume* p. 159 и W. Fairholt. *Costume in England* p. 168), что эта форма шлема появилась только въ царствованіе Ричарда II (1377—1399) опровергается надгробными изображеніями изъ болѣе ранняго времени, а также надгробіями приведенными подъ фиг. 86. а. и с., которыя относятся къ 1347—1350 г.

net à visière) постепенно вытѣснила тяжелый и неудобный горшкообразный шпашакъ (hélme, casque, tilting-helmet), по крайней мѣрѣ въ боевомъ употребленіи, и онъ остался только для турнировъ. Тѣмъ не менѣе и въ немъ были сдѣланы нѣкоторыя улучшенія, соответственно его новому назначенію: его стали дѣлать весь металлическій, стараясь возможно лучше прилаживать къ наплечникамъ, и удобнѣе располагать въ немъ глазныя и дыхательныя отверстія. Первыя, кромѣ того, были значительно увеличены и закрывались частой рѣшоткой, наложенной или прорѣзанной въ самомъ шлемѣ.

Такъ какъ при такой усовершенствованной бронѣ, вполне защищавшей туловище и особенно руки, щитъ становился почти совершенно лишнимъ, то ни его форма, ни способъ ношенія не измѣнились (фиг. 86. с). Только уже позднѣе, во второй половинѣ 14 столѣтія (около 1360 г.), къ прежней треугольной формѣ щита прибавилась новая, но такъ какъ она стала входить во всеобщее употребленіе не ранѣе начала слѣдующаго столѣтія, послѣ многократныхъ измѣненій, которыя она испытала наравнѣ съ остальными частями вооруженія, то о ней и будетъ сказано ниже.

Улучшенія, сдѣланныя въ вооруженіи въ теченіи второй половины 14-го вѣка, состояли преимущественно въ замѣнѣ кожаныхъ его частей металлическими и въ болѣе цѣлесообразной выработкѣ металлическихъ. — Ременные застежки, которыми скрѣплялись переднія и заднія половинки наручей и поножей, были замѣнены крючками вкладывавшимися въ пробои. Наколъникамъ и налокотникамъ была дана болѣе удобная форма и большая гибкость. Круглыя щитки, имѣвшіе назначеніемъ защищать локтевой сгибъ и подмышковую

Фиг. 87.



впадину и все еще изрѣдка употреблявшіеся, были наконецъ совершенно оставлены и первые замѣнены круглою или раковинообразною выпуклостью, которая выковывалась вмѣстѣ съ налокотникомъ (фиг. 87 а. в. с). Кожаныя полуштаны (фиг. 87 а) были тоже постепенно оставлены и замѣнены металлическими набедрами (cuissart), которыя прикрѣплялись къ наколѣнникамъ на шарнирѣ (фиг. 87. в. с). Ноговицы и шпоры остались безъ всякаго замѣтнаго измѣненія (фиг. 87 а. в. с).

Какія улучшенія были сдѣланы въ теченіи этого времени въ вооруженіи стана, съ точностью опредѣлить нельзя, такъ какъ всѣ современныя изображенія представляютъ его покрытымъ туникою. Но по другимъ, болѣе позднимъ изображеніямъ, на которыхъ означенная туника болѣе не встрѣчается (фиг. 88 и слѣд.), можно заключить, что металлическіе листы, закрывавшіе грудь—можетъ быть и синю—поверхъ кольчуги, были постепенно увеличиваемы, такъ что къ исходу этого періода (около 1400) почти совсѣмъ закрыли означенныя части. Такъ какъ верхняя туника была уже на столько узка что сидѣла въ обтяжку и дальнѣйшее суженіе ея стало невозможно, то её начали укорачивать иногда такъ, что она едва захватывала бедра, причемъ нижній край ея вырѣзывали зубцами (фиг. 87 в). Вмѣстѣ съ этимъ спускали все ниже и ременную перевязь или портупею, нерѣдко до самаго края туники (фиг. 87. с).

При боевомъ вооруженіи употреблялись обѣ описанныя выше формы металлической шапки—прежняя съ кольчатымъ воротникомъ, и нововозобрѣтенная—съ забраломъ, предпочтительнѣе впрочемъ первая, какъ болѣе привычная. Старинная шапка встрѣчается между прочимъ на великолѣпномъ надгробіи Эдуарда Чорнаго Принца, отъ 1376 г. (фиг. 87. в.), и на многихъ другихъ рыцарскихъ надгробіяхъ изъ болѣе поздняго времени. Измѣнилась она лишь въ томъ отношеніи, что ее стали окружать по околышу богатымъ обручемъ (orle), или вѣнцомъ у тѣхъ лицъ, которыя имѣли право носить его (фиг. 87 в; 88 и слѣд.). Горшкообразный шлемъ (Topfhelm), ставъ исключительно турнирнымъ вооруженіемъ, распался на двѣ различныя формы—шлема съ прорѣзанной въ немъ спереди рѣшоткой (Spangenhelm) и совершенно закрытаго шлема (Stechhelm).

Треугольный щитъ удержалъ свою обычную форму, но такъ какъ его употребляли всё рѣже и рѣже, то на отдѣлку его обращали меньше вниманья чѣмъ прежде, и вмѣсто того чтобы красиво росписывать, его просто пестро раскрашивали. Вытѣсненію его изъ употребленія способствовала немало появившаяся около этого времени новая форма щита. Эти новые щиты изготовлялись изъ воловьей кожи (по ит. targa, откуда вѣроятно ихъ нѣмецкое названіе Dartze, Tartsche), были сравнительно невелики, продолговаточетыреугольныя съ съ закругленнымъ нижнимъ краемъ и вырѣзомъ для копыя, который всегда дѣлался въ правомъ краю щита, такъ какъ самый щитъ носили такимъ образомъ, что онъ закрывалъ только верхнюю часть правой груди и правой руки. Сначала ихъ просто навѣшивали на короткомъ ремнѣ надѣтомъ черезъ плечо, но въ послѣдствіи стали прицѣплять къ панцырю крючками или привинчивать винтами. Съ этими щитами случилось тоже что и съ горшкоподобными шлемами: въ половинѣ 15 вѣка они были исключены изъ боеваго вооруженія и впредь употреблялись только на турнирахъ.

Вейсъ. v.

8

Досчатое металлическое вооруженіе (Plattenharnisch; plate armour) менѣе чѣмъ въ теченіи тридцати лѣтъ было усовершенствовано на столько, что гибкостью превосходило прежнее, на половину кожаное. Конечно такіе доспѣхи, приготовленіе которыхъ требовало много времени и стояло дорого, были доступны знатымъ и богатымъ людямъ, а людямъ небогатымъ доставались или какъ военная добыча, или по какому нибудь счастливому случаю. Введеніе металлическаго вооруженія породило особое искусство украшать его. Всѣ украшенія, которыми до сихъ поръ, довольно впрочемъ скудно, покрывали кожаныя части вооруженія, въ видѣ оправъ, накладокъ и т. д., были перенесены и на металлическое, но въ болѣе красивыхъ формахъ и въ большемъ количествѣ. Починъ былъ сдѣланъ Бургундскимъ Дворомъ, изъ котораго исходили и всѣ вообще моды того времени, и около половины столѣтія отдѣлка вооруженія сдѣлалась настоящимъ искусствомъ.—Первымъ слѣдствіемъ введенія цѣльнаго металлическаго доспѣха было то, что нарядная верхняя туника уже съ конца 14 столѣтія, и прежде всего въ Англіи, перестала составлять принадлежность боеваго вооруженія, а надѣвалась только на турнирахъ и торжественныхъ процессіяхъ. Если же и разсказывается, что еще въ битвѣ при Форнуово (1495) на королѣ французскомъ Карлѣ VIII сверхъ дорогаго доспѣха была надѣта великолѣпная туника лазореваго цвѣта, вся расшитая золотомъ, то этотъ случай можетъ быть сочтенъ за исключительный и объясняется страстью Карла къ нарядамъ.

Какъ именно совершалось постепенное превращеніе первоначальнаго вооруженія (изъ кольчуги и кожи съ металлическими накладками) въ сплошное металлическое досчатое, съ какихъ частей оно началось и на какихъ закончилось—объ этомъ положительнаго ничего сказать нельзя. Достовер-

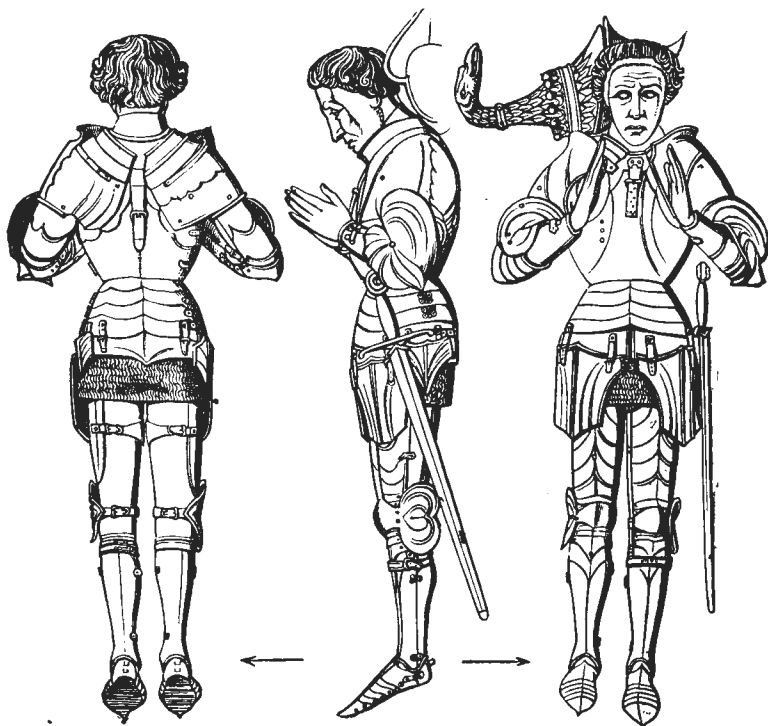
Фиг. 88.



но известно только то, что въ продолженіи тридцати или сорока лѣтъ всё тѣло съ головы до ногъ было сплошь покрыто желѣзомъ. Относительно же образованія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей доспѣха можно замѣтить, что передняя и задняя половинки кирасы (cuirass), т. е. нагрудникъ (plastron) и наспинникъ, дѣлались сначала просто выпуклыми (фиг. 88. а), но въ послѣдствіи (съ 1420) ихъ стали выковывать такъ, что середина доски, по всей ея длинѣ сверху до низу, выступала очень тупоугольнымъ ребромъ (tapul), и что какъ нагрудникъ такъ и наспинникъ оканчивались у пояса двумя или нѣсколькими поперечными полосами (фиг. 88. б). Для защиты живота былъ изобрѣтенъ (около 1410 г.) родъ передника, который настегивался сверху кольчуги, надѣтой подъ кирасой. Передникъ этотъ (bracconnière) дѣлали сначала изъ кожи съ металлическими накладками (фиг. 88 а), а въ послѣдствіи изъ широкихъ металлическихъ поперечныхъ полосъ. Спереди къ нижнему его краю пристегивались ремнями двѣ плоскихъ, свободно висящихъ дощечки (cuilettes; фиг. 88. б), которыя спускались на бедра и закрывали ихъ.—Къ желѣзной шапкѣ (bassinet) съ кольчатымъ воротникомъ была прибавлена новая часть — набородникъ (mentonnière, barbier, англ. beaver), закрывавшій, сверху кольчуги, подбородокъ и шею (фиг. 88 а. б).

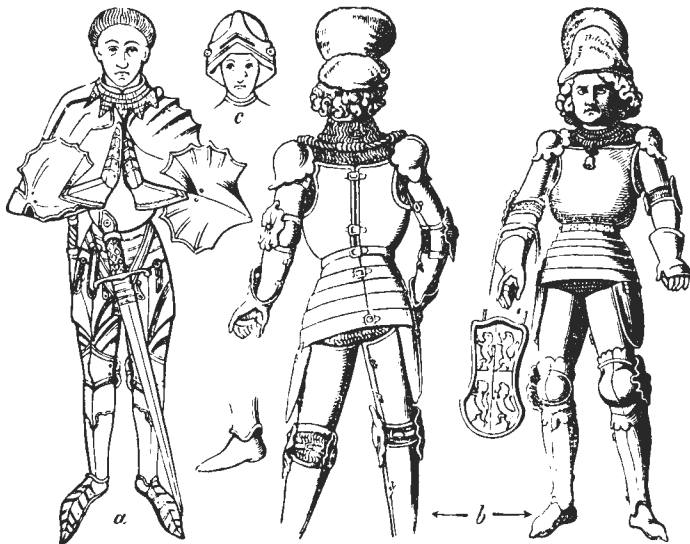
Примѣромъ той степени выработанности, до какой достигло металлическое вооруженіе уже въ теченіе первыхъ десятилѣтій пятнадцатаго вѣка, можетъ служить надгробное изваяніе Ричарда Бошамъ, Графа Варвикскаго, отъ 1435 или 1439 г., въ Маріинской церкви въ Варвикѣ (фиг. 89). Всѣ

Фиг. 89.



дальнѣйшія улучшенія, сдѣланныя въ немъ въ этомъ вѣкѣ, касались главнымъ образомъ нѣкоторыхъ его частей. Такъ между прочимъ были улучшены и упрощены закрѣпы, которыми смыкались отдѣльныя части доспѣха. Смотра потому, гдѣ что было удобнѣе, однѣ изъ этихъ частей смыкались посредствомъ шарнировъ съ вставнымъ шпенькомъ, который можно было легко вынимать; другія — посредствомъ крючковъ и пробоевъ, ременныхъ застежекъ съ пряжками, а также винтовъ, и т. д. Плечники, составленные изъ поперечныхъ полосъ, были увеличены на столько, что вмѣстѣ съ плечомъ закрывали половину груди и спины (въ этой формѣ они назывались *pauldrons* и *garde-collets*), причѣмъ верхній край заворачивался къ верху, образуя родъ гребня или стоячаго воротника (*passe garde*; фиг. 89). Локтевыя щитки тоже увеличились въ объемѣ, но края ихъ загнулись внутрь, а середина выдалась наружу воронкообразной выпуклостью. Увеличеніе этихъ щитковъ, какъ и вообще остроконечная и остросереберная форма всѣхъ частей доспѣха, были доведены, преимущественно въ Англии (ок. 1470), до такой крайней степени, что сдѣлали вооруженіе безобразнымъ и вѣроятно не безопаснымъ (фиг. 90 а), вслѣдствіе чего и были скорѣе оставлены.—На бедра (*cuissarts*) были измѣнены въ томъ отношеніи что ихъ стали составлять изъ нѣсколькихъ широкихъ полосъ (фиг. 89 и 90 а). Они настегивались на ногу ремнями и кромѣ того придерживались на колѣнниками (*genouillière, poleins*), которые захватывали ихъ нижній край и верхній край поножей (*gréve*). Эти послѣднія закрывали всю голень вмѣстѣ съ лодыжками и таранною костью, и состояли изъ двухъ половинокъ, изъ коихъ задняя на верхнемъ своемъ краѣ имѣла полукруглый вырѣзь, а пе-

Фиг. 90.

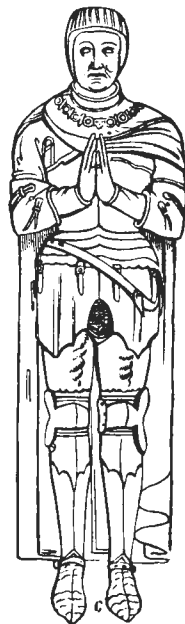


редняя у того же края оканчивалась нѣсколькими подвижными поперечными полосками. Къ поножамъ примыкали ноговицы (*heuses, pedieux*) со-

ставленные изъ поперечныхъ пластинокъ, соединенныхъ между собою на подобіе чешуи; онѣ закрывали всю ступню, кромѣ подошвы (фиг. 89, 90 а; ср. фиг. 88 а. б).—Кираса была сѣужена по направленію къ поясу, такъ что не висѣла всей тяжестью на плечахъ, а отчасти опиралась на бедра. Проймы для рукъ были расширены и вслѣдствіе этого увеличены оплечники, какъ было сказано. Нагрудникъ уже не всегда дѣлался съ гребнемъ по-срединѣ, но иногда гладкій, слегка выпуклый и безъ поперечныхъ полосъ у пояса; кромѣ того, на правой его сторонѣ (у плеча) прилѣпляли крѣпкій крючекъ (*queue, fauce, lance-rest*), двигавшійся на шарнирѣ и назначенный служить опорой тяжелому копыю. Обѣ части кирасы смыкались на бокахъ посредствомъ двойнаго шарнира ремней съ пряжками, и притомъ обыкновенно такъ, что шарниры приходились на правомъ боку, а ремни—на лѣвомъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ кираса смыкалась на спинѣ (фиг. 90. б), что заставляетъ предполагать боковыя ея части складными на шарнирахъ. Продолжавшій кирасу передникъ изъ поперечныхъ полосъ былъ значительно укороченъ, за то въ той же мѣрѣ были удлинены набедры (фиг. 89; 90. а; 88 б). Закрывавшій шею кольчатый воротникъ былъ постепенно замѣненъ нашейникомъ изъ цѣльныхъ полосъ (*hausse col*), который надѣвался подъ кирасу (ср. фиг. 89). Кольчуга не была однакожъ оставлена и продолжала служить неподвижнымъ вооруженіемъ, но уже не въ формѣ цѣльной рубахи, а преимущественно въ формѣ воротниковъ, полурукавовъ и отдѣльныхъ кусковъ (*gussets*), которыми закладывались неизбежныя отверстія въ доспѣхѣ (на локтевомъ сгибѣ, подъ мышками, подъ колѣномъ и т. д.). Въ исходѣ столѣтія кольчужные полурукава и полустаны надѣвали иногда даже сверхъ латы (фиг. 91). Тогда же были изобрѣтены, для болѣе надежной охраны опасныхъ мѣстъ, отдѣльныя дощечки, настигивавшіяся на латы (фиг. 91). Эти дощечки назывались *tuiles, tuillettes*.

Въ головномъ вооруженіи были также сдѣланы значительныя улучшенія. Къ существовавшимъ уже формамъ его прибавились двѣ новыхъ. Это были два рода легкихъ шлемовъ. Первый изъ нихъ, названный по своей формѣ *salade*, былъ видоизмѣненіемъ улучшеннаго *basinet*, т. е. съ нашечниками и набородникомъ (фиг. 88 а. б). Онъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ и подвижныхъ частей: шапки и набородника съ заслонкой для рта (фиг. 92 а. б). Шапка дѣлалась круглая съ удлиненной и отвороченной въ видѣ козырька задней частью для защиты затылка, и съ подвижнымъ или неподвижнымъ полузабраломъ, которое закрывало только верхнюю часть лица и вмѣсто глазныхъ отверстій имѣло только узкія щели. Набородникъ, выкованный по формѣ подбородка, закрывалъ и переднюю часть шеи и начало груди. Нижнимъ своимъ краемъ онъ привинчивался къ нагруднику кирасы и сверхъ того пристегивался ремнемъ вокругъ шеи (фиг. 92. б). Другой шлемъ, бургуидскій, и потому называвшійся *bourguignon, bourguinot* и *burgonet*, былъ

Фиг. 91.

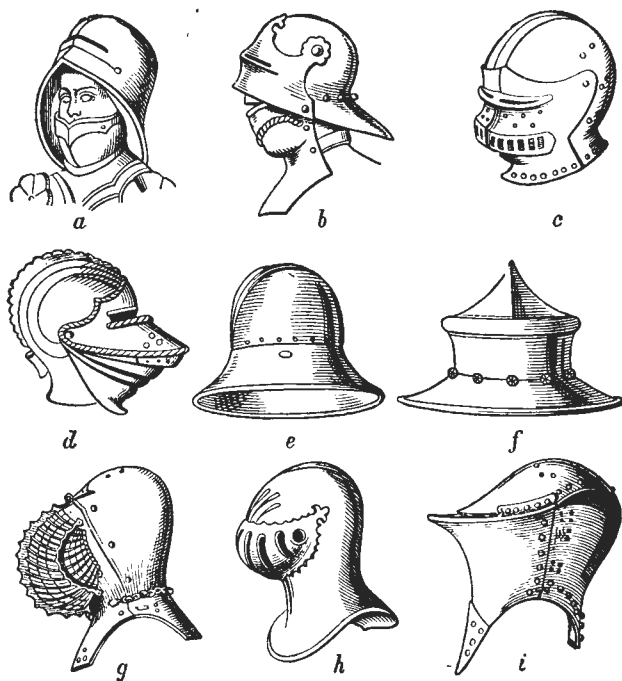


въ свою очередь видоизмѣненіемъ *salade*, торчащій на затылкѣ котораго былъ въ немъ опущенъ и притянутъ къ затылку, такъ что этотъ шлемъ защищалъ всю голову кромѣ лица, которое закрывалось забраломъ и набородникомъ, соединенными общимъ шарниромъ (фиг. 92 d).

Кромѣ этихъ шлемовъ, которые всѣ принадлежали къ боевому вооруженію и потому обыкновенно не имѣли никакихъ украшеній, кромѣ развѣ султана изъ перьевъ (*panache*), вошли въ употребленіе желѣзныя шляпы различныхъ формъ (англ. *herne pan*, *iron pan*; фиг. 92. e. f).

Что касается турнирнаго шлема, то и въ немъ были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, давшія ему болѣе цѣлесообразную форму (фиг. 92. g. h), а

Фиг. 92.



около половины столѣтія былъ изобрѣтенъ новый родъ турнирный шлемъ, во всемъ превосходившій прежній. Онъ былъ совершенно закрытый, кромѣ глазной щели, которая въ свою очередь охранялась выдающеюся нижнею частью шлема, вмѣстѣ закрывавшею со всѣхъ сторонъ и шею (фиг. 92. i). Этотъ шлемъ сохранился безъ измѣненія до начала 16 столѣтія, когда его замѣнилъ выработавшійся между тѣмъ шлемъ съ рѣшетчатымъ забраломъ. Какъ тотъ такъ и другой прикрѣплялись къ кирасѣ спереди ремнями, а сзади крючками. Украшеніемъ служили имъ различныхъ фасоновъ гребни (*cimiers*) и богатыя покрывала (*lambrequins*, *lambeaux*).

Щитъ былъ наконецъ совершенно оставленъ, или же его носили только

какъ украшеніе. Для этой цѣли употребляли преимущественно небольшіе круглыя щиты (*rondelles, rondaches; buckler*), которые навѣшивали на шею на короткомъ ремнѣ и закидывали за плечи.

Металлическое вооруженіе было относительно очень не тяжело, такъ что полный доспѣхъ вѣсилъ иногда не болѣе 30—40 фунтовъ. Въсѣ его сталъ увеличиваться, и притомъ значительно, съ конца 15 столѣтія, когда введено было ручное огнестрѣльное оружіе. Съ этихъ поръ его начали выдѣлывать толще, особенно кирасу.

Вооруженіе рыцарскихъ боевыхъ коней (*destriers, coursiers, chevaux bardés*) измѣнялось и улучшалось параллельно съ вооруженіемъ самихъ рыцарей. Старинная кольчатая и кожаная броня была постепенно замѣнена досчатою металлическою, сначала на головѣ, груди и шеѣ, а потомъ на спинѣ и на бокахъ, такъ что только животъ и ноги лошади оставались непокрытыми, хотя и ихъ иногда, чрезвычайно впрочемъ рѣдко, одѣвали желѣзомъ<sup>1</sup>. Полное конское вооруженіе половины 15 столѣтія состояло изъ слѣдующихъ частей:

Наголовника или налобника (*chanfrein*), обыкновенно выкованнаго изъ цѣльнаго листа и закрывавшаго лобъ лошади; въ немъ были большія отверстія для глазъ, съ выпуклыми краями и забранныя выпуклыми желѣзными рѣшетками;

Нашейника (*servical*), составленнаго изъ поперечныхъ чешуй на подобіе раковаго хвоста; онъ покрывалъ всю верхнюю часть шеи (гриву) и прикрѣплялся къ налобнику посредствомъ металлической задвижки;

Нагрудника (*poitrail*), составленнаго изъ нѣсколькихъ широкихъ поперечныхъ полосъ; онъ смыкался съ нашейникомъ и захватывалъ верхнюю часть ногъ;

Боковыхъ частей (*bardes, flancois*) — двухъ цѣльныхъ листовъ соединенныхъ вмѣстѣ верхними краями: они примыкали къ нагруднику и закрывали бока до начала бедръ; и, наконецъ,—

Задней части (*coupière*), очень широкой и выпуклой, выкованной изъ цѣльныхъ листовъ или сплоченной изъ полосъ. Чтобы она крѣпко держалась на своемъ мѣстѣ и не вредила лошади, подъ нее подкладывался мягко обитый станокъ изъ дерева или китоваго уса.

Сѣдла дѣлались большія и массивныя, съ широкою щитообразною переднею лукою, закрывавшею бедра всадника, и съ высокою огибавшею сидѣньею спинкою. Ремни узды и поводья были обыкновенно очень широки и густо усажены металлическими бляхами, которыя служили вмѣстѣ и украшеніемъ уздѣ и предохраняли еѣ отъ ударовъ меча. Въ 15 столѣтіи къ уздѣ прибавленъ былъ трензель. Стремена дѣлались по прежнему широкия и высокія, но чаще съ рѣшетчатою, чѣмъ цѣльною доскою.

На турнирахъ и другихъ торжествахъ, боевыхъ коней покрывали сверхъ

<sup>1</sup> Одна такая броня, закрывающая ноги коня, находится въ Вѣнскомъ арсеналѣ (*das bürgerliche Zeughaus*). Она относится впрочемъ къ 16-му столѣтію и вѣроятно можетъ считаться единственнымъ въ своемъ родѣ образчикомъ.

брони богато украшенными попонами: При торжественномъ въездѣ Людовика XI въ Парижъ для коронаванія, въ 1461 г., лошади его рыцарской свиты были покрыты частью парчевыми, частью бархатными чапраками, которые спускались до земли и были унизаны множествомъ маленькихъ серебряныхъ колокольчиковъ. А одинъ изъ рыцарей— Ларошъ (La Roche), желая отличиться передъ другими, обвѣшалъ свой чапракъ колоколами величикою съ человѣческую голову, отъ чего, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, происходилъ ужасный звонъ.

Несмотря на постоянное усовершенствованіе оборонительнаго вооруженія, нападательное оружіе измѣнилось въ общемъ очень мало и во весь длинный промежутокъ времени до распространенія пороха пополнилось очень немногими оружіями, изобрѣтенными вслѣдствіе введенія цѣльныхъ металлическихъ доспѣховъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ повело и къ улучшенію уже существовавшего оружія.

Главнымъ ударнымъ оружіемъ былъ и остался мечъ. Первое важное измѣненіе, которое было сдѣлано въ немъ, неранѣе однакожь второй половины 14 столѣтія, состояло въ томъ, что клинокъ его былъ удлинненъ и, для усиленія удара, изъ двулезвийнаго обращенъ съ одиозезвийный съ широкимъ обухомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ концы перекладины меча стали загигать внизъ, а рукоять, прежде широкая, была утончена въ верхней своей части и вся обвита проволокой; головкѣ рукоятки обыкновенно давали шарообразную форму и, также какъ шейку и перекладину, различнымъ образомъ украшали. Иногда вся рукоять, и съ перекладиной, выдѣлывалась изъ одного куска. Ножны, большею частью изъ твердой кожи, окрашивали краской или обтягивали какою нибудь матеріею и обивали металлическими накладками и украшеніями (фиг. 84. а; 87. b; 88. а). Способъ ношенія меча по временамъ измѣнялся. Такъ напр. сначала, около половины 14 столѣтія, а потомъ опять во второй половинѣ 15-го (около 1470), нѣкоторое время носили мечи не на лѣвомъ бѣдрѣ, какъ было вообще принято, а спереди посреди туловища (ср. фиг. 86. а; фиг. 90. а). Обыкновеніе прикрѣплять мечъ цѣпью къ кирасѣ было оставлено уже въ началѣ 15 столѣтія и удержано только для кинжала.

Всѣ другія однородныя формы холоднаго оружія, какъ прежнія такъ и вновь изобрѣтенныя, никогда не считались принадлежностью настоящаго рыцарскаго вооруженія. Къ числу ихъ принадлежали между прочимъ — *estoc*, *baselard* и *falchion*. *Estoc*, извѣстный во Франціи уже въ началѣ 14 столѣтія, былъ длинное четырехгранное колющее оружіе (въ родѣ штыка), назначенное преимущественно для пробиванія спаевъ между частями латы. *Baselard* назывался родъ нарядной шпаги, которую носили не съ доспѣхомъ, а при обыкновенной одеждѣ, привѣшивая спереди у пояса. *Falchion*, вошедшій въ употребленіе только при Генрихѣ VI (около 1450 г.), имѣлъ форму криваго палаша съ большимъ эфесомъ. Позднѣе, къ перечисленнымъ видамъ холоднаго оружія прибавились еще: заимствованный отъ испанцевъ *espadon*; длинный и обоюдоострый *ravade*; широкий и тяжелый *braquemart*; короткий *tuck* и др. Затѣмъ, въ исходѣ пятнадцатаго столѣтія, появились боевыя мечи съ чрезвычайно длиннымъ извивистымъ клинкомъ и увеличенныхъ раз-

мѣровъ рукоятью и перекладиною, концы которой загибались внизъ. Эти мечи были такъ тяжелы, что дѣйствовать ими было иначе нельзя, какъ взявъ обѣими руками.

Наравнѣ съ мечомъ считался рыцарскимъ оружіемъ и кинжалъ (*dague*, *poignard*, англ. *poniard*), сдѣлавшійся общепотребительнымъ (во Франціи и Англии) только въ концѣ 14 столѣтія (фиг. 88. а. b; фиг. 90. а; сравн. 87 и слѣд.). Его носили съ правой стороны и употребляли въ бою преимущественно для умерщвленія побѣжденнаго противника, если онъ не просилъ пощады. Вслѣдствіе этого, около половины 15 столѣтія кинжалу дано было названіе *misericorde*. Кромѣ настоящаго кинжала употреблялись еще различные поясные ножи: обоюдоострый *cultelas* (*cultel*, *cutlas* и *coûtel*), обоюдоострый же и широкій *anelase* и узкій остроконечный *skeins* (всѣ преимущественно въ Англии и два первыхъ уже въ 14 столѣтіи).

Копье (*lance*, *lame*, *spear*)—другое главное оружіе рыцаря, было двухъ родовъ—боевое и турнирное. Тогда какъ турнирное копье постоянно измѣнялось въ длинѣ, толщинѣ и формѣ острія<sup>1</sup>, боевое еще долго сохраняло свою старинную форму—крѣпкаго деревяннаго древка отъ 10 до 16 фут. длины, съ перехватомъ для руки и металлическимъ остриемъ, пониже котораго прикрѣплялся значокъ (*penon*), треугольный, или четырехугольный, смотря по сану рыцаря, котораго гербъ или по крайней мѣрѣ его цвѣта на немъ развѣвались.—Введеніе цѣльнаго металлическаго доспѣха заставило измѣнить эту обычную форму копья: древко было значительно укорочено и утолщено, и щитокъ у перехвата снабженъ желѣзной воронкообразной накладкой (*vamplatte*, *burgé*), для защиты руки. Тогда же появились копейные значки о трехъ концахъ, названныя *gonfanon*.—Несмотря на усовершенствованіе металлическихъ латъ и постепенное распространеніе огнестрѣльнаго оружія, копье не теряло своего боеваго значенія далеко за исходъ пятнадцатаго вѣка, дойдя въ теченіе этого времени снова до своихъ первоначальныхъ размѣровъ. Впрочемъ, во второй половинѣ 15 вѣка были изобрѣтены еще другія оружія на длинныхъ древкахъ, но какъ нерыцарскія, были предоставлены исключительно пѣшимъ ратникамъ и наемнымъ войскамъ (см. ниже).—Метательное копье или дротикъ (*gavelock*, *javelin*) и если былъ съ крючкомъ—*pheon*) употреблялся очень рѣдко и никогда не причислялся къ рыцарскому оружію.

Извѣстные изстари—палица, сѣкира, боевой топоръ и бердышъ не остались также безъ нѣкотораго измѣненія и соотвѣтственнаго улучшенія. Къ стариннымъ видамъ палицы, въ 14 столѣтіи прибавилось два новыхъ (*massuelle* и *quadrelle*), приспособленныхъ, повидимому, для раздробленія металлическихъ латъ и шлемовъ. Обѣ были металлическія и состояли изъ рукоятки и шипки, но шипка *massuelle* была силовная и массивная, а шипка *quadrelle* походила на головку мутовки, т. е. состояла изъ нѣсколькихъ вертикально поставленныхъ и звѣздой расположенныхъ перьевъ или

<sup>1</sup> Наконечники этихъ копій были острые или тупые. Первые подраздѣлялись на прямые (*pique*) и загнутые въ видѣ серпа или косы (*torne* и *faux*, *fauchards*). Тупые наконечники были или равно-плоскіе, или съ четырьмя возвышеніями или коронами (*coronet*) на плоскости. Всѣ эти формы были извѣстны уже въ четырнадцатомъ столѣтіи, но вошли въ общее употребленіе не ранѣе 15-го.

крыльевъ \*. Какъ та, такъ и другая обдѣлывались различнымъ образомъ: шпикъ *massuelle* давали форму многогранника съ пирамидальными плоскостями, а перья *quadrelle* дѣлали сплошныя или прорѣзныя, фигурно обрѣзанныя по краямъ. Боевые топоры и сѣкиры (*haches d'armes*; англ. *battle-axes*) были объ одномъ и о двухъ клинкахъ, соединенныхъ между собою обухами. Эти двойныя сѣкиры (*bipennis*) постепенно утратили одинъ изъ клинковъ, который сначала получилъ форму полумѣсяца, а затѣмъ былъ замѣненъ частью молоткомъ, частью кривымъ зубцомъ, а топориче снабжено плоскимъ ланцетовиднымъ остриемъ. Это тройное оружіе, особенно распространенное въ Англіи, назывались тамъ *pole-axe*.—Бердыши (*maillets, marteaux*) походили на двойные топоры, но были менѣе массивны и не такъ длинны, какъ тѣ.

Уже въ 14 вѣкѣ появилось новое оружіе, какъ бы соединявшее въ себѣ сѣкиру или бердышъ и конье, но распространеніе его послѣдовало не ранѣе 15 вѣка, а въ Англіи лишь при Эдуардѣ IV (ок. 1461 г.). Оружіе это, принятое впрочемъ лишь для пѣшихъ ратниковъ, и состоявшее изъ древка отъ 5 до 8 футовъ, вооруженнаго двустороннимъ топоромъ и длиннымъ остриемъ, носило названіе партизаны (*partizan, pertuisane*), аллебарды (*halbert, hallebarde*), также *glaive, spetum, voulge*. Первые два вида отличались тѣмъ что у нихъ клинокъ топора имѣлъ форму полумѣсяца, а его обухъ форму молотка или криваго зуба, острие же было о двухъ лезвіяхъ. Остальные виды не имѣли топоровъ, а одно острие, которое у *voulge* было особенно широко и о двухъ лезвіяхъ; *spetum* и вѣроятно также и *falcastrum* были просто пики съ зазубренными остриями.

Почти одновременно съ этимъ длиннымъ оружіемъ вошли въ употребленіе, тоже для пѣшихъ ратниковъ, два рода ударнаго оружія; одно—называвшееся *casse-tête*, было родъ булавы, шипка которой была усажена острыми желѣзными шипами и иногда кромѣ того оканчивалась длиннымъ остриемъ, которымъ можно было колоть непріятели; другое (*fléau, fouet d'armes*; англ. *flail*) имѣло совершенно видъ дѣпа окованнаго желѣзомъ или даже желѣзнаго и усаженнаго желѣзными же остриями. Оба эти оружія были двуручныя.

Метательнымъ оружіемъ служили ручной лукъ, самострѣлъ (арбалетъ) и даже праща и удержались до начала 16 столѣтія, не смотря на распространеніе огнестрѣльнаго оружія. Хотя во Франціи праща и лукъ начали всё болѣе и болѣе замѣняться арбалетомъ, тѣмъ не менѣе въ Англіи праща (*sling*) употреблялась почти до конца этого періода постоянно, по крайней мѣрѣ въ бою массъ, и притомъ въ обѣихъ своихъ старинныхъ формахъ—ременной и тростяной (*Band-und Stockscheuder*) \*\*. Точно также и лукъ съ своими принадлежностями—стрѣлами (*arrows, polts*), колчаномъ (*quiver, sheaf*) и наручемъ защищавшимъ руку отъ удара тетивы (*bracer*). Вообще Англичане слыли у Французовъ за отличныхъ стрѣлковъ

\* Какъ извѣстно, такія палицы назывались у насъ шестоперами. Пер. —\*\* Камень или шарикъ, который кидали, вкладывался въ первомъ случаѣ въ ремennую петлю, въ послѣднемъ—въ ращепленный конецъ трости. Пер.

изъ лука. Англійскій лукъ былъ въ ростъ человѣка и выдѣлывался изъ крѣпкаго дерева (ср. фиг. 93 с). Самострѣлъ или арбалетъ (*balista, arbaletre, arbaleste; cross-bow*) до конца 15 вѣка дѣлался съ довольно длиннымъ прикладомъ, и съ деревяннымъ или китоваго уса, или, наконецъ, стальнымъ, обтянутымъ кожей, лучкомъ (фиг. 93 а. в). Хотя и нельзя съ точностью опредѣлить на сколько было усовершенствовано приспособленіе для натягиванья тетивы (*crâne, crânequin, moulinet*), но тѣмъ не менѣе извѣстно, что уже въ 14 ст. старинный воротъ съ блокомъ (*crânequin avec cordage* или *à double manivelle*; англ. a *windlass*) былъ значительно улучшенъ и изобрѣтенъ новый воротъ съ крючкомъ (*crochet de fer*) или съ рычагомъ (*pied de biche; el croco; crows-foot-lever*). Онъ состоялъ изъ зубчатаго колеса съ рукоятю, которое зацѣплялось за стержень съ крючками, захватывавшими тетиву. Будучи гораздо меньше прежняго (съ блокомъ), новый воротъ легко приводился въ движеніе одною рукою.— Какъ во Франціи, такъ и въ Англіи очень прилежно упражнялись въ стрѣльбѣ изъ самострѣловъ. Для этой цѣли въ обѣихъ странахъ образовались многочисленныя общества стрѣльцовъ, постепенно разросшіяся въ значительныя корпораціи, которыя, смыкаясь въ особый отрядъ, принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Если ручное огнестрѣльное оружіе <sup>1</sup> не вдругъ вытѣснило самострѣлъ, то это зависѣло отъ того, что въ то время, когда первое только что было изобрѣтено, послѣдній уже выработался до возможной цѣлесообразности. Хотя первыя пушки, большія и тяжелыя, появились уже въ началѣ 14 столѣтія, однакожъ прошло еще много времени до тѣхъ поръ, пока въ нихъ были сдѣланы нѣкоторыя улучшенія, а потому когда напали на мысль изготовлять подобное имъ ручное оружіе, то перенесли на него и всѣ ихъ недостатки. Это оружіе, появившееся впервые, вѣроятно, въ Италіи, гдѣ оно кажется стало извѣстно еще до начала 14 столѣтія, начало распространяться во Франціи не ранѣе половины 15 столѣтія, а въ Англіи при Эдуардѣ IV (съ 1461 г.). Въ началѣ оно состояло изъ ствола произвольной длины съ выкованною изъ одного съ нимъ куска рукоятю, которая вскорѣ замѣнена была деревяннымъ ложеиъ. На стволѣ была затравка и полка для насыпки пороха, который зажигали фителеиъ, поднося его правой рукою къ полкѣ, между тѣмъ какъ лѣвою поддерживали стволъ, уперевъ его въ плечо. Такое первобытное устройство, почти недопускавшее возможности вѣрнаго выстрѣла, сохранилось до конца 15 столѣтія, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что у затравки былъ прилѣпанъ родъ фитильнаго замка, состоявшій изъ металлической дужки, въ которую защемляли фитиль. Отъ нажатія особой пружинки, дужка опускалась и приближала фитиль къ полкѣ. Смотра по величинѣ стволовъ, нерѣдко очень значительной, ложе ихъ дѣлалось то короче, то длиннѣе, легче и тяжелѣе. Самыя тяжелыя пищали подпирали для прицѣла особыми подпорками—тоже итальянскимъ изобрѣтеніемъ 15 столѣтія. Такія

<sup>1</sup> См. объ этомъ между прочимъ: M. F. Wright. «The early use of fire arms» въ «Archaeological Album.—G. Klemm. Werkzeuge und Waffen. Leipzig. 1854 p. 339 sq.; къ этому рисунки у F. Fairhold. *Costume in England etc.* London, 1846. p. 514. ■ W. J. Hofdijk. *Shets van de Geschiedenis der Nederlanden etc.* Amsterdam. 1857. p. 50.

подпорки съ двойными крючками назывались въ Англіи linstock, а съ виллообразнымъ концомъ—hackbot или hackbut. Само оружіе было извѣстно подъ названіемъ аркебузы (arcubusus или arquebuse, отъ древнеитальянскаго arca-buza, archibuso, означавшаго лукъ или согнутое ложе съ прикрѣпленнымъ къ нему стволомъ). Зажженный фитиль носили въ оловянномъ цилиндрическомъ футлярѣ (англ. match-box или touch-box), а порошокъ— въ деревянной или металлической пороховницѣ (pouloverain, powder-flask, patron).

. Почти до половины пятнадцатаго столѣтія главную силу войскъ составляли рыцари съ ихъ служилыми людьми. Горожане, добываясь самостоятельности, отстаивали лишь собственные права и рѣдко вмѣшивались въ наступательныя войны, некасавшіяся ихъ личныхъ интересовъ; вооружать же крестьянство противорѣчило рыцарскому духу того времени. При такомъ порядкѣ вещей, недостатки котораго становились все ощутительнѣе по мѣрѣ того, какъ враждебныя столкновенія возникали всё чаще и длились дольше, сопровождаясь такими опустошительными битвами, какія почти постоянно повторялись съ начала 14 столѣтія, оказалось необходимымъ дополнить и умножить рыцарское войско вольнонаемными ратниками. Такимъ образомъ появился, сначала кажется въ Италіи, затѣмъ въ Германіи, совершенно новый родъ ратныхъ людей, такъ называемыхъ наемниковъ (soldati, söldner), и быстро размножился и упрочился. Уже во второй половинѣ столѣтія случалось, что даже и крупные ленники выставляли наемниковъ вмѣсто своихъ собственныхъ ратниковъ.

До тѣхъ поръ пока главную силу войска составляли рыцари, отправлявшіе исключительно конную службу, масса его состояла преимущественно изъ тяжелой конницы, для которой пѣшіи бой былъ крайне затруднителенъ по причинѣ ея тяжелаго вооруженія. Еще прежде чѣмъ побѣды швейцарцевъ, особенно стойвшая столько крови побѣда при Семпахѣ (1386 г.), доказали необходимость и важность легкой и подвижной пѣхоты, этотъ родъ войска составлялъ уже часть англійской арміи. Назначенные первоначально поддерживать конницу и вооруженные лукомъ или самострѣломъ и выгнутымъ большимъ щитомъ <sup>1</sup>, англійскіе пѣхотинцы настолько отличились въ битвахъ при Креси (1346 г.) и Пуатье (1356 г.), что счастливый для Англіи исходъ этихъ битвъ приписывали преимущественно имъ; тогда какъ французское войско въ одномъ только сраженіи при Креси потеряло не менѣе двухъ съ половиной тысячъ рыцарей, четыре тысячи тяжелой конницы и болѣе 30000 простыхъ ратниковъ. Такія большія потери побудили и Францію завести у себя пѣшее войско, что и составило одну изъ главныхъ заботъ Карла V, который, кромѣ того, сдѣлалъ обязательнымъ для всѣхъ гражданъ обученіе стрѣльбѣ изъ арбалета (около 1369).

Ничего похожаго на нынѣшнюю обмундировку не существовало въ тогдашнихъ войскахъ до конца пятнадцатаго столѣтія. Хотя нѣкоторые богатые

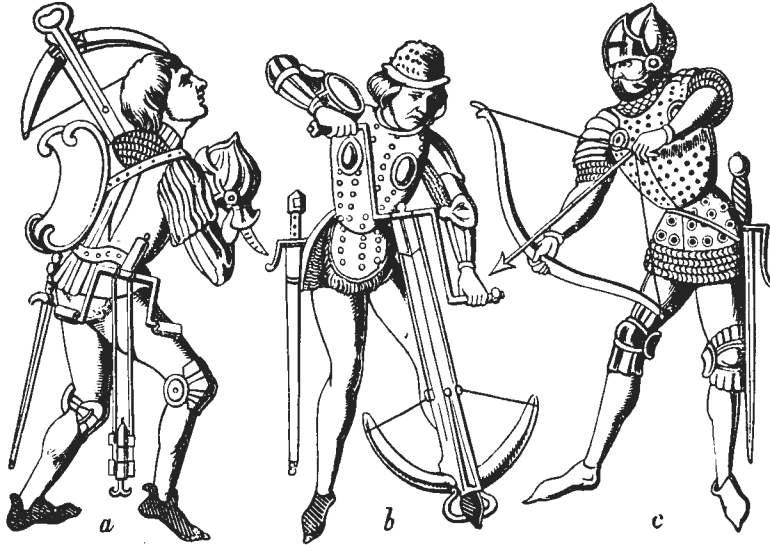
<sup>1</sup> Эти щиты, въ 5 фут. вышины и до 2½ ф. ширины, были деревянные, обтянутые воловьей кожей или толстымъ холстомъ. Они дѣлались четырехугольные, съ заостреннымъ нижнимъ краемъ, которымъ ихъ втыкали въ землю. Они назывались pavois, pavis.

города, особенно фламандскіе, уже въ 14 столѣтіи имѣли обыкновеніе одѣвать свои наемныя войска въ одинъ какой нибудь цвѣтъ и обозначать ихъ по цвѣту одежды, а крупныя ленники нерѣдко и вооружали одинаково своихъ служилыхъ людей, но все это дѣлалось совершенно произвольно. Въ англійскомъ войскѣ отряды стрѣлковъ были одѣты въ зеленый цвѣтъ, но ни покрой, ни составъ ихъ одежды не опредѣлялись никакими правилами. Сначала костюмъ ихъ состоялъ изъ длинной туники съ поясомъ, иногда отороченной мѣхомъ, изъ шляпы съ низкой круглой тульей, тоже съ мѣховою опушкой, и большихъ башмаковъ; а при Генрихѣ V (1411) они носили родъ камзола или куртки (jacket) и полуширокіе панталоны. При этомъ не на всѣхъ даже были башмаки и шляпы—иные не имѣли вовсе обуви, другіе вмѣсто шляпъ носили плетенныя или кожаныя шапки съ металлическими накладками. Вооруженіе ихъ состояло, кромѣ лука или самострѣла, изъ топора и меча, висѣвшихъ на поясъ, а со временъ Эдуарда IV (1461—83), и изъ небольшого деревяннаго щита круглой формы (buckler). При этомъ же королѣ было введено первое ручное огнестрѣльное оружіе,—ручныя пушки (hand-guns, hange-guns). Когда онъ высадился въ Равенсбургѣ, въ Йоркшейрѣ (въ 1471 г.), въ войскѣ его находилось триста наемныхъ фламандцевъ вооруженныхъ этими handguns, которыя прикрѣплялись къ поясу посредствомъ крючка и шнура. Почти около этого же времени было начато образованіе нѣкоторыхъ отрядовъ вооруженныхъ алебардами и бердышами (guisarmiers). При Эдуардѣ V и Ричардѣ III (1483—1485), одежда англійскихъ стрѣлковъ и бердышниковъ или алебардистовъ была почти одинакова, хотя отнюдь не строго однообразна: кожаная куртка или узкая кольчужная рубаха на манеръ стариннаго jazerin (стр. 13; фиг. 93 b. c.), или же холщевой или шерстяной кафтанъ и такіе же штаны (кафтанъ преимущественно бѣлый, но и другихъ цвѣтовъ, съ крестомъ св. Георгія нашитымъ на него), на головѣ—желѣзный шишакъ или желѣзная шляпа (salade, casquetel, hern-pan, iron pan), большею же частью окованная желѣзомъ шапка (huvette).

Во Франціи, начало образованію постояннаго войска было положено уже около 1445, когда Карломъ VII были заведены такъ называемыя *compagnies d'ordonnance*. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1448 г., состоялось королевское повелѣніе, предписывавшее чтобы каждый приходъ имѣлъ наготовѣ по крайней мѣрѣ одного искуснаго стрѣлка вооруженнаго лукомъ. Эти стрѣлки, число которыхъ скоро возрасло до 16 тысячъ, назывались вольными стрѣлками (*franc-archers*). По образцу этихъ войскъ Людовикомъ XI была учреждена такъ называемая шотландская гвардія (Въ Англійской постоянной королевской гвардіи была заведена Генрихомъ VII въ 1485. Половина гвардіи была вооружена луками, другая аркебузами).

Не смотря, однакожь, на все это, одежда французскихъ войскъ была такъ же мало однообразна, какъ и англійскихъ. Постоянные отряды разумѣется съ самаго начала были одѣты болѣе или менѣе одинаково, но, судя по миниатюрамъ французскихъ рукописей 15 вѣка, эта одинаковость не опредѣлялась никакими твердоустановленными правилами, по крайней мѣрѣ до самаго конца столѣтія. Одни изъ ратниковъ были одѣты въ кольчуги, другіе въ курт-

ки (jaquette) и притомъ не одного цвѣта; у однихъ на головѣ были шлемы, у другихъ—шапки (фиг. 93 а—с); — словомъ, совершенно такъ же, какъ и Фиг. 53.



въ Англіи. Что же касается непостоянныхъ войскъ, въ особенности наемныхъ, которыя должны были одѣваться и вооружаться на собственный счетъ, то они представляли крайнее разнообразіе какъ въ одеждѣ, такъ и въ вооруженіи.

Для управленія движеніями войска въ бою служили знамена и различныя, уже изстари извѣстныя, инструменты—трубы, барабаны и др. Знаменами отдѣльныхъ отрядовъ служили или значки на копьяхъ предводителей отрядовъ, или настоящія знамена на древкахъ. Кромѣ того, въ войскѣ было одно общее государственное знамя съ государственнымъ гербомъ и, иногда, съ какою нибудь священною эмблемою. Первоначально національный цвѣтъ французовъ былъ красный, а потому и государственное знамя ихъ было красное. Но когда, въ началѣ англо-французской войны, англичане присвоили красный цвѣтъ себѣ, чтобы выразить тѣмъ свое главенство надъ Франціей, французскіе короли, въ тѣхъ же видахъ, приняли бѣлый цвѣтъ англійскаго знамени, и съ тѣхъ поръ онъ оставался французскимъ національнымъ цвѣтомъ вплоть до революціи.

**3. Священническое облаченіе** <sup>1</sup> сохраняло свою однажды установленную форму и измѣнялось лишь въ отдѣлкѣ, которая, конечно, становилась

<sup>1</sup> Ср. Victor Gay. *Vêtements sacerdotaux* (Annales archéol. par Didron. Paris 1844. I. p. 61; II. p. 37; III, 354; VI, 155; VII. 143; VIII, 64; XVII, 227, 384). W. Pugin. *Glossary of ecclesiastical ornament and costume compiled from ancient authorities and examples. A second edition etc.* by B. Smith. London 1866. Abbé Migne. *Encyclop. Hdbuch der kathol. Liturgie etc. Für Deutsche bearb.* Breslau 1850 P. K. Geiger. *Notizen über Stoff, Gestalt, und Grösse der heiligen Geräte und Gewänder*, München. 1863. F. Bock. *Geschichte der liturgischen Gewänder des Mittelalters, etc.* Bonn 1866.

богаче и красивѣе по мѣрѣ развитія относившихся сюда производствъ. Кромѣ мавританскихъ и по ихъ образцу изготовленныхъ шолковыхъ матерій съ звѣринными и растительными узорами, съ начала 14 стол. стали употреблять для облаченія не менѣе дорогія шолковыя ткани съ вышитыми на нихъ (а не вытканными) изображеніями изъ священной исторіи, именно изъ жизни Спасителя и апостоловъ. Вообще, всякое изобрѣтеніе или усовершенствованіе въ ткачествѣ и вышиваніи<sup>1</sup> прилагалось прежде всего къ облаченію. Такъ было съ разноцвѣтнымъ вышиваньемъ по золотому (сотканному изъ золотыхъ нитей) фону, изобрѣтеннымъ около половины 14 в. въ Аррасѣ; такъ же было и съ другими, позднѣйшими изобрѣтеніями—золото-пряденіемъ, вынесеннымъ изъ Италіи, и выпуклымъ (рельефнымъ) вышиваніемъ. Оба эти производства, вмѣстѣ съ вышиваньемъ вообще, достигли совершенства не ранѣе 15 вѣка и преимущественно въ Бургундіи и на Рейнѣ. Очень любимый въ это время знатными платяной узоръ изъ репейныхъ шишекъ или гранатовыхъ яблокъ, вышивки изъ жемчуга, обшивка драгоценными камнями и золотыя украшенія—всѣ это было перенесено и на облаченіе, пышностью котораго духовенство старалось превосходить самую крайнюю княжескую роскошь. Слѣдствіемъ этого было то, что главныя части облаченія до такой степени обременяли украшеніями, что оно утрачивало всякую

Фиг. 94.



<sup>1</sup> Cp. M. Lambert. Church needlework. London .1844.

гибкость и не могло складываться въ складки, почему и стали дѣлать дорогое облаченіе уже. Дальнѣйшія измѣненія, которымъ подверглось облаченіе, наряду съ другими отличительными одеждами, ограничивались въ сущности слѣдующимъ (фиг. 94 а—с; ср. фиг. 19 и слѣд.):

1. Чулки обыкновенно изготовлялись изъ легкой шолковой тафты, почему ихъ носили поверхъ полотняныхъ. Прежній ихъ узоръ сталъ чаще замѣняться широкими и узкими полосами.

2. Башмаки получили форму ботинокъ, съ богато украшенною полосой, которая шла отъ носка вдоль подъема и развѣтвлялась на бѣковыя полосы. Эти полосы, которыя на башмакахъ папы замѣнялись крестомъ, съ пятнадц. вѣка вышивали жемчугомъ, золотомъ и драгоценными камнями.

3. Отдѣлка наплечника, также какъ и альбы, по вороту, рукавамъ и подолу, стала также богаче. Кромѣ того, съ половины пятнадцатаго стол. вошло въ обычай обшивать подолъ альбы красивою прорѣзною полотняною обшивкою, которая по мѣсту изобрѣтенія называлась *opus italicum*.

4. Поясъ сдѣлался постепенно короче, такъ какъ имъ опоясывались только въ одинъ оборотъ; но завязанныя напередѣ концы его всё таки еще доходили до колѣнъ. Кромѣ шолковыхъ цвѣтныхъ поясовъ, вошли въ употребленіе полотняные пояса съ вышитыми на нихъ серебромъ или золотомъ цвѣтами (вмѣсто животныхъ, какъ было прежде).

5. Стола дѣлалась обыкновенно того цвѣта и узора, какъ и риза, подъ которой её носили. Къ обычнымъ для нея украшениямъ въ видѣ геометрическихъ фигуръ, животныхъ, присоединились нашитыя золотыя эмальированныя бляхи, то круглыя, то угловатыя, а съ пятнадц. стол. изображенія въ родѣ гербовъ, арабески и листовныя украшения. Концы ея, вмѣсто кистей и звонковъ, стали теперь обшивать длинною цвѣтною бахромой.—Такимъ же измѣненіямъ подвергся и *manipel*.

6. Далматика, начиная съ половины пятнадцатаго вѣка, стала дѣлаться короче, такъ что доходила только до половины икръ. По краямъ она обшивалась густою бахромой, а спереди, по обѣимъ сторонамъ нагрудника ея, посрединѣ окаймляющей его полосы, прикрѣплялось по шолковому шнуру съ такою же кистью. У *tunicella* вышитыя коймы замѣнились постепенно тоже бахромой, какъ у далматики, и рукава сначала 14 в. стали дѣлаться уже рукавовъ далматики.

7. Богаче всѣхъ одеждъ отдѣлывали ризу, особенно съ половины 15 в., когда были усовершенствованы всѣ новыя изобрѣтенія по части вышиванья и т. п. Съ этого же времени, широкія нашавки, которыя шли отъ обѣихъ плечъ и, соединяясь на спинѣ и груди, спускались внизъ и составляли главное украшеніе ризы, стали замѣнять одною, но очень широкою нашивкою на спинѣ. Эта нашивка имѣла видъ латинскаго креста съ изображеніемъ на немъ распятія и, подъ нимъ, группы предстоящихъ. Передняя часть ризы украшалась одною полосой съ вышитыми по ней крестиками, на которыхъ иногда тоже изображали распятіе.

8. Форма перчатокъ измѣнилась въ томъ отношеніи, что со второй половины 14 ст. раструбъ ихъ стали дѣлать такого объема, что онъ охваты-

валъ руку отъ кисти до половины локтевой кости и свѣшивался складками; этой свѣшивавшейся части придавали остроконечную форму и на концѣ украшали небольшою цвѣтною кисточкою.

9. Отдѣлка перстня, съ совершенствованіемъ золотыхъ дѣлъ мастерства, стала изящнѣе и драгоценнѣе. Не только кольцо перстня покрывали выпуклыми или рѣзными украшеніями, но и самый камень, вопреки постановленію, воспрещавшему всякія на немъ фигурныя изображенія. Въ 15 в. вошло въ обычай изображать на кольцѣ гербъ царствующаго папы съ атрибутами папской власти, т. е. двумя ключами, положенными на крестъ, и тиарою. Такъ какъ перстень носили обыкновенно сверхъ перчатки и въ виду этого давали ему соотвѣтствующій размѣръ, то надѣвая его на голую руку, подъ него подкладывали другое кольцо, которое нерѣдко отличалось не меньшимъ изяществомъ. Въ концѣ столѣтія нерѣдко случалось, что епископы, управлявшіе нѣсколькими діоцезами, носили столько перстней, сколько діоцезовъ было въ ихъ вѣденіи.

10. Епископская митра, становясь богаче, увеличивалась постоянно въ вышину, которая въ 15 ст. дошла до несоразмѣрности. Въмѣстѣ съ этимъ верхушки обоихъ согна были также несоразмѣрно расширены. Къ обычнымъ украшеніямъ епископскихъ митръ прибавлены были вышитыя изображенія святыхъ, гирлянды и арабески для *titulus* и *circulus*; а въ 15 ст. лопасти митры стали обсаживать небольшими выпуклыми орнаментами, подобными любимымъ въ то время архитектурнымъ украшеніямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ шпиковъ (*Krabben*).

11. Посохи изъ слоновой кости съ рѣзбою встрѣчаются всё рѣже и уступаютъ мѣсто металлическимъ. Въ началѣ 14 ст. вошло въ обычай прикрѣплять къ рукояти посоха платъ (*velum, sudorium, panisellus*), который назначался для отиранія пота, но тѣмъ не менѣе обшивался бахрамой и украшался шитьемъ. Позднѣе ему стали давать форму спереди открытаго плащика съ дорогою оторочкою. — Посохъ папы и архіепископскій (*crux archiepiscopalis*) имѣли вмѣсто рога высокой крестъ.

12. *Pallium* измѣнился лишь въ томъ, что его обшивали иногда квадратнымъ украшеніемъ (*pedalium*) съ бахрамою, кистями или звонками.

13. Наплечникъ уменьшился въ объемѣ и его символическія украшенія замѣнены другими безъ всякаго значенія. Какъ видоизмѣненіе этого орната, была введена подобная столѣ, не очень широкая лента, которую перекрещивали на груди и спинѣ и прикрѣпляли золотыми круглыми щитками.

14. Наперстное украшеніе съ 12-ю драгоценными камнями было оставлено, кажется въ началѣ 14 ст., и замѣнено, вѣроятно, наперстнымъ крестомъ, или болѣе богатою отдѣлкою металлической пряжки, которою застегивалась мантия. До этого времени наперстный крестъ носилъ одинъ только папа, но затѣмъ папы стали жаловать его епископамъ и др. духовнымъ сановникамъ, которые, однакожъ, изъ уваженія къ прежнему обычаю, скрывали свои наперстные кресты подъ одежду въ присутствіи папы. — Нерѣдко въ такіе кресты вкладывали частицы мощей, обращая ихъ такимъ образомъ въ реликвіаріи.

15. Мантия, которую теперь стали чаще употреблять также и въ качествѣ парадной одежды, получила, сообразно съ этимъ назначеніемъ, и болѣе богатую отдѣлку, особенно на краяхъ и на спинѣ (фиг. 94 с). Когда было изобрѣтено въ 15 в. выпуклое вышиванье, то этимъ способомъ стали вышивать поясныя и цѣльныя фигуры святыхъ и тому подобныя изображенія и нашивать ихъ по краямъ мантии, которые, кромѣ того, украшали маленькими эмальированными бляшками, цвѣтнымъ шитьемъ гладью, золотыми и жемчужными вышивками. Каждый край обыкновенно обшивали шолковой бахромой, а иногда и золотыми звонками.—Трехугольный спинной щитокъ мантии постепенно уменьшился въ объемѣ до того, что къ концу столѣтія превратился въ родъ стоячаго воротника, сохранивъ однакожъ свое прежнее значеніе украшенія, такъ какъ на немъ, если мантия была принесена въ даръ, вышивался иногда гербъ дарителя.—Виѣстѣ съ этимъ мантии стали богаче и въ отношеніи матеріи: выбирали болѣею частью тяжелыя шолковыя и бархаты, постоянно притомъ узорчатые; къ концу этого періода, въ подражаніе общей модѣ, мантии снабжали такими длинными шлейфами, что при ходьбѣ ихъ приподнимали или даже заставляли нести за собой.

16. Стихаръ (Chogrock) въ началѣ 15 столѣтія, особенно въ Англіи, былъ очень широкъ и имѣлъ очень длинныя и широкія рукава—весьма вѣроятно, по особому распоряженію архіепископа Кантерберійскаго отъ 1322, предписывавшему каждому священнику употребленіе его во время служенія. Къ концу 15 ст. эту одежду начали носить иѣсколько короче и обшивать на подолѣ и рукавахъ бѣлыми кружевами.

17. Баретъ всё болѣе и болѣе приближался къ усвоенной ему впоследствии четырехугольной формѣ. До начала 15 в. онъ сохранялъ еще прежній свой видъ, но съ этого времени сталъ выше, расширяясь въ верхней части, и вскорѣ за тѣмъ, около половины столѣтія, его стали сшивать изъ четырехъ кусковъ, двойнымъ швомъ, а въ концѣ столѣтія класть на плотную и твердую подкладку.

Кромѣ барета, который съ 14 вѣка, особенно въ Англіи, стали носить вообще всё духовныя лица, былъ еще головной уборъ, преимущественно употреблявшійся въ зимнее время, — *almutium*. Это былъ родъ круглой подбитой мѣхомъ шапки съ длиннымъ, падавшимъ на плеча назатыльникомъ, по краямъ обшитымъ бахромой.

18. Красная шляпа и красная мантия—сдѣлались неизмѣннымъ отличіемъ кардинальскаго сана съ начала 14 вѣка. Шляпа сама по себѣ измѣнилась весьма мало, и только въ пятнадцатомъ вѣкѣ было принято привѣшивать къ завязкамъ ея по три длинныхъ шелковыхъ шнура, соединенныхъ между собою на равныхъ разстояніяхъ тремя такими же поперечными шнурами, что все вмѣстѣ образовало родъ треугольной разширявшейся книзу сѣтки<sup>1</sup>. Эти привѣски, украшавшіяся кромѣ того, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скрещивались шнуры, шелковыми кистями, доходили иногда до колѣнъ, и сохранились въ такомъ видѣ до конца столѣтія, когда ихъ перенесли на поля шляпы. — Мантия

<sup>1</sup> Сравни рисунокъ у Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires. France XV siècle (2-me moitié).

(„*sarra magna*“) сохранила свою прежнюю форму плаща съ длиннымъ капюшономъ или пелериной. Обыкновенно мантии эти приготовлялись изъ шелковой матеріи ярко-краснаго цвѣта и нерѣдко, особенно на зиму, подбивались горностаемъ, и даже дѣлались совершенно закрытыми спереди, кромѣ прорѣза на груди. Подобно другимъ плащамъ и мантиямъ того времени, онѣ имѣли такой длинный шлейфъ, что его приходилось носить.

Установленное разъ облаченіе для различныхъ чиновъ церковной іерархіи — папы, архіепископовъ, и т. д., осталось безъ всякой перемѣны (ср. выше стр. 19), точно также какъ и его постепенное упрощеніе отъ высшихъ іерархическихъ степеней къ низшимъ. Предписанія относительно „литургическихъ цвѣтовъ“ соблюдались теперь еще менѣе строго, чѣмъ прежде, такъ какъ при возрастающемъ количествѣ церковей наблюденіе за исполненіемъ этихъ постановленій становились всё труднѣе и труднѣе.—Діаконамъ было указано надѣвать орарь черезъ лѣвое плечо и завязывать его подъ правою рукою такъ, чтобъ концы его висѣли изъ подъ надѣтой сверху далматикки.—Епископы, принадлежавшіе къ какому нибудь духовному ордену, носили подъ облаченіемъ одежду своего ордена, и сверхъ нея уже надѣвали стихарь.

Неслужебная одежда духовныхъ лицъ состояла изъ длиннаго кафтана и плаща. Изъ этихъ двухъ частей только плащъ сохранилъ издавна усвоенную ему форму широкой накидки съ капюшономъ. Кафтаны же разбился на двѣ формы—таларь и сутану: первый—широкій и длинный съ длинными и широкими рукавами, послѣдняя—тоже длинная, но узкая и спереди застегивающаяся на пуговицы одежда, съ узкими рукавами. Кардиналы носили сутану яркочернаго цвѣта, епископы и прелаты—фіолетоваго, самъ папа—бѣлую шерстяную, остальное духовенство—черную. Такихъ же цвѣтовъ былъ и поясъ, которымъ ее подпоясывали. Въ концѣ 14 столѣтія высшее духовенство стало носить шляпы шелковыя, суконныя или войлочные, исключительно чернаго цвѣта и, подобно кардинальскимъ, украшенныя кистями, висѣвшими на длинныхъ шнурахъ по обѣимъ сторонамъ и своимъ числомъ обозначавшими санъ носившаго.

Несмотря на то, что описанная одежда была обязательна для духовенства, оно, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, всё таки не отрекалось отъ свѣтской роскоши, особенно въ Англіи и Франціи, гдѣ она постоянно возрастала. Хотя въ Англіи уже при Эдуардѣ III (1327—1377) былъ изданъ законъ противъ роскоши, и снова возобновленъ при Генрихѣ IV (1399—1411), а во Франціи её строго осуждали синодальные статуты, обнародованные въ Пуатье въ 1317 г., и Парижскій соборъ 1428, а нѣкоторые ревностные проповѣдники предавали её даже посмѣянію—все это нисколько не препятствовало духовенству слѣдовать примѣру свѣтскихъ людей и переиначивать даже предписанную уставомъ одежду согласно требованіямъ господствующей моды: таларь дѣлался обыкновенно съ возможно длиннымъ шлейфомъ, поясъ отдѣлялся разными дорогими украшеніями, и даже шляпа убиралась цвѣтными лентами и т. п. прикрасами. „Прежде всего запрещаемъ мы“, такъ говорилось въ предписаніи 1428 г.—„носить красныя и зеленыя туники, отороченныя пурпуромъ, и туники съ длиннымъ шлейфомъ, а так-

же слишкомъ широкіе откладные воротники, и слишкомъ большіе разръзные рукава; запрещаемъ еще слишкомъ длинныя или слишкомъ короткіе рукава, а также тѣ, на которыхъ спереди и сзади разръзы, идущіе выше локтя.“— Въ Англіи, въ четырнадцатомъ вѣкѣ, случалось даже нерѣдко, что духовные являлись въ красныхъ панталонахъ и свѣтло-голубомъ узорчатомъ кафтанѣ подъ стихаремъ, и въ прорѣзныхъ нарядныхъ башмакахъ.

Почти тоже самое было и между монашествующимъ духовенствомъ. Какъ ни ревностно старался папа Бенедиктъ XII (1334—1342) исправить его, запрещая монастырямъ отчуждать помѣстья, абатамъ давать расточительныя пиры, носить роскошную одежду и держать прислугу, а простымъ монахамъ — имѣть лошадей и т. п. — все это оставалось не только безъ всякихъ послѣдствій, но злоупотребленія еще усилились подъ вліаніемъ смутъ, все болѣе и болѣе колебавшихъ папство и церковь. Хотя многочисленныя монашествующіе ордена и должны были носить установленную для нихъ одежду <sup>1</sup>, и хотя съ этихъ поръ не учреждалось болѣе новыхъ орденовъ, но это не мѣшало нисколько развиться и въ этомъ духовенствѣ склонности къ роскоши. Она была распространена не только между представителями особенно богатыхъ монастырей, но коснулась и простыхъ монаховъ, которые тоже заразились наклонностью къ щегольству. При всемъ этомъ, духовенство не отказывало себѣ въ различныхъ удовольствіяхъ, и уже въ XIV вѣкѣ, особенно въ Англіи, случалось нерѣдко, что духовныя лица предавались безнаказано играмъ и танцамъ, и носили, подобно мірянамъ, пестрыя одежды и поясные ножи.

## II. Германія и Скандинавскія земли <sup>2</sup>.

То, что выработалось во Франціи постепенно, не могло быть принято въ Германіи сразу и всеми. Нужно было время, чтобъ сначала совсѣмъ отвыкнуть отъ стараго и затѣмъ привыкнуть къ новому. Въ Германіи старинная одежда начала уступать новой нѣсколькими десятилѣтіями позднѣе, чѣмъ это случилось во Франціи. Коренной переворотъ, уже закончившійся во Франціи къ 1370 г., въ Германіи только еще тогда начинался подъ французскимъ вліаніемъ, которое черезъ Германію распространилось и на Скандинавскія земли.

<sup>1</sup> P. H. Heliot. Histoire des ordres monastiques etc. Paris 1714. 8 Bde. (2. Edit. avec 812 fig. Paris 1792. Deutsche Ausgabe. Leipzig 1753.); C. F. Schwan. Abbildungen der vorzüglichsten geistlichen Orden in ihren gewöhnlichen Ordenskleidungen. Mannheim 1791; M. Tiron. Histoire et costume des ordres religieux. 2 vols. Bruxelles 1843.

<sup>2</sup> Достаточно будетъ указать на слѣд. сочиненія. J. H. von Hefner-Altenek. Trachten des christl. Mittelalters. Frankfurt a. M. 1840—54. 2. Abthlg (14 u 15 Jahrb.). A. v. Eye (u. Falke) Kunst und Leben der Vorzeit von Beginn des Mittelalters bis zu Anfang des 19. Jahrh. Nürnberg. 1855. C. M. Engelhard. Der Ritter v. Stauffenberg. Strassburg 1823. J. Falke Die deutsche Trachten- und Modewelt. Leipzig 1818. W. v. Reinöhl. Die gute alte Zeit etc. Herausg. von J. Scheible Stuttgart 1847. H. A. Berlepsch. Chronik vom ehrbarem und uralten Schneider—Gewerk. St. Gallen (ohne J.). K. Weinhold. Altnordisches Leben. Berlin 1856. N. H. Mandelgren. Monuments Scandinaviques du moyen âge etc. Copenhague 1855. Къ этому, въ особенности для 15 вѣка, картины тогдашнихъ художниковъ и разныя современныя рисунки.

Общепотребительный костюмъ, почти одинаковый для обоихъ половъ, своею длиннотою и шириною всё еще напоминалъ о своемъ древнеримскомъ происхожденіи (фиг. 95). Только очень немногія рѣшались измѣнять его привычный покрой на болѣе короткій и узкій и приспособленный къ засте-

Фиг. 95.



гиванью на пуговицы или крючки. Въ слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе, отъ 1330 до 1340, подражаніе иностраннымъ модамъ (преимущественно французскимъ) усиливается, главнымъ образомъ между молодыми людьми обоихъ половъ. Мужчины начинаютъ укорачивать свои туникообразные кафтаны, дѣлать на нихъ прорѣзы, нашивать пуговицы и вырѣзывать городками по подолу и на рукавахъ; верхушка капюшоновъ или Kogeln удлиняется и спускается вдоль спины въ видѣ хвоста; плащи или Heuken зашиваются или застегиваются на лѣвомъ плечѣ (фиг. 96 а—с; ср. фиг. 98 в. с).—

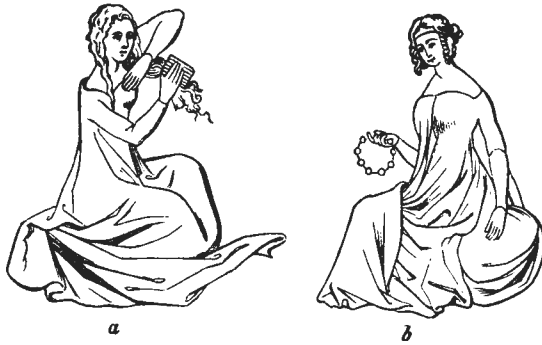
Фиг. 96.



Женщины поддаются нововведеніямъ нѣсколько медленнѣе и на первое время ограничиваются только тѣмъ, что дѣлаютъ свои платья немного уже въ подолѣ и открытѣе на шеѣ и плечахъ, и рѣже прежняго носить волосы распущенными по плечамъ, а обыкновенно заплетаютъ ихъ въ косы и обвиваютъ вокругъ головы (фиг. 97 а. б).

Объ этихъ перемѣнахъ подробно рассказываетъ авторъ лимбургской хроники подь 1349 годомъ. „Старые люди“, говоритъ онъ „носили одежду широкую и длинную безъ пуговицъ; только на рукавахъ было по три или по четыре пуговицы. Рукава были умеренной ширины, а кафтаны на груди въ складкахъ и съ разрѣзомъ до пояса. Молодые мужчины носили короткое платье, обрѣзанное, со сборками на бедрахъ и узкими рукавами; кауцы (Kogeln) большія, длинныя до самыхъ ногъ плащи съ пуговицами и тупоносые башма-

Фиг. 97.



ки. Иные носили кауцы съ лопастью напередѣ, которая висѣла до колѣнъ и была вырѣзана по краямъ городками. Эта мода держалась не одинъ годъ<sup>1</sup>.

„Господа и рыцари, когда они были въ нарядномъ платьѣ, носили рукава съ длинными лопастями, висѣвшими до земли и подбитыми мѣхомъ, какъ это господамъ и рыцарямъ подобаетъ.

„Дамы и женщины наряжались въ платья съ узкими рукавами, а сверху надѣвали Sorket<sup>2</sup>; эта одежда была снизу съ обѣихъ сторонъ разрѣзана и подложена, зимою — мѣхомъ, а лѣтомъ — тафтою, какъ кому нравилось“.

Подражая иностранному, перенимали прежде всего то, что особенно кидалось въ глаза, какъ это и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Длинные висячіе рукава, хвосты на капюшахъ и зубчатая выемка были не только переняты, но и доведены до преувеличенія; точно также и носки башмаковъ начали удлинять, подражая французской модѣ. Не такъ охотно слѣдовали ей въ отношеніи короткаго и узкаго покроя одежды. Хотя и эта мода нашла себѣ послѣдователей, но окончательно утвердилась она не ранѣе по-

<sup>1</sup> Всѣ эти названія (старинныя) различныхъ частей костюма должны по необходимости остаться непереуведенными, такъ какъ невозможно подыскать имъ равнозначущія русскія названія.  
Пер.

ловины столѣтій; до этого же времени, совершенно узкое платье, уже давно ставшее обычнымъ во Франціи и Англии, встрѣчалось лишь какъ рѣдкое исключеніе (фиг. 96 а. в. с; ср. фиг. 37 и слѣд.). Принятіе и распространеніе этого покроя отмѣтило рѣшительный переворотъ въ костюмѣ вообще. „И слѣдали себѣ люди новое платье“ замѣчаетъ упомянутый выше лѣтописецъ подъ 1350 г.

Такое почти внезапное вторженіе новой моды было разумѣется встрѣчено неблагоклонно людьми серьезными, а со стороны городскихъ властей были даже приняты мѣры чтобы противодѣйствовать ему. Постановленія, ограничивавшія роскошь, появлялись уже и прежде; такъ между прочимъ въ Нюрнбергѣ, въ 1343 г., противъ щегольства женщинъ золотыми украшеніями; но теперь городскія власти поставили себѣ цѣлью не столько ограничить усиливающую вмѣстѣ съ нововведеніями роскошь, сколько привести еѣ въ соотвѣтствіе съ общественнымъ положеніемъ различныхъ сословій и черезъ это не дать стереться и внѣшнимъ признакамъ, разграничивающимъ эти послѣднія. Въ этихъ видахъ были изданы, сначала совѣтомъ города Франкфурта, затѣмъ, около 1356, Шпейера и другихъ городовъ, подробные уставы объ одеждѣ (Kleiderordnungen), совершенно подобные ранѣе ихъ являвшимся французскимъ законамъ противъ роскоши. Такіе же уставы были составлены и въ Скандинавскихъ земляхъ, а въ 1350 году распространены даже и на Исландію. Однимъ изъ нихъ разрѣшается имѣющему восемьдесятъ марокъ серебра состоянія носить камзолъ изъ хорошаго сукна, имѣющему вдвое больше—сверхъ камзола еще кафтанъ; у кого было въ четверо больше, тотъ имѣлъ право прибавить еще плащъ, но безъ мѣховой подкладки. Болѣе богатые люди, ученые и духовные могли одѣваться какъ хотѣли.

Нѣмецкіе уставы отличались мелочною подробностью и кромѣ общихъ положеній заключали въ себѣ особенныя, касавшіяся степеней возраста и разныхъ событій частной жизни. Постановленіе Шпейерскаго городского совѣта, отъ 1356 г., содержитъ въ себѣ между прочимъ слѣдующія распоряженія: „Чепцы женщинъ не должны впредь имѣть болѣе четырехъ рядовъ оборокъ; ни одна женщина не должна носить свои косы спущенными на спину, а должна подвязывать ихъ. Незамужняя дѣвица можетъ ходить съ распущенными косами и носить Schapel, пока не выдетъ замужъ. Никакое платье, ни нижнее, ни верхнее, не слѣдуетъ дѣлать узкимъ и съ пуговицами спереди или съ шнуровками на бокахъ. Всячіе концы рукавовъ не должны быть длиннѣе одного локтя, начиная отъ локтеваго сгиба. Оторочка платья или плаща, мѣховая или шелковая, не должна быть шире чѣмъ въ два пальца, и то лишь вверху, а внизу никакой оторочки не дозволяется. Плащи должны застегиваться наверху; на нихъ не допускается ни серебра, ни золота, ни жемчуга. Воротъ платьевъ долженъ быть такой ширины, чтобы неслишкомъ обнажалась шея. Полосатые и вышитые платья, украшенія на нихъ и на шляпахъ, въ видѣ буквъ, птицъ и т. п., нашитые шолкомъ, совершенно запрещаются, также какъ и украшенія изъ золота, серебра, жемчуга или цвѣтныхъ каменьевъ, на платьяхъ, плащахъ, шляпахъ, поясахъ и т. д. Мужчинамъ не дозволяется носить на шапкахъ (Gugeln) перья или металлическія трубочки. Кто не рыцарь, тотъ

не можетъ носить на себѣ ни золота, ни серебра, ни жемчуга и т. п. Кафтаны должны быть не короче чѣмъ по-колѣно, развѣ только онѣ назначены для верховой ѣзды. Никому не дозволяется носить бороду и проборъ на головѣ; верхушка капуцы не должна быть ни завита, ни разрѣзана, и не длиннѣе полтора локтя, а капуца спереди безъ всякихъ выстѣчекъ. Запрещается обувь съ длинными носками, и никто, кромѣ рыцарей, не можетъ носить обуви, которая, ради только щегольства, изрублена и изрѣзана (*die (Schuhe) nur der Hoffahrt wegen zerhauen und zerschnitten sind*).

Не смотря на то, что нарушеніе этихъ постановленій наказывалось денежною пенею, они, какъ и французскіе законы противъ роскоши, не произвели ожидаемаго дѣйствія. Ихъ выслушивали и не исполняли, выплачивая (и то не всегда) назначенный штрафъ. Если же какой нибудь моралистъ возставалъ противъ общей наклонности, то это не только не сдерживало её, а еще болѣе усиливало.

Какъ часто одна мода смѣнялась другою, объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ современныя изображенія, такъ и замѣтки лѣтописцевъ. Въ Лимбургской хроникѣ подъ 136 годомъ говорится: „Въ это время были оставлены короткіе шаравары (*Ploderhosen*) и сапоги, а появились длинные кожаные чулки (*Ledersen*). Они были узки, съ длинными носками и зашнуровывались сзади до половины сливы.... Тогда же мужчины начали зашнуровываться спереди и сзади и ходили крѣпко затянутые. Молодые люди носили обыкновенно капуцы (*Kogeln*) съ пуговицами, также какъ и женщины. Эти капуцы держались тридцать лѣтъ и затѣмъ были оставлены“.

Почти тоже самое разсказывается въ Франкфуртскихъ лѣтописяхъ (*Frankfurter Jahrbücher*)<sup>1</sup> подъ тѣмъ же годомъ, и въ богемской хроникѣ Гагедіуса (*Hagedius*) подъ 1367 г. Въ этомъ году—замѣчаетъ Гагедіусъ—въ Богеміи опять появились новые костюмы; многіе носили на себѣ 300 или 360 штукъ пуговицъ (*fünf oder sechs Schock Knöpfe*), и такое узкое платье, что не могли ни нагнуться, ни двигаться. Богомерзкое дѣло эти короткіе кафтаны и остроносые башмаки (*Gottes Greuel über die kurzen Röcke und die spitzen Schnabelschuhe*)!

Короткое обтяжное платье сдѣлалось почти всеобщимъ у мужчинъ, которые въ особенности этого покроя нерѣдко такъ преувеличивали, что далеко превосходили въ нихъ заимствованные иностранные образцы. Если не всё доходило до такой массы пуговицъ, о которой упоминаетъ Гагедіусъ, то все таки подобная отдѣлка была во вкусъ времени и всёмъ нравилась. Во Франціи короткіе кафтаны дѣлались съ цѣльною юшкою и разрѣзомъ только на груди, который застегивался на пуговицы (фиг. 37 до фиг. 39); въ Германіи разрѣзывали и юпку и разрѣзы обсаживали пуговицами (фиг. 98). На рукавахъ, по заднему ихъ шву, нашивали тоже маленькія пуговки и притомъ какъ можно ближе одна къ другой, чтобы помѣстить ихъ возможно больше (фиг. 98 в. с). Рукава носили большею частью очень узкіе и нерѣдко такой длины, что обшлага закрывали кисть руки до пальцевъ (фиг.

<sup>1</sup> См. выдержку изъ нихъ у G. W. Lochner, *Zeugnisse über das deutsche Mittelalter*. Nürnberg, 1837, I.

97 а). Въ видѣ украшенія пришивали къ нимъ (въ этомъ случаѣ уже неподражая иностранной модѣ) длинныя лентообразныя прибавки различной формы, которыя иногда доходили до земли (фиг. 98. а). Короткій кафтанъ на-

Фиг. 74.



зывали обыкновенно *Schecke* (вѣроятно отъ англійскаго *jacke, jacket*); длинный—*Wamms*, названіе, несомнѣнно взятое съ *wammesin, wambeson, gambeson*, который рыцари носили подъ бронею. Во время занятія англичанами Эльзаса (въ 1365 году) мѣстное населеніе переняло у нихъ нѣкоторыя части ихъ костюма и вмѣстѣ съ этимъ и названіе *Schecke*. „Одежды ихъ—говоритъ въ своей хроникѣ Якобъ Твингеръ фонъ-Кѳнигсгофенъ—были длинны и богаты, и на ногахъ носили они добрыя металлическія поножи. Съ этихъ поръ и въ Страсбургѣ стали дѣлать длинное платье и короткіе кафтаны (*Schecken*), поножи и островерхія шапки, что до того времени въ Страсбургѣ было не въ обычаѣ“.

Въ ношеніи пояса одни только отъявленные щеголи слѣдовали иностранной модѣ и спускали его такъ низко, что онъ почти касался нижняго края кафтана, большею же частью его носили немного пониже талии (фиг. 98 а—с; ср. фиг. 37 до 39). Но въ отдѣлкѣ его, также какъ и въ отдѣлкѣ сумокъ и ножей, которые на немъ носили (фиг. 98 в. с), постепенно дошли до того, что въ законахъ противъ роскоши на нее было обращено особѣе вниманіе.

Панталоны пока оставались по прежнему въ обтяжку. Впрочемъ, многіе продолжали еще носить старинныя штаны изъ двухъ отдѣльно называвшихся половинъ. Что разумѣть Лимбургскій лѣтописецъ подъ упоминаемыми имъ „широкими шароварами“ (*Ploderhosen*), рѣшить довольно трудно. Современныя изображенія не даютъ на этотъ счетъ никакихъ поясненій. Если онъ разумѣлъ сборчатые длинные штаны (которыя, какъ надобно было бы пред-

полагать, закладывались въ обувь) — то такіе штаны могли быть въ употребленіи только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, если не у однихъ высшихъ классовъ населенія. Цѣльные панталоны назывались *lange Lederssen*.

Остроногая обувь и такъ называемыя *Kugeln* (*Gugeln*, *Kogeln* или *Gogeln*) — названіе составленное въ подражаніе латинскому *sucillus* (наголовникъ, капюшонъ, *Карре*) — измѣнялись и отдѣлялись по прихотямъ туземнаго вкуса, независимо отъ вліяній иностранной моды. Не смотря на постановленія городскихъ властей, опредѣлявшія длину носковъ обуви и форму названнаго головного убора, всякій носилъ ихъ такъ, какъ ему нравилось. Гугель, а если онъ былъ съ воротникомъ или пелериной, то и воротникъ, отдѣлялись по краямъ высѣчкою, иногда въ нѣсколько рядовъ. Кроме того, его дѣлали нерѣдко такъ что онъ могъ застегиваться спереди или совсѣмъ, или только до половины, какъ въ Богеміи, гдѣ его обыкновенно носили застегнутымъ до самыхъ глазъ. Конецъ, или верхушку, удлиняли иногда такъ, что она висѣла сзади хвостомъ, и обшивали тоже городками. Гугели обыкновенно носили очень яркихъ цвѣтовъ.

Плащи (*Hoiken*) были двухъ видовъ — открытые на правомъ боку и застегивавшіеся на плечѣ (фиг. 98 в. с), и закрытые вокругъ наглухо, съ отверстіемъ для головы, или застегивавшіеся спереди сверху до низу на пуговицы. Эта послѣдняя закрытая форма плаща называлась „колоколь“ (*glocke*). Относительно волосъ и бороды находимъ у Гагеціуса подъ 1329 слѣдующую замѣтку: „Тогда и рыцари начали отращивать себѣ бороды, а прежде они ходили гладко бритые; иные носили также усы, подобно псамъ и кошкамъ, по языческому обычаю. Другіе же, отрицая свой полъ, приняли женскій обычай и носили длинные распущенные волосы, причесывали ихъ и мокрыми выставляли на солнце. Иные, желая отличиться передъ другими и показаться красивыми, припекали и завивали свои волосы, и чѣмъ кто искуснѣе умѣлъ это сдѣлать, тѣмъ краше онъ себя считалъ.“ Хотя это замѣчаніе касается преимущественно Богеміи, но оно можетъ быть распространено и на Германію.

Съ 1350 года началъ измѣняться и женскій костюмъ. До сихъ поръ женщины одѣвались по старинному, въ длинную и широкую одежду, обшивая её мѣхомъ или какими нибудь коймами (фиг. 99 а). Но теперь безрукавное верхнее платье было ими совсѣмъ оставлено или передѣлано въ такъ называемый *Sorget*; т. е. на юпкѣ справа и слѣва отъ подола вверхъ сдѣланы разрѣзы (что впрочемъ было оставлено), или всё платье сшито и къ нему прибавлены рукава. Подражая мужчинамъ, и женщины скоро дошли до разныхъ преувеличеній въ костюмѣ и даже превзошли въ этомъ отношеніи мужчинъ. Началось съ того, что лифы стали дѣлать все ўже и ўже и обшивать мелкими пуговками въ еще большемъ колѣществѣ, чѣмъ у мужчинъ; затѣмъ и рукава начали украшать подвѣсками въ видѣ лентъ и шнуrowъ, спускавшихся до земли (фиг. 90 в). Рукава, въ особенности у исполняго платья, были до крайности сшиты, у верхняго — дѣлались нѣсколько свободнѣе и съ высѣчкою по краямъ.

Точно также, вопреки запретамъ, шею и плечи всё больше и больше открывали (фиг. 99 в), вырѣзывая сверху лифъ всё глубже, иногда до

того, что груди, и безъ того приподнятыя узкимъ корсажемъ, почти до половины выставлялись наружу. Вмѣстѣ съ этимъ, какъ бы взаимнѣ у-

Фиг. 99.



роченнаго лифа, стали удлинять юбку верхняго платья въ шлейфъ, подражая въ этомъ французской модѣ. Впрочемъ, длина шлейфовъ была сначала умѣренна, по крайней мѣрѣ городскія власти пока еще не считали нужнымъ воспрещать эту моду. Напротивъ того, отлѣлка поясовъ скоро привлекла на себя ихъ вниманіе: она становилась всё роскошнѣе, а самые пояса все шире, даже до безобразія (фиг. 99 b).

Кромѣ головныхъ уборовъ, перенятыхъ отъ иностранцевъ вмѣстѣ съ прическою, женщины, молодыя и старыя, носили и Gugel, и притомъ почти тѣхъ же самыхъ формъ, какъ и мужской. Вмѣстѣ съ нимъ стали входить всё болѣе въ моду и тѣ чепцы (повидимому туземное изобрѣтеніе), о которыхъ уже упоминалось въ городскомъ постановленіи Шейера (см. стр. 135). Эти чепцы покрывали голову и плечи, и по наружному краю, обрамливавшему лицо, были обшиты въ нѣсколько рядовъ красиво сплюснутыми зубчатыми оборками (фиг. 99 c.), почему ихъ и называли Hullen или Kruseler. Впрочемъ, они были головнымъ уборомъ преимущественно замужнихъ женщинъ, которыя однакожъ имъ щеголяли, продолжая, вопреки постановленіямъ властей, умножать ряды оборокъ и убирать самый чепецъ разными прикрасами. Молодыя, согласно предписаніямъ, еще долгое время оставались при любимыхъ въ прежнее время головныхъ повязкахъ и обручакъ (Schapeln) и носили Gugel; волосы же иногда заплетали въ косы, или просто распускали по плечамъ (фиг. 99). Въ связи со всѣми этими головными username получило особенное значеніе покрывало (вуаль).

Женщины нисколько не уступали мужчинамъ въ наклонности къ излишествамъ и преувеличеніямъ въ костюмѣ; онѣ обременяли свои головные уборы и длинныя висячіе рукава платьевъ обшивками, вырѣзанными фестонами, до крайности удлиняли носки башмаковъ, обвѣшивали себя безъ мѣры разными золотыми украшеніями въ видѣ цѣпочекъ, брошекъ и т. п., дополняя всё это обильнымъ употребленіемъ различныхъ косметиковъ, въ числѣ которыхъ главную роль играли румяна, незамедлившія сдѣлаться общераспространеннымъ средствомъ самоукрашенія.—

И этотъ-то костюмъ, почти уже до безобразія искаженный, подвергся, нѣсколько времени спустя, дальнѣйшему и еще болѣе странному измѣненію, которое исходило изъ Богеміи и Австріи. Что касается послѣдней страны, то, по словамъ хрониста, въ ней <sup>1</sup> „каждый одѣвался какъ хотѣлъ. Одни носили кафтаны изъ сукна двухъ разныхъ цвѣтовъ; у другихъ лѣвый рукавъ былъ значительно шире праваго, а у иныхъ даже шире всей длины кафтана. У нѣкоторыхъ оба рукава были такой ширины, и при этомъ иногда лѣвый рукавъ былъ украшенъ разноцвѣтными лентами, или серебряными трубочками на шолковыхъ шнуркахъ. Одни носили нагрудникъ, цвѣтной съ вышитыми на немъ серебряными или шолковыми буквами; у другихъ лѣвая сторона груди была украшена изображеніемъ, у третьихъ наконецъ вся грудь была увита шолковыми кольцами. Нѣкоторые носили платье до того узкое, что снимать или надѣвать его можно было не иначе какъ съ посторонней помощью, или разстегнувъ множество мелкихъ пуговокъ, которыми были унизаны рукава вплоть до плечъ, грудь и животъ. У иныхъ воротъ платья былъ такъ широко вырѣзанъ, что обнажалъ значительную часть груди и спины. Одни окаймляли свою одежду матеріей другаго цвѣта, другіе дѣлали на краяхъ платья зубчатые вырѣзы. На головѣ, вмѣсто прежнихъ наголовниковъ, по которымъ можно было различать евреевъ и христіанъ, начали носить капюшоны, которыя пришивались къ одеждѣ. Одни стригли себѣ волосы коротко, другіе расчесывали ихъ какъ жида, или заплетали какъ Венгерцы. Плащи дѣлались до того короткими, что едва покрывали бедра. Рукава кафтановъ тоже укоротили такъ, что они доходили только до локтя, и оканчивались висящимъ доскуткомъ“.

Если такія странности (къ которымъ богемскій лѣтописецъ 1367 г. присоединяетъ не мало другихъ) и не всѣ и не вездѣ распространились въ остальныхъ нѣмецкихъ земляхъ, то все таки многія изъ нихъ были переняты особенно охотно. Такъ напр. щеголи усвоили себѣ и постепенно распространили странную моду носить верхнюю одежду сшитую изъ разноцвѣтныхъ кусковъ <sup>2</sup> и съ рукавами разнаго фасона. Затѣмъ они переняли глупое обыкновеніе, которое держалось преимущественно въ Богеміи и, по словамъ приведеннаго лѣтописца, состояло въ томъ, что мужчины подбивали себѣ грудь

<sup>1</sup> По Geusau (Geschichte Wiens 1790. II, 264) и по Normayer (Wiens Gesch. VII. Hft. 172 Sg.) приведенное описаніе восходитъ къ 1336 году, что однакожъ, сравнительно съ остальными формами костюма, представляется необыкновенно раннимъ. — <sup>2</sup> Уже въ 1343 г. городской совѣтъ Нюрнберга приказывалъ, чтобы ни одинъ портной подмастерье не смѣлъ носить пестрой одежды; двухцвѣтное платье носить ему дозволялось (Jäger. Juristisches Magazin I, 315).

хлопчатую бумагою, чтобы она казалась такою же пышною какъ женская, и эти фальшивыя груди и такіе жё животы „затягивали въ узкія шнуровки“.

Эти и подобныя заимствованія, вмѣстѣ съ безпрестанными измѣненіями отдѣльныхъ частей костюма, исходившими преимущественно изъ Франціи, дошли къ концу столѣтія до того, что даже самимъ современникамъ было бы затруднительно описать ихъ съ нѣкоторою подробностью. Весьма обстоятельный лимбургскій лѣтописецъ не входитъ въ подробное описаніе новомоднаго костюма, явившагося въ 1370 году, а ограничивается короткой замѣткой, что эта мода принята была мужчинами и женщинами и держалась недолго въ нѣмецкихъ земляхъ. Затѣмъ, пропуская десять лѣтъ, слѣдоват. переходя къ 1380 году, онъ начинаетъ свое описаніе тогдашняго костюма такими словами: „кто недавно еще считался хорошимъ портнымъ, тотъ не стоитъ теперь и мухи (*der taugt jetzt nicht mehr eine Fliege*), такъ измѣнился здѣсь покрій въ это короткое время“. Въ томъ же году — продолжаетъ онъ — мужчины и женщины, благороднаго и простаго званія, мальчики и дѣвушки, начали носить *Tapperten* \*, подпоясывая ихъ поясомъ — *Duchsing*. Мужскіе *Tapperten* дѣлались короткіе и длинныя, какъ кому нравилось, и обшивались широкими и длинными оборками, иногда доходившими до земли. Этотъ покрій былъ принятъ не по неволѣ и не по невѣжеству, а просто изъ желанія пощеголять“. „Тогда же были оставлены локоны и косы, а господа, рыцари и слуги носили подстриженные волосы, или *Krullen*, обрѣзанные повыше уха, точно монахи. Видя это, и люди простаго званія стали носить волосы такимъ же манеромъ“.

„Рыцари, граждана и рейтары (*die reisigen Leut*) носили длинныя пестрые кафтаны, съ разрѣзами назади и въ другихъ мѣстахъ, и съ широкими рукавами, обшлага которыхъ были въ поллоктя и болѣе длины, такъ что спускались далеко ниже пальцевъ, и по желанію заворачивались. — Такъ назыв. *Hundskogeln* (головной уборъ?) носили рыцари и слуги, граждане и рейтары. — Мужчины носили также рукава и камзолы безъ *Schoppen* (*Joppen*) и другое платье съ обшивками (*Stachen*) доходившими до земли, и чѣмъ длиннѣе онѣ были, тѣмъ моднѣе это считалось“. — „Богемскіе *Kugeln* носили женщины: такой *Kugel* женщины надѣвали себѣ на голову и онъ поднимался надъ головою подобно тѣмъ вѣнцамъ, что пишутся на образахъ святыхъ въ церквахъ“.

Параллельно распространенію этихъ крайностей костюма умножалось и число издаваемыхъ для ограниченія ихъ постановленій. Для того, чтобы эти постановленія не оставались совершенно недействительными, какъ это обыкновенно бывало, общественныя власти выказывали теперь бѣольшую снисходительность, позволяя молодымъ людямъ, преимущественно женскаго пола, многое, что всетаки могло хотя отчасти удовлетворить господствующему вкусу. Съ этою, повидимому, цѣлью, въ 1371 г. „бургомистръ и совѣтъ города Цюриха постановили, что замужнія женщины и вдовы не могутъ пришивать къ платку (головному?) покрывало или другой платокъ, но должны носить его такъ какъ онъ сотканъ; запрещается имъ также ношеніе головныхъ убо-

\* Описаніе ниже.

ровъ и кашюшоновъ изъ шолка, золота, серебра и украшенныхъ драгоценными каменьями. Дочерямъ же ихъ и вообще дѣвушкамъ эти уборы носить дозволяется. Запрещается женщинамъ носить платья съ широкимъ воротомъ и съ застежками или пуговицами спереди и на бокахъ, а также и отдѣлывать свое платье золотомъ, серебромъ, дорогими каменьями или шолкомъ. Дѣвушкамъ же подобная отдѣлка платья дозволяется и впредь. — Запрещается женщинамъ дѣлать у платья кашюшонъ длиннѣе одного локтя; замужнія женщины и вдовы могутъ носить лишь одноцвѣтное платье; ни женщины, ни вдовы, ни дѣвицы не могутъ носить поясовъ дороже определенной цѣнности (5 Pf. Denage). Никто, ни мужчина, ни женщина, ни мальчикъ, ни дѣвушка, не долженъ носить башмаковъ съ такими носками, въ которые можно что нибудь засунуть. Женщинамъ и дѣвушкамъ не дозволяются также башмаки съ шнуровкою. Каждый мужчина и мальчикъ, будь онъ богатъ или бѣденъ, долженъ дѣлать себѣ платье такой длины, чтобы оно доходило до колѣнъ, и чтобы верхушка кашюшона отнюдь не была длиннѣе кафтана и не имѣла бы разрѣзовъ. Запрещается также носить полосатые или разныхъ цвѣтовъ штаны, но обѣ половины штановъ должны быть одного и того же цвѣта и фасона. За нарушеніе каждаго изъ этихъ предписаній платится въ пользу города десять шелеговъ штрафа<sup>4</sup>.

Въ такомъ же родѣ, но еще снисходительнѣе, постановленіе совѣта города Страсбурга, изданное почти одновременно съ приведеннымъ. Въ немъ сдѣланы нѣкоторыя уступки и мужчинамъ; по крайней мѣрѣ, имъ дозволялось кафтаны и обувь для верховой ѣзды носить такой длины и формы, какая имъ заблагоразсудится. Въ остальныхъ своихъ пунктахъ это постановленіе впрочемъ мало отличается отъ другихъ подобныхъ ему. \*

Въ уставѣ объ одеждѣ, изданномъ, вѣроятно немногимъ позднѣе, совѣтомъ города Ульма, запрещалось женщинамъ и дѣвицамъ, не взирая на ихъ званіе, отдѣлывать свою одежду жемчугомъ, золотыми и серебряными нашивками и разноцвѣтными или шолковыми лентами (Preisen). Дозволялось только оторачивать ихъ шолкомъ, также плащи и петли; вмѣсто пуговицъ — шолковые ленточки и такіе же шнурки. Строго запрещены были платья и плащи изъ шолковыхъ матерій или бархата. Шолковыя покрывала (вуали) женъ мастеровыхъ не могли быть болѣе какъ въ 12 нитокъ; только женамъ именитыхъ гражданъ предоставлялось носить покрывала въ 20 нитокъ, самое большее. Концы вуаля должны были быть толсто затканы или такъ же обрублены. Гражданамъ, какъ родовитымъ, такъ и изъ ремесленниковъ, дозволялось носить серебряныя украшенія на ножахъ, поясахъ и сумкахъ, но не болѣе какъ на три марки серебра; на всѣхъ другихъ мѣстахъ носить такія украшенія запрещалось, исключая лишь лопастей кирасъ, но и на нихъ немного и тонкія. Не подлежали этому распоряженію священники, дѣкары и евреи.

Въ заключеніе упомянемъ объ указѣ совѣта города Мюнхена отъ 1405 года. Онъ заключалъ въ себѣ подробныя предписанія, какъ справлять крестины, свадьбы и т. п., и вмѣстѣ съ тѣмъ, различныя мѣры касательно

\* Приведенную въ текстѣ выписку изъ этого постановленія мы опускаемъ. Пер.

одежды, изъ коихъ особенно выдающаяся состоитъ въ слѣдующемъ: „Отнынѣ впредь ни одна женщина или дѣвица не должна носить платья подбитаго мѣхомъ и съ открытыми (висячими) рукавами; которая же женщина или дѣвица ослушается, то ея мужъ или отецъ повиненъ уплатить восемь венгерскихъ гульденовъ въ пользу города и два гульдена судѣ. Запрещается также здѣшнимъ горожанкамъ, замужнимъ и дѣвцамъ, носить платья или плащи, подолъ которыхъ волочился бы по землѣ болѣе чѣмъ на два поперечныхъ пальца; кто этого не исполнитъ, той отецъ или мужъ платитъ городу одинъ фунтъ пфениговъ и 16 денаровъ судѣ, за каждый ея выходъ въ такомъ платьѣ или плащѣ“.

Изъ приведеннаго видно, что городскія власти продолжали упорно бороться съ усиливавшеюся расточительностью и были не въ состояніи одолѣть её. Къ наиболѣе замѣтнымъ нововведеніямъ, появившимся около этого же времени (въ 1370 году) и скоро распространившимся, принадлежали длинные Tapperte, пояса называвшіеся Duchsing, и разнополосныя платья \* (mi-partie), которыя впрочемъ были уже и прежде извѣстны, но теперь снова вошли въ моду и въ большей противу прежняго степени. Къ концу столѣтія усилилось потребление шелковыхъ матерій, бархата и дорогихъ мѣховъ, и у женщинъ обнаружилась склонность удлинять верхнюю одежду такъ, чтобы она образовала шлейфъ.

Tappert, или Trappert, или Trapphart (слово это считаютъ келтійскаго происхожденія) — соответствовалъ употребительному тогда во Франціи и Англии верхнему кафтану. Онъ былъ умѣренной ширины, доходилъ обыкновенно до ступней, спереди отъ пояса внизъ былъ распашной, и имѣлъ рукава различной длины и ширины. Первое измѣненіе, которому онъ подвергся, состояло въ томъ, что его постепенно стали укорачивать сначала до колѣнъ, потомъ выше, и что рукава его выкраивались то по французскому фасону, то по фасонамъ собственнаго изобрѣтенія: иногда они дѣлались очень широкими, иногда совершенно въ обтяжку и вплоть до локтя застегивались на пуговицы.

Поясъ, которымъ подпоясывали этотъ кафтанъ, назывался Duchsing (какъ у Лимбургскаго хрониста), позднѣе Dupsing, иногда Dusing и Teusinke и получилъ свое названіе отъ особеннаго рода украшеній на немъ, которыя хотя и не были совершенною новостью, но при усиленномъ ихъ распространеніи въ это время, могли всё-таки назваться очень замѣтнымъ возобновленіемъ прежняго. Согласно происхожденію приведенныхъ названій отъ старинныхъ выраженій *du*, *dos*, *thus*, *du*, соответствующихъ нынѣшнему *Getöse* (шумъ, стукъ), украшенія эти состояли изъ нѣсколькихъ металлическихъ привѣсокъ или даже прямо изъ бубенчиковъ и колокольчиковъ. Хотя такого рода украшениями нѣкоторые рыцари щеголяли уже въ 13 столѣтіи, обвѣшивая ими однакожь только лошадиную сбрую, а затѣмъ и городскимъ совѣтомъ Нюрнберга въ 1343 г. было объявлено, чтобы никто, ни мужчина, ни женщина, не смѣли носить колокольчиковъ, бубенчиковъ или

\* Платье, которое было на половину одного цвѣта, на половину другаго, преимущественно по вертикальному разрѣзу. (См. прим. стр. 58). Пер.

какихъ бы то ни было серебряныхъ привѣсокъ на цѣпочкахъ или на поясахъ — обыкновеніе это встрѣчалось до сихъ поръ лишь въ средѣ высшихъ сословій да и то рѣдко, а между остальными сословіями лишь какъ исключеніе. Къ концу столѣтія оно сдѣлалось въ Германіи и даже въ Швеціи почти всеобщимъ, особенно между среднимъ классомъ, который перенялъ его отъ высшихъ, и до такой степени укоренилось, что послѣдующія постановленія городскихъ властей обращали на него особенное вниманіе. Во время большихъ празднествъ, данныхъ въ Гёттингенѣ герцогомъ Оттономъ въ 1370 и 1376 годахъ, на нихъ явились — по словамъ Гёттингенской хроники — и „многіе рыцари, дамы и дѣвицы, въ великолѣпныхъ пурпуровыхъ одеждахъ, въ звучащихъ серебряныхъ и золотыхъ поясахъ и перевязяхъ, въ длинныхъ кафтанахъ и платьяхъ, и все это на нихъ шуршало и звенѣло (*die gingen alle schurr, schurr und kling, kling*)“.

Введеніе *Tappert*'а повело къ такимъ же измѣненіямъ костюма вообще, какъ мужскаго такъ и женскаго, какія уже давно были имъ приняты во Франціи и Англій. Получивъ теперь возможность одѣваться то въ широкую (т. е. *Tappert*), то въ (прежнюю) узкую обтянутую одежду, мужчины однакожь этимъ не удовлетвовались и, можетъ быть, отчасти подстрекаемые рѣзкою противоположностью, которую представляли эти два рода костюмовъ, попытались новыми измѣненіями еще болѣе усилить эту противоположность. Вслѣдствіе этого, *Tappert* стали дѣлать по французской модѣ, значительно шире и отдѣлывать по подолу и рукавамъ городками, а съ другой стороны, обтяжное платье и безъ того уже узкое и короткое, суживали и укорачивали все болѣе и болѣе, и нерѣдко носили его до такой степени узкимъ и короткимъ, что оно оскорбляло всякое приличіе — обстоятельство заставившее нѣкоторые городскіе совѣты, въ томъ числѣ и Констанцкій въ 1390 г., приказать — чтобы всякій появляющійся на улицѣ или на танцахъ въ одномъ камзолѣ (т. е. безъ верхняго платья) имѣлъ его приличной длины (*solle es fein erbarlich machen und die Scham hinten und vorne decken, dass man die nicht sehen möge*). Длинные *Tapperte*, обшитые городками, опушенные мѣхомъ и вообще богато отдѣланные, оставались въ модѣ не долѣе начала слѣдующаго столѣтія и затѣмъ, уступая мѣсто новымъ формамъ, сохранились лишь въ качествѣ придворной и официальной парадной одежды.

Менѣе сочувствія встрѣтила возникшая въ 1380 г. во Франціи мода на крахмаленные воротники и высоко-взбитыя оплечья (или такъ наз. „*maillot-ges*“), которые тамъ носили преимущественно съ такого рода одеждами. Напротивъ того, различнаго рода головные уборы, и въ томъ числѣ шляпы и пышныя головныя повязки (фиг. 43), были охотно переняты и обычный до того времени *Gugel* мало по малу совершенно оставленъ.

Несмотря на то что при широкой одеждѣ плащъ становился лишнимъ, его всё таки удержали и притомъ безъ существенныхъ измѣненій. Иногда его дѣлали нѣсколько короче обыкновеннаго и по бортамъ вырѣзывали городками (фиг. 38).

Въ женскомъ костюмѣ измѣненія коснулись преимущественно верхняго платья и головныхъ уборовъ, также какъ и украшеній вообще. Что

касается платья, то оставаясь почти безъ перемѣны въ нижней своей части, т. е. въ юбкѣ, которая можетъ быть стала нѣсколько шире и длиннѣе, оно значительно измѣнилось въ лифѣ. Измѣненіе это состояло въ томъ, что лифъ сверху все болѣе и болѣе укорачивали, такъ что и грудь и спина равномерно обнажались. Чтобы придать возможную полноту бюсту, носили по французскому обычаю особаго рода широкій поясъ, который подпоясывали подъ самыми грудями, отчего въ тоже время и талія казалась длиннѣе (фиг. 79 а.). Такой укороченный лифъ по краямъ вышивали и вообще богато отдѣлывали. Поясъ съ погремушками остался, но теперь его носили только для виду, а не стягивали имъ таліи.—Несмотря на красоту тѣхъ безрукавокъ, которыя были въ модѣ у французскихъ и англійскихъ знатныхъ дамъ уже въ половинѣ 13 вѣка (стр. 54, фиг. 48), онѣ повидимому не пришлись здѣсь по вкусу, и если употреблялись знатными дамами, то весьма немногими; позднѣе онѣ были впрочемъ приняты женщинами въ Рейнскихъ областяхъ.

Не особенно понравились нѣмецкому вкусу, по крайней мѣрѣ сначала, также и нѣкоторыя странныя формы французскихъ головныхъ уборовъ—какъ напр. высокіе *atougs* съ ихъ оттопыренными рогами, широкими валиками и т. п. Очень немногія рѣшались надѣвать ихъ, и прошло цѣлыхъ сорокъ лѣтъ пока къ нимъ привыкли и стали имъ подражать. За то тѣмъ ревностнѣе занимались совершенствованіемъ и украшеніемъ собственныхъ, туземныхъ головныхъ уборовъ. Кромѣ упоминаемыхъ въ постановленіяхъ *Kronschabel* и *Kruseler*, продолжали еще долгое время носить старинный *Gugel*, но уже преимущественно какъ украшеніе, и ввели въ моду красивыя головныя сѣтки, сплетенныя изъ золотыхъ и серебряныхъ нитей и украшенныя металлическими подвѣсками, жемчугомъ и камнями. вмѣстѣ съ этимъ вошло въ обычай, преимущественно у дѣвицъ, убирать цѣпочками и жемчужными нитками и волосы, если они были въ локонахъ, или вилетать ихъ въ косы, спущенныя по спинѣ или обвитыя вокругъ головы.

Женскіе *Tapperte* и плащи испытали почти тѣ же измѣненія, какъ и мужскіе, становясь при этомъ всё роскошнѣе, какъ въ отношеніи матеріи, такъ и въ отношеніи отдѣлки.

Щегольство платьями изъ дорогихъ матерій въ это время тоже значительно усилилось. Употребленіе различныхъ шолковыхъ матерій, бархата и тончайшихъ льняныхъ тканей постоянно возрастало. Началъ развиваться вкусъ къ пестротѣ и къ крупно-узорчатымъ матеріямъ, которыя выдѣлывались въ Нидерландахъ и сдѣлались незадолго до этого модными во Франціи. Двухцвѣтно (*mi-parti*) одѣвались пока одни только мужчины, да и они ограничивали эту двухцвѣтность панталонами; но оба пола наперерывъ старались перещеголять другъ друга умноженіемъ высѣчекъ на платьѣ, погремушекъ на поясахъ и т. п., также какъ и длиннотою башмачныхъ носковъ.

Примѣромъ того, до какой степени было распространено въ это время (1400 г.) модничанье даже въ маленькихъ городахъ, можетъ послужить нижеприведенное описаніе тогдашнихъ костюмовъ въ Крейцбургѣ: <sup>1</sup> „Богатые

<sup>1</sup> См. J. Scheible. Die gute alte Zeit geschildert in historischen Beiträgen etc. I, 87 (Stuttgart 1847).

люди носили *Teusinke*, серебряные пояса съ колокольчиками, которые при ходьбѣ звенѣли. У мужчинъ были шапки съ шерстяными кистями въ локоть длины, и надѣвали ихъ такъ, что кисти спускались на лобъ. Башмаки носили съ длинными, чуть не въ локоть, и острыми носками и зашнурованные по бокамъ; и деревянные башмаки тоже такіе длинные. Иные придѣлывали бубенчики къ башмачнымъ носкамъ. Штаны у мужчинъ были безъ сидѣнья, а ихъ привязывали къ сорочкѣ. Богатыя дѣвицы носили платья подбитыя на бокахъ и такъ низко вырѣзанныя спереди и сзади, что почти вся грудь и спина были наружѣ. Иныя, чтобы казаться тонкими, такъ туго шнуровались, что талью ихъ можно было обхватить пятью пальцами. Благородныя дамы одѣвались въ длинныя платья съ шлейфами въ четыре или пять локтей длины, такъ что ихъ носили за ними мальчики. Женщины и дѣвицы одѣлывали свои платья двойнымъ толстымъ рубцомъ въ ладонь ширины, а богатыя женщины — усаживали ихъ отъ шеи до ступней серебряными большими пуговицами, круглыми, какъ яблоко, или плоскими, какъ чашка. Дѣвушки убирали голову повязками изъ серебра, вызолоченными обручами и вуалями; женщины носили также длинныя плащи со складками, внизу широкіе и съ двойнымъ рубцомъ въ ладонь ширины, и съ плотнымъ накрахмаленымъ воротникомъ въ полтора фута длины: плащи эти назывались *Kragenmäntel*. У мужчинъ были также камзолы изъ бумази (плиса) съ двойнымъ суконнымъ воротникомъ склееннымъ клейстеромъ, и кафтаны до того короткіе, что они едва прикрывали задъ<sup>4</sup>.

Такое неудержимое стремленіе къ щегольству и безпрестаннымъ переиначиваніямъ костюма, охватившее преимущественно молодежь и заставлявшее её забывать всякую мѣру и даже приличіе въ выдумываніи новыхъ покровевъ, вызывало со стороны властей всё новыя и усиленныя противодѣйствующія мѣры, такъ что въ продолженіи пятнадцатаго вѣка число постановленій противъ щегольства и модничества возрасло значительно. Въ особенности въ большихъ городахъ, гдѣ зажиточный средній классъ, не охотно подчиняясь мѣрамъ стѣснявшимъ его произволь, чаще всего нарушалъ ихъ, власти издавали распоряженіе за распоряженіемъ, каждый разъ усиливая ихъ строгость, однакожь, большею частью, безъ прочныхъ результатовъ.

За упомянутымъ выше (стр. 142) распоряженіемъ мюнхенскаго городскаго совѣта отъ 1405 г., послѣдовали распоряженія ульмскаго совѣта. Первое изъ нихъ обнародовано въ 1406 г., второе—въ 1411, а остальные появились въ 1420 и въ 1426 г. Всѣ они, какъ и предшествовавшія имъ и одновременныя съ ними постановленія, имѣли въ виду главнымъ образомъ ограничить щегольство, но кромѣ того, они еще особенно преслѣдовали наиболѣе бросающіяся въ глаза модныя дурчества, такъ напр. фалбалу на мужской одеждѣ, звонки и колокольчики на поясахъ и т. п.

Такъ, между прочимъ, постановленіемъ 1406 г. прямо „запрещается нашивать оборки (*Lappen*) на кафтанахъ, плащахъ и *Tapperten*, или дѣлать болѣе осьми вырѣзокъ на какой бы то ни было одеждѣ, кромѣ кафтановъ для верховой ѣзды, которыя позволяется носить съ обшивками, но и то за городомъ. Допускаются также оборки (*ein Gefränz von Lappen*), не длиннѣе однакожь одной четверти локтя, на кафтанахъ, плащахъ и *Tapperten*, не

подбитых мѣхомъ. На капюцахъ или Gugeln предоставляется носить какія угодно оборки, лишь бы на нихъ шло не болѣе 4 локтей сукна. Появляться въ церкви въ вѣнкѣ изъ перьевъ, или съ колокольчиками и погремушками (на одеждѣ) непристойно<sup>4</sup>.

Въ еще большія подробности входитъ постановленіе 1411 года. Оно совершенно запрещаетъ ношеніе погремушекъ и съ особенною строгостью возстаетъ противъ усиливающейся наклонности къ щегольству именно женскаго пола. „Женщины и дѣвицы—говорится въ немъ—не должны употреблять для капюцы (Karpe) болѣе 4 локтей сукна, ни имѣть болѣе одной нитки жемчуга (Perlenkranz) и то не дороже какъ въ 12 лотовъ. А для того чтобы казаться наряднѣе, пусть онѣ носятъ серебряный или вызолоченный поясъ, но безъ колокольчиковъ и погремушекъ. Платья и Tapperten дозволяется носить либо съ крыльями (mit Flügeln), либо съ открытыми рукавами, но безъ фалбалы (unzerhauen) и разрѣзовъ. Рукава можно подбивать или обшивать барашковымъ мѣхомъ, Tapperten и платья должно однакожь оставлять безъ мѣховою подкладки. На плащахъ и Tapperten допускаются короткія оборки (Larren), но ни платья, ни плащи, ни Tapperten, ни крылья не должны волочиться по землѣ. На Tapperten, плащи и платья не дозволяется употреблять бархатъ и шолкъ, развѣ только шолковую подкладку подъ плащъ. Никакія украшенія изъ жемчуга, драгоценныхъ камней, золота или серебра, никакія коймы шолковыя, шерстяныя или вышитыя не допускаются, кромѣ застежки (Heflein) не дороже 10 рейнскихъ гульденовъ, на вѣнкахъ, капюцахъ или на корсажѣ<sup>4</sup>.

Согласно постановленію 1420 г., „женщины и дѣвицы могли носить платья со шлейфомъ въ четверть локтя длины, и съ крыльями и рукавами доходящими до земли“—что, сравнительно съ прежними постановленіями, показываетъ уже нѣкоторое послабленіе, на которое строгій городской совѣтъ нашолся вынужденнымъ согласиться въ виду бесплодности всѣхъ его усилій.

Да и что же ему оставалось, какъ не соглашаться на уступки всеобщей наклонности, чтобы удержать её по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ границахъ и не сознаться открыто въ своемъ безсиліи противоdѣйствовать ей? Очевидно на основаніи этихъ соображеній, онъ дѣлаетъ въ своемъ слѣдующемъ постановленіи (1426) дальнѣйшія уступки. Онъ разрѣшаетъ женщинамъ носить на 40 римскихъ гульденовъ жемчуга на грудныхъ крестахъ, бархаткахъ и поясахъ, но не на платьяхъ. Дозволяетъ серебряные и золоченые пояса въ 4 марки вѣса. Женщинамъ и дѣвицамъ дозволяетъ носить куній мѣхъ на шляпѣ или вокругъ шеи, а также бархатные или шолковые рукава, но надѣвать подъ платье бархатные или шолковые корсеты запрещаетъ. Далѣе въ немъ говорится, что „отдѣлка платья и плаща нашивками и вышивками (von Genähtem oder Gestricktem) не должна превышать цѣнность 4 марокъ серебра; украшенія изъ чеканнаго серебра или золота (Geschlagenes?) допускаются, но лишь выше пояса, на рукавахъ и на груди, а также и застежки цѣною до двадцати гульденовъ (въ 1411 г. цѣна имъ опредѣлялась 10 гульд.)<sup>4</sup>. Запрещалось напротивъ „подшивать подъ платья подкладку (мѣховую?), или обкладывать ихъ мѣховою опушкой шире куньей или горностаевою шкурки, а также дѣлать вырѣзы или разрѣзы въ мѣховою опуш-

къ<sup>4</sup>. Цѣнность шолковыхъ обшивокъ не должна была превышать 6 гульденовъ; шлейфы у платьевъ позволялось носить не длиннѣе одной четверти локтя, а рукава такой длины, чтобы они только касались земли. „За несоблюденіе этой мѣры родовитая гражданка была повинна заплатить 2 гульдена и сверхъ того 1 гульд. за платье, жена ремесленника только половину этой суммы“—пена до такой степени незначительная, что при зажиточности горожанъ, она едва ли могла имѣть какое нибудь вліяніе <sup>1</sup>.

Но также мало дѣйствительны были штрафы и въ другихъ мѣстахъ. Потому-то, несмотря на многочисленные законы противъ роскоши, старый хронистъ навѣрное имѣлъ полное право замѣтить, что „съ 1400 г. и до 1430 г. было такое изобиліе роскошныхъ одеждъ и платьевъ у князей, графовъ, господъ, рыцарей и слугъ, а также и у женскаго пола, о какомъ никогда до тѣхъ поръ и неслыхано. Тогда носили серебряные пояса или перевязи съ большими колольчиками въ 10, 12, 15, а иногда и въ 20 марокъ (около 10 фунтовъ). Иные носили также рейнскія цѣпи въ 4 или 6 марокъ, вмѣстѣ съ дорогими ожерельями, широкими серебряными поясами и разнаго рода браслетами“.

Съ самаго начала столѣтія широкій Tappert сталъ любимую одеждою у мужчинъ. Они выбрали его преимущественно потому, что покрой его вообще, а въ особенности его широкіе и очень длинные рукава допускали широкое примѣненіе любимой тогда отдѣлки зубчатою высѣчкою. Они начали съ того, что расширивъ еще болѣе рукава, стали разрѣзывать ихъ то до половины, то во всю длину и края этихъ разрѣзовъ высѣкали зубцами. Сначала дѣлали высѣчку въ одинъ рядъ и съ зубцами одинаковой формы, потомъ двойную, тройную и различныхъ фасоновъ. Точно такую же высѣчкою отдѣлывали и подолъ одежды, постепенно увеличивая ширину высѣчки снизу вверх; воротникъ и даже проймы, гдѣ вставляются рукава, вырѣзывали также зубчиками.—Подобные Tapperte, по своей дороговизнѣ, были доступны людямъ зажиточнымъ; люди же съ меньшими средствами, а также и не охотники до частыхъ перемѣнъ, продолжали носить Tapperte прежняго простаго покроя, т. е. въ формѣ широкаго чехла съ довольно узкимъ отверстіемъ для головы. Этотъ покрой продержался почти до половины столѣтія и тогда измѣнился въ томъ отношеніи, что къ головному отверстию прибавлены были отверстія для рукъ и отверстія эти, а иногда и подолъ одежды, опушали мѣхомъ.

Такъ какъ Tappert, какого бы покроя онъ ни былъ, окутывалъ бѣольшую часть тѣла, а слѣдоват. скрывалъ отъ глазъ и узкій пестрый кафтанъ, если онъ былъ надѣтъ подъ нимъ, то этотъ кафтанъ и оставался пока такимъ, какимъ былъ. Онъ получилъ снова значеніе и подвергся измѣненіямъ лишь тогда, когда Tapperte стали выходить изъ моды, или по крайней мѣрѣ превращаться въ распашныя „Schauben“, что случилось однакожь неранѣе половины столѣтія.

<sup>1</sup> Слѣдуетъ, конечно, замѣтить при этомъ, что портные обязывались этими постановленіями, всѣмъ имѣвшимъ осѣдлость въ Ульмѣ, шить платье не иначе, какъ было предписано, подвергаясь въ противномъ случаѣ уплатѣ 5 гульденовъ штрафа и трехмѣсячному изгнанію изъ города. Вѣроятно, однакожь, что и тутъ допускались послабленія.

Костюмъ съ погрешками (Schellentracht) измѣнился къ этому времени, какъ въ отношеніи расположенія на немъ погрешекъ, такъ и въ отношеніи своего покроя. Теперь уже недовольствовались однимъ поясомъ съ погрешками, а стали обшивать ими самое платье и кромѣ того, носить особую перевязь тоже съ погрешками. У платья ихъ нашивали вокругъ ворота, по подолу и на рукавахъ; перевязь же была ими сплошь обшита и совершенно похожа на перевязи, которыя уже гораздо ранѣе этого времени иногда носили въ Англіи и Франціи (см. выше стр. 58). Форма погрешекъ была чрезвычайно разнообразна: то круглая, то грушевидная или яйцеобразная, то цилиндрическая, витая, или наконецъ имъ давали форму настоящихъ колокольчиковъ. Величина тоже была различна и въ нѣкоторыхъ случаяхъ безобразна (стр. 146). Когда Герцогъ Фридрихъ Саксонскій въѣзжалъ въ Констанцъ въ 1417 году, на всѣхъ рыцаряхъ и оруженосцахъ его свиты были перевязи съ погрешками. Поизображеніямъ въ нюрнбергскихъ „Schönbartbücher“<sup>1</sup> 1449, 1451 и 1453 годовъ, Schönbartläufer въ Нюрнбергѣ носили усаженный погрешками ремень, сначала вокругъ тѣла, потомъ на шеѣ и наконецъ, въ 1453 г., черезъ правое плечо.

Что касается разнополосаго костюма (mi-partie), то съ нимъ было тоже что и съ пестрымъ. Пока его скрывала широкая верхняя одежда, онъ оставался безъ перемѣнъ. Разнополосность ограничивали только штанами, варьируя её на разные, впрочемъ всё болѣе и болѣе бросающіеся въ глаза, манеры, и до начала второй половины столѣтія только очень рѣдкіе щеголи рѣшались носить разнополосные во всю длину кафтаны и въ добавокъ съ рукавами, изъ которыхъ каждый имѣлъ особую форму.

Мода на обувь съ острыми и длинными носками утвердилась настолько прочно, что не только щеголи изъ высшихъ классовъ старались перещеголять другъ друга длиною носковъ у своихъ башмаковъ, но такимъ же соревнованіемъ заразились отъ нихъ и люди простыхъ сословій. Иные, находя недостаточнымъ отличаться только до крайности удлиненными носками, насаживали на нихъ по колокольчику или погрешкѣ и носили обувь яркихъ цвѣтовъ; напр. въ Эрфуртѣ, въ 1444 г., была въ модѣ обувь изъ красной оленьей кожи. Чтобы облегчить себѣ ходьбу, надѣвали подъ башмаки, какъ во Франціи и Англіи, деревянные высокіе подбашмачники, тоже съ длинными носками. Эти подбашмачники прикрѣплялись къ ногѣ посредствомъ ремня и обыкновенно были обложены съ пятки и носка желѣзомъ или мѣдью.

Изъ головныхъ покрывекъ самую любимую была шляпа во всѣхъ тѣхъ формахъ, которыя были въ модѣ во Франціи: менѣе нравились, тоже очень распространенныя тамъ, высокія воронкообразныя шапки изъ мягкаго войлока. Эти послѣднія носили мало и притомъ гораздо ниже и большею частью съ разными прикрасами — разноцвѣтными лентами, вышитыми бортами и т. п. — Напротивъ того, въ большемъ ходу былъ англо-французскій обы-

<sup>1</sup> Nürnbergisches Schönbartbuch und Gesellenstechen. Aus einem alten Manuscript zum Druck befördert. Nürnberg.—M. Mayer. Nürnbergisches Schönbartbuch aus alten Handschriften. Mit color. Abbild. Nürnberg. 1831.

чай обвивать шляпу или шапку длинной и широкой повязкой, конецъ которой спускался съ боку. Эта повязка дѣлалась изъ легкой шолковой матеріи (Sendel) и потому называлась Sendelbinde. Сначала, по французскому образцу, только концы ея вырѣзывались зубчиками, но въ послѣдствіи стали такимъ же образомъ вырѣзывать и долевые ея стороны, разнообразя при этомъ форму зубчиковъ. — Gugel не былъ совершенно покинута, но его надѣвали только для защиты отъ холоду или непогоды, точно также и головныя накидки, которыя поэтому почти нисколько не измѣнили своей прежней формы.

Молодые щеголи убрали себѣ волосы цвѣтными и вышитыми лентами и пестрыми шнурками, какъ дѣвицы. Иногда они носили на лбу золотую пряжку съ прикрѣпленными къ ней перьями. Волосы припекали, завивали въ кудри и локоны. Степенные и пожилые люди причесывали ихъ гладко и носили рѣдко длиннѣе подбородка. Бороду почти всѣ брили. Только старики и нѣкоторые рыцари носили полную бороду или одни усы.

Впрочемъ и теперь, какъ и прежде, какъ и всегда, между мужчинами, къ какому бы сословію они ни принадлежали, было довольно людей, которые, не отставая слишкомъ отъ господствующаго вкуса, не хотѣли подчиняться всѣмъ моднымъ дурачествамъ. Многіе даже нарочно одѣвались какъ можно проще, чтобы этимъ контрастомъ нагляднѣе показать всю ихъ нелѣпость.

Точно также отнюдь не всѣ женщины гонялись за модой. Многія, преимущественно изъ высшихъ сословій, уклонялись отъ нея, соблюдая лишь

Фиг. 100.



соответствующую их званію и общественному положенію представительность. Потому-то художники того времени (до 1440) находили образцы для своих мадоннъ и святыхъ почти исключительно въ средѣ высшаго сословія (фиг. 100 а. в).

Но зато любительницы моды безъ всякой сдержанности отдавались своей наклонности. Переменяя покррой въ обтяжку на широкій и обратно (фиг. 101 а—с), онѣ, отбросивъ всякій стыдъ, продолжали обнажать шею и грудь какъ можно больше, сильнѣе стягивая при этомъ корсетъ и поднимая поясъ подъ самыя груди. Несмотря на то что на платья выбирали все болѣе и болѣе цѣнныя матеріи, шлейфы постепенно увеличивались и даже самыя плащи мало по малу превратились въ одежды со шлейфомъ, а верхняя часть ихъ расширилась и къ ней прибавленъ отложной воротникъ (фиг. 101б). Длинные рукава, зубчики, погремущки, также какъ и башмаки съ длинными носками, были въ такомъ же ходу у женщинъ, какъ и у мужчинъ. Онѣ переняли отъ послѣднихъ даже и деревянные подбашмачники и включили въ число своихъ головныхъ уборовъ, рядомъ съ сѣтками и головными чехлами, мужскую шляпу съ поднятыми полями, окрашивая её въ яркіе цвѣта и украшая различными прибавками. Вуаль, благодаря увеличившейся легкости и тонинѣ матеріи, получилъ большую длину и ширину, и его прикрѣпляли къ головному убору совершенно какъ мужчины свою *Sendelbinde*, причѣмъ обращалось особенное вниманіе на красоту шпилекъ, которыми его прикалывали. Употреблявшаяся уже и прежде, особенно старыми и замужними женщинами, для окутыванья подбородка и шеи *Rise*, также какъ и слоенные спереди чепцы (*Kruselern*), часто заплывались теперь черезъ мѣру и къ нимъ еще прибавляли особый наголовникъ (фиг. 101. с).

Фиг. 101.



Что касается прически, то мало по малу локоны были замѣнены косами, причѣмъ голову убирали вѣнками, лентами, пестрыми перьями, цвѣтами, розетками и золотыми обручами. Щегольство украшеніями въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. драгоценными вещами, также какъ и дорогою отдѣлкою платьевъ, постоянно возрастало, и кто былъ не въ состояніи покупать себѣ настоящихъ вещей, тотъ довольствовался поддѣльными, для изготовленія которыхъ уже довольно давно образовались въ разныхъ мѣстностяхъ особыя корпораціи ремесленниковъ.

Но вся эта роскошь, всё это щегольство, хотя уже и теперь превысившія всякую благоразумную мѣру, должны были еще усилиться во второй половинѣ столѣтія. Толчокъ къ этому усиленію былъ опять таки сообщенъ Франціей, но уже не какъ законодательницею моды, а въ свою очередь подражательницею модамъ Бургундскаго Двора, который сталъ теперь первенствующимъ руководителемъ во всемъ, касающемся внѣшняго блеска. Этотъ родъ посредничества послужилъ къ еще большому извращенію уже и безъ того извращеннаго вкуса и усилилъ его наклонность къ странному. Усвоеніе бургундскихъ модъ по ихъ французскимъ подражаніямъ, вмѣстѣ съ желаніемъ, съ одной стороны, удержать уже разъ принятое, лишь измѣнивъ его сообразно новому заимствованію, а съ другой—дать просторъ собственной изобрѣтательности,—породили цѣлый хаосъ крайне странныхъ и часто взаимно противорѣчащихъ формъ, единственно рассчитанныхъ на то, чтобы поражать глазъ. Кто наиболѣе успѣвалъ въ этомъ, тотъ самъ считалъ себя и слылъ въ своемъ кружкѣ избраннымъ человѣкомъ. Только теперь наступило время полнаго раздѣла франковства обохъ половъ. Не стѣняясь никакими условіями, требуемыми приличіемъ, красотою, цѣлесообразностью и стыдливостью, всякъ добивался лишь одного—чтобы на него смотрѣли и любовались имъ. Этимъ опредѣлялся не только покрой одежды, но и ея цвѣтъ, въ которомъ соединеніе яркихъ и рѣзко противоположныхъ красокъ постоянно усиливалось.

Вообще же руководились француско-бургундскою модою. Мужчины, даже и неслѣдовавшіе ей вполне, переняли отъ нея до неприличія доходившую узкость и короткость покроя. Любимые ими до сихъ поръ широкіе и длинныя *Tarrerte*, они промѣняли на распашную *Schaube* и затѣмъ на обтяжной пестрый кафтанъ, который постепенно укорачивали и суживали до того, что, около 1480 г., онъ превратился въ чрезвычайно узкую куртку съ рукавами и съ очень короткими, открытыми на бокахъ фалдами (фиг. 104 а), или и вовсе безъ фалдъ. Такая куртка и узкія въ обтяжку штаны съ перенятою у французовъ *braguette* (фиг. 102), прикрѣпленныя къ курткѣ завязками или шнурками, такъ плотно обтягивали тѣло, что всѣ его формы отчетливо обозначались подъ ними. Притомъ куртки спереди стали дѣлать всё открытѣе и вырѣзъ на груди, подобно какъ у женщинъ, закладывать вышитымъ нагрудникомъ; рукава болѣе или менѣе укорачивали, дѣлали на нихъ прорѣзы, которые подбивали буффами. Вышивокъ не щадили, украшая ими края груднаго вырѣза, а иногда и рукава всю ихъ длину отъ плеча до локтя. Взбитыя оплечья (французскія *malhoïtres*) и теперь еще пока встрѣчались рѣдко; но за то прорѣзы на рукавахъ и вообще на одеждѣ вызвали употребленіе возможно тонкихъ полотняныхъ сорочекъ.

Такъ какъ такого рода костюмъ главнымъ образомъ былъ рассчитанъ на то, чтобы выказать и красоту тѣла, то всякая скрывающая его верхняя одежда казалась неумѣстной. Вслѣдствіе этого плащъ, безъ котораго иногда невозможно было обойтись, превратился въ сравнительно короткую и широко-распахивавшуюся спереди накидку, которая сдерживалась на груди возможно длинными шнурами (фиг. 102).

Фиг. 102.



Описанный костюмъ подвергся и въ Германіи тѣмъ же измѣненіямъ, черезъ какія онъ прошолъ во Франціи къ концу столѣтія (ср. стр. 80): Вырѣзъ на груди расширяли иногда до самыхъ плечъ и спускали его на спину, нерѣдко дѣлая и на спинѣ подобный же вырѣзъ, который вѣроятно тоже закрывали вышитымъ наспинникомъ (фиг. 104 а. б). Укорачивая постепенно нагрудникъ и наспинникъ, обнажали шею все болѣе и болѣе; точно также, укорачивая рукава, открывали руки и нерѣдко до самыхъ локтей (фиг. 103 с). Въ размѣщеніи прорѣзовъ и буффовъ каждый руководился собственнымъ вкусомъ, точно также какъ и въ отдѣлкѣ платья дорогими бордюрами и вышивками. Чаше всего вышивали теперь символическія фигуры и разныя изрѣченія, не затрудняясь украшать ими даже штаны. — Иные носили кафтаны безъ грудной выемки и въ этомъ случаѣ нерѣдко подбивали грудь

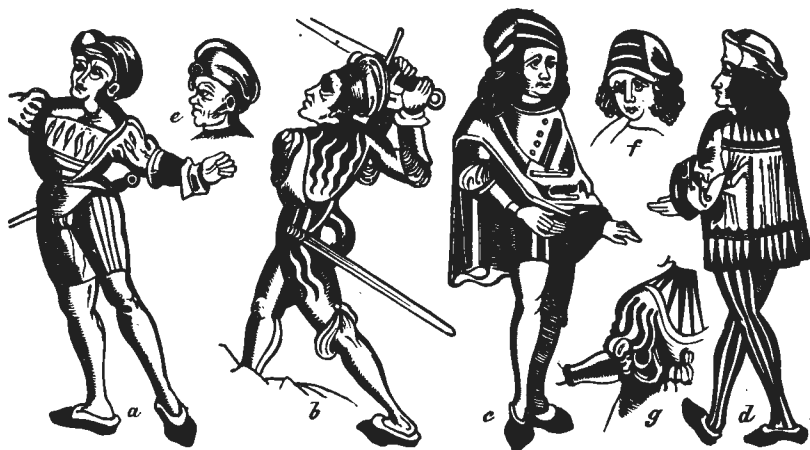
Фиг. 103.



до безобразія высоко, какъ это уже было разъ въ модѣ. — Штаны продолжали носить въ обтяжку, и вскорѣ переняли французскую моду раздѣлять

ихъ выше колѣна и связывать обѣ части завязками, или же поверхъ штановъ во всю ногу, надѣвать короткіе полуштаны, обыкновенно отличные отъ первыхъ и по цвѣту и по украшеніямъ (фиг. 104 а. в. с). Вместе съ этимъ измѣнялся по иностраннымъ образцамъ и плащъ, постепенно уменьшаясь въ объемѣ до того, что часто онъ походилъ на четырехугольный лоскутокъ, едва закрывавшій туловище до бедръ (фиг. 103 с; ср. а. в). Такъ называемые „Glocken“, т. е. нераспашные плащи, которые все еще не вывелись изъ употребленія, были тоже значительно укорочены и сжаты (фиг. 104 с).

Фиг. 104.



Какъ бы въ разрѣзъ съ этимъ обуженнымъ и обрѣзаннымъ костюмомъ, нѣкоторые щеголи, а также и люди состоятельные, несовсѣмъ пренебрегавшіе модой, носили широкую верхнюю одежду, одни — въ видѣ короткаго

Фиг. 105.



распашного камзола съ широкими и длинными, или короткими и узкими рукавами, подпоясаннаго или безъ пояса (фиг. 104 d.); у другихъ этотъ камзолъ наглухо застегивался на пуговики, часто насаженные одна подлѣ другой (фиг. 105 b.); у третьихъ онъ былъ весь въ складкахъ и походилъ на блузу (фиг. 105 a.) или на широкое короткое пальто съ воротникомъ, и т. д.—Цвѣтъ этихъ одеждъ былъ чрезвычайно разнообразенъ и вообще отличался пестротой. Рукава дѣлались обыкновенно недлиннѣе, какъ до кисти, но нерѣдко были и рукава доходившіе до-земли, такъ что нужно было отвернуть ихъ, чтобы высвободить изъ подъ нихъ руку (фиг. 105 d. c.). Кромѣ того, рукава доходившіе до кисти толсто настегивались или во всю длину, или только въ верхней своей части (отъ плеча до локтя), и въ этомъ случаѣ въ нихъ дѣлались прорѣзы (фиг. 105 a. b; фиг. 104 g), или же къ нимъ пришивался отдѣльный разрѣзной рукавъ (фиг. 105 a.),—не говоря о другихъ фасонахъ, повторявшихъ на разные лады это удвоеніе рукавовъ.

Фиг. 106.



Между тѣмъ закрытый на-глухо Tarrert спустился изъ сферы высшаго свѣта въ среду небогатыхъ мѣщанъ и ремесленниковъ. У нихъ онъ держался, не измѣняя своего покроя, до начала слѣдующаго столѣтія, (фиг. 106 a. b), тогда какъ высшія сословія уже въ половинѣ столѣтія замѣнили его роскошною Schaubе (фиг. 106 c; 107 a. b; ср. фиг. 72). Эта одежда въ свою очередь разнообразно видоизмѣнялась: иногда она дѣлалась безъ рукавовъ съ одними проймами для рукъ (фиг. 106 c.), иногда съ рукавами, длинными или короткими, широкими или узкими, и притомъ различныхъ фасоновъ. Такъ напр. къ концу столѣтія, вмѣстѣ съ мѣшкообразными, вошли въ моду длинныя и широкіе рукава, у которыхъ, кромѣ обыкновеннаго отверстія на концѣ, дѣлалась одна или нѣсколько проймъ боковыхъ, по длинѣ рукава; или совсѣмъ разрѣзные рукава съ застѣжками. Schaubе спереди никогда незастегивались и на груди обыкновенно отварачивалась такъ, что отвороченная часть въ родѣ воротника окружала шею (фиг. 106 c; 107 b.). Кромѣ того что она дѣлалась изъ матерій различнаго

качества и цвѣта, её обыкновенно подбивали мѣхомъ или по крайней мѣрѣ опушали имъ по краямъ и на отвѣртахъ (фиг. 106 с; 107 в.). Такъ какъ

Фиг. 107.



зажиточные мѣщане почти всё носили *Schaube* не длиннѣе какъ до половины икры, у знатныхъ, подражавшихъ французскимъ придворнымъ модамъ, она закрывала ступню.

Нѣкоторые щеголи изъ знати выдумали нѣчто среднее между *Tappert* и *Schaube*: это былъ родъ чахла, съ разрѣзами по бокамъ, продольными складками спереди и сзади, мѣховою опушкою по нижнему краю и иногда съ широкимъ мѣховымъ воротникомъ (фиг. 105 d.). Немало разныхъ другихъ формъ было изобрѣтено причудливостью отдѣльныхъ лицъ, но всё эти формы были лишь искаженіемъ, утрировкой общепринятыхъ, вслѣдствіе чего и эти послѣднія казались болѣе странными и смѣшными, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Такъ было съ разнополосностью (*Gehalwiring, mi-parti*), фалбалою, погремушками и длинноносою обувью; все это доводилось до крайности, переходившей въ шутовство. — До сихъ поръ *mi-parti* ограничивали только панталонами (одна нога была одѣта въ одинъ цвѣтъ, другая — въ другой), теперь же распространили её и на остальные части одежды, а позднѣе на головныя покрывки и обувь. Самымъ простымъ видомъ *mi-parti* была одежда, составленная изъ двухъ разноцвѣтныхъ половинъ, такимъ образомъ, что спереди и сзади она была напр. на половину голубая, на половину красная, а съ боковъ, съ одного — вся красная, съ другого — вся голубая. Иногда носили только штаны двуцвѣтныя, иногда только такой камзолъ; но гораздо чаще то и другое, причѣмъ располагали цвѣта такъ, что правая половина кафтана была одного цвѣта съ лѣвою половиною панталонъ, а лѣвая кафтана — одного цвѣта съ правою панталонъ. Такое соотвѣтствіе цвѣтовъ не всегда однакожъ соблюдалось, а всё четыре половины дѣлались разнаго

цвѣта, или къ двумъ цвѣтамъ прибавляли третій, раздѣля ихъ цвѣтными полосами. Такъ въ 1473 г., Аугсбургскіе рыцари носили трехцвѣтную одежду: главные цвѣта—бѣлый и красный, были раздѣлены по длинѣ полосами зеленого цвѣта. Разнополосность усиливали иногда тѣмъ, что половинки одежды дѣлались не только разнаго цвѣта, но и изъ разной матеріи. Другой родъ половинчатости, который можно назвать разнофасонностью, не шель далѣе рукавовъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, и состоялъ въ томъ, что одинъ рукавъ кроился очень широкій, а другой — въ обтяжку. Только въ самомъ исходѣ столѣтія стали такимъ же образомъ разнообразить и покрой короткихъ штановъ.—„По поводу ссоры, возникшей въ 1408 г. во Фридбергѣ, между хлѣбниками, башмачниками и портными изъ за того, что послѣдніе начали носить разноцвѣтную обувь, одинъ башмакъ черный, другой—бѣлый, франкфуртскій городской совѣтъ мнѣніемъ постановилъ, что портные не имѣли никакого права носить такой обуви, но пусть носятъ, пока это не поведетъ къ нарушенію спокойствія (so lange kein Unfrieden daraus erwachse)“.

Половинчатость (mi-parti) и покрой въ обтяжку перешли и въ слѣдующее столѣтіе, а вмѣстѣ съ ними перешла въ него и мода на фалбалу и выстѣчку и достигла своего крайняго развитія. Не только длинныя и всячіе рукава отдѣлывали по краямъ и проймамъ фалбалою въ нѣсколько рядовъ (иногда до 12-ти), но обшивали ею и рукавные швы во всю ихъ длину, и вообще нашивали её по всему платью, гдѣ только это было возможно и даже на головныя повязки (Sendelbinden: фиг. 108 а. б.). И не одни только узкія платья обременяли этимъ украшеніемъ, но и широкія, и притомъ въ еще большемъ изобиліи. Такъ напр. широкія наглухо-закрытыя накидки, такъ назыв. Glocken, и большіе лежачіе воротники нѣкоторыхъ верхнихъ одеждъ отдѣлывали по краямъ фалбалою такъ густо, что тѣ и другіе казались сшитыми изъ вырѣзанныхъ городками лоскутковъ (фиг. 108, с.). Но

Фиг. 108.



вскорѣ наступилъ и конецъ этой модѣ. Она, конечно, прекратилась не вдругъ, а тянулась, постепенно ослабѣвая, а по временамъ даже оживляясь, почти до 1470 г. Съ тѣхъ поръ отдѣлка фалбалою и выстѣчкою, и то сравнительно очень умѣренная, становится принадлежностью наряда шутовъ и паяцовъ. Въ общепринятомъ же костюмѣ отъ нея остаются очень упрощенныя зубчатая обшивки на нижнемъ краѣ платья, на обшлагахъ рукавовъ и на заднихъ рукавныхъ швахъ.

Почти одновременно съ выстѣчкою окончила свое существованіе, по крайней мѣрѣ въ кругу порядочнаго общества, и мода на погремужки, успѣвъ однакожъ тоже дойти до крайности, хотя и не достигнуть такого же распространенія, какъ выстѣчка. Погремужки носили обыкновенно на поясѣ и на перевязи (фиг. 109), только нѣкоторые прибавляли къ нимъ еще повязку съ погремужками, то въ видѣ подвязки, то какъ шейную ленту, или пришивали погремужки къ носкамъ обуви, къ зубчатой оторочкѣ платья, или наконецъ — весьма рѣдко, кажется только при большихъ празднествахъ, какъ на призовыхъ бѣгахъ въ Нюрнбергѣ — нашивали ихъ вдоль панталонъ по наружному шву. — Также какъ и выстѣчка, погремужки перешли съ 1470 г. къ шутамъ, и сдѣлались отличительнымъ признакомъ при-своеннаго имъ костюма, а черезъ это и ихъ званія.

Фиг. 109.



Гораздо долѣе держалась мода на длинноносу ю обувь. Несмотря на всѣ постановленія противъ нея, она просуществовала и въ Германіи, также какъ и во Франціи, почти до исхода столѣтія, мало по малу уступая мѣсто совершенно противоположному тупоносому, широкому фасону (фиг. 102; фиг. 103 а—с.). Уже около 1460 г. постановленіемъ городского совѣта въ Нюрнбергѣ была опредѣлена мѣра длины носковъ, а въ 1470 г. Бернскій совѣтъ запрещалъ, подъ штрафомъ трехъ фунтовъ, носить носки длиннѣе нижня-

го сустава ручныхъ пальцевъ. Вслѣдъ почти затѣмъ (1473), по особенному ходатайству бамбергскаго епископа, длинноноса я обувь была совѣтъмъ запрещена въ Нюрнбергѣ. Однакожъ, несмотря на эти мѣры, и даже на папскую буллу, появившуюся въ 1480 г. и тоже запрещавшую эту моду, Регенсбургскій городской совѣтъ еще въ 1485 г. нашелся вынужденнымъ сдѣлать ей нѣкоторыя уступки, постановивъ, что: „носки обуви могутъ быть длиною въ два пальцевыхъ сустава, но не длиннѣе; иностранцамъ дозволяется носить ихъ и бѣльшей длины, но лишь пока они донашиваютъ привезенную съ собою обувь. Носки женской обуви не должны быть длиннѣе одного пальцеваго сустава.“ — Даже и по совершенномъ исчезновеніи моды, около 1501, оказалось еще нужнымъ въ Штутгардѣ, включить въ школьный уставъ запрещеніе носить ученикамъ длинноносу ю обувь. — Вмѣстѣ съ длинноносими башмаками были постепенно оставлены и деревянные остроконечные подбашмаки (фиг. 105 б; фиг. 106 а.) и замѣнены подвязными подошвами изъ твердой кожи.

Формы головныхъ уборовъ значительно умножились. Шляпы дѣлали по произволу то выше, то ниже, но всегда съ полями, которыя или носили просто, или заворачивали кверху съ той или другой стороны (фиг. 105 b; фиг. 106 b.). Шапкамъ въ особенности давали часто самыя странныя формы: были простыя, плотно охватывающія голову шапки, и высокіе и низкіе цилиндрическіе колпаки (фиг. 102; фиг. 104 c—f.), шапки съ чалмообразной верхушкой (фиг. 104, a. b; фиг. 107 b.) и плоскіе окруженные валикомъ бареты (фиг. 105 b. c. d; фиг. 104 d.). Носили также высокія круглыя шапки съ широкимъ околышемъ, разрѣзаннымъ на бокахъ, такъ что его можно было опускать или весь, или только половину, переднюю или заднюю (фиг. 106 c.). Дополненіемъ къ этимъ головнымъ уборамъ, то въ видѣ повязки, то какъ покрывало, была *Sendelbinde* (фиг. 108 a.), оставшаяся въ употребленіи до начала слѣдующаго столѣтія, когда плоскій баретъ сталъ почти повсемѣстно любимымъ головнымъ уборомъ. Разнообразіе головныхъ уборовъ, къ которымъ слѣдуетъ прибавить и не покинутый еще *Gugel* (фиг. 105 c; фиг. 107 a.), увеличивалось еще ихъ отдѣлкою. Шапки и даже шляпы дѣлали иногда полосатыя или половинчатые изъ матерій различнаго цвѣта (фиг. 104 c. f.), обвѣшивали разноцвѣтными шнурками, обкладывали галуномъ, вышитыми коймами, бахромой или кистями (фиг. 102), а въ исходѣ столѣтія украшали пучкомъ пестрыхъ перьевъ (фиг. 103 a, фиг. 107 b), совершенно какъ и во Франціи. Щеголи носили на головѣ золотыя обручи, вѣнки и пр., очень часто украшенные въ добавокъ цвѣтными перьями (фиг. 103 a—c; фиг. 109).

Модною прическою въ это время считались длинныя распущенныя по плечамъ волосы. Щеголи и въ этомъ, какъ и во всемъ, дошли до крайности (фиг. 102; фиг. 103 a—c.), прибѣгая за недостаткомъ собственныхъ волосъ, къ фальшивымъ. Другіе носили волосы не такъ длинными, но все-таки завивали ихъ, припекали, умащали различными маслами. Степенные люди носили волосы тоже распущенными, но умѣренной длины, и обыкновенно обрѣзывали ихъ на лбу прямою скобкой. Бороду всѣ брили, за весьма рѣдкими исключеніями.

Подъ вліяніемъ бургундско-французской моды вошли въ употребленіе перчатки, которыя дѣлались кожаныя и шелковыя, съ вышивками, обшивками и т. п. отдѣлкою. Поясныя сумки продолжали носить по прежнему, также какъ и поясные ножи, кому ношеніе ихъ не было запрещено (фиг. 203 a. b; фиг. 106 a; фиг. 107 a.).

Женскій костюмъ испыталъ такія же превращенія какъ и мужской. Знатныя дамы частію вполне слѣдовали бургундскимъ модамъ, частію измѣняли по своей прихоти прежніе фасоны. Въ одномъ только женщины разошлись съ мужчинами—именно въ томъ, что онѣ не приняли половинчатого костюма (*mi-parti*), за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ представительницъ знатнѣйшихъ фамилій, которыя носили на своемъ костюмѣ цвѣта своихъ гербовъ. Во всемъ же остальномъ, что касалось щегольства, расточительности и беззастѣчивости, женщины нисколько не уступали мужчинамъ.

Знатныя дамы, которымъ вообще многое спускалось, не удовольствова-

лись дозволенными имъ (1482) Эрнстомъ и Георгомъ Саксонскими, шлейфами въ два локтя длины, а носили верхнее платье со шлейфомъ въ 4 локтя

Фиг. 110.



и длиннѣе. Такіе шлейфы разумѣется затрудняли ходьбу, а потому ихъ поднимали на руку или давали нести за собою (фиг. 110 до фиг. 113); при меньшей длинѣ достаточно было приподнять платье съ одной стороны (фиг. 111 а.). Въ томъ и другомъ случаѣ нижнее платье выставлялось наружу, а потому его стали отдѣлывать по возможности нарядно, то широкою обшивкою изъ бархата или какой другой дорогой ткани, то вышивками и проч. (фиг. 110; фиг. 111 а. б.). Вошедшая въ обыкновеніе подобная же отдѣлка верхняго платья дѣлалась всё богаче, и доходила иногда до крайней роскоши. — Дальнѣйшее объживанье обѣихъ одеждъ у талии и вокругъ бедръ сдѣлало наконецъ поясъ совсѣмъ лишнимъ. Его или вовсе не носили, или надѣвали только какъ украшеніе. Такіе пояса были большею частью металлическіе, богатой отдѣлки (ср. фиг. 111 и слѣд.).

И безъ того уже крайнее обнаженіе шеи и груди не только продолжалось самымъ неприличнымъ образомъ, но въ частности даже еще усилилось въ нѣкоторой степени. Не довольствуясь принятымъ до сихъ поръ значительнымъ вырѣзомъ на груди, его стали расширять еще болѣе спереди и сзади и отъ середины къ плечамъ, вырѣзывая глубокимъ четырехугольникомъ, или даже оставляя плечи совсѣмъ обнаженными (фиг. 111 б; фиг. 113 с). При этомъ было обыкновеніе—передъ лифа, съ половины груди и доходя нѣсколько ниже талии, то схватывать нѣсколькими продольными складками (фиг. 111 б. с.), то дѣлать на немъ широкій и глубокій вырѣзъ и стягивать его шнурами соответствующей длины (фиг. 113 с). Съ другой стороны, почти одновременно съ подобнымъ обнаженіемъ груди и плечъ, стали прикрывать эти части кусками весьма, правда, тонкой и прозрачной матеріи, которымъ давали форму или простого воротника или нагрудника, отдѣланнаго шитьемъ. Впослѣдствіи это обыкновеніе до того укоренилось въ нѣкоторыхъ богатыхъ городахъ, что, напримѣръ, эрфуртскій хронистъ счелъ себя обязаннымъ занести его въ свою хронику за 1480-й годъ. „Дѣвушки и женщины“—разсказываетъ онъ—„носили роскошные нагрудники, отдѣланные широкими складками, вышитые шелками, жемчугомъ или блестками, и у рубашекъ ихъ были сумочки, куда онѣ вкладывали груди; всего этого прежде не бывало“. Если еще и носили настоящіе пояса, то подпоясывали ихъ обыкновенно по прежнему, т. е. какъ можно выше (фиг. 110. фиг. 112 с). Только къ концу столѣтія начали, какъ и во Франціи, отдѣлять лифъ отъ юбки и считать тотъ и другую за самостоятельныя части костюма. Около этого же времени стали распространяться верхнія одежды съ короткимъ воротникомъ, спереди закрывавшіеся до верху. Одежды эти употреблялись отдѣльными лицами уже и раньше, а въ почтенныхъ бюргерскихъ семействахъ — постоянно, какъ протестъ про-

тивъ неприличія господствовавшей моды. Ихъ носили то подпоясанными, то безъ поясовъ (фиг. 112 а. в). Такія же верхнія одежды, но распашныя во всю длину, употреблялись какъ накидки или плащи (фиг. 111. с).

Фиг. 111.



Изъ различныхъ формъ рукавовъ узкіе предпочитались широкимъ. Въ общемъ же, фасонъ рукавовъ мѣнялся безпрестанно; ихъ пришивали то лишь къ одной изъ двухъ одеждъ—верхней или нижней, то къ той и другой, и въ этомъ случаѣ различныхъ фасоновъ. У верхняго платья рукава дѣлались преимущественно длинныя и узкіе (фиг. 100; фиг. 111 в. с; фиг. 113 с)

Фиг. 112.



Вѣкъ. v.

11

иногда же и широкіе висячіе (фиг. 111. а.; фиг. 112. в. фиг. 114 а. б). Тоже самое и относительно нижняго платья. Если оно было съ рукавами, то верхнее оставляли или совсѣмъ безъ рукавовъ, обыкновенно съ плечкомъ въ руку ширины, обшитымъ отдѣлкой (фиг. 111 а), или же пришивали къ нему, смотря потому каковы были нижніе рукава, то широкіе, то узкіе, то длинныя, то короткіе, глухіе или разрѣзные рукава. Узкіе рукава, къ какому бы платью они ни принадлежали, къ верхнему ли или къ нижнему, стали иногда разрѣзывать, то по всей задней сторонѣ, то у локтя и т. д., и подбивать буфами (фиг. 111 б; фиг. 113 в.), а широкіе висячіе рукава, цѣльные или разрѣзные спереди, преимущественно послѣдніе, дѣлали такой непомерной ширины и длины, что они волочились по землѣ; иногда края ихъ отдѣлывали глубокими вырѣзками (фиг. 112 с; фиг. 113 б; фиг. 114 в.). Цѣльные рукава носили также такой длины, что они спускались гораздо ниже кисти руки (фиг. 114 с.). Благодаря разрѣзнымъ рукавамъ нижняго платья, у молодыхъ тщеславныхъ и кокетливыхъ женщинъ вошло еще въ обыкновеніе (къ концу столѣтія) обнажать руки, начиная отъ локтя, что незамедлило вызвать желаніе украшать ихъ различными драгоценностями.

Фиг. 113.



Съ возраставшимъ употребленіемъ почти одинаково роскошно отдѣланныхъ двойныхъ платьевъ и распашныхъ верхнихъ одеждъ, плащъ сдѣлался почти лишнимъ (фиг. 111 с.). Его надѣвали только для защиты отъ холода или дурной погоды, а потому отдѣлка его была довольно проста. Къ существовавшимъ уже его формамъ присоединена была въ это время новая — форма слоенной въ продольныя, прошитыя складки, негнущейся накидки, съ широкимъ или узкимъ тоже твердымъ воротникомъ. Но плащи носили большую частью только замужня женщины средняго сословія, рѣже дѣвущ-

ки, которымъ, по замѣчанію эрфуртскаго хрониста, неприлично было надѣвать плащъ до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока онѣ не сдѣлаются невѣстами. Въ знатныхъ же сословіяхъ, какъ напримѣръ при дворахъ въ особенности, старомодный спинной плащъ, богато отдѣланный, остался по прежнему принадлежностью параднаго костюма.

Фиг. 114.



Что касается такихъ прикрасъ одежды, какъ зубчики и бубенчики, то употребленіе ихъ въ женскомъ костюмѣ и затѣмъ исчезновеніе изъ него шли точно также постепенно, какъ и въ мужскомъ. Особенно любимы были зубчики, которыми щеголихи обшивали себѣ и рукава, и воротники, и головные платки до излишества. Нѣсколько умѣреннѣе мужчинъ были онѣ относительно украшенія себя бубенчиками. Правда, что онѣ носили ихъ не только на поясѣ, но и на воротѣ платья и даже на рукавахъ (фиг. 114 а. б), но перевязъ съ бубенчиками, какую носили мужчины (ср. фиг. 109), онѣ надѣвали только на маскарадахъ (Mummenschanzen). Гораздо упорнѣе мужчинъ держались онѣ обуви съ длинными носками, и когда мужчины уже давно промѣняли еѣ на обувь съ тупымъ широкимъ носкомъ, женщины продолжали носить башмаки хотя и не съ длинными уже, но всё-таки острыми носками, какъ наиболѣе имъ приличную, по ихъ мнѣнію (фиг. 111 а—с; фиг. 112 с; фиг. 113 б).

Количество головныхъ уборовъ значительно прибавилось. Къ существовавшему изобилію формъ присоединились постепенно бургундско-французскія наколки страннаго вида, высокіе коническіе „hennins“, широкія, крылообразныя наколки и многія другія формы, частью собственнаго изобрѣтенія. Помимо иноземныхъ, часто весьма странныхъ формъ, которыя оставались безъ измѣненія, а если и измѣнялись, то едва замѣтнымъ образомъ (фиг. 110, фиг. 113 с. d.), именно формы собственнаго изобрѣ-

тенія и вели къ усиленію и безъ того большого произвола, господствовавшаго въ головныхъ уборахъ.

Появились сначала головныя повязки, весьма разнообразныя. Дѣлались онѣ обыкновенно изъ кусковъ всякой подходящей на это ткани, бѣлой или цвѣтной, бѣльшаго или меньшаго размѣра, и нерѣдко отдѣльвались вышивками, шитьемъ и проч. Смотря потому, какъ ихъ располагали на головѣ, онѣ получали форму или чахла болѣе или менѣе плотно охватывавшаго голову, (фиг. III с. фиг. 1136), или тюрбана въ мелкихъ складкахъ (фиг. III а), или просто форму рулѣ, широкихъ или узкихъ, свитыхъ спирально (фиг. 112 с.). При этомъ одинъ конецъ повязки или оставляли висящимъ и закидывали его вокругъ шеи назадъ, или обводили вокругъ подбородка и прикрѣпляли опять къ повязкѣ. Собственно концы отдѣльвали роскошнымъ образомъ, или украшали зубчатыми вырѣзками, какъ у мужскихъ тафтяныхъ повязокъ (Sendelbinden).—Потомъ вошли въ употребленіе разнаго вида чепцы и сѣтки. Сѣтки, надѣвавшіяся или отдѣльно сами по себѣ, или сверхъ чепцовъ, были почти всегда изъ разноцвѣтныхъ шолковыхъ снурковъ, перевитыхъ золотыми и серебряными нитями, и вообще богато украшены. Чепцы (Hauben) имѣли большею частью форму нѣсколько сдвоеннаго шара съ плоско-прилегающимъ широкимъ краемъ вокругъ лба. Нѣкоторые даже были совершенно круглые, какъ шаръ, другіе, напротивъ, нѣсколько продолговатые, иногда съ углубленіемъ посрединѣ надъ теменемъ, такъ что походили на тыквы различныхъ видовъ (фиг. 111. b). Иногда середина чепца углублялась на столько, что онъ казался состоящимъ изъ двухъ полушарій. Дѣлали чепцы изъ различныхъ матерій и между прочимъ изъ цвѣтнаго бархата. Къ концу столѣтія, и то преимущественно для замужнихъ женщинъ, прибавили къ чепцамъ широкую ленту, которая, идя отъ затылка, закрывала всю нижнюю часть лица почти до носа (срав. фиг. 113 b). Большимъ измѣненіямъ подвергались преимущественно шапки и шляпы. Шапки носили или совѣмъ безъ полей, или съ ободкомъ, который иногда прорѣзывали съ одного боку, или въ формѣ занимающей средину между шапкой и шляпой. Изготавливались онѣ большею частью изъ твердой или тугонакрахмаленной матеріи, и убирались широкими цвѣтными лентами, вуалями, обшивками и перьями (фиг. 114 с.). Шляпы съ одной стороны походили на мужскія, съ другой, отличались отъ нихъ только тѣмъ, что ихъ тулю, обыкновенно цилиндрическую, суживали болѣе или менѣе то по срединѣ, то къ низу, а ихъ широкія или узкія поля замѣняли длинными или короткими козырьками, сдѣланными изъ какой нибудь ткани тоже прокрахмаленной (фиг. 112 а). — Въ заключеніе, не были оставлены и изстари любимыя женщинами богатые шитые налобники, металлическіе головные ободки, украшенные камнями, искусственные вѣйки и проч., къ которымъ прибавились еще весьма дорогія жемчужныя понизи (фиг. 112 b, фиг. 114 b).—Покрывало, называемое теперь обыкновенно „Flinder“ (блѣстка), стало предметомъ особеннаго вниманія, какъ относительно его ткани, такъ и относительно отдѣлки.

Почти параллельно съ распространеніемъ различныхъ головныхъ уборовъ прическа волосъ отступала на задній планъ. Большинство этихъ уборовъ

скрывало волосы если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ больше половины (фиг. 110—112 а). При другихъ уборахъ, изъ подъ которыхъ волосы были видны (какъ напр. руло, ободки и ур.), ихъ заплетали въ косы, которыя или оставляли свободно висящими (фиг. 112 с), или же укладывали вокругъ ушей улиткообразно широкими валиками (фиг. 112 в. 114 в. с.) и накрывали красивыми сѣтками, какъ это давно уже водилось преимущественно въ Англіи (срав. стр. 65).

Перчатки, кожаныя и шелковыя, богато украшенныя обшивками, шитьемъ, даже мѣховой опушкою, стали и у женщинъ, въ особенности богатыхъ и знатныхъ, непремѣнною принадлежностью туалета. Онѣ сохранили также, какъ и мужчины, давнишній обычай носить изящныя поясныя сумочки, но у женщинъ эти сумочки привѣшивались (на ремешкѣ съ серебрянной отдѣлкой, или на цѣпочкѣ) къ поясу вмѣстѣ съ связкою ключей, приборомъ для шитья и четками (фиг. 113 в. фиг. 112 с). Относительно украшеній въ собственномъ смыслѣ (дорогихъ вещей) и всякаго рода украшающихъ средствъ, можно замѣтить только то, что употребленіе ихъ постоянно усиливалось. Первыми щедро покрывали всѣ части тѣла и одежды, то въ видѣ браслетъ, цѣпочекъ, ожерелій, перстней, головныхъ обручей и т. д. то въ видѣ аграфовъ, пуговицъ, бордюръ и пр. Къ послѣднимъ, кромѣ косметиковъ, слѣдуетъ причислить фальшивыя волосы, и разныя подкладки изъ ваты, назначенныя для скрываетія нѣкоторыхъ тѣлесныхъ недостатковъ. — Къ увеличенію и безъ того большихъ тратъ, вызванныхъ у того и другаго пола частымъ измѣненіемъ модъ и разнообразіемъ нарядовъ, способствовала усиливавшаяся склонность къ дорогимъ тканямъ. Простыя шелковыя ткани и тафты или цвѣтныя шерстяныя матеріи теперь уже не удовлетворяли щегольства и зажиточныхъ бюргеровъ. Желая во что бы то ни стало не отставать отъ знатныхъ, хотя и разорывшихся на щегольство, они, если не наряжались сами, то по крайней мѣрѣ наряжали своихъ жонъ и дѣтей въ дорогія шолковыя ткани, бархатъ, и т. п. Имъ подражали въ свою очередь нисшіе классы и такимъ образомъ зло распространялось, готовя общее разоренье.

Одни городскія постановленія противъ роскоши давно оказались бессильными. Если власти и продолжали еще снова и снова подтверждать ихъ, то это дѣлалось только по обязанности и ради очистки совѣсти, безъ всякой надежды на успѣхъ. Къ числу такихъ мѣръ, именно этого позднѣйшаго времени, принадлежитъ постановленіе Бернскаго городского совѣта 1470 года, изъ котораго видно довольно ясно, насколько въ самомъ дѣлѣ мѣщанство старалось и въ одеждѣ не отставать отъ высшихъ сословій. Въ упомянутомъ постановленіи говорится положительно: „Отнынѣ ни одна женщина не должна носить хвостовъ у юбокъ (*die Schwänze an den Röcken*) длиннѣе чѣмъ у ея домашняго платья; должно быть предоставлено право носить на груди и головѣ украшенія изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней исключительно лицамъ дворянскаго происхожденія. Не дозволяется также простымъ гражданкамъ носить, подобно женщинамъ благороднаго сословія, горностаевыя и куньи мѣха, для того чтобы сохранить различіе и вырвать тщеславіе съ корнемъ“.

При продолжавшемся, такимъ образомъ, постоянномъ соперничествѣ дворянскаго сословія съ промышленнымъ бюргерствомъ, богатство котораго значительно превышало состояніе средняго дворянства, дворянство рѣшилось наконецъ ограничить свои расходы и постановить для себя законы противъ роскоши<sup>1</sup>, какъ въ видахъ собственнаго благосостоянія, такъ и для того чтобы прикрыть, хотя наружно, врывавшееся въ его среду раззореніе. Съ этою цѣлью, передъ большимъ турниромъ въ Вюрцбургѣ, около 1479 года, франкское рыцарство согласилось между собою обставить присутствіе на предстоящемъ турнирѣ слѣдующими условіями: „Такъ какъ нашими предками благоразумно предусмотрено всё приличествующее дворянству для присутствія на турнирѣ и всему опредѣлена мѣра, дабы и бѣдные изъ рыцарства могли посѣщать турниры какъ сами по себѣ, такъ и съ своими женами, дочерьми и сестрами, то имѣя въ виду распространеніе въ дворянствѣ щегольство, которое, если ему не положить мѣры, можетъ повредить нашему предпріятію, обративъ его во вредъ дворянству скорѣе, чѣмъ во благо, и желая возстановить турниры, мы рѣшили строго держаться нижеслѣдующаго постановленія, для того чтобы и бѣдный могъ посѣщать турниръ, также какъ и богатый“.

„Такъ какъ каждому рыцарю предоставлено право носить хорошія бархаты и жемчугъ, то мы рѣшили, что никто изъ рыцарей не долженъ наряжаться ни въ парчу, ни въ вышитый бархатъ, чтобы въ такомъ нарядѣ явиться на этотъ или другой какой либо турниръ. Кто этого не исполнитъ, тотъ долженъ подвергнуться презрѣнію всѣхъ рыцарей и дворянъ, и на турнирѣ не можетъ быть допущенъ ни къ танцамъ, ни къ полученію наградъ (*zu keinem Vortanz oder Dank zugelassen werden*). И простые дворяне, которые, не будучи рыцарями, принадлежатъ однакожъ къ рыцарскому сословію, не должны имѣть на себѣ никакого украшенія изъ жемчуга, кромѣ жемчужнаго снурка вокругъ шляпы или шапки. Никто изъ нихъ не долженъ также носить золотыхъ цѣпей, снурковъ или золотого шитья; пусть онъ носитъ эти вещи скрыто и невидимо для другихъ, какъ это дѣлали наши предки. Никто изъ нихъ не долженъ также наряжаться для турнира въ бархатъ, кромѣ развѣ камзола изъ бархата; въ противномъ случаѣ онъ подвергается презрѣнію другихъ рыцарей и дворянъ и лишается права на танцы и награды. Возбраняется также, какъ рыцарямъ, такъ и дворянамъ, особенно рыцарямъ, имѣть парчевыя покрывала на лошадяхъ, а дворянамъ таковыя же изъ бархата, или камки, а также и епанчи изъ названныхъ матерій; ослушники подвергаются насмѣшкамъ другихъ, на турнирѣ исключаются изъ рядовъ франковъ и лишаются права на танцы и награды“.

„Установивъ эти правила для самихъ себя, какъ мужчинъ, и сознавая необходимость такихъ же правилъ для нашихъ жонъ, дочерей и сестеръ, мы рѣшили, что никакая женщина или дѣвица не должна надѣвать на себя болѣе четырехъ бархатныхъ или вышитыхъ платьевъ; та же, которая бы вознамѣрилась явиться на турниръ наряженною въ большее сказаннаго число

<sup>1</sup> Срав.. A. Berlepsch. Chronik vom ehrbarem und uralten Schneidergewerk. S. 42. ff.

платьевъ,\* предается осмѣянію всего рыцарства, всѣхъ женщинъ и дѣвицъ и лишается права на турнирные танцы и подарки“. И т. д.

Другое подобное постановленіе было объявлено въ 1485 г. рыцарствомъ Баваріи, Франконіи, Швабіи и Рейнланда для турнира въ Гейльброннѣ. Оно заключало въ себѣ тѣже самыя постановленія, но съ тою прибавкою, что женщинамъ запрещалось надѣвать парчевыя или отдѣланныя жемчугомъ одежды. Въ виду этихъ частныхъ усилій къ ограниченію роскоши, и бесплодности городскихъ предписаній относительно уменьшенія ея въ средѣ горожанъ, нѣкоторые государи рѣшились взяться за дѣло сами и положить предѣлы роскоши законодательными мѣрами. Такъ, между прочимъ, Курфюрстъ Эрнстъ и герцогъ Албертъ Саксонскій обнародовали такой законъ около 1482 г. Законъ этотъ однакожъ очень сильно потворствовалъ господствовавшему щегольству. По крайней мѣрѣ имъ дозволялось женщинамъ и дѣвицамъ рыцарскаго званія носить платья съ двухъаршиннымъ шлейфомъ, имѣть при этомъ шелковую мантилью, одно шелковое и два вышитыхъ платья; каждое изъ этихъ платьевъ въ отдѣльности могло стоить до ста пятидесяти гульденовъ.

Наконецъ, такъ какъ и постановленія высшей власти оказались мало дѣйствительными, да и вообще могли имѣть нѣкоторое значеніе только въ отдѣльныхъ владѣніяхъ, на которыя распространялась власть издаваемаго повелѣнія государя, то рѣшено было подвергнуть дѣло обсужденію на имперскомъ сеймѣ и составить возможно подробный законъ, который, по утверженіи его императоромъ, былъ бы обязательенъ во всей Германіи. Занятія по этому предмету начались на сеймѣ собравшемся въ Вормсѣ въ 1495 г., а на сеймѣ въ Линдау, въ 1497 г., были выработаны основныя положенія „Устава объ одеждѣ всѣхъ сословій“. Въ немъ сказано:

„Такъ какъ при распущеніи послѣдняго имперскаго сейма въ Вормсѣ было рѣшено, что на ближайшемъ послѣ него съѣздѣ имѣетъ быть разсужденіе объ излишествахъ въ одеждѣ и другихъ ниже упоминаемыхъ вещахъ, то согласно этому рѣшенію и состоялось нынѣ совѣщаніе по нижеслѣдующимъ пунктамъ, которые каждое посольство должно доставить своему государю, дабы онъ могъ обсудить ихъ у себя дома и на ближайшемъ съѣздѣ объявить о нихъ свое мнѣніе, для того чтобы затѣмъ подвергнуть дѣло дальнѣйшему разсмотрѣнію и прийти къ окончательному рѣшенію.

„Во первыхъ, чтобы простые мужики и рабочіе, какъ въ городахъ такъ и въ деревняхъ, не носили сукна дороже половины гульдена локоть (Elle). Также не должны они носить сами, ни позволять своимъ женамъ и дѣтямъ носить золота, жемчуга, бархата, шелка, ниже кусочтатыхъ (gestückelte) платьевъ; но эта статья не должна стѣснять князей, графовъ, господъ и дворянъ одѣвать ежегодно ихъ прислугу, какъ они привыкли.

\* ... So ist gemacht dass eine jegliche Frau oder Jungfrau nicht über vier Röcke, darin sie sich schmücken will,—haben soll... und welche Frau das nicht halten, sich mit Kleidern zu schmücken über diese Zahl anschicken und zu solchem Tournier gebrauchen thue, die soll etc. —Слѣд. запрещалось не имѣть болѣе четырехъ платьевъ, а надѣвать ихъ на себя одно на другое, —какъ ни странно представить себѣ даму или дѣвицу одѣтую въ четыре платья да еще бархатныхъ. Пер.

Также (Item): какъ должны одѣваться ремесленники, при исполненіи своихъ ремесленныхъ работъ, ихъ работники и вообще служители—это должна установить каждая мѣстная власть и представить на дальнѣйшее обсужденіе въ слѣдующемъ собраніи.—Также: граждане въ городахъ, не принадлежащіе къ дворянству или рыцарству, не должны носить золота, жемчуга, бархата, шелку, собольей или горностаевой подпушки; но они могутъ употреблять приблизительно бархатъ или шелкъ на камзолы и камлотъ на платье; такимъ же образомъ и жены и дѣти ихъ могутъ свое платье обшивать или вкладывать бархатомъ или шелкомъ, но отнюдь не золотыми или серебряными украшеніями.—Также: дворяне не изъ рыцарей не должны открыто носить золота или жемчуга, а могутъ отдѣлывать свою одежду такими цвѣтами и украшеніями, которыя будутъ назначены каждымъ государемъ для его владѣній.—Также: дворяне, имѣющіе званіе рыцаря, тоже не должны носить золотыхъ нашивокъ, но имъ не запрещается носить ихъ на камзолахъ.—И пусть каждый государь обсудитъ вмѣстѣ съ своимъ рыцарствомъ, какъ установить приличный костюмъ для ихъ женъ и дѣтей, чтобы и рыцарство было облегчено отъ чрезмѣрныхъ издержекъ на этотъ предметъ, и рѣшеніе ихъ должно быть предложено будущему собранію для дальнѣйшаго разсмотрѣнія.—Каждый короткій кафтанъ или плащъ должно дѣлать настолько длиннымъ, чтобы онъ могъ достаточно прикрывать спереди и сзади.—Всѣ архіепископы, епископы и прелаты должны заставлять подвѣдомственное имъ духовенство одѣваться чинно и скромно, какъ причлещуетъ ихъ сану, и отбросить неподобающее щегольство“ и т. д.

Эти постановленія были потомъ подтверждены въ 1498-мъ году на сеймѣ въ Фрейбургѣ въ Брисгау и дополнены еще слѣдующими:

„Ремесленники и ихъ работники, а также и прочіе свободные служители не должны носить на штанахъ и шапкахъ сукна дороже трехъ четвертей гульдена (drei Ort) локоть; а кафтаны и плащи они должны шить изъ туземныхъ суконъ, недороже половины гульдена за локоть. Запрещаются имъ также золото, жемчугъ, серебро, бархатъ, шелкъ, камлотъ и платье изъ кусковъ различныхъ матерій.—Также: конные (рейтары) не должны носить золота, серебра, шелку, никакихъ нагрудниковъ, ни шапочекъ, отдѣланныхъ серебромъ или золотомъ, и оторачивать свою одежду шелкомъ.—Также: не должно быть дозволено никому носить рубашки и нагрудники въ складкахъ и отдѣланныя золотомъ или серебромъ, и шапочки изъ золотой или серебряной парчи, за исключеніемъ князей, графовъ и дворянъ, которыхъ не слѣдуетъ подводить подъ эту статью, но предоставить имъ одѣваться каждому прилично его званію и избѣгать излишества.—Тѣ изъ дворянъ, кто не рыцарь и не докторъ, должны перестать носить на сорочкахъ и нагрудникахъ жемчугъ или золото. Но дворяне, имѣющіе званіе рыцаря или доктора, пусть носятъ на своихъ шапкахъ на два унца золота, не болѣе, а неимѣющіе этихъ званій столько же унцій и не болѣе—серебра“.

Но насколько и эти постановленія оказались дѣйствительными, опредѣлить съ достовѣрностью нельзя. Если они, чтò вѣроятно, и не остались только на бумагѣ, безъ дѣйствительнаго примѣненія, то все-таки ихъ исполненіе предоставлялось собственному усмотрѣнію и доброй волѣ от-

дѣльныхъ владѣтельныхъ князей и магистратовъ. Во всякомъ случаѣ и ихъ дѣйствіе должно было быть очень слабо, такъ какъ въ 1500-мъ году, этотъ вопросъ былъ вскорѣ снова подвергнутъ разсмотрѣнію на сеймѣ въ Аугсбургѣ и было нарочито предписано, чтобы „Курфюрсты, князья и прочія власти, подъ опасеніемъ навлечь на себя немилость императора, привели въ исполненіе въ своихъ земляхъ постановленія имперскаго сейма относительно излишества въ одеждѣ и притомъ не позже воскресенья четвертой недѣли поста 1501 года, и что всѣ тѣ, кто этого не исполнить въ точности, будутъ принуждены къ этому властью имперскаго фискала“<sup>4</sup>. Къ закону прибавили еще, что мѣры, указанныя въ немъ относительно ремесленниковъ, „касаются одинаково и ихъ женъ, дѣтей и служанокъ“,—и „что дочерямъ горожанъ не воспрещается носить жемчугъ и головныя ленты, но что онѣ должны держаться въ этомъ приличной мѣры, а не позволять себѣ излишества“.

Парадное одѣяніе государей, въ особенности одѣяніе, въ которомъ короновались нѣмецкіе императоры, мало по малу установилось. Изъ существующихъ еще до нынѣ его принадлежностей <sup>1</sup>, изъ которыхъ древнѣйшія относятся къ концу двѣнадцатаго столѣтія, уже и въ то время употреблялись не всѣ, а только нѣкоторыя, причѣмъ однѣ вещи замѣнялись другими или перемѣшивались съ ними, совершенно произвольно. Такъ продолжалось до Людвига IV (1314—1330) или вѣрнѣе до смерти Сигизмунда (1439), когда было предпринято изъ умножившихся между тѣмъ инсигній составить на будущее время опредѣленное облаченіе <sup>1</sup>. Объ этомъ облаченіи упоминается впервые при коронованіи Карла V, слѣдовательно только въ 1519 г., изъ чего однакожъ не слѣдуетъ чтобы оно не употреблялось уже и ранѣе.

Къ числу этихъ инсигній, за исключеніемъ нѣкоторыхъ другихъ, уже вышедшихъ изъ употребленія и различныхъ реликвій, нѣкогда тоже къ нимъ причислявшихся, принадлежали слѣдующіе:

1. Чулки шелковые ярко-краснаго цвѣта. Они немного заходятъ за колѣна, вышиты золотыми листьями, по верхнему краю арабскія надписи.

<sup>1</sup> Я очень желалъ бы представить здѣсь рисунки этихъ принадлежностей или хотя снимокъ съ изображенія императора Сигизмунда (1414) въ полномъ орнатѣ, но чрезвычайное обиліе мелкихъ украшеній, покрывающихъ отдѣльныя части этого наряда, заставило меня отказаться отъ моего намѣренія, какъ положительно неисполнимаго при томъ разнѣрѣ рисунковъ, какой по необходимости принять въ этомъ изданіи. По той же причинѣ я долженъ былъ ограничиться по возможности сжатымъ описаніемъ ихъ и въ другомъ моемъ трудѣ, вышедшемъ въ 1864 году: «Kostümkunde, Geschichte der Trachten, u. s. w. vom 4. bis zum 14. Jahrh. (Вѣшн. бытъ нар. Т. II пер. И. Васильева). Ссылаясь на него и для послѣдующаго, я считаю достаточнымъ поименовать еще тѣ изданія, которыя даютъ самыя подробныя свѣдѣнія по этому предмету: Ebner von Eschenbach. Wahre Abbildung der sämtlichen Reichskleinodien welche in der des H. R. Reichs freien Stadt Nürnberg aufbewahrt werden in ihrer wirklichen Grösse. Nürnberg 1790; изданіе съ раскрашенными литографіями, которое ф. Бокъ издаетъ по порученію австрійскаго правительства подъ заглавіемъ: «Die Reichskleinodien des H. R. Reichs» и т. д. въ листахъ большаго формата, съ пояснительнымъ текстомъ.—<sup>2</sup> Срав. съ только что названными изданіями еще R. J. Römer-Büchner. Die Wahl und Krönung der deutschen Kaiser in Frankfurt a. Main. Mit Abbildungen. Frankf. a. M. 1858. S. 43. ff.

2. Башмаки атласные такого же цвѣта, съ округленными носками, расшитые фигурами грифоновъ и сиренѣ изъ жемчуга; они зашнуровывались надъ ступней.

3. Нижняя одежда, изъ шелковой ткани самаго темнаго фіолетоваго цвѣта, въ видѣ „dalmatica“ или „tunica talaris“. Она сплошная съ широкимъ воротомъ, длинными рукавами и спускается немного ниже колѣнъ. Обшлага и подолъ обложены каймою, шитою золотомъ и жемчугомъ по красной узорчатой шелковой ткани.

4. Верхняя одежда изъ тяжелой, плотной бѣлой тафты, въ два и три четверти локтя длины, къ низу очень широкая, съ длинными рукавами; также отдѣлана по краямъ: обшлага рукавовъ и проймы ихъ обшиты каймою, шитою золотомъ и жемчугомъ. Грудь покрываетъ, соответствующій общему, роскошно украшенный нагрудникъ, а подолъ обшить очень широкой отдѣлкой изъ ярко-красной шелковой матеріи съ нашитыми на ней золотыми украшениями, обведенными съ каждой стороны одноцвѣтнымъ узкимъ кантомъ, по которому въ свою очередь идетъ и сверху и снизу двойной рядъ жемчуга. Вышитая по нижнему краю надпись гласитъ, что одежда эта изготовлена въ Палермо въ 1181-мъ году Маврскими мастерами.

5. Поясъ, которымъ опоясывалась эта одежда. Онъ представляетъ широкую золотую кайму съ вотканными фигурами животныхъ и съ застежками вызолоченнаго серебра. Такъ какъ уцѣлѣлъ еще другой поясъ изъ голубой шелковой матеріи, отдѣланный филиграномъ, и упоминается еще о третьемъ, изъ шолка вишневаго цвѣта, то нельзя сказать достоверно, который изъ нихъ принадлежалъ именно къ постоянному коронаціонному наряду.

6. Лента въ шесть съ половиною дюймовъ ширины, совершенно похожая на „столу“ духовенства. Она изъ желтой ткани съ цвѣтными узорами, покрыта, на равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, тремя соединенными между собою круглыми и угловатыми украшениями изъ драгоценныхъ камней въ богатой оправѣ; украшения эти сгруппированы въ круглый щитъ и соответствуютъ геральдическому изображенію имперскаго орла. По краямъ ленты идетъ двойной рядъ жемчуга, а на каждомъ ея концѣ находятся по девяти небольшихъ кисточекъ соединенныхъ въ три пучечка. Её возлагали императору на шею, перекрещивали на груди и перепоясывали поясомъ.

7. Перчатки, сшитыя изъ красной и пурпуровой рѣдкой тафты, отдѣланы снаружи золотымъ и жемчужнымъ шитьемъ въ формѣ листьевъ, и маленькими, эмальированными золотыми бляхами, а на ладони золотыми украшениями въ римскомъ стилѣ.

8. Мантия, чрезвычайно роскошной отдѣлки. Она полукруглая; имѣетъ пять футовъ длины, шестнадцать фут. ширины, и сшита изъ темно-красной, сплошь узорчатой, шелковой ткани. Воротъ ея обложенъ золотымъ бордюромъ. На груди она застегивается осыпанною дорогими камнями застежкой, концы которой украшены эмальированными, чрезвычайно искусно отдѣланными, золотыми щитками круглой формы. На спинной части мантии, по самой срединѣ, идетъ сверху внизъ вышитое золотомъ и жемчугомъ украшеніе въ видѣ штабика, который на верху раздѣляется на двѣ вѣтви о трехъ листьяхъ каждая. По обѣимъ сторонамъ штабика вышиты золотомъ и жем-

чугомъ изображенія льва борющагося съ верблюдомъ; они покрываютъ почти всю заднюю часть мантии. Края мантии обшита широкою каймой, состоящею изъ двухъ рядовъ жемчуга, между которыми на полахъ вышиты золотомъ и жемчугомъ четырехлиственныя украшенія, а на подолѣ,—арабская надпись въ золотыхъ куфическихъ буквѣхъ. Изъ надписи видно, что описанная мантия изготовлена для сицилійскаго короля Роберта Гвискарда, въ 528 Геджире (1133 отъ Р. Х.), въ счастливомъ градѣ Палермо.

9. Такъ называемый „вѣнецъ Карла Великаго“. Онъ золотой восьмиугольный, составленъ изъ восьми полей, которыя всѣ скруглены вверху и чрезвычайно щедро усажены драгоценными камнями, съ густою филиграновою работою въ промежуткахъ между ними. Поля неравной величины и чередуются между собою такъ, что между каждыми двумя меньшими полями приходится одно большее. Меньшія поля заключаютъ въ себѣ эмальированныя изображенія Соломона, Давида, Іезекииля и Христа, съ латинскими надписями. Надъ переднимъ, обращенномъ ко лбу, полемъ возвышается осыпанный драгоценными камнями крестъ, отъ котораго идетъ къ заднему полю слегка выгнутая скоба, верхняя поверхность которой раздѣлена тоже на восемь округленныхъ полей, съ жемчужными украшеніями. Въ послѣднемъ изъ этихъ полей читается надпись, выложенная изъ жемчуга: *Chvonradvs Dei gratia romanorvm imperator avg.*—Дальтѣйшее украшеніе вѣнца, совершенно впрочемъ утраченное, составляли, какъ предполагаютъ, двѣ широкія ленты, которыя спускались по сторонамъ, какъ „inful“ или „fapones“.

10. Скипетръ въ два фута длины, внутри пустой, изъ позолоченаго серебра, пересѣченный въ трехъ мѣстахъ (по длинѣ) позолоченными яблоками, а вверху заканчивающійся желудемъ съ четырьмя дубовыми листками, изъ которыхъ, попеременно перемежаясь, два плутъ вверхъ, два внизъ. Происхожденіе его по всему вѣроятію нельзя отнести ранѣе конца тринадцатаго столѣтія.

11. Держава. Шаръ въ три и три четверти дюйма (Zoll) въ діаметрѣ, чрезвычайно искусно вычеканенный изъ листоваго золота. Внутри онъ налитъ смолой, снаружи перехваченъ двумя скрещивающимися ободками, на точкѣ пересѣченія которыхъ поставленъ золотой крестъ, осыпанный, также какъ и вся верхняя половина ободковъ, цвѣтными драгоценными камнями. По работѣ, должна быть отнесена къ половинѣ двѣнадцатаго вѣка.

12. Два меча: изъ нихъ одинъ такъ называемый „мечъ Карла Великаго“, другой „мечъ святаго Маврикія“. Первый, по всему вѣроятію, значительно позднѣйшій; клинокъ его имѣетъ вверху, около рукояти, два съ четвертью дюйма ширины, и ровно два фута одиннадцать дюймовъ длины; онъ обоюдоострый и вдоль середины отшлифованъ выпукло. Рукоять сдѣлана изъ вызолоченнаго серебра съ плоскою, вертикально поставленною круглою головкою. На каждой сторонѣ послѣдней представленъ трехугольный щитъ съ эмалевымъ изображеніемъ — одинъ, одноглаваго чернаго орла въ золотомъ полѣ; другой, геральдической фигуры богемскаго льва въ красномъ полѣ. Ножны меча изъ золотой жести, чеканной работы, обложены филиграномъ и раздѣлены перекрещивающимися штабиками, выложенными изъ жемчуга,

на мелкія четырехугольныя и треугольныя поля, которыя наполнены эмалевыми украшеніями, за исключеніемъ верхняго поля, заключающаго въ себѣ одноглаваго орла.—„Мечъ святаго Маврікія“, изъ двѣнадцатаго вѣка: его только носили передъ императоромъ при торжественныхъ церемоніяхъ. Клинокъ его вверху у рукоятки имѣетъ одинъ дюймъ и три четверти ширины, при 3 фут. съ дюймою длины; внизу онъ округленъ. Рукоять съ прямою перекладиной завершена чечевицеобразною головкою: все это сдѣлано изъ вызолоченнаго серебра. На головкѣ съ одной стороны вырѣзанъ одноглавый орелъ съ надписью: „Benedictvs. Dos. Des.; а съ другой— щитъ раздѣленный на двѣ части, въ верхней—половина орла, въ нижней—половина льва, вокругъ надпись, отъ которой остались слова: *evs qui. docet. manus*; на перекладинѣ съ одной стороны:  $\dagger$  *Cristvs: vincit: Cristvs: reinat.*; съ другой: „*Cristvs: vincit: Cristvs: reignat; Crist.: imperat.*—Ножны, изъ золотой жести, дѣлятся на семь продолговатыхъ полей узкими горизонтальными полосками, составленными изъ цвѣтныхъ камней, преимущественно голубыхъ; каждое поле заключаетъ въ себѣ изображеніе короля въ полномъ короновальномъ нарядѣ; всѣ фигуры обращены головами внизъ, къ наконечнику ноженъ. Края ноженъ обложены жемчугомъ и драгоценными камнями.

Третій еще удѣлвшій мечъ, съ клинкомъ выгнутымъ на подобіе сабли,—восточнаго происхожденія. По преданію, за достовѣрность котораго конечно ручаться нельзя, онъ былъ подаренъ Гарунъ-аль-Рашидомъ императору Карлу Великому.

13. Въ заключеніе упомянемъ здѣсь о драгоценномъ Евангеліи, на которомъ государи произносили обыкновенно свой короновальный обѣтъ. Его теперешній переплетъ не восходитъ ранѣе пятнадцатаго вѣка, но самую книгу можно бы считать достовѣрно отъ восьмаго вѣка, хотя и трудно допустить, чтобы дѣйствительно это была та самая книга, которую употреблялъ Карлъ Великій и которую при погребеніи его клали съ нимъ въ могилу. —

При совершеніи коронованія всѣ описанныя инсигніи подносились императору самыми высшими сановниками, при соблюденіи извѣстнаго церемоніала и въ установленномъ порядкѣ, который былъ слѣдующій <sup>1</sup>:

Послѣ помазанія, курфюрсты или представители ихъ вели императора въ избирательную капеллу. Майнцкій курфюрстъ оставался у алтаря. При этомъ сановники государства несли передъ государемъ знаки его достоинства. Придя въ капеллу, депутаты отъ Нюрнберга передавали чулки и башмаки. Посланникъ курфюрства Бранденбургскаго надѣвалъ на государя длинное нижнее платье, верхнее одѣяніе и столу, располагая послѣднюю вокругъ шеи такъ, чтобы ея половины скрещивались на груди, послѣ чего нюрнбергскіе посланники надѣвали на него чулки и башмаки. Облаченный такимъ образомъ, императоръ, сопутствуемый избирателями, шель обратно въ церковь, опять къ алтарю.

Во время совершаемой здѣсь церемоніи, и именно послѣ многихъ молитвъ,

<sup>1</sup> I. Römer-Büchner. Die Wahl u. Krönung der deutsch. Kaiser etc 66 ff.

курфюрсты Трира и Кёльна брали съ престола мечъ Карла Великаго, вынимали его изъ ноженъ и передавали его императору; священнодѣйствующій (Consecrator) произносилъ установленную формулу и императоръ передавалъ мечъ представителю курфюрства Саксонскаго, который вкладывалъ его обратно въ ножны и теперь вмѣстѣ съ посланникомъ короля Богемскаго опоясывалъ имъ императора.

Послѣ этого распорядитель церемоніи (Ceremoniarius) бралъ съ престола драгоценный перстень и передавалъ его священнодѣйствующему, который надѣвалъ его императору на палецъ, тоже произнося должную формулу. Затѣмъ церемоніймейстеръ съ двумя ассистентами подносили священнодѣйствующему скипетръ и державу, а онъ вручалъ ихъ императору. Этотъ послѣдній, подержавъ ихъ, передавалъ скипетръ посланнику курфюрства Бранденбургскаго, а державу посланнику курфюрства Пфальцкаго, и посланникъ бранденбургскій съ выборными Нюрнберга накидывали на него мантию, а курфюрстъ трирскій вмѣстѣ съ священнодѣйствующимъ возлагали ему на голову корону. Въ заключеніе императоръ произносилъ надъ Евангеліемъ присягу.—

Погребеніе императоровъ сопровождалось также большою пышностью одѣяній. Упомянемъ для примѣра, со словъ очевидца, о великолѣпномъ погребеніи Карла IV въ Прагѣ, въ 1378 году <sup>1</sup>: „На двѣнадцатый день, въ субботу передъ Люціей, вынесли его (усопшаго императора) на большихъ носилкахъ, въ четырнадцать локтей длины, четыре локтя ширины и пять локтей вышины; несли ихъ ленные владѣтели, и всѣ они были одѣты въ черное.“— „Онъ былъ положенъ на золотыхъ парчахъ; въ головахъ у него лежали три короны (Миланская, Богемская и корона священной Римской имперіи) и кромѣ того, держава съ крестомъ и обнаженный мечъ; съ праваго бока лежалъ у него скипетръ державный. На рукахъ были бѣлыя перчатки, и руки всѣ въ колечкахъ; одѣтъ онъ былъ въ затканную золотомъ пурпуровую мантию и штаны, на головѣ императорская корона; и двѣнадцать рыцарей держали золотой (парчи) балдахинъ надъ нимъ и носилками. Затѣмъ ѣхали императрица, королева и маркъграфиня, при нихъ двадцать траурныхъ экипажей, потомъ ѣхали граждане, съ ними двадцать шесть экипажей, и передъ каждымъ несли знамя“ и т. д.—Вся церемонія продолжалась не менѣе двадцати семи дней.

Насколько и выработалась ли дѣйствительно опредѣленная форма церемоніальнаго наряда другихъ властителей и ленныхъ владѣтелей, королей, герцоговъ и т. д. остается вопросомъ неразрѣшеннымъ. По нѣкоторымъ современнымъ памятникамъ можно заключить, что по крайней мѣрѣ короли и высшіе имперскіе чины дѣйствительно употребляли особый нарядъ въ значеніи церемоніальнаго. Къ подобнымъ памятникамъ древнѣйшей эпохи принадлежитъ, между прочимъ, надгробное изображеніе архіепископа Петра изъ Аспельта, умершаго въ 1320-мъ году. Изображеніе это, на колоннѣ собора въ Майнцѣ, представляетъ архіепископа съ тремя имъ коронованными нѣмецкими королями: Генрихомъ VII, Лудвигомъ Баварскимъ и Іоанномъ Бо-

<sup>1</sup> W. Lochner. Zeugnisse über das deutsche Mittelalter. I, 140.

гемскимъ въ полномъ орнатѣ (фиг. 115). Здѣсь короли являются въ совершенно одинаковой одеждѣ, въ сущности, правда, сходной съ общеупо-

Фиг. 115.



ребительной одеждой знатныхъ сословій того времени, но все таки отличающейся отъ нея, помимо коронъ, скипетровъ и державъ, нѣкоторыми особенностями, какъ напримѣръ мѣховыми воротниками, украшенными гербами. Самое одѣяніе состоитъ изъ умѣренно широкаго камзола съ длинными въ обтяжку рукавами, и широкой мантии, которая раскрыта только съ правой стороны, а на плечахъ и спереди закрыта до шеи; сверхъ нея мѣховой воротникъ съ капюшономъ. Этотъ воротникъ, равно какъ и подпушку капюшона, нужно предполагать непремѣнно горностаевыми, цвѣтъ же одежда, въ особенности мантии, кармазино-краснымъ. Такъ какъ курфир-

сты или князья-избиратели приравнялись къ королевскому сану, то они присвоили себѣ описанное одѣяніе, замѣнивъ корону, которой у нихъ не было (также какъ державы и скипетра), другимъ головнымъ уборомъ. Онъ состоялъ сначала лишь изъ простой круглой шапочки краснаго или желтаго цвѣта, какія вообще тогда довольно часто носили. Такъ по крайней мѣрѣ видно по миниатюрамъ той великолѣпной рукописи, которую Балдуинъ, архіепископъ Трирскій, приказалъ изготовить<sup>1</sup> въ память своей дѣятельности и подвиговъ своего брата, императора Генриха VII, около 1353 года; на нихъ вообще въ первый разъ курфюрсты представлены въ своемъ орнатѣ, такъ близко подходящемъ къ королевскому: фиг. 115. Впоследствии орнатъ этотъ измѣнился въ покроѣ соответственно господствующей модѣ. Для 14 вѣка мы не имѣемъ на этотъ счетъ свѣдѣній. Но въ пятнадцатомъ, и уже въ первой половинѣ его, мантия курфюрстовъ, въ противоположность королевской, доходила только до колѣнъ, затѣмъ она была опять удлинена довольно значительно, а въ заключеніе, къ концу столѣтія, совсѣмъ преобразована въ распашной круглополый кафтанъ, сначала безрукавный, и затѣмъ въ скоромъ времени уже съ длинными и широкими рукавами съ горностаевою опушкой. Широкій горностаевый воротникъ съ капюшономъ сохранился безъ измѣненія, но простая круглая шапочка была замѣнена—время опредѣлить съ достовѣрностью нельзя—довольно широкимъ и высокимъ баретомъ съ широкимъ околышемъ изъ горностаея, а красная шолковая ткань, краснымъ же, но узорчатымъ брокатомъ.

Остальное высшее дворянство, владѣтельное или вѣтъ, по всему вѣроятію не имѣло никакихъ подобныхъ отличій званія и сана, кромѣ развѣ различныхъ формъ головныхъ уборовъ, которые уже въ 13 вѣкѣ служили такими отличіями, и были частію оставлены безъ измѣненія, частію, какъ во Франціи, измѣнены прибавленіемъ къ нимъ золотыхъ вѣнцовъ, или совсѣмъ замѣнены такими вѣнцами различной формы. Герцоги носили остроконечную шляпу съ загнутой назадъ верхушкой, окруженную ободкомъ о четырехъ зубцахъ; маркграфы и графы— круглую или конусообразную шапку съ мѣховымъ околышемъ и золотою нашивкою или золотою скобою, которая шла отъ середины лба къ затылку. Затѣмъ дворянскимъ родамъ оставались принадлежавшіе имъ гербы или цвѣта гербовъ, которыми они отличались одни отъ другихъ внѣшнимъ образомъ, переноса ихъ на свои одѣянія — обычай, который они ввели издавна не только для себя, но и для своихъ служилыхъ людей (Dienstmannen). — Тоже самое относится и къ женщинамъ этихъ высшихъ сословій. Онѣ носили такіе же вѣнцы какъ и ихъ мужья, и тѣ же цвѣта и гербы, подчиняясь однакожъ извѣстному уставу, который былъ уже принятъ въ 15 столѣтіи. По крайней мѣрѣ такой уставъ существовалъ для особъ княжеской крови, и въ силу его „графини, вицеграфини или баронессы не могли носить золотыхъ вѣнцеобразныхъ шляпъ и (золотыхъ) головныхъ ободковъ съ цвѣтами, какъ превышающихъ ихъ званіе, ни вводить въ свой гербъ что нибудь подобное; равно не

<sup>1</sup> Эта драгоценная рукопись съ 73-ми изображеніями находится въ Кобленцѣ. Факсимилированная копія съ нея, назначавшаяся когда-то для изданія, которое впрочемъ не состоялось по особымъ причинамъ, находится въ кабинетѣ гравюръ въ Берлинѣ.

позволялось имъ носить одѣянія изъ витой (крученой?) или еще болѣе дорогой, золотой парчи, а онѣ должны были довольствоваться болѣе простыми матеріями; точно также запрещалось имъ носить горностаевый и всѣ дорогіе черныя мѣха.

Также относительно четырехъ высшихъ сановниковъ государства: маршала или сенешала, камерарія, стольника (Truchsess) и виночерпія, рѣшительно нельзя опредѣлить достовѣрно, были ли у нихъ какія нибудь присвоенныя ихъ должностямъ особыя отличія или нѣтъ. Если они и существовали прежде, напр. въ началѣ 13-го столѣтія<sup>1</sup>, когда стольники появлялись съ блюдомъ, виночерпіи — съ кубкомъ, настоящими или только вышитыми на ихъ одеждѣ, — то отличія эти не опредѣлялись никакимъ церемоніальнымъ уставомъ. На миниатюрахъ упомянутой рукописи Балдуина, названные сановники представлены съ ихъ должностными знаками, напр. стольникъ съ блюдомъ и верхомъ на конѣ, въ общепринятой тогда одеждѣ знатныхъ людей. Вѣроятно, что въ Германіи и Швеціи, также какъ во Франціи и Англии, особенными отличіями, не однихъ только высшихъ сановниковъ, но и вообще всего имперскаго дворянства, были различныя почетныя знаки въ видѣ цѣпей, звѣздъ, крестовъ и богатыхъ одеждъ, появившіеся съ учрежденіемъ кавалерскихъ орденовъ. Къ важнѣйшимъ изъ такихъ орденовъ принадлежали въ Швеціи: „Орденъ Серафима“, учрежденный королемъ Магнусомъ II около 1334 года, и „Орденъ святой Бригитты“, учрежденный около 1396 года; въ Германіи: основанный императ. Сигизмундомъ въ 1418 году „Орденъ обращеннаго Дракона“ („Orden des umgekehrten Drachen“) и „добѣжденнаго Дракона“; императоромъ Альбрехтомъ III, въ 1433 году, „Общество Орла (Gesellschaft zum Adler), императоромъ Фридрихомъ III, въ 1470 году: „Орденъ святаго Георгія австрійскаго, и въ 1473 году: орденъ умѣренности (Ordo temperantiae). Кроме того были основаны — въ 1443 г. курфюретомъ бренденбургскимъ, Фридрихомъ II, орденъ Лебедя (Schwanen—Orden), называвшійся также: Gesellschaft unserer lieben Frauen auf dem Berge zu Alt-Brandenburg (женская община на горѣ стараго-Бранденбурга), и unserer lieben Frauen Bruderschaft (женское братство) и Kettenträgerinnen (носительницы цѣпей); герцогомъ Юлихскимъ Гергардомъ, въ память одержанной побѣды, въ 1444 г.: орденъ св. Губерта Литтискаго (Orden des heil. Hubertus zu Lüttig) или орденъ Рога (Orden vom Horn).—Вообще же официально-церемоніальная одежда высшихъ сословій состояла изъ длиннаго, до пять, и широкаго кафтана, съ длинными и широкими рукавами; въ исключительныхъ случаяхъ къ нему прибавлялся плащъ, совершенно подобный старинному.

Что касается вѣшнихъ отличій городскихъ властей и различныхъ классовъ горожанъ, то для четырнадцатаго столѣтія мы не находимъ о нихъ никакихъ свидѣтельствъ. Даже и на многочисленныхъ изображеніяхъ такъ на-

<sup>1</sup> См. мое «Kostümkunde. Geschichte der Tracht u. s. w. vom 4 bis zum 14 Jahrhundert». Stuttgart 1864. S. 601 ff. (Вн. бытъ. Т. II. пер. И. Васильева).

зывается пляски мертвых (Todtentänze<sup>1</sup>), хотя они относятся преимущественно ко второй половинѣ пятнадцатаго вѣка и хотя составители этихъ плясокъ имѣли главнымъ образомъ въ виду съ возможною точностью характеризовать въ нихъ каждый чинъ и каждое званіе, свѣтское и духовное, также какъ и каждый полъ и возрастъ, представлена одна только обыкновенная, ежедневная одежда этихъ сословій. Такъ на пляскѣ мертвыхъ въ Любекѣ, относящейся къ 1463 г. и одной изъ самыхъ старинныхъ, всѣ фигуры (кроме духовныхъ и князей) представлены въ своей обыкновенной одеждѣ горожанъ, ремесленниковъ и т. д. Поэтому, встрѣчающееся у нѣкоторыхъ старинныхъ писателей извѣстіе, что въ иныхъ большихъ городахъ уже съ 14-го столѣтія для членовъ городскихъ совѣтовъ была установлена особая должностная одежда, если не ошибочно, то во всякомъ случаѣ не можетъ быть распространено на всѣ города. Такъ мы узнаемъ, что члены аугсбургскаго городского совѣта уже въ 1368 году носили широкія верхнія одежды, отороченныя темнымъ мѣхомъ, черныя шапки и плоскія шляпы, на ногахъ—сшитыя изъ одного куска чулки и башмаки; что одежды ратсгеровъ въ Кельнѣ были на половину красныя, на половину черныя, и что такъ велось съ половины 15 вѣка. Гораздо достовѣрнѣе то, что нисіе чины, какъ напримѣръ полицейскіе служители, хожалые, профосы и др. отчасти уже съ тринадцатаго вѣка, и позднѣе въ пятнадцатомъ, носили платье разноцвѣтное—цвѣтовъ городского герба, кроме того, на груди или на лѣвомъ плечѣ и самый гербъ, вышитый или выбитый на металлической бляхѣ.

Въ общемъ же, подобно какъ во Франціи и Англіи, одно только сословіе собственно ученыхъ осталось вѣрнымъ сѣизначала усвоенному имъ себѣ костюму. Костюмъ этотъ и въ Германіи, какъ и въ названныхъ странахъ, состоялъ изъ длиннаго до пять кафтана, или наглухо закрытаго, только съ разрѣзомъ у ворота, или (позднѣе) распашнаго, съ длинными полуширокими рукавами, поясомъ и иногда мѣховымъ воротникомъ или только мѣховою опушкой по вороту; къ этому высокая шапка на очень коротко остриженныхъ волосахъ. По старинному обычаю, судьи и врачи одѣвались въ красное, а другіе ученые, по ихъ спеціальности, или въ черное, или въ лиловое.

Ремесленники и вообще рабочіе классы не отличались никакими особенностями одежды, какъ это видно и изъ постановленій объ одеждѣ. Но за то эти постановленія опредѣляютъ извѣстныя отличія въ одеждѣ евреевъ и публичныхъ женщинъ. Для первыхъ отличія эти предписывались даже церковною властью и были вездѣ почти одинаковы; относительно послѣднихъ мы упомянемъ для примѣра о распоряженіи берлинскаго городского совѣта отъ 1486 г.<sup>2</sup>, предписавшаго, чтобы женщины зазорнаго поведенія (*Weiber die an der Unehre sitzen*, какъ ихъ тогда называли) для отличія отъ

<sup>1</sup> Изъ многочисленныхъ сочиненій по этому предмету, частью съ рисунками, мы упомянемъ здѣсь только: Н. F. Massmann. Die Baseler Todtentänze in getreuen Abbildungen. Nebst geschichtl. Untersuchung, sowie Vergleichung mit den übrigen deutschen Todtentänzen, etc. Mit 81 Abbild. und 7 lithogr. Stuttgart, 1847. — <sup>2</sup> См. W. v. Reihnöhl. Die gute alte Zeit. Herausg. von J. Scheible. Stuttgart. 1847. Стр. 466 и слѣд.

честныхъ женщинъ носили накидки или на головѣ, или совсѣмъ короткія. — Что касается наконецъ арлекинонъ и шутовъ, то они присвоили себѣ, преимущественно съ половины пятнадцатаго вѣка, при нарядѣ по возможности пестромъ, длинныя, мѣшкообразныя, висячіе рукава, изъ которыхъ они надѣвали на руку большею частью только одинъ, обшитый внизу бубенчиками, при этомъ шапку съ бубенчиками, съ пѣтушьимъ гребешкомъ, или ослиными ушами и т. п. и дурацкую палку.

2. Дальнѣйшее развитіе во оруженія<sup>1</sup> и его отдѣльныхъ частей шло совершенно тѣмъ же порядкомъ, какъ во Франціи и Англій (стр. 106). Нѣкоторыя уклоненія отъ него, которыя оно испытало въ теченіи четырнадцатаго вѣка, были такъ незначительны, что не придали ему своеобразнаго, собственно нѣмецкаго отпечатка. Эти уклоненія обуславливались отчасти тѣмъ, что измѣненія въ оруженіи, также какъ и перемѣны въ костюмѣ, исходили изъ Франціи и узнавались въ Германіи лишь тогда, когда во Франціи они уже давно были во всеобщемъ употребленіи; отчасти разницею направленій рыцарства французскаго и англійскаго съ одной стороны, и нѣмецкаго съ другой. Французскіе рыцари, какъ преемники основателей истиннаго рыцарства, остались вѣрны его духу и хотя позднѣе, вслѣдствіе разныхъ причинъ, уклонялись отъ соблюденія предписываемыхъ этимъ духомъ добродѣтелей, но строго хранили ту благородную представительность, которая была завѣщана рыцарскимъ преданіемъ, и въ этомъ отношеніи служили примѣромъ рыцарству другихъ странъ. Таково же было и рыцарство англійское, можетъ быть даже превосходившее французское своими вышними качествами. Нѣмецкое рыцарство, жившее разединенно въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ, коснѣло въ добровольной грубости до самаго своего паденія. Мало склонное поступаться своими привычками, оно весьма неохотно и медленно принимало нововведенія, тѣмъ болѣе въ оруженіи, отъ котораго, по условіямъ своего быта, оно требовало прочности, а не нарядности или красоты, между тѣмъ какъ французы и англичане цѣнили въ немъ именно это послѣднее качество. На этомъ различіи требованій и основывалось главное различіе между французско-англійскимъ и нѣмецкимъ оруженіемъ, различіе сгладившееся до нѣкоторой степени только къ концу 14 стол.

Между тѣмъ какъ во Франціи и Англій съ успѣхомъ распространялось употребленіе накладокъ изъ твердой кожи и металлическихъ бляхъ для уве-

<sup>1</sup> См. въ вышеприведенныхъ сочиненіяхъ: J. G. Büsching. Ritterzeit und Ritterwesen. Leipzig. 1823. J. Kottenkamp. Der Rittersaal, eine Geschichte des Ritterthums, seines Entstehens und Fortgangs u. s. w. Stuttg. 1842. G. Klemm. Werkzeuge und Waffen. Leipzig 1854. P. A. Frenzel. Der Führer durch das historische Museum zu Dresden. Leipzig 1850. F. v. Leber. Wiens kaiserliches Zeughaus. Zum ersten Mal aus historisch kritischem Gesichtspunkte betrachtet. Leipzig 1746. K. v. Sava. Bemerkungen über Waffen, Rüstung und Kleidung im Mittelalter u. s. w. въ «Quellen und Forschungen der vaterländischen Literatur». Wien 1849. S. 313 ff. F. v. Sacken. Die k. k. Ambrasersammlung. Wien. 1855. 2. Thele.

личения прочности брони, въ Германіи всё еще оставались при стародавней кольчугѣ съ немногими накладками. Правда, что этому не мало содѣйствовало особенное обстоятельство, именно — изобрѣтеніе, сдѣланное (около 1350) въ Нюрнберѣ, гражданиномъ этого города Рудольфомъ, который нашелъ средство вытягивать проволоку любой толщины и крѣпости и притомъ вполне круглую и ровную, что дало возможность изготовлять кольчуги гораздо скорѣе и дешевле, чѣмъ прежде, когда проволока выковывалась.

Это изобрѣтеніе было особенно выгодно для небогатыхъ. Но не только у нихъ, и у самыхъ знатныхъ рыцарей брони покрывались только узкими металлическими полосами на рукахъ и ногахъ, иногда съ прибавленіемъ на локотниковъ и наколѣнниковъ, или немногими круглыми бляхами рѣдко разсаженными по всей бронѣ. Но и такое вооруженіе, особенно если оно было сколько нибудь тщательно выработано, принадлежало въ это время къ исключеніямъ и встрѣчалось только у немногихъ изъ знатныхъ рыцарей, да и тѣ употребляли его не столько какъ боевое вооруженіе, сколько какъ турнирный нарядъ, вмѣстѣ съ богатымъ кафтаномъ, шлемомъ и другими принадлежностями. Образчикъ такого вооруженія представляетъ надгробное изображеніе Гюнтера Шварцбургскаго, противника Карла IV, отъ 1349 г. (фиг. 116).

Только съ этого времени, со второй половины 14 ст., начинается распространяться обкладка кольчужныхъ панцырей металлическими полосами и бляхами, и вмѣстѣ съ этимъ кафтанъ суживается и укорачивается на манеръ французско-англійскаго, и постепенно превращается въ совершенно плотно прилегающій къ тѣлу камзолъ, такъ наз. *Lendner*.

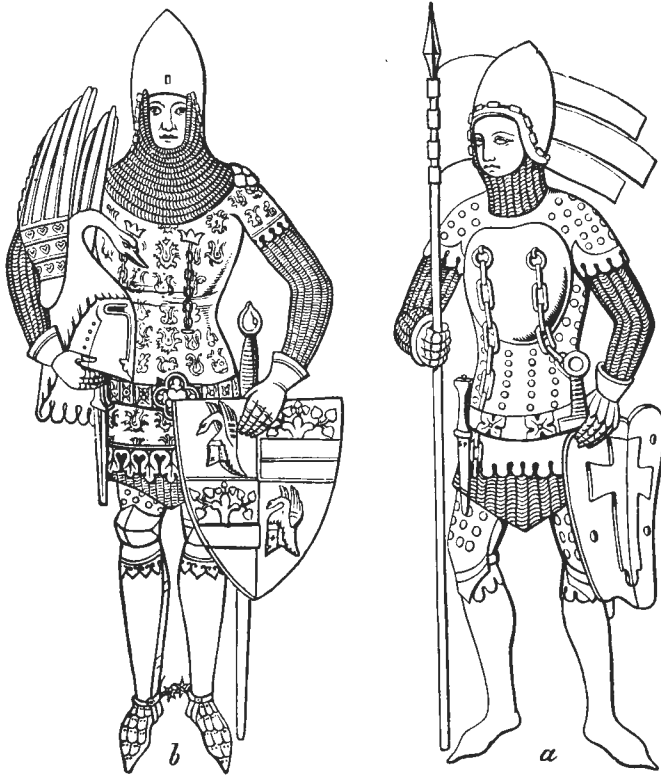
Эти *Lendner*, какъ видно изъ описанія ихъ въ Лимбургской хроникѣ за 1370 г., соответствовали тѣмъ кафтанамъ (туникамъ), которые надѣвались французами и англичанами сверхъ брони и плотно охватывая грудь стягивались на спинѣ шнуровкою; они были безъ рукавовъ и доходили только до половины бедръ (фиг. 87). Изготовлялись они изъ какой нибудь очень прочной матеріи, обыкновенно изъ твердой кожи; для большей прочности на нихъ нашивались небольшія круглыя бляхи, а иногда настегивались желѣзные нагрудники (фиг. 117 а). Эта неуклюжая одежда оставалась въ употребленіи почти до конца столѣтія, по крайней мѣрѣ у небогатыхъ рыцарей. Богатые и знатные между ними начали уже перенимать многое отъ французскихъ и англійскихъ рыцарей, иногда стараясь даже прев-

Фиг. 116.



зойти ихъ богатствомъ вооруженія (фиг. 117 в). Нѣкоторыя старинныя особенности послѣдняго, какъ напр. прикрѣпленіе меча и кинжала цѣпами къ

Фиг. 117.

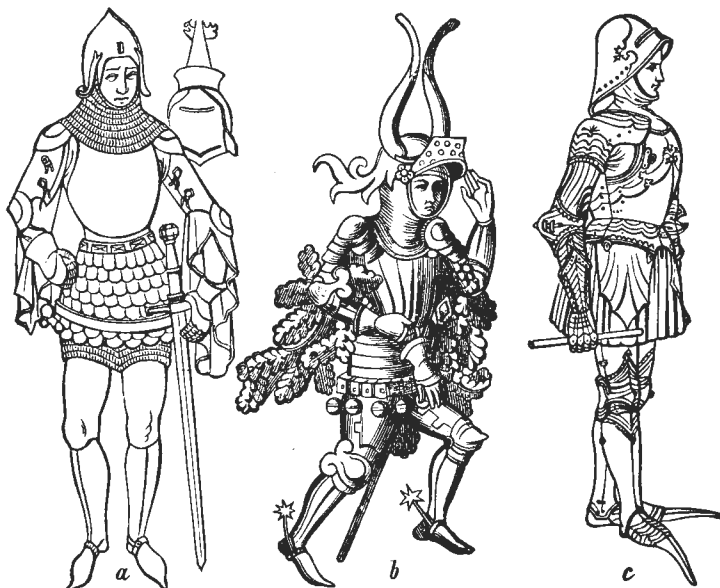


нагруднику (фиг. 117 а в), сохранили и они, наравнѣ со всеми нѣмецкими рыцарями, до начала 15 вѣка. Съ этого времени эти особенности постепенно исчезаютъ изъ вооруженія и если еще проявляются, то лишь въ его отдѣлкѣ и въ покроѣ соединенной съ нимъ одежды. Такъ напр. нѣмецкіе рыцари не упустили перенести и на вооруженіе любимую отдѣлку бубенчиками и колокольчиками; кафтанъ, который носили то сверхъ брони, то подъ нею, дѣлался съ длинными, висячими рукавами съ выѣжкой; обувь носили съ длинными носками; но всё это продолжалось до тѣхъ поръ, пока было вообще въ модѣ (фиг. 118 а—с). Упомянемъ здѣсь еще то, что императоръ Максимилианъ I очень заботился объ усовершенствованіи досчатыхъ доспѣховъ и даже принималъ въ этомъ дѣлѣ личное участіе. У него былъ свой собственный очень искусный оружейникъ, Лоренцъ Платнеръ изъ Аугсбурга (1170); имъ же была заведена въ Инсбрукѣ большая плющильня, и ему же приписываютъ изобрѣтеніе искусства разомъ формовать по тридцати нагрудниковъ и наспинниковъ.

Этотъ же государь первый образовалъ въ Германіи, когда шелъ войною на Венгрію около 1490 года, вѣчто въ родѣ постоянного наемнаго войска.

Для этого онъ приказалъ собирать бродягъ по всему государству и изъ нихъ составилъ такъ называемыхъ „копейщиковъ (Landes—или Lanz—knechten) подь именемъ „черной гвардіи“—правильно организованную пѣхоту, хотя и не всю вполне одинаково обмундированную, но по отдѣльнымъ отрядамъ довольно одинаково вооруженную. Вооруженіе состояло преимущественно въ нагрудникахъ и наспинникахъ, простыхъ желѣзныхъ шапкахъ, мечахъ, алебардахъ, самострѣлахъ и тяжелого ручного огнестрѣльнаго оружія. Не смотря на распространеніе послѣдняго, самострѣлъ тѣмъ не менѣе еще долго оставался въ общемъ употребленіи, хотя и утрачивалъ постепенно то значеніе, которое придавалось ему еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ и было таково, что императоръ Карлъ IV въ 1355-мъ году даровалъ изготовителямъ самострѣловъ особая привилегіи! <sup>1</sup>

Фиг. 118.



До учрежденія упомянутыхъ полковъ, составъ германскаго войска былъ такой же, какъ во Франціи и Англій до основанія и тамъ такихъ же постоянныхъ войскъ (стр. 125). Императорскія военныя силы состояли изъ коннаго имперскаго рыцарства съ его вассалами и служилыми людьми, тоже на конѣ, и исключительно такими оставались онѣ до 14 вѣка, когда появились наемные ратники, которыми съ тѣхъ поръ стали усиловать войско, по крайней мѣрѣ въ военное время. Въ германскихъ земляхъ въ особенности, наемники эти нашли себѣ радушный пріемъ не только у отдѣльныхъ владѣтелей, но и у городскихъ общинъ, которыя ими усиливали и свои войска. Такъ, между прочимъ, начиная съ 1368 года, городъ

<sup>1</sup> Сообщено А. Berlepsch. Chronik der Feuerarbeiter u. s. w. St. Gallen (o. J.) 8. S. 116 ff.

Аугсбургъ, а за нимъ и другіе большіе города, какъ Нюрнбергъ, Франкфуртъ и проч., очень часто брали себѣ на службу наемные отряды, что дѣлалось посредствомъ обязательствъ, выдаваемыхъ обѣими сторонами на основаніи обоюднаго соглашенія. Многія такія обязательства (Bestellungen) сохранились до сихъ поръ <sup>1</sup>. Изъ нихъ мы видимъ, что наемники частью имѣли свое собственное вооруженіе, частью выговарили его себѣ отъ наемщиковъ, и вмѣстѣ узнаемъ какого рода было вообще это вооруженіе. Въ 1410 году многіе нанялись на службу Франкфурту, въ томъ числѣ нѣсколько дворянъ, „каждый самъ своею особою (jeglicher mit seinem Leibe), съ лошадыю не дешевле 20 гульденовъ, хорошо выѣзженной, каждый въ панцырѣ, наножникахъ и съ копьемъ, или въ хорошемъ панцырѣ и съ хорошимъ самострѣломъ, за 4½ фунта геллеровъ и пятнадцать геллеровъ за каждыя четыре недѣли (fünfhalf Pfund Heller und fünfzehn Heller)“<sup>4</sup>. Затѣмъ, въ 1416 году, нанялись двое благородныхъ, каждый съ лошадыю и въ полномъ вооруженіи, за сто десять гульденовъ въ годъ; позднѣе, въ 1474 году, съ магистратомъ Франкфурта вошли въ соглашеніе двѣсти человекъ ратниковъ въ томъ, что „каждый изъ нихъ самъ лично, пѣшій, вооруженный въ латы и шлемъ, какъ онъ только можетъ, и снабженный хорошимъ оружіемъ, самострѣломъ, пищалью или копьемъ, какъ будетъ указано, долженъ и желаетъ служить на свой счетъ и на свой страхъ, и т. д.“<sup>4</sup> Далѣе говорится: „Еще дали намъ наши господа (unsere Herren) каждому сукна на шапку (Kogel), за что мы имъ благодарны; и на дорогу пусть они дадутъ намъ стрѣлъ и пороху сколько будетъ нужно, съ тѣмъ, что мы не истратимъ ихъ безъ толку, въ чемъ и подписуемся — Бернгардъ и т. д.“<sup>4</sup>—

Если нѣсколько рыцарей съ своими вассалами соединялись для общей цѣли, то каждый вооружался самъ и вооружалъ своихъ спутниковъ какъ ему было угодно; если же рыцари составляли изъ себя отдѣльныя общества или товарищества, то для каждаго такого общества выбирался какой нибудь отличительный знакъ. Такъ было напр. во время войны между Вюртембергскимъ дворянствомъ и швабскими городами въ 1374 г. Въ Кёлигсговенской хроникѣ сказано объ этомъ слѣдующее: „При такомъ оборотѣ дѣлъ въ Швабіи и на Рейнѣ, владѣтели, рыцари и вассалы составили много союзовъ и обществъ. Одни назвались обществомъ святаго Георгія, другіе обществомъ святаго Вильгельма, третьи обществомъ Пантеры или Льва, и каждый общинникъ носилъ на своей одеждѣ серебрянную или золотую пантеру или льва, или другой какой знакъ, избранный обществомъ, къ которому онъ принадлежалъ“<sup>4</sup>.

Не всякому предоставлялось право постоянно носить при себѣ оружіе <sup>2</sup>. Хотя, вслѣдствіе постоянныхъ притѣсненій испытываемыхъ городами со стороны властолюбиваго дворянства, обыкновеніе носить оружіе и стало болѣе или менѣе общимъ, но частыя злоупотребленія, происходившія отъ этого, вызвали необходимость ограничить это право законнымъ постановле-

<sup>1</sup> W. v. Reinöhl. Die gute alte Zeit. u. s. w. Herausg. von J. Scheible. Stuttg. 1847. стр. 172. — <sup>2</sup> Сравн. А. Berlepsch. Chronik der Feuerarbeiter u. s. w. S. 154 ff.

нѣмъ. Вслѣдствіе чего, во многихъ большихъ городахъ, уже въ первой половинѣ четырнадцатаго вѣка, мѣстнымъ гражданамъ неоднократно воспрещалось носить оружіе въ мирное время; запрещеніе это касалось именно кинжаловъ, карманныхъ ножей, какъ и всякаго скрытаго оружія. Въ 1328 году архіепископъ Фридрихъ III Зальцбургскій объявилъ, что „если узнаютъ про кого, что онъ носитъ ножъ или другое какое оружіе въ штанахъ или инымъ образомъ скрытое, то онъ лишается нашей милости, и долженъ быть задержанъ, какъ вредный человѣкъ“. Такое же запрещеніе было обнаружено, въ 1347 году, въ Швеціи, Магнусомъ Эрикомъ <sup>1</sup>. Въ немъ простому народу воспрещалось всякаго рода оружіе, кромѣ хлѣбнаго ножа, и только мастерамъ дозволялось употребленіе меча, щита, шлема и панцыря. Не дозволены были кинжалы, лукъ, стрѣлы, пики и короткіе, кинжалообразные поясные ножи. И еще въ 1483 году, тамошній же король Іоаннъ издалъ указъ, по которому въ Копенгагенѣ никто не долженъ былъ ходить или ѣздить верхомъ съ взведеннымъ самострѣломъ.

Но въ пятнадцатомъ вѣкѣ стали и въ этомъ отношеніи вообще снисходительнѣе, также какъ и въ отношеніи одежды. По крайней мѣрѣ постепенно было допущено столько исключеній, что надзоръ за неподходящими подъ эти исключенія сдѣлался чрезвычайно затруднителенъ. Такъ, когда между прочимъ въ Ульмѣ, еще въ 1446 году, и почти въ то же время въ Аугсбургѣ, право носить мечи и длинные ножи было оставлено только за ратсгерами и ихъ служителями, въ концѣ столѣтія магистратъ ульмскій позволилъ носить ножи „судьямъ, амтману и городовому секретарю, управляющему податными сборами, служителямъ думы, служителямъ бургомистровъ, служащимъ дворянамъ и ихъ слугамъ, коннымъ городскимъ служителямъ, гробовщикамъ, мѣрильщикамъ зерноваго хлѣба, киповязамъ (во время работы), дворецкимъ, главнымъ конюшимъ, привратникамъ, извозчикамъ, обозникамъ, и даже содержателямъ домовъ терпимости“.

Облаченіе духовенства держалось здѣсь, какъ и вездѣ, неуклонно въ границахъ, предписанныхъ общими литургическими постановленіями римской церкви. Всякое произвольное отступленіе отъ нихъ не только строго воспрещалось, но даже судилось церковнымъ судомъ почти наравнѣ съ своевольнымъ измѣненіемъ порядка богослуженія. Точно также строго преслѣдовалось неисполненіе предписаній касательно монашествующаго духовенства и внѣслужебнаго поведенія священниковъ, что впрочемъ не мѣшало нисшему духовенству, весьма многочисленному и въ Германіи, давать полный просторъ своимъ мірскимъ вкусамъ и, преимущественно въ отношеніи одежды, не уступать своимъ собратьямъ въ Англіи и во Франціи. Въ остальномъ же, развѣ установленный церковный порядокъ соблюдался строго до тѣхъ поръ,

<sup>1</sup> O. Dalins. Geschichte des Reiches Schweden. Aus dem Schwedischen übers. durch J. Benzelstiern und C. Dähnert. Greifswald 1756 ff. II, 376; 619.

пока не былъ потрясенъ, до самаго своего основанія, постоянно усиливавшимся реформаціоннымъ движеніемъ, послѣ чего, въ странахъ, гдѣ движеніе это окончательно восторжествовало, какъ прежде всего въ Германіи, съ кореннымъ преобразованіемъ внутренняго состоянія церкви, представителями ея было оставлено и прежнее пышное священническое облаченіе. Но это состоялось только въ первой половинѣ слѣдующаго столѣтія.

### Италія <sup>1</sup>.

Въ Италіи, въ виду многочисленныхъ остатковъ древности и подъ ихъ постояннымъ вліяніемъ, долѣе чѣмъ гдѣ либо придерживались классическихъ древне-римскихъ преданій. Несмотря на то, что французское вліяніе, пробудившее наклонность къ внѣшнему блеску, проникло сюда уже въ 1264 г. при водвореніи въ Сициліи Карла Анжуйскаго и затѣмъ утвердилось влѣдствіе вмѣшательства Карла Валуа въ дѣла Тосканы, въ 1301 г., вліяніе это долгое время распространялось только на имущіе классы, и касалось не столько формы и покроя одежды, сколько ея отдѣлки и выбора матерій. Прошли, конечно, тѣ времена, когда—какъ это было въ 13-мъ столѣтіи,—даже знатная тосканка довольствовалась узкимъ шерстянымъ платьемъ краснаго цвѣта, кожанымъ поясомъ, и развѣ еще мѣхомъ опушеною мантией, безъ всякихъ особенныхъ украшеній. Уже въ концѣ столѣтія, влѣдствіе усовершенствованій въ выдѣлкѣ матерій для одеждъ—шелковыхъ, бархатныхъ и другихъ тканей, умѣренность эта уступила мѣсто постепенно возрастающей роскоши. Роскошь преимущественно преобладала въ женскихъ костюмахъ и достигла, особенно въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ напр. въ Тосканѣ, такихъ размѣровъ, что флорентійскія власти принуждены были наложить ежегодный налогъ въ 50 лиръ за право носить на головѣ и одеждѣ драгоценныя камни, хотя бы даже и поддѣльные, и различныя украшенія изъ золота и серебра. Постановленіе это, по безцѣльности своей, было впрочемъ отмѣнено не далѣе какъ черезъ 7 лѣтъ. Данте въ своей поэмѣ (*Paradiso* XV. 97 и сл.) называетъ женскія цѣпочки и пояса пугаломъ отцовъ.

Вышеупомянутый налогъ въ 50 лиръ былъ вполнѣ замѣненъ денежною ценой, налагавшейся на ближайшихъ родственниковъ лицъ, носившихъ слишкомъ роскошныя украшенія. Но и это постановленіе оказалось на столько неэффективнымъ, что по истеченіи 11-ти лѣтъ принуждены были возобновить его въ болѣе рѣзкой формѣ. Все это, впрочемъ, относилось исключительно къ возрастающей роскоши женскаго пола. Вообще надо замѣтить,

<sup>1</sup> Кромѣ названныхъ выше (стр. 35) сочиненій фоль-Гафнера, Луандра и Можэ, въ которыхъ есть нѣкоторыя сюда относящіяся частности, см. особенно: J. Ferraris. *Le costume ancien et moderne*, etc. Milan 1816 (Europe. III); C. Bonnard. *Costumes historiques du XIII--XV siècles*. Dessinés et gravés par P. Mercury. Paris, 1845; Fabio Mutinelli. *Del costume veneziano sino al secolo decimosettimo*. Venezia 1831. Сверхъ того, рисунки съ древнеитальянскихъ картинъ у C. Lasinio *Gemälde der altflorent. Schule*; G. Rossini. *Storia della pittura italiana*. 2 vols in fol. Pisa 1839; D. Hüllmann. *Städtewesen des Mittelalters*. Bonn. и ин. др.

что до конца 13-го столѣтія, заботы городского управленія, какъ здѣсь, такъ и вездѣ, касались только женщинъ, которымъ, хотя и безуспѣшно, дѣлались все болѣе и болѣе строгія внушенія. Такъ, изданное по этому поводу во Флоренціи постановленіе было повторено по крайней мѣрѣ 5 разъ въ промежутокъ времени отъ 1330—1396 года, и тѣмъ не менѣе не установило никакой опредѣленной формы одежды. Женщины въ этомъ отношеніи вообще довольно медленно подвигались впередъ и долѣе нежели мужчины сохранили издревле введенную форму костюма, отступая отъ нея мало по малу; хотя и послѣдніе въ свою очередь оставили ее не ранѣе половины столѣтія.

Впервые жалуется на это обстоятельство Г. Виллани, который при видѣ переворота, совершившагося около 1342 г. (и вызваннаго, по его мнѣнію, примѣромъ роскошнаго герцога авиньонскаго Готье (Gauthier) и его многочисленной свиты) съ глубокимъ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что до того времени, мужчины одѣвались въ красивую и величественную одежду древнихъ римлянъ, а затѣмъ промѣняли ее на болѣе роскошный, но чужеземный нарядъ.

Впрочемъ этой жалобѣ не слѣдуетъ придавать особенно важнаго значенія. Множество изображеній изъ того времени несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что мужчины до конца столѣтія носили унаслѣдованную отъ древнихъ длинную и широкую одежду, которая не только служила отличительнымъ знакомъ должностнаго сословія, какъ это было впоследствии, но была принята всѣми безъ исключенія. Только въ цвѣтѣ одежды, выборѣ и соединеніи красокъ первобытная простота уже довольно рано смѣнилась рѣзкой пестротой. Въмѣсто прежде употребляемыхъ во всѣхъ сословіяхъ бѣлаго, сѣраго и чернаго цвѣтовъ, развѣ иногда съ самой скромной разцвѣткой, въ началѣ столѣтія вошли въ моду цвѣта яркіе: различные оттѣнки желтаго, краснаго, зеленаго и синяго, такъ что къ этому времени,—какъ между прочимъ въ Генуѣ,—даже среди низшихъ классовъ было принято, если не всякій день, то по крайней мѣрѣ хотъ въ праздникъ, надѣвать красную одежду на оранжевой подкладкѣ; къ тому же, нижнее и верхнее платье, а равно панталоны и плащъ выбирались рѣзко противоположныхъ и иногда совершенно не гармонирующихъ цвѣтовъ: крайность, продолжавшаяся до конца 2-й половины столѣтія.

Въ мужской одеждѣ, оба кафтана, которые обыкновенно надѣвались одинъ на другой, соответствовали, собственно говоря, древне-римской туникѣ, отличаясь отъ нея только тѣмъ, что воротъ у нихъ былъ не широкій, а плотно охватывавшій шею, и что иногда къ нимъ пришивали короткій, стоячій воротникъ. Вообще же кафтаны эти имѣли видъ широкой рубашки, доходящей до колѣнъ или до пятъ, съ поясомъ и безъ онаго; нижній кафтанъ имѣлъ длинные и узкіе, верхній—болѣе широкіе рукава (Фиг. 119 а). Эта основная форма, сохраняясь постоянно, подвергалась различнымъ измѣненіямъ, сначала довольно незначительнымъ, касавшимся главнымъ образомъ верхняго платья; нижнее, и почти исключительно въ длинѣ, измѣнялось сообразно съ верхнимъ.

Особенно долго, до конца слѣдующаго столѣтія, сохранились длинные, уз-

кіе рукава и не совѣтъ вышли изъ употребленія даже тогда, когда, вслѣдствіе чужеземнаго вліянія, для нихъ появились новые и болѣе разнообразныя фасоны.

Дальнѣйшія измѣненія въ верхней одеждѣ касались главнымъ образомъ формы рукавовъ и величины разрѣза на самой одеждѣ. Разрѣзъ этотъ шелъ или отъ шеи до пояса, или же отъ пояса внизъ до конца одежды, и обыкновенно или завязывался на тесемки, или застегивался на пуговицы. Только со 2-й половины столѣтія верхнюю одежду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нижнюю, стали дѣлать короче и уже. Преобразование это совершалось довольно медленно и только къ концу столѣтія мода остановилась на короткомъ платьѣ, доходившемъ до колѣнъ и довольно узко обхватывавшемъ верхнюю часть туловища до талии. Несмотря на то, что одежда эта была приспособлена къ застѣжкѣ и шнуровкѣ, однако въ Италіи ни въ это время, ни позднѣе она никогда настолько плотно не прилегала къ талѣ, какъ это было во Франціи и Германіи. Существенное украшеніе верхвей одежды вообще и по преимуществу длинной и широкой, уже довольно рано, по мѣрѣ возрастающей роскоши, составляла мѣховая опушка и подкладка, а иногда также широкіе боковыя карманы. Хотя короткіе кафтаны и безъ того были довольно узки, тѣмъ не менѣе ихъ рѣдко носили безъ пояса, и такъ какъ нижняя часть ихъ, начиная съ талии, ниспадала складками, то поясъ, вопреки французскому обычаю, опускали довольно низко. Что касается рукавовъ, то почти до половины столѣтія и позднѣе предпочитали съ одной стороны болѣе или менѣе широкіе полурукава (фиг. 119 а), съ другой—длинные висячіе рукава; первые—для узкихъ и короткихъ, а также и длинныхъ кафтановъ; висячіе же употреблялись исключительно для длинныхъ. Рукава эти съ теченіемъ времени принимали все большіе размѣры; иногда они расширялись въ видѣ воронки, причемъ часто доходили до земли, или же откидывались назадъ и мотались въ видѣ лопастей. Длинные узкіе рукава, усвоенные нижней одеждѣ, переносились иногда такъ

Фиг. 119.



же и на верхнюю, и въ этомъ случаѣ удлинялись до начала пальцевъ, охватывая кисть руки въ видѣ узкихъ манжетъ, застегивавшихся на маленькія пуговики.

Что касается плащеобразныхъ одѣяній, то они остались почти безъ измѣненія. Это были всё тѣже старинныя, открытыя съ боку накидки съ застежкой на плечѣ, или же открытыя спереди плащи, застегивавшіяся на груди помощью пряжки (фиг. 119 а.). Всѣ другія формы, возникшія довольно скоро, представляли видоизмѣненія все того же стариннаго покроя, только болѣе приспособленнаго къ употребленію: пряжки замѣнились пуговицами (фиг. 119 б.), а для рукъ стали прорѣзывать отверстія (проймы). Вскорѣ затѣмъ постепенно стало входить въ обыкновеніе снабжать эти плащи очень широкими рукавами, а капюшоны превращать въ большія круглыя пелерины, спускавшіяся до живота, и иногда застегивавшіяся спереди, иногда же, согласно древнеримскому обычаю, подобно „раепіла“, наглухо закрытыя..

Ноги, какъ въ высшихъ такъ и въ среднихъ классахъ, покрывали издавна вошедшими во всеобщее употребленіе узкими штанами. Эти штаны или прикрѣплялись къ нижней одеждѣ, или же надѣвались отдѣльно и подтягивались ремнемъ или поясомъ; они были устроены такъ, что одѣвали и самую ступню, замѣняя собою обувь; а подошвы, для большей прочности обшивались кожей. Низшіе классы или совсѣмъ не прикрывали ногъ, или же довольствовались чулками, едва доходившими до колѣнъ; а иногда и просто обертывали ноги грубой матеріей, которую подвязывали ниже колѣнъ. Особый родъ штановъ (*calza*), употреблявшихся преимущественно при верховой ѣздѣ, дѣлался изъ спеціально заготовленной для этой цѣли телячьей кожи, называемой „*bescis*“ или „*bazan*“. Они тоже плотно обтягивали ногу.

Обувь, употреблявшаяся весьма часто на ряду съ вышеупомянутыми кожаными подошвами, въ теченіи долгаго времени сохраняла свою первобытную простоту. Независимо отъ цвѣта, въ чемъ, какъ и въ одеждѣ, уже довольно рано проявилась наклонность къ пестротѣ, обувь далеко за половину столѣтія ограничивается частью довольно высокими башмаками, частью же твердыми подошвами съ клюшами, для прикрѣпленія къ ногѣ въ родѣ сандалій. Высокіе же башмаки въ большинствѣ случаевъ разрѣзались спереди и по разрѣзу частью застегивались на пуговицы, частью зашнуровывались. Сапоги и тому подобная высокая обувь даже у всадниковъ встрѣчались еще очень рѣдко. Въ довершеніе ко всему этому обувь имѣла спереди совершенно круглую, нисколько не заостренную форму; длинные и узкіе носки, по мнѣнію того времени, не согласовались съ изящнымъ вкусомъ! Только уже въ концѣ столѣтія, вслѣдствіе чужеземнаго вліянія, постепенно начали отказываться отъ прежняго мнѣнія; но и тутъ, впрочемъ, новая мода была принята лишь записными щеголями.

Головные уборы также не подверглись никакимъ измѣненіямъ и не разнообразились введеніемъ новыхъ формъ. По крайней мѣрѣ до половины столѣтія они сохранили прежнія формы плотноприлежавшихъ круглыхъ шапочекъ съ ушками и безъ нихъ; простыхъ, большею частью низкихъ, твердыхъ или мягкихъ шапокъ; головныхъ повязокъ въ родѣ тюрбана съ

ниспадающимъ назадъ лоскутомъ, или же узкихъ, а иногда и широкихъ капюшоновъ; всѣ эти головные уборы иногда подкладывали или по крайней мѣрѣ оторачивали мѣхомъ.—Ближайшія и самыя существенныя преобразования введенныя съ того времени касались главнымъ образомъ капюшоновъ и шапокъ. Первые стали разрѣзать спереди и приспособлять для застежки, а верхушку удлинять такъ, что она загибалась назадъ; шапки же дѣлались иногда съ широкими полями, имѣвшими съ обѣихъ сторонъ разрѣзы; такъ что ихъ можно было отворачивать. Кромѣ того ихъ украшали золотымъ шитьемъ и тому подобной отдѣлкой. Въ отношеніи цвѣта головныхъ уборовъ, предпочтеніе отдавалось преимущественно яркимъ цвѣтамъ, какъ и вообще въ одеждѣ того времени.

Волосы носили обыкновенно или гладко зачесанными отъ лба, или же опущенными на лобъ и на немъ прямо подстриженными; завивали ихъ рѣдко (фиг. 119 а.). Борода мало по малу начала выходить изъ моды. За немногими исключеніями, относящимися только къ старикамъ и ученымъ, уже въ началѣ столѣтія, вѣроятно, по примѣру южной Франціи, вошло въ обычай брить бороду: обычай, отъ котораго даже и въ позднѣйшія времена отступали только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

Что касается драгоценныхъ украшеній, то въ этомъ отношеніи подвигались довольно медленно впередъ. До половины столѣтія, раньше того времени, когда появилась наклонность къ внѣшнему блеску, главное украшеніе составляли пряжки для застегиванья верхней одежды на груди и плечахъ, металлическая оправа на поясахъ и другія металлическія отдѣлки употреблявшіяся для одеждъ, головныхъ уборовъ и т. д.; кромѣ того украшеніемъ служили кольца съ камнями или простыя.

Напротивъ того, уже довольно рано, по крайней мѣрѣ въ высшихъ классахъ, употребленіе перчатокъ составляетъ одно изъ необходимыхъ условій приличія. До той поры всѣми любимыя поясныя сумки (карманы) такъ же какъ и поясныя кинжалы мало по малу изъ высшихъ классовъ стали переходить въ средній и низшій, преимущественно къ ремесленникамъ и мелочнымъ торговцамъ.

Пробудившаяся во второй половинѣ столѣтія, и въ особенности въ 60-хъ годахъ, наклонность къ подражанію иностраннымъ образцамъ оставила по большей части неприкосновенною общепринятую въ то время одежду, которая сохранила свой прежній видъ вплоть до слѣдующаго столѣтія. Единственное измѣненіе происшедшее въ ней состояло лишь въ томъ, что приблизительно около 1350 г., когда длинная одежда сдѣлалась отличительнымъ знакомъ людей занимавшихъ высокія общественныя должности, верхняя одежда этихъ лицъ достигала иногда такой полноты, что, спускаясь широкими складками, волочилась иногда по землѣ длиннымъ шлейфомъ; точно также и рукава ея дѣлались такихъ размѣровъ, что наравнѣ съ одеждой спускались на землю. (фиг. 120 а—с.). Для бѣльшаго удобства на ней обыкновенно дѣлался сзади разрѣзъ доходившій до подколѣна.

По отношенію къ изобрѣтенію новыхъ формъ и усвоенію чужеземныхъ, развитіе совершалось довольно медленнымъ путемъ. Нижняя одежда, помимо того, что въ длинѣ она обыкновенно сообразовалась съ верхней, въ

сущности нисколько не измѣнилась. Что же касается верхней, то съ течениемъ времени ее стали дѣлать болѣе узкой до талии, а спереди для за-

Фиг. 120.



стежки пришивать пуговицы. Длину ея значительно укоротили, обрѣзывая до колѣнъ, а иногда и выше, до половины бедръ. Только поздѣе, когда глазъ уже нѣсколько привыкъ къ такого рода одеждѣ, въ подражаніе французамъ, и прежде всего, разумѣется, между щеголями, распространилась мода суживать и нижнюю половину (юбку), такъ что она почти плотно прилегала къ тѣлу, и дѣлать её спереди во всю длину распашною на пуговицахъ, а поясъ спускать ниже талии. Болѣе широкіе короткіе кафтаны, употреблявшіеся впрочемъ рѣже, ниспадали правильными складками и имѣли широкіе рукава, также въ складкахъ. Вокругъ ворота, высокаго или низкаго, носили обыкновенно воротникъ изъ тонкой сложенной мелкими складками матеріи.

Что касается фасона рукавовъ, то въ немъ и теперь проявлялась особенная склонность къ разнообразію. Для нижней одежды сохранили свойственную ей узкую и длинную, такъ же какъ для верхней одежды болѣе свойственную ей широкую форму рукавовъ; на ряду съ этими возникли еще другіе фасоны, которые безъ разбора переносились на всякую одежду. Такъ напр. длинные и широкіе мѣшкообразные рукава, плотно прилегающіе у ручной кисти; рукава, отдувающіеся у плечъ и постепенно суживающіеся къ рукѣ, гдѣ они застегиваются на маленькія пуговицы; длинные, къ низу въ видѣ воронки расширяющіеся висячіе рукава (фиг. 121 а.) и наконецъ, узкіе, чрезвычайно длинные рукава, достающіе до колѣнъ, и имѣющіе вслѣдствіе чрезмѣрной длины своей, кромѣ нижняго отверстія для руки, еще верх-

нее, посреди рукава, обложенное широкимъ или узкимъ кантомъ, образующимъ какъ бы второй рукавъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ, употреблялись еще цѣльные, сплошные рукава, равномерно узкіе или широкіе, которые, смотря по тому, насколько тѣсно или свободно они обнимали руку, къ низу или распускались, или же разрѣзывались и принаровлялись для застежки.

Фиг. 121.



Къ плащеобразнымъ одѣяніямъ не присоединилось ничего существенно новаго: только ихъ стали дѣлать распашными и на пуговицахъ во всю длину, и носили болѣе или менѣе распашнутыми, смотря по тому, насколько желали выставить на видъ нижнюю одежду. Кромѣ того, ихъ суживали къ низу на подобіе кафтана, такъ что плащъ составлялъ какъ бы третій кафтанъ, что въ значительной мѣрѣ увеличивало пестроту костюма, ибо всѣ три одежды выбирались разныхъ цвѣтовъ. Къ тому же все болѣе и болѣе стало входить въ обыкновеніе оторачивать и подбивать именно эту верхнюю одежду дорогимъ мѣхомъ, такъ что кромѣ своего первоначальнаго назначенія, защищать тѣло отъ холода, она всѣ болѣе и болѣе пріобрѣтала значеніе наряднаго одѣянія.

Одежда, покрывавшая ноги въ общемъ не измѣнилась, но въ частности, хотя и не ранѣ конца столѣтія и преимущественно между шеголами, она подверглась нѣкоторымъ преобразованіямъ. Не измѣняя прежней узкой и обтянутой ея формы, еѣ стали ниже колѣнъ раздѣлять на двое; или, правильнѣе говоря, сверхъ обыкновенныхъ тогда узкихъ штановъ, стали надѣвать другіе, доходившіе за колѣни, вырѣзанные внизу зубцами и рѣзко отличавшіеся цвѣтомъ отъ нижнихъ.

Что же касается обуви, то на ряду съ старинными, въ видѣ сандалій пристегивающимися подошвами, мало по малу вошли въ употребленіе полуботинки (башмаки) а также и сапоги или родъ длинныхъ, жесткихъ чулокъ, которые надѣвались главнымъ образомъ въ дорогу. Вообще же самыя существенныя нововведенія ограничивались богатой отдѣлкой, пестрой вышивкой и украшеніемъ изъ маленькихъ изящныхъ пуговокъ, только уже къ концу столѣтія, какъ это было замѣчено нами еще ранѣе, начали перенимать отъ французовъ обувь съ длинными носками вмѣстѣ съ подвязными подошвами или подбашмачниками (ср. стр. 64.).

Въ головныхъ уборахъ произошло весьма мало измѣненій, и тѣ касались почти исключительно легкихъ шапокъ и головныхъ повязокъ. Первыя все болѣе увеличивались въ объемѣ, такъ что нерѣдко походили на большіе мѣшки; по околышу ихъ иногда отдѣлывали мѣхомъ и пришивали къ нимъ нащечники (фиг. 120 с; фиг. 121 а.). Повязки, вслѣдствіе большого количества употреблявшейся на нихъ матеріи, превратились въ очень высокіе и широкіе тюрбаны. До нѣкоторой степени новизною явился только

одинъ родъ шапокъ; это были полукруглыя или полукопническія шапки, поля которыхъ сзади были загнуты къ верху, а спереди удлиннялись въ узкій козырекъ. Шапки эти дѣлались изъ матеріи яркихъ цвѣтовъ, украшали ихъ шнурками и др. отдѣлкой, чаще же всего длиннымъ, наклонно-стоящимъ перомъ, спереди пристегнутымъ пряжкой. — Капюшоны значительно удлиннились въ верхушкѣ, а простыя твердыя шапочки стали дѣлать выше прежняго; но о настоящихъ шляпахъ въ то время еще не имѣли понятія. Подъ всякаго рода головными уборами, слѣдуя изстари введенному обычаю, носили плотно прилегающіе къ головѣ шапочки.

Въ уборкѣ волосъ произошла развѣ только та перемѣна, что молодые франты стали отпускать короткіе бакенбарды; но и это, впрочемъ, какъ исключеніе, такъ какъ въ то время вообще не было обыкновенія отращивать волосы на лицѣ.

Убранство одежды, т. е. ея отдѣлка коймами и шитьемъ, точно также какъ и цѣнность самой матеріи приобрѣтали все большее значеніе. Украшенія по одеждѣ становились все изящнѣе, а что касается матеріи, то помимо разныхъ сортовъ тонкихъ суконъ, преимущественно доставляемыхъ Флоренціей — фабрикація, занимавшая около половины столѣтія не менѣе 30 тысячъ рабочихъ — увеличился запросъ и на шелковыя матеріи, гладкія и узорчатыя, выдѣлывавшіяся въ Палермо, Луккѣ и Венеціи и притомъ самыхъ дорогихъ цвѣтовъ — въ особенности пурпурно-фіолетоваго и ярко-краснаго. Въ большомъ ходу были также льняныя ткани, которыя фабриковались тоже въ Италиі.

Итакъ, соединяя все отдѣльныя частности въ одно цѣлое мы находимъ, что около конца столѣтія костюмъ знатной франтоватой молодежи, преимущественно въ Ломбардіи, былъ слѣдующій; нижнее цвѣтное платье шелковое или суконное съ узкими рукавами, и верхнее, открытое или вполнѣ застегнутое, сшитое изъ шерстяной, шелковой или бархатной матеріи, пестрой или узорчатой, съ широкими, то длинными, то болѣе короткими рукавами, и непремѣнно опушенное мѣхомъ. При этомъ: узкіе панталоны, обтягивающіе также и ступню; поверхъ нихъ вторые, рѣзко противоположнаго цвѣта, также довольно узкіе, доходящіе до колѣнъ, и въ большинствѣ случаевъ изъ шерстяной матеріи, нерѣдко вышитые шелкомъ, серебромъ и бисеромъ; башмаки или короткіе сапоги, отдѣланные пуговицами и заостренные къ концу; плащъ, застегнутый спереди или съ боку, достающій до пятъ и подбитый или опушенный мѣхомъ; капюшонъ съ длинно-заостренной верхушкой, или вмѣсто него шапка, съ удлиненными къ переди полями, украшенная кокардой; цѣпочка изъ позолоченнаго серебра; жемчугъ, кораллы и кольца. Волосы умѣренно длинные, бритая борода и округленные бакенбарды.

Около того же времени появилась мода на двуцвѣтную одежду („mirparti“), и въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр: Флоренціи, Болоньѣ, Миланѣ, Генуѣ и т. д., преимущественно въ кругу знатной молодежи, еще другія особенности въ этомъ же родѣ, принявшія, впрочемъ, не ранѣе половины столѣтія, болѣе широкіе размѣры (см. ниже). —

Въ женскомъ костюмѣ уклоненіе отъ древнеримскихъ формъ замѣтно прежде всего на верхней одеждѣ. Подобно тому какъ у мужчинъ „*tunica*“, такъ у женщинъ первообразомъ одежды служила волочащаяся „*stola*“, довольно рано подпавшая нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ, не уничтожившимъ, впрочемъ, окончательно ея первоначальной формы. Одежда эта не вышла изъ употребленія даже и тогда, когда появились новыя моды; но, какъ и мужскую туннику, ее стали кроить такъ, чтобы она плотнѣе прилегла къ тѣлу и тѣснѣе обхватывала шею. Рукава ея, согласно древнему обычаю, были довольно короткіе и умѣренно широкіе. Въ такомъ видѣ, и большею частію не перепоясанною, одежду эту носили до конца слѣдующаго столѣтія (фиг. 129 а.). — Нижняя одежда, соответствовавшая древнеримской „*tunica interior*“, долгое время сохраняла назначеніе исподняго платья, пока не начали укорачивать и разрѣзывать верхнюю одежду, вслѣдствіе чего нижняя выступила на видъ. Изстари свойственные этой одеждѣ длинныя и узкіе рукава, подобно рукавамъ на мужской одеждѣ, остались безъ измѣненія и почти не выходили изъ моды.

Что же касается первоначальныхъ измѣненій происшедшихъ въ верхней одеждѣ до послѣдней трети столѣтія, то, за исключеніемъ вышеупомянутого разрѣза и сокращенія въ длину, они главнымъ образомъ состояли въ томъ, что (какъ уже сказано) одежда эта стала уже, а воротъ, частью

Фиг. 122.



вырѣзывался глубже, частью поднимался кверху; въ послѣднемъ случаѣ его обыкновенно обшивали стоячимъ воротникомъ. Укорачиваніе и разрѣзъ въ это время принадлежали еще къ рѣдкимъ исключеніямъ (фиг. 123 а. б.). Разрѣзъ дѣлался спереди или съ боку отъ талии внизъ, обшивался по краямъ нарядной каймою и по желанію могъ застегиваться на пуговицы. Въ противоположность закрытой волочащейся одеждѣ, эти распашныя платья дѣлали съ узкими цѣльными рукавами, которые вдоль задняго шва обшивались обыкновенно такою же каймою (123 в.).

Фиг. 123.



Закрытыя широкія верхнія платья пожилыя женщины подпоясывали поясомъ (фиг. 61); вообще же ихъ носили совсѣмъ свободно, иногда даже безъ пояса, только для большаго удобства движеній подбирали на поясъ и затѣмъ опускали черезъ него въ видѣ болѣе или менѣе обширнаго буфа. (фиг. 123 с. в.). Такъ было принято преимущественно женщинами среднихъ классовъ, да и то лишь для домашняго платья. Знатныя же дамы не только оставляли свою длинную одежду волочиться по полу, развѣ только нѣсколько приподнимая её въ ходьбѣ, но даже еще болѣе удлинняли ея подолъ, не смотря на протестъ съ стороны духовенства противъ шлейфовъ. Какъ открытыя и короткія одежды дѣлались обыкновенно съ узкими рукавами, такъ закрытыя по преимуществу съ широкими. До половины столѣтія рукава представляли весьма простые фасоны: то въ видѣ болѣе или менѣе длинныхъ полурукавовъ различной ширины; то умѣренно длинныхъ широкихъ рукавовъ, плотно прилегающихъ у ручной кисти; то очень широкихъ, доходящихъ иногда до земли. Уже позднѣе къ существующимъ фасонамъ стали присоединяться еще узкіе короткіе полурукава и цѣльные рукава, которые у плечъ были довольно широки и шли постепенно суживаясь

въ рукѣ; для того чтобы удобнѣе было надѣвать ихъ, внизу на заднемъ швѣ дѣлались разрѣзы и пришивались пуговицы для застежки.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нижнее платье выставялось изъ подъ верхняго (какъ при распашныхъ платьяхъ), оно отдѣлялось по возможности богато. Верхнее платье, разумѣется, было еще роскошнѣе. Смотря по средствамъ, его дѣлали шерстяное, шелковое или бархатное, цвѣтное, узорчатое или гладкое, украшали пестрымъ шитьемъ и обшивали внизу болѣе или менѣе широкой опушкой изъ дорогаго мѣха.

Поясъ, въ видѣ ленты, шитый или въ металлической оправѣ, по большей части довольно длинный, служилъ главнымъ украшеніемъ костюма и какъ таковой составлялъ почти самую цѣнную вещь во всемъ костюмѣ.

Верхнею одеждою и теперь, какъ и прежде, служилъ плащъ, застегивавшійся на груди пряжкой, или же со всемъ незастегивавшійся. Въ послѣдствіи, такіе плащи стали дѣлать съ отложными воротниками (фиг. 122 b) или безъ воротника, но съ застежками отъ ворота до половины груди. Ширина и длина плащей также увеличились, въ особенности длина, такъ что и плащъ подобно верхнему платью удлинился въ довольно объемистый шлейфъ. Плащи обыкновенно шили изъ шерстяной матеріи толстой или тонкой, смотря по времени года; иногда лѣтніе плащи дѣлались шелковые, преимущественно яркихъ цвѣтовъ и отдѣлялись каймами, а зимніе—мѣховой опушкой.—Кромѣ простыхъ старинныхъ головныхъ уборовъ, состоявшихъ изъ вуалей различной длины и ширины, пестрыхъ или одноцвѣтныхъ, обвивавшихъ голову и шею, изъ головныхъ повязокъ съ болѣе или менѣе широкими наушниками, шапочекъ, плоскихъ шапокъ и т. п., вошли въ моду, преимущественно между молодежью, очень красивыя головныя сѣтки, весьма цѣнныя, и часто не менѣе нарядныя круглыя чепцы, которые иногда носили вмѣстѣ съ вуалью, что составляло очень красивый головной уборъ. Пожилыя женщины носили кашюшоны подобныя мужскимъ, съ удлиненной и загнутой верхушкой.

Волосы продолжали носить то покрытыми, то распущенными въ ихъ натуральную длину или же нѣсколько подрѣзанными (фиг. 122 b) (фиг. 123 с. d.). Любимую прическу молодыхъ женщинъ составляли косы, заплетенныя довольно низко и приподнятыя вдоль щекъ къ верху, гдѣ онѣ скрѣплялись посреди лба; или же заплетенныя довольно высоко и закрученныя на затылкѣ (фиг. 122 а; фиг. 123 а. b.). Для нарядности въ косы иногда вплетались шнурки.

Обувь, какъ кажется, менѣе всего подверглась какимъ либо измѣненіямъ: издавна бывшіе въ ходу, нѣсколько заостренные полуботинки долгое время не выходили изъ употребленія и только въ домашнемъ обиходѣ замѣнялись низкими легкими башмаками въ родѣ туфель. Только внѣшняя отдѣлка тѣхъ и другихъ стала значительно наряднѣе: обувь теперь дѣлалась самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: краснаго, синяго и т. д. и украшалась шитьемъ, шнурками и пуговицами.

Относительно употребленія перчатокъ у женщинъ видимъ тоже что и у мужчинъ (стр. 168). Что же касается дорогихъ украшеній, то въ этомъ отношеніи выдавались по преимуществу женщины. Въ виду этого, влас-

ти въ нѣкоторыхъ городахъ, сознавая свое безсиліе въ противодѣйствіи такой наклонности, рѣшили съ своей стороны сдѣлать маленькую уступку, и, на ряду съ запрещеніемъ дорогой отдѣлки жемчугомъ и золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, издали постановленіе разрѣшавшее носить по крайней мѣрѣ 2 кольца, поясъ съ 12 серебряными пряжками и другія украшенія въ этомъ родѣ. Но за то въ употребленіи косметическихъ средствъ, въ особенности румянъ, женщины перешли всѣ границы, злоупотребляя ими на зло духовенству. Флорентинскія женщины въ особенности уже довольно рано прославились своимъ искусствомъ въ размалевкѣ лица.

Въ такомъ видѣ женскій костюмъ оставался почти до конца столѣтія. Только уже послѣ того какъ упрочились измѣненія въ мужской одеждѣ, женщины рѣшили измѣнить и свою, но и то весьма постепенно, еще долгое время придерживаясь существующаго и стараясь примирить старое съ новымъ. Впрочемъ эти нововведенія ни въ какомъ случаѣ не касались общаго, а только отдѣльныхъ частныхъ. Только уже къ концу столѣтія они стали прибрѣтать большее значеніе, но и тутъ еще имъ не удалось вытѣснить совершенно прежнее.

Что касается верхняго платья (*zìmagga*), то его все болѣе и болѣе суживали, такъ что наконецъ оно плотно обхватывало верхнюю часть туловища до талии; вмѣстѣ съ этимъ воротъ стали спускать ниже или вырѣзывать четырехугольникомъ, который оставлялъ только плечи прикрытыми. Эта форма вырѣза была измѣнена по французскимъ образцамъ (фиг. 79 а) въ треугольную: платье съ треугольнымъ вырѣзомъ, доходившимъ до талии, назывались *Surgiane* и вошли въ моду не ранѣе конца столѣтія. Шею оставляли открытою, или закрывали прозрачнымъ платкомъ, а вырѣзъ закладывали наряднымъ нагрудникомъ.— Юбка *симарры*, которая кроилась вмѣстѣ съ лифомъ (а не отдѣльно отъ него), дѣлалась различной длины и ширины и спереди была открытая или закрытая. Въ высшихъ классахъ ее носили очень широкою и съ длиннымъ шлейфомъ, иногда подпоясанною, иногда безъ пояса. Шлейфы впослѣдствіи были еще увеличены; платье же по фасону не измѣнялось, а только становилось роскошнѣе по матеріи и отдѣлкѣ. Формы рукавовъ постоянно разнообразились. Такъ между прочимъ, рядомъ съ длинными висячими рукавами стали носить еще болѣе длинные, спереди открытые; эти рукава, значительно превосходившіе длину руки, вырѣзывались по краямъ зубчиками и постепенно заостряясь спускались до земли; кромѣ нихъ носили еще широкіе рукава, доходившіе почти до ручной кисти и сверхъ нихъ вторые, болѣе широкіе полурукава; наконецъ, въ противоположность послѣднимъ, дѣлались также длинные, плотно прилежавшіе рукава съ разрѣзами вдоль задняго шва, изъ подъ которыхъ въ видѣ буфъ выбивалась подкладка. Вообще около этого времени наиболѣе были въ ходу двойные рукава, изъ которыхъ нижніе были обыкновенно короче и уже и менѣе роскошно отдѣланы нежели верхніе.

„Въ настоящее время,“ такъ сообщаетъ *Johannes Musa* подлѣ 1388 г.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> *J. de Musis, chronic. Placentin.* (въ *S. T. Muratori, Rerum italicarum scriptores.* Milan 1723—51. Vol XVI, 579 ff).

„женщины носятъ верхнюю одежду (zimarra) чрезвычайно длинную, изъ бархата, шелка, парчи и шерстяной матеріи ярко-краснаго и фіолетоваго цвѣта. Одежда эта имѣетъ широчайшіе и до такой степени длинные рукава, что нерѣдко они покрываютъ половину пальцевъ и виспадаютъ до земли. Они весьма широки у плечъ и, постепенно суживаясь книзу, оканчиваются остриемъ, подобно каталонскимъ щітамъ. Часто на одежду эту нашивается до трехъ и даже пяти унцій жемчуга въ видѣ широкой каймы, вокругъ ворота и по краямъ рукавовъ и подола. Подпоясываютъ её дорогимъ поясомъ, также украшеннымъ жемчугомъ и золотомъ“.

Такого рода нарядъ носили знатныя дамы въ Піаченцѣ, которыхъ главнымъ образомъ и имѣетъ въ виду J. Musa. Впрочемъ, это замѣчаніе его одинаково примѣнимо и къ другимъ богатымъ городамъ верхней Італіи, въ которыхъ мы находимъ тотъ же костюмъ, хотя и съ нѣкоторыми мѣстными особенностями, какъ напр. два различныхъ фасона верхней одежды, появившіеся въ концѣ столѣтія и, какъ полагаютъ, одинъ во Флоренціи, другой—въ Сіенѣ. Первый состоялъ изъ длиннаго волочащагося платья, открытаго съ праваго и лѣваго боку до плечъ и застѣгивающагося на пуговицы. Второй представлялъ родъ туники, которая, узко обхватывая верхнюю часть туловища, доходила до колѣнъ; подолъ ея отдѣлялся широкою каймою изъ цвѣтнаго шурка, переплетеннаго въ клеткуи оканчивающагося вокругъ висящими кистями. Оба платья носили обыкновенно съ поясомъ. Первое иногда перепоясывалось кругомъ, иногда же только спереди; послѣднее же обыкновенно въ два обхвата, между которыми оно выпускалось широкою вздутою складкою.

Каковъ бы ни былъ фасонъ верхняго платья, его обыкновенно или подбивали мѣхомъ, или же только опушали имъ на рукавахъ и подолѣ; высшіе классы для этой цѣли большею частію употребляли горностаевый мѣхъ.

Нижнее платье кроилось сообразно съ верхнимъ и отдѣлялось богато только въ тѣхъ случаяхъ, когда выставлялось изъ подъ верхняго. Рукава его были длинны и очень узки. Только изрѣдка, и то уже въ позднѣйшее время, ихъ дѣлали у плечъ пышнѣе, а у кисти разрѣзали и пришивали пуговицы для застѣжки.

Плащъ сохранилъ свою прежнюю форму, но отдѣлка его стала богаче. „Замужнія женщины“ говоритъ Johannis Musa въ своемъ очеркѣ, „носятъ плащъ широкій, длинный до земли и распашной спереди. Онъ застѣгивается на золотыя пуговицы или на крючки и отдѣланъ каймою изъ жемчуга. Каждая женщина имѣетъ обыкновенно 3 плаща, голубой, красный и легкій пестрый, которые дѣлаются смотря по сезону изъ различныхъ шелковыхъ тканей, съ мѣховою подкладкой и безъ нея, и всегда отдѣляются галуномъ. Въмѣсто капюшона женщины иногда покрываютъ голову шелковой или бумажной прозрачной тканью. Вдовы носятъ такіе же плащи, только чернаго цвѣта, безъ жемчуга и золота, при этомъ черный капюшонъ и льняной или бумажный вуаль“.

Помимо этихъ головныхъ уборовъ и роскошно отдѣланныхъ шапочекъ, вышитыхъ золотомъ и жемчугомъ, о которыхъ также упоминаетъ J. Musa, еще

гораздо ранѣе того времени, а именно уже въ 60-хъ годахъ, вошли въ употребленіе новыя формы, своею странностью превзошедшія все остальное въ этомъ родѣ. Это были подушкообразныя круглыя шапки, и жесткія шляпы различной вышины, или цилиндрическія, обвитыя широкой повязкой въ родѣ тюрбана, или съ расширенною кверху тульею, дно которой было выгнуто полумѣсяцомъ, а края справа и слѣва поднимались какъ рога. Какъ тѣ, такъ и другія были чрезвычайно цѣнны по матеріи и отдѣлкѣ. Ихъ обыкновенно дѣлали изъ цвѣтнаго шелка или бархата и украшали позументомъ. Подушкообразныя шапки нерѣдко обтягивались роскошной сѣткою, а къ шляпамъ прикрѣплялся цвѣтной платокъ обшитый бахромой или вуаль изъ тонкой и прозрачной матеріи. Остальное все сохранилось въ прежнемъ видѣ, развѣ только съ самыми ничтожными измѣненіями; такъ напр. головныя повязки какъ по матеріи, такъ и по отдѣлкѣ стали гораздо разнообразнѣе.

Прическа оставалась все та же; только косы стали все болѣе и болѣе входить въ моду. Молодежь, впрочемъ, и позднѣе продолжала носить волосы распущенными, но только до замужества. Головныя украшенія изъ шнурковъ, жемчуга и драгоценныхъ камней становились все роскошнѣе и дороже. Особенною страстью къ украшеніямъ подобнаго рода, по словамъ J. Musa, отличались женщины въ Піаченцѣ, которыя положительно отягощали себѣ голову золотыми и серебряными листьями, драгоценными камнями и жемчугомъ, стоимостью отъ 70—100 червонцевъ; жемчужными понизьями, стоимостью въ 125 червонцевъ, золотыми и шелковыми бантами и т. д.

Что касается обуви, то нельзя съ точностью опредѣлить всѣхъ измѣненій, которымъ она подвергалась. Можно только предположить, что въ ней, какъ и во всемъ остальномъ, главное вниманіе обращено было на нарядность.

Итакъ, помимо самыхъ ничтожныхъ отступленій въ деталяхъ, одежда знатныхъ женщинъ и дѣвицъ въ исходѣ столѣтія состояла, главнымъ образомъ, изъ нижняго платья съ узкими рукавами, поверхъ котораго надѣвалось второе, болѣе широкое и длинное, преимущественно пурпуроваго цвѣта, и сдѣланное, смотря по средствамъ, изъ тонкой шерсти, шелка, бархата или парчи, стоимостью отъ 20-ти до 30-ти червонцевъ. Широкіе и длинные рукава съ разрѣзомъ внизу были обыкновенно отдѣланы шитьемъ и жемчугомъ. Воротъ обшивался гофренною оборкою (*frisia*) изъ тонкой матеріи или парчи. Поясъ изъ позолоченнаго серебра былъ унизанъ жемчугомъ. Пальцы украшались золотыми кольцами, а руки около кисти обматывались коралловыми или янтарными четками. Волосы, если ихъ носили непокрытыми, были заплетены въ пышныя косы, на голову накидывалось бѣлое покрывало, шолковое, или изъ тончайшей шерсти. Молодыя женщины носили верхнее платье по фасону „*Surgiane*“ съ глубокимъ и широкимъ вырѣзомъ на груди, большею частію безъ брыжей. Болѣе пожилыя употребляли тотъ же фасонъ, только закрытый, а на головѣ носили чепчики, украшенные жемчугомъ и кружевами переплетенными съ золотомъ. Накладка (плащъ) ихъ дѣлалась обыкновенно значительной длины и ширины; молодые носили ее короче и уже.

Съ началомъ 15-го столѣтія, одежда, главнымъ образомъ у мужчинъ,

принимаетъ иной характеръ. Различныя особенности костюма, такъ быстро распространившіяся, сильно повліяли на вкусы того времени, все болѣе и болѣе удаляя ихъ отъ прежней простоты. До той поры все еще держались въ предѣлахъ унаслѣдованныхъ формъ, но вѣшнія обстоятельства, какъ напр.: близкое сношеніе съ Германіей и Франціей, породили подражаніе чужеземнымъ модамъ, которыя съ жадностью перенимались цѣликомъ, отчасти даже измѣнялись и разнообразились. Хотя прежнее и не было совершенно уничтожено, однако въ частностяхъ оно подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Вообще же, независимо отъ преобразованій, совершившихся въ существующей одеждѣ, къ ней присоединились еще новыя формы, своею странностью превзошедшія все бывшее до того времени во Франціи и даже въ Германіи. Относительно разныхъ постановленій, направленныхъ противъ такого порядка вещей, здѣсь мы находимъ тоже что и вездѣ. Не смотря на то, что власти во всѣхъ главныхъ городахъ постоянно возобновляли эти постановленія, они тѣмъ не менѣе оставались безуспѣшны. Ихъ обыкновенно прочитывали, платили назначенный штрафъ, а затѣмъ, ни мало о нихъ не заботясь, каждый дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію.

Такимъ образомъ мужская одежда по основнымъ формамъ своимъ представляла два главныхъ типа. Одинъ, мало уклонившійся отъ прежнихъ простыхъ формъ, какъ относительно длины и ширины одежды, такъ и относительно всего остального; другой, противоположный первому, типъ одежды узкой, плотно обтягивающей все тѣло. Между этими двумя крайними покроями выработалось множество среднихъ, приближавшихся къ тому или къ другому.

Все сказанное касалось, впрочемъ, болѣе верхняго и нижняго кафтана, нежели всей остальной одежды, которая, хотя и подверглась нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ, однако въ сущности своей осталась все та же. Длинная и широкая одежда, какъ въ цѣломъ такъ и въ отдѣльности, менѣе всего подверглась преобразованіямъ. Измѣненія ея, какъ одежды ставшей теперь въ нѣкоторомъ родѣ форменной, независимо отъ цвѣта и свойства матеріи, были несущественны и касались развѣ только мелочей отдѣлки и длины и ширины одежды, увеличивавшихся сообразно съ чиномъ и званіемъ носившаго ее. Нижняя одежда и впослѣдствіи измѣнялась лишь въ длинѣ, иногда доходя до пятъ, и въ формѣ ворота, который вырѣзывался въ видѣ четырехугольника, или дѣлался распашнымъ на застежкахъ. Верхнюю же одежду напротивъ никогда не носили короче чѣмъ до ступней, а иногда даже длиннѣе; вокругъ ворота ее обшивали или стоячимъ воротникомъ или же пелериной обложенной гофренной оборкой (брыжами), съ капюшономъ и безъ оного (фиг. 124 в. с). Дальнѣйшія особенности ея сводились на обшивку краевъ различными каймами или мѣховой опушкой, а у распашныхъ одеждъ — густымъ рядомъ пуговиць. Рукава оставались безъ измѣненія.

Что касается широкой и длинной одежды знатныхъ но неслужащихъ лицъ, то она сохранила свою прежнюю форму; только нижній кафтанъ чаще стали укорачивать до коленъ, а верхній, независимо отъ измѣненій въ длин-

ныхъ и широкихъ, мѣшкообразныхъ и всякихъ рукавахъ, стали дѣлать или еще шире прежняго, или же, соответственно господствующему вкусу,

Фиг. 124.



значительно уже. Такая мода продолжалась до конца столѣтія, пока снова не вошло въ обыкновеніе широкую одежду, безрукавную или съ проймами для рукъ, накидывать на подобіе древней тоги (фиг. 124 а сравн. фиг. 126 а).

Приблизительно около 1470 г., въ подражаніе французскому официальному костюму, все болѣе и болѣе стала входить въ употребленіе одежда, состоявшая изъ исподняго умѣренной ширины кафтана и изъ верхняго болѣе узкаго и спереди распашнаго; и тотъ и другой доходили до пятъ (фиг. 125 а. б.; сравн. фиг. 73 а. с.). Эти верхніе кафтаны отличались отъ французскихъ и старинныхъ тѣмъ, что имѣли хотя и длинныя, но всегда узкія рукава, между тѣмъ какъ старинныя сохранили всѣ прежніе фасоны рукавовъ, съ самыми ничтожными перемѣнами. Перемѣны эти состояли въ

Фиг. 125.



томъ, что широкіе и спереди открытые рукава отчасти дѣлались съ однимъ или нѣсколькими разрѣзами вдоль передняго шва, отчасти же по краямъ обшивались широкой каймою, или же, что случалось значительно рѣже, отдѣлялись выѣчкой.

Среднія и ремесленные сословія, до тѣхъ поръ обыкновенно носившія длинную одежду, вскорѣ послѣ начала столѣтія ограничились исключительно однимъ только верхнимъ кафтаномъ, но и тотъ стали дѣлать значительно короче и уже, или же, не измѣняя его прежней ширины, собирать спереди продольными складками, схваченными около талии кушакомъ (фиг. 126 б). Рукава, тоже въ видахъ большаго удобства, дѣлались обыкновенно если не совсѣмъ узкими, то по крайней мѣрѣ умѣренной ширины и длины, и чаще всего цѣльные съ короткимъ надрѣзомъ у кисти, или мѣшкообразные (фиг. 126 в). Въ отличіе отъ вышеупомянутаго рода одежды, въ концѣ столѣтія у ученаго сословія, рядомъ съ обычнымъ рясообразнымъ исполнимъ кафтаномъ, какъ знакъ сословнаго отличія, вошла въ моду болѣе или менѣе длинная одежда въ видѣ накидки, открытая справа и слѣва до плечъ (сравни. фиг. 126 с).

Фиг. 126.



Употреблявшіеся одновременно съ длинной и шириной одеждой короткіе и узкіе кафтаны подверглись весьма разнообразнымъ измѣненіямъ. Отчасти подъ французскимъ вліяніемъ, отчасти вслѣдствіе преобразования уже существовавшихъ формъ, главнымъ образомъ для верхняго кафтана, и для рукавовъ въ особенности, появились совершенно новые фасоны. Неизмѣняя усвоеннаго имъ покроя, кафтаны эти чаще стали укорачивать до половины бедеръ и даже выше, и открывать спереди до талии, приспособляя ихъ здѣсь для застежки или шнуровки (фиг. 127 а). Тѣсно ли, свободно ли кафтанъ сидѣлъ, его обыкновенно дѣлали съ высокимъ воротомъ, который об-

шивался стоячимъ воротникомъ. Иногда, впрочемъ, и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда кафтанъ былъ въ обтяжку, у ворота спереди, иногда и сзади, дѣлался круглый или четырехугольный вырѣзь (сравни. фиг. 129). Вслѣдствіе распространенія такого рода вырѣзовъ, приблизительно съ половины столѣтія, у знатной и богатой молодежи стали входить въ моду нагрудники изъ тонкой матеріи, весьма роскошной отдѣлки. Нижняя часть кафтана, начиная съ талии не подверглась никакимъ существеннымъ измѣненіямъ: ее продолжали дѣлать или узкой гладкой, или довольно широкой сборчатой, причемъ обыкновенно закладывали долевыми складками.

Совершенно новый фасонъ, начиная съ 1460 г., представляли кафтаны, соответствовавшіе современнымъ короткимъ бургундофранцузскимъ и, какъ полагаютъ, появившіеся, какъ подражаніе этимъ послѣднимъ (сравни. фиг. 53; фиг. 69); они доходили до половины бедръ и обыкновенно перепоясывались поясомъ (фиг. 128; фиг. 129). Полы этихъ кафтановъ на бокахъ разрѣзались,

Фиг. 127.



причемъ у болѣе широкихъ разрѣзъ иногда доходилъ до талии; вмѣсто рукавовъ иногда дѣлались только проймы (фиг. 128 а. с.; фиг. 129 а. в). Въ отдѣльныхъ случаяхъ безрукавные кафтаны разрѣзались по сторонамъ до самыхъ плечъ и такимъ образомъ превращались въ родъ накидки, въ послѣдствіи очень любимой молодежью. Въ остальномъ, за исключеніемъ рукавовъ, кафтаны эти походили на прежніе: выемка ворота, матерія и отдѣлка остались все тѣже; только подолъ и проймы рукавовъ стали опущать мѣхомъ (фиг. 129 в. сравни. фиг. 128 а. с). Если они были съ рукавами, то послѣдніе дѣлались или узкіе и длинные до кисти, или болѣе широкіе, спускающіеся нѣсколько ниже локтя (фиг. 129 а. в.); иногда же они были

широки у плечъ и начиная съ локтя, постепенно суживались къ кисти руки; иногда къ такимъ рукавамъ пришивались еще верхніе, висячіе разръзные рукава (фиг. 128 а. с).

Фиг. 128.



Почти одновременно съ этими кафтанами и преимущественно среди молодежи, вошли въ употребленіе куртки, доходившія до талии или спускавшія-

Фиг. 129.



Фиг. 130.



ся нѣсколько ниже ея и плотно примыкавшія къ узкимъ панталонамъ, вслѣдствіе чего, въ противоположность остальнымъ костюмамъ, формы тѣла обозначались ими вполне отчетливо (фиг. 130. фиг. 131 а. с.). Куртки эти дѣлались впрочемъ то шире, то уже, а иногда, въ подражаніе французамъ, совершенно въ обтяжку (фиг. 52), частью закрытыя, частью открытыя спереди, приспособленныя для застежки и шнуровки (фиг. 131 с.). У куртокъ въ обтяжку и вообще узкихъ, рукава были длинные и узкіе, (фиг. 131 в. с.), а у широкихъ—сборчатые полурукава (фиг. 130; фиг. 131 а); иногда же ихъ дѣлали только съ короткими наплечниками, или же совершенно безъ рукавовъ. Узкіе рукава, подобно рукавамъ у кафтановъ, сзади разрѣзывались и подбивались буфами (фиг. 131. с.). Преимущественно этого рода одежда, помимо украшенія ея галунами и шитьемъ, дѣлалась разноцвѣтно-половинчатою (разнополосною), такъ наз. *mi-parti*.

Фиг. 131.



Одновременно съ куртками появилась также болѣе длинная одежда, надѣвавшаяся поверхъ короткой, и представлявшая нѣчто среднее между верхнимъ кафтаномъ и плащомъ; съ одной стороны она имѣла видъ болѣе или менѣе длинной распашной накидки безъ рукавовъ (фиг. 127 с); съ другой — она походила на длинную верхнюю одежду съ широкими рукавами и большимъ довольно низко спускающимся воротникомъ, иногда простого, иногда же довольно замысловатаго фасона. Въ послѣднемъ случаѣ она представляла изъ себя родъ сборчатой мантильи, переднія лопасти которой, а иногда и середина, удлинялись острыми треугольниками (фиг. 127 в).

Что же касается различныхъ странныхъ фасоновъ возникшихъ еще до начала столѣтія, и въ теченіи второй его половины умножившихся еще новыми выдумками, то они столько же касались длинной и широкой, сколько и короткой одежды. Къ такимъ фасонамъ слѣдуетъ отнести верхнія широ-

кія одежды такой негибкости, что онѣ не допускали никакихъ складокъ. Онѣ шились изъ самыхъ плотныхъ матерій, шерстяныхъ или шолковыхъ, и дѣлались ещѣ негибче отъ вытканыхъ въ нихъ или нашитыхъ на нихъ украшеній (фиг. 132). Одежда эта весьма рѣдко расходилась спереди во всю длину; въ большинствѣ случаевъ она была закрытая, или же (если приспособлялась къ верховой ѣздѣ) съ разрѣзомъ спереди и сзади отъ нижняго края вверхъ до самаго сидѣнья (фиг. 132. b. d). Чаше всего она дѣлалась безъ рукавовъ, съ одними только отверстіями для рукъ, или съ очень короткими полурукавами, иногда съ широкимъ отгиднымъ воротникомъ, въ родѣ пелерины, безъ складокъ, плотно прилегавшимъ и обыкновенно еще роскошнѣе отдѣланнымъ нежели самая одежда (фиг. 132 d). Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ когда она дѣлалась съ рукавами, эти послѣдніе были такой длины что доходили до земли, и подобно самой одеждѣ не сгибались въ складки; для большаго удобства посрединѣ рукава прорѣзывались отверстія для продѣванія рукъ. (фиг. 132 c). Края одежды и рукавовъ опушали дорогимъ мѣхомъ, или отдѣлывали высѣчковой (фиг. 132 d. e).

Фиг. 132.



Въ тоже время появились длинныя накидки, которые походили на простыя накидки открытыя на бокахъ до плечъ, и отличались отъ нихъ только тѣмъ, что по краямъ были отдѣланы высѣчкой (фиг. 132 a).

Скорѣ послѣ того, какъ вошла въ моду описанная одежда, а именно еще ранѣ половины столѣтія, записныя модники значительно усовершенствовали ее въ отношеніи отдѣлки и покроя. Чтобы скрасить неприятную для глаза гладкость и негибкость этой одежды, обусловленную качествомъ матеріи, еѣ стали или собирать въ правильныя продольныя складки, плотно прилегающія одна къ другой (фиг. 133), или (преимущественно болѣе короткую

и широкую гладкую или со складками) по краямъ отдѣлывать разными обшивками, чаще всего выѣчкой (фиг. 133 а. б).

Фиг. 133.



Одновременно съ введеніемъ такой отдѣлки, повсемѣстно распростра- нившейся къ концу столѣтія (фиг. 134 а), между знатной молодежи появилась мода обвѣшивать платье маленькими металлическими подвѣска- ми прикрѣпленными къ цѣпочкамъ. Недовольствуясь однако подобнаго рода нарядомъ, нѣкоторые шеголи прибавляли къ нему широкую пере- вязь, надѣтую черезъ плечо и обвѣшанную маленькими колокольчиками самой разнообразной формы (фиг. 133 с). Впрочемъ, наряду съ этой одеж- дой, употреблялась до конца столѣтія также и болѣе простая, безъ при- вѣсокъ и колокольчиковъ, состоявшая изъ короткаго кафтана до колѣнъ съ сборчатыми полами и широкими и довольно длинными рукавами, иногда (на подобіе французскихъ „*maioitres*“) съ буфами у плечъ (фиг. 134 б;

Что же касается узкой въ обтяжку одежды (куртокъ со штанами), то, что- бы придать ей разнообразіе и оригинальность, на ней дѣлали прорѣзы во все- возможныхъ направленіяхъ, что повело за собою необходимость носить подъ нею подходящую нижнюю одежду. Сначала прорѣзы дѣлались только на курт- кахъ въ разныхъ мѣстахъ—преимущественно на груди и вдоль спины, и пышно подбивались подкладкой. Въ скоромъ времени, однако мода эта была доведе- на до такой крайности, что вся куртка представлялась какъ бы сшитой изъ узкихъ полосъ, едва придерживающихъ нижнюю одежду. Недовольствуясь, од- нако, вѣтъ этимъ, вздумали еще разрѣзывать и рукава сзади во всю длину, а спереди, у ручной кисти и выше на нѣкоторомъ разстояніи, скрѣплять пуго-

вицами. Вслѣдствіе этой моды, нижнюю (надѣвавшуюся подъ куртку) одежду дѣлали также изъ отличной матеріи, которая пышными буфами выбивалась сквозь прорѣзы, въ особенности на рукавахъ. Такимъ же точно образомъ поступали и съ узкими панталонами, вслѣдствіе чего одѣтый въ такой костюмъ имѣлъ видъ, какъ будто бы поверхъ рубашки онъ былъ покрытъ только полосками матеріи (фиг. 135). Если куртки иногда дѣлались съ короткими полами, то въ большинствѣ случаевъ полы эти имѣли видъ короткаго передника, составленнаго изъ нѣсколькихъ узкихъ полосъ, дугообразно расположенныхъ вплоть до самой талии, или рядами, или крестъ на крестъ. Къ тому же — что придавало одеждѣ еще болѣе странный видъ — прорѣзы отдѣльвались по краямъ тесьмою, и иногда, какъ это было преимущественно у панталонъ, даже зашнуровывались крестъ на крестъ. (фиг. 135).

Фиг. 134.



Все сказанное выше касалось почти исключительно верхняго одѣянія. Исполдная одежда, болшею частію, развѣ съ самыми рѣдкими исключеніями, была прикрыта верхней и выставлялась на видъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда эта послѣдняя имѣла или короткіе рукава, или же была вовсе безъ рукавовъ. Въ первомъ случаѣ рукава исполднаго платья, какъ и прежде, были узкіе, въ послѣднемъ же ихъ обыкновенно дѣлали, какъ у короткихъ узкихъ и сборчатыхъ кафтановъ, отъ локтя до плечъ довольно пышными (фиг. 128 а—с; фиг. 131 а; сравн. фиг. 127).

Что касается поясовъ, то кромѣ прежняго способа носить поясъ вокругъ талии или ниже, сталъ входить въ употребленіе, независимо отъ фасона одежды, новый способъ: перекидывать его наискось, прикрѣпляя справа ниже талии. Пояса эти, какъ въ раннюю эпоху, такъ и въ болѣе позднюю, состояли изъ разноцвѣтнаго шнура (фиг. 129), или узкой ленты, или же были ремешные съ разными украшениями иногда и съ металлическимъ наборомъ; они остались такими и впредь, но отдѣлка ихъ становилась все роскошнѣе, такъ какъ нерѣдко ихъ украшали жемчугомъ, драгоценными камнями въ изящной оправѣ и т. д. Такимъ же образомъ отдѣлывались иногда и носимыя черезъ плечо перевязи обвѣшанныя бубенчиками (фиг. 133 с; ср. фиг. 128 и 134 с).

Плащеобразныя одѣянія—къ которымъ изъ упомянутыхъ уже родовъ одежды до нѣкоторой степени можно отнести длинныя и широкіе верхніе кафтаны, надѣвавшіеся на подобіе тоги (фиг. 124 а), также какъ и болѣе короткія накидки (фиг. 127)—стали разнообразнѣе, благодаря нѣкоторымъ незначительнымъ преобразованіямъ въ покроѣ. Это были отчасти видоизмѣненія бывшихъ еще въ употребленіи спинныхъ и плечныхъ плащей: совершенно на нихъ похожіе, но болѣе короткіе и болѣе красивыя плащи (фиг. 136); съ такимъ же или другого фасона воротникомъ; отчасти короткія и узкія накидки, состоявшія, подобно древнеримскимъ „sagum“, изъ четырехугольнаго куска, прикрѣпленнаго на правомъ плечѣ пряжкой или пуговицами (сравн. фиг. 103). Измѣненію, собственно говоря, подверглись лишь упомянутыя воротники, которымъ иногда придавали весьма странныя формы: то выкраивая ихъ длинными висячими лоскутками (сравн. фиг. 127 б), то прибавляя къ нимъ второй, еще болѣе короткій откладной воротникъ, то, при довольно простомъ фасонѣ, складывая ихъ посреди спины на подобіе капюшоновъ и т. д. Кромѣ очень короткихъ плащиковъ, которые обшивались цвѣтными каймами, всѣ остальные виды плащей, помимо этой отдѣлки, украшались еще золотыми пуговицами весьма изящной работы или мѣховою опушкой.

Форма панталонъ не измѣнилась; ихъ все еще продолжали носить необычайно узкими. Глазъ настолько привыкъ къ этому фасону, что даже самые прорѣзы, которые дѣлались на панталонахъ, плотно стягива-

Фиг. 135.



Фиг. 136.



лись шнурками (фиг. 135). Это не было, впрочемъ, общимъ правиломъ. Вообще же мода остановилась на гладкихъ узкихъ цѣльныхъ панталонахъ, и на особаго рода короткихъ полупанталонахъ, доходящихъ до половины бедръ и до колѣнъ. (фиг. 129 а; фиг. 131 а). Последніе обыкновенно прикрѣплялись внизу лентами, завязанными пышными бантами, которые сами по себѣ составляли родъ украшенія. Цѣльные же панталоны все чаще дѣлались изъ разноцвѣтныхъ или одноцвѣтныхъ долевыхъ полосъ; одноцвѣтные панталоны обшивались узкою, нарядною каймою въ родѣ лампаса (фиг. 133 с). Кроме того, въ концѣ столѣтія къ панталонамъ стали пришивать мѣшечки, которые были во всеобщемъ употребленіи во Франціи подъ названіемъ *braguettes*“.

Что касается обуви, то къ ней также не прибавилось почти ничего новаго; единственное преобразование, которому она подверглась относительно формы, заключалось въ удлинненіи носковъ—мода, которой, впрочемъ, слѣдовали только щеголи, желавшіе отличиться отъ прочихъ необычайностью своего костюма (фиг. 132; фиг. 133 в. с), и которая здѣсь никогда не достигала такого распространенія, какъ во Франціи, Англии и Германіи, вплоть до самаго прекращенія своего около конца столѣтія. Большинство придерживалось уже издавна существующихъ основныхъ формъ, признанныхъ достаточно красивыми и цѣлесообразными, и довольствовалось только нѣкоторыми усовершенствованіями въ отдѣлкѣ. Такъ напр. вошло въ обыкновеніе закрытые башмаки дѣлать съ отворотами болѣе или менѣе широкими и отличнаго отъ башмаковъ цвѣта. (фиг. 127 в. с; фиг. 135), а у открытыхъ спереди башмаковъ удлинять заднюю часть надъ каблучкомъ узкимъ мыскомъ, и зашнуровывать ихъ на подъемѣ различными манерами (фиг. 130, фиг. 135; сравн. фиг. 129 а, фиг. 131 а). Для полусапогъ (фиг. 131 б) и для настоящихъ сапогъ, вмѣсто прежней грубой жесткой матеріи, стали почти исключительно употреблять тонкую кожу. Сапоги обыкновенно дѣлались очень высокими, такъ что иногда даже заходили за колѣна; подобно башмакамъ они иногда снабжались довольно широкими отворотами, обложенными по краямъ нестрымъ кантомъ и вырѣзанными фестонами (фиг. 128 а; фиг. 133 а в; фиг. 134 в).

Всѣ существовавшія дотолѣ формы головныхъ уборовъ остались, но наряду съ ними появились еще другія, отчасти совершенно новыя, отчасти же только какъ видоизмѣненія старыхъ. Простыя, болѣе или менѣе жесткія шапки получили высокіе или низкіе отвороты весьма разнообразнаго вида (фиг. 124 а; фиг. 125 с; фиг. 127 в; фиг. 128 с; фиг. 131 а. б); мягкія же фескообразныя шапки стали посреди собирать въ складки; иногда ихъ дѣлали съ полями загнутыми кверху и высокою до безобразія тульею (фиг. 128 с; фиг. 129 а. б; фиг. 132 с; фиг. 134 с). У жесткихъ шапокъ съ круглою тульею поля были увеличены; ихъ вырѣзывали и загибали на различные фасоны, такъ что иногда они торчали надъ головою на подобіе рогъ (фиг. 124 с; фиг. 135; фиг. 136). — Въ подражаніе женскимъ головнымъ уборамъ, щеголи стали носить круглыя очень развалистыя шапки, которыя старались дѣлать еще выше, обвертывая ихъ матеріей сложенной пышными буфами. (фиг. 132 в; фиг. 133). Наконецъ, гораздо позднѣе, уже около поло-

вины столѣтія, вошли въ моду высокія жесткія шляпы съ поднятыми или опущенными полями (фиг. 134 b). Кромѣ того, какъ украшеніе для всѣхъ головныхъ уборовъ вообще, въ подражаніе Французамъ появились самыя разнообразныя фасоны головныхъ повязокъ, называвшихся въ Германіи „Sendelbinde“ (тафтяныя повязки).—Вмѣстѣ съ формой измѣнилось также и вѣншее убранство. Съ самаго начала оно стало значительно богаче какъ по окраскѣ, такъ и по отдѣлкѣ. Каймы, окаймлявшія поля шляпъ, и отвороты шапокъ, ленты и шнуры, служившія завязками, а также и различныя металлическія украшенія, которыми большею частію отдѣлывались жесткія шапки (фиг. 135; фиг. 136), становились все роскошнѣе; къ тому же вошло еще въ обыкновеніе украшать нѣкоторые головные уборы перомъ, прикрѣпленнымъ спереди или съ боку (фиг. 125 а; фиг. 131 а. b; фиг. 134 b), а также подбивать ихъ или опухать мѣхомъ;—такъ между прочимъ отдѣлывались капюшоны съ воротниками (фиг. 132 с.). Всѣмъ вышеназваннымъ головнымъ уборамъ, какъ то: капюшонамъ, шапкамъ и тафтянымъ повязкамъ, до самаго конца столѣтія отдѣлкою служила такъ наз. „высѣчка“, во всемъ ея разнообразіи.

Прическа также подверглась значительнымъ измѣненіямъ. Пожилые и серьезные люди, неслѣдившіе за модой, продолжали по прежнему носить волосы умѣренной длины и подстриженные на лбу прямо, или же совершенно короткіе, въ послѣднемъ случаѣ покрывая ихъ шапочками (фиг. 124 а; фиг. 125 b; фиг. 126 а. b; фиг. 128 с; фиг. 132 а. с. е. фиг. 134 с). Что же касается молодежи, то у нея, до того времени рѣдко встрѣчавшаяся, мода носить волосы распущенными стала все болѣе входить въ употребленіе. Не довольствуясь, однако, природнымъ свойствомъ волосъ, нѣкоторые стали прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ, для того чтобы сдѣлать ихъ волнистыми: ихъ помадили, прижигали, завивали, и носили распущенными и слегка вьющимися (фиг. 133 с; фиг. 134 а;), или завитыми въ мелкія букли, симметрично расположенныя (фиг. 128 а. с) фиг. 133 а) вокругъ головы или вдоль щекъ (фиг. 131 с); иные доходили даже до того, что въ подражаніе женщинамъ носили волосы въ длинныхъ локонахъ (фиг. 133 b), которые сдерживались вокругъ головы красивымъ обручемъ, лентою или вѣнкомъ (фиг. 133 b; фиг. 134 а). Но на сколько велики были заботы по отношенію къ причeskѣ, на столько ничтожны они были по отношенію къ бородѣ. За исключеніемъ очень немногихъ, продолжавшихъ отращивать короткіе бакенбарды или отпускать усы или короткую, острую бородку (фиг. 132 с; фиг. 134 b), обычай брить бороду сохранился во всей своей силѣ между знатными людьми, какъ долгъ, отдаваемый приличіямъ.

Наконецъ, на ряду съ различными мелкими украшеніями, какъ то кольцами, запястьями, пряжками и т. д. не вышедшими изъ употребленія и гораздо позднѣе, въ началѣ столѣтія особенно усилилось щегольство перчатками. Кромѣ перчатокъ изъ толстой кожи, употреблявшихся для практическихъ цѣлей, верховой ѣзды и соколиной охоты (фиг. 128 а; фиг. 133 b), чаще стали шить перчатки если не изъ тонкой цвѣтной кожи, то изъ шелковой матеріи или бархата, украшая ихъ шитьемъ, кай-

мами и пр. Перчатки дѣлались или короткія застегивавшіяся на сгибѣ руки, который онѣ обхватывали довольно свободно, или длинныя съ крагами, украшенными на концахъ кисточками (фиг. 128 а; фиг. 133 б). Но и въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, франты довели моду до такой крайности, что власти въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр: въ Бергамо, принуждены были силою закона положить предѣлъ этому излишеству.—Около половины столѣтія явилось щегольство тростями въ дорогой оправѣ и самыхъ причудливыхъ формъ (фиг. 133 б).

Фиг. 137.



Въ противоположность мужской, женская одежда еще долго придерживалась однажды установившихся формъ. Это зависѣло отъ того, что усвоенный ей покрой не легко допускалъ существенныя измѣненія относительно длины и ширины, въ этихъ же предѣлахъ было сдѣлано достаточно чтобы удовлетворить потребностямъ разнообразія. Умноженіе украшеній и отдѣлокъ на женской одеждѣ и употребленіе для нея самыхъ плотныхъ и самыхъ дорогихъ тканей, придали и ей совершенно новый характеръ тяжести и негибкости. Болѣе широкое распространеніе эта мода получила, однакожъ, не ранѣе половины столѣтія, да и тогда она была принята только высшими сословіями.

Знатныя дамы и дѣвицы отдавали предпочтеніе длинной одеждѣ съ гладкимъ лифомъ и широковырѣзаннымъ воротомъ передъ сборчатой, равно какъ длиннымъ и узкимъ, а также висячимъ широкимъ рукавамъ передъ всѣми остальными фасонами рукавовъ верхней одежды (фиг. 137 а. d. с). Платье по прежнему продолжали опоясывать то выше, то ниже, то носить его со всѣмъ безъ пояса, а рукава, кромѣ отдѣлки каймами или бордюрами, подбивать и опушать мѣхомъ, а по краямъ вырѣзывать фестонами (фиг. 138; сравн. фиг. 137 а. d.). Нагрудники, надѣвавшіеся подъ открытый лифъ, подобно этому послѣднему украшались жемчугомъ и золотымъ шитьемъ. Форма ихъ, смотря по фасону вырѣза, была самая разнообразная. Если вырѣзъ былъ не ши-

рокъ и довольно коротокъ—въ этомъ случаѣ воротъ обыкновенно снабжался узкимъ откладнымъ воротникомъ (фиг. 137 а. с),—то шею оставляли или совсѣмъ открытой, или же повязывали ее тонкимъ платочкомъ; если же вырѣзъ былъ широкъ и низокъ (круглый, четырехугольный или заостренный), то нагрудникъ дѣлался въ видѣ втораго нижняго лифа или же въ видѣ высокой манишки. При особенно широкихъ четырехугольныхъ вырѣзахъ эти манишки, сложенные складками, были такъ высоки, что закрывали шею вплоть до самаго горла и здѣсь оторачивались нарядною каймою.

Фиг. 138.



Нижнее платье пока оставалось тоже почти безъ измѣненій, такимъ же длиннымъ съ узкими рукавами, какъ и прежде (фиг. 137 d. с). Только въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣвали только одно платье, это послѣднее имѣло обыкновенно длинный шлейфъ (фиг. 137 b. с) и такіе же длинные рукава; иногда же оно было совсѣмъ безъ рукавовъ, и въ этомъ случаѣ поверхъ него надѣвалась кофта также безъ рукавовъ, вслѣдствіе чего руки оставались обнаженными. Таковъ былъ костюмъ знатной женской молодежи, которая при всемъ томъ начала еще носить необычайной формы головные уборы, до того времени появившіеся какъ рѣдкость (фиг. 137 а. с. фиг. 138; сравн: стр. 197).

Фиг. 139.

Пожилыя и замужнія женщины, не отвергая совершенно модный фасонъ, предпочитали однакожъ широкую одежду (фиг. 139 b), продолжая носить ее по старому обычаю болѣе или менѣе сборчатой, волочащейся, наглухо закрытой или же открытой только спереди, съ поясомъ и безъ него, слѣдуя измѣненіямъ моды только по отношенію къ вороту, который, въ подражаніе узкооблегающей одеждѣ, вырѣзывался довольно низко и прикрывался наряднымъ нагрудникомъ. Во всемъ остальномъ, равно-какъ и въ покроѣ рукавовъ, не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій, исключая украшеній и главнымъ образомъ отдѣлки каймами, которая стала гораздо роскошнѣе.



Женщины средняго и низшаго сословія особенно долго, почти до конца столѣтія, сохранили свойственную имъ одежду, оставляя ее безъ всякихъ

измѣненій, по крайней мѣрѣ относительно покроя. Какъ теперь, такъ и позднѣе, онѣ носили болѣе или менѣе длинную верхнюю одежду, дѣлая ее то всю сплошь широкой и сборчатой, то прилегающей въ верхней ея части до талии, причѣмъ иногда для большаго удобства въ движеніяхъ верхнее платье подбиралось вокругъ талии, такъ что нижнее открывалось изъ подъ него (фиг. 140 а). Не обходилось конечно безъ того, чтобы отдѣльныя личнѣсти, и все въ возрастающемъ количествѣ, не перенимали нарядовъ высшаго общества, стараясь подражать ему по мѣрѣ возможности.

Фиг. 140.



Городскія власти, желая положить предѣлъ повсемѣстно распространившейся роскоши, продолжали противодѣйствовать ей своими распоряженіями. Здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ, въ короткіе промежутки времени одно постановленіе слѣдовало за другимъ, не достигая, однако, желанныхъ результатовъ. Одно изъ такихъ постановленій, касающееся женщинъ, въ костюмѣ которыхъ особенно старались поддержать сословное различіе, было обнародовано въ 1453 г. въ Болоньѣ. Имъ предписывались самымъ точнымъ образомъ матерія и цвѣтъ одежды, рукавовъ и даже подкладки <sup>1</sup>. Запрещены были вообще, затканныя золотомъ матеріи, горностаи и всякаго рода „Wiblingsstoff“\*. Согласно этому постановленію все общество по отношенію къ одеждѣ было раздѣлено на три разряда и каждому разряду присвоена опредѣленная одежда. Только женщинамъ и дѣвушкамъ старинной аристократіи, причисленнымъ къ первому разряду, дозволено было носить платья изъ шерсти или бархата, кармузиноваго или розоваго цвѣта, со шлейфомъ не длиннѣе двухъ съ половиной локтей, лифъ же и

<sup>1</sup> D. Hüllmann. Städtewesen des Mittelalters IV S. 140 ff. — \* Значеніе неизвѣстно повидимому и автору, такъ какъ онъ ставяетъ это слово въ кавычкахъ. Пер.

рукава не иначе какъ изъ шелковой матеріи того же цвѣта. Кромѣ того имъ дозволено было носить на рукѣ не болѣе шести колець и цѣпочку только изъ коралловъ, а не изъ жемчуга, и не болѣе одного драгоценнаго камня на груди и одного на головѣ, посреди лба. Женамъ и дочерямъ такъ называемаго дворянства пера, т. е. ученыхъ и писателей, а также и новаго дворянства (дворянства шпаги), составлявшимъ второй разрядъ, предписано была еще большая умѣренность въ отношеніи матеріи и цвѣта одежды. Шлейфы имъ позволено было носить не длиннѣе  $\frac{1}{2}$  локтя, и надѣвать на руки не болѣе 4-хъ колець. Къ „новому“ молодому дворянству причислялись только такіе граждане, которые въ продолженіи 30-ти лѣтъ не занимались никакою корпоративною профессіею, за исключеніемъ нотаріусовъ, мѣняль, суконныхъ и шелковыхъ фабрикантовъ. Послѣдніе допускались въ этотъ разрядъ только въ томъ случаѣ, если лично не принимали участія въ работѣ, всѣ же вообще только подъ условіемъ нахождения въ ихъ семействѣ хотя одного лица принадлежащаго къ дворянству пера или шпаги. Наконецъ, третій разрядъ, къ которому причислялись жены и дочери художниковъ и ремесленниковъ, долженъ былъ довольствоваться платьемъ изъ болѣе простой матеріи со шлейфомъ не длиннѣе  $\frac{1}{3}$  локтя, и только двумя кольцами.

Какъ приведенное, такъ и всѣ другія подобныя постановленія, изданныя въ Миланѣ, Бергамо и т. д., ратовали кромѣ того противъ чрезмѣрнаго щегольства драгоценными каменьями, вѣнками, шнурками, жемчугомъ, золотыми и серебряными украшеніями, дорогими головными уборами, поясами, сумками и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было даже строго запрещено золотыхъ-дѣлъ-мастерамъ выдѣлывать слишкомъ драгоценныя украшенія. Особенно строги, хотя въ тоже время и крайне бесполезны были всѣ эти распоряженія по отношенію къ шлейфамъ. Въ Моденѣ, гдѣ относительно этого пункта были еще снисходительнѣе нежели въ другихъ городахъ, женщинамъ разрѣшено было носить шлейфы длиною въ одинъ локоть не болѣе. Тамъ существовала мѣрка для шлейфовъ, выстѣченная изъ камня и выставленная публично, по которой измѣряли мало-мальски подозрительные шлейфы, и если подозрѣніе оправдывалось, то объ этомъ доводилось тотчасъ же до свѣдѣнія властей. Въ Миланѣ и Бергамо шлейфы вообще не допускались, точно также строго запрещалось женщинамъ и дѣвушкамъ обнажать грудь; низшимъ сословіямъ не дозволялось ѣздить по городу въ повозкахъ. Лучше всего приходилось женамъ и дочерямъ рыцарей, законовѣдовъ и докторовъ, которымъ, благодаря тому, что они составляли какъ бы переходную ступень отъ дворянства къ буржуазіи, предоставлялось больше свободы въ отношеніи костюма.

Вновь выработавшаяся съ середины столѣтія упругая верхняя одежда привела къ значительнымъ измѣненіямъ въ женскомъ костюмѣ вообще. Одежда эта своею негибкостью представляла рѣзкій контрастъ съ прежнею, въ особенности же съ широкой, сборчатой одеждой. Странно, однакожъ, что молодежь вышихъ сословій, изъ духа ли противорѣчія, или же вслѣдствіе наклонности къ разнообразію, снова стала носить широкія платья, не оставляя вмѣстѣ съ тѣмъ и узкой обтягивающей станъ одежды. Совершенно новый покрой, принятый для упругой одежды, повелъ къ нѣкоторому

измѣненію и прежняго покроя, по крайней мѣрѣ въ его частностяхъ. Наконецъ, въ исходѣ столѣтія, послѣ многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ уклоненій въ мелочахъ, подъ вліяніемъ бургундофранцузскихъ модъ выработались довольно прихотливыя формы, такъ что женское одѣяніе представляло такое же разнообразіе фасоновъ, какъ мужское въ началѣ столѣтія и позднѣе.

У одежды, плотно облегавшей верхнюю часть туловища, измѣненіе покроя прежде всего выразилось въ томъ, что узкій, облегающій лифъ стали значительно удлинять, такъ что онъ спускался гораздо ниже талии а иногда даже покрывалъ весь животъ (фиг. 141). Чтобы еще болѣе усилить имѣвшееся при этомъ въ виду впечатлѣніе стройности фигуры, лифъ этотъ вверху носили закрытымъ вплоть до самой шеи и совершенно гладкимъ, от-

Фиг. 141.



дѣлявая его лишь спереди вдоль шнуровки и вокруг узкаго ворота нарядной каймою, бордюромъ и т. п. Прочіе роды вырѣзовъ ворота употреблялись довольно рѣдко, за исключеніемъ четырехугольнаго; но и въ этомъ случаѣ шея всегда прикрывалась тонкимъ платкомъ или нагрудникомъ. Нижнюю часть платья (юпку) продолжали дѣлать довольно широкой со сборками и шлейфомъ, хотя, сравнительно съ прежнимъ, она была значительно уже и самый шлейфъ умѣреннѣе. До конца столѣтія юпка и лифъ кроились изъ цѣльнаго куска; но затѣмъ, въ подражаніе французамъ, эти двѣ части платья стали выкраивать отдѣльно. Поясъ, сообразуясь съ фасономъ лифа, стали спускать ниже (фиг. 141).

Что касается совсѣмъ широкой и сборчатой верхней одежды, то, сохраняя свойственные ей вырѣзы около шеи и на груди, она уклонилась отъ общепринятаго до того времени фасона. Господствовавшій вкусъ къ платьямъ въ обтяжку отразился и на ней тѣмъ, что верхняя часть ея слегка сѣзусилась, впрочемъ настолько, что не дѣлая складокъ свободно обнимала

грудь, не обрисовывая рѣзко ея формъ (фиг. 142 с. d; фиг. 143 с). Къ тому же ее иногда опоясывали довольно высоко подъ самой грудью, и кромѣ того, шейный вырѣзъ обшивали широкимъ воротникомъ, что придавало этому и безъ того некрасивому костюму еще болѣе нескладный видъ (фиг. 142 с. d.). Если же для этого рода одежды, какъ мы это видимъ въ вышнихъ кругахъ, употреблялись дорогія, плотныя шелковыя ткани или бархатъ, а для ея отдѣлки вышитые золотомъ или серебромъ бордюры, и проч., то она обнимала станъ тяжелыми массами складокъ, совершенно скрывавшими его формы. Употребленіе этого рода тканей произвело нѣкоторыя измѣненія въ шлейфахъ. Оно заставило укоротить ихъ, такъ какъ шлейфъ

изъ плотной ткани былъ тяжелъ и мѣшалъ ходьбѣ. Вслѣдствіе этого, шлейфы были совершенно оставлены при ежедневной одеждѣ, и сохранились

Фиг. 142.



только въ особенно нарядной одеждѣ, которую надѣвали при какихъ нибудь торжествахъ. Въ этихъ случаяхъ ихъ обыкновенно несли позади пажы или служанки.

Само собою разумѣется, что такія и еще болѣе плотныя и тяжелыя матеріи, какъ напр. затканныя серебряными или золотыми цвѣтами и узорами шелковыя и бархатныя ткани, такъ наз. брокаты (парчи), изготовлявшіеся въ это время въ верхней Италіи, не допускали свободныхъ складокъ. Но такъ какъ сшитая изъ нихъ одежда всё таки не должна была стѣснять движенія, то въ покрой ея введены были нѣкоторыя особенности, которыя придали ей совершенно новый характеръ (фиг. 143 с; фиг. 144 а b; сравн. фиг. 143 а—d). Особенности эти заключались въ слѣдующемъ: по причинѣ необыкновенной плотности тканей, платье принуждены были дѣлать безъ шлейфа и открывать его насколько можно, или спереди во всю длину, если желали, чтобы оно довольно узко обхватывало верхнюю часть туловища, или же справа и слѣва до плечъ, если хотѣли чтобы оно было свободнѣе (фиг. 143 с. фиг. 144 а. b.). Въ первомъ случаѣ платье сверху до талии зашнуровывали дорогими шнурками, а отъ талии до низу застегивали на пуговицы (фиг. 143 е); впоследствии же случаѣ, его или снабжали маленькими красивыми пряжками, насаженными одна отъ другой на нѣкоторомъ разстояніи, или же (какъ дѣлалось въ большинствѣ случаевъ) по краямъ отдѣлывали каймою или дорогимъ шитьемъ изъ золота или жемчуга. Ко всему этому лифъ спереди вырѣзывали довольно низко, чтобы открыть дорогой нагрудникъ или нарядный, исподній лифъ, а юбку, чтобы нѣсколько смягчить ея деревянность, собирали въ продольныя складки различной ширины.

Пояса были почти совсѣмъ оставлены и употреблялись только изрѣдка какъ украшеніе, причемъ ихъ прикрѣпляли съ правой стороны около талии и, въ подражаніе мушкетерамъ, наискось спускали до низу. Отказаться отъ поясовъ, при необычайной роскоши самой ткани, затканной золотыми и серебряными узорами, казалось еще возможнымъ, но гораздо, повидимо-

му, чувствительнѣе была утрата шлейфовъ. Чтобы чѣмъ нибудь замѣнить эти послѣдніе, придумали надѣвать поверхъ платья длинныя, воло-

Фиг. 143.



чащіяся накидки изъ дорогой, но болѣе легкой матеріи, открытыя съ обонхъ боковъ (фиг. 144 с), или же прикрѣплять сзади къ вороту платья

Фиг. 144.



и во всю ширину его длинный и широкій кусокъ матеріи, который спускался до низу густыми складками (фиг. 144 б). Значительную помощь въ этомъ отношеніи оказали бургундофранцузскія моды, указавъ на новый родъ матеріи не менѣ красивой, хотя и менѣ плотной и тяжелой, въ совершенствѣ выдѣлываемой Нидерландцами, которая допускала довольно длинные шлейфы, даже съ мѣховой опушкой, и не слишкомъ мѣшавшіе ходѣбѣ. Рядомъ съ существующей одеждой стали также употреблять и этотъ новый родъ одѣяній, а вмѣстѣ съ нимъ начали вводить не только свойственныя ему особенности въ фасонѣ лифа и разрѣза, но и касавшіяся всего костюма вообще и выработавшіяся подъ влияніемъ бургундскаго вкуса (сравни. фиг. 145 а).

Рукава верхнихъ платьевъ сохранили свой прежній видъ; къ нимъ не прибавилось ничего существенно новаго. Всѣ нововведенія ограничивались усвоеніемъ рукавовъ, свойственныхъ мужской одеждѣ, пышныхъ около плечъ и сѣуживающихся къ рукѣ, и небольшихъ измѣненій въ прорѣзахъ и

Фиг. 145.



буфахъ. Широкіе рукава, независимо отъ того насколько они покрывали руку, стали разрѣзывать или спереди, или сбоку отъ плечъ до локтя, и разрѣзъ этотъ или застегивать на пуговицы, или же затягивать шнурками или лентами (фиг. 142 а б); если же такіе рукава были цѣльные, то ихъ во всю длину отдѣлывали роскошными каймами (фиг. 142; d). Узкіе рукава стали носить съ разрѣзомъ. Разрѣзъ дѣлался то вдоль всего рукава, то лишь отъ плеча до локтя, или отъ локтя до кисти, и обыкновенно въ нѣсколькихъ мѣстахъ застегивался или завязывался; иногда же рукавъ просто разрѣзывался поперегъ на двѣ части, изъ которыхъ верхняя

прикрѣплялась шнурками къ оплечью, и такимъ же точно способомъ, посредствомъ шнурковъ, соединялась повыше локтя съ нижнею частію рукава, а промежутки между ними выполнялись широкими буфами (фиг. 144 а. б.). Кроме того, спереди вдоль верхней части рукава нашивали иногда рядъ отдѣльныхъ маленькихъ буфовъ (фиг. 144 а) и вообще старались по возможности разнообразить отдѣлку рукавовъ шнурками и бантами (сравни ниже).— Болѣе значенія для характера костюма вообще, имѣла появившаяся около этого времени наклонность усваивать каждой изъ различныхъ формъ одежды опредѣленный фасонъ рукавовъ. До сихъ поръ въ этомъ отношеніи поступали довольно произвольно; но по мѣрѣ того, какъ покрой одежды сталъ разнообразнѣе, начали обращать большее вниманіе и на фасонъ рукавовъ. Однимъ изъ послѣдствій этого было то, что въ высшей степени неудобные, длинные и широкіе висячіе рукава, равно какъ и узкіе, спереди совершенно открытые и очень длинные рукава, стали употреблять гораздо рѣже (сравни фиг. 137 и 138). Общее же правило, которымъ руководствовались въ отношеніи покроя рукавовъ, заключалось въ слѣдующемъ: Висячіе рукава, значительно короче и уже прежнихъ, равно какъ и цѣльные рукава, а также и полурукава умѣренной ширины съ разрѣзомъ и безъ онаго и съ буфами, употреблялись главнымъ образомъ для одежды плотнооблегающей верхнюю часть туловища (фиг. 140 а. фиг. 141). Цѣльные рукава и полурукава также умѣренно широкіе (или если болѣе широкіе, то соразмѣрной длины), равно какъ и отдувающіеся у плечъ и сѣуживающіеся къ рукѣ узкіе рукава служили для широкой сборчатой, а также и для узкой, хотя и не слишкомъ тѣсной одежды (фиг. 139 а б; фиг. 140 б; фиг. 142 а—d; фиг. 143 а—d), между тѣмъ какъ длинные, очень узкіе рукава, безъ разрѣзовъ или съ прорѣзами, употреблялись исключительно для одежды изъ очень плотныхъ матерій (фиг. 143 е; фиг. 144 а—с). Эти узкіе рукава заканчивались иногда такими же жесткими обшлагами, а болѣе широкіе и длинные, — въ подражаніе бургундо-французской модѣ—отдѣлялись съ наружной ихъ стороны дорогимъ шитьемъ изъ золота или жемчуга, изображавшимъ какое нибудь произвольно выбранное изреченіе (фиг. 143 с; фиг. 145 а). Весьма произвольно до того времени употребленіе верхнихъ рукавовъ, которые, отъ самыхъ плечъ висѣли совершенно свободно (фиг. 140 б), также подверглось нѣкоторымъ ограниченіямъ.

Къ концу столѣтія между высшимъ сословіемъ появились новые виды верхней одежды, которые, вслѣдствіе необычайной цѣнности своей, не могли сдѣлаться общимъ достояніемъ. Одежда эта, помимо самаго свойства ткани, отличавшейся необыкновенной плотностью, свидѣтельствовала о возраставшей страсти къ прорѣзамъ и къ скрѣпляющимъ ихъ шнуркамъ и бантамъ. Въ моментъ высшаго своего процвѣтанія одежда эта состояла изъ узкихъ сверху и расширяющихся книзу волочащихся платьевъ, разрѣзанныхъ во всю длину на равныя полосы, соединенныя между собою на небольшомъ разстояніи бантами, такъ что все платье казалось какъ будто усеяннмъ ими; при этомъ, почти безъ исключенія, чрезвычайно вздутые полурукава, изъ такой же матеріи и съ тою же отдѣлкою, и подъ ними не менѣе пышные, но болѣе простые рукава доходящіе до ручной кисти и обшитые внизу широкой пышной гофрой; богато

разукрашенный лифъ съ весьма короткой таліей и вырѣзанный довольно глубоко, причѣмъ шея, вплоть до самой груди, прикрывалась снизу подложеннымъ нагрудникомъ изъ легкой, прозрачной ткани. Съ этихъ поръ и нижнее платье стало постепенно выигрывать въ значеніи. Если уже и прежде, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно выставлялось напоказъ при короткомъ или высокоприподнятомъ верхнемъ платьѣ, оно отдѣлялось богато, то теперь оно постепенно превратилось въ родъ втораго наряднаго платья, которое надѣвали подъ упругое, широко распахнутое верхнее платье. Преобразование это касалось не только матеріи и отдѣлки, а также и длины платья: при болѣе короткомъ верхнемъ платьѣ нижнее стали удлинять въ шлейфъ, хотя и довольно умѣренный; рукава также подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Вообще, теперь, какъ и въ прежнее время, ихъ продолжали носить узкими, отступая отъ общепринятой формы только въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ напр. тамъ, гдѣ верхнее платье имѣла или короткіе рукава, или же вовсе было безъ рукавовъ: въ этихъ случаяхъ рукава нижняго платья дѣлались отчасти длинныя и широкіе (фиг. 141), отчасти отдувающіеся, разрѣзные, подбитые буфами и т. д.

Изъ плащеобразныхъ накидокъ, широкой и длинной спинной плащъ (Rückenmantel) не утратилъ и теперь своего прежняго значенія; между тѣмъ какъ верхнее платье укорачивали, плащъ этотъ стали удлинять въ значительный шлейфъ (фиг. 143 а). Кромѣ того онъ сталъ роскошнѣе и по матеріи и по отдѣлкѣ, состоявшей изъ бордюръ, коймъ и мѣховой опушки, также какъ и по изяществу пряжекъ, служившихъ для застежки. Такіе плащи изъ тонкой ткани иногда носили по-мужски, то есть, подобравъ обѣ полы плаща на руку, или перекинувъ одинъ конецъ его черезъ плечо. Если же плащъ былъ сдѣланъ изъ плотной матеріи, напр. густопротканной шелковой, не допускающей вышеописаннаго способа ношенія, то на бокахъ его прорѣзывались широкія, по большей части обшитыя нарядными коймами, отверстія для рукъ. Вмѣстѣ съ этими накидками употреблялись также весьма похожія на нихъ, длинныя верхнія одѣянія съ длиннымъ шлейфомъ, распашныя съ низу до середины груди, отсюда же совершенно закрытыя, съ проймами для рукъ. Одежда эта составляла принадлежность преимущественно среднихъ и высшихъ классовъ.

Головные уборы становились все разнообразнѣе. До второй половины столѣтія, къ существующимъ уже въ началѣ его своеобразнымъ формамъ присоединились еще новыя, — причудливыя французскіе „hennins“ съ вуалями, и разнаго рода наколки (фиг. 137; фиг. 138; фиг. 145 а; сравн. фиг. 49, стр. 56 и 68). Только къ концу столѣтія и въ этомъ отношеніи стало замѣчаться возвращеніе къ большей простотѣ, хотя нѣкоторые изъ прежнихъ головныхъ уборовъ, одни цѣликомъ, какъ напр. широкіе валики (фиг. 138) и высокіе сборчатые наголовники, а другіе въ нѣкоторыхъ частностяхъ, были оставлены и перешли даже въ слѣдующее столѣтіе. Самымъ простымъ головнымъ уборомъ остались шапочки, въ дальнѣйшей выработкѣ которыхъ были достигнуты дѣйствительно красивыя формы; менѣе просты были чепцы и сѣтки, и еще менѣе головныя повязки, въ большинствѣ случаевъ нѣсколько несоответствовавшія цѣли, для ко-

торой онѣ въ сущности назначались. На ряду съ тогдашними круглыми валиками (Rundwülsten), обвитыми спирально жемчугомъ, галуномъ и цвѣтами (фиг. 138), появились, какъ видоизмѣненія ихъ, совершенно подобные имъ наголовники, составленные изъ слегка связанныхъ между собою листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ (настоящихъ или искусственныхъ), а также и другіе, не столь широкіе валики изъ матеріи, слегка перехваченные въ нѣсколькихъ мѣстахъ на равномъ разстояніи, иногда съ украшеніемъ на верху, на подобіе короны, и съ висячими широкими лентами позади. Какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ прикрѣплялись кромѣ того вуали, отчасти напоминавшіе высокія сборчатыя наколки. Шапки и шапочки получили разнообразныя фасоны. Первыя появлялись то съ высокою выпуклою или плоскодоною тульею и съ узкими прямыми полями, спереди загнутыми кверху, то съ плоскою тульею и жесткимъ богато отдѣланнымъ околышемъ; иногда околышъ спереди заострялся, иногда былъ вырѣзанъ полукругомъ и поднять кверху на подобіе діадемы; иногда вся шапка состояла изъ одного околыша, снабженнаго, совершенно по старинной модѣ, подбородникомъ. Къ шапочкамъ прибавились очень понравившіяся тогда небольшія шапочки, которыя совершенно закрывали заднюю часть головы и спереди были выгнуты наружу, такъ что, прямо поднимаясь надо лбомъ, окаймляли лицо красивой овальной линіей (фиг. 141). Впослѣдствіи форма ихъ нѣсколько измѣнилась тѣмъ, что передній край ихъ, дугою поднимавшійся надо лбомъ, посрединѣ углубляли, отчего онѣ дѣлились на двѣ одинаково выгнутыя половины. Этотъ двойной выгибъ былъ перенесенъ въ послѣдствіи и на другіе головные покровы съ широкими полями, причемъ ихъ обвѣшивали, и преимущественно исходя изъ середины, прозрачными въ густыя складки сложенными покрывалами и другими украшеніями. Что касается чепцовъ (Hauben), то въ сущности къ нимъ прибавилось немного новыхъ формъ. Всѣ онѣ сводятся на небольшой чепчикъ покрывающій заднюю часть головы и обшитый складчатою оборкою, и на подчепешникъ съ длинною до плечъ оборкою и гладкимъ верхомъ, на который надѣвался чепецъ со складками (фиг. 143 а). Головные сѣтки (за исключеніемъ весьма изящныхъ сѣтокъ сплетенныхъ изъ золотыхъ и серебряныхъ шнурковъ съ жемчугомъ, драгоценными каменьями и т. д. оставшихся безъ измѣненій) стали еще тяжелѣе и некрасивѣе (фиг. 142 а — d). Иногда ихъ въ такомъ количествѣ увѣшивали нитками жемчуга, каменьями, золотыми привѣсками и тому подобными украшеніями, что онѣ своей тяжелой массой положительно отягощали голову. вмѣстѣ съ головными повязками, употреблявшимися въ ихъ первобытной формѣ главнымъ образомъ пожилыми и замужними женщинами (фиг. 140 b; фиг. 143 b—d), вошли также въ моду свернутыя въ видѣ тюрбана повязки, которыя, обвивая голову, концами своими черѣдко спускались до земли, и сверхъ того бросались въ глаза пестротою узора и долевыми и поперечными яркими цвѣтными полосками (фиг. 139 d); такимъ же образомъ носили и другія головныя повязки, спуская ихъ сзади широкими складками тоже доходившими до земли.

Вмѣстѣ съ головными уборами стала разнообразнѣе и прическа. Такъ наиримѣръ, при высокихъ atours, широкихъ валикахъ и разныхъ чалмо-

образныхъ повязкахъ, волосы или совсѣмъ скрывали подъ этими уборами или заплетя въ косы, или раздѣливъ на пряди, выпускали ихъ только вдоль щекъ и спирально свертывали на затылкѣ (фиг. 137а—с; фиг. 138; фиг. 145 а:). Точно также поступали при чепцахъ и головныхъ повязкахъ: чаще всего, однакожъ, распускали волосы свободными, гладкими или волнистыми прядями вдоль щекъ, или завивали ихъ въ крупные или мелкіе локоны (фиг. 143 с—d.; фиг. 139 b; фиг. 142 а—d). При шапочкахъ и сѣткахъ волосы обыкновенно расчесывали гладко, а при баретахъ завивали въ локоны или заплетали въ косы (фиг. 141; фиг. 142 а — d). Въ тѣхъ случаяхъ, когда волосы не покрывали никакимъ головнымъ уборомъ, ихъ то распускали гладкими прядями, то заплетали въ косы, то завивали буклями; иногда же просто обвивали вокругъ затылка, убирая приспособленными для этой цѣли мелкими украшениями (фиг. 160 а; фиг. 144 а—с). Иногда убирали голову бантами изъ лентъ, и нерѣдко въ такомъ количествѣ, что верхняя часть головы казалась какъ бы покрытою чепцомъ съ тройною оборкою и съ висящими по бокамъ лентами. Молодежь большею частію продолжала носить волосы совершенно распущенными (фиг. 139), причемъ ихъ слегка перехватывали на затылкѣ косичкой или нарядной лентой (фиг. 143 е).

Обувь, которая при длинной одеждѣ рѣдко выставлялась на видъ, едва ли претерпѣла какія либо измѣненія; развѣ только къ концу столѣтія, когда и женщины, слѣдуя примѣру мужчинъ, стали носить обувь съ длинными носками. — Вообще же въ отношеніи обуви и различныхъ отдѣлокъ: выстѣчекъ, бахромокъ, колокольчиковъ, бубенчиковъ и т. д. а также въ двуплѣтномъ одѣяніи, женщины выказали гораздо болѣе умѣренности нежели мужчины. Что же касается дорогихъ разукрашенныхъ перчатокъ (которыя въ сущности мало отличались отъ мужскихъ), то въ этомъ отношеніи онѣ старались перешеголять ихъ по мѣрѣ возможности. Роскошь въ драгоценныхъ украшеніяхъ достигла громадныхъ размѣровъ. Высокое развитіе ювелирнаго дѣла преимущественно въ верхней Италиі, а въ особенности въ Венеціи, много способствовало этому. Все, что выходило отсюда богатаго и изящнаго по части гладкихъ, граненыхъ и фигурныхъ украшеній, оправъ драгоценныхъ камней, жемчуговъ и такъ называемой филигранной работы поясовъ, пряжекъ, цѣпочекъ, колець, запонокъ и т. д. пріобрѣталось знатными и имущими классами за неимоверныя суммы и вмѣстѣ съ ихъ богатыми затканными золотомъ и серебромъ (парчевыми) одеждами производило впечатлѣніе хотя и тяжелаго, но по истиннѣ поражающаго великолѣпія. Не менѣе стало также распространяться и употребленіе разнообразныхъ косметикъ, разноцвѣтныхъ притираний, фальшивыхъ и крашеныхъ волосъ и т. д., такъ что весьма вѣроятно, что уже въ 15 столѣтіи женщины употребляли роль пудры для волосъ <sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Ср. D. Hüllmann. Städtewesen des Mittelalters IV. p. 139, съ ссылкой на Bolognino (Decam. giorn. II, nov. X).

О какомъ либо опредѣленномъ, установленномъ одѣянїи для государей, въ то время въ Италїи, конечно, не могло быть и рѣчи. Папа, и въ качествѣ свѣтскаго владыки, облакался во свое церковное облаченіе, и только къ концу 15-го столѣтїя къ папской тиарѣ — символу его верховной власти — прибавился еще третїй вѣнецъ <sup>1</sup>. Въ остальной Италїи, къ концу 13-го столѣтїя нѣсколько вождей уже успѣли завладѣть верховною властью и окружить себя блестящею придворною свитою; однако они также еще не имѣли никакихъ особенныхъ, отличительныхъ знаковъ своего сана. Со времени постепеннаго ослабленїя нѣмецкаго вліянія, приблизительно около начала 14-го столѣтїя, могущество князей, благодаря сильной и неустанной борьбѣ, быстро возрастало. Въ верхней Италїи, только Лукка, Генуя и Венеція сохранили республиканское устройство подъ верховнымъ управленїемъ выбираемыхъ Герцоговъ или „Дожей“. Санъ этотъ хотя и не лишенъ былъ наружныхъ знаковъ отличїя, но, основанные только на изустныхъ преданїяхъ, эти знаки нерѣдко подвергались измѣненїямъ. Только одна Венеція составляла въ этомъ отношенїи исключенїе. Могущество дожей, низведенное здѣсь уже съ самаго начала столѣтїя Совѣтомъ Десяти и государственной инквизиціей до фикціи, тѣмъ крѣпче придерживалось наружныхъ знаковъ отличїя, заключавшихся въ изстари введенныхъ герцогскомъ одѣянїи и такомъ же головномъ уборѣ, только значительно роскошнѣе по матерїи и убранству. Въ началѣ столѣтїя и позднѣе, одѣянїе дожей состояло изъ широкой, доходящей до ступней, нижней одежды малиноваго цвѣта, распашной во всю длину и въ нѣсколькихъ мѣстахъ застѣгивавшейся на пуговицы; изъ такой же длинной и широкой мантии („toghe“) изъ пунцоваго бархата или золотой парчи, съ круглой и длинной до талїи горностаевѣй пелеринѣй; при этомъ круглая, нагнутая напередъ въ видѣ рога шапка („согно“) изъ пунцоваго бархата, съ золотымъ околышемъ (обручемъ), усаженнымъ драгоценными каменьями, или же изъ яркочерснаго бархата, опушенная горностаемъ и отдѣланная серебромъ; (впослѣдствїи мѣсто золотого обруча заняла корона, съ двѣнадцатью зубцами которые были украшены жемчугомъ; на остромъ, наклоненномъ кончикѣ шапки также красовалась драгоценная жемчужина); въ заключенїе всего, богато вышитыя перчатки и нарядная обувь пунцоваго или фіолетоваго цвѣта. Голову подъ шапкой покрывала маленькая бѣлая шапочка съ нащечниками завязывавшимися подъ подбородкомъ. Если Дождь являлся въ полномъ воинскомъ убранствѣ, то и тогда нерѣдко вмѣсто шлема онъ надѣвалъ или ту же шапку, упомянутую выше (согно), или же подобїе ея украшало его шлемъ; на узкомъ военномъ кафтанѣ его былъ вышитъ гербъ управляемой имъ республики (въ Венеціи — крылатый левъ).

Остальные вожди, не имѣя никакихъ законныхъ правъ на обладанїе верховной властью, должны были защищать себя собственными силами въ борьбѣ съ гражданами и другими знатными родами, завидовавшими ихъ могуществу. Неминуемымъ послѣдствїемъ этого были постоянныя внутреннїе раз-

<sup>1</sup> Папская тиара въ настоящемъ своемъ видѣ (состоящая изъ пурпурной, голубой и зеленой полосъ съ тройнымъ обручемъ) вошла въ употребленїе только со временъ Павла II. († 1471).

доры и беспорядки. Во избѣжаніе этихъ распрей, и чтобы имѣть возможность противустоять непріятельскимъ нападеніямъ, многіе изъ наиболѣе могущественныхъ вождей были вынуждены обращаться къ германскимъ императорамъ съ просьбою утвердить за ними власть, сдѣлавъ ихъ своими вассалами. Это были между прочими: Гонзага въ Мантуѣ и Монферратѣ, въ 1354 г., Галеаццо Висконти въ Миланѣ, въ 1395 г., Амедей VIII Савойскій въ 1416, Эсте въ Моденѣ, въ 1452 г. и многіе др. Только съ того времени и благодаря вышеупомянутому обстоятельству, князья эти получили также особые знаки, выражавшіе ихъ достоинство, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ уклоненій въ частностяхъ, выполнѣ соответствовавшіе старинному герцогскому одьянію. — Каковы были эти знаки и какимъ образомъ совершалось пожалованіе ленныхъ владѣній, объ этомъ свидѣтельствуемъ намъ съ одной стороны описаніе Азанелли „о церемоніи, происходившей при принятіи въ вассалы Галеаццо Висконти“ купившаго это право владѣнія леномъ у короля Венцеслава за сто тысячъ золотыхъ гульденовъ, съ другой — живописное изображеніе этой церемоніи въ драгоценномъ молитвенникѣ, сохранившемся въ Архивѣ св. Амвросія въ Миланѣ<sup>1</sup>. „Новый герцогъ“ — такъ рассказываетъ Азанелли, совершенно согласно съ рисунками молитвенника — „оставляетъ свой замокъ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ членовъ своего семейства, множества высокопоставленныхъ лицъ различныхъ націй и пословъ отъ знатнѣйшихъ городовъ Италіи. Имъ предшествуетъ цѣлый отрядъ музыкантовъ, услаждающихъ слухъ ихъ гармоническими звуками. Въ этомъ порядкѣ шестіе направляется къ площади Св. Амвросія, гдѣ воздвигнуты четырехугольныя подмостки, окруженныя барьеромъ, внизу и по ступенямъ покрытыя яркочернымъ сукномъ, а вверху убранныя золотой парчею. Подъ этимъ балдахиномъ императорскій уполномоченный ожидалъ новаго герцога, чтобы ввести его во владѣніе леномъ. Съ лѣвой стороны были выставлены 500 рыцарей подъ предводительствомъ Паоло Савелли и Гуго Біанкорди. Когда Галеаццо появился, уполномоченный встрѣтилъ его съ выраженіемъ глубочайшаго почтенія и посадилъ его на лѣво отъ себя на самое видное мѣсто. Прелаты, кавалеры и посланники также заняли свои мѣста внизу подмостокъ; направо помѣстился богемскій рыцарь съ императорскимъ знаменемъ, на лѣво — Отто де Манделло съ фамильнымъ знаменемъ Висконти. Послѣ того какъ всѣ размѣстились и водворилось спокойствіе, Галеаццо всталъ и, преклонивъ колѣно передъ уполномоченнымъ, принесъ ему присягу. Затѣмъ тотъ надѣлъ на него герцогскую мантию и подалъ ему руку чтобы помочь подняться, пригласивъ его сѣсть на тронъ, и надѣлъ ему на голову герцогскую корону, богато украшенную драгоценными камнями, цѣною въ 200,000 гульденовъ. Церковные гимны пропѣтыя прелатами и епископами, и похвальная рѣчь произнесенная епископомъ Наварскимъ, dokonчили это блестящее торжество. Галеаццо Висконти и императорскій уполномоченный сѣли на своихъ коней и въ сопровожденіи

<sup>1</sup> См. С. Bonnard. Costumes historiques des XIII, XIV et XV. siècles. II. № 99 и № 100.

всей свиты торжественнымъ шагомъ проѣхали черезъ городъ по направленію къ старому дворцу. Балдахинъ, подъ которымъ ѣхалъ Галеаццо, несли восемь рыцарей и столько же оруженосцевъ<sup>4</sup>.

Какъ видно изъ рисунковъ, герцогская мантия, мало отличавшаяся отъ мантии Дожа, была длинная доходящая до ступней пунцовая одежда, спереди совершенно открытая, и во всю длину усаженная пуговицами для застежки; ея широкая горностаевая пелерина застегивалась на правомъ плечѣ нѣсколькими изящно-отдѣланными аграфами; герцогская же корона состояла изъ пунцовой шапки съ золотой діадемой, украшенной драгоценными камнями. Императорскій уполномоченный былъ одѣтъ въ такую же мантию яркочернаго цвѣта, застегнутую до верху и вышитую золотомъ, на горностаевомъ мѣху, но безъ пелерины. Голова его была обнажена, на ногахъ парчевыя башмаки. Убранство прочихъ вельможъ состояло въ общепотребительномъ въ то время, но только болѣе роскошномъ одѣяннѣ, — кармазинной, опушенной или подложенной горностаемъ верхней одежды и свѣтлоголубой или зеленой — нижней.

Должностное сословіе, насколько намъ извѣстно, было довольно многочисленно уже въ послѣдней половинѣ 14-го столѣтія, и въ опредѣленномъ іерархическомъ составѣ. При раздробленіи страны на множество мелкихъ владѣній, имѣвшихъ каждое свое административное устройство, весьма трудно опредѣлить съ достовѣрностью, въ чемъ именно заключались вышнія отличія каждой должности, смотря по времени, чину и положенію служащихъ. Извѣстно только то, что несмотря на всѣ измѣненія, которымъ вообще подвергался костюмъ до исхода 15-го столѣтія, общепринятою одеждою должностныхъ лицъ осталось преимущественно длинное и широкое верхнее и нижнее платье. Относительно цвѣта, отдѣлки и убранства одежды вообще, нельзя сказать ничего положительнаго, если судить по тѣмъ образцамъ, которые сохранились въ рисункахъ того времени. Такъ напримѣръ, мы видимъ римскаго сенатора конца 14 в. одѣтаго, поверхъ нижняго платья съ узкими рукавами, въ длинную и широкую, до ногъ доходящую „zīmagga“ изъ малиноваго бархата, съ широкими рукавами, опоясанную вокругъ талии и усаженную золотыми пуговицами. Одежду эту прикрываетъ длинный, спереди расходящійся плащъ изъ дорогой парчи съ горностаевымъ шлейфомъ и съ длинными висячими рукавами опушенными горностаемъ; при этомъ широкая, закрытая горностаевая пелерина, круглая шапочка на подобіе капуцискаго, опушенная тѣмъ же мѣхомъ, перчатки изъ бѣлой матеріи, украшенныя золотымъ шитьемъ и жемчугомъ; на пальцахъ 3 кольца: рубиновое, алмазное и изумрудное; вокругъ шеи золотая цѣпь, а въ рукѣ скипетрообразный, украшенный золотымъ набалдашникомъ посохъ. Къ концу же 15-го столѣтія, костюмъ нѣкоторыхъ сенаторовъ состоялъ изъ такого же широкаго нижняго платья, но уже чернаго цвѣта и съ умѣренно широкими рукавами, изъ длиннаго же верхняго платья пунцоваго цвѣта, открытаго съ правой стороны до самыхъ плечъ и отдѣланнаго горностаемъ, изъ красной шапочки подъ красной шапкой и длинной узкой перевязи черезъ плечо. Венеціанскіе сенаторы, приблизительно около того же времени, носили верхнія одежды изъ пунцоваго бархата, а шапку,

башмаки и перевязь — черные. Въ 14 столѣтіи у высшихъ сановниковъ верхняя одежда была то голубая, то красная, а нижняя то желтая, то зеленая. Въ теченіе 15-го столѣтія флорентинскій сановникъ появлялся обыкновенно въ оражевой нижней одеждѣ, малиновой мантии, пунцовой шапочкѣ и черныхъ башмакахъ. Городской же судья или бургомистръ (Podesta) носилъ черное нижнее платье и золотое парчевое подбитое горностаемъ верхнее, пунцовую шапку, бѣлыя перчатки съ красными кистями и трость изъ чернаго дерева съ серебрянымъ или слоновою кости набалдашникомъ. Адвокаты и правовѣды, которые, какъ и всѣ ученые вообще, сохранили длинную и широкую одежду, со второй половины 14 столѣтія стали почти исключительно носить пунцовый цвѣтъ, а публичные писцы и нотариусы иногда одѣвались въ одежду голубаго или фіолетоваго цвѣта. Остальные ученые, носившіе вмѣсто верхней одежды плащи, открытые на обоихъ бокахъ до самыхъ плечъ, одѣвались весьма разнообразно: въ 14 столѣтіи преимущественно въ пунцовое нижнее платье и сѣрофіолетовый плащъ; въ 15 столѣтіи въ черное или сѣрое нижнее платье и плащеобразную верхнюю одежду, иногда съ широкимъ отложнымъ воротникомъ изъ синей или фіолетовой шелковой матеріи. Доктора, хирурги и аптекари по большей части носили пунцовое или лиловое нижнее платье, которое у докторовъ иногда опушалось горностаемъ, и черныи или другого темнаго цвѣта плащъ.

Одежда остальныхъ, неслужащихъ сословій не подвергалась никакимъ ограниченіямъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ постановленій на этотъ счетъ; но постановленія эти оставались безъ результатовъ, и въ отношеніи одежды господствовалъ полнѣйшій произволъ. Только Евреи и публичныя женщины, находившіеся и здѣсь, такъ же какъ въ другихъ странахъ, подъ болѣе строгимъ надзоромъ, принуждены были слѣдовать этимъ постановленіямъ. Первые, кромѣ того, обязаны были подчиняться правиламъ установленнымъ церковью; нарушение ихъ, впрочемъ, не вездѣ преслѣдовалось съ одинаковою строгостью; такъ напримѣръ во Флоренціи, во времена народовластія, Евреи пользовались совершенной свободой. Мѣры, относительно публичныхъ женщинъ были различны, смотря по времени и мѣсту. Въ Моденѣ, напр., гдѣ онѣ старались одѣваться по образцу честныхъ и порядочныхъ женщинъ, имъ уже въ 1327 г. было строго запрещено носить платья со шлейфами и шелковыя шнурки въ волосахъ. Въ Падуѣ онѣ были обязаны носить воротникъ въ 3 локтя длиною, а содержатели ихъ — красную шапку безъ козырька. Въ Бергамо женщины эти должны были носить желтый плащъ безъ воротника; тѣ же, которые давали имъ пріютъ — красныя шапки съ бубенчиками. Въ Миланѣ, на рынкѣ или въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, онѣ не смѣли показываться иначе, какъ въ черныхъ плащахъ, и т. д. — Ремесленные цехи имѣли свои эмблематическіе знаки и, кромѣ того, у каждаго цеха было свое знамя, вокругъ котораго собиравались всѣ принадлежавшіе къ этому цеху во время какихъ-нибудь торжествъ или для защиты города отъ непріятеля. Такіе вооруженные цехи, съ цѣлью охраненія общественнаго порядка, образовались первоначально въ Болоньѣ около 1271 г. Самые ранніе и впоследствии важнѣйшіе изъ нихъ носили

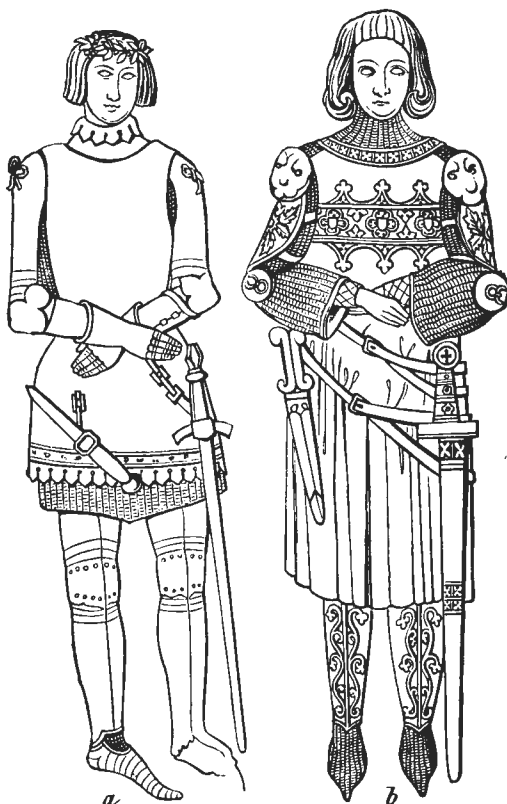
названія: „Ломбардовъ“, „Общества Лапы“ и „Общества Грифона“. Знамя Ломбардовъ было красное съ вышитымъ на немъ изображеніемъ Правосудія, знамя общества Лапы — бѣлое съ краснымъ львомъ-меченосцемъ, а знамя общества Грифона носило изображеніе грифона. Отдѣльныя общества, преслѣдовавшія какія либо серьезныя или забавныя цѣли, имѣли также свои особенныя вышнія отличія. Къ обществамъ этимъ можно причислить союзъ „de la Calza“ въ Венеціи, основанный въ 1332 г. однимъ изъ тамошнихъ вельможъ и состоявшій изъ небольшого числа молодыхъ знатныхъ Венеціанцевъ, которые въ 15 столѣтіи поставили себѣ главной цѣлью устройство различныхъ празднествъ и увеселеній, какъ то: концертовъ, театральныхъ представлений, маскарадовъ и т. д. Отличіемъ ихъ служили панталоны двухъ разныхъ цвѣтовъ, вышитые золотомъ, серебромъ и жемчугомъ; а позднѣе (а именно со времени обновленія общества около 1562 г.) они носили панталоны съ внутренней стороны пунцовые, а съ наружной въ лиловыхъ и сѣрыхъ полосахъ, вздутые на бедрахъ и съ прорѣзами, отороченными галуномъ; малиновый полукафтанъ и что то въ родѣ столы. Такъ какъ въ союзъ этотъ могли вступать только люди состоятельные, то члены его всегда отличались необыкновенно богатой и роскошной одеждой.

Постепенное совершенствованіе во оруженія шло въ Италіи тѣмъ же путемъ, какъ и во Франціи (стр. 160 и сл.). Также какъ въ этой странѣ и какъ въ Англіи и Германіи, первоначальная кольчужная броня укрѣплялась сначала кожаными, потомъ металлическими накладками, число и объемъ которыхъ всё увеличивались, и къ началу 15 стол. вся броня превратилась въ вооруженіе сплошь выкованное изъ металлическихъ полосъ. Не вездѣ, конечно, дѣло происходило такъ какъ сказано. Такъ напр. въ Верхней Италіи, уже довольно рано, еще до начала 14 стол., начинаютъ отступать отъ общепринятаго въ то время покроя длинныхъ, сборчатыхъ казакиновъ, суживая ихъ немного въ верхней части, или же совершенно замѣняютъ ихъ отчасти очень узкими полукафтанами (фиг. 146 а. б), отчасти панцырными камзолами, на металлической кольчужной или чешуиной подкладкѣ, — такъ называемыми *ghiazzarino* (*jazerin*, *kozazin*)<sup>1</sup> (стр. 13). вмѣстѣ съ тѣмъ стараются ио красивой отдѣлкѣ вооруженія. Пока его укрѣпляли накладками изъ толстой кожи, эти накладки одиѣ покрывали металлическими украшеніями (фиг. 146 б); но съ появленіемъ цѣльныхъ металлическихъ панцырей, появилось и особое искусство украшать ихъ. До начала 15 стол. въ формѣ украшеній еще придерживались древнеримскихъ образцовъ, сохранившихся между многочисленными остатками древности, едва рѣшаясь примѣшивать къ

<sup>1</sup> Вооруженіе, извѣстное подъ названіемъ *«jazeran»*, по M. de Laborde (*Notice des Emaux etc. du musée du Louvre II Paris 1853. p. 350*), встрѣчается уже въ 1620 г. и означаетъ или одно только плетеніе изъ желѣзныхъ колецъ, или такими же кольцами и бляхами покрытую ткань, въ этомъ видѣ носившую названіе *«jazequenée»*. (Сравни Вышн. бытъ нар. Т. II, ч. 2. Пер. И. Васильева.

нимъ вновь добытыя формы (фиг. 146 б); но съ этого времени начинаютъ пользоваться исключительно новыми формами, прибавляя къ нимъ самостоя-

Фиг. 146.



тельно изобрѣтенныя для этой специальной цѣли.— Два способа отдѣлки вооруженія, которымъ въ то время отдавали преимущество, были „niello“ и „tausia“, называемый также „lavoro all’azzimina, alla gemina“ и „damaschino“. Первый способ—niello состоялъ въ слѣдующемъ: фигуры и украшенія вырѣзывались въ металлѣ углубленіями и эти углубленія наполнялись черною массою, составленною изъ серебра, мѣди, олова, свѣры и буры, и затѣмъ все тщательно сглаживалось и отполировывалось. При отдѣлкѣ способомъ „tausia“, вырѣзанный въ металлѣ рисунокъ выкладывался золотомъ. Оба названные способа отдѣлки (изъ которыхъ послѣдній по всему вѣроятію перешелъ въ Италію съ Востока), какъ и оружейное мастерство вообще, достигли высшаго своего развитія въ Миланѣ, Флоренціи и Венеціи, гдѣ вскорѣ появилось нѣсколько отличныхъ мастеровъ, между которыми особенно славился учитель Бенвенуто Челлини, Микельанжоло. Не менѣе успѣшно развивалось тамъ и чеканное искусство (opus mallei), исполнявшее чеканку выпуклыхъ фигуръ, отдѣльныхъ украшеній, ихъ золоченіе и пр. Тамъ-же преимущественно выдѣлывались маленькіе ручные щиты изъ воловьей кожи (targa) въ ме-

таллической оправѣ или цѣльные металлическіе, и тяжелые щиты величиною въ человѣчскій ростъ, называвшіеся *tallevas, ravois*; а выдѣлка желѣзныхъ кольчугъ доведена была въ Миланѣ до всемі признаннаго совершенства. Нѣсколько итальянскихъ металлическихъ вооруженій прекрасной работы, относящихся къ концу столѣтія, хранятся въ Амбразскомъ музеѣ въ Вѣнѣ<sup>1</sup>; изъ нихъ совсѣмъ черное съ желтыми гвоздями и бархатной оторочкой принадлежало Франческо Гонзагѣ Мантуанскому.

Изъ различныхъ видовъ нападательнаго оружія, извѣстныхъ въ Италіи, нѣкоторые пользовались особымъ предпочтеніемъ и потому были здѣсь болѣе распространены чѣмъ въ другихъ странахъ, другіе же если не были прямо здѣсь изобрѣтены, то по крайней мѣрѣ ранѣе усовершенствованы. Къ первымъ принадлежали въ 15 вѣкѣ, какъ оружіе простыхъ ратниковъ, копье, арбалетъ и большой ручной лукъ (фиг. 147; фиг. 131 а. b); къ послѣднимъ — ручное огнестрѣльное оружіе. Уже въ 1334 г. маркграфъ Эсте имѣлъ такого рода оружіе, а въ 1364 г., какъ рассказываютъ, въ Перуджии выдѣлывалось ручное огнестрѣльное оружіе величиною въ пядень. Въ концѣ 15-го столѣтія оно было значительно усовершенствовано въ Пистойѣ (прибавленіемъ курка), вслѣдствіе чего составилось мнѣніе, что именно этому городу оружіе это обязано названіемъ „пистолета“. Около того же времени въ Италіи была изобрѣтена особаго рода подпорка для большихъ и тяжелыхъ пицалей. Особенность ея заключалась въ томъ, что между рогами вилки насаживалась широкая обоюдоострая пика, и подпорка обращалась такимъ образомъ въ оружіе. Одновременно съ этимъ, въ Венеціи начали выдѣлывать маленькіе кинжалы съ волнообразнымъ клинкомъ, распространившіеся впоследствии подъ названіемъ „*langues de boeuf*“ (бычачьи языки).—

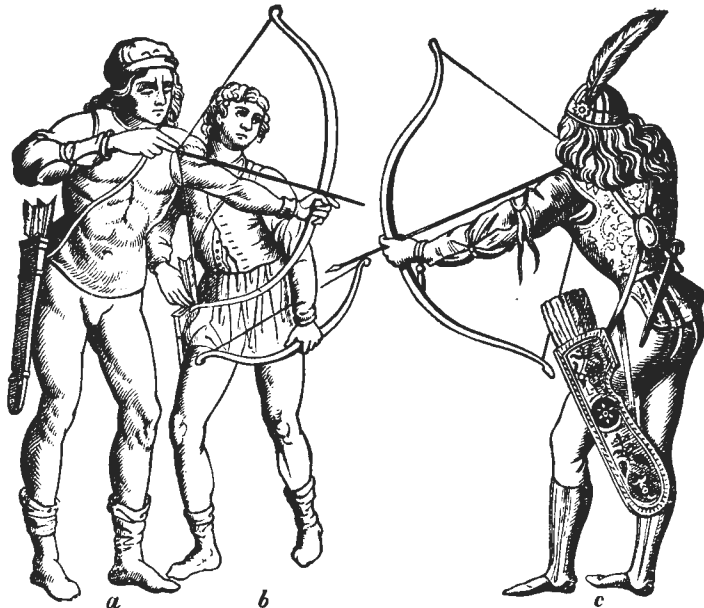
Италянское рыцарство никогда не составляло такого замкнутаго еословія какъ французское и англійское. Этому препятствовали съ одной стороны—меркантильный духъ народа, съ другой—постоянныя усобицы происходившія вслѣдствіе непримиримой вражды между горожанами и дворянствомъ; а также и раннее развитіе городовъ. Издѣсь, правда, добивались рыцарскаго званія, какъ вишняго отличія, и со времени Карла Анжуйскаго, въ подражаніе французамъ, любили устраивать блестящіе турниры и появляться на нихъ въ богатомъ вооруженіи; но при всѣмъ томъ устранялись отъ всякой взаимной солидарности требуемой уставами настоящаго рыцарства. Каждый заботился прежде всего о своихъ собственныхъ интересахъ, стараясь, собственными ли силами или при помощи другихъ, выдвинуть напередъ свою личность—стремленіе, развитію котораго много способствовали безирестанные усобицы и порожденный ими способъ веденія войны.

Въ междуусобныхъ войнахъ воюющими сторонами были съ одной стороны горожане, а съ другой, именно со стороны тѣхъ, кто добивались власти, наемные, большею частью нѣмецкіе и французскіе, ратники. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ граждане почти постоянно носили оружіе и были сгруппированы въ отряды по городскимъ кварталамъ. Каждый изъ такихъ отрядовъ

<sup>1</sup> E. v. Sacken. Die K. K. Ambraser Sammlung. I, 213.

имѣлъ свое собственное знамя и выбраннаго изъ своей среды предводителя. Самые богатые и знатные горожане составляли обыкновенно одинъ или два особыхъ отряда хорошо вооруженныхъ всадниковъ; въ послѣдствіи къ нимъ прибавлены были еще два другихъ отряда, каждый вдвое многочисленнѣе первыхъ. Отряды эти состояли преимущественно изъ простыхъ стрѣлковъ, вооруженныхъ самострѣломъ или лукомъ, и частью изъ пѣхотинцевъ, вооруженныхъ большими щитами (*tallevas*), желѣзными шлемами, мечами и длинными копьями. Каждый отрядъ обязанъ былъ являться на сборное мѣсто своего квартала при первомъ звукѣ набата. Главное начальство надъ городскими силами принадлежало высшему сановнику города — консулу, позднѣе подестѣ. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ уже довольно рано были изданы и издавались далѣе постановленія опредѣлявшія въ чемъ должно было состоять вооруженіе горожанъ. Такъ, между прочимъ въ Феррарѣ, уже около 1279 г. было издано постановленіе, обязывавшее каждаго горожанина имѣть хорошій панцырь, шлемъ, щитъ, копье, мечъ и кинжалъ. Но уже въ началѣ 15 столѣтія требовательность этихъ постановленій значительно умѣрилась, такъ что теперь достаточно было имѣть только надежный щитъ и желѣзныя перчатки. Еще позднѣе вооруженіе, по крайней мѣрѣ простыхъ ратниковъ, стало еще произвольнѣе, но такъ какъ со второй половины 15 стол. ихъ стали раздѣлять на группы по роду оружія которое они носили, то вооруженіе всей массы войска получило болѣе опредѣленный характеръ (ср. фиг. 147 а—с; фиг. 131 а—с).

Фиг. 149.



Наёмники (*soldati*) были во всѣхъ отношеніяхъ народъ свободный; они смотрѣли на войну какъ на выгодное ремесло, и всегда занимались только на срокъ у того, кто имъ дороже платилъ. Паниматель становился ихъ началь-

никомъ и вмѣстѣ съ подчиненною ему, нерѣдко многочисленною, шайкою наемниковъ поступалъ къ кому нибудь на службу за хорошее вознагражденіе. Шайки наемниковъ (*coterelli, banditti*) были иногда очень многочисленны. Предводители ихъ назывались *condottieri*, если начальствовали надъ одной небольшою шайкою, и „*capitani*“ если они соединяли подъ своей властью нѣсколько отдѣльныхъ шаяекъ вмѣстѣ съ ихъ предводителями. Первую въ этомъ родѣ, довольно многочисленную шайку собралъ Висконти Лондрисіо (*Visconti Londrisio*), въ 1339 г. выставившій 3500 всадниковъ и еще большее число пѣхотинцевъ. За нимъ слѣдовалъ въ 1334 г. Конрадъ Ландо (*Conrad Lando*) изъ Швабіи; затѣмъ съ 1342 г. одинъ нѣмецъ по имени Вернеръ, и многіе другіе, изъ которыхъ Кане далла Скала, Караччіоли, Карманьоли, Варіосъ и Франческо Сфорца составили себѣ настолько же знаменитыя, насколько и страшныя имена. Предводители эти становились нерѣдко опасными дѣлу свободы, пользуясь сосредоточенной въ ихъ рукахъ силой и властью для достиженія чисто личныхъ, эгоистическихъ цѣлей. Такъ, наприимѣръ, Кастручіо Кастракани въ Луккѣ, возвысившійся около 1327 г. до княжескаго достоинства; Франческо Сфорца, сынъ простаго крестьянина изъ Котиньолы, завоевавшій себѣ около 1451 г. титулъ герцога Миланскаго и сѣумѣвшій удержать его за собой до самой смерти (1466).

Вооруженіе этихъ вольнонаемныхъ отрядовъ также какъ и составъ ихъ, по крайней мѣрѣ до конца 15-го столѣтія, были весьма разнообразны. Каждый ратникъ или приносилъ съ собою собственное, имѣвшееся при немъ оружіе, или же получалъ таковое, по состоявшемуся условію, отъ своего наемщика. Такъ какъ большая часть этихъ отрядовъ состояла изъ французовъ и нѣмцевъ, то и вооруженіе ихъ было преимущественно то же что во французскихъ и нѣмецкихъ войскахъ, съ тою только разницею, что эти послѣднія, составляя болѣе многочисленныя группы, представляли болѣе однообразія въ отношеніи одежды и вооруженія.

Ношеніе гражданами оружія въ мирное время въ нѣкоторыхъ городахъ подвергалось законнымъ ограниченіямъ. Въ Падуѣ только бургомистру предоставлялось право носить мечъ, и только однимъ иностранцамъ, и то съ разрѣшенія подесты, дозволялось оставлять при себѣ оружіе. Въ Миланѣ, Веронѣ и другихъ мѣстахъ временами запрещалось носить только извѣстный родъ оружія, временами же всякое.

---

Священническое облаченіе въ большихъ италіанскихъ городахъ, и въ особенности въ Римѣ, резиденціи папы, получило самое блистательное развитіе. Богатыя діоцезы старались превзойти другъ друга въ роскоши облаченія. По мѣрѣ того какъ церковь утрачивала свою внутреннюю крѣпость, все болѣе и болѣе приобрѣтала значенія ея вѣшняя церемониальная сторона. Примѣромъ можетъ служить церемоніалъ избранія и коронованія папы. Хотя этотъ церемоніалъ съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнился въ частностяхъ, однако въ цѣломъ онъ остался все тотъ же.

Вотъ какимъ образомъ, согласно установленнымъ правиламъ, онъ совершался въ 14 и 15 вѣкъ:

„Новый папа, приведенный торжественной процессіей въ базилику св. Петра и совершивъ покаяніе въ грѣхахъ у подножія алтаря, не всходитъ на папскій тронъ, а сначала садится на кресло, поставленное между трономъ и алтаремъ. Три епископа, изъ Альбано, Порто и Остіи, по очереди произносятъ передъ нимъ молитвы. Затѣмъ, послѣ „*introitus*“ и „*Kyrie eleison*“, папа допускаетъ кардиналовъ и другихъ прелатовъ къ цѣлованію ноги и къ поцѣлюю мира.“—„Когда новый папа избранъ, старшій изъ кардиналовъ надѣваетъ на него красную мантию и нарекаетъ ему имя. Двое изъ первыхъ кардиналовъ ведутъ новаго папу къ алтарю, передъ которымъ онъ молится. Примасъ тотчасъ же начинаетъ „*Te Deum*“, который подхватывается кардиналами и хоромъ пѣвчихъ. Затѣмъ возводятъ папу на его тронъ позади алтаря, гдѣ онъ допускаетъ епископовъ, кардиналовъ и всѣхъ тѣхъ, кого онъ заблагоразсудитъ удостоить этой чести, къ цѣлованію ноги и къ поцѣлюю. Затѣмъ его подводятъ къ мраморному сѣдалищу, такъ называемому „*sedes stercoraria*“ и поютъ при этомъ антифонъ „*Suscitat de pulvere egenum*“ и т. д. Поднявшись съ сѣдалища, онъ беретъ отъ своего казначея три пригоршни монетъ и бросаетъ ихъ со словами: „не золото и серебро составляютъ мое счастье; все что имѣю, отдаю я вамъ“. Послѣ того, пріоръ латеранскихъ канониковъ ведетъ папу къ портику, гдѣ раздается кликъ: „Св. Петръ избралъ насъ“. Оттуда папа шествуетъ къ базиликѣ св. Сильвестра. Тамъ пріоръ базилики св. Лаврентія вручаетъ ему посохъ, сходный съ пастушескимъ, какъ символъ управленія и наказанія, и ключи отъ церкви и дворца Латеранскаго, какъ символъ духовной власти. Папа садится и черезъ нѣсколько времени возвращаетъ пріору посохъ и ключи, тотъ принимаетъ ихъ и опоясываетъ папу пунцовымъ шелковымъ поясомъ съ висячимъ пурпуровымъ кошелькомъ, въ которомъ находится 12 печатей изъ драгоценныхъ камней и немного мускусу. Въ это время папа сидитъ какъ бы положенный между двумя сидѣньями, чтобы обозначить этимъ, что онъ покоится между первенствомъ апостола Петра и учениемъ вселенскаго апостола Павла. Красный поясъ есть символъ чистоты и непорчности; пурпуровый кошель представляетъ милостыни нищимъ и вдовамъ; 12 печатей символизируютъ апостоловъ и власть, которою они облечены; мускусъ означаетъ благоуханіе Иисуса Христа. Опустившись на второе сѣдалище, папа допускаетъ штатъ придворныхъ къ цѣлованію ноги и къ поцѣлюю. Затѣмъ онъ снова беретъ деньги изъ рукъ своего казначея, и бросаетъ ихъ на ходу.

„Далѣе папу ведутъ черезъ портикъ къ образамъ св. апостоловъ Петра и Павла (которые перешли море и явились въ Римъ сами собою) и онъ вступаетъ въ базилику св. Лаврентія. Войдя въ базилику, папа читаетъ длинную молитву, и затѣмъ отправляется въ свои покои, изъ которыхъ онъ, отдохнувъ немного, идетъ въ залъ, гдѣ ему приготовлена трапеза.

„Въ первое воскресенье послѣ своего избранія, новый папа, сопровождаемый своимъ придворнымъ штатомъ и знатнѣйшими изъ Римлянъ, отправляется въ соборъ св. Петра для принятія посвященія отъ епископа

Остія въ сослуженіи двухъ другихъ епископовъ. По окончаніи этой церемоніи, пріоръ св. Лавренція кладетъ на алтарь палліумъ (pallium), который архидіаконъ и второй діаконъ подають папѣ съ приличнымъ этому случаю привѣтствіемъ. Затѣмъ архидіаконъ и пріоръ надѣвають на папу палліумъ и прикрѣпляютъ его спереди, сзади и съ лѣвой стороны 3-мя золотыми булавками, головки которыхъ украшены гіацинтами. Облаченный въ это одѣяніе, папа совершаетъ богослуженіе, по окончаніи котораго, онъ съ тіарою на головѣ, черезъ триумфальныя арки, возвращается во дворецъ. Здѣсь Евреи вручаютъ ему старый завѣтъ. Уніатскимъ кардиналамъ, примасу и его хору пѣвчихъ, префекту, сенаторамъ, судьямъ, адвокатамъ, корабельнымъ капитанамъ, школъ креста (schola crucium) и капелланамъ раздаются подарки. Школа во время шествія несетъ крестъ; крестоносцы по очереди смѣняютъ другъ друга при дальнихъ шествіяхъ. Остальныя корпораціи: Евреи, вручающіе папѣ старый завѣтъ, строители триумфальныхъ арокъ, служители папскаго стола, также надѣляются подарками. Надѣленіе это называется *presbyterium*.<sup>4</sup>

#### IV. Испанія <sup>1</sup>.

Уже въ первой половинѣ 13-го столѣтія христіанскому оружію удалось ограничить владычество Мавровъ небольшою областью. Послѣ рѣшительной побѣды христіанъ при Las Navas de Tolosa, въ 1212 г., могущество Мавровъ было надломлено. Оттѣсненные съ того времени къ югу, они, по прошествіи 50 лѣтъ, удержали въ своемъ владѣніи одну только Гранаду. Будучи и здѣсь въ нѣкоторой зависимости отъ христіанъ, какъ преобладающаго населенія, и не разчитывая болѣе на возвращеніе прежняго могущества, Калифы сосредоточили остатки своего величія на этой области, ста-

<sup>1</sup> На сколько мнѣ извѣстно, испанскій костюмъ разсматриваемаго нами періода не былъ еще изслѣдованъ во всей его цѣльности. Нужный для этого изслѣдованія матеріалъ мало доступенъ, повидимому весьма скуденъ и въ тому же безъ какой бы то ни было предварительной разработки. De Laborд въ своемъ *Itineraire descriptive del Espagne* Tom. V. p. 395 посвящаетъ одеждѣ отдѣльную главу, которая тѣмъ не менѣе представляетъ весьма краткій и безсодержательный очеркъ средневѣковыхъ костюмовъ. Тоже самое мы находимъ въ этомъ отношеніи у J. Ferrario: *Le costume ancien et moderne ou histoire du gouvernement, de la milice, de la religion etc. de tous les peuples anciens et modernes. Europe. Vol. V. Espagne*, Весьма интересныя свѣдѣнія, напротивъ, заключаются въ —v. Normayer's *Archiv fur Geographie, Historie, Staats und Kriegskunst. 2. Jahrg. 1811. N. 45. S. 197 ff.* въ отдѣлѣ *Ueber die spanischen Aufwandgesetze* составл. по *Historia del luxo y de las leyes suntuarias de Espana*, Madrid 1788.—Не менѣе ограничено число относящихся сюда изображеній. Сочиненія J. v. Hefner-Alteneck, *Trachten des christlichen Mittelalters* (II), C. Vonnard, *Costumes historiques de 13-15-me siècles*, и др. даютъ весьма немного рисунковъ. Затѣмъ остается прекрасный трудъ Valentin'a Carderera: *Iconografia espanola o coleccion de retrates, estatuas, mausoleos y demas monumentos ineditos de Reyes, Reynos, Grandes, Capitanos, Escritores y otros personajes celebres de la nacion desde el siglo XI hasta el XVII*, Madrid 1858. Относительно вооруженія: A. Jubinal, *La armeria Real de Madrid. Ou collection des principales piéces du musée d'artillerie de Madrid*, Fol. Paris; и Catalogo de la Real armeria mandado reimprimir etc. el exemo Senor D. J. Fern de Cordoba etc. el Senor D. G. Campuzano y Herrera, Madrid 1854 г. съ алфавитнымъ указателемъ.

раясь укрыться въ ней отъ нападенія христіанъ, оспаривавшихъ и это послѣднее владѣніе Мавровъ. Не смотря на упорную защиту, Мавры въ концѣ концовъ все таки принуждены были сдаться. Послѣ окончательнаго пораженія ихъ Фердинандомъ католическимъ въ 1492 г., и послѣдовавшаго за симъ изгнанія Мавровъ или насильственнаго обращенія ихъ въ христіанскую вѣру, существованіе ихъ какъ націи на полуостровѣ прекратилось навсегда.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ христіанскаго владычества должно было исчезнуть и вліяніе, которое Мавры, въ продолженіи своего почти 600 лѣтняго господства, оказывали на подвластное имъ христіанское населеніе. Оно конечно не могло исчезнуть разомъ и продолжало жить въ различныхъ отрасляхъ культуры, которыя своимъ возникновеніемъ и развитіемъ были обязаны Маврамъ; но такія его проявленія, которыя не соответствовали европейскому духу кореннаго населенія или были несовмѣстимы съ вновь ожившимъ христіанскимъ благочестіемъ, должны были, хотя и очень постепенно, изгладиться изъ народнаго быта. Во время прочнаго господства Мавровъ, благодаря ихъ благоразумному и кроткому обращенію съ христіанами, религіозная вражда между тѣми и другими мало по малу остыла и до такой степени, что даже христіанскіе государи, какъ напр. Альфонсъ IV, не считали для себя униженіемъ вступать въ супружество съ дочерьми Калифовъ. Арабскіе нравы и обычаи между тѣмъ постепенно распространялись среди христіанскихъ подданныхъ. Но побѣды, одержанныя христіанами надъ Маврами, вновь зажгли старую вражду и раздули её до того, что первые старались, насколько это было имъ возможно, даже и по внѣшности не походить на послѣднихъ. Это отчужденіе началось всего равьше и было сильнѣе въ сѣверныхъ областяхъ Испаніи, откуда главнымъ образомъ и распространилось христіанское могущество.

Однѣ изъ этихъ областей совсѣмъ не попадали господству мавровъ, другія были отвоеваны у нихъ уже въ теченіи 12 столѣтія, а потому несравненно менѣе остальныхъ частей Испаніи испытали на себѣ мавританское вліяніе. На нихъ гораздо болѣе вліяла сосѣдняя Франція, съ которой владѣтели ихъ, какъ по сосѣдству, такъ и изъ политическихъ видовъ, постоянно поддерживали тѣсныя сношенія. Вслѣдствіе этихъ сношеній, скрѣпленныхъ въ 13 столѣтіи родственными связями между государами обѣихъ странъ, и возникшихъ по этому поводу притязаній и феодальныхъ наслѣдствъ, внѣшняя жизнь сѣверныхъ областей Испаніи—Наварры, Аррагоніи, Леона и сѣв. Кастиліи—получила преимущественно французскій отпечатокъ. Усиленію и дальнѣйшему распространенію французскаго вліянія много содѣйствовалъ большой крестовый походъ воздвигнутый, въ началѣ 13-го столѣтія (1212 г.), Иннокентіемъ III противъ Мавровъ, такъ какъ изъ 500,000 ратниковъ, собравшихся для этой цѣли въ Толедо, весьма значительное большинство составляли французскіе рыцари. Послѣ французскаго, сильнѣе всего было вліяніе Италіи. Начало ему было положено еще въ 1204 г., когда Петръ II Аррагонскій ѣздилъ въ Римъ, чтобы короноваться у папы, и этимъ самымъ сталъ въ близкія отношенія къ Церковной Области. Съ этого времени стали развиваться и торговыя сношенія, начавшіяся еще съ половины 12-го стол. между Каталоніей съ одной стороны и Генуей и Пизой съ

другой, и особенно усилившіяся при наслѣдникѣ Петра II-го, Петрѣ III, когда ему удалось окончательно завладѣть Сициліей, въ 1284 г.

Всѣ эти условія, вмѣстѣ взятая, опредѣлили какъ формы внѣшняго быта вообще, такъ и въ особенности формы костюма въ цѣломъ и частностяхъ. Въ сѣверныхъ областяхъ уже съ очень раннихъ поръ утвердилось подражаніе французскому костюму, и вмѣстѣ съ расширеніемъ христіанскаго господства переносилось оттуда въ южныя мавританскія области. Какъ происходило это перенесеніе и сколько времени прошло пока обычный дотолѣ мавританскій костюмъ былъ окончательно замѣненъ христіанскимъ — мы не знаемъ; а можемъ только принять, что уже въ первой половинѣ 13 столѣтія этотъ замѣнъ совершился на очень обширномъ пространствѣ. Онъ конечно не коснулся еще самыхъ южныхъ областей, такъ какъ онѣ все еще оставались подъ прямымъ вліяніемъ Мавровъ, продолжавшихъ господствовать въ Гранадѣ, и сверхъ того, мѣстные и климатическія условія этихъ областей въ значительной степени способствовали удержанію въ нихъ мавританскаго обычая.

Такъ относительно покроя одежды. Что же касается ея качества, т. е. матерій и отдѣлки, то роскошь, которою отличался мавританскій костюмъ, стала до такой степени привычна, что отказаться отъ нея было гораздо труднѣе, чѣмъ отъ самаго костюма. Мавританская культура уже слишкомъ глубоко вѣдрилась въ народный бытъ, чтобы исчезнуть изъ него вмѣстѣ съ изгнаніемъ Мавровъ. Какъ наука и искусство, такъ и торговля и промышленность достигли при господствѣ Мавровъ высокаго процвѣтанія. Съ неменьшею ревностью они заботились и объ усовершенствованіи различныхъ производствъ относящихся къ роскоши. Имъ мы обязаны введеніемъ шелковичнаго червя и шелкопряденія, въ которомъ они достигли высшаго совершенства, переселеніемъ тонкорунныхъ овецъ и дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ обработки шерсти, также какъ и красиваго искусства. Въ вышиваньи золотомъ и серебромъ, въ золотыхъ-дѣлъ-мастерствѣ и вообще въ обработкѣ металловъ, также какъ и въ выдѣлкѣ кожъ, сафьяна, они достигли тоже блестящихъ результатовъ. Всѣ это и еще другія ремесла и искусства, напр. рѣзба изъ слоновой кости, ювелирное мастерство, вмѣстѣ съ изобрѣтенною ими формою украшеній — арабесками — осталось, и по изгнаніи ихъ, общимъ достояніемъ ихъ побѣдителей. Богатая добыча, которую всякій разъ захватывали эти послѣдніе, тоже не мало способствовала къ усиленію разъ укоренившейся въ нихъ склонности къ внѣшнему блеску. Когда Альфонсъ VIII, передъ сраженіемъ на Толоской равнинѣ въ 1212 г., собралъ свое войско, онъ нашелся вынужденнымъ отдать приказаніе чтобы ратники сняли съ себя все излишнее платье и все украшения, а запаслись бы хорошимъ оружіемъ. Правда, что блестящая побѣда, одержанная этими воинами и доставившая имъ несмѣтную добычу, дала новую пищу склонности къ роскоши.

Въ Арагоніи и Каталоніи склонность эта въ самое короткое время приняла значительные размѣры. Этому много способствовали тѣсныя сношенія, существовавшія между названными областями и Италіей и дававшія первымъ возможность пріобрѣтать путемъ торговли различные драгоценныя

товары, которые послѣдняя получала прямо съ Востока. Уже по прошествіи немногихъ лѣтъ, въ особенности въ Каталоніи, роскошь усилилась до такой степени, что Іаковъ I принужденъ былъ прибѣгнуть къ законодательнымъ мѣрамъ для ограниченія ея. Въ 1234 г. онъ обнародовалъ постановление— первое въ этомъ родѣ въ Испаніи—заключавшее въ себѣ подробный уставъ домашней и общественной жизни, даже въ отношеніи стола и одежды. Относительно одежды запрещались: набивныя матеріи (*estampados*), всякія украшенія изъ золота, серебра и мишуры, а въ особенности отдѣлка собольимъ и горностаевымъ мѣхомъ. Остальныя мѣха позволено было употреблять только на опушку плаща, кашюшона и разръзовъ на рукавахъ. Въ остальныхъ областяхъ происходило тоже самое: онѣ не замедлили послѣдовать примѣру сѣверныхъ. Поводомъ къ этому послужило завоеваніе Валенсіи Іаковомъ I Арагонскимъ и богатой Андалузійи — Фердинандомъ Кастильскимъ. И въ нихъ усиленіе роскоши вызвало законодательныя мѣры. Первое постановление было издано Альфонсомъ X, въ Севильѣ (1256 г.). Оно также заключало въ себѣ правила, которыми слѣдовало руководствоваться при свадьбахъ, торжественныхъ обѣдахъ и т. д., и кромѣ того, съ точностью опредѣляло матерію и покрой одежды. Постановление это, впрочемъ, не избѣжало общей участи всѣхъ подобныхъ постановленій. Не болѣе какъ черезъ 2 года оно было возобновлено съ усиленною строгостью и значительно распространено. Имъ запрещалось: золотое и серебряное шитье и украшеніе одежды лентами и шелкомъ, слишкомъ богатая отдѣлка конскаго вооруженія, сбруи и рыцарскихъ щитовъ; мастера же, которые стали бы изготовлять такія вещи, равно какъ и портные за шитье несогласной съ уставомъ одежды, подвергались отсѣченію большого пальца правой руки. Шелковыя одежды (по тому же уставу) присвоивались королю и вновь прозведеннымъ рыцарямъ (*caballeros noveles*); шитые золотомъ башмаки и сѣдла, равно какъ и пурпуровый цвѣтъ—исключительно королю. Женщинамъ не дозволялось носить украшенныхъ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ сорочекъ, и вышитыхъ платьевъ; а рыцарямъ и вообще всѣмъ „*ricos hombres*“ (знатымъ)—дѣлать ежегодно болѣе 4-хъ костюмовъ. Запрещалось также имѣть болѣе одной траурной одежды, кромѣ рыцарей, носящихъ трауръ по своему сюзерену, и вдовъ, оплакивающихъ своихъ мужей. Далѣе запрещалось излишнее употребленіе дорогихъ мѣховъ, какъ горностаевый, соболій, и *penas negras* или *penas blancas*—по всей вѣроятности родъ барашковаго мѣха. Нисіе придворные служители, Евреи и Мавры совѣтъ не имѣли права носить мѣхъ; христіанскіе же подданные могли только оторачивать имъ одежду. Горностай и „*penas negras*“ исключительно предназначались для короля, новыхъ рыцарей и новобрачныхъ „*ricos hombres*“.

Но стараясь ограничить роскошь, король въ тоже время издавалъ указы, поощряющіе развитіе ея. Разрѣшеніемъ ввоза иностранныхъ товаровъ и торговли ими, въ особенности же покровительствомъ туземной промышленности, онъ открылъ народу свободный путь къ обогащенію, давая ему вмѣстѣ съ тѣмъ возможность потворствовать уже и безъ того сильно развитой наклонности къ роскоши и блеску. Кромѣ различныхъ отраслей промышленности, унаслѣдованныхъ отъ Мавровъ и продолжаемыхъ съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и усердіемъ, были изобрѣтены еще новыя, направлен-

ныя главнымъ образомъ къ тому, чтобы развить эту склонность. Всему этому также не мало способствовало измѣненіе въ сословныхъ отношеніяхъ, уже давно подготовлявшееся и здѣсь, какъ и въ остальной Европѣ. Многимъ изъ болѣе значительныхъ городовъ удалось освободиться отъ гнета ихъ феодальныхъ владѣтелей и слѣлаться самостоятельными. По мѣрѣ того какъ среднее сословіе прибрѣтало больше значенія и силы, развивалась и совершенствовалась промышленность. Торговля расширилась. Кромѣ сѣверной Африки и Италіи, въ ней теперь стали принимать участіе Англія и Александрія; а ярмарки въ Толедо, Мединѣ-дель-Кампо, Саламанкѣ, Авилѣ, Бургосѣ и Аревало, куда свозились отечественныя и чужеземныя произведенія,—слѣлались главными центрами обширныхъ торговыхъ оборотовъ.

Не будучи въ состояніи противодѣйствовать возрастающей роскоши, правительство стало относиться къ ней болѣе снисходительно. Хотя законы, издававшіеся до половины 14-го столѣтія, по содержанію не измѣнились, однако за выполненіемъ ихъ слѣдили уже не такъ строго. Новый законъ, изданный въ 1342 г. въ Алкалѣ, былъ значительно ослабленъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Многое, что до тѣхъ поръ было дозволено только высшимъ сословіямъ, съ этого времени стало доступно также среднимъ и низшимъ. Мужчинамъ разрѣшено было богатое убранство сѣделъ и сбруи, равно какъ и употребленіе жемчуга для отдѣлки одежды. Точно также и женщинамъ, даже низшаго класса, но если при этомъ мужья ихъ держали лошадей, дозволено было отдѣлывать одежду золотымъ шитьемъ и дорогимъ мѣхомъ. Относительно роскоши на свадьбахъ и т. д. было предоставлено больше свободы. Свадебный нарядъ невѣсты изъ высшаго круга по цѣнности своей сталъ доходить до 4000 мараведисовъ; изъ рыцарскаго сословія — до 2000 марав. Люди, занимавшіеся издѣліемъ запрещенныхъ вещей, уже не платились болѣе изуродованіемъ руки, а вмѣсто того лишались самой вещи, или же наказывались денежнымъ штрафомъ, и богатые землевладѣльцы, за нарушеніе постановленія, не поручались уже болѣе милосердію короля, а лишались пользованія своими владѣніями въ теченіи года.

Не смотря на возрастаніе роскоши, послѣ упомянутаго постановленія до конца столѣтія не появлялось никакихъ другихъ законовъ противъ роскоши, кромѣ распоряженія строго запрѣщавшаго наложницамъ духовныхъ лицъ одѣваться, подобно честнымъ женщинамъ, въ платья вышитыя золотомъ и серебромъ и предписывавшаго имъ для отличія носить одежду изъ самой простой матеріи, а чепцы и вуали обшивать красной полотняной полосой.

Какъ ни роскошна была одежда по матеріи и отдѣлкѣ,—покрой ея до половины столѣтія остался весьма простымъ, сохранивъ издавна свойственный ему древнеримскій типъ. Костюмъ мужчинъ и женщинъ состоялъ изъ туникообразныхъ нижнихъ и верхнихъ одеждъ и длинныхъ широкихъ накидокъ (у мужчинъ сверхъ того еще изъ панталонъ). Въ этой формѣ онъ былъ перенесенъ изъ сѣверныхъ областей въ южныя и распространился тамъ между христіанскимъ населеніемъ, замѣнивъ у него мавританскій костюмъ. Нѣкоторыя особенности послѣдняго были удержаны и при новомъ костюмѣ нѣсколько времени, но затѣмъ постепенно оставлены или прилажены къ нему такъ, что слѣлались его принадлежностью. Такъ напр. на головѣ носили

старинную круглую шапку обернутую легкою матеріею наподобіе тюрбана; вмѣсто обыкновеннаго пояса, подпоясывались (по крайней мѣрѣ средній классъ) свернутымъ довольно широкимъ кускомъ цвѣтной матеріи. Отъ этихъ кушаковъ происходятъ, можетъ быть, и нынѣ употребляемые при національномъ костюмѣ широкіе пояса— *sacha*. Остаткомъ мавританскаго костюма могутъ быть и полосатыя шерстяныя одѣяла, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Испаніи носимыя простолюдинами вмѣсто плащей. Что же касается предположенія, будто бы мужская накидка или такъ называемая „сара“, составляющая въ настоящее время часть національнаго костюма, а также и черное, короткое разукрашенное женское платье „*basquina*“, вмѣстѣ съ покрываломъ или „*mantilla*“, также обязаны своимъ происхожденіемъ Маврамъ,—то оно вряд ли имѣетъ какое либо основаніе. По крайней мѣрѣ какъ самыя названія, такъ и картины, изображающія Мавровъ и христіанъ ранняго періода, отнюдь не говорятъ въ его пользу <sup>1</sup>. Вѣроятно же всего то, что одежды эти, въ томъ видѣ въ какомъ онѣ существуютъ и въ настоящее время, стали употребляться только въ концѣ 15-го столѣтія, кромѣ развѣ „сара“, которая въ простѣйшей своей формѣ широкаго плаща (на что указываетъ и самое названіе), была въ большомъ употребленіи уже въ средніе вѣка.

Дальнѣйшее измѣненіе, которое испыталъ общепринятый костюмъ, началось еще ранѣ половины 14 столѣтія. Оно шло совершенно тѣмъ же путемъ какъ и во Франціи, и выразилось прежде всего въ суженіи верхнихъ одѣждъ у обоихъ половъ и въ укороченіи ихъ у мужчинъ. Въ какой мѣрѣ переняты были при этомъ различныя особенности, сопровождавшія указанное измѣненіе костюма во Франціи, какъ-то: прорѣзы, увеличеніе числа пуговицъ, застежекъ и т. д.—этого опредѣлить мы не можемъ, по причинѣ весьма ограниченаго количества живописныхъ памятниковъ того времени. Можно однакожь предположить, что французскій костюмъ служилъ образцомъ и въ этомъ отношеніи, равнокакъ и въ отношеніи измѣненія формы другихъ частей одѣянія—головныхъ уборовъ, обуви и пр. Это предположеніе подтверждается по крайней мѣрѣ изображеніями изъ второй половины столѣтія, до мельчайшихъ подробностей воспроизводящими общепринятый тогдашній французскій костюмъ, именно—картинами на плафонѣ судейной залы въ Альгамбрѣ, <sup>2</sup> представляющими Мавровъ и испанцевъ (христіанъ).

Мужская одежда на этихъ картинахъ представляется въ двухъ уже издавна выработавшихся во Франціи формахъ — очень узкой и короткой, и очень длинной и широкой. Въ обтяжной одѣждѣ не замѣтно почти никакого отличія отъ такой же французской даже и въ мелочахъ, напр. въ размѣщеніи пуговицъ, въ способѣ ношенія пояса, въ фасонѣ обуви (фиг. 148 а. b;

<sup>1</sup> Слово «сара» заимствовано отъ средневѣковаго латинскаго «*sarra*», означающаго одѣжду въ видѣ накидки съ широкими рукавами; слово «*mantilla*» походитъ на французское «*Mantelet*»; «*basquina*» происходитъ отъ «басковъ», древнѣйшаго иберійскаго населенія Испаніи. — <sup>2</sup> Въ моей Исторіи костюмовъ я утвердилъ въ среднихъ вѣкахъ отъ 4 до 14 столѣтія (Вн. бытъ. Т. II. пер. П. Васильева), происхожденіе этихъ картинъ отнесено мною въ началу 15-го столѣтія. Внимательныя изслѣдованія убѣдили меня въ ошибочности этого опредѣленія, чѣмъ однакожь нисколько не затрагивается сказанное тамъ о Мавританскомъ костюмѣ.

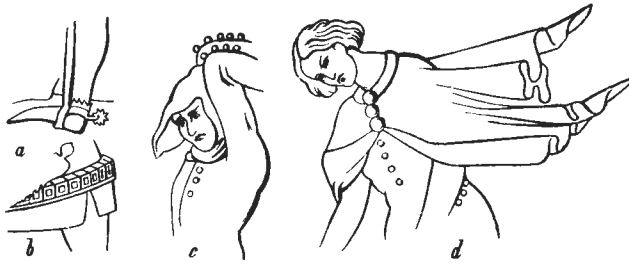
сравни. фиг. 38 и 39). Такое же сходство оказывается и въ формѣ головныхъ уборовъ и въ цвѣтѣ всего костюма. Въ отношеніи первой и здѣсь преобладаютъ островерхія капюцы съ пелериной и зазубренными краями (фиг. 148 а;

Фиг. 148.



149 с; ср. фиг. 41 с); въ отношеніи послѣдняго — разнополосность, такъ наз. *mi-parti*<sup>1</sup> (фиг. 148 б; сравни. фиг. 39 а). Единственное уклоненіе отъ французской моды, и можетъ быть особенность чисто испанскаго вкуса, — представляетъ родъ короткаго плаща, застегивающагося на груди нѣскольки-

Фиг. 149.



ми пуговицами (фиг. 149 d). Плащъ этотъ является какъ бы раннимъ предшественникомъ весьма употребительнаго впоследствии (съ конца 15-го столѣтія) небольшого „испанскаго плаща“.

Названныя картины даютъ только одинъ обращикъ длинной и широкой одежды (фиг. 148 с); но за то мы встрѣчаемъ ее въ другихъ памятникахъ того же времени — изваяніяхъ (фиг. 150 а. б). Какъ ни скудно число этихъ

<sup>1</sup> Въ фиг. 148 б. лѣвая половина вафтана оранжевая, правая темнокрасная съ золотыми полосами окаймленными чернымъ. Эту двуцвѣтность переняли даже и Мавры для своихъ длинныхъ одеждъ, что подтверждается тѣми же картинами.

извѣстнѣй, всё они согласно показываютъ намъ, что не только въ покроѣ названпой одежды, но и въ употребленіи ея Испанцы подражали французамъ — именно носили её и одну, и поверхъ узкаго платья (ср. фиг. 41 слѣд.). Незначительныя особенности, отличающія эту одежду отъ французской, при полнѣйшемъ сходствѣ во всемъ остальномъ, скорѣе могутъ быть объяснены прихотью отдѣльныхъ личностей, чѣмъ своеобразностью испанскаго вкуса. Основываясь на значительномъ количествѣ изображеній изъ позднѣйшаго времени, можно заключить, что этотъ родъ одежды преимущественно былъ распространенъ между высшими классами.

Весьма возможно, что предпочтеніе, оказываемое именно этой формѣ одежды передъ другими, основывалось на прежней привычкѣ къ длинной мавританской одеждѣ, или даже только поддерживалось употребленіемъ ея Маврами жившими среди христіанъ. — Въ концѣ столѣтія къ этой одеждѣ были прибавлены широкіе висячіе рукава, отдѣленные по краямъ выстѣчкой (см. ниже).

Фиг. 150.



Женская одежда, какъ она представлена на тѣхъ же картинахъ и еще другихъ памятникахъ (фиг. 152), оказывается, какъ и мужская, подражані-

омъ современной ей французской женской одежды. И здѣсь также верхнее платье является съ одной стороны—широкаго стариннаго покроя (фиг. 152; сравн. фиг. 47 а. д.), съ другой, — сѣуженнымъ сверху до низу и почти обтяжнымъ отъ шеи до талии. (фиг. 152б). Оно походитъ на французское и тѣмъ, что удлиняется въ шлейфъ, дѣлается то на-глухо закрытымъ, то распашнымъ или только до талии, или (рѣже) во всю длину, и при этомъ застегивается на пуговицы, которыми обсаживаются иногда и рукава (фиг. 151 а — б; 152 а. б; ср. фиг. 36 а. с; фиг. 46 с. д. фиг. 47 с. а.). Подража-

Фиг. 151.



Фиг. 152.



ніе французскимъ образцамъ обнаруживается въ покроѣ и отдѣлкѣ женскихъ плащей, которые и здѣсь сохранили свою форму широкой и длинной накидки застегнутой на груди (фиг. 151 с). Длинная и широкая верхняя одежда съ большими проймами на бокахъ, долго бывшая въ употребленіи какъ во Франціи и Англіи (фиг. 39 а), такъ и въ Германіи (фиг. 99 а), была тоже принята испанскими женщинами, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: она была укорочена и ея верхняя часть превращена въ родъ широкой пелерины (фиг. 151 б). Единственною особенностью испанскаго женскаго костюма былъ, какъ показываютъ изображенія, короткій плащъ сходный съ такимъ же мужскимъ, но отличный отъ него въ томъ, что онъ застегивался не на груди, какъ послѣдній, а на правомъ плечѣ (фиг. 151. а).

Въ обуви и головныхъ уборахъ женщины слѣдовали тоже французскимъ модамъ, подражая которымъ онѣ приняли, къ концу столѣтія, наравнѣ съ мужчинами, также и длинные и широкіе всячіе рукава отдѣланные по краямъ выстѣчкой или бахромой (фиг. 152 б. с.).

Что касается цвѣта одежды, то вообще предпочитались цвѣта свѣтлые и пестрые, и чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ это предпочтеніе было сильнѣе. На вышеупомянутыхъ картинахъ, составляющихъ принадлежность самой южной области — мавританской Гранады, преобладаютъ какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ костюмѣ, цвѣта: бѣлый, розовый, яркокрасный, свѣтло-зеленый, голубой, лиловый и т. д. Одинъ изъ мужчинъ изображенъ здѣсь весь въ бѣломъ, только съ цвѣтной оторочкой капюшона, и въ пестрыхъ башмакахъ.

Не мало важное вліяніе на одежду именно среднихъ классовъ имѣли успѣхи достигнутые во второй половинѣ столѣтія фабрикаціей шерстяныхъ издѣлій. Уже къ концу столѣтія производство это въ Испаніи настолько усовершенствовалось, что смѣло могло соперничать съ Нидерландскими суконными фабриками. Вслѣдствіе этого, торговля шерстью и потребленіе туземнаго сукна достигли такихъ громаднхъ размѣровъ, что сословія уже около 1491 г. требовали, чтобы ввозъ иноземныхъ шерстяныхъ издѣлій былъ запрещенъ. Какъ сырая шерсть, такъ и сукно сдѣлались съ тѣхъ поръ важнымъ предметомъ вывоза, а Бургосъ и Медина-дель-Кампо главнѣйшими складочными мѣстами этого товара, — первый для внѣшней торговли, а послѣдній, для внутренней—съ сѣверными областями Кастиліи.—

Убѣдившись въ невозможности противодѣйствовать все болѣе и болѣе возрастающей склонности къ роскоши даже и такими снисходительными мѣрами, каково было постановленіе 1348 г., власти рѣшились, въ исходѣ столѣтія, по крайней мѣрѣ пользоваться этою склонностью, какъ средствомъ для достиженія общественныхъ цѣлей. Исходя изъ этой мысли и главнымъ образомъ имѣя въ виду поднять коннозаводство, оставшееся до того времени въ пренебреженіи, король Генрихъ III (по всей вѣроятности не безъ содѣйствія его супруги—англичанки Екатерины Ланкастерской) издалъ, около 1395, указъ, въ силу котораго, всѣмъ замужнимъ женщинамъ дозволялось носить шелковыя платья, жемчугъ, золотыя и серебряныя сѣтки, сѣрый или дорогой бѣлый мѣхъ, если мужья ихъ были въ состояніи содержать лошадь цѣною въ 600 мараведи. Дозволеніе это немного поздне

было распространено и на сыновей, отцы которых обладали лошадей цѣною въ 1200 мараведи или жеребенкомъ не старше трехъ лѣтъ и не дешевле 600 мараведи. Но и эта мѣра была не болѣе какъ попытка, которая должна была оказаться также безплодною, какъ и прежнія прямыя запрещенія, тѣмъ болѣе, что сами короли и окружающіе ихъ придворные, въ отношеніи одежды и обстановки, подавали примѣръ непомерной расточительности. Дворы сдѣлались центрами необычайной роскоши и поражающаго великолѣпія, проявлявшихся главнымъ образомъ въ устройствѣ турнировъ и иныхъ празднествъ, что не могло не повліять на общій складъ жизни. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимала Арагонія, гдѣ придворная жизнь развилась до такого необыкновеннаго блеска, особенно въ царствованіе Іоанна I, что слухъ о ней дошелъ даже до императора Венцеслава, который чтобы ближе ознакомиться съ ней, отправилъ въ 1398 году одного изъ своихъ придворныхъ въ Арагонію. О законахъ противъ роскоши здѣсь конечно не могло быть и рѣчи; все сдѣланное съ этой цѣлью, помимо нѣкоторыхъ распоряженій, касательно города Валенціи, состояло въ наложеніи пошлинъ на заграничныя произведенія, въ виду поощренія отечественной промышленности, и въ запрещеніи, изданномъ въ 1443 г., употреблять какія либо другія ткани, кромѣ туземныхъ. И въ другихъ областяхъ, по крайней мѣрѣ до конца 15-го столѣтія, не издавалось болѣе подобныхъ постановленій; когда около 1452 г. сословія обратились къ королю Іоанну II съ просьбой о возобновленіи прежнихъ законовъ противъ роскоши, онъ отвѣтилъ имъ, что законы эти имѣли значеніе въ свое время, при господствующи́хъ же новыхъ порядкахъ необходимы и новыя распоряженія.

При такомъ положеніи дѣлъ весьма понятно, что роскошь все болѣе возрастала и распространялась. Какъ ни значительно было ея усиленіе уже въ теченіи второй половины 14 столѣтія, но высшей точки оно достигло съ наступленіемъ слѣдующаго, 15-го. До тѣхъ поръ расточительность, какъ во вѣшней обстановкѣ, такъ и въ одеждѣ, господствовала преимущественно въ средѣ высшаго сословія, теперь же она стала распространяться и между среднимъ и низшимъ сословіями и въ такой степени, что трудно было отличить послѣднихъ отъ перваго. Промышленная буржуазія, а вмѣстѣ съ ней и ремесленническое сословіе разбогатѣли, вслѣдствіе чего и сдѣлалось возможнымъ такое уравненіе. Хотя и не мало слышалось жалобъ на то, что „даже жены ремесленниковъ носятъ платья, которыя годились бы для знатнѣйшихъ благородныхъ дамъ“, но при измѣнившихся условіяхъ, жалобы эти оставались втунѣ, и каждому было предоставлено хвастаться своими недостатками какъ ему было угодно.

Относительно формы одежды продолжали слѣдовать преимущественно французскимъ образцамъ. Сближеніе съ Англіей, при существовавшемъ уже сходствѣ французскихъ и англійскихъ костюмовъ, не оказало замѣтнаго вліянія на одежду; на сколько успѣла въ этомъ отношеніи Італія — это вопросъ, на который, вслѣдствіе ограниченнаго числа наглядныхъ изображеній дошедшихъ до насъ, трудно отвѣтить. Если въ продолженіе этого времени она и оказала вліяніе, что можно смѣло предположить, то во всякомъ случаѣ оно обнаружилось лишь въ исходѣ столѣтія, когда женская одежда

начала принимать итальянскій покрой (см. ниже.) Съ другой стороны, на живописныхъ изображеніяхъ встрѣчается одежда такой своеобразной, нигдѣ не встрѣчающейся формы, что её прямо можно принять за національную испанскую, это—плащобразныя накидки, бывшія въ употребленіи повидимому не далѣе какъ до половины столѣтія (см. ниже.)

Мужская одежда, подчиняясь измѣненіямъ французской моды, представляла два главныхъ типа: узкой и короткой, и широкой и длинной; последней отдавали преимущества. Длинная одежда, сохранившая, въ качествѣ церемональнаго одѣявія, первоначальную простоту покроя, (фиг. 153 а.), была вмѣстѣ и обыкновенною одеждою высшихъ сословій и подвергалась, въ этомъ значеніи, всѣмъ тѣмъ преобразованіямъ, которыя предписывала французская мода (стр. 61 и сл.). Поэтому, кафтанъ носили то шире, то уже, то короче, то длиннѣе, распашной или закрытый, съ пуговицами и безъ нихъ, подпоясаннымъ или безъ пояса, и большею частью съ широкими, длинными, мѣшкообразными висячими рукавами (фиг. 153 в.). Что касается отдѣлки выѣчкой, то ею пользовались только иногда, и преимущественно для рукавовъ и далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ во Франціи (фиг. 43 а. с.; фиг. 153 в.).—Въ концѣ предъидущаго столѣтія вошли въ употребленіе туго набитыя, высокія оплечья („*maillottes*“) и короткіе стоячіе воротники (стр. 49; фиг. 43 а. в.). И тѣ и другіе стали примѣнять къ одеждамъ обоюго пола, приблизительно около половины столѣтія, стараясь по возможности даже превзойти французскіе образцы (фиг. 154 а. в.).

Фиг. 153.

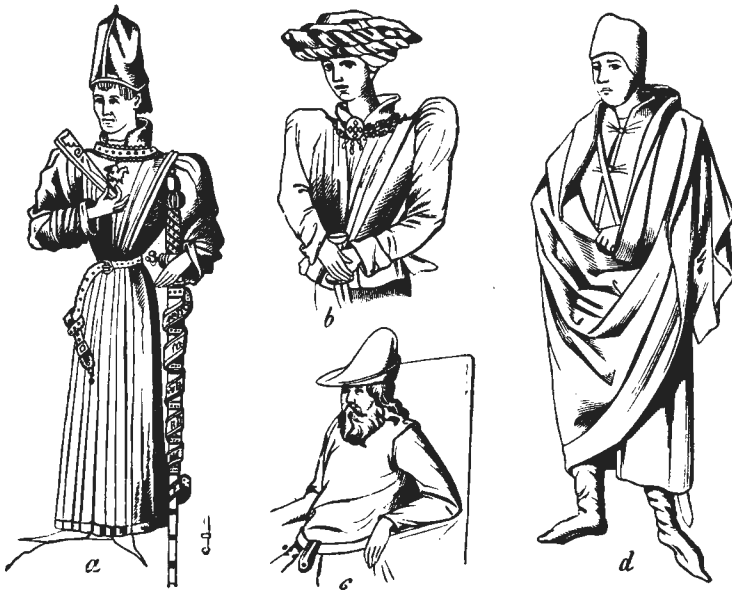


Что касается короткой и обтяжной одежды, то кромѣ казакиновъ, съ болѣе или менѣе широкими рукавами, надѣвавшихся и подъ панцырь (фиг. 153. с),

къ ней можно отнести также узкіе, частью сборчатые, частью обтянутые камазолы, вошедшіе скоро въ общее употребленіе (фиг. 154. b. d.; сравн. фиг. 53. a. b; фиг. 54). Камзолы эти, по французской модѣ, дѣлались съ полами и безъ нихъ; въ первомъ случаѣ полы, которыя вообще были весьма коротки, съ боковъ обыкновенно разрѣзывались; во второмъ, панталоны, тоже обтяжные, пристегивались прямо къ камзолу и составляли съ нимъ какъ бы одно цѣлое (фиг. 154 b.)

Почти до половины столѣтія накидками служили короткій плечевой и длинный плащъ; послѣднему съ этихъ поръ стали отдавать предпочтеніе (фиг. 154. d.), первый-же почти вышелъ изъ употребленія (стр. 238.).

Фиг. 154.



Изъ головныхъ уборовъ, на ряду съ многими другими формами, предпочитали частью широко выступающіе круглые наголовники (фиг. 154. b. (сравн. фиг. 54; фиг. 56.), частью различные виды шапокъ—высокихъ, низкихъ, жесткихъ и мягкихъ (фиг. 154 a. d. срав. фиг. 53 a. b.), поля которыхъ, слѣдуя иностранной модѣ, иногда суживались къ переду мысомъ (фиг. 154 c). Надобно предполагать, что и длинныя, спускающіяся до низу тафтяныя повязки также вошли въ моду, тѣмъ болѣе, что такой же тафтой обвивались и широкіе валики (фиг. 154 b; срав. фиг. 54; фиг. 56.). Кромѣ того, не были оставлены и изстари употребительныя формы круглыхъ шапокъ, съ околышами и безъ нихъ (фиг. 153 a), и до конца первой половины столѣтія не переставали носить старинныя мавританскія головныя повязки (фиг. 153 b.)

Въ обуви подражали тоже французскимъ модамъ и продолжали все болѣе и болѣе удлинять носки до тѣхъ поръ, пока во Франціи не появились

новомодные башмаки съ тупыми концами (фиг. 154 а. d. сравн. фиг. 53 а. b. стр. 60). Кромѣ того здѣсь, также какъ и тамъ, на ряду съ башмаками, стали носить полусапожки или высокіе сапоги, доходившіе иногда до колѣвъ (фиг. 154 d. сравн. фиг. 55 а. b.)

Женскій костюмъ, помимо роскошнаго убранства своего, отличался отъ французскаго вышеупомянутой формой накидокъ, придававшихъ ему своеобразный видъ (фиг. 155). Накидки эти представляли родъ короткаго плаща съ прорѣзами отъ плечъ книзу, для свободнаго движенія рукъ, съ гладкими или зубчатыми краями, иногда съ прямымъ стоячимъ воротникомъ (фиг. 155 а. b.). Мало по малу эти накидки были оставлены и испанскій женскій костюмъ совершенно сравнялся съ французскимъ даже въ томъ, что при длинныхъ закрытыхъ платьяхъ начали носить длинные же распашныя, застегивавшіяся сверху до низу на пуговицы. Эти распашныя верхнія одежды полюбилися испанкамъ преимущественно передъ всѣми другими, и потому отдѣльвались особенно роскошно, причемъ однакъ ихъ вскорѣ стали дѣлать совсѣмъ безъ пуговицъ спереди (фиг. 156. а. b.). Поэтому можно предполагать, что плотно обхватывающія талію нарядныя кофточки, опущенныя горностаемъ и т. д., весьма употребительныя во Франціи, здѣсь не были приняты (сравн. стр. 49, фиг. 49. b; фиг. 77. а; фиг. 78). Относительно же всего остальнаго, какъ наприм. покроя рукавовъ, вырѣза

Фиг. 155.



на груди и нагрудника, пояса и т. д., объ названныя одежды испытали тѣ же измѣненія, какъ и во Франціи, съ той только разницею, что измѣненія эти доходили до Испаніи значительное время спустя послѣ своего появленія во Франціи (срав. стр. 49; фиг. 49; фиг. 63; фиг. 69.). Во второй половинѣ столѣтія, къ употребительному до того времени покрою рукавовъ верхней одежды, присоединились еще различныя фасоны разръзныхъ и пышныхъ рукавовъ, занесенныя, можетъ быть, уже изъ Италіи; вѣроятно, однакожъ, ихъ носили мало, по крайней мѣрѣ въ первое время ихъ появленія (фиг. 157 б.)

Фиг. 156.



Застегивающаяся на груди мантия сохранила свой первоначальный покрой. Ее носили, какъ прежде такъ и послѣ, то короче, то длиннѣе и съ болѣе или менѣе богатой отдѣлкой, въ которой главную роль играла вытканная или вышитая жемчугомъ и т. п. кайма по краямъ мантии (фиг. 157. б. с.) Знатныя и богатая женщины употребляли для простыхъ мантий одноцвѣтную шелковую или тонкую шерстяную матерію (фиг. 157 а.), для нарядныхъ, — большую часть тяжелую, шелковую ткань съ роскошнымъ узоромъ (фиг. 157. б.) Какъ тѣ, такъ и другія, преимущественно-же послѣднія, снабжались длинными шлейфами, и, впоследствии, для большаго удобства, широкими прорѣзами для рукъ (фиг. 157 б. фиг. 159). Кромѣ мантий, были вѣроятно еще и другія формы накидокъ, хотя точныхъ доказательствъ мы на это не имѣемъ (срав. фиг. 157 с.) Коротенькіе плащи, застегивавшіеся на правомъ плечѣ (фиг. 150 а), уже въ началѣ этого столѣтія стали мало по малу выходить изъ употребленія.

Изъ головныхъ уборовъ, какъ по крайней мѣрѣ видно изъ наглядныхъ изображеній, особенно любимыми были—изящно отдѣланныя круглыя ша-

Фиг. 157.



почки, которыя иногда накрывали платкомъ окружавшимъ и щеки (фиг. 157 а); затѣмъ—покрывала разнообразнѣйшихъ фасоновъ (фиг. 155 а. б; фиг. 156. б. с; сравн. фиг. 159). Вообще надобно предполагать, что тѣ странныя формы головныхъ уборовъ, которыя создавала тогдашняя французская мода, нашли здѣсь мало сочувствія, если же и употреблялись, то очень немногими и притомъ въ значительно упрощенномъ видѣ. Предположеніе это подтверждается упомянутыми изображениями, которыя сверхъ того показываютъ, что именно въ этой части костюма, т. е. головныхъ уборахъ, испанки меньше всего подражали иностраннымъ модамъ, а главнымъ образомъ руководились своимъ собственнымъ вкусомъ; такъ напр. съ половины столѣтія онѣ начали употреблять шерстяныя или шелковыя сѣтки, въ которыя вкладывали волосы. Величина этихъ сѣтокъ была очень различна: при совершенно распущенныхъ волосахъ, носили сѣтки такой длины, что онѣ почти касались земли, при чемъ ихъ перехватывали въ нѣсколькихъ мѣстахъ бантами изъ лентъ, такъ что онѣ спускались вдоль спины въ видѣ хвоста (фиг. 157 с). Этой модѣ безъ сомнѣнія обязаны своимъ происхожденіемъ общеупотребительныя еще и въ настоящее время, между населеніемъ Каталоніи, длинныя головныя сѣтки, извѣстныя подъ названіемъ „*redicilla*“.

Относительно обуви также не довольствовались однимъ подражаніемъ французскимъ образцамъ. Вмѣстѣ съ остроконечными башмаками, носки которыхъ въ женской обуви далеко не достигали тѣхъ размѣровъ, какъ въ мужской (фиг. 155 б; фиг. 156 б.), появились въ началѣ столѣтія, какъ несомнѣнное произведеніе самостоятельнаго вкуса, башмаки на высокихъ съ выгибомъ подошвахъ, увеличивавшіе ростъ. Въ началѣ, когда носили длинныя платья совсѣмъ скрывавшія обувь, высота этихъ подошвъ была умѣренная (фиг. 155 а); но съ теченіемъ времени ихъ стали дѣлать выше, а

самые башмаки отдѣлывали шитьемъ и другими украшеніями и уже не только не прятали подъ платье, но охотно выставляли на показъ (фиг. 156 а). Въ такомъ видѣ обувь эта, постоянно становясь выше, сохранилась до начала 17-го столѣтія, и къ этому времени достигла, преимущественно въ Италиі, гдѣ она была тоже принята, до безобразной вышины <sup>1</sup>.

Въ 70-тыхъ годахъ столѣтія въ костюмѣ вообще произошло много новыхъ измѣненій, обусловленныхъ, кромѣ французскаго, еще и различными другими иноземными вліяніями, въ томъ числѣ и итальянскимъ (см. выше, (стр. 242), и существенно измѣнившихъ его характеръ. Главнымъ же обстоятельствомъ, вызвавшимъ эти перемѣны, было, безъ сомнѣнія, преобразование государственнаго устройства, обусловленное соединеніемъ двухъ могущественнѣйшихъ христіанскихъ государствъ Аррагоніи и Кастиліи (съ 1476 г.) и бракосочетаніемъ Фердинанда-Католика съ Изабеллой (около 1490 г.). Послѣдовавшее вскорѣ послѣ того окончательное изгнаніе Мавровъ (въ 1492 г.) и соединеніе почти всѣхъ испанскихъ владѣній подъ скипетромъ Фердинанда, введенный имъ новый порядокъ, соответствовавшій во всѣхъ отношеніяхъ требованіямъ того времени, а также случившееся при немъ открытіе Америки, упрочили національную самостоятельность Испаніи въ такой степени, что вліяніе этой самостоятельности не могло не отразиться и на національной одеждѣ.

Въ мужскомъ костюмѣ широкія и длинныя одежды стали замѣняться короткими и узкими, и наконецъ обратились въ исключительно церемональныя. Обыкновеннымъ нарядомъ высшихъ и благородныхъ сословій былъ короткій распашной кафтанъ, иногда съ широкимъ воротникомъ и отворотами, съ рукавами болѣе или менѣе широкими, или вовсе безъ рукавовъ съ одними проймами. Такой кафтанъ довольно близко походилъ на нѣмецкую *Schaube*, но отличался отъ нея тѣмъ, что его дѣлали обыкновенно изъ узорчатыхъ матерій. Широкія сборчатыя курты были оставлены, а изъ гладкихъ тѣ, которыя спускались нѣсколько ниже талии, все чаще и чаще замѣнялись настоящими куртками (безъ полъ), и менѣе часто — узкими полукафтанами, застегивавшимися на пуговицы, съ короткими, выше колѣнъ, полами. Узкіе и умѣренно широкіе рукава дѣлались иногда съ прорѣзами и пышно подбивались цвѣтнымъ шелкомъ или полотномъ. — Панталоны носили, большею частью, обтянутые, и, слѣдуя французскому обычаю, подвязывали ихъ выше колѣнъ (стр. 80); иногда сверхъ панталонъ надѣвались еще другіе, довольно узкіе, и слегка отдувающіяся, но значительно короче первыхъ.

<sup>1</sup> Уже С. А. Böttiger. (Kleine Schriften archäologischen und antiquarischen Inhalts; herausgeg. von I. Sillig Leipzig 1850 III. S. 69) упоминаетъ объ этихъ башмакахъ сравнивая ихъ съ котурнами древняхъ. Древнѣйшимъ же источникомъ по этому предмету для среднихъ вѣковъ служитъ ему извѣстная книга, составленная Caes. Vecellio: *De gli abiti antichi et moderne, di diverse parti del mondo*. Venetia 1664, появившаяся въ старомъ изданіи около 1559 г. Вслѣдствіе этого Böttiger склоненъ, хотя ошибочно, выводить происхожденіе этой обуви изъ Италіи или даже Кавказа, гдѣ въ 18 столѣтіи таковая была дѣйствительно въ употребленіи. Если считать эту обувь произведеніемъ восточнаго вкуса, то скорѣе всего можно было бы предположить, что она перенесена была въ Испанію Маврами. Объ этихъ башмакахъ говорятъ между прочимъ Н. А. Berlepsch, (слѣдуя впрочемъ Böttigerу) въ *Chronik vom ehrbaren Schumachergerwerk*. St. Gallen. S. 118. и J. Falke. *Die Deutsche Trachten und Modewelt* II., 96. sq.

Башмаки съ остроконечными носками мало по малу уступили мѣсто умеренно заостреннымъ или спереди округленнымъ. Къ бывшимъ до сихъ поръ въ употребленіи головнымъ покрывкамъ, прибавились похотія на баретъ плоскія шапки, съ околышемъ или безъ него, и шляпы разной вышины, съ болѣе или менѣе широкими полями, обыкновенно богато отдѣланныя наряднымъ шнуркомъ, галуномъ, разноцвѣтными перьями. — На ряду съ длинными широкими плащами, снова и все чаще стали носить небольшіе, иногда очень короткіе шолковые и бархатные плащики, съ короткимъ стоячимъ или отложнымъ воротникомъ, съ золотыми или шелковыми шнурками и нарядными каймами по краямъ.

Кромѣ длинныхъ, закрытыхъ платьевъ, женщины вышихъ классовъ стали носить другія, спереди совершенно открытыя (сравни. фиг. 156. а. b.). Первые начали дѣлать гораздо уже; послѣднія напротивъ, безъ значительныхъ измѣненій въ длинѣ и ширинѣ, дѣлались изъ тяжелой парчевой ткани, перенесенной сюда, по всему вѣроятію, изъ Италіи, и потому отличались негибкостью и отсутствіемъ складокъ (сравни. фиг. 143. с.) Когда надѣвали закрытое верхнее платье, то пониже настоящаго пояса подпоясывали его еще одинъ или два раза, подтягивали кверху и опускали однимъ или двумя пышными буфами, причемъ открывалось и нижнее платье (ср. фиг. 123 с; фиг. 140 а). У распашныхъ парчевыхъ платьевъ лифъ иногда застегивался спереди на пуговицы и дѣлался въ обтяжку, съ прямымъ и довольно глубокимъ вырѣзомъ, который обыкновенно закладывали нарядной косынкой изъ очень тонкой матеріи, или оставляли шею открытою. Носили также и болѣе короткія верхнія платья съ узкимъ лифомъ, но глухимъ, такъ что платье распахивалось начиная отъ талии. Узкіе или пышные рукава, за исключеніемъ весьма употребительныхъ длинныхъ, широкихъ и висячихъ рукавовъ, подбитыхъ обыкновенно мѣхомъ, дѣлали теперь большею частью съ прорѣзами, какъ и мужскіе, — можетъ быть слѣдуя и въ этомъ итальянской модѣ — и убирали бантами изъ лентъ (сравни. стр. 217). Вырѣзъ вокругъ шеи, полы и подолъ открытыхъ платьевъ обшивали богатымъ бордюромъ. Къ числу женскихъ украшеній — какъ то: драгоценныхъ и золотыхъ вещей, цѣпочекъ, колець, серегъ, браслетъ, пряжекъ и т. д., бывшихъ и здѣсь въ большой модѣ, принадлежалъ поясъ, который носили теперь очень длиннымъ, такъ что концы его падали до земли, и богато отдѣланныя чотки (ср. фиг. 155 а. b; фиг. 159). Длинный женскій плащъ сталъ теперь принадлежностью исключительно параднаго костюма и соответственно этому назначенію отдѣлывался роскошно. Въ обыкновенномъ костюмѣ его замѣнили болѣе короткія и легкія накладки, вѣроятно походившія на вынѣшнюю mantilla. Менѣе всего по вѣдомому измѣнились головные уборы, хотя и они безъ сомнѣнія стали отдѣлываться богаче прежняго, чему однакожъ не имѣется достаточныхъ доказательствъ. Что касается, наконецъ, обуви, то на ряду съ полусапожками на тонкой подошвѣ, продолжали носить башмаки на высокихъ подошвахъ, замѣнивъ, по примѣру мужчинъ, длинные и острые носки закругленными (фиг. 159).

Фердинандъ и Изабелла не любили роскоши и съ самаго начала старались противодѣйствовать ея развитію и собственнымъ примѣромъ и указами. Какъ

самъ король, такъ и супруга его, одѣвались весьма просто; королева хвалилась тѣмъ, что привезла съ собой въ Кастилію только тѣ наряды, которые носила въ Аррагоніи, ходила всегда въ простомъ шелковомъ платьѣ, и не терпѣла при своемъ дворѣ модныхъ дорогихъ костюмовъ. Такимъ-же образомъ поступалъ и Фердинандъ. Когда ему однажды въ Саламанкѣ донесли о повсемѣстно господствующей роскоши въ костюмахъ,—онъ распахнулъ плащъ, и указывая на свой камзолъ, сказалъ: этотъ камзолъ изнасилъ уже три пары рукавовъ.

Уже около 1494 г. вышелъ первый указъ, но такъ какъ онъ оказался недействительнымъ, то и былъ возобновленъ въ слѣдующемъ году, уже съ большою строгостью. Указъ этотъ, послужившій основаніемъ всѣхъ остальныхъ, запрещалъ на два года ввозъ всякаго рода парчи, и всякой другой иноземной матеріи, затканной золотомъ и серебромъ, а также выдѣлку таковой матеріи, подъ страхомъ строгого наказанія. Исключеніе допускалось лишь для церковныхъ потребностей. Далѣе запрещались золоченіе и серебряненіе желѣза и мѣди, равно какъ и ввозъ вызолоченныхъ и высеребренныхъ издѣлій изъ иностранныхъ земель, исключая лишь заморскія мавританскія владѣнія. Продажа и промѣнъ уже готовыхъ матерій также были запрещены. Судебнымъ властямъ отдано строгое приказаніе слѣдить за точнымъ исполненіемъ этого указа.

Не смотря на простоту двора и всю строгость указовъ, роскошь нарядовъ распространялась все болѣе и болѣе; простота господствовала лишь въ тѣсномъ кружкѣ королевскаго двора, а роскошь царяла повсюду, и королевскіе указы раздѣляли печальную участь всѣхъ прежнихъ подобныхъ указовъ; Всё, что ими было достигнуто, заключалось лишь въ томъ, что парчу и прочія дорогія матеріи стали теперь носить меньше прежняго. Но за это ограниченіе старались вознаградить себя разнообразіемъ покроевъ и отдѣлки одежды. Уже около 1498 г. сами сословія жаловались, что „изданные указы ни къ чему не ведутъ, такъ какъ въ настоящее время на шелковыя матеріи и мудреный покрой платья тратится столько же, сколько прежде тратилось на парчи и вышивки“. Потребленіе шелковыхъ матерій приняло такіе размѣры, что туземнаго шелка оказалось недостаточно, вслѣдствіе чего вынуждены были ввозить сырецъ изъ Неаполя и Калабріи. Вскорѣ однако и этому былъ положенъ конецъ, не смотря на всѣ выгоды, представляемыя ввозомъ иноземнаго шелка для отечественной промышленности. Около 1499 г. по настоянію Кортесовъ было сдѣлано распоряженіе, имѣвшее цѣлю ограничить потребленіе шелка, а потомъ, по ходатайству туземныхъ шелководовъ, былъ запрещенъ ввозъ сырца. Это запрещеніе и разныя другія превратныя мѣры, ограничившія въ свою очередь вывозъ туземныхъ произведеній, а также изгнаніе трудолюбивыхъ, промышленныхъ Мавровъ и Евреевъ (съ 1492 г.), повлекли за собой постепенное обѣдненіе промышленнаго класса, что конечно не могло не повліять и на одежду средняго сословія.

О королевскомъ орнатѣ и тѣхъ измѣненіяхъ, которыми онъ подвергался, мы можемъ судить лишь на основаніи немногихъ современныхъ наглядныхъ изображеній. Изъ нихъ видно, что королевская одежда испытывала тѣже вліянія какъ и костюмъ вообще, по крайней мѣрѣ въ отношеніи покроя, такъ какъ отдѣлка ея каждый разъ опредѣлялась, вѣроятно, личнымъ вкусомъ государя. До конца 14 столѣтія она была, по всей вѣроятности, подражаніемъ французской королевской одежды и, какъ надобно полагать, подражаніемъ очень точнымъ. Но и послѣ этого времени она разнилась отъ нея только въ частностяхъ, которыя опять таки обуславливались отдѣлкою, по скольку эта послѣдняя, становясь все роскошнѣе, требовала измѣненій и въ самомъ покрое.

Изъ упомянутыхъ изображеній мы приведемъ лишь тѣ, которыя наиболее соответствуютъ нашей цѣли. Самое раннее и вѣсѣтѣ самое достовѣрное изъ нихъ, это—тщательно сдѣланный портретъ Генриха II Кастильскаго, умершаго въ 1389. Полное одѣяніе его состоитъ изъ нижней одежды, отъ которой видны только одни рукава, узко обтягивающіе руку и съ пуговками по заднему шву; изъ длинной и закрытой верхней одежды и, наконецъ, изъ такой-же длинной мантии, застегнутой на правомъ плечѣ. Обѣ одежды богато украшены. Нарядъ довершаютъ перчатки съ кистями, башмаки неодинаково отдѣланные, короткій, но толстый скипетръ, и маленькая зубчатая корона. — Вторымъ примѣромъ, хотя изъ болѣе поздняго времени, можетъ служить портретъ Іоанна II Арагонскаго, умершаго въ 1479 г. Онъ представляетъ короля въ длинной и широкой, закрытой нижней одеждѣ изъ узорчатой парчи, съ длинными узкими рукавами; сверхъ нея надѣта широкая красная одежда съ длинными и весьма широкими рукавами; она на груди закрыта, а начиная отъ пояса внизъ распашная, подолъ ея опушенъ горностаемъ; рукава подбиты тѣмъ-же мѣхомъ; плечи покрыты горностаевою пелериной, на рукахъ перчатки изъ фіолетовой матеріи; вокругъ шеи, широкая орденская цѣпь; въ одной рукѣ довольно длинный скипетръ, на головѣ корона, украшенная драгоценными камнями. Весьма близко къ этой картинѣ, только съ нѣкоторой разницею въ формѣ облаченія, подходит другая, съ изображеніемъ Фердинанда-Католика, на которой юный властитель представленъ въ парчевомъ верхнемъ платьѣ, съ разрѣзами на правомъ и лѣвомъ боку, края которыхъ оторочены горностаемъ, и съ очень широкими рукавами съ большими прорѣзами, изъ подъ которыхъ видно красное нижнее платье, ниспадающее широкими складками. Сверхъ него широкій кругомъ закрытый плащъ красно-фіолетоваго цвѣта; полы его съ боковъ высоко приподняты и закинуты на руки. На головѣ золотая корона о четырехъ зубцахъ. Наилучшимъ доказательствомъ на сколько увеличилась роскошь въ убранствѣ и отдѣлкѣ королевскаго орната обоихъ половъ, начиная со второй половины столѣтія, служатъ два прекрасные надгробные памятника, изъ которыхъ болѣе древній представляетъ Іоанна II Кастильскаго, умершаго около 1454 (фиг. 158), другой Изабеллу Португальскую, умершую около 1496 г. (фиг. 159).

Въ началѣ столѣтія стала входить въ употребленіе длинная красная мантия съ широкой горностаевою пелериной, — одѣяніе во всемъ схожее съ давно уже извѣстной въ другихъ странахъ герцогской мантией и можетъ быть

бывшее и въ Испаніи отличительнымъ одѣяніемъ мелкихъ владѣтелей. Одежда эта, подѣ которую обыкновенно надѣвали длинное, застегнутое до низу ис-

Фиг. 158.



Фиг. 159.



поднее платье, вполне соответствовала, бывшей тогда въ повсемѣстномъ употребленіи, герцогской мантии.

О какихъ либо опредѣленныхъ отличіяхъ въ одеждѣ должностныхъ лицъ и прочихъ сословій, едва-ли можно сказать что нибудь съ достовѣрностью; остается только предполагать, что и въ этомъ случаѣ прежде всего бралися примѣръ съ французовъ (сравни. стр. 99). Болѣе положительное на этотъ

счетъ распоряженіе было сдѣлано уже много позднѣе, въ царствованіе Карла V, вслѣдствіе увеличенія имъ придворнаго штата.

Вооруженіе <sup>1</sup> долѣ всего сохраняло на себѣ слѣды мавританскаго вліянія: Мавры довели металлическое производство до замѣчательнаго совершенства и, благодаря свойственной имъ способности къ изобрѣтенію изящныхъ украшеній, сумѣли придать ему до нѣкоторой степени художественное направленіе. Объ этомъ свидѣлствуютъ какъ дошедшія до насъ остатки древне-мавританскаго оружія, такъ и продолжающаяся и въ наше время, изящная выдѣлка восточнаго оружія вообще, отличающагося, едва ли и теперь въ большей степени, чѣмъ въ древнее время, красивыми металлическими орнаментами врѣзанными или впавленными, оправою изъ цвѣтныхъ камней и золота, богатствомъ своего кожанаго прибора и т. д. — Въ какомъ размѣрѣ вліяніе это отразилось на вооруженіи христіанъ, и сколько времени оно продолжалось, съ точностью опредѣлить невозможно. Немногія уцѣлѣвшія оружія, совершенно въ мавритан-

Фиг. 160.



<sup>1</sup> Сравн. сочин. привед. на стр. 232 въ прим.

скомъ родѣ—нѣсколько мечей и кинжаловъ, принадлежавшихъ, по преданію, христіанскимъ рыцарямъ, даютъ основаніе предполагать, что послѣдніе употребляли подобное оружіе и въ позднѣйшее время—въ 15 столѣтіи.

На сколько мы можемъ заключить изъ скульптурныхъ и живописныхъ памятниковъ, представляющихъ вооруженіе того времени, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что христіанское населеніе въ оружіи и вооруженіи, также какъ и въ одеждѣ, подражало главнымъ образомъ французамъ. Это настолько же относится къ оборонительному, какъ и къ наступательному оружію, за исключеніемъ весьма немногихъ особенностей, сохранившихъ свое значеніе не далѣе половины 14 столѣтія. Къ такимъ особенностямъ принадлежатъ, между прочимъ, употребленіе „выложенныхъ кожей кольчугъ“, съ богатою и вѣроятно особенно изящною, металлическою отдѣлкою, и (что уже представляется чисто народнымъ испанскимъ) — замѣна общепотребительныхъ до того времени, безрукавныхъ панцырныхъ рубашекъ, длинными, спереди открытыми стегаными кафтанами съ узкими рукавами. (фиг. 160 а). Когда же и здѣсь, приблизительно около второй половины столѣтія, вошли въ употребленіе, общепринятыя вездѣ, весьма короткіе и узкіе полукафтаны, то на нихъ были перенесены узкіе рукава и застежка на пуговицы стеганыхъ кафтановъ (фиг. 160 б). Во всемъ остальномъ между тѣмъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей отдѣлки, зависѣвшихъ отъ вкуса самыхъ оружейныхъ мастеровъ, преобразование вооруженія совершалось почти такимъ-же путемъ, какъ и во Франціи. Это одинаково касается и вооруженія боевыхъ коней и вообще всего принадлежащаго къ обстановкѣ турнировъ, на которыхъ испанское рыцарство уже съ самаго начала 14 столѣтія старалось отличаться возможною пышностью (фиг. 161 а. б.) — Въ теченіи 15 столѣтія, преимущественно въ первой половинѣ его, было принято (согласно болѣе съ нѣмецкимъ, чѣмъ съ французскимъ обычаемъ: сравн. стр. 179) надѣвать подъ панцырь, при полномъ вооруженіи, болѣе или менѣе короткій казакинъ,

Фиг. 161.



съ длинными висячими рукавами (фиг. 153 с). Постоянные и близкія сношенія между испанскимъ и французскимъ рыцарствомъ, на ряду съ другими благоприятными обстоятельствами, много способствовали такимъ переносамъ и заимствованіямъ. Вліяніе этихъ отношеній не ограничилось однако одною виѣшнею стороною, но отразилось также и на нравственномъ и на умственномъ направленіи испанскаго рыцарства. Обреченное на продолжительную борьбу съ Маврами, совершая какъ бы непрерывный крестовый походъ за истинную вѣру, оно имѣло часто возможность заявлять себя чисто рыцарскими подвигами, а прирожденный его противникамъ истинно рыцарскій духъ долженъ былъ пробудить и въ немъ такое же настроеніе. Подготовленное такимъ образомъ, могло ли оно не усвоить себѣ тотчасъ же тѣхъ благородныхъ принциповъ, которые французское рыцарство полагало въ основу своего существованія. Испанскіе рыцари ихъ и приняли, и старались превзойти своихъ французскихъ собратій въ благородствѣ. Но въ этомъ усиліи и лежалъ уже зародышъ той совершенно виѣшней важности и ложнаго высокомерія, которыя позднѣе, во время упадка испанскаго рыцарства, составляли характеристическую его черту.

Во второй половинѣ 12 столѣтія, во времена высшаго процвѣтанія испанскаго рыцарства и мавританскихъ войнъ, образовались изъ могущественнаго ордена тамплиеровъ, три знаменитѣйшіе, испанскіе рыцарскіе ордена: „Санъ-Яго де Компостелла“, затѣмъ „Калатравы“ — и „Алькантары“ или Санъ-Юліанъ де Перейра“. Наружныя отличія ихъ заключались, какъ въ началѣ, такъ и впослѣдствіи, въ длинной бѣлой одеждѣ и бѣлой мантии съ простымъ орденскимъ знакомъ. Знакомъ перваго ордена былъ красный мечеобразный крестъ, съ раковиной посрединѣ (фиг. 153 а.); знакомъ втораго — тоже красный, но осмьмиконечный крестъ, а третьяго — до 1411 г. — вертикально стоящее зеленѣющее грушевое дерево, съ исходящимъ изъ вершины его зеленымъ крестомъ, конецъ котораго украшенъ лиліями. Орденъ эти, первоначальною цѣлю которыхъ было преимущественно поработеніе Мавровъ, стали мало по малу принимать дѣятельное участіе и въ гражданскихъ войнахъ 14 и 15 столѣтій. Ихъ богатство и воинское могущество, которымъ уже съ самаго начала было положено прочное основаніе, возросли между тѣмъ до такой степени, что сдѣлались стѣнительными даже для самихъ королей. Чтобы ограничить нѣсколько вліяніе этихъ орденовъ, Фердинандъ Католикъ воспользовался смертью Альфонса де Карденаса, гротмейстера ордена Санъ-Яго де Компостелла, чтобы подчинить себѣ этотъ Орденъ; тоже самое сдѣлалъ Карлъ V съ орденомъ Калатравы.

Во времена высшаго своего процвѣтанія, эти ордена составляли главную силу войска: одинъ орденъ Санъ-Яго могъ выставить не менѣе 1000 хорошо вооруженныхъ рыцарей, съ ихъ многочисленными подручниками. Составъ войска дополнялся частію другими менѣе важными орденами, <sup>1</sup> частію остальнымъ рыцарствомъ.

<sup>1</sup> Къ нимъ принадлежали между прочимъ, еще слѣдующія ордена, основанные гораздо позднѣе. Орденъ Мантезы около 1316 г., и орденъ «de la banda» или орденъ «Шарфа» основанный около 1330; орденъ Голубя (1330), орденъ Лилии (1412), «de la squama» (1418) и наконецъ дамскій орденъ «Топора» — учрежденный въ память защиты Тортозы противъ Мавровъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ женщины заступали мѣста своихъ убитыхъ мужей.

На ряду съ этими орденами образовались вскорѣ городскія вооруженныя братства, сражавшіяся первоначально только за свои личные интересы, а впоследствии также и за интересы своихъ королей въ рядахъ ихъ войска. Однимъ изъ самыхъ раннихъ и наиболѣзнительныхъ союзовъ этого рода было „Святое Братство“ (Santa Hermandad), основанное въ 1260 г. городами Арагоніи, къ которымъ вскорѣ присоединились и города Каталоніи. Первоначально цѣлью его было — защищать вооруженною силою путешественниковъ, преслѣдовать и собственнымъ судомъ карать преступниковъ; въ впоследствии оно сдѣлалось твердымъ оплотомъ противъ захватовъ дворянства. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Фердинандъ Католикъ, чтобъ укротить строптивый духъ дворянъ, подвергнувъ ихъ суду братства. — Военное устройство и связанный съ нимъ способъ вооруженія, были въ Испаніи тѣ же, какъ и въ другихъ странахъ (срав. стр. 120 и сл.; стр. 179 и сл.). — Къ туземнымъ товарамъ, вывозъ которыхъ былъ запрещенъ Фердинандомъ, кромѣ золота и серебра въ слиткахъ, монетахъ или утвари, можно также причислить оружіе и конскую сбрую.

Форма священническаго облаченія опредѣлялась установленными на этотъ конецъ церковными правилами. Уже въ предписаніяхъ изданныхъ Альфонсомъ X (ум. въ 1284 г.) для основателей церквей и т. д., на этотъ пунктъ обращено было нарочитое вниманіе. Въ нихъ (Partidas, tit. 10, Partida I) между прочимъ значится: „таково мое изволеніе, чтобъ каждому, будь это мужчина или женщина, было невозбранно построить церковь во служеніе и во славу Божію, но лишь съ согласія епископа, какъ постановлено во второмъ законѣ этого титула; каждый храмоздатель долженъ со всякимъ тщаніемъ стараться о томъ, чтобы какъ самый храмъ, такъ и церковная утварь, книги и облаченіе, были устроены въ совершенствѣ и какъ имъ быть подобаеть“. На роскошь церковнаго убранства обращали тѣмъ большее вниманіе, что христіанская церковь должна была дѣйствовать на магометанское населеніе своимъ вѣшнимъ блескомъ и великолѣпіемъ. Всѣ указы, запрещавшіе слишкомъ большую роскошь въ тканяхъ и украшеніяхъ, отнюдь не ограничивали употребленія тѣхъ и другихъ для церковныхъ потребностей.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще о вѣшнихъ принадлежностяхъ инквизиціи, — духовнаго судилища, введеннаго, по настоянію архіепископа Севильскаго, Гонзалеса де Мендозы, доминиканца Торквемады и францисканца Хименеса, королемъ Фердинандомъ, около 1479 г. Онѣ касались преимущественно обвиняемыхъ и осужденныхъ. Первымъ во время заключенія брили волосы, чтобъ въ случаѣ бѣгства ихъ легче было узнать; послѣдніе, хотя бы они тотчасъ же сознались въ своемъ преступленіи и отреклись отъ него, должны были надѣть на себя и носить нѣкоторое время покаянную одежду. Одежда эта (sanbenitado) состояла изъ льняной черной рубашки и широкаго, безрукавнаго верхняго платья, съ большими красными „Андреевскими“ крестами на груди и на спинѣ.

### У. Россія, Польша и Венгрія.

Россія <sup>1</sup> тяжело страдала подъ игомъ Монголовъ. Съ водвореніемъ ихъ владычества, приблизительно около 1238 г., прекратилось развитіе культуры, которая, преимущественно со временъ Владиміра, и подъ вліяніемъ Византіи, начала успѣшно распространяться въ Россіи. Народъ, лишенный всякой нравственной поддержки со стороны упавшихъ духомъ князей, мало по малу утратилъ всякую охоту къ самостоятельной дѣятельности. Благо-состояніе его разрушилось, и онъ всё болѣе и болѣе впадалъ въ рабство и невѣжество. Ко всему этому присоединились еще постоянно возраставшіе поборы монгольскихъ Хановъ, истощавшіе средства страны, и непрекращавшіяся внутреннія смуты и усобицы; затѣмъ, около 1346 г., появилась чума или черная смерть, которая до 1352 г. непрерывно, а впоследствии съ небольшими промежутками истребляла населеніе страны вплоть до 1365 г., и къ довершенію всего, стали все чаще и чаще повторяться опустошительные набѣги нѣмецкихъ рыцарей, и хотя были прекращены на время, но лишь цѣною невыгоднаго мира, заключеннаго около 1371 г. При такомъ бѣдственномъ положеніи дѣлъ, однимъ изъ главныхъ центровъ государства, послѣ стараго Новгорода, сохранившаго долѣе всѣхъ свою самостоятельность, и Москвы, куда переведена была столица изъ Кіева, сдѣлалось кочевое становище хановъ — Орда.

Сначала мѣстопробываніе Орды часто мѣнялось, но впоследствии для него былъ избранъ городъ Астрахань, ставшій черезъ это вѣстистилищемъ варварской пышности. Въ этихъ трехъ городахъ и сосредоточилась вся, нѣкогда столь обширная торговля, единственная вѣтвь промышленности, не пострадавшая отъ насилія Монголовъ. Новгородъ остался главнымъ складочнымъ мѣстомъ, какъ западныхъ, такъ и левантскихъ товаровъ. Распространеніе монгольскаго владычества далѣе на востокъ открыло путь въ Индію и Китай, вѣдствие чего Новгородъ достигъ высшей степени благо-состоянія, которымъ однакожъ пользовалось одно его населеніе. Таково же было положеніе Москвы и Астрахани по отношенію къ населенію всей страны. Въ Астрахань собирались, правда, самые богатые купцы, но ихъ привлекалъ туда главнымъ образомъ дворъ хановъ, которому они и продавали привезенные ими дорогіе товары. Въ Москвѣ такимъ же средоточіемъ вѣшной пышности былъ дворъ Великокняжескій, но торговля вообще отъ этого тоже мало выигрывала. Еще въ первой половинѣ 14 столѣтія Москва получала изъ Дербентской гавани драгоцѣннѣйшіе индійскіе, персидскіе и арабскіе товары, которые она, частью воднымъ, частью сухимъ путемъ, отправляла въ Новгородъ и Висби.

<sup>1</sup> Наислѣдующее въ сущности можетъ быть только повтореніемъ того, что я уже говорилъ объ одеждѣ Русскихъ второй половины 13 стол. въ моей *Kostümkunde, Gesch. der Tracht vom 4 bis zum 14 Jahrh.* (Вѣшній бытъ народовъ Т. II. ч. 2. Цер. И. Васильева, стр. 16 и слѣд.) И такъ, ссылаясь на указанное мѣсто (гдѣ даны и источники), я ограничусь здѣсь извлеченіемъ изъ него лишь самаго характеристическаго, дополняя его по мѣрѣ надобности объясненіями и рисунками.

Но уже со второй половины столѣтія началъ изсякать и этотъ почти единственный для тогдашней Россіи источникъ благосостоянія—торговля. Первою и главною причиною ея паденія были торговыя сношенія съ Востокомъ, завязанныя Генуэзцами и Венеціанами, которые стали сами вывозить оттуда товары и доставлять ихъ въ городъ Брюгге. Даже богатый Новгородъ почувствовалъ ударъ, хотя и продолжалъ еще долгое время оставаться любимымъ сборнымъ мѣстомъ для персидскихъ, татарскихъ и армянскихъ купцовъ. Притѣсненія со стороны Ганзейскаго союза увеличили невыгоды положенія, еще болѣе усилившіяся влѣдствіе совершеннаго упадка г. Висби (въ 1361 г.), между тѣмъ какъ окончательное покореніе Астрахани и опустошеніе береговъ Каспійскаго моря Тимуромъ (около 1395), имѣвшія своимъ послѣдствіемъ перемѣщеніе торговыхъ путей, почти совершенно уничтожили восточную торговлю. Съ покореніемъ Османами Константинополя, и открытіемъ Португальцами морскаго пути въ Остъ-Индію, провозъ товаровъ черезъ Россію совсѣмъ прекратился, такъ-что ей приходилось довольствоваться своими собственными скудными ресурсами.

Между тѣмъ среди самихъ Монголовъ стали возникать частыя внутреннія распри и постепенно ослабили ихъ силу. Тогдашній Великій Князь Іоанъ III Васильевичъ сумѣлъ воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ въ Ордѣ, и ему наконецъ удалось сокрушить ея владычество. Сдѣлавшись (1483 г.) полнымъ властителемъ Русскаго государства, Іоаннъ III поставилъ себѣ главною задачею возстановленіе народныхъ силъ и оживленіе подавленныхъ зачатковъ культуры. Въ этомъ дѣлѣ ему помогло открытіе, въ 1491 г., богатыхъ рудниковъ въ Архангельскѣ (?). Чтобы поднять торговлю, онъ заключилъ, въ 1495 г., торговый договоръ съ султаномъ Баязетомъ П. Однакожь всѣ труды его въ этомъ направленіи и даже привлеченіе въ Русское государство иностранныхъ художниковъ, чтобы обогатить его новыми элементами цивилизаціи, не могли оказать прочнаго вліянія на народъ, едва только освободившійся отъ тяготѣвшаго надъ нимъ въ теченіи почти двухъ съ половиною вѣковъ татарскаго ига. Притомъ же Іоаннъ III съ самаго начала заявилъ себя деспотомъ, не допускавшимъ самостоятельнаго, свободнаго развитія. Второй бракъ его съ Софіей, дочерью изгнаннаго греческаго императора Эмануила, въ 1473 г., тоже не могъ способствовать распространенію высшаго образованія, потому что Византія, уже 20 лѣтъ тому назадъ, подпала подъ власть Турокъ. Такимъ образомъ ему удалось только положить основаніе возрожденію и обновленію государства. Вліяніе Монголовъ было слишкомъ пролонгированно и всесторонне для того, чтобы народъ, имъ поработанный и ослабленный, былъ въ состояніи скоро освободиться отъ него. Естественно поэтому, что основныя черты монгольскаго образа жизни были переняты Русскими, вообще имѣвшими наклонность къ ориентализму, точно также какъ и свойственная этой жизни вѣшняя пышность была усвоена ими и удержана во всей ея чистотѣ, развѣ съ нѣкоторою примѣсью снова возстановленныхъ теперь византійскихъ формъ. Все это касалось по преимуществу самыхъ знатныхъ и богатѣйшихъ сословій, у которыхъ восточная роскошь, особенно въ отношеніи одежды (напримѣръ въ торжественныхъ случаяхъ при дворѣ), сохранилась до начала 17 столѣтія. Духовенство удержало облаченіе, перешедшее къ нему съ самаго на-

чала отъ греческой церкви, съ немногими измѣненіями, между тѣмъ какъ нисшія сословія (за исключеніемъ инородческихъ племенъ на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, различавшихся уже между собою своеобразными костюмами <sup>1)</sup>) сохранили свою изстари принятую простую одежду, тоже безъ всякихъ измѣненій.

Нынѣшняя одежда собственно сельскаго населенія Россіи въ главныхъ чертахъ своихъ совершенно сходна съ одеждою Паряянъ на римскихъ памятникахъ, и съ одеждою Сарматовъ и родственныхъ имъ племенъ, на памятникахъ босфорскихъ. Это относится преимущественно къ мужской одеждѣ, которая состоитъ вообще изъ тунико-образнаго, спереди совершенно или вполнину открытаго кафтана, съ длинными рукавами, опоясанаго по срединѣ кушакомъ (фиг. 162 а. б.), изъ болѣе или менѣе широкихъ шароваръ,

Фиг. 162.



головной покрывки и обуви. Различныя виды двухъ послѣдненазванныхъ частей костюма восходятъ, по всему вѣроятію, также къ глубокой древности. Головная покрывка, кромѣ введенной уже послѣднее время жесткой шляпы съ широкими полями, (?) состоитъ изъ высокой шапки, опушенной мѣхомъ. Обувью служатъ тяжелые деревянные башмаки (?), или подвязныя подошвы\*, или

<sup>1</sup> Для нагляднаго ознакомленія съ этими костюмами, происхожденіе которыхъ относится несомнѣнно въ древнѣйшійя времена, могутъ служить: J. G. George. Beschreibung aller Nationen des russischen Reiches, etc. St. Petersburg 1777. и Voyage dans la Russie mѣridionale et la Crimѣe par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, executѣ en 1837 sous la direction de M. Anatole de Demidoff etc. Dessinѣ d'aprѣs la nature et lithographiѣ par Raffel. Paris 1837. — Довольно вѣрное понятіе о настоящей, чисто русской національной одеждѣ, даетъ между прочимъ Rechenberg. Les peuples de la Russie ou description des moeurs etc. des divers nations de l'empire de Russie, avec 40 planches color. Paris. 1813.

\* Подразумеваются, конечно, лапти. Деревянныхъ башмаковъ (Holzschuhen) великорусскіе крестьяне, какъ извѣстно не носятъ, а носятъ ихъ Бѣлоруссы и то не какъ обычную обувь. Оговаривать нѣкоторыя другія обмолвки автора, мы считаемъ излишнимъ. П. р.

высокіе по колѣно сапоги изъ толстой кожи. Надѣвая башмаки или подвязаны подошвы, обыкновенно обертываютъ ноги до колѣнъ широкими кусками холста (овучами). Приготавливается одежда эта изъ толстаго сукна и грубаго холста, которые до 14 стол. были почти единственными туземными фабрикатами въ этомъ родѣ. Зимю надѣвается овчинный тулупъ или полшубокъ и вареги или рукавицы. Волосы на головѣ, по старо-славянскому обычаю, носятъ короткіе и подрѣзанные на лбу прямолинейно; бороду отпускаютъ въ натуральную величину.

Гораздо сильнѣе повидимому отразилось монгольское вліяніе на женской одеждѣ; правда, что и нынѣшняя одежда русскихъ женщинъ походить въ общемъ на изображенную на упомянутыхъ памятникахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и нѣкоторыя уклоненія отъ нея, оправдывающія высказанное предположеніе (фиг. 163 а. б.). Къ тому же въ костюмѣ замужнихъ и

Фиг. 163.



незамужнихъ соблюдается (но уже съ 14-го столѣтія?) замѣтная разница, состоящая въ томъ, что первыя закутываются въ родъ широкаго покрывала, которое онѣ иногда надвигаютъ черезъ голову себѣ на лицо (?). Въ остальномъ одежда тѣхъ и другихъ одинакова и состоитъ изъ бѣлой холщевой рубашки съ длинными и широкими рукавами, суженными у ручной кисти; изъ длиннаго, спускающагося до ногъ, сборчатаго платья безъ рукавовъ, или съ весьма короткими рукавами, открытаго спереди и застегнутаго во всю длину рядомъ маленькихъ пуговокъ (сарафана), и изъ короткой, тунико-образной накидки съ короткими же рукавами, обыкновенно очень высокоподпоясан-

ной (дусегрѣйки); на шеѣ цвѣтной платокъ; головной уборъ въ видѣ высокой, жесткой, выдающейся напередъ шапки (кичка); на ногахъ простые башмаки съ завязками или безъ оныхъ. Независимо отъ пестроты самой ткани, убранствомъ служатъ еще блестящія металлическія украшенія, въ видѣ шейныхъ и грудныхъ цѣпочекъ, съ различными мелкими гремящими привѣсками, нитки изъ цвѣтныхъ стеклянныхъ бусъ, браслеты, кольца и шитье изъ блестящихъ. Молодыя женщины, носятъ на головѣ, какъ особенно нарядный уборъ, родъ діадемы совершенно на восточный манеръ (кокошникъ).<sup>\*</sup>

Вышеіа, болѣе состоятельная со словія—средняговъ настоящимъ смысломъ слова вовсе и не существовало—до владычества Монголовъ одѣвавшаяся по византійски, съ этого времени стали примѣшивать къ своему костюму части монгольскаго и наконецъ совершенно приняли послѣдній. Какимъ образомъ

\* См. Вышн. бытъ нар. Т. II, ч. 2, стр. 28 и слѣд.

совершалась и когда закончилась эта замѣна — невозможно опредѣлить съ достовѣрностью, за недостаткомъ наглядныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ. На основаніи, однакожъ, нѣкоторыхъ данныхъ, также какъ и въ виду неимоверно быстрого упадка туземной промышленности, причиненной монгольскимъ владычествомъ, можно предположить, что переворотъ этотъ, какъ въ отношеніи одежды, такъ и остальной внѣшней обстановки, совершился ранѣе конца 13 столѣтія. Грубое сукно и тикъ, единственныя матерія для одежды, изготовлявшіяся въ странѣ, не могли удовлетворить привычкамъ роскоши, усвоеннымъ этими сословіями. Все же остальное добывалось путемъ торговли, доставлявшей однако только татарскіе, персидскіе, индійскіе и вообще восточные товары, которыми русскіе и должны были исключительно довольствоваться, также точно какъ и сами Монголы.

Не имѣя возможности съ точностью показать, какимъ путемъ шла въ дѣйствительности постепенная замѣна византійскаго костюма монгольскимъ, мы все таки можемъ намѣтить нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ этого движенія, основываясь на нѣкоторыхъ памятникахъ, время происхожденія которыхъ, впрочемъ, довольно неопредѣленно. Къ числу ихъ относятся въ особенности изображенія нѣсколькихъ фигуръ, со слѣдами давнишней окраски (фиг. 164 а. в. с). Сравнивая съ ними національную одежду, которую названныя сос-

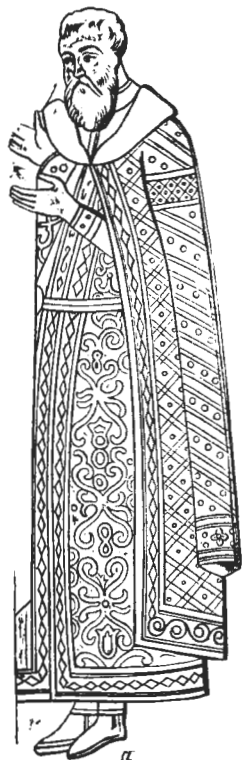
Фиг. 164.



ловія носили еще до недавняго времени, а въ южныхъ областяхъ отчасти носить еще и теперь, мы находимъ, что одежда эта постоянно оставалась одна и таже, по крайней мѣрѣ въ отношеніи основной своей формы. Согласно съ этими фигурами, также какъ и съ другими наглядными изображеніями изъ позднѣйшаго времени (фиг. 165), и современный народный мужской костюмъ состоитъ преимущественно изъ широкихъ шелковыхъ, суконныхъ или по-

лотвяныхъ шароваръ, высокихъ сапоговъ изъ цвѣтной кожи, длиннаго шелковаго же или суконнаго кафтана, опоясанаго пестрымъ кушакомъ, и изъ такой-же

Фиг. 165.



Фиг. 166.



Фиг. 167.



длиной, распашной, верхней одежды съ длинными широкими рукавами, обыкновенно подбитой и опушенной мѣхомъ. Къ этому стеганная шапка съ наушниками, а иногда круглая или четырехугольная шапочка изъ цвѣтнаго сукна, съ мѣховымъ околомъ (фиг. 166). Распашной кафтанъ на мѣху надѣвается преимущественно только зимою. Лѣтомъ и дома носятъ такіе же кафтаны, но безъ подкладки, большую же часть одинъ кафтанъ (фиг. 167), который, въ богатой отдѣлкѣ, служилъ еще до начала 17 стол. парадною одеждою для придворныхъ (фиг. 168 а. в. с). Въ этомъ значеніи онъ дѣлался обыкновенно (еще совершенно въ татарскомъ или монгольскомъ вкусѣ) изъ шелковой матеріи, затканной разноцвѣтными фигурами, и съ чрезмѣрно длинными рукавами (фиг. 168 в. с) — Даже въ отношеніи прически и бороды остались вѣрны старому обычаю.

Фиг. 168.



Довольно похожа на мужскую и народная одежда знатныхъ женщинъ, что свидѣтельствуешь о ея не менѣе древнемъ происхожденіи. Одежда эта состоитъ, главнымъ образомъ, изъ длиннаго, кафтанобразнаго исподника, обыкновенно изъ узорчатой шелковой матеріи, длинной, подбитой мѣхомъ накидки, суконнаго или мѣховаго головного убора, въ видѣ шапки, и пестро-вышитыхъ, кожаныхъ башмаковъ (фиг. 169). Отличіе женской одежды отъ мужской заключается лишь въ томъ, что первая длиннѣе и застегивается сверху до низу, и въ томъ, что ее носятъ съ поясомъ и дѣлаютъ безъ рукавовъ, чтобъ выставить на показъ пышные рукава полотняной рубашки. Накидки-же имѣютъ видъ безрукавнаго плаща. Кромѣ того, при выходѣ изъ дому, женщины покрываются большимъ шелко-

вымъ платкомъ, который особеннымъ образомъ обертывается вокругъ головы, и надѣваютъ на себя различныя украшенія, какъ-то: цѣпочки, серьги,

Фиг. 169.



бусы и т. д. Бѣлила и румяна также у нихъ въ употребленіи — вѣроятно какъ обычай перешедшій отъ древнѣйшихъ временъ.

Гораздо явственнѣе, чѣмъ въ національномъ костюмѣ, отразилось монгольское вліяніе на церемониальномъ царскомъ орнатѣ и притомъ въ крайне варварскомъ смѣшеніи съ древне-византійскими формами Царское одѣяніе, въ отношеніи великолѣпія, соединяло въ себѣ всё, что можетъ ослѣпить глазъ неразвитаго человѣка (фиг. 170). Помимо нижняго платья (исподника) съ узкими рукавами, одѣяніе это состояло изъ ливнаго и широкаго распашнаго кафтана съ пуговицами до низу (опашня), съ довольно широкими, спереди открытыми рукавами. Но кафтанъ этотъ дѣлался изъ такой плотной, густо затканной золотомъ матеріи и кромѣ того былъ такъ разукрашенъ драгоценными камнями, жемчугомъ и т. д., что никакія свободныя складки на немъ не были возможны. Тяжелое великолѣпіе этого наряда увеличивалось еще такъ же богато разукрашеннымъ широкимъ воротникомъ (оплечемъ, бармами), заимствованнымъ вѣроятно отъ византійскаго царскаго орната, и не менѣе богатою шапкою съ коронообразною верхушкою и золотымъ, осыпаннымъ драгоценными камнями крестомъ. Не менѣе роскошною отдѣлкою отличались также — осьмиконечный крестъ, который носили на золотой цѣпочкѣ на груди, и отличительные знаки верховной власти: держава и скипетръ; первая тоже съ

крестомъ, послѣдній — съ двуглавымъ орломъ (символь царскаго могущества, принятый впервые вмѣстѣ съ титуломъ „Самодержца всея Россіи“;

Фиг. 170.



Фиг. 171.



Иваномъ III (въ 1473 г.), гордившимся своимъ союзомъ съ дочерью Византійскаго императора Эммануила въ 1473 г.).

Какъ вообще старинная національная одежда обоихъ половъ высшихъ сословій представляла мало различія, такъ и облаченія царя и царицы въ сущности были весьма сходны, а въ отношеніи покроя и совершенно одинаковы (фиг. 171). Единственное различіе заключалось въ томъ, что кафтанообразное верхнее платье царицъ дѣлалось не изъ золотой парчи, какъ у царей, а изъ одноцвѣтной пуцовой шелковой ткани, и отдѣлялось только по краямъ и вокругъ воротника золотыми украшеніями, драгоценными камнями, жемчугомъ и т. п. Затѣмъ одѣяніе царицъ отличалось отъ царскаго только формою головного убора, который состоялъ тоже изъ круглой шапки съ крестомъ на верхушкѣ, но шапка эта была обрѣзана зубчатымъ вѣнцомъ и надѣвалась на покрывавшій голову бѣлый платъ.

2. Съ вооруженіемъ <sup>1</sup> было тоже самое, что и съ одеждой. О какомъ

<sup>1</sup> См. кромѣ выше означенныхъ сочиненій: Вокстух I. Musées d'armes rares anciennes et orientales de S. M. l'empereur de toutes les Russies. St. Petersbourg et Carlsruhe, 1841, и Висковатова, Историч. описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ. Съ рис. 30 т. Спб. 1841—1862.

либо усовершенствованія его, какъ это мы видимъ въ западныхъ земляхъ, здѣсь не было и помину. И въ этомъ отношеніи русскіе остались вѣрны укоренив-

Фиг. 172.



Фиг. 173.



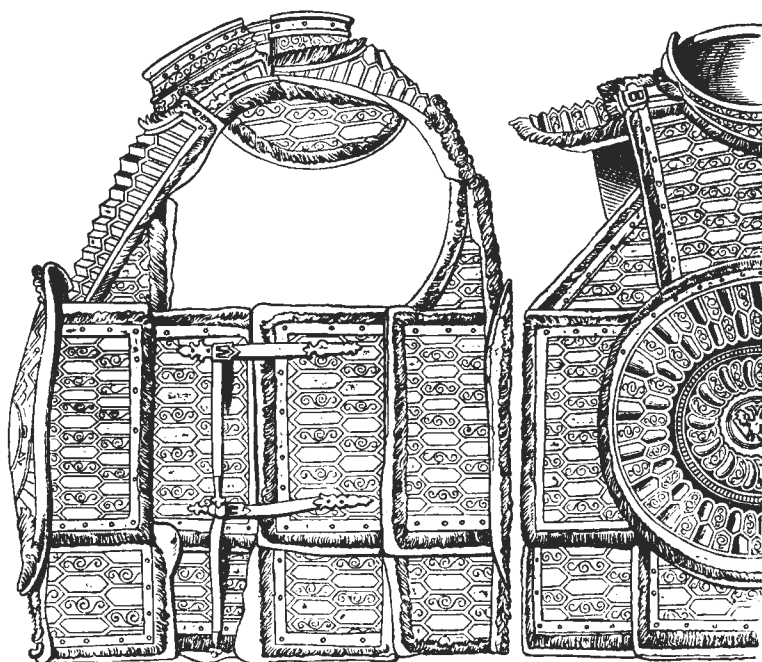
шемуся со времени монгольскаго владычества восточному обычаю и держались его до конца шестнадцатаго столѣтія и даже далѣе.

Что касается оборонительнаго вооруженія, то оно состояло изъ общеупотребительнаго съ давнихъ поръ на Востокъ кольчужнаго напщыря, простаго, или съ узкими металлическими накладками, или (какъ это видно изъ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятниковъ: фиг. 172 а. б. с; ср. фиг. 173) изъ толсто-простеганой кожаной курты, или изъ такой же курты, но густо-усаженной бляхами на подобіе чешуи, и изъ толсто-подбитой шапки, или желѣзнаго, иногда плоскаго, иногда коническаго шишака, съ нащечниками и назатыльникомъ изъ металлическихъ пластинокъ или колець. Все это, за исключеніемъ шишака, было довольно неуклюже по формѣ, но совершенно по-азиатски богато разукрашено, особенно металлическія бляхи, которыя нерѣдко бывали покрыты орнаментами изъ металла другаго цвѣта, насѣченными или впавленными (фиг. 174). Весьма правдоподобно, что

въ то время было въ обычаѣ, какъ это водится и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ южныхъ племенъ, покрывать также и лошадей броней изъ узкихъ бляхъ, соединенныхъ желѣзными кольцами; но такъ какъ такія брони стоили дорого, то употребленіе ихъ было доступно лишь для людей богатыхъ, да и у нихъ лишь въ видѣ исключенія.

Изъ наступательнаго оружія, кромѣ длиннаго кося (пика), составляющаго и до сихъ поръ главное оружіе казаковъ, главнѣйшими были: кривая сабля и топоръ, — оба самыхъ разнообразныхъ формъ (фиг. 175 а. с.); затѣмъ—короткій древнескифскій лукъ съ колчаномъ (фиг. 173), металлическія палицы, тоже различной формы и отдѣлки (ф. 176 а. с.), и небольшіе кинжалоподобные ножи. Со временъ Ивана Ш, какъ надобно предполагать, начало входить въ употребленіе и огнестрѣльное оружіе, такъ какъ государь этотъ въ 1475 г. ввелъ въ Россію порохъ, и уже въ 1482 г. при осадѣ Феллина выставилъ нѣсколько пушекъ, которыя отлилъ для него болоньецъ Аристотель.

Фиг. 174.

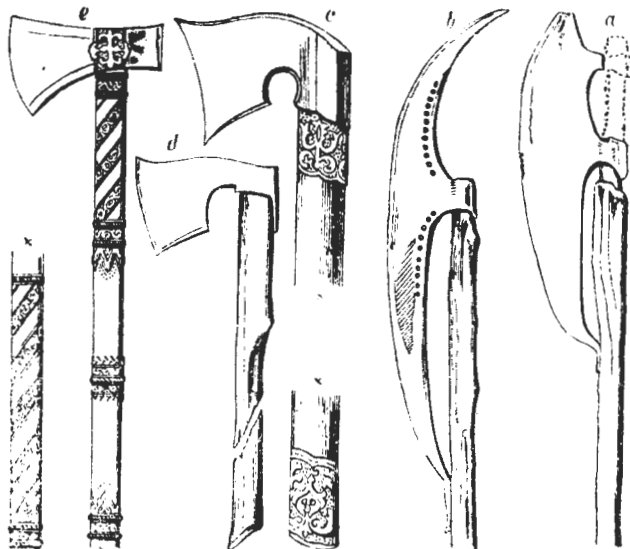


3. Священническое облаченіе сохранило основныя формы, установленныя для него канонмъ грекокаатолической Византійской церкви<sup>1</sup>. Только

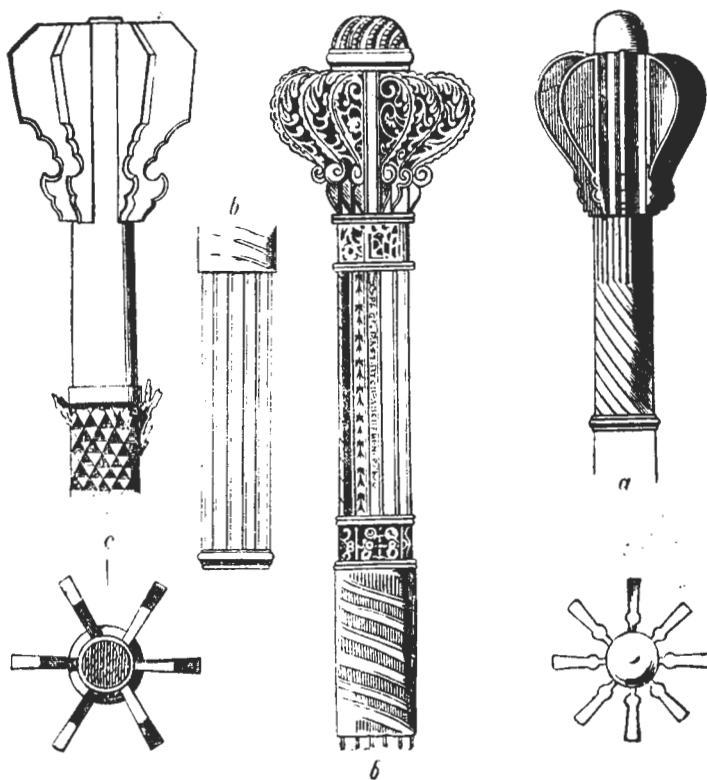
<sup>1</sup> См. Вяши, бытъ нар. т. II. ч. 2. Изъ сочиненій по этому предмету можно упомянуть: J. M. Heineccii. Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche. Leipzig 1711. J. G. King. Die Gebräuche und Ceremonien der griechischen Kirche in Russland. Riga 1773. и E. v. Murald, Briefe über den Gottesdienst der morgenländischen Kirche. Aus dem russischen übersetzt und aus dem griechischen erläutert. Leipzig 1838. Относящіеся сюда, раскрашенные рисунки въ «Русскихъ Древностяхъ».

со стороны вѣшнаго убранства оно подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ, причеиъ его старались украсить какъ можно роскошнѣе, такъ что облаченіе

Фиг. 175.



Фиг. 176.



верховнаго іерарха церкви „Патріарха“, по богатству и блеску своему превосходило даже царское. Это въ особенности началось со временъ Ивана III, который дѣятельно заботился о востановленіи церковнаго благолѣпія. Не такъ было тогда въ самой Византіи, гдѣ, вслѣдствіе владычества Османовъ и угнетенія ими тамошнихъ христіанъ, дальнѣйшее развитіе подобнаго рода пышности стало невозможно.

Облаченіе Патріарха, начиная съ 13-го столѣтія, слагалось изъ 6-ти главныхъ частей, къ которымъ въ теченіи 14-го и 15-го столѣтій были прибавлены еще 3 (сравни. фиг. 177 а. в.) Первоначальныя части были слѣдующія: чулки и башмаки, длинная нижняя одежда на подобіе стюла съ широкой ниспадающей до ногъ перевязью, надѣтой вокругъ шеи; поверхъ этого наглухо закрытое болѣе короткое туникообразное одѣяніе съ широкими рукавами, и, соответственно нижней, съ длинной верхней перевязью, свободно обнимающей плечи и спускающейся до низу. Къ позднѣйшимъ частямъ прежде всего принадлежитъ богатая, убранныя жемчугомъ и драгоценными камнями корона, два полурукава, пристегивавшіеся къ рукавамъ нижней одежды, и небольшой четырехугольный платъ съ кистями по угламъ, въ видѣ кармана, прикрѣпленный съ правой стороны. Въ дополненіе по всему облаченію уже издревле было принято носить наперсный драгоценный крестъ и длинный посохъ, оканчивающійся наверху или простымъ поперечникомъ, или двумя короткими загнутыми внутрь рожками. Облаченію патріаршему соответствовало, хотя и уступая ему въ драгоценности и пышности, облаченіе остальнаго высшаго духовенства — митрополитовъ и архіепископовъ. Оно

Фиг. 177.



отличалось отъ патриаршаго только формою головного убора и сравнительно меньшей длиною верхней перевязи (омофора) (сравни. фиг. 178 б).

Въ Польшѣ <sup>1</sup> (и Литвѣ), за исключеніемъ самыхъ западныхъ областей, которыя принуждены были покориться нѣмецкому владычеству, западно-славянское населеніе сохранилось въ своей первобытной чистотѣ. По окончаніи внутреннихъ смуть и безпорядковъ, слѣдствіемъ которыхъ было отпаденіе Силезіи, и которыя грозили также раздробить и остальные области, Польша, въ царствованіи Владислава IV, была снова соединена въ одно цѣ-

Фиг. 178.



лое государство (хотя и съ утратой Помераніи), составлявшее какъ бы границу между Восточными Славянами (Русскими) и Пѣтцами. Несмотря на старанія Владислава и его преемниковъ сохранить самостоятельность своего государства, Польша неизбежно должна была подвергнуться непосредственному вліянію окружающихъ ее сосѣднихъ народовъ.

<sup>1</sup> См. Шафарикъ: Славянскія древности. По польскія древностямъ самое важное сочиненіе: Przdziecki et Rastawiecki. Monuments du Moyen âge et de la Renaissance dans l'ancienne Pologne jusqu'à la fin du 17-ème siècle. A Varsovie et à Paris 1854 г. Нѣкоторыя частности у F. A. Vossberg. Spiegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien u. s. w. Berlin 1854.

Уже въ царствованіе Владислава IV вліяніе это особенно сильно оказалось со стороны Германіи, такъ что онъ вынужденъ былъ вести продолжительную войну съ нѣмецкимъ орденомъ, окончившуюся не въ его пользу, и гибельныя послѣдствія которой были увеличены опустошившей въ то время его государство чумою. Война эта продолжалась и при наслѣдникѣ его Казиміръ III Великомъ (1333—1370), до тѣхъ поръ, пока послѣдній, угрожаемый нашествіемъ Татаръ (1334), заключилъ съ Венгріей союзъ, по которому онъ, за отсутствіемъ наслѣдниковъ по мужскій линіи, предоставлялъ Польскій престолъ Венгріи. Въ царствованіе его внутренній порядокъ упрочился: онъ старался по мѣрѣ возможности охранять крестьянское сословіе отъ угнетенія дворянъ, вслѣдствіе чего нашель себѣ твердую опору въ народѣ; но въ тоже время онъ предоставилъ Евреямъ настолько неограниченную свободу, что они мало по мало разселились по всей странѣ и тѣмъ оказали вредное вліяніе на туземное населеніе. Съ Германіей Казиміръ вошелъ въ еще болѣе близкія сношенія черезъ бракъ его внуки Елизаветы Померанской съ императоромъ Карломъ IV, но съ другой стороны онъ не нарушилъ своего союза съ Венгріей, и племянникъ его, король Венгерскій Людовикъ, все таки наслѣдовалъ послѣ него польскій престолъ. Людовикъ весьма мало заботился о государственныхъ дѣлахъ и поручилъ управленіе ими своей матери, вслѣдствіе чего государство значительно пострадало какъ отъ внутреннихъ безпорядковъ, такъ и отъ постоянныхъ внѣшнихъ нападеній, такъ что, въ концѣ концовъ, послѣ неудачной попытки соединить Польшу съ Венгріей, Людовикъ принужденъ былъ уступить возрастающему недовольству. Такимъ образомъ, послѣ смерти его (1382), государство, по стараніямъ супруги его Елизаветы, перешло къ его младшей дочери Ядвигѣ, а черезъ нее къ языческому князю Литовскому Ягелло, ради котораго она отказалась отъ своего жениха, герцога Вильгельма Австрійскаго. Ягелло соединилъ Польшу и Литву въ одно государство, крестился, принявъ имя Владислава V (II) Ягелло, и этимъ побудилъ Литовцевъ перейти въ христіанскую вѣру.

Соединеніе это, возвысивъ Польское государство до одного изъ самыхъ могущественныхъ владѣній Европы, въ тоже самое время въ значительной степени усилило какъ дружескія, такъ и враждебныя его отношенія къ сосѣднимъ странамъ. Борьба съ нѣмецкимъ орденомъ (въ большинствѣ случаевъ оканчивавшаяся, впрочемъ, весьма счастливо для Польши), отношенія къ нѣмецкому государству и Венгріи, а также и частыя нападенія татаръ, не только не прекращались, но приобрѣли, при немъ и при его ближайшихъ наслѣдникахъ, еще болѣе значительности. Сыну его и преемнику, Владиславу VI изъ Варны (до 1449), удалось, однако, хотя на короткое время завладѣть Венгерской короной; но при наслѣдникѣ его, Казиміръ IV, государство, истощенное постоянною и ожесточенною борьбою съ татарами и нѣмецкимъ орденомъ, снова утратило свое благосостояніе. Кромѣ того, оно было втянуто въ бесплодную войну изъ за Венгерской короны и въ борьбу съ Великимъ Княземъ Московскимъ Иваномъ III, который завладѣлъ Бѣлоруссіей. Іоаннъ I Альбрехтъ, къ которому перешло государство по смерти отца его Казиміра, не чувствовалъ въ себѣ ни желанія, ни достаточно способностей для того, чтобы снова возвысить государство, предавался распутной жизни. Слишкомъ безсильный, чтобы отразить постоянно возобновлявшіяся нападенія татарскихъ

ордъ, и въ то же время избавиться отъ нападенія турокъ, онъ, незадолго передъ смертію, принужденъ былъ заключить съ этими послѣдними союзъ, не имѣвшій для государства никакихъ иныхъ результатовъ кромѣ того, что онъ еще лишній разъ вызвалъ нападеніе со стороны татаръ.

Необходимымъ слѣдствіемъ такихъ обстоятельствъ явилось у Поляковъ смѣшеніе древнеславянскихъ формъ и обычаевъ съ обычаями и привычками народовъ, съ которыми имъ приходилось сталкиваться. Смѣшенію этому много способствовала ствойственная славянамъ подвижность и воспримчивость, заставлявшая ихъ легко подчиняться чужеземному влиянію<sup>1</sup>. Это касалось столько же внутренней, сколько и вѣшной стороны жизни, послѣдней даже болѣе, такъ какъ она сильнѣе занимаетъ грубое, мало развитое чувство. Такъ, прежде всего влияніе это стало замѣтно на одеждѣ. Насколько оно было сильно, съ точностью опредѣлить нельзя по отсутствію достаточно точныхъ свидѣтельствъ, особенно наглядныхъ. Но и то немногое, что дошло до насъ въ этомъ родѣ, подтверждаетъ высказанное предположеніе. Изъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ большая часть носить на себѣ чисто нѣмецкій характеръ, остальные представляютъ частію такой же характеръ, но съ болѣе или менѣе значительною склонностью къ ззіатскому формообразованію, частію же отличаются чисто азіатскимъ вкусомъ. Наглядныя изображенія,

Фиг. 179.



<sup>1</sup> Ср. Вп. б. нар. Т. II, ч. 2. гл. 1-я.

могущія дать точное понятіе о польскомъ костюмѣ, восходятъ самое раннее къ исходу 15 вѣка. Однако и они въ сущности ограничиваются только миниатюрами нѣсколькихъ рукописей и запрестольнымъ образомъ въ Краковскомъ соборѣ, изображающимъ (кромѣ Богородицы) одѣвъ только мужскія фигуры.

Фигуры эти, кромѣ нѣсколькихъ лицъ среднего класса, отъ которыхъ видны только однѣ головы (фиг. 179 d), представляютъ Польскихъ королей: Владислава Ягелло (фиг. 179 a), Казимира Великаго (фиг. 179 b), Людовика Анжуйскаго (фиг. 179 c) и, рядомъ съ одними позднѣйшими (?) княземъ (фиг. 180 b), нѣсколько докторовъ богословскаго факультета Краковскаго университета (фиг. 180 a c), изображенныхъ въ костюмѣ того времени. Даже и на этихъ фигурахъ еще замѣтенъ упомянутый смѣшанный характеръ одежды. Такъ напр. короли Владиславъ и Казимиръ, оба доктора богословія<sup>1</sup> и позднѣйшій князь, также и Людовикъ Анжуйскій (фиг. 179 c), представлены одѣтыми почти совершенно такъ, какъ одѣвались люди ихъ званія въ Германіи и другихъ западныхъ земляхъ, но въ ихъ одеждѣ все таки замѣтна примѣсь азіатскаго вкуса, который особенно рѣзко проявляется въ чалмообразномъ головномъ уборѣ Людовика Анжуйскаго. О преоблада-

Фиг. 180.



<sup>1</sup> Изъ королей, изображенныхъ въ фиг. 179. a одѣтъ въ красное узорчатое нижнее платье, отъ котораго видны только узкіе рукава и небольшая часть ворота; его длинная верхняя одежда зеленая съ черной пелериной, отдѣланной, также какъ и самая одежда, желтокоричневымъ мѣхомъ;—b, какъ это показываютъ намъ воротъ и рукава, одѣтъ также въ красное нижнее платье, вышитое жемчугомъ, длинная верхняя одежда также карминнаго цвѣта, опушена сѣрымъ мѣхомъ; башмаки желтые; шляпа черная съ красными полями и золотымъ вѣнцомъ. У c кафтанъ красный съ маленькой пелериной лиловаго цвѣта; и то и другое опушено горностаемъ; панталоны лиловые, башмаки красные; тюрбанъ обвитъ бѣлой матеріей. Изъ фигуръ на фиг. 180, a въ красной одеждѣ съ зеленымъ головнымъ уборомъ; b въ затканной золотомъ одеждѣ съ темной мѣховою пелериной, a c въ черной нижней и красной верхней одеждѣ и въ красной же шапочкѣ.

нѣмецкаго вкуса въ Польшѣ свидѣтельствуютъ и миниатюры: онѣ показываютъ, что не только мужчины, но и женщины и низшіе классы одѣвались на нѣмецкій манеръ, и что военная одежда и самое вооруженіе были нѣмецкія (ср. фиг. 181 b).

Фиг. 181.



Что же касается національной <sup>1</sup> польской одежды, сохранявшейся между польской аристократіей до перваго распадѣнія государства въ новѣйшее время, то можно предположить, что одежда это установилась только съ начала 16-го столѣтія, и что при этомъ не маловажную роль игралъ издревле употребительный у западнославянскаго племени верхній кафтанъ съ проймами для рукъ и длинными висячими рукавами, называемый „krzno“ (срав. фиг. 179 b).

Венгры, или какъ они сами называли себя „Мадыяры“, — занимали обширную область, которая простиралась къ югу отъ Польши, и подобно послѣдней отдѣляла Германію отъ Россіи. Она граничила къ югу съ Сербіей и Византійскимъ государствомъ, а на западѣ прилегала къ Адриатическому морю. Вслѣдствіе такого географическаго положенія, Венгры не могли избѣгнуть частыхъ и близкихъ сношеній не только съ Нѣмцами и Восточными Славянами, но и съ юговосточными народами и даже съ Итальянцами. Но кромѣ того и въ самой Венгріи уже съ раннихъ поръ основались значительныя поселенія Славянъ, Нѣмцевъ (въ Семиградской области) и другихъ переселенцевъ. Такое положеніе дѣл не преминуло оказать и здѣсь такое же вліяніе, какъ и въ Польшѣ. Съ начала 14 вѣка мы видимъ Венгровъ почти въ постоянной борьбѣ то съ Германіей, то съ Польшей, съ Итальянцами, Татарами и Турками. Особенно губительны были для Венгровъ опустошительныя набѣги Татаръ и Турокъ, безпрестанно повторявшіеся до тѣхъ поръ, пока король Венгерскій, Матвѣй I Корвинъ, не оказалъ имъ упорнаго сопротивленія (1458). Кромѣ того, ему удалось хотя на время сдержать напоръ Турокъ, становившихся со времени завоеванія ими Византіи все болѣе и болѣе опасными, и не только отразить нападенія Нѣмцевъ во время императора Фридриха IV, но и довести послѣднихъ до того, что австрійскіе государственныя чины присягнули ему въ вѣрности (1482). Венгерскому государству недолго суждено было оставаться на той высотѣ, на которую поднялъ его Матвѣй своимъ мужествомъ и разумнымъ правленіемъ. Такъ какъ онъ умеръ (1491 г.) не оставивъ наслѣдниковъ по мужской линіи, то государство перешло къ богемскому королю Владиславу II, который тотчасъ же по воцареніи своемъ нашелся вынужденнымъ стать во враждебныя отношенія къ Польшѣ

<sup>1</sup> Сравн. между прочимъ L. Gerson. Costumes polonais dessinés d'après nature. Lithograph. par E. Demaison, publiés par Daziario à Varsovie. Paris (Moscou et St Petersburg). L. Zienkowiez. Les costumes du peuple polonais, suivis d'une description exacte de ses mœurs, de ses usages et de ses habitudes. Paris 1841.

п нѣмецкому королю Максимилиану, а вскорѣ затѣмъ выдержалъ нападеніе со стороны Турокъ, съ которыми принужденъ былъ заключить семилѣтнее перемиріе (около 1503), недоставившее однакоже его королевству желаемого спокойствія. Между тѣмъ онъ женился на принцессѣ Аннѣ де-Фуа (de Foix), графинѣ Кандальской. Такъ какъ эта послѣдняя родила ему сына, то престолъ, обѣщанный до того времени Максимилиану, по смерти Владислава (1516 г.), перешелъ, хотя и не къ выгодѣ государства, къ малолѣтнему Людовику II, находившемуся подъ опекой архіепископа Гранскаго, гофмейстера Боремисса и своего дяди, графа Аншпахскаго.

Несмотря на частыя многостороннія сношенія съ сосѣдними народами, между которыми Нѣмцы занимали самое видное мѣсто, сами Венгры въ сущности упорно придерживались издавна введенныхъ обычаевъ и старинной національной одежды. Принадлежа, по всему вѣроятію, къ югорскому племени, народъ этотъ, подвигавшійся изъ своихъ первоначальныхъ поселеній за Ураломъ постепенно къ западу, въ область между Дономъ и Чернымъ моремъ, откуда онъ только около конца 10-го столѣтія переселился въ Венгрію, — по природѣ своей тяготѣлъ къ Востоку и поэтому менѣе всего былъ склоненъ къ усвоенію чуждыхъ ему формъ. Этому тяготѣнію, помимо климатическихъ условій страны, много благопріятствовало еще то обстоятельство, что Венграмъ по преимуществу приходилось сталкиваться съ восточными народами — Татарами и Османами; такъ что нѣмецкое вліяніе, въ особенности по отношенію къ чисто внѣшней сторонѣ быта Венгровъ, было весьма незначительно и началось не ранѣе конца 15-го столѣтія. Рисунки, какъ единственный источникъ, изъ котораго мы могли бы почерпнуть наиболѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, сохранились въ очень небольшомъ количествѣ, и къ тому же самыя древнія изъ нихъ относятся только къ половинѣ 16-го столѣтія. Но какъ эти рисунки, такъ и еще позднѣйшіе нисколько однакожъ не свидѣтельствуютъ о вліяніи Нѣмцевъ, а скорѣе показываютъ, что Венгры, даже и высшихъ сословій, почти до конца 16-го столѣтія, одѣвались и вооружались на азіатскій манеръ. Но все таки ихъ нынѣшній, такъ называем. національный костюмъ <sup>1</sup> сложился, покрайней мѣрѣ въ общихъ своихъ чертахъ, вѣроятно тѣмъ же путемъ, какъ и польскій.

<sup>1</sup> Cp. W. Hanka. Dobrowsky's Slavin. Botschaft aus Böhmen etc. Prag. 1834; къ этому особ. J. Lavallé. Voyage historique et pittoresque d'Istrie etc. avec 65 grav. C. Simlich. Sammlung der merkwürdigsten Nationalkostüme von Ungarn und Kroatien. Wien 1819.

### Б. Утварь <sup>1</sup>.

Распределение и изучение утвари по народнымъ группамъ на основаніи какихъ либо выразившихся въ ней народныхъ особенностей не совсѣмъ удобно, какъ по самому свойству предмета, такъ и главнымъ образомъ по недостатку уцѣлѣвшихъ вещей, мѣсто изготовленія которыхъ было бы въ точности извѣстно. Количество предметовъ утвари въ собственномъ смыслѣ, дошедшихъ до насъ даже изъ конца 15-го столѣтія, сравнительно незначительно и вдобавокъ заключается преимущественно въ болѣе или менѣе драгоценныхъ металлическихъ вещахъ почти исключительно церковныхъ. Утвари же сдѣланной изъ менѣе прочныхъ матеріаловъ, въ особенности утвари нецерковной этого времени, не сохранилось почти вовсе, такъ что о качествахъ ея мы едва ли могли бы судить теперь съ нѣкоторою правильностью,

<sup>1</sup> Изъ большого количества сочиненій, которыя бы можно было привести здѣсь, мы назовемъ лишь слѣдующія, какъ особенно обширныя и богатыя свѣдѣніями: W. Carter: *Ancient sculpture and painting now remaining in England from the earliest period to the reign of Henry VIII.* London 1838. A. Du Sommerard: *Les arts du moyen âge.* 6 vols. 8°. 4 vols fol. Paris. 1838. Asselinau: *Armes et armures, heubles et divers objets du moyen-âge et de la Renaissance.* Paris 1842. H. Shaw: *Dresses and decorations of the middle age.* London 1848. Ero ж: *The decorative art of the middle age.* London 1850. C. Becker and F. von Hefner-Alteneck: *Kunstwerke und Geräthschaften des Mittelalters und der Renaissance.* 3 Bde. Frankf. a. M. 1850. M. J. Labarte: *Handbook of the arts of the Middle age and Renaissance, as applied to the decoration of furniture, arms etc.* London 1855. A. Przerdziecki et E. Rastawiecki: *Monuments du moyen-âge et de la Renaissance dans l'ancienne Pologne, depuis les temps les plus reculés jusqu'à la fin du 17-e siècle.* Varsovie. 1855. F. W. Fairhold: *Miscellanea graphica. A collection of ancient medieval and renaissance remains in the possession of Lord Londeshorough.* London. 1857. Ch. Louandre et Hangar-Maugé: *Les arts somptuaires. Histoire du costume et de l'ameublement et des arts et industries qui s'y rattachent.* Paris 1858. J. B. Waring and F. Bedford: *Art treasures of the United Kingdom from the Manchester exhibition.* London, 1858. Viollet-le-Duc: *Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque carlovingienne à la Renaissance.* Paris. 1858. J. A. Worsaae: *Nordiske oldsager i det kong. Museum i Kjöbenhavn.* Kjöbenhavn. 1859. D. van der Kellen: *Nederlands-Oudheden Verzameling van Afbecldingen etc.* Amsterdam 1860. Ero ж: *Le moyen âge et la Renaissance dans les Pays Bas.* Amsterdam 1866. J. H. von Hefner-Alteneck: *Eisenwerke oder Ornamentik der Schmiedekunst des Mittelalters und der Renaissance.* Frankf. a. M. 1862. J. C. Robinson: *The art wealth of England. A series of photographs, representing fifty of the most remarkable works of art contributed on loan to the special exhibition at the South Kensington Museum 1862.* Lond. 1863. E. Lièvre: *Collection Sauvageot, dessinée et gravée à l'eau-forte.* Paris 1863. De Laborde: *Notice des émaux, bijoux et objets divers exposés dans les galeries du musée du Louvre. 2-e partie: Documents et glossaire.* Paris 1853. J. H. von Hefner-Alteneck: *Kunstammer S. K. H. des Fürsten Karl Anton von Hohenzollern - Sigmaringen.* München, 1866. E. Freiherr von Sacken: *Kunstwerke und Geräte des Mittelalters und der Renaissance in der Ambraser-Sammlung.* Wien (Photographien). Photographien aus dem Germanischen Museum, Nürnberg 1865. Photographien nach Gegenständen der Sammlung des Louvre und des Kensington Museums. Photographien nach mittelalterl. Kleinkunstwerken des K. K. Museums in Wien.—Преимущественно по части церковнаго убранства: W. Pugin: *Glossary of ecclesiastical Ornament and Costume compiled from ancient authorities and examples.* London 1846. C. W. Schmidt: *Kirchenmöbel und Utensilien aus dem Mittelalter und Renaissance.* Frankf. a. M. 1850. Abbé Texier: *Dictionnaire d'orfèvrerie, de gravure et ciselure chretiennes etc.* Paris 1857. Ernst aus'm Weerth: *Kunstdenkmäler des christlichen Mittelalters in den Rheilanden I. Abthlg. Bd. 1. u. 2.* Leipzig 1857—1860. F. Bock: *Das heilige Köln, etc.* Leipzig 1858; *Der Reliquienschatz des Liebfrauen-Münsters zu Aachen u. s. w.* Aachen 1860.

если бы у нас не было ея описаній и современныхъ изображеній, которыя однако даютъ о ней только довольно поверхностное понятіе. Еще менѣе возможно составить себѣ представленіе о формахъ утвари по описаніямъ ея, хотя и очень подробнымъ, въ инвентаряхъ нѣкоторыхъ государей 14 и 15 столѣтій. Единственнымъ основаніемъ для опредѣленія формъ утвари даннаго времени остается внѣшнее выраженіе современнаго направленія искусства, именно архитектуры, также какъ одни только измѣненія архитектурнаго стиля по народамъ и временамъ могутъ дать указанія на соответствующія измѣненія формъ утвари.

Такъ называемый „готическій“ или „германскій“ стиль, возникшій въ исходѣ 12 столѣтія въ сѣверной Франціи, а въ теченіи слѣдующаго столѣтія распространившійся оттуда почти по всей Европѣ и съ половины этого столѣтія значительно объившій на формы утвари, сохранилъ свое господство въ неуменьшемъ объемѣ далеко за предѣлы 16-го столѣтія. Присущій ему изначала, въ противоположность тяжелымъ формамъ предшествовавшаго ему „романскаго“ стиля, характеръ легкости и стройности, обусловленный примѣненіемъ остроколонной арки въ сочетаніи съ стрѣлчатыми, разнообразно расчлененными колоннами и растительными орнаментами, сохранился, въ главныхъ своихъ чертахъ, почти вездѣ одинаково, испытавъ однакожъ у различныхъ народовъ соответственныя духу каждаго народа передѣлки. Эти видоизмѣненія стиля опредѣлились уже при самомъ его возникновеніи. Появившійся въ сѣверной Франціи, онъ прежде всего былъ перенесенъ въ Англію, но несмотря на это, какъ тамъ, такъ и здѣсь, еще долго оставался на сравнительно низкой ступени развитія. Въ южной Франціи и Италіи развитіе его было задержано усиліями связать его частью съ господствовавшимъ дотолѣ романскимъ стилемъ, частью (преимущественно въ Италіи) съ древнеримскими формами; а въ Испаніи—подобными же попытками ввести въ него элементы древнемавританскаго стиля, хотя бы только въ качествѣ орнамента. Однимъ только Нѣмцамъ, благодаря ихъ болѣе независимому умственному подъему, суждено было довести новый стиль до высочайшей его чистоты и законченности, и создать въ немъ вѣковѣчные образцы для подражанія остальнымъ народамъ. Въ восточной Европѣ готическій стиль распространился очень медленно, а въ Россіи и совсѣмъ не приобрѣлъ никакого значенія.

Измѣненныя соответственно духу каждаго народа основныя черты готическаго стиля опредѣляли и его дальнѣйшую мѣстную разработку. Тѣмъ не менѣе развитіе его совершалось вездѣ почти одинаково, не только въ отношеніи расположенія и образованія массъ, но и еще болѣе по отношенію къ обработкѣ орнамента, его формъ и распредѣленія. До начала 14 столѣтія все дѣло ограничивалось безпрестаннымъ повтореніемъ данныхъ при самомъ зарожденіи стиля простыхъ формъ или видоизмѣненій этихъ формъ. Но уже въ исходѣ 13 вѣка, вмѣстѣ съ пробужденіемъ индивидуальнаго самосознанія, привычная рутина начала постепенно уступать мѣсто свободному, самостоятельному творчеству. Конечно, это отрѣшеніе отъ привычныхъ формъ совершалось весьма медленно, но разъ начавшись, оно неуклонно пошло впередъ по намѣченному новому пути. Все, что уже и до этого времени было

произведено замѣчательнаго, нерѣдко даже достойнаго удивленія, какъ въ дѣлѣ соединенія частей въ цѣлое, такъ и въ изобрѣтеніи и выполненіи частностей и общаго, должно было оказаться неважнымъ сравнительно съ тѣмъ, что стало возможнымъ исполнить, благодаря удачному рѣшенію задачъ постоянно возрастающей трудности и смѣлости. Относительно обдѣлки и установки массъ при возведеніи построекъ, какъ бы послѣднія ни были грандіозно задуманы, теперь окончательно не существовало никакихъ затрудненій. Точно также обработка всякаго рода матеріаловъ, хотя бы самыхъ неподатливыхъ, была доведена до возможнаго совершенства. Это выражалось столько же въ изобрѣтеніи и исполненіи новыхъ формъ, сколько и въ болѣе разнообразномъ и болѣе художественномъ примѣненіи существовавшихъ. Въ особенности орнаментъ пріобрѣлъ въ этомъ смыслѣ необыкновенное развитіе и значеніе. Усвоенныя для него формы были, правда, удержаны, но обдѣлка ихъ стала гораздо свободнѣе и, посредствомъ все болѣе и болѣе художественнаго сочетанія ихъ частей, въ нихъ было внесено необычайное разнообразіе. Это относилось какъ къ орнаменту изъ растительныхъ формъ, изъ которыхъ самыми удобными для такихъ комбинацій представлялись листовныя сплетенія, такъ и къ орнаменту изъ геометрическихъ фигуръ, соединенныхъ въ красивые и разнообразные узоры. Къ этимъ двумъ родамъ орнамента стали присоединять различныя фигуры, нерѣдко очень диковинныя, измышленныя воображеніемъ художника, и кромѣ того, фигуры человѣческія и животныя, отдѣльно и въ группахъ. Даже и стройныя, стремящіеся въ высь столбы и колонны получили еще большую стройность и заостренность, и болѣе богатое расчлененіе. При всемъ этомъ не обошлось, однакожъ, безъ того, чтобы достигнутое совершенство внѣшней обдѣлки не породило нѣкоторой наклонности къ эффекту и къ извѣстному однообразію или манерѣ въ обработкѣ; но помимо этого, всё, что было сдѣлано въ этомъ направленіи, было и осталось достойнымъ удивленія и подражанія.

Успѣхи строительнаго искусства, — сдѣланныя имъ, разумеется, пока еще почти исключительно въ построеніи церковныхъ зданій — послужили, прямо или косвенно, на пользу и другимъ искусствамъ и ремесламъ. Кромѣ того, ремесленный классъ въ цѣломъ пріобрѣлъ себѣ такое положеніе, которое должно было благопріятно отразиться на развитіи ремесла. Съ переходомъ въ началѣ 13 вѣка ремесленной дѣятельности изъ рукъ духовенства къ мірянамъ, и когда, вслѣдствіе этого, прекратилась всякая конкуренція со стороны перваго, послѣдніе получили возможность стремиться къ упроченію своей самостоятельности. Повсемѣстно возникшіе ремесленные товарищества, союзы и цехи, достигшіе своего полнаго значенія путемъ тяжелой борьбы, пріобрѣтали все большую устойчивость и съ усиленною энергіею преслѣдовали свои цѣли. Уже въ началѣ 14 столѣтія удалось имъ дать почувствовать свою силу какъ дворянству, такъ и городскому патриціату, и отвоевать себѣ прочныя права; а въ половинѣ столѣтія, когда эта всё таки измѣнчивая борьба рѣшилась въ ихъ пользу, добытая ими для себя законная равноправность и вмѣстѣ съ нею ихъ значеніе прочно утвердилось за ними. Связанные этимъ еще тѣснѣе другъ съ другомъ, они почувствовали себя настолько сильными, что стали оказывать очень чувствительное вліяніе на городскія дѣла. Такъ было въ особенности въ большихъ имперскихъ городахъ,

гдѣ мало по малу представители цеховъ были допущены въ число членовъ городскихъ совѣтовъ, и имъ была присвоена извѣстная доля въ городской администраціи.

Это окончательное торжество цеховъ внушило имъ, правда, разныя высокомѣрные требованія, но въ тоже время было главнѣйшимъ факторомъ ихъ преуспѣянія. Оно не только усилило въ нихъ сознаніе собственной ихъ силы и значенія, и приучило каждаго члена цеха считать себя необходимою частью одного большого цѣлаго, но увеличило въ нихъ совокупное стремленіе къ дальнѣйшему совершенствованію ихъ многосторонней дѣятельности. Это совершенствованіе стало дѣломъ чести уже не отдѣльныхъ лицъ, но всего цеха, который теперь самъ ставилъ требованія, которымъ нужно было удовлетворить для полученія званія мастера того или другого ремесла. Съ этою цѣлью были составлены обязательныя для всѣхъ уставы. Каждое ремесло было строго организовано сообразно съ предметами своихъ занятій, и по возможности обезпечено противъ упадка. Основное правило, принятое цехами при самомъ ихъ образованіи, позволять вступленіе въ цехъ лишь владѣющимъ своимъ ремесломъ на столько, чтобы вполне выучить ему другихъ, это правило было усилено и вслѣдствіе этого члены каждаго цеха раздѣлены по степени ихъ искусства на главныхъ мастеровъ (*archimagistri*), мастеровъ (*magistri*), подмастерьевъ и учениковъ. Вместе съ этимъ устанавливалось постепенно болѣе опредѣленное разграниченіе самыхъ ремеселъ по разнымъ отраслямъ ремесленной дѣятельности, а внутри каждаго отдѣльнаго ремесла болѣе цѣлесообразное раздѣленіе занятій, такъ что теперь каждый мастеромъ постоянно исполнялъ одну извѣстную работу. Несмотря однакожь на это, или даже благодаря именно такой организаціи ремеселъ, какъ обусловливавшей возможно совершенное исполненіе, до производства издѣлій большими количествами, въ родѣ нынѣшняго фабричнаго, было еще далеко. Хотя сами издѣлія и получили нѣкоторую однородность отлѣлки и изготовлялись по однимъ и тѣмъ же основнымъ формамъ, которыя требовались господствующимъ вкусомъ, тѣмъ не менѣе каждая предпринимаемая работа, каково бы ни было ея назначеніе, разсматривалась какъ самостоятельная задача, которую слѣдовало разрѣшить вполне добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла. Это порождало между различными ремеслами взаимное соревнованіе, настолько энергическое, что оно поднимало ихъ выше просто ремесленного уровня и приближало къ искусству. Ремесло и искусство, нераздѣлявшіяся даже и въ понятіи не только теперь, но и далеко за 15 стол., слились другъ съ другомъ тѣснѣйшимъ образомъ, такъ что почти каждое ремесло стало въ сущности искусствомъ (*Kunsth Handwerk*), и насколько само облагораживалось черезъ это, въ той же мѣрѣ вліяло на облагороженіе вкуса вообще.

Успѣхамъ ремеселъ много содѣйствовало также и развитіе общественности и вообще образа жизни, который съ начала 14 стол. становился все усложненнѣе. Быстрое возрастаніе городовъ, чрезъ умноженіе числа ихъ обывателей, и увеличивавшееся постоянно ихъ благосостояніе совершенно измѣнили существовавшій доселѣ строй городской жизни и сдѣлали взаимныя отношенія горожанъ разнообразнѣе. Къ числу коренныхъ городскихъ обывателей при-

соединялись все въ возрастающемъ количествѣ свободныя и благородныя землевладѣльцы, покидавшіе свои усадьбы и замки; даже государи съ своими дворами стали переселяться въ главные города своихъ владѣній на постоянное жительство. Жизнь сосредоточивалась все болѣе и болѣе въ городѣ и домѣ; они стали центрами, къ которымъ тяготѣли всѣ интересы и которыми обусловливались всѣ воззрѣнія. Прежняя простота образа жизни, созданная и поддерживавшаяся стариннымъ обычаемъ сходитьса внѣ дома, постепенно затѣнилась стремленіемъ къ удобной и пріятной домашней обстановкѣ. Потребности умножались и вызывали новыя потребности. Убранстводомовъ красивую утварю, рѣдко встрѣчавшееся дотошѣ даже и у знатныхъ и богачей, стало понемногу распространяться и въ средѣ мѣщанъ. Это дало новый толчекъ и новую пищу ремесламъ, которыя, съумѣвъ оградить себя отъ избытка рабочихъ силъ, чувствовали себя вполне обеспеченными постояннымъ и неуменьшавшимся сбытомъ. Къ этому присоединилось необыкновенное расширение ганзейской торговли, съ одной стороны, открывшее дорогу оптовому сбыту, а съ другой—сдѣлавшее доступнымъ разные сырые продукты и образцы иностранныхъ произведеній, а также различные ремесленные инструменты и приборы, такъ какъ всѣ эти вещи ввозились теперь въ большемъ количествѣ.

При такихъ условіяхъ не могла не сдѣлать значительныхъ успѣховъ и ремесленная техника. Въ каждомъ ремеслѣ были талантливые люди, которые, освободившись отъ рутины, работали самостоятельно, или надъ болѣе цѣлесообразнымъ примѣненіемъ прежде добытаго, или надъ усовершенствованіемъ его на основаніи ихъ личнаго опыта. Это приводило къ новымъ изобрѣтеніямъ, которые, по неимѣнію тогда привилегій на изобрѣтенія, становились скоро общимъ достояніемъ, хотя ихъ и старались держать въ тайнѣ. Точно также быстро или еще быстрѣе распространялись и вновь изобрѣтенныя формы. Ибо разъ оригиналь становился извѣстнымъ, размноженіе его посредствомъ копій и подражаній не представляло никакихъ затрудненій. При всемъ этомъ однакожъ строго наблюдали, чтобы форма вещи по возможности соответствовала матеріалу, изъ котораго вещь сдѣлана, и это соответствіе матеріала и формы придавало издѣліямъ внутреннюю цѣнность, составляло ихъ внутреннее достоинство.

Въ этомъ отношеніи, а также и относительно художественности произведеній, впереди всѣхъ стояло золотыхъ-дѣль-мастерство. Такъ было въ Италіи и Испаніи, въ Англіи и Германіи, а особенно во Франціи, гдѣ золотыхъ-дѣль-мастера играли важную роль уже въ 13 вѣкѣ, когда по смерти Людовика Святого роскошь быстро начала усиливаться. Почти одновременно съ усиленіемъ производства золотыхъ и серебряныхъ вещей, стали появляться и поддѣлки, иногда очень удачныя. Вслѣдствіе этого король французскій, Филиппъ III Смѣлый (1270—1285), въ огражденіе покупателей отъ обмана, издалъ указъ, которымъ опредѣлялась доброта перерабатываемаго золота и серебра. Этотъ указъ былъ подтвержденъ Филиппомъ Красивымъ въ 1313 г., Іоанномъ, въ 1355 г., и послѣдующими королями. Мало по малу необходимость подобныхъ постановленій была признана повсемѣстно, и это тѣмъ болѣе, что золотыхъ-дѣль-мастера завѣдывали и чеканкою монеты, покрайней мѣрѣ въ большей части главныхъ городовъ. Такъ, между прочимъ, въ Нюрнбергѣ, въ

1350 г. было издано по этому предмету весьма точное постановление (*Ge-wichteich—, Gold-und Silberwaagordnung*), нарушение которого строго преследовалось.— Главные мѣста производства золотыхъ и серебряныхъ вещей оставались прежнія. Во Франціи такимъ мѣстомъ былъ Парижъ, гдѣ во второй половинѣ 14 стол. золотыхъ-дѣль-мастера достигли такого совершенства въ изобрѣтеніи новыхъ формъ и изящной отдѣлкѣ вещей, между прочимъ и драгоценными камнями, что нигдѣ не имѣли соперниковъ, кромѣ развѣ и тальянскихъ мастеровъ, которые заботились преимущественно о чистотѣ формъ и художественности исполненія, примѣняя къ своему мастерству изетари известную въ Италіи финифтяную живопись. Во Фландріи славились Брюгге и Гентъ, въ Германіи—Нюрнбергъ, Аугсбургъ и Ульмъ, къ которымъ кажется скоро присоединились Вѣна и Прага, благодаря поощренію императора Карла IV, большого любителя драгоценной церковной утвари. Въ Испаніи лучшія произведенія золотыхъ-дѣль-мастерства доставляли главнымъ образомъ Толедо, Мадридъ, Севилья и Гранада, но произведенія эти до половины 15 стол. носили на себѣ сильный отпечатокъ древнемавританскаго вкуса. Въ Англій, наконецъ, гдѣ это мастерство, перенесенное вѣроятно изъ Франціи, принималось вообще очень слабо, оно процвѣтало только въ одномъ Лондонѣ.

Въ тѣсной связи съ золотыхъ-дѣль-мастерствомъ совершенствовалась финифтяная живопись, преимущественно въ Италіи. Къ известнымъ уже техническимъ приемамъ, перенесеннымъ туда съ Востока въ 9 стол., съ половины 14 стол. прибавился новый, вскорѣ тоже ставшій всеобщимъ. Старинный способъ состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что на металлической поверхности, на которой предполагалось воспроизвести финифтяной рисунокъ, контуры послѣдняго выкладывались узкими металлическими полосками (поставленными ребромъ), или вырѣзывались углубленными чертами, и образовавшіяся углубленія затѣмъ заливались цвѣтнымъ стекольнымъ сплавомъ (непрозрачнымъ). По новому способу, рисунокъ выгравировывали весь со всеми подробностями на металлической доскѣ и затѣмъ заливали слоемъ финифти на столько тонкимъ, что сквозь него замѣтно просвѣчивала металлическая доска. Сначала такіе рисунки исполнялись въ одномъ только тонѣ, но вскорѣ, еще до исхода столѣтія и, вѣроятно, прежде всего во Франціи, начали дѣлать ихъ въ нѣсколько тоновъ, увеличивая число послѣднихъ, что въ послѣдствіи, ранѣе однакожъ слѣдующаго столѣтія, привело къ совершенно новому способу (см. ниже).

Неменьшіе успѣхи сдѣлало въ теченіи этого времени производство стекляннхъ издѣлій, и преимущественно въ Италіи, куда оно перенесено было переселившимися съ Востока Греками и гдѣ изетари процвѣтало. Главнымъ мѣстомъ стекольнаго производства была Венеція, откуда, послѣ пожара случившагося въ исходѣ столѣтія и причиненнаго именно этимъ производствомъ, оно было перенесено на островъ Мурано и тамъ не только усилилось, но и усовершенствовалось. вмѣсто простого безцвѣтнаго стекла, которое выдѣлывалось до сихъ поръ, теперь научились окрашивать стекла во всевозможные цвѣта. Нужныя для этого дѣла металлическія окиси были настолько хорошо узаны, что съ половины столѣтія и еще ранѣе, оказалось возмож-

нымъ изготовлять изъ стекла до обмана похожія подражанія большей части извѣстныхъ тогда драгоценныхъ камней. Вслѣдствіе вѣхъ этихъ усовершенствованій стали выдѣлывать теперь, кромѣ простыхъ сосудовъ, сосуды разноцвѣтные и эмальированные и сосуды одноцвѣтные, но чрезвычайно разнообразныхъ и нерѣдко весьма затѣйливыхъ формъ. — Въ Италіи стекольное производство распространялось очень медленно, даже въ промышленныхъ Нидерландахъ попытки къ водворенію его начались не ранѣе половины 14 стол. Тоже самое было въ Германіи и Франціи. Правда, что во Франціи, Гумбертъ, дофинъ Вьенскій, уже въ 1338 г. держалъ при себѣ стекольнаго мастера Гуйонэ (Guionet), который обязанъ былъ ежегодно изготовлять для дофина 100 дюжинъ большихъ и 12 дюж. малыхъ сосудовъ, 20 дюж. кубковъ (*hanaps*), 12 амфоръ и т. д., но какъ эти сосуды, такъ и вообще всѣ изготовлявшіеся въ названныхъ земляхъ въ это и послѣдующее время до конца 15 стол., были самые простые сосуды изъ бѣлаго или зеленоватаго стекла и безъ всякихъ украшеній, за очень немногими исключеніями.

Еще болѣе опередила Италія остальные страны въ ювелирномъ искусствѣ, которое, какъ кажется, и въ Италіи находилось долгое время въ совершенномъ упадкѣ и поднялось и достигло нѣкотораго значенія только въ исходѣ 14 стол. Надобно предполагать, что оно тоже было перенесено съ Востока и тоже черезъ посредство Грековъ, издавна въ немъ отличавшихся. Рядомъ съ стариннымъ способомъ обдѣлывать камни сообразно съ ихъ природною формою или грубо обтачивать ихъ, сталъ употребляться новый, имѣвшій цѣлю дать камню опредѣленную форму и вмѣстѣ усилить его игру. Камни начали гранить и кромѣ уборовъ и пр. выдѣлывать изъ нихъ небольшіе сосудцы; а вслѣдъ затѣмъ было найдено средство вырѣзывать на нихъ углубленно или выпукло различныя изображенія. Такого рода рѣзные камни въ началѣ среднихъ вѣковъ назывались *camahutus* и *camaeus*, затѣмъ *camahuya*, а въ исходѣ 14 стол. *camaguei*—название оставшееся за ними до 16 стол.

Рѣзба изъ слоновой кости, служившая до сихъ поръ главнымъ образомъ для украшенія церковной утвари и потому воспроизводившая лишь орнаменты и священные предметы, стала теперь все чаще примѣняться и къ нецерковнымъ вещамъ, вслѣдствіе чего въ кругъ ея задачъ вошли мірскіе сюжеты, преимущественно любовныя сцены или подвиги какого нибудь сказочнаго героя, заимствованныя изъ разныхъ диковинныхъ разсказовъ, число которыхъ постоянно возрастало. Стали появляться рѣзные работы значительнаго объема. Онѣ исполнялись или на цѣльныхъ костяныхъ доскахъ большого размѣра, или на нѣсколькихъ небольшихъ пластинкахъ, соединенныхъ вмѣстѣ просто, или съ помощью положенныхъ между ними деревянныхъ или металлическихъ полосокъ. Искусство окрашивать слоновую кость тоже усовершенствовалось, чему много помогла распространившаяся изъ Италіи мода выкладывать деревянную утварь маленькими разной формы и различнаго цвѣта досечками изъ металла, дерева и окрашенной слоновой кости. Такая работа называлась въ Италіи *tarsia*, а во Франціи, гдѣ она принялась всего раньше, *marqueterie* (инкрустація).

Особенное развитіе получили въ это время всякаго рода деревянныя работы (древодѣльное мастерство во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ), начиная

вазіемъ и рѣзбою до изготовленія предметовъ домашняго обихода—мебели въ тѣсномъ смыслѣ. Между работами того и другого разряда почти не было даже и внѣшняго различія: онѣ такъ тѣсно соприкасались между собою, что взаимно восполняли другъ друга. Такъ продолжалось до самаго 16 столѣтія. Скульпторы изъ дерева, воспитавшіеся преимущественно на работахъ для церковныхъ потребностей, продолжали и впредь работать главнымъ образомъ въ этомъ же направленіи. Они находили себѣ обильное занятіе въ исполненіи не только отдѣльныхъ фигуръ святыхъ или небольшихъ рѣзныхъ изображеній и орнаментовъ, но преимущественно въ рѣзбѣ большихъ скульптурныхъ композицій, которыми въ это время любили украшать алтари. Эти за престольники (издалтарники: *Altarwerke*) состояли изъ нѣсколькихъ архитектурно расчлененныхъ отдѣленій, представлявшихъ важнѣйшія событія изъ земной жизни Спасителя. Чтобы усилить впечатлѣніе этихъ изображеній, фигуры раскрашивали подъ натуру, а фонъ и рамки золотили.—Въ работахъ другого разряда—столярныхъ, форма которыхъ опредѣлялась ихъ назначеніемъ, изобрѣтательность и художественныя стремленія мастера должны были ограничиваться одними лишь украшеніями; но именно въ этомъ дѣлѣ и возникало между мастерами необыкновенное соревнованіе, которое тѣмъ болѣе усиливалось, что съ умноженіемъ потребностей развивался въ массахъ и вкусъ къ изящному. Формы для украшеній заимствовали главнымъ образомъ отъ архитектуры, представлявшей въ этомъ отношеніи большой выборъ образцовъ, которымъ однакожъ не подражали просто, а самостоятельно перерабатывали ихъ и связывали въ одно законченное цѣлое. Около этого же времени былъ изобрѣтенъ новый способъ скрѣпленія отдѣльныхъ частей, отличавшійся отъ прежняго, болѣе простого, особенною прочностью <sup>1</sup>. До сихъ поръ въ вещахъ большихъ размѣровъ, напр. шкафахъ, сундукахъ и т. п. доски сплачивали вмѣстѣ, накладывая на швы между ними желобчатыя полоски, а сзади поперечины, и затѣмъ обклеивали сверху полотномъ или пергаментомъ, но все это не мѣшало дереву коробиться и трескаться, какъ бы хорошо оно ни было высушено. Чтобы устранить этотъ недостатокъ, стали теперь дѣлать каждую филенку изъ цѣльной доски, такой же величины какъ и сама филенка, и связывать эти доски между собою въ замѣкъ. Черезъ это, вмѣсто прежнихъ совершенно гладкихъ поверхностей, получились поверхности разбитыя на квадратныя поля. Съ введеніемъ этого способа, оказавшагося вполне цѣлесообразнымъ, было оставлено и обычное прежде расписыванье плоскостей, такъ какъ для этого на нихъ не оставалось почти мѣста. Расписыванье не было однакожъ совсѣмъ покинуто, но расписывали только рѣзбу, которая стала теперь главнымъ украшеніемъ. — Успѣхамъ столярнаго мастерства не мало помогло изобрѣтеніе лѣсопильныхъ мельницъ, слѣвавшее въ Аугсбургѣ около 1320 года, но распространившееся весьма медленно даже въ самой Германіи.

Кузнечное, мѣдничное и литейное мастерства шли тоже впередъ, постоянно обогащаясь новыми приспособленіями. Мѣхи были усовершенствованы, рабочій снарядъ увеличенъ и въ особенности обезпечено дальнѣйшее

<sup>1</sup> Ср. Viollet-Le-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français etc. pp. 11 sq., 366 sq.

развитіе формованью, изобрѣтеніемъ новыхъ способовъ сниманія, закрѣпленія и повторенія формъ. — Мѣдники продолжали заниматься преимущественно выдѣлкою сосудовъ, стараясь давать имъ, также какъ и другимъ своимъ издѣліямъ, всё болѣе и болѣе сложныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлесообразныя и по возможности красивыя формы. Даже и простая обиходная мѣдная посуда спрашивалась какимъ нибудь орнаментомъ, хотя и грубымъ. Только небольшіе, обыкновенно бронзовые, сосуды въ видѣ различныхъ фантастическихъ животныхъ, уже съ 12-го стол. изготовлявшіеся преимущественно въ Германіи, сохранили разъ усвоенную имъ форму. Производство этихъ сосудовъ особенно процвѣтало въ большихъ германскихъ городахъ (Аугсбургъ, Нюрнбергъ и др.), которые превзошли въ немъ даже и фландрскія города, и притомъ въ такой степени, что нѣмецкія издѣлія вездѣ признавались за лучшія. — Литейное мастерство расширило кругъ своихъ издѣлій тѣмъ, что кромѣ надгробій, большею частью съ углубленными орнаментами и фигурами, и различной церковной утвари, стало изготовлять въ постоянно возрастающемъ количествѣ и нецерковную утварь, даже кошнатную мебель, въ особенности разныхъ фасоновъ стулья. Этотъ родъ издѣлій появился во Франціи, оттуда перешелъ сначала вѣроятно въ Англію и затѣмъ уже въ Германію, гдѣ однако встрѣтилъ, кажется, мало сочувствія. Гораздо лучше принялся онъ въ Италіи и Испаніи, такъ какъ въ этихъ странахъ, влѣдствіе восточнаго вліянія, металлическое производство было изстари очень любимо. — Оловяныя издѣлія шли преимущественно изъ Германіи, въ особенности изъ Аугсбурга и Нюрнберга, которые были главными центрами этой промышленности. Издавна упрочившаяся извѣстность тамошнихъ оловяниковъ въ изготовленіи всякаго рода посуды постоянно возрастала, благодаря искусству ихъ придавать олову твердость черезъ прибавку къ нему другихъ металловъ, и вытѣчивать круглую посуду на особыхъ, для этой цѣли устроенныхъ станкахъ. — Даже и кузнечное мастерство усовершенствовалось нѣкоторыми новыми приѣмами. Превжній способъ, сначала выковывать вещь изъ цѣльнаго куска и потомъ её отдѣлывать, оказался несоотвѣтствующимъ ни постоянно возрастающему запросу на желѣзныя издѣлія, ни современному вкусу, требовавшему красивой формы. Поэтому, оставляя его для вещей крупныхъ и несложныхъ, кузнечные мастера для вещей мелкихъ и требовавшихъ болѣе тонкой отдѣлки обратились къ другому приѣму, состоявшему въ томъ, что каждое украшеніе вырѣзывалось или выбивалось на формѣ отдѣльно и потомъ уже припаивалось къ другимъ украшениямъ или къ самой вещи.

Камне ваеніе, развитіе котораго обуславливалось развитіемъ архитектуры и шло съ нимъ вровень, сдѣлало вмѣстѣ съ послѣдней блестящіе успѣхи и достигло какъ вообще, такъ и въ частности — въ изготовленіи нѣкоторыхъ предметовъ утвари, высокаго совершенства.

Въ какой мѣрѣ усовершенствовалось гончарное мастерство, какъ одно изъ самыхъ распространенныхъ вѣтвей сосудоваенія, объ этомъ, по недостатку точныхъ свѣдѣній, сказать ничего нельзя. Вѣроятно, что оно вездѣ оставалось при старинныхъ чисто ремесленныхъ приѣмахъ, за исключеніемъ одной Испаніи, гдѣ оно было поднято до степени искусства еще Маврами. Какъ свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшія древности этого рода, въ Испа-

ни уже издавна умѣли давать глинѣ самыя разнообразныя формы, лѣпить изъ нея труднѣйшія украшенія, обжигать еѣ необыкновенно прочно, покрывать цвѣтной поливой и золотить, тогда какъ въ другихъ странахъ, даже въ Италіи (за исключеніемъ можетъ быть Сициліи), такая техника, и то лишь въ нѣкоторой степени, была достигнута не ранѣе 15 ст. До тѣхъ же поръ тамъ умѣли выдѣлывать лишь очень незатѣйливую посуду, которую хотя тоже наводили глазурью и даже расписывали, но способами очень первобытными и безъ всякаго стремленія къ изяществу. Для поднятія гончарнаго производства выше ремесленнаго уровня, во всѣхъ этихъ странахъ неоставало прежде всего знанія пригоднаго для этого производства матеріала, а знаніе это было приобрѣтено не ранѣе слѣдующаго столѣтія.

Наконецъ, неговоря о многихъ другихъ мѣтѣ важныхъ ремеслахъ, тканье и вышиванье получили также значительное развитіе, благодаря увеличившемуся употребленію ковровъ, покрываль и пр. для украшенія стѣнъ, отдѣлки мебели. Въмѣстѣ съ этимъ усовершенствовались и кожаныя издѣлія какъ назначавшіяся для подобныхъ же цѣлей, такъ и другія, въ особенности кожаныя чахлы и футляры для мелкой утвари, которые все съ большимъ искусствомъ расписывали и отдѣлывали вытисненными украшениями. Въ тканьѣ ковровъ приобрѣли всесвѣтную извѣстность большіе фландрскіе города—Валансьенъ, Турвѣ, Однарль, Брюссель и Аррасъ, поимени котораго съ половины 14 стол. и самыя ковры стали называться *Arazzi*. Вышиванье процвѣтало преимущественно въ Англіи, а кожаныя издѣлія во Франціи, Германіи, Италіи и Испаніи.—

Что касается отдѣльныхъ видовъ утвари, то до самаго конца 14 стол. церковная утварь всё еще продолжала занимать первое мѣсто по своему роскошному и художественному исполненію. Изготовленіе этой утвари, вызвавшее къ жизни высшую ремесленность вообще, оставалось пока главнымъ факторомъ и дальнѣйшаго развитія послѣдней—обстоятельство, еще долгое время оказывавшее особенное вліяніе на формы нецерковной утвари.

Священные сосуды остались и впредь главнымъ предметомъ, на которомъ изоощрялись изобрѣтательность и искусство золотыхъ-дѣлъ-мастеровъ. Въ этомъ отношеніи между мастерами начался какъ бы родъ соперничества, которое привело къ результатамъ тѣмъ болѣе блестящимъ, что усилія мастеровъ находили себѣ поощреніе не только со стороны духовенства, но и со стороны нѣкоторыхъ государей, какъ напр. въ Германіи, со стороны императора Карла IV. Основныя формы священныхъ сосудовъ, какъ обусловленныя назначеніемъ послѣднихъ, разумѣется почти не допускали никакихъ дальнѣйшихъ измѣненій, но зато тѣмъ ревностнѣе заботились мастера объ отдѣлкѣ сосудовъ украшениями и, не ѣтупая отъ господствующаго вкуса, достигали въ ней всё большей свободы. Образцы украшеній они заимствовали въ архитектурѣ въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ чѣмъ прежде, и всё съ болѣею самостоятельностью перерабатывали ихъ въ разнообразныя сочетанія съ данною основною формою. Сосуды, по назначенію своему недопускавшія архитектурныхъ украшеній, какъ напр. *patena* (плоское блюдо для облатокъ), *fistula* или *sypho* (трубочка или рожокъ для принятія освященнаго вина) и др. сохранили и впредь разъ принятую для нихъ отдѣлку. *Patena*,

уменьшенная до того, что она дѣлалась немного шире устья чаши, которую ею накрывали, обыкновенно не имѣла никакихъ украшеній, кромѣ развѣ креста выгравированнаго посрединѣ. Другіе блюда и подлоны получили болѣе изящный профиль и болѣе богатую отдѣлку преимущественно листовыми орнаментами и арабесками, иногда съ примѣсью человѣческихъ и звѣриныхъ фигуръ. Сифоны (*sypho*) стали тоже красивѣе, особенно ихъ устье и ручки: первое дѣлалось круглое или многогранное, послѣднимъ обыкновенно давали форму ящерицъ или форму слегка выгнутыхъ валиковъ. — Разнаго рода кувшины и кружки, тоже не поддававшіеся архитектурной отдѣлкѣ, сохраняли пока свои прежнія основныя формы, но отдѣльныя ихъ части, какъ-то ручки, устье, стали разнообразнѣе и затѣйливѣе (фиг. 182 a—d). Были однакожъ сдѣланы попытки примѣнить и къ нимъ архитектурную отдѣлку: крышки ихъ украшали такими же точно листовыми шишками, какими въ архитектурѣ заканчивали шпицы башенъ (фиг. 182 d.), а подножкамъ давали форму круглыхъ архитектурно-разчлененныхъ розетокъ.

Фиг. 182.



Для всѣхъ же остальныхъ церковныхъ сосудовъ, какъ-то: чашъ, ковчеговъ, кадиль, дарохранильницъ и въ особенности реликваріевъ, эта форма украшеній сдѣлалась теперь самою употребительною.

Чашамъ (для св. Даровъ) стали давать яйцевидную, книзу заостренную форму, такъ что, сравнительно съ прежними, онѣ дѣлались глубже и уже. Стѣнки ихъ оставляли совсѣмъ безъ украшеній, которыя всѣ сосредоточивали на подножкѣ. Подножка, сохраняя въ общемъ усвоенную ей форму, оканчивалась въ нижней своей части не кругомъ, какъ прежде, а нѣсколькими наложенными одна на другую и къ низу расширяющимися розетками съ сильно вогнутыми плоскостями, съ украшеніями составленными изъ геометрическихъ фигуръ и доходящими до средняго яблока на стержнѣ подножки. Яблоко, съ такими же украшеніями, круглое или чечевицеобразное, съ выдающимся пояскомъ или ободкомъ посрединѣ, отдѣлялось теперь не какъ отдѣльное, вышнее украшеніе подножки, а какъ составная ея часть; точно также

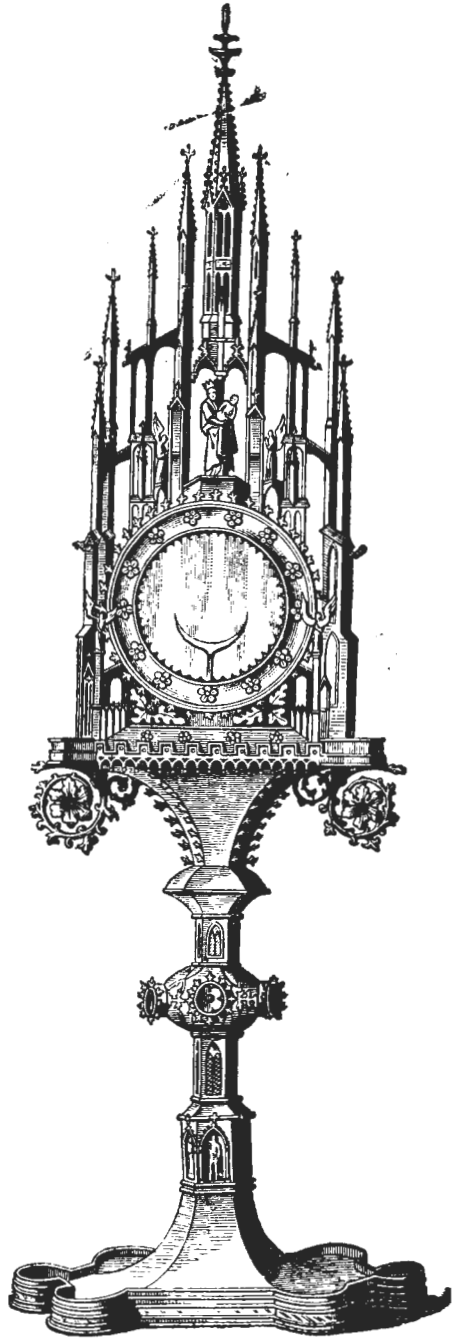
и верхняя половина подножки вполне соответствовала нижней и вместе с нею и яблоком составляла одно связанное архитектурно-расчлененное целое поддерживающее собственно чашу. Особенно богатые чаши украшали эмалью, филигранью и драгоценными камнями.

Фиг. 183.

Разнаго рода небольшія вмѣстилища, ковчежцы, представляли еще болѣе удобства для архитектурной отдѣлки. Ихъ выдѣлывали изъ золота, серебра, мѣди, слоновой кости и даже камня, и давали имъ разнообразнѣйшія формы: то круглую, то цилиндрическую, то многогранную, съ круглой, плоской или заостренной крышкой и съ ножкой или безъ нея. Всѣ такіе сосуды, преимущественно же цилиндрическіе и многогранные, украшали архитектурно, главнымъ образомъ расчленя ихъ поверхности болѣе или менѣе глубокими остроугольными нишами, между которыми иногда размѣщались фигурки и т. п. Архитектурную отдѣлку пытались перенести и на шарообразные сосуды (самая употребительная форма для дарохранильницъ), но попытки эти привели лишь къ затѣливому переплетенію валиковъ и розетокъ, которое одно только и допускалось самою формою сосудовъ.

Сосуды для св. воды, въ старинной формѣ ведерка съ подвижной дужкой, нерѣдко тоже отдѣлывали снаружи нишами. Теперь имъ стали чаще давать форму не цилиндра, а многогранника съ плоскими сторонами, а ручкамъ (которыя дѣлались въ видѣ длиннотѣлыхъ животныхъ: ящерицъ и т. п.) форму валиковъ, украшенныхъ листьями, звѣринными головами и т. п.

Изъ принятыхъ издавна формъ кадила — прорѣзнаго шара съ фигурными украшеніями (фиг. 26), и какого нибудь зданія, стали теперь предпочитать послѣднюю, согласуя



её съ господствующимъ архитектурнымъ стилемъ. Особенно богатымъ кадиламъ чаще всего давали форму башни окруженной небольшими угловыми башенками, всё это украшенное нишами, розетками, небольшими фигурками и красивою прорѣзью. Но и простыя кадила облѣзывали тоже архитектурно, въ видѣ восьмистороннихъ фонариковъ съ фронтонами и остроудужными арками, между которыми особенно замысловато размѣщались дымовыя отверстія.

Дарохранильницы, впервые введенныя только въ началѣ этого періода, около 1330 г., получали преимущественно архитектурную облѣвку. Стеклоянное или хрустальное вмѣстилище, которому обыкновенно давали чечевицеобразную или цилиндрическую форму, окружали рядомъ возвышающихся надъ нимъ стрѣльчатыхъ столбиковъ и башенокъ, соединенныхъ между собою перемычками. Эта верхняя часть дарохранильницы убиралась различными листовыми украшениями, розетками и круглыми фигурками (фиг. 183). Нижняя ея часть или подножка облѣзывалась также, какъ и подножка чашъ. Описанная форма не исключала, конечно, и другихъ, но была самою любимую, а въ отношеніи отдѣлки и образцовою для другихъ священныхъ утварей, преимущественно креста.

Реликваріи, для которыхъ уже и прежде существовали различныя формы, стали теперь еще разнообразнѣе. Впрочемъ, это разнообразіе касалось только украшеній и убранства вмѣстилища, которое само по себѣ имѣло очень простую форму, въ особенности если было стеклянное или хрустальное. Въ этомъ случаѣ ему давали обыкновенно форму шара, или цилиндра, или, всего чаще, форму чаши. Впрочемъ, иногда и хрустальные реликваріи облѣзывали въ видѣ птицы, обыкновенно голубя, причемъ стеклянная часть составляла туловище животнаго, или въ видѣ креста, помѣщая стеклянное вмѣстилище въ срединѣ или въ верхней части его. Такіе кресты дѣлались съ ножкою, какъ у чаши. Обыкновеннѣе же, хрустальные реликваріи вставлялись въ металлическую оправу, прорѣзную и архитектурно разчлененную, сдѣланную на подобіе ковчежца, утвержденнаго на столбикахъ, или поддерживаемаго фигурками. Реликваріи въ формѣ тѣхъ реліквій, которыя въ нихъ предполагалось хранить, дѣлались и теперь, но всё рѣже и рѣже. Если требовалось соединить вмѣстѣ нѣсколько отдѣльныхъ реліквій, то ихъ обыкновенно размѣщали на богатоукрашенной круглой или многоугольной доскѣ, которая утверждалась вертикально на подножкѣ, или на горизонтальномъ подножій, между двумя стоящими или колѣнопреклоненными фигурами ангеловъ или святыхъ. Наиболѣе употребительною для хрустальныхъ реликваріевъ была форма чаши на высокой подножкѣ и съ крышкою, которая облѣзывалась всегда архитектурно, въ видѣ группы островерхихъ башенокъ, съ разставленными между ними фигурками, и съ фигурою святого или распятіемъ на вершинѣ средней башенки. Такіе реликваріи совершенно походили на описанныя выше дарохранильницы (ср. фиг. 183). Дѣлали также реликваріи въ видѣ отдѣльныхъ круглыхъ или многостороннихъ башенъ, съ нишами и фигурками, въ видѣ различныхъ частей зданій, напр. колоннъ связанныхъ между собою архитравомъ, и наконецъ въ видѣ цѣлаго зданія — напр. церкви и т. п. Башнеподобныя реликваріи утверждались обыкновенно на высокой

ножкѣ, а остальные на плоскомъ поддонѣ. Чаше же всего реликваріямъ давали форму ковчеговъ или гробиковъ съ архитектурною отдѣлкою нишами, колонками, розетками и т. п.

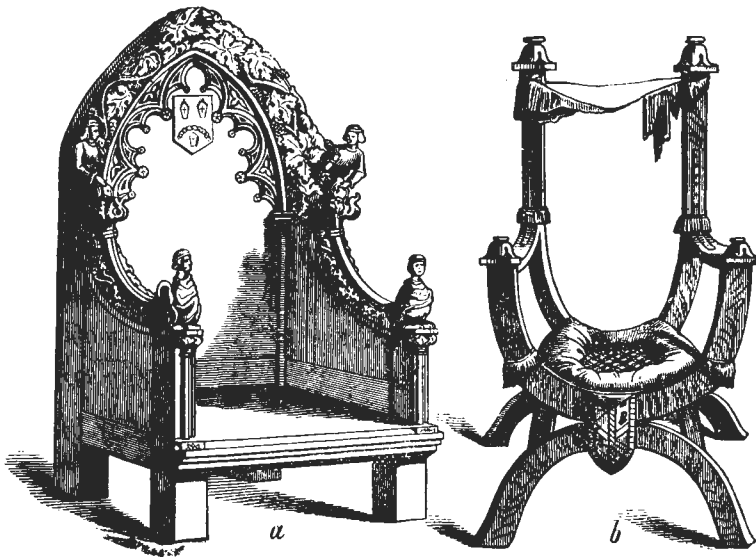
Купели, каменные или бронзовыя, удержали свою прежнюю основную форму чаши, иногда съ крышкою, и нерѣдко тоже отдѣлывались архитектурно, съ богатою орнаментаціею изъ отдѣльныхъ фигуръ или даже и цѣлыхъ фигурныхъ композицій, взятыхъ изъ священныхъ событій.

Изъ остальной церковной утвари, алтари и кафедры, какъ непосредственно связанныя съ самимъ зданіемъ, получали преимущественно архитектурную обдѣлку, даже представляли иногда настоящія подражанія или копии цѣлыхъ зданій. Такъ какъ теперь стало входить въ обычай одѣвать алтарные столы (престолы) болѣе или менѣе богатыми покрывами, то въ этихъ случаяхъ ихъ оставляли совсѣмъ безъ отдѣлки, или ограничивались только тѣмъ, что ребра и края стола обдѣлывали колонками и валиками. Но эта сравнительная простота вознаграждалась различными украшающими прибавками, болѣе же всего упомянутыми выше рѣзными, раскрашенными и позолоченными запрестольниками, которые нерѣдко дѣлались очень большихъ размѣровъ.

У разнаго рода церковныхъ сѣдалищъ — епископскихъ, клиросныхъ сидѣній и скамей — орнаменты сосредоточивались главнымъ образомъ на спинкахъ (прислонахъ), а у аналоевъ и лекторіевъ — на нижней ихъ части, на подножій. Спинки и ручки сидѣній дѣлались большею частью прямыя, рѣдко изогнутыя; обдѣлывались онѣ обыкновенно въ видѣ столбовъ или колоннъ связанныхъ лежащимъ на нихъ карнизомъ, съ помѣщенною между ними прорѣзною розеткою о трехъ или четырехъ лепесткахъ. Иногда вокругъ спинки шолъ орнаментъ изъ листьевъ, цвѣтовъ и завитковъ, перемѣшанныхъ съ человѣческими фигурками, нерѣдко очень фантастическими. Спинки сидѣній дѣлались всегда выше ручекъ, но теперь ихъ стали возвышать еще болѣе, особенно у клиросныхъ и епископскихъ сѣдалищъ, у которыхъ онѣ завершались балдахиноподобными навѣсами, тоже съ архитектурною обдѣлкою. Въ этомъ же стилѣ отдѣлывалась и нижняя часть сидѣній — ножки, или, какъ это чаще встрѣчалось и велось изстари, четырехстороннія вокругъ закрытыя тумбы. Сидѣнья выдѣлывали не только изъ дерева, но также изъ камня и металла; украшали ихъ, сверхъ рѣзбы, живописью, позолотою и (преимущественно въ Италіи) инкрустаціей. Кромѣ описанныхъ, имѣлись въ церквахъ сидѣнья меньшихъ размѣровъ и часто безъ всякой архитектурной обдѣлки, устроенныя на манеръ старинныхъ складныхъ стульевъ — съ выгнутыми спинками и поручаи. Нѣсколько такихъ стульевъ дошло до насъ; несмотря на слѣды позднѣйшей передѣлки, они могутъ быть отнесены къ концу описываемаго періода или — самое позднее — къ началу послѣдующаго (фиг. 184 а. в.); принадлежали ли они къ церковной утвари — неизвѣстно. — Подножія аналоевъ и лекторіевъ обдѣлывались преимущественно въ видѣ колоннъ на болѣе или менѣе широкой базѣ. Иногда подножіе состояло изъ одной колонны или многограннаго, поперегъ расчлененнаго столба, иногда изъ цѣлаго пучка столбовъ, или изъ главнаго столба, обставленнаго вокругъ меньшими столбами, съ промежутками между ними,

забранными прорѣзными украшеніями, но во всѣхъ этихъ случаяхъ стержень подножія, простой или сложный, составлялъ съ своимъ основаніемъ и верхомъ аналоя или лекторія одно связное и согласное цѣлое. Верхняя доска устраивалась всегда такъ, что ее можно было переворачивать. Въ рѣдкихъ случаяхъ, именно когда она была бронзовая, ей давали форму орла съ распертыми крыльями, сидящаго на шарѣ. Обыкновенно же верхъ аналоя состоялъ изъ одной четырехугольной, наклонно положенной доски, или двухъ такихъ досокъ, сложенныхъ вмѣстѣ верхними краями и связанныхъ боковыми треугольными стѣнками. Иногда вмѣсто двухъ наклонныхъ досокъ, располагали ихъ нѣсколько рядомъ и кругомъ, такъ что всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, представляли усѣченную верхушку многосторонней пирамиды. Постепенно, однакожь, стали вводиться покатыя пулты съ ящикомъ, въ который прята-

Фиг. 184.

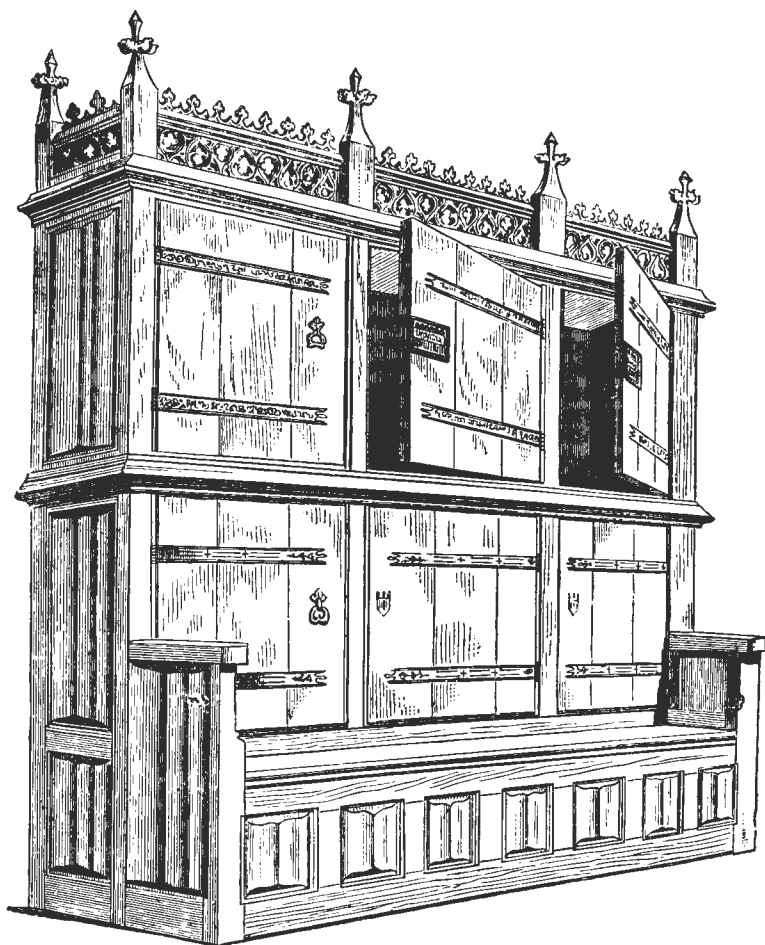


ли книги, и складныя этажерки изъ металлическихъ прутьевъ, устроенныя на подобіе козелъ, съ полосами кожи или толстой матеріи вмѣсто полокъ. Ихъ тоже отдѣлывали архитектурными орнаментами, гдѣ это было возможно—на верхнихъ перекладинахъ, шарнирахъ, подножкахъ.

Шкафы и сундуки, служившіе для храненія церковныхъ сосудовъ, облаченій и другихъ драгоценностей, сохранили, какъ кажется, свои обычныя простыя формы до самаго исхода этого періода, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и до половины 16 столѣтія (фиг. 185). Что касается шкафовъ, то ихъ продолжали дѣлать о нѣсколькихъ затворахъ (дверцахъ), расположенныхъ въ одинъ или два яруса, и на низкихъ ножкахъ, или безъ ножекъ. Для украшенія, переднюю ихъ сторону обтягивали пергаментомъ и расписывали; или украшеніемъ служили однѣ только желѣзныя полосы, набитыя на дверцы, и иногда рѣзной карнизъ, которымъ обводили верхъ шкафа. Такъ продолжалось до исхода столѣтія, когда эта простая отдѣлка уступила мѣсто болѣе искусной

и красивой. Сундуки дѣлались также на ножкахъ или безъ нихъ, съ плоскою, выгнутою или многогранною крышкою. Отдѣлывали ихъ также какъ и шкафы.

Фиг. 185.



Освѣтительные снаряды—паникадила и подсвѣчники, сохранили свои прежнія основныя формы, но отдѣлка ихъ стала богаче и художественнѣе. Большія паникадила (которымъ придавали символическое значеніе изображеній небснаго Иерусалима) устраивались главнымъ образомъ въ видѣ кольца или обруча, отъ котораго шли вокругъ свѣщники искусной прорѣзной работы, украшенные фигурками и другими орнаментами. Теперь, когда символическое значеніе паникадилъ утратилось, имъ стали давать форму шести- или осмьмиконечной звѣзды, а вмѣстѣ съ этимъ и отдѣлка ихъ стала разнообразнѣе, такъ какъ для нея пользовались всякаго рода орнаментами и архитектурными и фигурными, сверхъ того—живописью и позолотою (особенно для металлическихъ паникадилъ). Предполагать можно, что паникадила дѣ-

19°

лались иногда и деревянные рѣзныя, съ металлическими скрѣпами для прочности.

Основная колоннообразная форма подсвѣчниковъ, какъ наиболѣе соответствующая ихъ назначенію, осталась и теперь самую употребительную, постепенно всё художественнѣе вырабатываясь по архитектурнымъ образцамъ. Архитектурная обдѣлка была перенесена также и на подножіе и верхнюю часть подсвѣчника, такъ что и та и другая получали характеръ самостоятельнаго архитектурнаго члена. Если подсвѣчникъ дѣлался о нѣсколькихъ вѣтвяхъ, то эти послѣднія связывались съ главнымъ стержнемъ посредствующими членами, архитектурно. Ручные подсвѣчники отличались отъ поставныхъ (большихъ) почти одною только величиною, которая обыкновенно едва доходила до полуфута, а иногда бывала и менѣе. Лампады, кенкеты (стѣнные подсвѣчники) и фонари отдѣлялись тоже архитектурно, особенно послѣдніе, представлявшіе вполне архитектурныя построения.

Несмотря на такое преобладаніе архитектурной обдѣлки, она не исключала, однакожъ, и другихъ неархитектурныхъ формъ. Стержни небольшихъ, ручныхъ подсвѣчниковъ представляли иногда различныя сочетанія чрезвычайно вычурныхъ завитковъ и прорѣзныхъ украшеній, или состояли изъ цѣльныхъ фигуръ — ангеловъ, святыхъ, драконовъ и т. п., переплетенныхъ съ листовыми орнаментами.

Архитектурная обдѣлка распространилась также и на нагрѣвательные приборы. Всѣ эти приборы были, разумѣется, металлическіе. Изстари усвоенныя имъ формы: четырехугольныхъ ящичковъ на колесахъ и плоскихъ жаровень на высокихъ ножкахъ, были удержаны, въ особенности послѣдняя, которая преимущественно и отдѣлялась архитектурно, тогда какъ отдѣлку первой составляли прорѣзныя украшенія.

Различная мелкая церковная утварь, какъ-то: кресты престольные, распятія, переносные алтарники, такъ наз. „поцалуи мира“ (pases), вѣнды и т. п. — все вещи большею частью роскошной обдѣлки, исполнялись теперь съ большимъ изяществомъ, чѣмъ прежде. —

Относительно утвари нецерковной этого періода, можно принять, основываясь на изображеніяхъ и описаніяхъ ея, а также и на самой однородности вещей, что обдѣлка ея совершенствовалась въ томъ же направленіи, какъ и утвари церковной. Но такъ какъ она обнимала собою предметы болѣе разнообразныя чѣмъ послѣдняя, и которые притомъ же постоянно умножались, вслѣдствіе усложненія житейскихъ отношеній, то и формы ея представляли сравнительно гораздо большее разнообразіе.

Сосуды и прочая утварь изъ благородныхъ металловъ, назначенная не для обиходнаго употребленія, а для убранства и показа, составляла, до конца 13-го столѣтія, достояніе исключительно княжескихъ и знатнѣйшихъ фамилій, но съ этихъ поръ начинается встрѣчаться и въ домахъ средняго дворянства и у зажиточныхъ горожанъ. Во Франціи<sup>1</sup> употребленіе дорогихъ сосудовъ скоро при-

<sup>1</sup> Ср. для слѣдующаго особ. J. Labarte. Histoire des arts industriels au moyen-âge etc. T. II, p. 320 sq. и De Laborde. Notice des émaux etc. dans le musée du Louvre. II. (Glossaire).

няло такіе размѣры, что уже Филиппъ VI Красивый (1285 — 1314) не разъ пытался ограничить его. Опираясь на законъ о поддѣлкѣ металловъ, обнародованный при предшественникѣ его, Филиппѣ III Смѣломъ, онъ издалъ въ 1284 указъ, по которому только лица, имѣющія не менѣе 6000 турецкихъ ливровъ (*livres tournois*) годового дохода, имѣли право держать у себя серебряныя и золотыя сосуды, лица же менѣе состоятельные обязывались представить такіе сосуды, если они у нихъ были, на королевскій монетный дворъ. Надобно полагать, что мѣра эта оказалась мало дѣйствительною, такъ какъ въ 1310 г. она была усилена новымъ указомъ, запрещавшимъ золотыхъ-дѣль-мастерамъ выдѣлку подобныхъ сосудовъ. Но и это не помогло. Въ послѣдствіи Карль IV (1322—28) ограничился лишь запрещеніемъ сосудовъ дороже одной марки золота; послѣ него Филиппъ VI Валуа (1328—50) возобновилъ указъ 1310 г., который преемникомъ его Іоанномъ въ 1356 г. былъ снова ограниченъ въ смыслѣ постановленій Карла IV. Вообще, судьба всѣхъ подобныхъ указовъ была таже, что и постановленій объ одеждѣ: они оказывались недѣйствительными, потому что наблюденіе за исполненіемъ ихъ было невозможно. Но къ чему не могли придти законодательными мѣрами, то сдѣлалось само собой въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ. Упорная война съ Англіею (съ 1336 г.) и появившаяся въ это время моровая язва (черная смерть) значительно ослабили склонность къ роскоши вообще—но только временно. Едва успѣли настать болѣе спокойныя времена, какъ она пробудилась снова и роскошь стала распространяться съ возрастающею силою, чему особенно способствовало вліяніе богатой Бургундіи и роскошныя привычки короля Карла V (1364—1380). Какъ ревностный покровитель наукъ и искусствъ, онъ старался придать своему Двору возможно большій блескъ. Замки, которые онъ построилъ и въ которыхъ жилъ по очередно, были снабжены богатѣйшею мебелью и драгоценною посудю. Даже его ежедневная столовая посуда была золотая, прекрасной работы, вся покрытая разноцвѣтной эмалью и усыпанная драгоценными камнями. Въ каждомъ замкѣ была особая палата, гдѣ хранились дорогіе сосуды, разставленные на полкахъ вокругъ стѣнъ. Оставшееся послѣ него имущество оцѣнивали въ девятнадцать милліоновъ.

Развитію производства дорогихъ сосудовъ благопріятствовалъ немало обычай подносить ихъ, при какихъ нибудь торжественныхъ случаяхъ, въ даръ государямъ, высокопоставленнымъ и заслуженнымъ лицамъ, а также и въ частной жизни — дарить ими на свадьбахъ, крестинахъ и т. п. Когда король Іоаннъ въѣзжалъ въ Парижъ, возвращаясь изъ Англіи, городъ поднесъ ему серебряныхъ сосудовъ на 1000 марокъ. При въѣздѣ въ Парижъ королевы Изабелы, въ 1389 г., ей были поднесены, кромѣ многихъ другихъ вещей, — золотой судокъ (*nef*), два большихъ золотыхъ флакона (*flacons*), шесть золотыхъ *trempoires*, двѣ золотыхъ бонбоньерки (*drageoires*), двѣ такихъ же солонки, 6 золотыхъ *pots*, 12 серебряныхъ лампъ, двѣ дюжины серебряныхъ чашъ, 10 большихъ серебряныхъ блюдовъ, два серебряныхъ таза (*basins*).—Иногда даже уплата долговыхъ обязательствъ производилась, вмѣсто денегъ, золотой или серебряной посудой. Въ 1370 г. городъ Аугсбургъ уплатилъ наложенную на него императоромъ Карломъ IV контрибуцію драгоценными сосудами, на сумму 18000 гульденовъ. Вообще, къ концу этого періода

употребленіе драгоценной посуды сдѣлалось такъ всеобще, что въ каждой порядочной гостинницѣ имѣлись по крайней мѣрѣ серебряные стаканы.

Столовая посуда, какъ и вообще все принадлежавшее къ столовой утвари, отличалась особенно изящною отдѣлкою. Во Франціи она была разнообразнѣе чѣмъ гдѣ нибудь. Къ ней принадлежали такъ наз. *nefs* (судки), *fontaines*, *saliers* (солонки) и *trepieds* (треножники)—все большія, богато отдѣланныя посудыны, служившія главнымъ образомъ для убранства стола; затѣмъ, чаши (*écuelles*) и блюда (*plats*), въ которыхъ подавалось кушанье; напитки подавали въ *aiguières*, *justes*, *ydres*, *pots* и *flacons*, и пили ихъ изъ *hanaps*, *coups*, *gobelets* и *tasses*. Въ Германіи первому разряду сосудовъ (для украшенія стола) соответствовали *Schiffchen* или *Nachen*, *Bronnen*, *Salzfässer* и *Dreifüsse*; а второму (для напитковъ)—*Kannen*, *Flaschen* и *Humpen*, *Kelchen*, *Bechern* и *Tassen*.

*Nefs* (нѣм. *Schiffe*, *Nachen*; судки) были обыкновенно значительныхъ размѣровъ. Они заключали въ себѣ помѣщенія для пряностей, винъ и столовыхъ приборовъ, и ставились на столѣ передъ хозяиномъ. Имъ давали форму продолговатыхъ ящиковъ или бауловъ, иногда зданій, башенъ и даже цѣлыхъ укрѣпленныхъ замковъ, но чаще всего, форму вполне оснащенныхъ кораблей (откуда и названіе ихъ). Въ послѣднемъ случаѣ весь корабль съ мачтами и реями дѣлалъ изъ золота или позолоченаго серебра, паруса изъ шелковой матеріи, а подножіе, на которомъ онъ стоялъ и которое изображало воду,—изъ чистаго серебра. Судки всѣхъ названныхъ формъ убирала фигурками, человѣческими и звѣринными, и разными другими орнаментами, выкладывали эмалью, жемчугомъ и драгоценными камнями. Небольшіе судки, назначенные для приправъ (судки въ нашемъ смыслѣ), были хрустальные, въ золотой или серебряной оправѣ. Они назывались *navettes* (нѣм. *Schiffchen*).

*Fontaines* (нѣм. *Bronnen*)—большія вмѣстилища для вина, имѣвшія обыкновенно форму какого нибудь зданія, и внизу снабженныя однимъ или нѣсколькими кранами. Иногда *fontaine* обставляли различными сосудами для питья и разливанья вина, соединяя все въ красивую группу. Подъ 1353 г. упоминаются между прочимъ: большой *fontaine* въ видѣ замка окруженнаго вооруженными воинами; при немъ *hanap* и *quarte* (сосуды для питья) выложенные эмалью; хрустальный *fontaine* о трехъ *brides* (кранахъ?), съ хрустальнымъ кубкомъ (*gobelet*), служившимъ ему крышкою.

Солонки (*saliers*; нѣм. *Salzfässer*) занимали самое видное мѣсто въ убранствѣ стола. Ихъ обыкновенно было нѣсколько у каждаго хозяина, а богатые люди имѣли ихъ по 20 и болѣе штукъ. Хотя солонки и назначались для одной только соли, тѣмъ не менѣе размѣры ихъ бывали нерѣдко очень значительны. Изъ различныхъ формъ, которыя имъ давали, самую любимую была форма богато орнаментированнаго корабля съ разными фигурными прибавками. У Карла V (около 1380) была золотая солонка, сдѣланная въ видѣ корабля, на обоихъ концахъ котораго было по дельфину, а внутри его сидѣли двѣ обезьяны съ веслами. Кузовъ корабля былъ обложенъ 8 рубинами, 8 сафирами и 28 жемчужинами; съ золотой мачты, на вершинѣ которой сидѣла обезьяна на золотой цѣпи, спускались четыре жемчужныхъ снурка, съ двумя просверленными рубинами, двумя сафирами и боль-

шою жемчужиной; поддонъ былъ выложенъ 8 рубинами, 8 сафирами и 24 жемчужинами. Солонкамъ давали также форму бокаловъ съ крышкой и на короткой ножкѣ, или форму чашъ, раковинъ и т. п. Бокалъ или чаша дѣлалась хрустальная, а подножка металлическая въ видѣ какого нибудь животного, чаще всего змѣи дерущейся съ какой нибудь фантастической птицей, или нѣсколькихъ змѣй, которыя, обвиваясь вокругъ чаши, поднимаютъ головы надъ ея краями. Были также солонки на плоскихъ поддонахъ, уставленныхъ фигурками воиновъ, играющихъ музыкантовъ и т. п. Подъ 1363 г. описывается солонка изъ хрусталя и золота, сдѣланная въ видѣ закрытаго бокала, поддерживаемаго тремя дамами.

Треножники (*trépiés* или *trépieds*; нѣм. *Dreifüsse*) служили какъ подставки для особенно большихъ блюдъ и чашъ, и какъ украшеніе для стола. Первые дѣлались умѣренной вышины, послѣдніе, напротивъ, очень высокіе. Тѣ и другіе отдѣлялись преимущественно архитектурно, т. е. ножкамъ ихъ давали форму колоннъ и столбовъ, не лишая ихъ впрочемъ и другихъ неархитектурныхъ украшеній; напр. ножки треножника соединяли между собою прорѣзными связками, обвивали рѣзными гирляндами, размѣщали между ними человѣческія и звѣриныя фигурки, отдѣльно и въ различныхъ группахъ. Вообще, и этой въ сущности простой утвари умѣли придавать самыя прихотливыя и разнообразныя формы и, убирая её эмалью, драгоценными камнями, обращать въ изящное и вмѣстѣ роскошное украшеніе.

*Escuelles* походили на нынѣшнія тарелки и были различной величины и глубины. Онѣ дѣлались то круглыя, то овальныя, то многоугольныя. Такой же формы дѣлались и *plats*, изъ которыхъ у большихъ были ручки въ видѣ петель. Подъ 1380 г. упоминаются—3 дюжины большихъ золотыхъ блюдъ, всѣ одного фасона и гладкія; 6 большихъ блюдъ серебряныхъ вызолоченныхъ, для мясныхъ кушаній; по краямъ у нихъ по 4 лиліи; двѣ дюжины такихъ же блюдъ для фруктовъ, по краямъ украшены рѣзбою; дюжина серебряныхъ вызолоченныхъ *escuelles*.

Изъ сосудовъ, въ которыхъ подавали на столъ напитки, *aiguières* и *ydres* употреблялись исключительно для воды, *pots*, *justes* и *flacons* преимущественно для вина, которое подавали также въ  *fioles* и *bouteilles*. Всѣ эти сосуды выдѣлывались въ формѣ кувшиновъ, кружекъ и флягъ, съ крышками и безъ крышекъ, или (какъ фляги) съ пробкою, съ ручками (одною или двумя) и совсѣмъ безъ ручекъ; нерѣдко однакожъ имъ давали форму какого нибудь животного и т. п. Всѣ они (даже и *bouteilles*) были металлическіе: серебряные, серебряные-вызолоченные, даже золотые, съ рѣзными украшеніями, эмалью, жемчугомъ и т. д. Въ инвентаряхъ, въ числѣ различной посуды болѣе простыхъ формъ, упоминаются (подъ 1353 г.): двѣ *aiguières*, одна представляетъ „человѣка съ змѣею“, другая—„человѣка сидящаго на пѣтухѣ“, обѣ вызолочены и отдѣланы эмалью; (подъ 1363 г.): круглая *aiguière*, вызолочена съ эмалью, на ручкахъ гербы Франціи и Наварры; (подъ 1379): нѣсколько *aiguières* въ видѣ звѣриной головы, пѣтуха, оленя и др; (подъ 1380 г.): двѣ *ydres* золотыхъ, на нихъ посрединѣ львиная голова, съ боковъ по одному человѣку, которые держатъ ручки, на подножкахъ эмальерованныя картинки; *ydre* золотая гладкая, съ крышкой, на ней два  *fleurs*

de lys изъ эмали; (подъ 1360): pot круглый, вызолоченный, чеканной работы, съ ручкой, на которой эмальированный гербъ Франціи; (подъ 1380 г.): два большихъ flacons, сплошь покрыты эмалью, съ двумя ручками каждый, въ видѣ змѣй, тонкой работы изъ кипрскаго серебра; два большихъ флакона въ видѣ раковинъ, по сторонамъ дельфины; (подъ 1396 г.): fiole для розовой воды, золотая, на зеленомъ эмальированномъ поддонѣ; на немъ два волка, а посрединѣ fiole два зеркала обложенныя 24-мя жемчужинами; и т. д.

Мѣры жидкостей: chopines (нѣм. Schoppen, Nössel), quartes (нѣм. Viertel) и pintes (нѣм. Pinten, Kannen) были вѣроятно разной вмѣстимости, смотря по мѣсту и времени. Среднимъ числомъ на кварту приходилось двѣ пинты, а на пинту двѣ шопины. Формы ихъ въ точности неизвѣстны, но вѣроятно онѣ приближались къ формамъ кружекъ и кубковъ. Есть указаніе, что ихъ нерѣдко отдѣлывали очень богато и онѣ служили для украшенія стола на ряду съ другою дорогою посудою. Кварты и пинты иногда соединяли съ aiguière. Въ инвентаряхъ встрѣчаются (подъ 1380 г.): большая вызолоченная chopine, устье которой представляетъ человѣческую голову съ разинутымъ ртомъ; (подъ 1363 г.): вызолоченная и покрытая зеленою эмалью (à oiseles) кварта и при ней такая же aiguière; кварта съ aiguière, обѣ изъ золоченаго серебра съ эмалевымъ гербомъ Бургундіи; небольшая серебряная пинта съ эмалевымъ гербомъ Энюранъ-де-Мариньи, и такая же при ней aiguière.

Питейные сосуды выдѣлывали изъ различныхъ, большею частью дорогихъ матеріаловъ: золота, серебра, слоновой кости, рѣдкаго дерева, кромѣ того—изъ стекла, страусовыхъ яицъ, кокосовыхъ орѣховъ, раковинъ, роговъ и т. п. Формы этихъ сосудовъ, хотя онѣ обуславливались въ нѣкоторой степени ихъ назначеніемъ, были тѣмъ не менѣе очень разнообразны. Одни имѣли видъ чаши, другіе кубка, третьи боченка. У однихъ были крышки и подножки, другіе были безъ крышки или безъ подножки. Крышки у большихъ сосудовъ, какъ coupes, hanaps, gobelets (чаши и кубки) дѣлались съ запоромъ. Tasses хотя и были иногда съ крышкой, но всегда безъ подножки, а только съ одной или двумя ручками. Сосуды изъ страусовыхъ яицъ, раковинъ, кокосовыхъ орѣховъ, дѣлали обыкновенно на подножкахъ и обдѣлывали богатою оправою; рога большею частью имѣли двѣ подножки, въ видѣ львиныхъ или орлиныхъ лапъ, а верхушку ихъ, или острый конецъ, украшали львиной или орлиной головой, золотой или серебряной, съ эмалью и драгоценными камнями. Изъ болѣе простыхъ сосудовъ, которые приготавливались цѣлыми дюжинами по заказу нѣкоторыхъ знатныхъ господъ, упоминаются: (подъ 1380 г.): старинная soure, съ крышкой, устьянная выпуклыми змѣйками и эмалевыми червячками; другая soure, снаружи украшенная эмалевыми изображениями дикихъ звѣрей, а внутри рѣзбою; (подъ 1358 г.): золотой hanap на подобіе чаши, въ оправѣ покрытой изображениями дикихъ звѣрей и птицъ; снаружи и внутри эмальированъ; (подъ 1363 г.) hanap съ крышкой, на ножкѣ образуемой тремя курицами; (подъ 1372 г.) hanap серебряный вызолоченный, съ крышкой, на которой эмалевое изображеніе исторіи Людовика святаго, ножка изъ трехъ крылатыхъ змѣй; (подъ 1352 г.) gobelet золотой въ видѣ бочки поддерживаемой тремя собаками; (подъ 1353 г.)

два хрустальных *gobelets*, одинъ безъ крышки на серебряной вызолоченой ножкѣ, другой тоже безъ крышки и ножки, въ серебряной вызолоченной оправѣ, на поддонѣ; (подъ 1380 г.) золотая *tasse*, гладкая, съ очень плоской крышкой, на ней золотая пуговка, составленная изъ шести кубиковъ, внутри эмалевый гербъ Франціи, окруженный звѣздами; 4 золотыхъ чашечки (*tassettes*), у каждой по двѣ ручки, въ видѣ дамы держащей въ рукѣ два флага, по сторонамъ дамы два дракона.

Кромѣ собственно столовой посуды (перечисленной выше), имѣлась посуда комнатная, къ которой принадлежали такъ наз. *drageoirs* (для конфетъ, фруктовъ и т. п.), различные *pots à eau* (кувшины для воды) и *basins* (тазы). О формѣ и облѣлкѣ ихъ можно судить по слѣдующей выпискѣ изъ инвентарей: (подъ 1363 г.) золотой *drageoir* съ двумя такими же ножками; (подъ 1380 г.) серебряный вызолоченный *drageoir*, съ эмалевыми рисунками по краю; такой же *drageoir*: чаша на подножкѣ (*patte*) въ формѣ розетки, на краяхъ французскіе гербы; (подъ 1328 г.) *pot à eau* въ видѣ льва, на которомъ сидитъ завернутый въ плащъ человекъ; (подъ 1372 г.) серебряный *pot à eau*, на половину змѣя, на половину человѣческая фигура; (подъ 1363 г.) бритвенный тазикъ (*basin à barbier*) изъ полированного серебра, по краю усаженъ небольшими серебряными возвышеніями; (подъ 1379 г.) такой же тазикъ съ круглой ручкой, на краю вырѣзаны львы; (подъ 1363 г.) два умывальныхъ таза (*basins à laver*), снаружи вызолочены, внутри на днѣ эмалевый гербъ; (подъ 1378 г.) большой тазъ (*basin*) золоченаго серебра, съ двумя ручками, по краю рѣзба, внутри на днѣ эмалевая розетка съ изображеніемъ льва и дамы посрединѣ ея; онъ ставился на желѣзный поставъ. Кромѣ того были тазики (*basins*) для мытья рукъ во время стола, для мытья головы, тазики въ которые ставили лампы и мн. др.

Ложки (*cuiller*) были золотыя, серебряныя, хрустальныя, изъ слоновой кости; ножи (*couteau, coustel, coutel*) и вилки (*furcheste, fourchette*) большею частью стальные; послѣднія также золотыя и серебряныя и всегда о двухъ зубахъ. Въ инвентаряхъ ложки обыкновенно упоминаются вѣдѣтъ съ вилками: (подъ 1313 г.) три серебряныхъ вилки для фруктовъ; (подъ 1316 г.) двѣ ложки прорѣзной работы для кухни; (подъ 1328 г.) четыре хрустальныхъ ложки, пять маленькихъ вертеловъ (*broches*) изъ коралла и двѣ вилки; (подъ 1363 г.) ложка и вилка золотыя, на черенкахъ по сафиру; (подъ 1372 г.) ложки серебряныя прорѣзныя съ деревяннымъ черенкомъ; (подъ 1380 г.) ложка и вилка золотыя, на каждой по рубину и по пяти жемчужинъ; (подъ 1389 г.) двѣ ложки и двѣ вилки золоченаго серебра и къ нимъ 9 люжинъ ложекъ серебряныхъ; (подъ 1380 г.) два ножа для разниманья мяса, два ножа среднихъ и одинъ маленькій, черенки алоеваго дерева украшены эмалью золотомъ и съ жемчужинами на концахъ; небольшой ножъ (*coutel*) съ серебрянымъ черенкомъ въ видѣ лиліи. За столомъ употреблялись однѣ ложки, а ножи и вилки почти исключительно для разрѣзыванья кушанья, или только для сыра и фруктовъ<sup>1</sup>. Всѣ блюда подавались на столъ уже изрѣ-

<sup>1</sup> По этой причинѣ въ самыхъ богатѣйшихъ инвентаряхъ 14-го и 15-го стол., при значительномъ количествѣ ложекъ, упоминается всегда только небольшое число вилокъ. Напр. у королевы Jeanne d'Evreux при 64 ложкахъ была только одна вилка, хранив-

занными на мелкіе куски, которые клали въ ротъ пальцами. Такъ велось даже между знатными до конца 15 ст., а у среднихъ классовъ до 17-го ст. При этомъ не было даже и салфетокъ, а руки обтирали или хлѣбнымъ мякишемъ, или прямо о скатерть. Приборъ ставился на двоихъ гостей, такъ что двое, обыкновенно кавалеръ и дама, ѣли съ одной тарелки и пили изъ одного стакана.

Но не одна только дорогая посуда играла роль въ убранствѣ стола, а также и нѣкоторыя блюда, которые особо для этой цѣли приготовлялись и убирались различными украшеніями, нерѣдко даже золотыми и серебряными. Такими блюдами были вообще печенья и преимущественно пастеты. Ихъ дѣлали иногда очень большихъ размѣровъ, то въ видѣ замковъ, осаждаемыхъ и защищаемыхъ многочисленными воинами, то въ видѣ оснащенныхъ и вооруженныхъ кораблей, то въ видѣ животныхъ, отдѣльныхъ или въ группахъ. Очень любимо было блюдо въ видѣ павлина. Для приготовления его, снятую съ перьями кожу настоящего павлина натягивали на серебряный каркасъ, наполняли кушаньемъ, и распутивъ красивый хвостъ птицы, подавали на золотомъ блюдѣ. Позднѣе, въ исходѣ вѣка, это натуральную оболочку иногда замѣняли искусственною изъ серебра или золота съ разноцвѣтною эмалью.

Такое роскошное убранство встрѣчалось лишь на столахъ княжескихъ и знатныхъ людей, да и то въ особенныхъ случаяхъ, у людей же незнатныхъ ежедневная столовая посуда была очень проста: у зажиточныхъ она была оловянная, у небогатыхъ большею частью глиняная и деревянная. Кухонная посуда дѣлалась мѣдная луженая, желѣзная, глиняная. Стеклованная посуда была пока рѣдкостью и даже богачи имѣли ее въ небольшомъ только количествѣ.

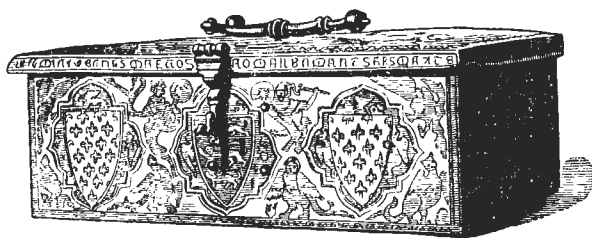
Мебель, или комнатная утварь въ тѣсномъ смыслѣ, становилась тоже постепенно разнообразнѣе и красивѣе въ формахъ и отдѣлкѣ. Это усовершенствованіе мебели шло параллельно съ расширеніемъ и улучшеніемъ жилыхъ помѣщеній, сначала домовъ богатыхъ дворянъ, а затѣмъ и домовъ зажиточныхъ горожанъ. Во второй половинѣ 13 ст., сначала въ Италіи и Испаніи, а вскорѣ потомъ и во Франціи, началась перестройка существовавшихъ зданій и постройка новыхъ сообразно съ развившимися потребностями. Теперь уже оказалось недостаточно одной комнаты, которая служила бы и для пріема гостей, и спальней, и кабинетомъ, а потребовалось для каждаго назначенія отдѣльное помѣщеніе. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ, кромѣ комнатъ хозяйскихъ, были устроены отдѣльно отъ нихъ помѣщенія для гостей. Всѣ комнаты были снабжены нужною мебелью, стѣны покрыты деревянными панелями, гладкими или съ рѣзьбой, или обтянуты коврами, кожею иногда расписанною. Окна закрывали занавѣсками или деревянными створчатыми ставнями. Мебель и другая комнатная утварь изготовлялась преимущественно изъ дерева, но также изъ бронзы, желѣза, кости и другихъ матеріаловъ; для украшенія употреблялась рѣзьба, расписыванье красками, наборная работа, фигурная металлическая обивка и т. п.

---

шяся въ особомъ футлярѣ: у герцогини Туранской при 9 дюжинахъ ложекъ тоже одна только золотая вилка; у Карла V было нѣсколько вилокъ, но исключительно для сыра, который ѣли тогда съ медкимъ сахаромъ и корицей.

Шкафы, сундуки, пульты для чтения и письма, освѣтительные приборы сначала во всемъ походили на соответствующую имъ церковную утварь, отличаясь лишь болѣе сообразными съ ихъ свѣтскимъ назначеніемъ украшеніями. Изъ описываемаго періодадо насъ дошло лишь нѣсколько сундучковъ, нѣсколько металлическихъ подсвѣчниковъ очень странныхъ формъ, и небольшое количество мелкихъ металлическихъ вещей, ключей, оковокъ и т. п. Сундучки различной величины, продолговато-четыреугольные съ плоскою, иные съ двускатною и полукруглою крышкою, сдѣланы одни изъ кости, другіе изъ дерева; сундучки изъ кости украшены снаружи рѣзбою, деревянные или обтянуты бархатомъ или расписаны красками по пергаменту или кожѣ (фиг. 186 и 187); подсвѣчники состоятъ болѣею частью изъ четырехсторонняго или многограннаго подстава, массивнаго или прорѣзнаго, съ остриемъ посрединѣ, на которое насаживалась свѣча; иногда на подставѣ поставлена мужская фигура въ современномъ костюмѣ, съ поднятыми руками, въ которыхъ держитъ по плоскому кружку съ трубочкой для свѣчи посрединѣ. Въ

Фиг. 186.



Фиг. 187.



инвентаряхъ этого времени показаны подсвѣчники золотые, серебряные и золоченаго серебра съ эмалью. Поль 1380 г. упоминаются 6 серебряныхъ подсвѣчниковъ, каждый въ видѣ стоящаго на зеленомъ, эмалевомъ поддонѣ слона съ башенкой на спинѣ.

Изъ сѣдалищъ самую роскошною отдѣлкою отличались прежде всего, какъ само собою разумѣется, — троны, и затѣмъ почетныя сѣдалища, которыя при торжественныхъ церемоніяхъ и празднествахъ предлагались высокопоставленнымъ лицамъ въ знакъ особаго почета. Троны и тронныя кресла въ большинствѣ случаевъ изготовлялись еще по стариннымъ образцамъ, т. е. въ видѣ четырехугольнаго сидѣнья съ высокимъ вертикальнымъ прислономъ изъ двухъ столбиковъ, соединенныхъ перекладиною или и безъ перекла-

дивы, и въ видѣ стула на перекрещивающихся ножкахъ, которыя, однакожъ, дѣлались теперь чаще не прямыми, а выгнутыми, и самые стулья не складными по прежнему, а неподвижными въ своихъ частяхъ и съ выгнутыми ручками (ср. фиг. 846). Надъ тронными сидѣньями устраивали балдахины, въ видѣ вертикальной стѣнки, которая поднималась позади кресла, или даже составляла продолженіе его прислона и завершалась горизонтальнымъ навѣсомъ. Какъ самыя сидѣнья, такъ и балдахины надъ ними и ножныя скамеечки, приставлявшіяся къ сидѣньямъ, были большею частью деревянныя, украшенныя рѣзбою, живописью, позолотой, инкрустаціями, золотыми и вызолоченными орнаментами, разноцвѣтною эмалью, иногда даже драгоценными камнями и жемчугомъ. Если же сидѣнья или кресла дѣлались металлическія, чаще всего бронзовыя, то имъ давали возможно красивыя формы, покрывали орнаментами чеканной работы и вообще роскошно отдѣлывали. Прислоны тронныхъ креселъ, концы ручекъ, а иногда и подножія ихъ, любили украшать головами или цѣлыми фигурами львовъ, тигровъ, собакъ, какъ символами силы, власти и бдительности. Ступени троннаго подножія обивалась обыкновенно ковромъ; иногда и самое сидѣнье покрывалось дорогимъ ковромъ, но чаще подушкою. Какъ подушка, такъ и коверъ, а также и балдахинъ, если онъ былъ не деревянный, дѣлались изъ одинаковой матеріи, обыкновенно шелковой пурпурнаго цвѣта, или изъ такого же бархата съ золотыми узорами. Спинки деревянныхъ балдахиновъ поднималась обыкновенно сзади кресла и отдѣльно отъ него съ самого пола, и чаще всего прикрѣплялись непосредственно къ стѣнѣ.—Почетныя сѣдалища по устройству походили на тронныя кресла, но были менѣе роскошно отдѣланы и безъ упомянутыхъ символическихъ фигуръ. Они были деревянныя и украшеніе ихъ состояло главнымъ образомъ изъ рѣзбы, которая однакожъ не исключала и другіе способы отдѣлки—живопись, позолоту, металлическіе орнаменты. Сидѣнья ихъ точно также покрывали подушками, обтянутыми дорогой шелковой матеріей или бархатомъ, а подножки обтягивали ковромъ, но высокія ихъ спинки не заканчивались балдахиномъ, а иногда завѣшивались какою нибудь матеріей. Были впрочемъ почетныя сѣдалища и другихъ формъ, менѣе массивныя и съ болѣе низкимъ прислономъ и сидѣньемъ; ихъ обыкновенно ставили на подставъ, чтобы сѣлать выше.—Обыкновенныя сидѣнья, стулья и кресла, были деревянные и металлическіе и представляли самыя разнообразныя формы: ихъ дѣлали то на ножкахъ, то на четырехугольномъ основаніи, то съ ручками и спинкой одинаковой вышины, то съ высокою спинкой, съ кривыми или прямыми ручками и ножками. Отдѣлка ихъ была, разумѣется, различна, но состояла большею частью изъ рѣзбы на спинкѣ и ручкахъ. Не очень высокія спинки креселъ иногда обивали вокругъ ковромъ. Старинныя складныя табуреты безъ спинокъ продолжали по прежнему составлять принадлежность комнатной мебели, точно также какъ скамьи и лавки, которыя однакожъ стали теперь дѣлать и красивѣе и удобоподвижнѣе: длинныя тяжелыя лавки, прежде тянувшіяся вдоль стѣнъ, были замѣнены небольшими лавками, которыя представляли по стѣнамъ одну подлѣ другой. Эти лавки дѣлались на довольно высокіхъ ножкахъ и съ высокою спинкою и боковыми, большею частью прямолинейными прислонами или ручками. Скамьи и лавки были различной длины—до 12 футовъ и болѣе. Длинныя скамьи раздѣлялись поперечными

стѣнками или ручками на нѣсколько отдѣльныхъ сидѣній. Подобныя скамьи часто упоминаются въ инвентаряхъ; такъ, между прочимъ, подъ 1365 г. записаны: „дубовая скамья со спинкою въ двадцать фут. длины: приставлять къ большому обѣденному столу короля“; потомъ: „шесть скамей, три по 12 и три по 7 фут. длины“ и „къ сорока-шести обѣденнымъ столикамъ столько же скамеекъ“. Эти скамейки были вѣроятно очень невелики, для одного или много для двухъ; онѣ дѣлались иногда съ круглымъ, иногда съ треугольнымъ сидѣньемъ на трехъ ножкахъ, связанныхъ перекладинами. Большія скамьи дѣлались также двойныя, значительной ширины, съ боковыми стѣнками и прямымъ, подвижнымъ на шарнирѣ прислономъ, который шолъ посрединѣ скамьи, такъ что на ней могли сидѣть нѣсколько человѣкъ спина къ спинѣ. Такія скамьи ставили обыкновенно противъ каминовъ, и тамъ иногда на нихъ спали, перекинувъ черезъ спинку скамьи коверъ, чтобы защитить себя отъ сильнаго жара. Сундуки и баулы, назначенные собственно для хранения платья, бѣлья, денегъ и другихъ вещей, играли очень важную роль въ мебелировкѣ комнатъ, такъ какъ служили вмѣстѣ и для сидѣнья, а въ случаѣ нужды замѣняли и столы. До половины 16 вѣка даже при образованнѣйшихъ дворахъ не считалось неприличнымъ садиться на такіе сундуки во время многочисленныхъ собраній.—Подушки для сидѣній и подъ ноги до исхода столѣтія дѣлались какъ и прежде, или плоскія четырехугольныя или валикомъ; но впоследствии, первымъ стали давать и круглую форму, а послѣднимъ овальную и шарообразную; спинныя подушки дѣлались обыкновенно розеткою. Обтягивали подушки матеріями яркихъ цвѣтовъ, обшивали по краямъ каймами, по угламъ кистями; для набивки употребляли шерсть и перья.

Еще большее разнообразіе, какъ въ отношеніи матеріала, такъ и отдѣлки и формы, представляли столы. Кромѣ деревянныхъ, были столы каменные и металлическіе, и столы изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ вмѣстѣ. У маленькихъ столиковъ, доски дѣлались иногда составныя изъ разнаго дерева. Для угощенія многочисленнаго общества накрывали длинные столы, состоявшіе изъ складнаго станка, на который настилались доски; впрочемъ, уже и въ это время стало входить въ обычай разсаживать гостей за небольшіе столики, накрытые на два или на четыре прибора. Обѣденный столъ накрывали скатертью, которая не всегда была бѣлая, а иногда цвѣтная или узорчатая, посрединѣ застланная бѣлымъ полотномъ. Каменные столы, почти всегда очень массивные, составляли мебелировку большихъ покоевъ нижняго этажа. Металлическихъ столовъ было вообще мало, но за то бронзовые и желѣзные пулты для читанья и письма распространялись все болѣе и болѣе. Во второй половинѣ столѣтія появились, какъ нововведеніе, складные столы, буфеты (buffets) и горки (dressoirs) для дорогой посуды. До тѣхъ поръ было въ обычаѣ, большіе сосуды съ виномъ ставить подлѣ обѣденнаго стола, прямо на полъ или на невысокій подставъ, и покрывать. Этотъ обычай сталъ понемногу выводиться въ знатныхъ домахъ; вино начали ставить на особые, исключительно для этой цѣли назначенные столы, на которыхъ размѣщали также и всю питейную посуду. Эти столы имѣли видъ продолговатаго четырехугольнаго ящика на 4 или 6 ножкахъ, связанныхъ доской, на которую ставили крупныя сосуды; ящикъ былъ раздѣленъ на двое и каждая половина запиралась дверцей. Буфеты имѣли тоже форму большихъ четырехугольныхъ

или круглыхъ столовъ о четырехъ или шести ножкахъ. На буфетѣ разставлялись пряности, фрукты, печенья и конфекты, иногда также и дорогіе золотые и серебряные сосуды, для чего на верхней доскѣ буфета устраивали нѣчто въ родѣ этажерки изъ двухъ или трехъ полокъ. Въ этомъ видѣ буфетъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ горкою (*dressoir*), но отличался отъ нея тѣмъ, что былъ доступенъ со всѣхъ сторонъ и ставился какъ столъ, обыкновенно посрединѣ комнаты, тогда какъ настоящій *dressoir* походилъ скорѣе на шкафъ съ полками, открытый спереди, и всегда ставился къ стѣнѣ. Впрочемъ, эти различія мало по малу исчезли въ теченіи 15 вѣка, и обѣ мебели слились въ одну, которой давали то одно, то другое названіе. Верхнія доски запасныхъ столовъ и буфетовъ накрывали скатертями шерстяными или полотняными, обыкновенно бѣлыми, иногда узорчатыми съ цвѣтными коймами, или обшитыми позументомъ и бахромой.

Кровати стали дѣлать ниже, чѣмъ прежде (сравни. фиг. 30), и съ высокою прямою стѣнкою въ головахъ. вмѣсто одного матраца, клали два одинъ на другой, и сверхъ изголовья еще особую головную подушку; вмѣстѣ съ этимъ и ширина отдѣла была увеличена, въ особенности верхняго покрывала, которое теперь закрывало всю постель вмѣстѣ съ кроватью, вслѣдствіе чего эта послѣдняя отдѣлялась уже менѣе богато, чѣмъ прежде, за исключеніемъ стѣнки въ головахъ, на которой и сосредоточивалась вся отдѣлка, рѣзьба и т. п. Балдахинъ надъ кроватью сталъ тоже шире и длиннѣе; онъ уже не спускался съ потолка на подобіе занавѣса, а натягивался на четырехугольную раму, укрѣпленную на четырехъ столбикахъ по угламъ кровати, и задерживался со всѣхъ сторонъ на кольцахъ, двигавшихся по желѣзнымъ прутьямъ. Впрочемъ, кровати остались по прежнему самою видимою мебелью, и если отдѣлка деревянныхъ частей, невидныхъ изъ—подъ покрывала, стала теперь проще, то она съ избыткомъ замѣнялась богатствомъ покрывалъ и занавѣсовъ, которые дѣлались изъ шолковой матеріи, бархата и даже парчи. У людей богатыхъ наволоки матрацевъ и подушекъ были шолковыя, также и отдѣла, которыя иногда подбивали дорогими мѣхами. Края занавѣсовъ и покрывалъ обшивались богатыми коймами или бордюромъ съ бахромой и кистями. Еще роскошнѣе отдѣлялись такъ называемыя „парадные постели“ для свадебъ въ знатныхъ домахъ.—Дѣтскія кровати (качалки) имѣли видъ плоскаго ящика положеннаго на выгнутыя поперечины; иногда къ ящику придѣлывались ножки съ такими поперечинами; или въ головахъ и ногахъ кровати придѣлывались круглые колки и кровать подвѣшивалась на нихъ на особомъ станкѣ, такъ что ее легко можно было раскачивать. Эти три формы люлекъ, особенно двѣ послѣднихъ, остались и до сихъ поръ въ употребленіи.

Изъ мелкой домашней утвари, вышеописанные сундучки занимали главное мѣсто, въ особенности у женщинъ, которыя хранили въ нихъ свои драгоценности, принадлежности для шитья и подобныя вещи. Такіе сундучки дѣлались иногда съ двумя или нѣсколькими выдвигаемыми ящиками и съ двойными дверцами, которыя запирались на ключъ. Выдѣлывались они изъ серебра, золота и даже цвѣтныхъ камней, обыкновенно съ богатыми украшеніями, и вставлялись въ кожаные футляры, которые тоже были красиво отдѣланы вытисненными ор-

наментами, живописью и металлическою обивкою. Въ инвентаряхъ упоминаются (подъ 1352 г.): „хрустальный сундучекъ въ кожаномъ футлярѣ съ красивою оковкою“; (подъ 1372 г.) „золотой сундучокъ, украшенный вокругъ эмалевыми изображеніями изъ житія св. Маргариты“; (подъ 1380 г.), сундучокъ изъ бѣлой яшмы, въ золотой оправѣ, усаженъ сафирами, рубинами, изумрудами и жемчугомъ; на углахъ по картинкѣ; и „серебряный сундучокъ съ эмалевыми изображеніями изъ жизни Богородицы; вокругъ крышки выпуклыя розетки“. — Другою любимою утварью женщинъ были зеркала, которыя дѣлались теперь уже не исключительно металлическія, а иногда изъ полированного хрустала на металлической подкладкѣ; но стеклянные зеркала были пока еще рѣдкостью, такъ какъ зеркальная амальгама (изъ ртути и олова) сдѣлалась общеизвѣстною довольно поздно, не ранѣе начала 15 столѣтія. Зеркала изготовлялись большею частью небольшихъ размѣровъ, преимущественно ручныя, въ богатыхъ оправкахъ. Для примѣра приводимъ выписку изъ инвентаря: (подъ 1313 г.) „серебряное зеркало; (подъ 1372 г.) хрустальное зеркало, которое держитъ сирена изъ позолоченнаго серебра; (подъ 1380 г.) золотое зеркало, обложенное четырьмя рубинами, четырьмя сафирами и 32 жемчужинами; два высокіхъ зеркала на ножкахъ изъ слоновой кости; два зеркала стальныхъ, одно въ мѣдной рамкѣ и сзади обложено мѣдью, другое на деревянномъ станкѣ; небольшое серебряное зеркальце въ эмальированной оправѣ; его поддерживаютъ два мальчика въ плащикахъ и длинныхъ капюцахъ съ эмалевыми цвѣточками; мальчики стоятъ на доскѣ, на которой маска и двѣ ноги, и все поставлено на плоскій цоколь съ эмальированнымъ изображеніемъ оленьей охоты“. — Оставляя въ сторонѣ другую мелкую утварь (какъ напр. писчіе приборы и различныя принадлежности камина, какъ-то щипцы, кочерги, каминныя рѣшетки), которая въ богатыхъ домахъ отличалась тоже соответствующею отдѣлкой, упомянемъ о колокольчикахъ для зова прислуги, которые стали теперь входить въ употребленіе, и о появившихся въ исходѣ столѣтія стѣнныхъ часахъ съ колеснымъ механизмомъ. Эти часы, очень рѣдкіе еще и въ 15 столѣтіи, походили вѣроятно на нынѣшніе простые часы съ боемъ и гирами, съ тѣмъ отличіемъ, что у нихъ была одна только стрѣлка—часовая, и не было маятника. Колокольчики для прислуги дѣлались серебряные и золотые съ разными украшеніями, какъ это видно изъ инвентарей, въ которыхъ между прочимъ говорится о золотомъ колокольчикѣ съ выгравированными на немъ изображеніями и съ ручкою въ видѣ двухъ ангеловъ, которые держатъ увѣчанную короною лилію.

Стѣны комнатъ продолжали обвѣшивать попрежнему коврами; для защиты отъ сквозного вѣтра, при открытыхъ окнахъ и занавѣшенныхъ портьерами дверяхъ, заведены были большіе щиты, состоявшіе изъ деревянной рамы обтянутой плотной матеріей, или сплошь деревянные; этими щитами заставляли окна или двери, а также ставили ихъ передъ каминами, какъ экранъ. Отдѣлка такихъ щитовъ соответствовала, разумѣется, всей прочей обстановкѣ.

Какъ роскошно было внутреннее убранство во дворцахъ государей и въ замкахъ знатнаго рыцарства, такъ же просто было оно у людей средняго со-

словія. У нихъ было немного мебели да и та не отличалась отдѣлкою. Въ средѣ этого сословія, особенно въ Германіи, расчетливость считалась добродѣтелью, въ силу чего даже и зажиточные люди лучше предпочитали обзавестись серебряною посудою, чѣмъ красивою и дорогою мебелью, такъ какъ посуда нисколько не теряла своей цѣнности отъ того, что её выставляютъ на показъ гостямъ. Впрочемъ, благодаря успѣхамъ ремесленности и развитію вкуса, даже простая утварь изготовлялась не совсѣмъ грубо и не безъ украшеній, хотя и очень скромныхъ, но всё таки соответствовавшихъ общему направленію. Въ мѣщанскихъ домахъ вся меблировка состояла изъ старинныхъ тяжелыхъ скамей, которыя стояли вдоль стѣнъ, нѣсколькихъ ящиковъ, столовъ, и извѣстнаго числа кроватей. Скамьи и сундуки замѣняли здѣсь и стулья и шкафы, а сундуки кромѣ того и столы. Въ бѣдныхъ семьяхъ вся мебель состояла изъ сундука и кровати. —

Въ пятнадцатомъ столѣтіи различныя отрасли ремесленности достигли уже такого развитія, что о дальнѣйшемъ усовершенствованіи ихъ почти не могло быть и рѣчи: имъ оставалось только изобрѣтать вновь. И онѣ, дѣйствительно, въ собственныхъ интересахъ обратились къ изобрѣтенію новыхъ способовъ для поддержанія и усиленія постоянно возрастающей роскоши. Образовались новые цехи и въ существовавшихъ явились дальнѣйшія подраздѣленія.

Золотыхъ-дѣлъ-мастерство и тѣсно связанное съ нимъ эмальерное и камнерѣзное дѣло обязаны своими успѣхами итальянскимъ и послѣднихъ фландрскимъ мастерамъ. Большая часть изобрѣтеній въ области названныхъ искусствъ были сдѣланы ими. Приемы, которымъ слѣдовали въ эмальерномъ искусствѣ итальянскіе мастера, были ими усовершенствованы, а рѣзба на камняхъ обогатилась новымъ открытіемъ, благодаря Луи де Беркену (Louis de Berquen), золотыхъ-дѣлъ-мастеру въ Брюгге, который въ 1467 г. нашолъ средство рѣзать и шлифовать алмазь. Эмальерное искусство съ успѣхомъ воздѣлывалось также и во Франціи, преимущественно въ Лиможѣ, гдѣ къ концу столѣтія сдѣлано было въ немъ нѣсколько удачныхъ изобрѣтеній. Самымъ существеннымъ изъ нихъ былъ новый способъ наложенія эмали. Онъ состоялъ въ томъ, что цвѣтные сплавы превращали въ мельчайшій порошокъ, смѣшивали его съ растворомъ гумми и эту смѣсь накладывали на металлъ кистью и потомъ плавилъ на огнѣ такъ, что полученный рисунокъ походилъ на миниатюру тонкой работы. Былъ также изобрѣтенъ способъ дѣлать выпуклыя эмалевыя изображенія.

Выдѣлка металлическихъ вещей не обогатилась никакимъ новымъ изобрѣтеніемъ, но были усовершенствованы и получили болѣе широкое распространеніе нѣкоторые способы украшенія ихъ. Таковы были главнымъ образомъ niello и tausia или damaschino (франц. damasquinerie), съ Востока перенесенные въ Италію и уже отсюда въ первой половинѣ столѣтія распространившіеся по другимъ странамъ. Въ чемъ состояли эти оба способа, примѣнявшіеся для украшенія преимущественно оружія, было сказано выше (стр. 227), здѣсь же прибавимъ, что дамаскированіе (tausia)

производилось теперь не однимъ золотомъ или серебромъ по желѣзу, какъ прежде, но всеми металлами безразлично, и употреблялось для отдѣлки не одного только оружія, но и всѣхъ металлическихъ вещей.— Мѣдники и кузнецы, благодаря изобрѣтенію новыхъ и болѣе цѣлесообразныхъ инструментовъ, получили возможность выполнять свои работы настолько искусно, что первые могли почти соперничать съ золотыхъ-дѣлъ-мастерами, напр. въ изготовленіи сосудовъ, а послѣдніе заниматься выдѣлкой очень затѣйливыхъ и красивыхъ замковъ, накладокъ для мебели, мелкихъ рѣшетокъ и тому подобныхъ вещей, сверхъ крупныхъ кузнечныхъ работъ. Какіе успѣхи сдѣланы были уже въ началѣ этого періода литейнымъ дѣломъ, показываютъ многіе памятники, сохранившіеся отъ того времени, а болѣе всего двери баптистеріи во Флоренціи, изваянныя Гиберти и отлитыя въ 1424 г.

Рѣзьба изъ слоновой кости, находившая себѣ такое обширное примѣненіе даже въ половинѣ столѣтія, къ исходу его пришла въ упадокъ, по крайней мѣрѣ во Франціи и Италіи, вслѣдствіе поднятія въ этихъ странахъ золотыхъ-дѣлъ-мастерства. Даже и въ Германіи, гдѣ ею занимались съ особеннымъ успѣхомъ, и нѣкоторые города, какъ Аугсбургъ и Нюрнбергъ, даже пріобрѣли извѣстность своими рѣзными издѣліями изъ кости, искусство это было постепенно оттѣснено на задній планъ рѣзьбою изъ дерева.

Столяры и рѣщики по дереву находили себѣ неистощимое занятіе, первые въ изготовленіи мебели, а послѣдніе въ украшеніи ея. Отдѣлка мебели рѣзьбою настолько нравилась, что нѣкоторые мебели, напр. клиросныя сидѣнья въ церквахъ, dressoirs или буфеты въ столовыхъ богатыхъ домовъ и т. п. скорѣе походили на рѣзныя вещи крупныхъ размѣровъ, чѣмъ на мебели собственно, такъ они были обременены рѣзьбою. Рѣзныя украшенія вытѣснили совершенно раскрашиваніе и расписываніе мебели, осталась только позолота, но и та была значительно ограничена. Инкрустація употреблялась преимущественно для украшенія мелкихъ вещей. Для того чтобы придать деревяннымъ вещамъ болѣе прочности и вмѣстѣ сдѣлать ихъ глянцовитыми, ихъ напечивали растительнымъ масломъ и потомъ вытирали на-сухо.

Стекольное производство процвѣтало не въ одній только Италіи (на о. Мурано близъ Венеціи), но и по сю сторону Альповъ, въ особенности во Фландріи, гдѣ въ концѣ столѣтія существовало уже нѣсколько стеклянныхъ заводовъ. Эти заводы доставляли, правда, только бѣлое стекло, но за то такой чистоты и прозрачности, что оно шло на сосуды, которые оправляли въ золото и украшали драгоценными камнями. Затѣмъ на нихъ выдѣлывались обыкновенная стеклянная посуда и простое стекло, вслѣдствіе чего теперь все болѣе стало входить въ обычай, вмѣсто масляной бумаги или роговыхъ пластинокъ, вставлять въ окна четырехугольныя и круглыя небольшія стекла въ свинцовомъ переплетѣ. Въ Италіи между тѣмъ были сдѣланы въ стеклянномъ производствѣ нѣкоторыя замѣчательныя изобрѣтенія, въ томъ числѣ стекла, которыя казались растреснувшими на мельчайшія частички, и *mil-lefiogi*—стекла, въ которыя были вставлены различныя цвѣтныя фигурки—цвѣтки, звѣздочки и т. п. или цвѣтныя стеклянныя нити различнымъ образомъ расположенныя. Этотъ послѣдній родъ стеколъ, появившійся въ исходѣ

столѣтія, былъ очень любимъ. Способъ приготовленія его, совершенно утраченный, былъ снова открытъ въ 1834 г. химикомъ Фуссомъ.

Гончарное дѣло развивалось съ одинаковымъ успѣхомъ во Фландріи, Германіи и Италіи. Во 2-й половинѣ столѣтія были изобрѣтены различныя смѣси, которыя не только превосходили прежнія мягкостью при формовкѣ, но и обжигались тверже, а потому и допускали болѣе тщательную отдѣлку сосуда. Это изобрѣтеніе эксплуатировали съ особеннымъ успѣхомъ Дельфтъ во Фландріи и Кёльнъ въ Германіи; но въ томъ и другомъ выдѣлывали пока простой горшечный товаръ, безъ глазури и расписыванья. Впрочемъ и эта простая посуда расходилась въ огромномъ количествѣ, а изъ Дельфта высылалась въ Англію. Впослѣдствіи её стали расписывать и дѣлать цвѣтную, а къ концу столѣтія, и украшать рельефными орнаментами.—Въ Италіи самая лучшая глиняная посуда выдѣлывалась въ городѣ Фаэнцѣ, откуда и названіе ея — фаянсъ. По качеству глины она подходила къ китайскому фарфору, который около этого времени, въ 1474 г., былъ привезенъ въ Венецію венеціанскимъ посланникомъ въ Персію, Іосифомъ Барбарі. Флорентинскому скульптору Луккѣ-делла-Роббіи (1400—1430 г.) удалось открыть способъ расписывать вещи изъ жженой глины и муравить ихъ черезъ огонь. Онъ устроилъ себѣ мастерскую, имѣя преимущественно въ виду выдѣлывать различныя архитектурныя украшенія—карнизы, изразцы; ноне останавливаясь на этомъ, перешолъ къ изготовленію глиняныхъ сосудовъ на подобіе мавританскихъ, которые выдѣлывались превосходнаго качества на о. Майоркѣ. Эти подражанія получили названіе *majolica* и *mezzo majolica*. Расписывали ихъ только немногими красками, безъ тѣней и полутоновъ. Фигуры обводили черной или синей чертой, тѣло оставляли цвѣта глины, а драпировки слегка окрашивали. Болѣе изящныя работы въ этомъ родѣ появились лишь въ первой половинѣ 16-го столѣтія, когда въ нихъ отличались талантливые художники. Однимъ изъ самыхъ раннихъ между ними былъ *Georgio Andreoli* (ум. 1552), исполнившій прекрасныя работы уже въ 1498 г.

Тканьемъ ковровъ по прежнему славились фландрскія ковровыя мастерскія. Помимо успѣховъ сдѣланныхъ ими вообще въ изготовленіи ковровъ, онѣ въ особенности довели до высокаго совершенства такъ наз. *hautelisse* (особый способъ тканья на вертикально натянутой основѣ), затѣмъ ихъ издавна знаменитыя парчи и протканныя золотомъ бархаты и шелковыя матеріи. Успѣхамъ и развитію этого мастерства очень много способствовало постоянно возраставшее употребленіе ковровыхъ издѣлій для украшенія покоевъ во дворцахъ и домахъ знатныхъ и богатыхъ людей, и въ особенности въ видѣ стѣнныхъ обоевъ. Для этихъ обоевъ выбирались самыя дорогіе ковры, представлявшіе очень сложныя фигурныя композиціи. Для убранства замка Амбуаза, по случаю бракосочетанія Карла VIII (ок. 1491 г.), потребовалось шелковыхъ и протканныхъ золотомъ стѣнныхъ ковровъ нѣскольکو тысячъ локтей. На одинъ покой пошло триста-сорокъ-семь локтей обоевъ изъ самой плотной шелковой ткани, на которой были вытканы рядъ картинъ изображающихъ исторію Моисея. На остальныхъ обояхъ были представлены сцены изъ мифологіи и изъ древней и новой исторіи—подвиги Геракла, взятіе Трои, разрушеніе Іерусалима, нѣкоторыя сцены изъ романа

„Розы“ и битва при Форминьи, въ которой Карль VII въ 1450 г. разбилъ англичанъ. — На обивку мебели и чахлы для подушекъ выбирались преимущественно одноцвѣтныя или узорчатыя матеріи, съ вышитыми на нихъ аллегорическими фигурами, гербами, девизами и т. п.

Въ заключеніе упомянемъ, что и въ часовомъ мастерствѣ были сдѣланы нѣкоторые замѣтные успѣхи. Французъ Carovage или Carovagius изобрѣлъ въ 1480 г. спиральную пружину и примѣнилъ её къ часовому механизму, черезъ что сдѣлалось возможнымъ устройство небольшихъ часовъ. Такіе часы и были дѣйствительно вскорѣ устроены (ок. 1500) Петромъ Геле (P. Hele) въ Нюрнбергѣ, а немного лѣтъ спустя дошли до того, что стали изготовлять сравнительно очень небольшіе карманные часы, которые однакожь долго еще считались рѣдкостью. —

Въ формообразованіи утвари сначала не произошло никакого замѣтнаго измѣненія. Оно совершалось весьма медленно, въ постоянной зависимости отъ архитектурныхъ формъ, и приняло нѣсколько определенное выраженіе не ранѣе половины столѣтія, не выходя впрочемъ до исхода послѣдняго изъ предѣловъ германскаго или готическаго типа. Только въ Италиі возвращеніе къ древнеримскимъ формамъ уже въ началѣ столѣтія породило совсѣмъ новый стиль формъ — т. наз. стиль Возрожденія. Въ самомъ производствѣ утвари обнаружилась также перемѣна, состоявшая въ томъ, что вещи выдѣлывались болѣе красиво, но съ меньшею законченностью и отчетливостью — что конечно было прямымъ послѣдствіемъ увеличившагося запроса, удовлетворить который вещами, тщательно отдѣланными во всѣхъ подробностяхъ, было трудно. Поэтому производство всякаго рода утвари принимало все болѣе и болѣе фабричный характеръ. Вещи изготовлялись въ большихъ количествахъ, вслѣдствіе чего не только исполненіе вещей стало плоше, но и самыя вещи получили нѣкоторое шаблонное однообразіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ средѣ ремесленниковъ начало подготавливаться распаденіе ихъ на простыхъ ремесленниковъ и художниковъ (Kunsthandwerker).

Что касается собственно отдѣлки утвари украшеніями, то она стала значительно богаче и разнообразнѣе. Вещи, которыя назначались преимущественно для показа, до такой степени обременялись украшеніями, что самая вещь исчезала подъ ними. Эта неуиѣренность въ примѣненіи украшеній, постепенно усиливаясь, перешла въ произволь, для ограниченія котораго бросились въ другую крайность — трезвую простоту, которая однакожь оказалась безсодержательною, холодною пустотой. Между этими двумя крайностями продолжали вращаться до исхода столѣтія, то причудливо соединяя холодныя голыя поверхности съ густыми массами разнообразныхъ орнаментовъ, то ограничиваясь только послѣдними. Изъ вновь изобрѣтенныхъ украшеній, чаще всего употреблялись (кромѣ фантастическихъ звѣриныхъ и человѣческихъ фигуръ) архитектурныя въ ихъ новой роскошной обработкѣ — увитыя кудрявыми гирляндами и разнообразно расчлененные столбики и колонки, сквозныя и прорѣзныя верхушки, необычайно удлиненныя или плоскія остроудужныя арки, различно обдѣланныя плоскости и т. д.

Прежде всего эти украшенія были примѣнены къ церковной утвари, по крайней мѣрѣ къ тѣмъ ея принадлежностямъ, основная форма которыхъ до-

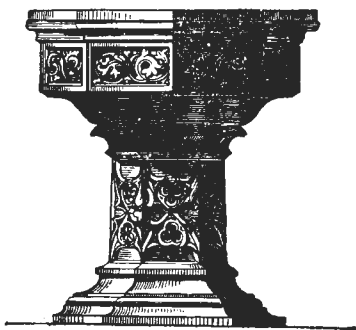
пускала такое примѣненіе. Къ числу ихъ принадлежала и чаша, несмотря на то что орнаментация чашъ грѣшила скорѣе излишествомъ, чѣмъ недостаточностью. Подножку чаши нерѣдко стали выдѣлывать въ видѣ группы столбиковъ связанных между собою сквозными нишами и островерхими арками, или въ видѣ опрокинутой цвѣточной чашечки съ красиво выгнутыми и разнообразно пересѣкающимися лепестками и граненымъ, богато украшеннымъ яблокомъ посредиѣ подножки (фиг. 188 а); сама чаша украшалась растительными орнаментами или выгравированными изображеніями, преимущественно изъ евангельскихъ событій. Иногда вся чаша вмѣстѣ съ подножкой отдѣлялась мелкою филигранью (фиг. 188 б). Несравненно богаче и разнообразнѣе бы-

Фиг. 188.



ли украшенія на тѣхъ сосудахъ, которые по своему назначенію и своимъ основнымъ формамъ представляли болѣе для нихъ мѣста. Таковы были дарохранильницы, разные ковчежцы, кадила и реликвіаріи. Въ особенности орнаментация послѣднихъ была доведена до такого излишества разнообразнѣйшихъ сочетаній архитектурныхъ и другихъ формъ, съ прибавкою фигуръ

Фиг. 189.

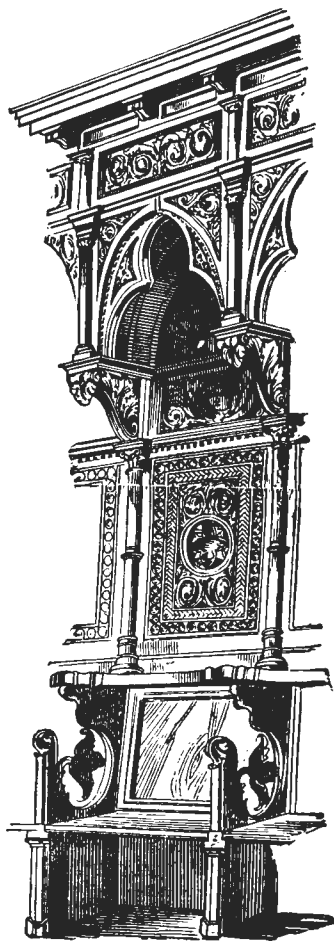


и чисто фантастическихъ образованій, что было бы бесполезно пытаться описать её хотя въ главныхъ ея чертахъ. Только для дароносицъ — въ изготовленіи которыхъ отличались Нѣмцы — была удержана усвоенная имъ съ самого начала форма башнеобразной, составленной изъ мелкихъ колонокъ постройки. — Въ томъ же господствующемъ стилѣ отдѣляли и болѣе крупную утварь — напр: купели (фиг. 189), паникадила и подсвѣчники. Для паникадилъ появилась теперь новая форма — шаровиднаго или овальнаго яблока съ выходящими изъ него подсвѣчниками. На яблоко ино-

гда ставилась круглоизваянная фигурка и вмѣстѣ съ яблокомъ окружалась легкою рѣшеткою изъ красиво пересѣкающихся столбиковъ обвитыхъ листовыми украшениями и т. п. Что касается подсвѣчниковъ — поставныхъ и ручныхъ, то при неизмѣнившихся основныхъ формахъ, отдѣлка ихъ стала гораздо роскошнѣе, даже до излишества.

На деревянной церковной утвари—алтаряхъ, каѳедрахъ, сидѣньяхъ, шкафахъ и т. д. новое направленіе отразилось, сверхъ увеличенія орнаментаціи, постоянно возраставшимъ примѣненіемъ инкрустаціи (intarsia). Это относится преимущественно къ Италіи<sup>1</sup>, гдѣ названный способъ украшенія, вмѣстѣ съ древорѣзнымъ искусствомъ, былъ доведенъ до совершенства руками отличныхъ мастеровъ. Инкрустаціей исполняли не только различные орнаменты, но цѣлыя фигурныя композиціи, виды зданій, цвѣты, плоды и пр., сохраняя при этомъ всю желаемую нѣжность тоновъ и правильность формъ. Инкрустація употреблялась для украшенія такихъ плоскостей, которыя по своему характеру не допускали выщуклыхъ орнаментовъ — какъ напр. высокія спинки креселъ и т. п. Превосходный образецъ инкрустаціи изъ начала этого періода представляютъ клиросныя сидѣнья въ соборѣ въ Орвіето — работа Пьетро ди-Манелла (фиг. 190). — Изобиліе украшеній, которыми обременяли подобную утварь, доходило до того, что имъ затемнялись ея основныя формы. Это видно на большей части епископскихъ сѣдалищъ и клиросныхъ сидѣній богатыхъ церквей, преимущественно въ средней и сѣверной Европѣ. Что касается клиросныхъ сидѣній, то они располагались непрерывными рядами вдоль клиросныхъ стѣнъ, такъ что совершенно закрывали ихъ собою, составляя такимъ образомъ весьма существенную часть внутренняго убранства храма. Къ наиболѣе простымъ, но все еще довольно богато отдѣланнымъ, принадлежатъ клиросныя сидѣнья въ госпитальной церкви Штутгардѣ, оконченныя въ 1490 г. (фиг. 191); самыми же замѣчательными, какъ по роскошной отдѣлкѣ, такъ и по художественному исполненію, должно назвать клиросныя сидѣнья въ Ульмскомъ соборѣ, исполненныя между 1469 и 1471 гг. Георгомъ Сюрдиномъ. — Епископскія и другія церковныя кресла (фиг. 192 а. б.), также какъ скамьи (фиг. 193) и каѳедры этого времени

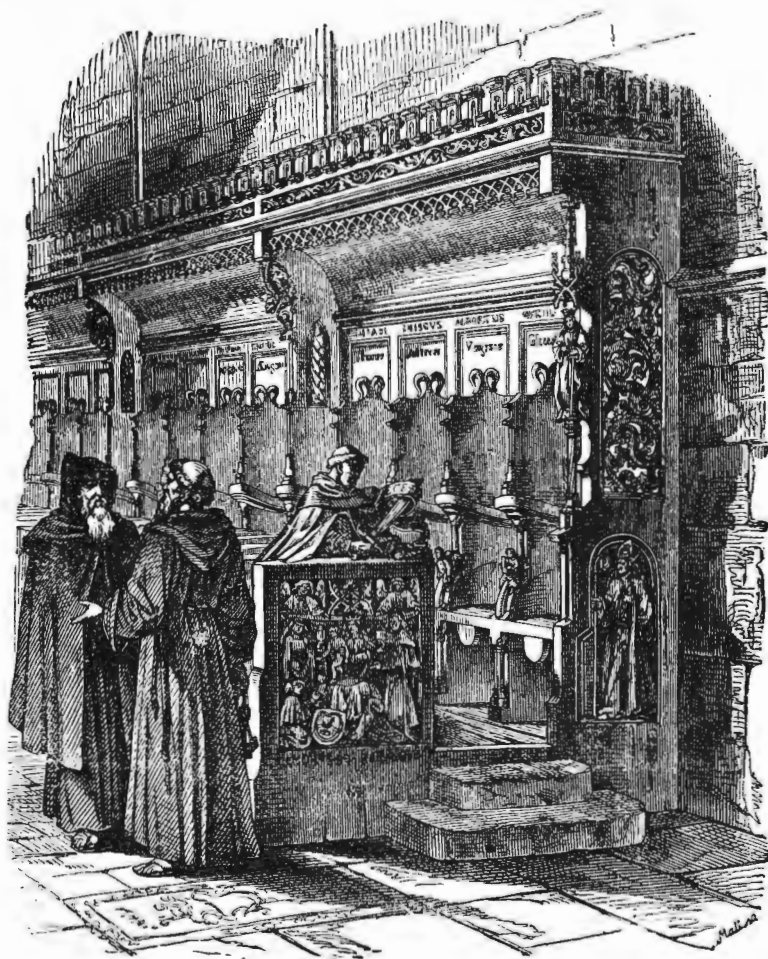
Фиг. 190.



<sup>1</sup> Ср. особ. F. Kugler. Geschichte der Baukunst. Beendigt von Dr. J. Burckhard und Dr. W. Lübke. IV, 251 sq.

представляютъ такое же изобиліе украшеній, въ особенности послѣднія, получившія именно теперь особенное значеніе, благодаря постепенно возраставшему числу превосходныхъ проповѣдниковъ на нихъ появившихся. Даже и самая форма ихъ была измѣнена и стала изящнѣе. Прежде каедрa представляла круглое или четырехугольное возвышеніе со всѣхъ сторонъ за-

Фиг. 191.

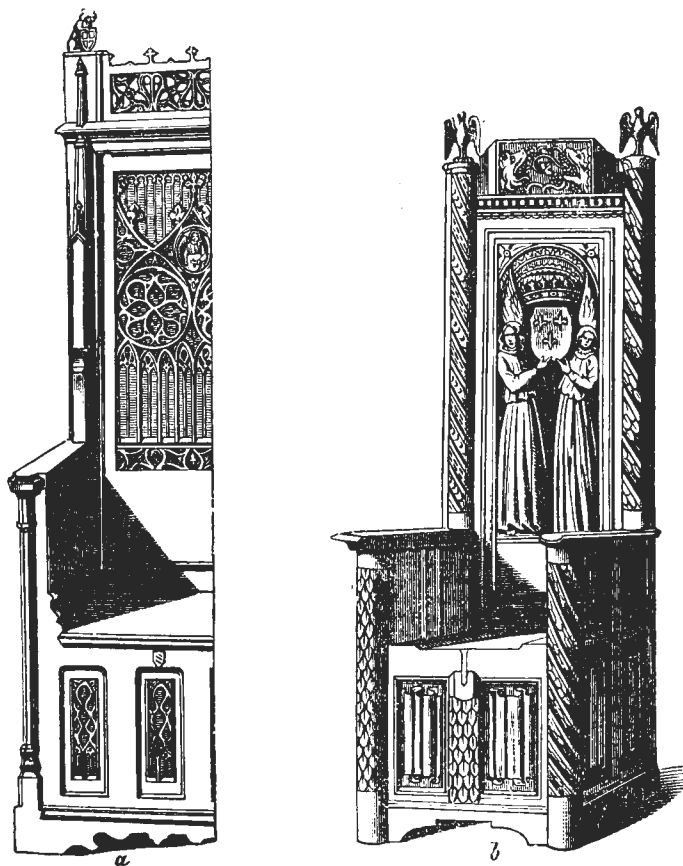


крытое, или утвержденную на нѣсколькихъ столбахъ огороженную площадку. Теперь же площадка каедрa утверждалась на одной колоннѣ и обдѣлывалась такъ, что вся каедрa походила на сосудъ (фиг. 194). Какъ колонна, такъ и верхняя часть, вмѣстѣ съ лѣстницею и доской для отраженія звука, изобильно покрывались украшеніями. — Въ такомъ же родѣ отдѣлялись шкафы<sup>1</sup>, сундуки и прочая подобная утварь.

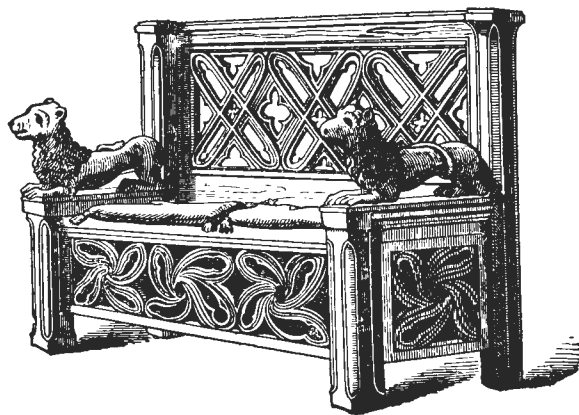
<sup>1</sup> Ср. изображеніе великолѣпнаго рѣзнаго шкафа у Du Sommerard. Les arts du moyen âge etc. Ser. I chap. XII. pl. XXXV. Тамъ же нѣсколько другихъ рисунковъ рѣзной церковной утвари: pl. XXIV, pl. XXVII и др.

Еще большее разнообразіе формъ было достигнуто въ изготовленіи нецерковной, домашней утвари. Предметы къ ней относившіеся остались почти

Фиг. 192.

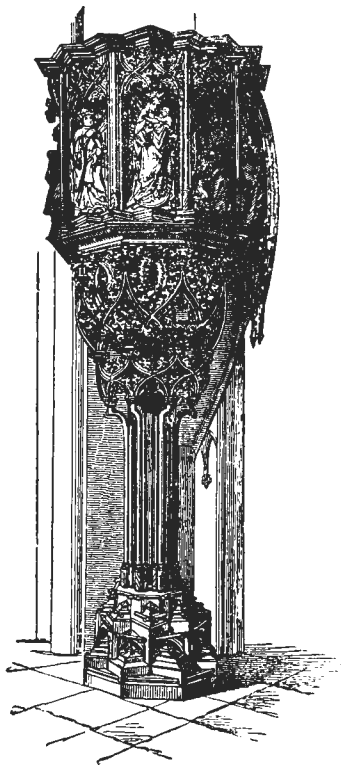


Фиг. 193.



тѣже, по крайней мѣрѣ изобрѣтенные вновь не упразднили существовавшихъ; но теперь уже не ограничивались одною вѣшнею ихъ отдѣлкою, а

Фиг. 194.



старались придать имъ и внутреннее, художественное достоинство. — Изготовление сосудовъ и вообще столовой посуды составляло еще занятіе производителей металлическихъ издѣлій, между прочимъ золотыхъ-дѣлъ-мастеровъ и серебряниковъ, когда дѣло касалось дорогой утвари. Такъ какъ распространение стеклянной посуды началось лишь въ концѣ этого періода, по крайней мѣрѣ въ Италіи, а глазурованная и расписанная дорогая глиняная посуда была изобрѣтена только около этого времени и опять таки въ Италіи, то употребленіе ея въ домашнемъ обиходѣ едва ли еще успѣло сколько нибудь значительно распространиться. Ни эта глиняная посуда, ни дорогіе стеклянные сосуды, производство которыхъ только теперь началось въ Италіи и которые, какъ *millefiori* и др., составляли каждый самъ по себѣ драгоценность, — не могли тотчасъ стать предметомъ торговли. Въ Италіи они еще долго были рѣдкостью, да и въ самой Италіи вошли въ употребленіе лишь постепенно. Въ Италіи все еще выдѣлывалась посуда изъ простаго неокрашеннаго или одноцвѣтнаго стекла. Чтобы сосудъ такого стекла обратить въ дорогую вещь имѣющую художественное значеніе, его обдѣлывали изящною золотою оправою возможно искусной работы. А до какого высокаго совершенства было доведено ювелирное искусство, можетъ служить вѣскимъ доказательствомъ кубокъ императора Фридриха III (1452—1493), сохраняющійся въ Амбразскомъ музеѣ въ Вѣнѣ. Упомянутая выше глиняная посуда, тѣмъ болѣе безъ разноцвѣтной окраски, не могла конечно показаться драгоценностью глазу привыкшему къ серебрянымъ и золотымъ сосудамъ. Возвысить ея цѣнность, сверхъ той которую ей сообщала новизна, можно было только красотою формъ и соответственной раскраскою. Въ этомъ направленіи до конца столѣтія сдѣлано было не особенно много, хотя сдѣланное отличалось художественностью. Главное вниманіе обращали на возможно отчетливую выработку основной формы сосуда, стараясь при этомъ разчленить и разграничить различныя части сосуда разноцвѣтною глазурью, и располагая рисунки почти исключительно по краю сосуда и на днѣ его. Къ тому же посуда эта представляла весьма мало разнообразія формъ, состоя главнымъ образомъ изъ блюдецъ различной величины и глубины, большихъ сосудовъ для воды и немногихъ очень простыхъ формъ кружекъ и кувшиновъ.

При изготовленіи золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ исходили въ сущно-

сти изъ прежнихъ образцовъ, но на сколько богаче, а относительно расположенія частностей, насколько свободнѣе и эффектнѣе разрабатывали теперь эти образцы—объ этомъ свидѣтельствуютъ прежде всего дворцовые инвентари того времени. Они становятся теперь не только многочисленнѣе, но и подробнѣе, даже до мелочности; однакожь желаніе описать вещи съ возможною точностью нерѣдко уступаетъ передъ ихъ сложностью и вычурностью и чрезмѣрнымъ обиліемъ украшеній. Не представляя вполне отчетливой картины описываемыхъ вещей, инвентари эти тѣмъ рѣшительнѣе даютъ понятіе до какой степени достигала эта роскошь и какое впечатлѣніе она должна была производить на зрителя.

Фонтаны (*fontaines; Brunnen*), треножники, судки и т. п. крупныя вещи, служившія для украшенія стола, не измѣнились въ своихъ основныхъ формахъ, но получили необыкновенно богатую отдѣлку. Уже и прежде пользовались для этой цѣли архитектурными орнаментами, а теперь они оказались для нея еще пригоднѣе, такъ какъ сами стали богаче. Въ особенности главныя части треножниковъ отдѣлывались преимущественно архитектурно. Фонтанамъ же иногда прямо давали видъ совершенныхъ зданій въ миниатюрѣ, большею частью башенъ, замковъ, крѣпостей, и т. п. Зданія обставляли фигурными и различными аксессуарами, такъ что составлялись иногда цѣлыя пейзажныя композиціи. Крѣпости ставили на скалы, по скаламъ разставляли башенки, деревья, человѣческія фигурки, обыкновенно нападающихъ и защищающихся пѣшихъ и конныхъ. Или составляли пейзажи мирнаго характера съ группами животныхъ и т. д. Были очень любимы изображенія замковъ любви, защищаемыхъ женщинами противъ влюбленныхъ рыцарей. Для усиленія эффекта предметы разцвѣчивались цвѣтною эмалью. Но строительныя формы не были конечно исключительными, которыхъ держались при выдѣлкѣ этихъ вещей. Ихъ обдѣлывали также и совершенно произвольно, имѣя лишь въ виду произвести что нибудь новое и вмѣстѣ эффектное. Всякаго рода образы изъ міра дѣйствительности и изъ области фантазіи соединялись въ такія сложныя композиціи что совершенно затемняли настоящее назначеніе вещи, которая была все-таки не болѣе какъ вмѣстелище для жидкости. Рядомъ съ серьезнымъ долженъ былъ заявить свои права и юморъ; а чтобы произвести что нибудь замѣчательное въ этомъ направленіи, нужно было придумать нѣчто еще невиданное. При тогдашней довольно распушенной нравственности, особенно въ высшихъ сословіяхъ, не нужно было слишкомъ стѣсняться въ выборѣ сюжетовъ. Разныя каррикатурныя и комическія фигуры и группы, которыми пробавлялись прежде, уступили теперь мѣсто композиціямъ характера рѣшительно скабрѣзнаго, а онѣ-то именно и нравились, даже при дворахъ и такихъ, какъ Бургундскій, считавшійся образцомъ тончайшаго приличія. Такъ напр. у Филиппа Добраго, герцога Бургундскаго, былъ фонтанъ (*fontaine*) изъ эмальированнаго золота, представлявшій обнаженную женщину, прикрывающую свои половыя части обѣими руками, изъ подъ которыхъ лилась струя жидкости въ подставленную хрустальную чашу. У того же герцога на одномъ большомъ пирѣ были поставлены на столѣ, въ числѣ другихъ драгоценныхъ сосудовъ, два фонтана въ такомъ же родѣ: одинъ представлялъ женщину у которой вино струилось изъ грудей, а другой мальчика изливавшего эту жидкость естественнымъ путемъ. Иногда вы-

бѣрались и такіе сюжеты, описаніе которыхъ представляется рѣшительно неудобнымъ. — Судки (nefs; Schiffe) сохранили свою прежнюю форму оснащенного корабля, съ различными фигурными и фантастическими украшеніями. Отличны отъ нихъ были, носившіе впрочемъ тоже названіе (франц. nef; итал. nave), столовые плато́, очень фигурно и богато обдѣланные и нерѣдко такихъ размѣровъ, что на общемъ обѣденномъ столѣ для нихъ не было мѣста, а ставились они подлѣ него, или прямо на полъ, или на особый подставъ. Иногда эти плато́ устраивались на колесахъ или каткахъ, и при большихъ пѣрахъ ихъ вывозили одинъ за другимъ на удивленіе пирующихъ, Тутъ являлись обширные замки съ башнями и зубчатыми стѣнами, стоящіе на скалахъ и несомые слонами, внезапно выбрасывавшіе изъ себя пучки швермеровъ и ракетъ; различныя рѣшотчатыя постройки населенныя рѣдкими птицами; фантастическія животныя, извергающія пламя изъ пасти; скалы и гроты, изъ разсѣлинь которыхъ струились разныя вина; бассейны наполненные виномъ и мн. др. На большомъ пѣрѣ, устроенномъ Карломъ Смѣлымъ въ честь императора, при свиданіи съ нимъ въ Трирѣ (1474 г.), всѣ столы были уставлены золотомъ и серебряною посудомъ превосходнѣйшей работы, усыпанною драгоценными камнями и жемчугомъ. Въ числѣ этой посуды было тридцать золотыхъ блюдовъ, изъ которыхъ самое крупное оцѣнивалось въ 6000 гульденовъ. При празднованіи его свадьбы (въ 1467 г.) въ Брюнѣ, на обѣденномъ его столѣ красовались между прочимъ 30 серебряныхъ кораблей (судковъ) по 7 футовъ длины, съ мачтами, полнымъ такелажемъ и четырьмя лодками каждый, посреди скаль и морскихъ животныхъ. Корабли были наполнены колоссальными частями жаренаго мяса и другими кушаньями, а лодки—фруктами, приправами и пирожными. — Остальная столовая посуда, какъ то: блюда, чаши и сосуды для жидкостей отдѣлывались тоже очень богато и художественно, несмотря на то, что размѣры ихъ бывали иногда очень значительны. Украшенія на блюдахъ и чашахъ распределялись преимущественно по краямъ ихъ, но часто также и по всей поверхности блюда или чаши. Украшенія состояли главнымъ образомъ изъ разнообразныхъ сочетаній растительныхъ и животныхъ формъ съ арабесками, гербами владѣльца и т. д. Для большихъ сосудовъ для напитковъ выбирались преимущественно формы кувшиновъ съ широкимъ устьемъ, кубковъ, вазъ и т. п. на подножкѣ и безъ нея, съ ручками и безъ ручекъ. Папа Павелъ II (1464—1471), любившій дорогую утварь, велѣлъ сдѣлать себѣ двѣ большихъ вазы изъ золоченаго серебра, вѣсомъ въ 118 фунт. (каждая?). Позволять себѣ подобную роскошь могли, какъ само собою разумѣется, только самые богатые люди, да и изъ нихъ немногіе, поэтому возможно, что такого рода утварь выдѣлывали также и просто изъ жести и для виду золотили или серебрили.

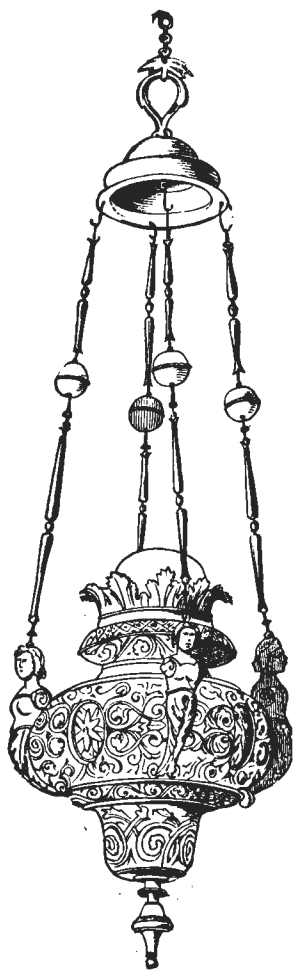
Изъ собственно столовой посуды, солонки остались по прежнему самою цѣнною и красивою вещью. Надъ ними преимущественно упражнялись изобрѣтательность и искусство мастеровъ. Разнообразіе ихъ формъ постоянно увеличивалось новыми, иногда чрезвычайно замысловатыми комбинаціями фигурныхъ и другихъ орнаментовъ съ одной стороны, и разнородныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ выдѣлывались ихъ отдѣльныя части, съ другой. Самый сосудъ дѣлался изъ хрустала, яшмы, агата, серпентина и другихъ

каменной и обдѣлывался въ золотую оправу. Солонки въ видѣ корабльковъ окружали раковинами, растеніями и фантастическими морскими животными. Солонки въ формѣ раковинъ, чашъ, корзинокъ и т. п. обставляли растеніями, животными, человѣческими и другими фигурами. Если солонка была на подножкѣ, то эта послѣдняя имѣла обыкновенно фигуру какого нибудь животного, или женщины, рыцаря, сарацина въ богатомъ восточномъ костюмѣ. Были впрочемъ солонки о трехъ и четырехъ ножкахъ, архитектурно обдѣланныхъ. Если подножка представляла человѣческую фигуру, то чаша ставилась на голову фигуры или поддерживалась ея поднятыми вверхъ руками. Въ такомъ же стилѣ обдѣлывались и крышки солонокъ. Дальнѣйшее украшеніе составляли драгоценныя камни, жемчугъ, цвѣтная эмаль. У герцога Беррійскаго (ок. 1416 г.) была большая солонка, называвшаяся „la salière au ravillon“, чашка которой сдѣланная изъ халцедона имѣла видъ раковины, оправленной на подобіе корабля, и была усажена по краямъ пятью рубинами, пятью сафирами и 16-ю жемчужинами. По концамъ корабля стояло по башнѣ; на одной башнѣ была собака изъ бѣлой и черной эмали, въ дорогомъ ошейникѣ, на которомъ висѣлъ гербъ герцога; на другой—медвѣдь съ шлемомъ на головѣ и эмальированнымъ гербомъ герцогини. Золотая крышка солонки имѣла видъ рѣшетчатой бесѣдки (ravillon), одѣтой вѣтвями; на верху бесѣдки листовая шишка, на которой возвышалась лилія о четырехъ цвѣткахъ, изъ которыхъ каждый былъ украшенъ сафиромъ и жемчужиною; рѣшетка бесѣдки была покрыта бѣлою эмалью, а листья зеленою. Поддономъ для солонки служила золотая колесница о четырехъ колесахъ, каждое съ большою жемчужиною посрединѣ. По принятому обычаю солонка ставилась всегда посрединѣ обѣденнаго стола.

Не меньшимъ разнообразіемъ и причудливостью формъ отличались также и сосуды въ которыхъ подавали напитки и изъ которыхъ ихъ пили. Кувшины и кружки дѣлались круглыя, многогранныя, узкіе и развалистыя, гладкіе и съ фигурнымъ профилемъ. Украшенія ихъ состояли изъ листовыхъ, архитектурныхъ и фигурныхъ орнаментовъ, плоскихъ и выпуклыхъ. Крышки, ручки и устья обдѣлывались на подобіе какихъ нибудь, большею частью фантастическихъ, животныхъ, растеній, иногда также и архитектурныхъ частей. Крышкамъ и устьямъ давали видъ головы животного, съ раскрытою пастью. Если носикъ кувшина поднимали въ видѣ выгнутой трубки изъ нижней части сосуда, то ему давали форму змѣи. Ручки дѣлали также въ видѣ извивающейся крылатой змѣи, или въ видѣ вытянутаго животного. Кромѣ того, встрѣчались кружки въ видѣ круглой или четырехугольной башни, обвитаго плющемъ древеснаго пня, какого нибудь животного или человѣческой фигуры (преимущественно женской въ длинной одеждѣ), дамы верхомъ на конѣ и т. п., съ прибавкою разныхъ украшеній рельефныхъ, гравированныхъ, инкрустацией (tarsia), и т. д.—Что касается сосудовъ изъ которыхъ пили, то едва ли гдѣ они были такъ разнообразны, какъ въ Германіи. По мѣрѣ того какъ размножались ихъ формы, множились и ихъ названія, которыхъ ни у кого не было заразъ столько, какъ у нѣмцевъ. Въ исходѣ столѣтія различались по вмѣстимости: Scheirn (Scheur, Schewrn, Schauer или Schouwer), Humren, Kelch, Pecher (Becher), Krug, Kanne, Chopf (Schoppen, Kopf) и др.; по формѣ и матеріалу: Muskat, Eichel, Kokosnuss, Traube, Stra-

uss, Pelikan, Schwan, Schiff и т. д., сверхъ того по фигурѣ: монахъ, монахиня, шутъ, всадникъ, рогъ (Mönch, Nonne, Narr, Reiter, Horn и пр. — Около этого же времени появились кубки (Becher, Humpen) двигавшіеся посредствомъ заключеннаго въ нихъ механизма какъ бы сами собою, и двойные кубки (Stredenz—или Doppel-Becher) соединенные между собою шарниромъ, такъ что одинъ кубокъ служилъ другому крышкой<sup>1</sup>. Всѣ такіе сосуды дѣлались изъ различѣйшихъ матеріаловъ — изъ рѣдкихъ породъ дерева (капового), стекла, хрустала, слоновой кости, рога, черепахи, страусовыхъ яицъ, кокосовыхъ орѣховъ, тыквы, раковинъ, перламутра и различныхъ камней (халцедона, агата и т. п.), — всё это конечно въ серебряной или золотой оправѣ возможно тонкой работы. Затѣмъ появились красивые итальянскіе разноцвѣтные стеклянные сосуды (millefiori и др.) и тоже въ дорогой металлической оправѣ. Два такихъ сосуда (изъ конца

Фиг. 195.



періода) находятся въ Берлинскомъ музеѣ. Они оба небольшіе; одинъ синяго, другой темнозеленаго цвѣта, расписаны черезъ огонь. На синемъ представлены мифологическія фигуры, на зеленомъ — орнаменты, сфинксы и гении.

Такое же богатство формъ и украшеній представляли и другія столовыя и туалетныя принадлежности, какъ то: конфетницы (dragées), ложки, вилки, умывальники, несессеры для мелкихъ вещей, напр. гребешковъ и т. п., также какъ и приборы для освѣщенія: подсвѣчники, висячія лампы (фиг. 195), ночники и мн. др. У Филиппа Добраго и Карла Смѣлаго были двѣ конфетницы, которыя, судя по очень подробному описанію ихъ въ инвентаряхъ, должны были быть очень дорогими и художественными вещами<sup>2</sup>. Приводимъ изъ тѣхъ же инвентарей описанія нѣкоторыхъ другихъ столовыхъ принадлежностей: (подъ 1412 г.) „ложка изъ серпентина, съ хрустальнымъ, оправленнымъ въ золото черенкомъ, и вилка, обѣ въ кожаномъ футлярѣ“; (подъ 1416 г.) „ложка, ножикъ, вилка, шило, ухвертка и зубочистка, всѣ изъ хрустала, отдѣланы золотомъ, на черенкахъ по жемчужинѣ, — уложены въ кожаный футляръ“; (подъ 1467 г.) „пять хрустальныхъ ложекъ, отдѣланы золотомъ и эмалью; небольшая хрустальная вилка, обложена вокругъ 15-ю жемчужинами и съ золотой отдѣлкой“; (подъ 1420 г.) „большой нѣмецкій ножъ, при немъ 6 небольшихъ ножей, подпилочкъ, шило и вилка на цѣпочкѣ съ замочкомъ“; (подъ 1410 г.)

<sup>1</sup> Hefner—Alteneck. Geräthschaften des Mittelalters, etc. I. Taf. 35; cp. I. Tf. 18; II. Tf. 7.—<sup>2</sup> A. de Labord. Les ducs de Bourgogne. N° 2261, 2262.

„круглое зеркало въ оправѣ съ 6 жемчужинами, на задней доскѣ написана Богоматерь съ младенцемъ, окруженная апостолами, подъ стекломъ“; (подъ 1470 г.) „два кувшина для воды, голубой глины, подножки и ручки золоченаго серебра, крышки въ формѣ короны“ и т. д. Въ числѣ драгоценной утвари, оставшейся послѣ Маріи Сфорца (1476 г.), находился полный столовый сервизъ на 12 персонъ, весь золотой <sup>1</sup>. Когда кардиналъ Пьетро Риарио принималъ въ своемъ римскомъ дворцѣ (около 1473 г.) Элеонору Аррагонскую, проѣзжавшую черезъ Римъ невѣстою герцога Феррарскаго, онъ велѣлъ поставить въ приготовленныхъ для нея покояхъ, въ числѣ другой утвари, четыре золотыхъ подсвѣчника съ фигурами ангеловъ, серебряный вызолоченный молитвенный стулъ съ ножками въ видѣ львиныхъ лапъ, полный каминный приборъ изъ серебра и даже серебряный ночной стулъ съ золотымъ сосудомъ внутри. Въ столовой былъ поставленъ большой буфетъ о 12 полкахъ, весь наполненный золотыми и серебряными сосудами, осыпанными драгоценными камнями. Столовая посуда была вся серебряная и перемѣнялась послѣ каждого кушанья. — При этомъ надобно замѣтить, что въ то время, особенно въ Италіи, было принято, чтобы предметы дорогой утвари, хотя бы и одинаковаго назначенія, были какъ можно разнообразнѣе, какъ относительно формы, такъ и матеріала.

Съ возрастаніемъ роскоши въ столовомъ убранствѣ, возрастала и изысканность въ приготовленіи и украшеніи кушаній. За особенно торжественными пирами подавались теперь, кромѣ красиво убранныхъ блюдъ въ видѣ павлиновъ, фазановъ, цѣликомъ изжаренные быки, ягнята, кабаны, олени, большія рыбы и т. п., съ позолотой и разными затѣйливыми прикрасами; пастеты огромныхъ размѣровъ, въ видѣ цѣлыхъ пестрораскрашенныхъ зданій со всякаго рода забавными сюрпризами. Даже приправы къ кушаньямъ, зелень, фрукты и т. п. подавали на столъ въ такомъ странномъ видѣ, что они походили скорѣе на какое нибудь диковинное произведеніе природы или искусства, чѣмъ на кушанье (ср. стр. 72).

Между тѣмъ люди небогатые и даже средняго состоянія продолжали и теперь употреблять посуду мѣдную, оловянную, жестяную, глиняную и деревянную, съ очень скромною отдѣлкою или безъ всякихъ украшеній. Но говоря вообще, употребленіе вновь изобрѣтенной фаянсовой посуды (преимущественно кувшиновъ и кружекъ) съ живописью и цвѣтною глазурью, также какъ и стеклянной изъ бѣлаго или зеленого стекла, теперь постоянно возрастало, сначала, разумѣется, между людьми зажиточными, которые сверхъ того чаще прежняго стали обзаводиться и дорогими металлическими сосудами.

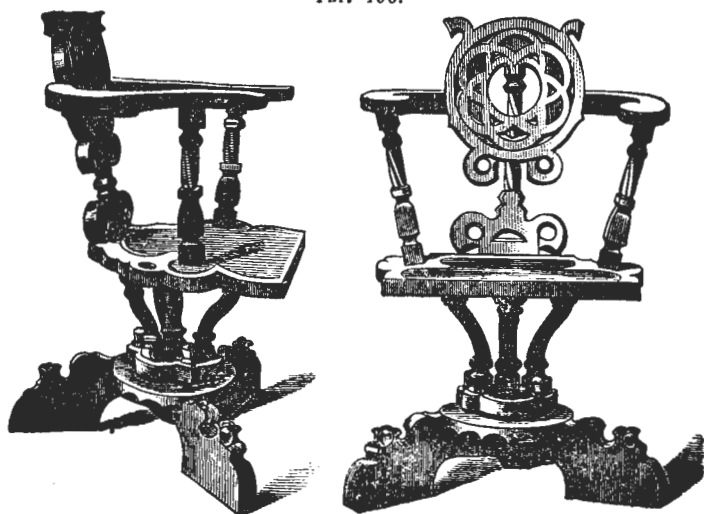
Въ парадной мебели, какъ напр. тронныя кресла, почетныя сѣдалища, шкафы, сундуки, пулты, замѣчается теперь постоянно возрастающее уподобленіе ея церковной утвари и доходить до того, что почти совѣтъ затемняетъ ея свѣтское назначеніе. Въ орнаментацию ея вводятся, рядомъ съ совершенно произвольными, сюжеты религіознаго значенія — христіанскіе

<sup>1</sup> F. Kugler. Geschichte der Baukunst. IV, 314 sq.—<sup>2</sup> M. de Laborde. Notice des émaux, bijoux et objets divers etc. II, 200.

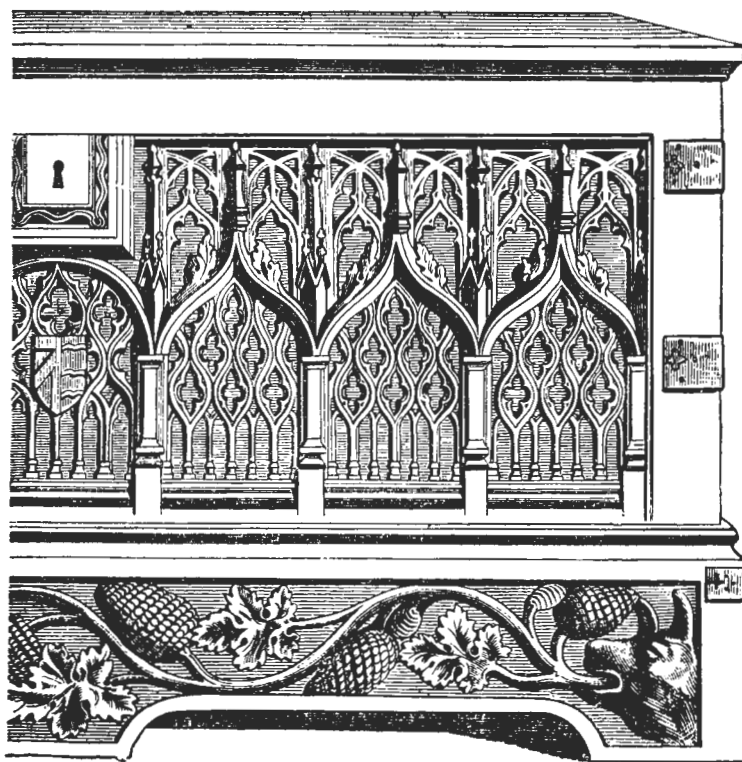
символы, даже ангелы и святые (только изображенія Христа и Богоматери пока еще недопускаются), и самая орнаментация становится всё роскошнѣе.

Въ ряду разнаго вида креселъ и стульевъ появился теперь вновь изобрѣтенные стулья съ поворачивающимся сидѣньемъ (фиг. 196) и стулья

Фиг. 196.

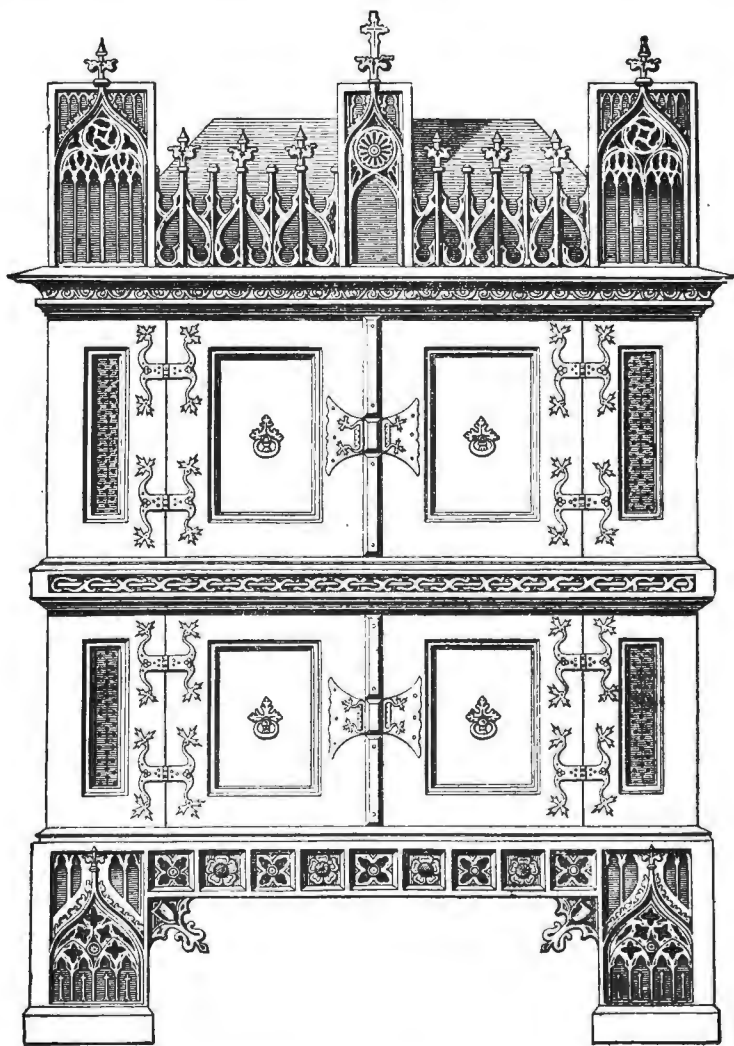


Фиг. 197.



на колесахъ или каткахъ. Во время болѣзни супруги Карла VI, Изабеллы Баварской, для нея было сдѣлано мастеромъ Mahier въ Парижѣ (1415 г.) кресло орѣхового дерева, поставленное на 4 колеса и приспособленное для ношенія<sup>1</sup>.— Пюцитры или пульты читальныя, со времени изобрѣтенія книгопечатанія и распространенія вслѣдствіе этого книгъ, сдѣлавшіяся необходимою принадлежностью каждаго зажиточнаго образованнаго семейства, устроивались теперь во многихъ отношеніяхъ удобнѣе прежняго. Верхняя ихъ часть—покатая доска, была увеличена, а нижняя дѣлалась въ видѣ шкафика съ полками для книгъ, открытаго или съ дверцами. Небольшіе пюцитры для письма, которые ставились на столъ или прикрѣплялись къ ручкѣ кресла,

Фиг. 198.



<sup>1</sup> M. de Laborde. Notice des emaux etc. II, 200.

дѣлались по прежнему четырехугольные, на низенькой подставкѣ, иногда на короткой ножкѣ, которая поворачивалась. Въ числѣ сокровищъ герцоговъ Бургундскихъ упоминается (подъ 1467 г.) такой попитръ (pupitre), сдѣланный изъ чистаго серебра и состоявшій изъ семи штукъ (pièces).—Шкафы (вошедшіе только съ половины этого вѣка въ число комнатной мебели), сохранили и впредь свою преимущественно архитектурную отдѣлку, какъ наиболѣе соответствующую ихъ формамъ и назначенію. Сундуки, попрежнему самая видная комнатная мебель, въ большинствѣ случаевъ покрывались сплошь орнаментами рѣзной работы (фиг. 197). Такъ какъ сундуки всё еще продолжали въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнять сидѣнья, то на крышкѣ выпуклыя рѣзныя украшенія замѣнялись живописью или инкрустаціей (intarsia; marqueterie). Впрочемъ этими двумя способами украшали также и другія части сундуковъ—узкіе бока, карнизы и углы, которые также обивали красивыми металлическими скобками, нерѣдко вызолоченными. Въ инвентарѣ королевы Анны Бретанской упоминается (подъ 1498 г.) роскошно отдѣланный сундучокъ (coffret), по всей вѣроятности очень небольшихъ размѣровъ. Онъ былъ обдѣланъ деревомъ и слоновою костью на подобіе мозаики, украшенъ рельефными орнаментами, расписанъ и позолоченъ; шесть его ножекъ изображали драконовыя головы.—Простыя сундуки для обиходнаго употребленія обдѣлывали съ боковъ на подобіе свернутыхъ пергаментовыхъ листовъ и обивали по угламъ простыми металлическим скобами.—Большіе и высокіе переносные шкафы были увеличены съ цѣлью выиграть болѣе мѣста для украшеній; не только самый ящикъ шкафа, но и рамы вокругъ дверецъ, верхніе и нижніе карнизы и даже ножки были расширены и удли-

Фиг. 199.

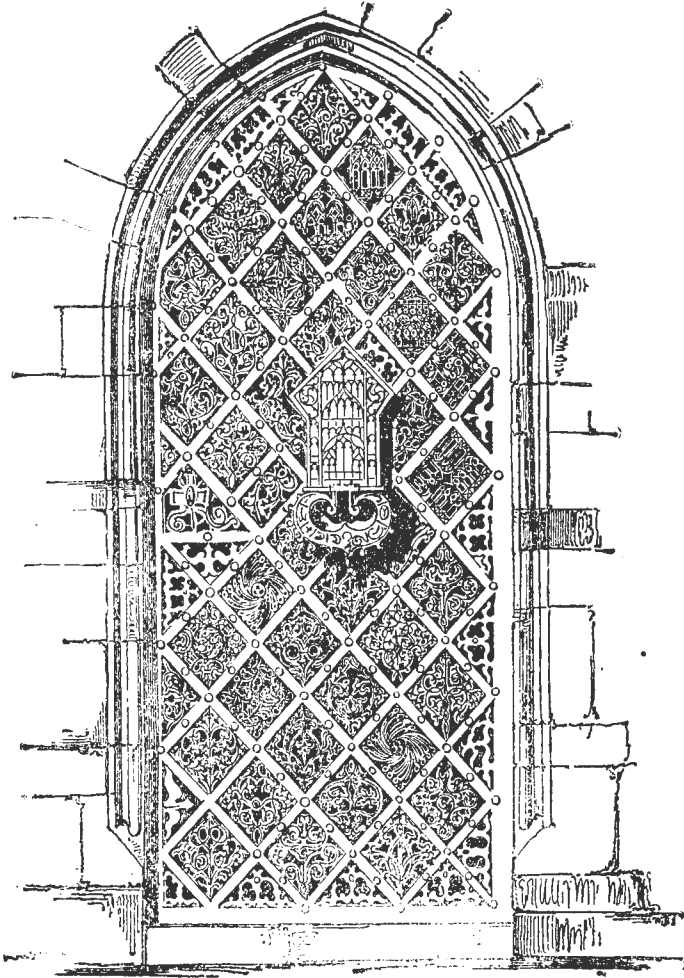


нены (фиг. 198). Рамки вокругъ дверецъ отдѣлывали рѣзбой, сплошь или мѣстами; верхній карнизъ украшали рѣзнымъ архитектурнымъ орнаментомъ; дверцы болшею частью оставляли безъ украшеній, но иногда отдѣлывали рѣзбою и инкрустаціей. Особеннымъ украшеніемъ этихъ шкафовъ были замки, скобки и другія металлическія накладки, которыя подбирались всегда такихъ формъ, что соответствовали остальнымъ украшеніямъ. — Очень употребительны стали въ это время небольшіе стѣнные шкафики такой величины, что ихъ можно было удобно вѣшать на стѣну. Отдѣлка ихъ въ общемъ походила на отдѣлку большихъ шкафовъ, но, благодаря ихъ небольшимъ размѣрамъ, была еще изящнѣе. Чаше всего ихъ украшали металлическою прорѣзью, въ видѣ арабесокъ, по цвѣтному фону изъ кожи или бархата (фиг. 199); такого рода узорочныя прорѣзи, сдѣланныя изъ желѣза, употреблялись нерѣдко для украшенія поверхностей такихъ размѣровъ, какъ напр. двери ризницы въ приходской церкви города Брука-на-Муррѣ (фиг. 200).

Столѣ, поставцы, буфеты, горки для посуды

(dressoirs), кровати, колыбели и разная мелкая утварь, какъ-то: сундучки для дорогихъ вещей, письменные столы и т. п. сохранили свои прежнія ос-

Фиг. 200.

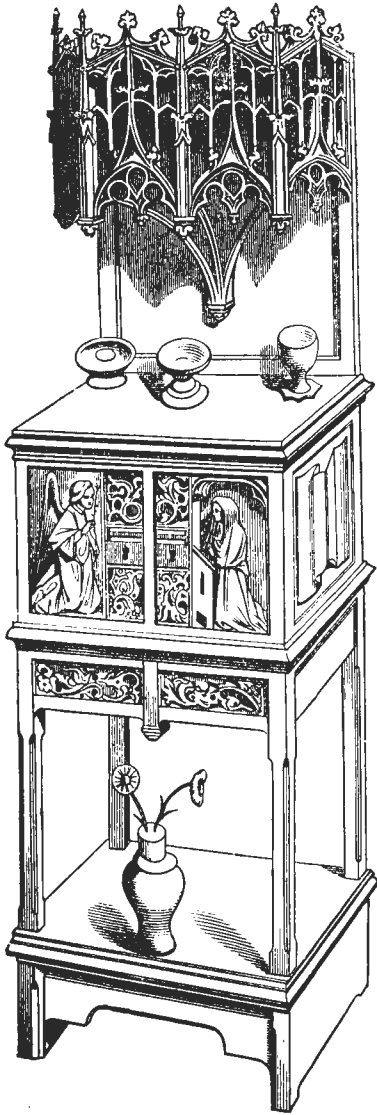


новныя формы и если измѣнялись, то лишь въ одномъ отношеніи: согласно господствующему вкусу, декоративная отдѣлка ихъ становилась все богаче и разнообразнѣе.

Изъ разнаго рода столовъ, небольшіе столики на одной ножкѣ, круглые или четырехугольные, и складные на шарнирѣ (фиг. 202) входили все больше въ употребленіе; теперь ихъ ставили по нѣскольку въ одной комнатѣ. Орнаментація распространялась на всѣ части стола, даже на перекладины между ножками. Поставцы (Credenz-Tische) — употреблявшіеся также и въ церквахъ (фиг. 201), горки (dressoirs) и буфеты дѣлались теперь

выше и шире противу прежняго. Напр. прежнія горки дѣлались не выше какъ о 4 уступахъ, а теперь ихъ стали дѣлать о 12 и больше.

Фиг. 201.



Въ комнатѣ супруги Карла Смѣлаго, Изабеллы, стояла (въ 1485 г.) горка (dessoir) о 4 уступахъ, которые были покрыты дорогими матеріями и заставлены золотыми и хрустальными въ золото оправленными сосудами; въ числѣ ихъ были три золотыхъ усыпанныхъ драгоценными камнями конфетницы (drageoirs), изъ которыхъ одну оцѣнивали въ сорокъ тысячъ, а другіе двѣ по тридцати тысячъ талеровъ. Иногда dessoirs устраивали на подобіе buffets, т. е. такъ, что они были доступны со всѣхъ сторонъ, почему ихъ и ставили такъ же какъ и buffets посреди комнаты, а не у стѣны. Подобные dessoirs и buffets часто представляли замки съ башнями и другими принадлежностями. Dessoir о 12 уступахъ, въ видѣ круглаго замка, былъ изготовленъ въ 1561 г. по заказу герцога Бургундскаго для большой залы замка Артуа. — Размѣры кроватей тоже увеличились и дошли до 7 футовъ длины и 6 ширины, вмѣстѣ съ этимъ увеличились также количество подушекъ и толщина матрацовъ. Къ концу столѣтія стало входить въ обыкновеніе ставить кровать въ уголъ и за исключеніемъ передней стороны, которая задерживалась занавѣсомъ, окружать рѣзными деревянными панелями, которыя сливались съ панелями одѣвавшими стѣны комнаты. — Изъ конца этого періода дошло до насъ нѣсколько дѣтскихъ люлекъ, въ томъ числѣ одна, вся изъ мѣди съ позолотой, на высокихъ ножкахъ съ выгнутыми поперечинами или полосьями; продольныя стороны отдѣланы прорѣзью, поперечныя разчленены ост-

тродужными и полукруглыми арками; четыре угловыхъ столбика граневые съ шишками въ видѣ цвѣточной чашечки. — Различная мелкая утварь (какъ-то каминныя щипцы, мѣшалки и пр.) не уступала крупной ни въ отношеніи постоянно возрастающаго разнообразія, ни въ отношеніи богатства отдѣлки. Для примѣра упомянемъ лишь о письменномъ приборѣ, принадлежавшемъ одному изъ герцоговъ Беррійскихъ (ок. 1510 г.). Онъ имѣлъ форму доски изъ золоченаго серебра, сверху покрытой гравиро-

ванными украшеніями, и заключалъ въ собѣ: небольшой ножикъ съ серебрянымъ эмальированнымъ черенкомъ, небольшую серебряную линейку (moettes), серебряныя ножницы, маленькіе серебряные вѣсы съ корбочкой, гдѣ гири (poix avecques une böeste où sont les poix à poiser), перо и оправленное въ серебро огниво.

Въ послѣдней четверти столѣтія стали входить въ моду, для убранства комнатъ, писанныя на деревѣ картины различнаго содержанія (портреты и др.); ихъ вставляли въ рѣзныя золоченыя и другимъ образомъ отдѣланныя рамки и развѣшивали по стѣнамъ, обвѣшаннымъ вышитыми и ткаными дорогами коврами.

Домашняя утварь среднихъ классовъ была всё еще довольно проста и даже скудна. Тѣмъ не менѣе и у нихъ убранство комнатъ стало и полнѣе, и удобнѣе, и красивѣе, чѣмъ было прежде. Стремленіе подражать во всемъ знати усиливалось и распространялось между ними все болѣе и болѣе. Прежняя простота быта исчезла, и то что еще за пятьдесятъ лѣтъ назадъ было бы сочтено раззорительнымъ излишествомъ, теперь не только казалось желательнымъ, но стало привычнымъ, необходимымъ. Не только количество мебели въ домахъ увеличилось, но и самая мебель изготовлялась красивѣе. Въ исходѣ столѣтія домашняя обстановка даже и небогатыхъ гражданъ производила впечатлѣніе довольства и избытка (фиг. 202).

Несмотря на постоянно возобновлявшіяся запрещенія азартной игры и вообще игры на деньги, склонность ко всякаго рода играмъ постоянно возрастала и распространялась во всехъ слояхъ общества, доходя иногда до страсти. Въ Парижѣ уже въ 13 вѣкѣ существовалъ особый ремесленный цехъ изготовителей игральныхъ костей (deuciers), которые въ то же время выдѣлывали шахматы и шашки (marelles; marelli). Въ Германіи производство этихъ вещей сосредоточивалось главнымъ образомъ въ Аугсбургѣ, Нюрнбергѣ и Ульмѣ; въ Италиі—во Флоренціи и Венеціи. Рядомъ съ оптовымъ производствомъ игральныхъ приборовъ, выдѣлывались роскошные экземпляры ихъ, исполненные артистически: игральныя кости изъ слоновой кости, разныхъ породъ дерева и камней, и металлическія съ инкрустаціей; такія же шашки, плоскія и полукруглыя, съ инкрустаціей или выпуклыми орнаментами; шахматныя фигуры, деревянные и бостяныя, въ видѣ статуекъ королей, королевъ, епископовъ, всадниковъ и т. д., искусно вырѣзанныя, раскрашенныя и отдѣланныя позолотой. Разноцвѣтныя полосы, поля и квадратики на игральныхъ доскахъ выкладывали или разноцвѣтнымъ деревомъ, или чернымъ деревомъ съ слоновой костью, перламутромъ, серебромъ и хрусталемъ, серебромъ и яшмой; каждое поле сверхъ того украшали инкрустаціей или металлическимъ орнаментомъ, а края доски обкладывали богатымъ бордюромъ. Иногда двѣ или три игральныя доски соединяли вмѣстѣ посредствомъ шарнировъ, такъ что ихъ можно было раскладывать; къ большимъ игральнымъ доскамъ придѣлывалась ножка и ихъ ставили какъ столикъ. Въ инвентаряхъ этого времени шахматныя доски упоминаются нерѣдко въ числѣ утвари: (подъ 1316 г.) шахматная доска изъ яшмы и халцедона, отдѣланная серебромъ и жемчугомъ; (подъ 1328 г.) тоже—изъ слоновой кости

и черного дерева; (подъ 1335 г.) очень дорогая шахматная доска посланная Робертотъ, королемъ венгерскимъ, богемскому королю Иоанну; (подъ 1353 г.) шахматная доска чеканной работы, съ вставленными въ нее жемчужина-

Фиг. 202.



ми; фигуры къ ней изъ хрусталя и красного мрамора; (подъ 1416 г.) игральная доска складная изъ римскаго порфира, яшмы и разноцвѣтныхъ камней. — Въ теченіи 14 столѣтія начала распространяться игра въ карты. Она произошла изъ шахматной игры, черезъ перерисовку шахматныхъ фигуръ на отдѣльныя дощечки или таблички, и съ древнихъ вѣмечъ была извѣстна въ Китаѣ и Индіи, оттуда перешла къ Арабамъ, а отъ нихъ сначала, кажется, въ Италію, подъ названіемъ паібі. Названіе это, происходящее отъ первоначальнаго восточнаго названія картъ, осталось за ними и впродъ съ небольшими въ каждомъ языкѣ измѣненіями. До половины столѣтія карты распространялись до-

вольно медленно даже и въ Италіи, и только во второй половинѣ и къ концу его, перейдя въ остальную Европу, стали повсемѣстно извѣстны. По современному извѣстію, карты появились въ Витербо не ранѣе 1379 г. Іоаннъ I, Кастильскій, обнародоваль въ 1387 г. повелѣніе, запрещающее кости, карты (naupes) и шахматы; въ 1397 превд города Парижа запретилъ ремесленникамъ, на ряду съ костями, шарами, мячомъ и кеглями, и игру въ карты, исключая праздничныхъ дней. Въ декретѣ Карла V, короля французскаго, отъ 1369 г., въ которомъ перечисляются всѣ тогдашнія азартныя игры, о картахъ еще не упоминается; но ими уже пользовались для развлечения душевнобольнаго Карла VI, для котораго ихъ особеннымъ образомъ разрисовывали. Изъ уцѣлѣвшаго счета, отъ 1392 г., оказывается, что живописецъ Jacquesmin Gringonner разрисовываль ихъ различными аллегорическими изображеніями (devises), раскрашиваль и отдѣлываль золотомъ. До того времени фигуры и названія картъ были по всей вѣроятности старинныя восточныя, можетъ быть съ незначительными измѣненіями, но съ этого времени замѣнены болѣе соотвѣтствующими западному вкусу изображеніями. Съ измѣненіемъ фигуръ измѣнились и названія картъ, а съ этимъ вмѣстѣ измѣнился и распорядокъ игры, становясь все сложнѣе. Къ половинѣ столѣтія въ Испаніи, Италіи, Франціи и Германіи выработались особыя для каждой страны фигуры картъ и правила игры, которая къ этому времени распространилась даже и въ низшихъ классахъ общества, не смотря на всевозможныя запрещенія. Карты изготовлялись въ огромныхъ количествахъ, чему помогли усовершенствованія, сдѣланныя въ рѣзномъ и гравировальномъ искусствахъ. Рисовкою и расписываніемъ картъ иногда занимались даже настоящіе художники<sup>1</sup>, что конечно не могло остаться безъ вліянія и на наружную отдѣлку картъ.

По части музыкальныхъ инструментовъ ничего существенно новаго не появилось (ср. стр. 25), и самыя формы ихъ оставались до исхода 15 столѣтія почти прежнія<sup>2</sup>. Съ исчезновеніемъ французскихъ трубадуровъ и нѣмецкихъ миннезингеровъ къ исходу четырнадцатаго вѣка, большая часть струнныхъ инструментовъ, которые именно ими и были созданы, утратили свое прежнее значеніе, котораго не могло имъ возвратитъ начавшееся 14-го стол. развиваться маломузыкальное мастерство. Музыка стала ремесломъ и цеховые музыканты, только одни имѣвшіе право играть публично, ограничивались повтореніемъ весьма немногихъ простыхъ и болѣе или менѣ шумныхъ мелодій. Старинное названіе старшины ихъ цеха—Pfeiferkönig, также какъ и сохранившееся до послѣдняго времени названіе: Amts—и Stadtpfeifer (городовой трубачъ) указываютъ, какъ ограниченъ былъ выборъ ихъ инструментовъ. Полный инструментальный оркестръ въ

<sup>1</sup> Ср. изображенія нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ картъ, частью очень художественно исполненныхъ, въ сочиненіи Дюшена старшаго (Duchesne aîné): *Jeux de cartes tarots et cartes numerales, du 14-e au 18-e siècle, représentés en cent planchs d'après les originaux, avec un précis historique et explicatif, publié par la société des Bibliophiles français.* Paris 1844. — <sup>2</sup> Прекрасныя снимки съ современныхъ рисунковъ у E. de Coussemaker. *Essai sur les instruments de musique au moyen âge*, въ *Annales archéologiques* par Didron. III, IV, V, VII, IX (я отдѣльно подъ заглавіемъ: *Histoire des instruments de musique au moyen âge avec 200 figures d'instruments.* Paris).

15 и даже въ началѣ 16 столѣтія былъ тотъ же что и въ 13. Онъ состоялъ преимущественно изъ прямыхъ и кривыхъ рожковъ, трубъ, флейтъ, дудокъ, барабановъ (иногда очень большихъ), литавръ, тазовъ, треугольниковъ, иногда съ прибавкою нѣсколькихъ смычковыхъ инструментовъ въ родѣ скрипки. Даже для акомпанимента танцамъ употреблялись вмѣстѣ съ небольшими скрипками, преимущественно трубы и барабаны. Церковная музыка ограничивалась однимъ органомъ, введеніе другихъ инструментовъ даже не допускалось. Какъ ни плодотворны были для музыки усовершенствованія сдѣланныя въ ней въ исходѣ 15 вѣка трудами Окенгейма, Жоскэна де-Прэ и др., они подвинули впередъ только церковную музыку, влияние же ихъ на свѣтскую музыку обнаружилось гораздо позднѣе.—Органъ, какъ инструментъ по преимуществу церковный, постепенно совершенствовался. Въ этомъ отношеніи больше всего было сдѣлано нѣмцами. Въ самомъ началѣ 14 стол. (1312) венеціанскій патрицій Торчелло призвалъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ мастеровъ для изготовленія улучшенныхъ органовъ. Органы эти отличались отъ прежнихъ тѣмъ, что клавиши ихъ были короче и расположеніе ихъ (клавиатура) удобнѣе. Только на нихъ сдѣлалось возможнымъ играть одному человѣку безъ особеннаго утомленія. Въ 1359 г. нѣмецкій органъ-ный мастеръ Николай Фаберъ сдѣлалъ для собора въ Гальберштатѣ органъ о 14 діатоническихъ и 8 хроматическихъ интервалахъ (Klangstufen). Okоло 1471 г. нѣмецъ Бернгарль, придворный органистъ венеціанскаго дожа, изобрѣлъ педаль, что тотчасъ же повело къ дальнѣйшимъ улучшениямъ. Эти улучшения были примѣнены и къ небольшимъ ручнымъ органамъ.—Изъ духовыхъ инструментовъ преимущественно были любимы разной формы флейты, очень длинныя трубы, и большіе выгнутые рога (businen). Цѣвница (syrinx) и свирѣль (salamus), также какъ и cognemusa все болѣе и болѣе выходили изъ употребленія; мѣсто cognemusa заступилъ родъ гобоя, уже въ 13 стол. образовавшійся изъ salamus и теперь болѣе усовершенствованный. Различнаго устройства дудки (Pfeifen), которыхъ насчитывалось не менѣе 20 видовъ, были сведены къ двумъ видамъ: длинныхъ и короткихъ дудокъ, первыя съ отверстіемъ по оси, послѣднія съ боковымъ (Querpfеifen). Металлическіе трубы и рога (послѣдніе иногда изъ натуральныхъ роговъ) и безъ того уже многочисленныя, умножились новыми названіями и получили самое разнообразное примѣненіе, не только въ праздничной и военной музыкѣ или на охотѣ, но и въ ежедневной домашней жизни высшихъ сословій. Ими отдавали приказаніе прислугѣ, требовали того или другого кушанья, того или другого коня, приказывали отпирать двери или неотпирать ихъ, сдѣлать то или другое. Это значеніе трубы и рога, какъ органа для выраженія личной воли трубящаго—постоянно возрастало до 15-го столѣтія, въ исходѣ котораго оно стало постепенно слабѣть. Большія трубы украшали богато вышитымъ флагомъ, который прикрѣплялся вдоль трубы, и снурами съ кистями (ср. фиг. 113 а).—Изъ ударныхъ инструментовъ самымъ распространеннымъ былъ барабанъ, которымъ постоянно аккомпанировали духовую музыку. Вѣроятно вслѣдствіе этого къ существовавшимъ уже, очень разнообразнымъ формамъ барабана, была присоединена новая—литавры (Pauken) очень большихъ размѣровъ. Въ исходѣ 14-го вѣка вмѣсто одной колотушки стали употреблять двѣ. Маленькіе ручные бараба-

ны постепенно утратили свое прежнее значеніе, и сдѣлались инструментомъ бродячихъ музыкантовъ. На плоскомъ, похожемъ на тамбуринъ ручномъ барабанѣ били тоже колотушкою уже съ 14 вѣка. Украшали барабаны (большіе) вышитыми чехлами съ шнурками и кистями и т. п. Треугольникъ (иногда съ кольцами) и ручные тазы находили себѣ все болѣе многостороннее примѣненіе. Деревянные ударные инструменты (Klapphölzer), въ томъ числѣ и кастаньеты, во Франціи называвшіяся cliquettes, также какъ и инструменты составленные изъ колокольчиковъ (Glockenspiele), на которыхъ играли молоточкомъ, были и остались инструментами простаго народа. Изъ колокольчиковъ (Glockenspiele) развились въ теченіе 14 стол. большіе музыкальные колокольные звоны и бои для башенныхъ часовъ. Изъ струнныхъ инструментовъ самымъ любимымъ осталась арфа, на которой обыкновенно аккомпанировали себѣ пѣвцы. Она сохранила свою прежнюю форму, безъ всякихъ важныхъ измѣненій, до 16 вѣка (фиг. 31 а. в. с.). Отдѣлка ея была очень разнообразна, нерѣдко великолѣпна. вмѣстѣ съ арфой оставались въ употребленіи такъ назыв. Psalterium (фиг. 31. d.), пютра и лютия (послѣдняя уже въ своей нынѣшней формѣ), тогда какъ двурогая лира (фиг. 31 е) совершенно вышла изъ употребленія. Палочка (plectrum), посредствомъ которой играли на большей части этихъ инструментовъ, была оставлена въ теченіи 15-го вѣка и замѣнялась прямо пальцами; исключеніе составляли лишь нѣсколько инструментовъ въ родѣ гитары: pandore, citole и mandore, на которыхъ продолжали играть палочкой. Смычковые инструменты устройствомъ своимъ походили то на лютию (и нынѣшнюю мандолину), то на наши гитару и скрипку, при очень различной величинѣ инструмента и различномъ же числѣ струнъ. Одни изъ нихъ имѣли форму приближающуюся къ кругу, другіе овальную; одни были съ длиннымъ, другіе съ короткимъ грифомъ, а иные вовсе безъ грифа (ср. фиг. 32 d. е). Всѣ измѣненія, которыя испытали эти инструменты до конца 15 вѣка, состояли, кажется, лишь въ томъ, что размѣры ихъ были увеличены, умножено число струнъ на нихъ и въ силу этого удлинены и смычки. Въ pendant къ віолѣ (басовой скрипкѣ), появился около этого времени такого же названія тона инструментъ, въ видѣ длиннаго и узкаго чetyресторонняго ящика, съ толстыми струнами; старинная рота (Rotte или Chrotta: фиг. 32 е), образовавшаяся изъ scout, работалась постепенно въ родѣ віоломчеля, а маленькая скрипка уже и въ эту пору дѣлалась съ такими же эсами на декѣ, какъ и теперь.

Земледѣльческія орудія<sup>1</sup>, охотничьи и рыболовные приборы и снасти, также какъ и повозки для перевозки людей и тяжестей—сохранили свое прежнее устройство и не подверглись никакимъ дальнѣйшимъ улучшеніямъ. Что касается собственно экипажей, то усовершенствованію ихъ препятствовало очень ограниченное употребленіе ихъ. До самого 16 вѣка всѣ во-

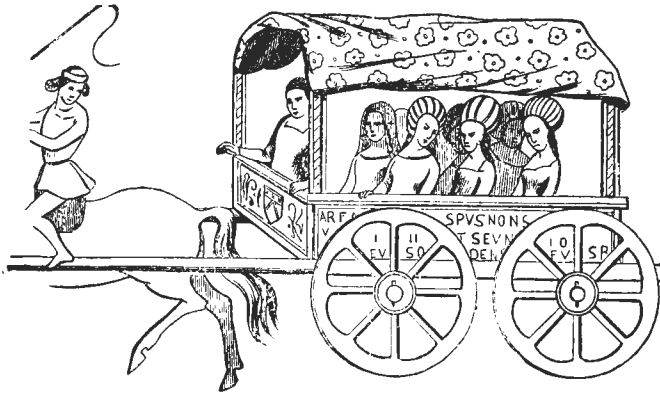
<sup>1</sup> Подробн. объ этихъ орудіяхъ см. Вѣшн. бытъ народовъ Т. II. ч. 2. Пер. И. Васильева.

обще поѣздки, даже продолжительныя путешествія, дѣлали верхомъ или въ носилкахъ, запряженныхъ лошадьми. Въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, мужчины, даже самые знатные, предпочитали являться верхомъ, а дамы въ носилкахъ. Королева Изабелла Баварская, при вѣздѣ своемъ въ Парижъ, сидѣла въ носилкахъ, а дамы ея свиты—въ крытыхъ экипажахъ. Германскій императоръ Фридрихъ III первый совершилъ свой торжественный вѣздъ во Франкфуртъ (въ 1474 г.) въ экипажѣ, и это обстоятельство показало настолько страннымъ, что вызвало неодобреніе, тѣмъ болѣе, что благодаря ему граждане города лишились своего стариннаго почетнаго права нести надъ императоромъ балдахинъ. На основаніи декрета Филиппа Красиваго (отъ 1294 г.) право ѣзды въ экипажахъ предоставлено было преимущественно женщинамъ княжескаго происхожденія и ихъ ближайшему женскому штату; если же тотъ или другой изъ зажиточныхъ горожанъ позволялъ себѣ обзавестись экипажемъ и ѣздить въ немъ, то это составляло явленіе крайне рѣдкое даже и въ концѣ 15-го столѣтія, и притомъ явленіе, которому старались противодѣйствовать, какъ неподобающей роскоши. Въ 1457 г. венгерскій король, Владиславъ V, подарилъ супругѣ короля французскаго Карла VII, Маріи, очень дорогую карету, одною изъ особенностей которой быть можетъ было и то, что кузовъ ея висѣлъ на ремняхъ. Покрайней мѣрѣ карета эта привела французскій дворъ въ восхищеніе именно тѣмъ, что при ѣздѣ, сидящіе въ ней „испытывали необыкновенно пріятное покачиваніе“<sup>1</sup>. Такое усовершенствованное устройство, если оно дѣйствительно подразумѣвается въ этомъ отзывѣ<sup>1</sup>, начало распространяться не вдругъ и только гораздо позднѣе. Теперь же экипажи продолжали пока дѣлать на старинный ладъ. Кузовъ, въ видѣ ящика съ скамьями (по линіи или поперечными) внутри, ставили прямо на оси и неподвижно на нихъ укрѣпляли, а сверху ставили надъ нимъ наметъ (plan) натянутый на 4 столбика или на полукруглые обручи; колеса переднія и заднія дѣлались одинаковой величины, и о шести или восьми спицахъ (фиг. 203). Козель или какого нибудь сидѣнья для кучера не имѣлось, а онъ или шолъ подлѣ повозки, или садился верхомъ на коренную лошадь, которая запрягалась въ оглобли хомутомъ и постромками или гужами. Одни только придворные и парадные экипажи измѣнились нѣсколько, но и то лишь въ размѣрахъ и отдѣлкѣ. Въ пятнадцатомъ столѣтіи ихъ дѣлали нѣрѣдко такой величины, что въ нихъ могли садиться до двадцати и болѣе человекъ, и отдѣлывали сообразно съ господствующимъ вкусомъ рѣзьбою, живописью, позолотой и т. д. Наметь, подушки сидѣнья, также какъ и сбура—соотвѣтствовали остальному. У длинныхъ экипажей съ (полукруглымъ) наметомъ, въ послѣднемъ продѣлывались по обѣимъ сторонамъ отверстія въ видѣ оконъ, которыя завѣшивались занавѣсками. На небольшихъ экипажахъ наметъ дѣлался иногда двускатный въ видѣ палатки, или плоскій балдахиномъ, съ занавѣсами по сторонамъ. Обыкновенныя повозки для пассажировъ походили во всемъ на тѣлеги для владн, съ той раз-

<sup>1</sup> Названіе: «char branlant» неоднократно встрѣчается уже съ конца 14-го вѣка (ср. M. de Laborde. Notices des émaux etc. du Musée du Louvre. II. Glossaire p. 208); но слѣдуетъ ли подъ нимъ разумѣть экипажи «висячіе (на ремняхъ)»—должно всё таки остаться подъ сомнѣніемъ, ибо едва ли можно найти современныя изображенія подобныхъ экипажей ранѣе начала 16-го вѣка.

нищей, что въ нихъ были скамьи для сѣдоковъ. Тѣлеги были различной формы, инныя вовсе безъ ящика, другія только о двухъ колесахъ. Небольшія

Фиг. 203.



тяжести перевозили на ручныхъ тѣлежкахъ, такого же устройства какъ и вышнія. Но силки (портшезы) сохранили свою подобную древнеримской *lectica* и восточному паланкину форму—подвѣшенной между двумя шестами постели съ верхомъ. Способъ передвиженія въ нихъ остался тоже старинный—посредствомъ носильщиковъ, или—въ путешествіяхъ—посредствомъ двухъ лошадей, изъ которыхъ одну пристегивали спереди, а другую сзади носилокъ, прикрѣпляя шесты ихъ къ сбруѣ лошадей. Погонщикъ или шоль рядомъ держа въ рукахъ возжи, или ѣхалъ верхомъ на передней лошади.

Введеніе огнестрѣльныхъ орудій, съ одной стороны, дало воинской утвари непредвидѣнное дотолѣ развитіе, а съ другой, повело къ упрощенію ея и дальнѣйшему видоизмѣненію. Когда и гдѣ были впервые употреблены въ дѣло пушки, — навѣрное сказать нельзя. Тѣмъ не менѣе, не принимая даже въ расчетъ предположеній или догадокъ о томъ, что онѣ были уже въ древности извѣстны на Востокъ, что Испанцы употребляли пушки при осадѣ Базы (Baza) въ 1323 г., а Арабы при осадѣ Аликанте въ 1331 г., — не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ стали извѣстны гораздо ранѣе половины 14-го вѣка и примѣнялись къ дѣлу, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ: напр. во Франціи въ 1338 г. при осадѣ Пуи-Гильяма (Puy-Guilham), причемъ Barthel du Drach не разъ платилъ за порохъ и прочіе снаряды; нѣсколько позднѣе, въ 1364 г., въ битвѣ при Кресси, гдѣ пушками дѣйствовала англійская армія. Съ половины столѣтія употребленіе пушекъ начинаетъ усиленно распространяться. Уже около 1356 г. большая часть большихъ городовъ, преимущественно нѣмецкіе имперскіе города—Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Любекъ, Ульмъ, Шпейеръ и др. имѣли собственныя пушки и пороховыя запасы. Въ этомъ же году въ Лёвенѣ, во Фландріи, было продано даже

12 мортирь. Запасы пороха бывали очень значительны, такъ что иногда причиняли несчастье; въ 1360 г., вследствие неосторожности, ратуша въ Любекѣ сложеннымъ въ ней порохомъ была взорвана на воздухъ. Съ 1358 г. и въ Италіи начинаютъ распространяться большія пушки или „бомбарды“. Въ 1370 г. при войскѣ герцога брауншвейгскаго, Магнуса, въ числѣ прочаго оружія, находились и пушки (Bussen, Büchsen). Въ 1375 г. по заказу городского совѣта въ Аугсбургѣ были вылиты 20 большихъ пушекъ. Напротивъ того, объ употребленіи пушекъ въ Даніи упоминается не ранѣе 1372 г., а въ Швеціи не ранѣе 1408 г. Въ теченіи 15-го вѣка количество пушекъ при войскахъ постоянно возрастаетъ. Рассказываютъ, будто бы уже въ 1401 г. герцогъ орлеанскій выступилъ противъ герцога бургундскаго, имѣя при себѣ 4000 пушекъ различнаго калибра—количество, очевидно, преувеличенное, если даже причислить къ пушкамъ и всё ручное огнестрѣльное оружіе, которымъ могло быть вооружено войско. При осадѣ Орлеана Англичанами въ 1428 г., у нихъ было всего на всего 15 пушекъ. Случалось, что мелкіе владѣтельные князья, за недостаткомъ собственныхъ, занимали себѣ пушки у другихъ. Такъ напр. бургграфъ нюрнбергскій, Фридрихъ, для разрушенія замковъ маркескаго дворянства, въ 1417 г. выпросилъ себѣ у ландграфа Тюрингенскаго его большую мортиру, по неудобоподвижности своей носившую названіе *faule Grete*. Подобные случаи становились однакожъ все рѣже, и тотъ же Фридрихъ вскорѣ обзавелся собственными пушками. Немного лѣтъ спустя, въ 1431 г., гусситы отняли у соединенныхъ нѣмецкихъ государей сто-пятьдесятъ пушекъ. При освобожденіи города Нейсса отъ осаждавшаго его герцога бургундскаго въ 1475 г., имперскіе войска были обильно снабжены пушками; а Карль VIII на походѣ въ Италію въ 1494 г., кромѣ большого количества пушекъ, имѣлъ при себѣ родъ пловучей батареи—вооруженную тяжелыми орудіями большую галеру (*galeasse*), которою съ большимъ успѣхомъ пользовался при осадѣ Рапалло и преемникъ его Людовикъ XII.

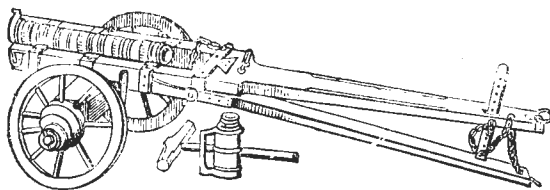
Какъ ни полезны оказались пушки для военнаго дѣла, усовершенствованіе ихъ шло очень медленно. Порохъ сначала былъ дурной, незернистый, а потому и дѣйствовалъ слабо. Даже и послѣ изобрѣтенія зернистаго пороха, долго еще употреблялся преимущественно порошокъ мелкій, въ порошокъ. Кромѣ того, первоначально, а отчасти и впоследствии, пушки дѣлались возможно большаго калибра<sup>1</sup>, такъ какъ полагали, что чѣмъ больше и массивнѣе орудіе, тѣмъ сильнѣе его дѣйствіе. Имъ давали первоначально форму мортирь съ широкимъ жерломъ (*mortier; bombard; busse, buste*), а позднѣе форму

<sup>1</sup> Въ 1372 г., городъ Аугсбургъ имѣлъ три литыя пушки, изъ которыхъ самая большая зарямалась ядромъ въ 127 фунтовъ вѣсу. «Въ 1393 г.»—рассказываетъ лимбургскій лѣтописецъ—городъ Франкфуртъ при осадѣ Гацштейна выставилъ большія пушки (*grosse Büchsen*) изъ которыхъ одна стрѣляла зарядами въ 7 или 8 центнеровъ (*deren schoss eine sieben oder acht Centners*), и съ тѣхъ поръ завелась и здѣсь пушки. Въ 1399 г. пфальцграфъ Рупрехтъ и архіепископъ Майнцкій, осаждая замокъ Тоннейбергъ въ союзѣ съ Франкфуртомъ и городами неттераускаго союза, имѣли при себѣ нѣсколько пушекъ такой величины, что ихъ нельзя было подвести къ стѣнамъ замка даже лошадыми. Камнеметную пушку (*steinbüchse*) пфальцграфа пришлось поднимать воротомъ, а для передвиженія мортиры, доставленной гражданами Франкфурта, потребовалось 32 лошади. Она стрѣляла каменными ядрами въ 20 центнеровъ. При взятіи Константинополя въ 1453 г. Турки употребляли орудія стрѣлявшія каменными ядрами въ 200, 500 и 1200 фунтовъ вѣса.

длинныхъ и широкихъ стволовъ. Если вѣрить стариннымъ извѣстіямъ, первыя пушки были деревянныя, обитыя толстыми желѣзными обручами, наложенными одинъ подлѣ другого; позднѣе ихъ стали выдѣлывать изъ желѣзныхъ полосъ, которыя сваривали вмѣстѣ по длинѣ и затѣмъ скрѣпляли обручами. При этомъ, изъ предосторожности, казенная часть отдѣлялась отъ дула такимъ образомъ, что составляла съ нимъ уголь книзу или въ бокъ. Это отдѣленіе казенной части отъ дула было скоро оставлено, но описанный способъ выдѣлки пушекъ сохранился до 16 столѣтія (что доказывается огромною пушкою въ Дрезденскомъ цейхаузѣ, извѣстною подъ названіемъ faule Magd)—не смотря на то что уже со второй половины 14 вѣка начали лить пушки изъ желѣза и даже бронзы, а въ Германіи уже съ 1440 г. существовали настоящіе пушечно-литейные заводы. Перевозили пушки, обыкновенныя до начала 15 ст., а осадныя до 16 ст., на особенно прочно устроенныхъ повозкахъ или полозьяхъ; для стрѣльбы устанавливали первыя на деревянныхъ станкахъ, а послѣднія на подмосткахъ изъ бревенъ и досокъ. Пушечный станокъ состоялъ изъ деревянной колоды, въ углубленіе которой вкладывалась пушка и закрѣплялась; для прицѣла подъ колоду подкладывали просто чурбанъ. Подмостки для осадныхъ орудій сколачивали изъ толстыхъ досокъ въ видѣ продолговато-четыреугольнаго ящика; по угламъ ящика укрѣплялись отвѣсно четыре бруса, изъ которыхъ каждая пара соединялась поперечиною. Въ брусьяхъ были просверлены отверстія, въ которыя вставлялись перекладины и на нихъ клалась пушка, укрѣпленная, кромѣ того, на особомъ станкѣ. Такимъ образомъ орудію можно было давать любое направленіе, поднимая или опуская его. Для устойчивости, подмостки наполнялись иногда землей, насколько это было удобно при отлачѣ орудія, вѣроятно очень сильной. Нерѣдко подмостки вмѣстѣ съ пушкою накрывали подвижнымъ наметомъ изъ досокъ, для поддержки котораго на долевыхъ сторонахъ подмостокъ прикрѣплялось по отвѣсному брусу. Въ подражаніе этому устройству подмостокъ, которое не смотря на свою примитивность удержалось до конца 15 стол., стали дѣлать для небольшихъ пушекъ вилообразныя станки, къ задней части которыхъ было прикрѣплено выгнутое на-передъ дерево съ просверленными въ немъ отверстіями. Тѣмъ не менѣе станки изъ выдолбленной колоды были самыя употребительныя; въ исходѣ столѣтія къ нимъ стали придѣлывать спереди колеса, а сзади рукояти, отчего передвиженіе ихъ и управленіе ими облегчалось.—Форма пушекъ начала улучшаться только съ тѣхъ поръ какъ ихъ начали лить. Важнымъ усовершенствованіемъ было то, что камеру и дуло отливали отдѣльно, затѣмъ высверливали и потомъ уже спаивали вмѣстѣ. Вмѣстѣ съ этимъ всё болѣе и болѣе убѣждались въ томъ, что сила орудія зависитъ не столько отъ его массивности, сколько отъ качества пороха и отъ способа заряжанія. Вслѣдствіе этого, начали выдѣлывать сравнительно менѣе тяжелыя пушки, различной формы и различнаго калибра, и снабжать ихъ лучшими приспособленіями для установки—съ помощію винта и ворота—и болѣе подвижными и легкими станками, о двухъ и четырехъ колесахъ и иногда даже съ кольцами для запряжки лошадей; наконецъ, вмѣсто каменныхъ ядеръ введены были литыя желѣзныя. Приспособленія для запряжки въ пушечныя станки лошадей были особенно усовершенствованы Нѣмцами. Въ 1461 г. у герцога Бременскаго было уже значительное количество небольшихъ пушекъ

вѣсившихъ отъ 62 до 40 и 23 фунтовъ, такъ что послѣднія были достаточно легки для того чтобы ихъ можно было нести на себѣ. Около того же времени по приказанію Людовика XI были вылиты 12 пушекъ, прозванныхъ двѣнадцатью „пѣрами“ Франціи. Старинный обычай давать пушкамъ особыя прозванія, по мѣрѣ размноженія ихъ становился всё распространеннѣе. Литьемъ пушекъ занимались преимущественно литейщики колоколовъ; а выковываніе ихъ осталось дѣломъ кузнецовъ и (позднѣе) слесарей. Пушечныхъ мастеровъ изготовлявшихъ небольшія пушки стали называть оружейниками (Büchsen-schmiede). Одного такого мастера, по имени Конрада, взявъ къ себѣ на службу герцогъ Саксонскій Албрехтъ (ок. 1475 г.), съ тѣмъ чтобы онъ дѣлалъ для него большія и маленькія орудія. Въ 1478 г. тотъ же герцогъ заключилъ съ дрезденскимъ оловяникомъ, мастеромъ Квинкве (Quinque), условіе, по которому послѣдній обязывался сдѣлать для герцога къ 1479 году пять пушекъ (Schlangenbüchsen) по 47 центн. и 20 фунт. вѣсу каждая, и шесть пушекъ по пятидесяти центнеровъ каждая. Большая часть орудій, которыя въ такомъ значительномъ количествѣ взялъ съ собою король французскій Карлъ VIII на походъ въ Италію (въ 1494 г.), были литыя бронзовыя, на двухъ и четырехъ-колесныхъ станкахъ, не смотря на то, что и самыя малыя между ними были пятидесяти-фунтоваго калибра; заряжались они желѣзными ядрами. — При всемъ томъ пушки этого времени были все-таки еще очень неуклюжи и мало приспособлены къ полевой службѣ относительно скорости заряжанія и вѣрности прицѣла. Несмотря на сдѣланныя улучшенія, продолжали держаться старыхъ привычныхъ приемовъ и приспособленій. Это относилось одинаково и къ тяжелымъ орудіямъ и къ небольшимъ пушкамъ на колесныхъ станкахъ: тѣ и другія продолжали нацѣливать преимущественно прежнимъ способомъ, т. е. съ помощію ворота и простой прицѣльной подпорки (фиг. 204). Равнымъ образомъ не были оставлены и старинныя станки вилокъ, а напротивъ того, ими очень часто пользовались для малыхъ пушекъ, причѣмъ станокъ большею частью укрѣплялся неподвижно и между щеками

Фиг. 204.



его вдвигалась пушка такимъ образомъ, что хоботъ ея лафета лежалъ на колкахъ прицѣльной подпорки, а передъ лафета скрѣплялся цѣпями съ вилокъ станка. Подобное же приспособленіе было устроено и для пушекъ большаго калибра: къ лафету придѣлывались двѣ скобы выгибавшіяся дугою въ четверть круга по направленію къ жерлу орудія; отъ концовъ этихъ дугъ были протянуты къ орудію крѣпкія веревки или цѣпи. Колесные станки или лафеты, крайне тяжелые и неповоротливые, были снабжены съ боковъ и на концѣ кольцами, крючьями, скобками и т. п., частью для припряжки лошадей, частью для болѣе удобнаго поворачиванья и устанавливанья самихъ орудій. Для стрѣльбы изъ пушекъ имѣлись разнаго рода пальники, фитили, банники, лопатки, крючья и т. д. На бронзовыхъ пушкахъ отливались обыкновенно выпуклые орнаменты.

Введеніе огнестрѣльныххъ орудій не вдругъ упразднило старинный воинскій снарядъ, напротивъ того онъ весь, во всей своей совокупности, оставался въ употребленіи на ряду съ ними покрайней мѣрѣ до конца 14 стол. Затѣмъ изъ него были исключены сначала тѣ его принадлежности, которыя или оказались бесполезными при новомъ изобрѣтеніи, или нашли себѣ въ немъ болѣе дѣйствительную замѣну. Таковы были прежде всего осадныя башни, которыя подкатывались къ стѣнамъ на каткахъ и посредствомъ ворота, и потомъ различные виды метательныхъ орудій, кидавшихъ камни и стрѣлы посредствомъ тетивы (баллисты), хотя именно съ этими орудіями разставлялись особенно неохотно, такъ что нѣкоторые ихъ виды, можетъ быть болѣе цѣлесообразнаго устройства, чѣмъ другіе, оставались въ употребленіи за начало пятнадцатаго вѣка. Напротивъ того, огромныя стѣнобитныя машины или тараны (*Driböcke*) съ ихъ бревенчатыми крышами, осадныя лѣстницы и камнеметныя машины нисколько не утратили своего первоначальнаго значенія и оставались въ употребленіи до исхода 16 вѣка, въ особенности послѣднія. Камнеметныя машины уже съ 13 стол. носили названія (конечно на основаніи различія въ устройствѣ): *Blyden* (*Bleiden*), *Tummezer* (*Tummeler*), *Mangell* (*Mangen*), *Onager*, *Quotwerke* и др. Назначеніемъ ихъ было бросать въ осажденныхъ большія массы камней и другихъ предметовъ, напр. горящихъ головней (разныхъ нечистотъ для произведенія заразы); иногда ихъ употребляли и какъ орудіе казни для военныхъ преступниковъ. Въ 1422 г. при осадѣ Карлштейна въ Богеміи гусситами, они дѣйствовали и пушками и камнеметными машинами. Въ 1427 г. городъ Базель заказалъ различнаго рода метательныя орудія (*Gewerfe*), которыя были съ успѣхомъ употреблены въ дѣло при осадѣ Реннфельдена въ 1445 г. Еще въ половинѣ 16-го стол. Леонгардо Фроншпергеръ писалъ въ своей книгѣ о военномъ искусствѣ: „такіе снаряды (*solche Instrument*, т. е. метательные) слѣдуетъ еще держать въ крѣпостяхъ въ полной исправности, чтобы выбрасывать ими вонъ изъ крѣпости то, что въ нее будетъ брошено такимъ же снарядомъ, а также и всякую пададь и нечистоту, какая можетъ случиться въ крѣпости. Такой снарядъ можно также заряжать большими камнями и бросать ихъ въ укрѣпленія (*in die Schanzen*), какъ это мнѣ и случалось видѣть. Поэтому, такой снарядъ пригоденъ на многое (*also ist mit solchem Instrument viel auszurichten und vorzunehmen*).“<sup>1</sup> По рисункамъ подобныхъ снарядовъ, относящихся впрочемъ къ позднѣйшему времени и вообще неяснымъ,<sup>1</sup>—видно, что устройство такъ наз. *Mangen* и *Blyden* было слѣдующее: между двумя столбами, вертикально укрѣпленными на подмосткахъ изъ крестообразно сколоченныхъ толстыхъ брусевъ,

<sup>1</sup> Cp. F. von der Hagen. *Die Schwanensage*. Berlin 1845 (Тл. III въ von Trosberg). M. Engelhard. *Ritter v. Stauffenberg*. Strassburg 1823. Tf. XXV. F. v. Aufsess und Mone. *Anzeiger zur Kunde deutscher Vorzeit*. V. Tf. III. Къ этому отдѣльному мѣсту въ Leonh. Fronsperger's *Kriegsbuch* (въ нѣскольк. изд. начиная съ 1557 г.) III, pag. 1336; и въ особ. Flavii Vegetii Renati, о рыцарствѣ четыре княга (изд. 1534 г.).—F. de Vigne. *Vademecum du peintre ou recueil des costumes etc.* II (въ концѣ). J. Scheible. *Die gute alte Zeit*, etc. Stuttgart. 1847. pag. 378 съ рис. Особенно тщательныя попытки реставраціи старинныхъ воинскихъ снарядовъ у Viollet-le-Duc. *Essai sur l'architecture militaire au moyen-âge*. Paris, 1858 и въ его же: *Dictionnaire raisonné de l'architecture française etc.*

вращается на оси длинное бревно, къ верхнему концу котораго прикрѣплена петля изъ толстаго каната, или подвѣшенъ ящикъ тоже поворачивающійся на оси, а нижній конецъ снабженъ особымъ вмѣстилищемъ для тяжестей. Посредствомъ цѣпей или веревокъ и ворота, нижній конецъ бревна, возможно тяжело нагруженный, подтягивали кверху и затѣмъ вдругъ пускали; быстрота паденія нижняго конца бревна стремительно выбрасывала предметы схваченные въ петлю или положенные въ ящикъ на его верхнемъ концѣ. Въ другихъ снарядахъ этого рода, ось метательнаго рычага помѣщалась близъ его нижняго конца, вслѣдствіе чего длинное верхнее его колѣно, отягченное ящикомъ съ камнями, перевѣшивало нижнее короткое и верженіе производилось посредствомъ тяжести, которую заставляли падать на короткій конецъ бревна, вслѣдствіе чего длинный быстро поднимался и бросалъ подвѣшенные къ нему тяжести. Повидимому, всѣ подобные метательные снаряды различались между собою главнымъ образомъ тѣмъ, что у однихъ метательный рычагъ былъ навѣшенъ въ вертикальномъ направленіи, у другихъ же собственною своею тяжестью держался въ горизонтальномъ положеніи.

Погребальная утварь измѣнилась лишь въ отношеніи отдѣлки, которая постоянно обусловливалась преобладаніемъ въ данное время тѣхъ или другихъ формъ украшеній. Такъ какъ и теперь еще случалось крайне рѣдко, чтобы покойниковъ возили на кладбищѣ, а было въ обычаѣ нести ихъ туда на рукахъ, то и погребальные принадлежности остались тѣже, какія были изстари въ употребленіи, т. е. носилки, гробы <sup>1</sup> и погребальные покровы и матеріи. Гробы были деревянные, каменные (изъ жженой глины), металлическіе (изъ мѣди, олова, свинца). Форма и украшенія ихъ были почти совершенно такія же, какъ и нынѣшнихъ. Около половины 15-го стол. между высшими сословіями сталъ распространяться обычай, металлическій гробъ, заключающій въ себѣ тѣло, вкладывать въ другой деревянный, украшенный рѣзбой, позолотой и т. п. Погребальные покровы до конца 17-го стол. дѣлались по старинному, въ видѣ продолговатаго четырехугольнаго плаща, но съ этого времени ихъ стали шивать изъ нѣсколькихъ кусковъ такъ, что покровъ совершенно приходился по гробу, обтягивая его какъ чохолъ, и краями спускался до земли, когда гробъ несли на плечахъ. Покровы дѣлались изъ различныхъ матерій—шерстяныхъ, шолковыхъ, бархата и парчей; цвѣтъ ихъ былъ также различный, хотя преимущественно черныи. На верху покрованашивался бѣлый крестъ. Покровы людей знатнаго происхожденія украшались, кромѣ того, вышитыми на нихъ гербами. При погребеніи владѣтельныхъ особъ, на крышку гроба клались ихъ insignii — корона, скипетръ и др.

<sup>1</sup> Въ продолженіи всего описываемаго двухсотлѣтняго періода, а между средними и низшими классами (по крайней мѣрѣ мѣстами) даже и въ шестнадцатомъ вѣкѣ, рядомъ съ погребеніемъ въ гробахъ, удержался древнѣйшій способъ погребенія безъ гроба. При такомъ погребеніи тѣло туго обвертывали широкими полосами полотна, иногда пропитаннаго воскомъ, зашивали, и, накрывъ покровомъ, относили въ могилу и погребали. Многіе еще и въ 16 вѣкѣ вѣрили, что быть погребеннымъ въ монашескомъ платѣ спасительно для души, и потому старались приобрести себѣ таковое, конечно, за хорошія деньги; Ср. собраніе относящихся сюда подробностей у W. v. Reinöhl. Die gute alte Zeit, etc. въ J. Scheible. Das Kloster. Stuttgart. 1847. pag. 821 sq.



## УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ ПО ИХЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

### 12-е и 13-е столѣтіе.

- Фиг. 1. M. Engelhard. Herrad von Landsperg. Hortus deliciarum. Tab. I.
- 2. *a b.* Ibid. Tab. II.;—*c.* S. d'Agincourt. Peint. I. pl. LXVI, 1.
- 3. *a b.* H. v. d. Hagen. Bilderhandschr. Abhdlg. d. k. Akademie der Wissensch. 1852. Taf. I—II;—*c.* Ергоже: Abhdlg. 1842. Taf. III.
- 4. *a.* Ергоже: Abhdlg. 1851. Taf. IV;—*b.* Ibid. 1853. Taf. VI;—*c.* Ibid. 1846. Taf. V.
- 5. *a.* H. Müller. Beiträge zur deutsch. Kunst-und Geschichtskunde, II. Nr. 11;—*b c.* P. Lepsius. Dom zu Naumburg. Taf. VI. und Taf. III.
- 6. M. Engelhard. Herrad. von Landsperg. Hortus deliciarum. Tab. II.
- 7. Ibid. Tab. VI.
- 8. *a—b.* H. v. d. Hagen. Bilderhandschr. Abhdlg. d. Akad. d. Wiss. 1852. Taf. I—II.;—*c.* Ibid. 1846. Taf. VI.
- 9. H. Müller. Beiträge zur deutsch. Kunst-und Geschichtskunde II. Nr. 4.
- 10. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters. I. Taf. 33.
- 11. M. Engelhard. Herrad von Landsperg. Tab. III.
- 12. *a. b.* Древности російск. государства. Т. III. № 40 и 55;—*c.* R o c k s t u h l. Musée d'armes rares etc. pl. CXXXI.
- 13. F. Kugler. Kleine Schriften und Studien I, 44.
- 14. *a-b.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. I. Taff. 27 и 4.
- 15. J. G. Büsching. Grabmahl des Herzogs Heinrich IV. von Breslau. crp. 3.
- 16. Didron. Annales archéologiques. XV. p. 360.
- 17. *a.* Ibid. IV. p. 211;—*b.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. I. Taf. 77;—*c.* Ibid. II. Taf. 87.
- 18. Didron. Annales archéol. XVI. p. 360.
- 19. *a.* Ibid. I, 161;—*b.* J. Gailhabaud. L'architecture du V-me au XVII siècle et les arts qui en dépendent. I. Eglise cathédr. de Rheims.

- Фиг. 20—21. De Caumont. Abcdaire ou rudiments etc. II, 256; 258.
- 22. *a b c*. L'abbé Barrault et A. Martin. Le bâton pastoral. Fg. 37, 47, 59;—*d*. J. Becker und J. v. Hefner-Alteneck. Geräthschaften d. christl. Mittelalters. II. Taf. 8.
- 23. *a*. S. d'Agincourt. Peint. I. pl. LXIX. fig. 10;—*b*. Didron. Annales archéol. XV, 176.
- 24. B. Scott. Antiquarian gleanings in the North of England. pl. XXII.
- 25. Didron. Annales archéol. IV. 293.
- 26. Ibid. XIV, 1.
- 27. *a b*. M. Engelhard. Herrad von Landsperg. Tab. IV.
- 28. J. Gailhabaud. L'architecture et les arts qui en dependent. II.
- 29. M. Engelhard. Herrad von Landsperg. Tab. V.
- 30. Violet-Le-Due. Dictionnaire raisonné du Mobilier français I. 178.
- 31. *a b*. Didron. Annales archéol. IX. 289, 293;—*c d e*. Ibid. XVI, 98, 99;—*f*. Ibid. VI, 194.
- 32. *a b*. Ibid. IX, 289, 328;—*c d e f*. Ibid. VII, 97, 162, 242, 240.

**Отъ начала 14 до начала 16 столѣтій.**

- 33. *a*. Ch. Louandre et H. Mauget. Les arts somptuaires (Библия 1380 г. въ к. библиот. въ Брюссель); *b*. Ibid. (псалтырь тамъ же); *c*. Ibid. (назван. Библия).
- 34. *a b*. X. Willemin. Monuments français inédits. I. (127).
- 35. *a b c*. Ch. Louandre et H. Mauget. Les arts somptuaires (рукописная псалтырь парижской библиотеки).
- 36. *a b*. Stothard. Monumental effigies (Гробницы въ Ingham Church въ Норфолькѣ);—*c*. Ibid. (Гробн. въ Staindrop Church, Дургэмъ);—*d*. Ibid. (Гробн. въ Minster Church, на о. Шеппи).
- 37. *a b*. Ch. Louandre. Les arts somptuaires (Рукопись подъ № 6964 парижской библиот.);—*c*. X. Willemin. Monuments français inédits I, 136 (Рукопись „Lancelot du lac”).
- 38. *a*. Stothard. Monumental effigies (гробн. Уильяма Гатфильда, сына Эдуарда III);—*b*. Ibid. (гробн. Уильяма Уинчзорскаго).
- 39. *a b*. Ch. Louandre. Les arts somptuaires (Рукопись 6964 парижской библиотеки).
- 40. *a b c*. X. Willemin. Monuments français inédits I, 139 („MS. de la chasse en 1380, par Gaston de Foix“).
- 41. *a b c*. Ibid. („Livre des merveilles du monde, 1350“);—*d*. (надгробіе Пьера д'Ербисъ, гражданина города Труа, 1348 г.).

- Фиг. 42. J. S. Cotman. Sepulchral brasses of Norfolk, pl. 7 (Robert Attelath † 1376).
- 43. *a.* X. Willemin. Mon. français inéd. II, 166 (MS);—*b.* Herbé. Costumes français. pl. 24 (122);—*c.* X. Willemin. Mon. français II, 166 (MS).
- 44. *a b c d.* Ch. Louandre. Les arts somptuaires („St. André sur la croix“. Bibl. de l' Arsenal. MS. latin 182).
- 45. *a.* X. Willemin. Monum. français inéd. II, 163 (MS);—*b.* Ch. Louandre. Les arts somptuaires („L'apostolat de st. Barthélemy“. Bibl. de l' Arsenal. MS. latin 182).
- 46. *a.* X. Willemin. Mon. français inéd. I, 136 (MS. „Lancelot du lac“);—*b.* Ibid. (MS. „Livre des merveilles“, 1350);—*c.* Ch. Louandre. Les arts somptuaires (Рукоп. 6964 парижской библиот.).
- 47. *a.* Stothard. Monum. effigies („гробн. Blanche de la Tour, дочеря Эдуарда III, † 1340);—*b.* Ibid. (гробн. въ Атерингтонъ);—*c.* C. Boutell. Monum. brasses of England („Blanche Bradstone“ 1370);—*d.* Ibid. („Lora de St. Quintin“ 1397).
- 48. *a.* Ch. Louandre. Les arts somptuaires (MS. „Heures de la Croix de N. D. etc“. Въ библ. въ Камбрэ);—*b.* Ibid. (MS. Supplem. latin I, 222 d. Парижск. библ.).
- 49. *a.* M. de la Mésangère. Galerie française des femmes célèbres. pl. 12;—*b.* Ibid. pl. 10 (Изабелла Баварская).
- 50. *a.* Ch. Louandre. Les arts sompt. (рукоп. библия 1380 г. брюссельской библ.);—*b.* Ibid. (MS. „La moralité du jeu des échecs“ тамъ же).
- 51. *a. b.* Stothard. Monum. effigies (гробн. супруги Ральфа Невилля, графа Уэстморлэндскаго).
- 52. X. Willemin. Mon. français inéd. (игральная карта.)
- 53. *a.* Ibid. II, 190 (MS.);—*b.* Ch. Louandre. Les arts sompt. (MS. B. S. F 244 d. Bibl. de l' Arsenal.)
- 54. W. Fairholt. Costume in England. p. 190 („Cotton MS. Julius E. 4.“)
- 55. *a.* Ch. Louandre. Les arts sompt. („Rogier Bon Temps“ лат. рукоп. 36, парижск. библ.);—*b.* Ibid. (MS. F. L. 255 d. Bibl. de l' Ars).
- 56. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten, II, Taf. 81 (гробн. Гевриха VI. кор. Англин.)
- 57. *b.* C. Boutell. Monum. brasses of England (мъщанинъ); *c.* Ibid. (купецъ, 1400).
- 58. *a.* X. Willemin. Mon. français inéd („Alexandre de Berneval, maitre de maçonnerie du roi au Baillage de Rouen“ 1440); *b.* Ibid. („Witasse de Guiry, Sergent du roi“ 1400.)
- 59. *a. b.* Ibid. II, 169.
- 60. *a.* C. Boutell. Monum. brasses of England („Cristina Cressy“ 1413); *b.* Ibid. („Lady St. Quintin“ 1420);—*c.*

- Ibid. (Lady d'Eresby<sup>4</sup> 1410);—*d.* J. S. Cotman. Sepulchral brasses of Suffolk, pl. VII („Ela Bovet“ 1400).
- Фиг. 61. *a.* Stothard. Monum. effigies („Countesse Catharina de la Polo“);—*b.* Ibid. („Duchess of York“ 1433);
- 62. *a.* X. Willemin. Monum. français inéd. II, 192 (MS. Livre des échecs amoureux“);—*b.* Ibid. II, 190 (MS. du roi René).
- 63. Ch. Louandre. Les arts somp. (MS. B. L. F. 244. Bibl. de l'Ars.)
- 64. Ibid. (Оригин. рисун. въ Луврскомъ музеѣ).
- 65. *a.* C. Boutell. Monum. brasses of England („Lady Tiptoff“ 1446);—*b.* Stothard. Monum. effigies („Lady Fitzalan of Arundel“ 1440—87);—*c.* Ibid. („Lady Grushill“ 1407.)
- 66. Ibid. („Countess Beatrice“ 1404—39).
- 67. Ibid. („Lady Torpe“ 1417)
- 68. *a—f.* Ch. Louandre. Les arts somptuaires.
- 69. *a—f.* (J. Marchal). Catalogue des manuscrits de la Bibl. royale des Ducs de Bourgogne. I, p. LXXIII (MS. № 996).
- 70. X. Willemin. Mon. français inéd. II, 162 (Филиппъ Добрый, герц. Бургундскій).
- 71. *a. b.* Ibid. II, 190 (MS. du roi René.)
- 72. C. Boutell. Monum. brasses of Engl. (дворянинъ 1464.)
- 73. *a.* X. Willemin. Mon. fr. inéd II, 184;—*b.* Ch. Louandre. Les arts sompt. (рукоп. 8351 пар. библ.)
- 74. *a—d.* X. Willemin. Mon. fr. inéd. II, 171 (MS.)
- 75. *a.* J. S. Cotman. Sep. brasses of Norfolk. pl. 35 (Margareth Castyll<sup>4</sup> 1483);—*b.* Ibid. I, pl. 25 (горожанка);—*c.* Ibid. Sep. brasses in Suffolk. pl. XV (1479.)
- 76. *a.* Ibid. pl. XVIII (1480);—*b.* Ibid. pl. XXXVI (1488);  
*c.* Ibid. I, pl. XXXIV (1481).
- 77. *a. b.* Ch. Louandre. Les arts sompt. (Латин. рукоп. № 6643. пар. библ.)
- 78. X. Willemin. Mon. français inéd. II, 181 (Аня Бретонская).
- 79. *a. b.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten II, Taf. 117.
- 80. C. Boutell. Mon. brasses (1470).
- 81. *a. b.* X. Willemin. Mon. français inéd. II, 172.
- 82. *a.* Ch. Louandre. Les arts sompt. („St. Cloud“, латин. рук. 182, библ. арсенала);—*b.* Stothard. Mon. effigies („Эдуардъ III, 1377);—*c.* Ibid. („Генрихъ IV, 1492, въ часовнѣ Томы Бекета въ Кантербурійскомъ соборѣ).
- 83. Stothard. Mon. effigies („Генрихъ IV“ 1412).
- 84. *a.* Ibid. Баконъ 1300—1320, въ Gorlston church, Suffolk);—*b.* Ibid. (John d'Aubernoun<sup>4</sup> 1327);—*c.* Ibid. (Minster church, isle of Sheppi).
- 85. Ch. Louandre. Les arts. sompt. („Heures de la croix de N. D. des morts“, рукоп. въ библ. въ Камбрѣ).

- Фиг. 86. С. Boutell. Monum. brasses („Ralph Stafford“ 1347);—  
*b.* Ibid. (Генрихъ Платанетъ, герц. Ланкастерскій, 1347);  
 —*c.* Stothard. Mon. effigies („Blanchfront“ 1350).
- 87. *a.* С. Boutell. Monum. brasses of England („Thom. Cheyne“ 1368);—*b.* Stothard. Mon. effigies (Эдуардъ, Черный принцъ, 1376);—*c.* X. Willemin. Mon. français inéd. I, 125.
- 88. *a.* С. Boutell. Monum. brasses of Engl. (1410);—*b.* Stothard. Monum. effigies („Robert Grushill“ 1420—30.)
- 89. Ibid. (Ричардъ Бошанъ, графъ Варвикъ, 1439).
- 90. *a.* С. Boutell. Monum brasses (Richard Quatremayns Esq. 1460);—*b.* D. von der Kellen. Antiquités des Pays-Bas, pl. VI, VII b, fig. A;—*c.* С. Boutell. Mon. brasses. (1458.)
- 91. Stothard. Mon. brasses („John Cresby 1470“).
- 92. *a, f.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten II, Taf. 60; 83; —*b, g, h, i.* J. v. Meier. Heraldischer A—B—C. Taff. X, 10; XI, 8, 9; XII, 8;—*c, d.* W. Fairhold. Costume in England. p. 281, 1—2;—*e.* A. Worsaa. Afbildninger, p. 167. № 575.
- 93. *a.* X. Willemin. Mon. français inéd. II, 173 (MS. Chronique de Froissard);—*c.* Ibid. I, 174.
- 94. *a. b. c.* С. Boutell. Monum. brasses (Thomas Gronley 1417; Peter de Lacy 1375; Will. de Fulbord 1360).
- 95. F. Kugler. Kleine Schriften, I, 53.
- 96. *a.* Оригин. рисунокъ въ каб. гравюръ въ Берлинъ;—*b.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten, II. Taf. 114;—*c.* Ibid. II. Taf. 7.
- 97. *a. b.* Оригин. рисун. въ Берлинскомъ кабинетъ гравюръ.
- 98. *a.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. II. Taf. 94 (гробн. 1396);—*b.* Ibid. Taf. 122 (гробн. 1377);—*c.* Ibid. Taf. 134 (гробн. 1393).
- 99. *a b c.* Ibid. II. Taff. 113; 94; 134 (гробн. 1368—71 г.).
- 100. *a b.* Н. Otte. Handbuch der kirchl. Kunst-Archäologie 1854. стр. 200.
- 101. *a—d.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten, II. Taff. 106; 165; 93 (гробн. пачала 15 в.).
- 102. Оригин. гравюра Израиля Мекемема (Israël von Meckenem) (Bartsch. P. gr. 171).
- 103. *a b.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. II. Taff. 121; 48;—*c.* W. Kaiser. Curiosités du cabinet d'estampes d'Amsterdam, fig. 26.
- 104. *a—g.* Изъ сочиненія: „Dis ist ein nūwe seltzame vnd lüstige legend—von den wunderzeiche der wolgeborne Königin vu Jungfrawen vnd marterin sant Katherinen. gedruckt—nach der geburt christi als man zalt 1500 jar.“
- 105. *a—d.* Geschlechter Tafel des M. Schwarz von Augsburg

- burg (картина въ берл. кабинетъ гравюръ; ср. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten II. Taf. 141).
- Фиг. 106. *a b c.* „Jeux des cartes tarots et des cartes numerales. Paris 1844. pl. 88 B. 85 B, 88 A.
- 107. *b. c.* Оригин. гравюры Израиля Мекенема (Israel. v. Meckenem) (Bartsch. 177; 182).
- 108. *a b c.* „Jeux des cartes tarots etc. pl. 82 A, 85 A, 90 A.
- 109. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten II. Taf. 58.
- 110. Оригин. гравюра Изр. Мекенема (Bartsch 117).
- 111. *a c.* W. Kaiser. Curiosités du cabinet d'estampes d'Amsterdam. Fig. 6—7;—*b.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. II. Taf. 104 (1496).
- 112—113. Оригин. грав. Израиля Мекенема (Bartsch. 177; 182; 164; 9).
- 114. *b.* H. v. d. Hagen. Bilderhandschr. Abhdlg. d. k. Akad. d. W. 1850;—*c.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. II. Taf. 58.
- 115. H. Müller. Beiträge zur deutsch. Kunst-und Geschichtskunde (Надгробіе архіеписк. Петра Аспельта въ Маннскомъ соборѣ: 1320 г.).
- 116—117. J. v. Hefner-Alteneck. II. Taff. 27; 47; 133 (надгробіа).
- 118. *a.* Ibid. II, Taf. 110;—*b.* H. v. d. Hagen. Bilderhandschr. Abhdlg. d. k. Akad. d. W. 1850;—*e.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten II. Taf. 115.
- 119. *a.* Ch. Louandre. Les arts sompt. (MS.);—*b.* G. Rosini. Storia della pittura italiana.
- 120. *a b.* Ibid. LXXI;—*c d.* C. Lasinio. Gemälde der altflorent. Schule (Masaccio).
- 121. *a. b.* Ibid. (Masolino).
- 122. *a.* Ch. Louandre. Les arts sompt. (MS);—*b.* C. Lasinio (Taddeo Gaddi).
- 123. *a. b.* G. Rosini. Storia etc. tav. XVII;—*c d.* C. Lasinio. (Tad. Gaddi).
- 124. *a—c.* Ibid. (Dom. Guirlandajo).
- 125. *a b c.* G. Rosini. Storia della pittura. tav. LXXXIX (Lor. Costa).
- 126. *a c.* C. Lasinio (Dom. Guirlandajo);—*b.* Jeux des cartes tarots. Paris 1844 („Merchadante“).
- 127. *b. c.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. II. Taf. 169 A; 105.
- 128. *a b c.* „Jeux des cartes tarots“ etc. („Zentilomo, Fameio, Chevalier“).
- 129—130. G. Rosini. Storia etc. tav. 221. (Luca Signorelli).
- 131. *a.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten II. Taf. 91; *b c.* G. Rosini. Storia (Bramante Lazzeri).
- 132. *a—c.* R. Jacquemin. L'art et le costume. Livr. 1.

- Фиг. 133. *a—c.* Оригн. картина въ корол. галлерей въ Берлинѣ; ср. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten II. Taf. 140.
- 134. *a—c.* Гравюра помѣч: „Andrea Mantegna dis. Francesco Novelli inc“.
- 135. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten II. Taf. 147.
- 136. G. Rosini. Storia della pittura. C. (Pietro Perugino).
- 137. *a—b.* Ch. Louandre. Les arts sompt. (MS.).
- 138. G. Rosini. Storia d. p.: scuola ital.
- 139. *a b.* Ibid. tav. LXIII.
- 140. *a.* C. Lasinio (D. Guirlandojo);—*b.* Jeux des cartes tarots etc. (1470).
- 141. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. II. Taf. 86.
- 142. *a—d.* R. Jacquemin. L'art et le costume. Livr. 1. (Victor Carpaccio).
- 143—144. C. Lasinio.
- 145. Ориг. гравюра въ берл. кор. кабинетѣ гравюрѣ (Bartsch. XIII, 146. Nr. 9).
- 146. *a b.* J. v. Hefner-Alteneck. Trachten II. Taf. 25.
- 147. *a. b.* G. Rosini. Storia della pittura. Taf. XCIII;—*c.* J. v. Hefner—Alteneck. Trachten II. Taf. 169.
- 148, 149 и 151. Копія съ плафона въ Альгамбрѣ, свѣл. Гергардиомъ, въ берл. кор. кабинетѣ гравюрѣ (ср. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten II. Taf. 178).
- 150. *a. b.* Valentin Carderera. Iconografia espanola. Estad. XXV. B (1389), XXV. D (ок. 1366).
- 152. *a—c.* Ibid. Estad. XXVII. A (1368—89); XXXVI (Elvira Sanchez de Villodre); XIX (Joanna Molina).
- 153. *a — c.* Ibid. Estad. XXXVII (Don Lorenzo Suarez de Figuera); XXXVI. (Don Gomez Maurique; Don Enr. Crivel).
- 154. *a.* Ibid. Estad. XLVII (Min. A. Don Carlos, 1421—60);—*b.* Didron. Annales archéol. XV, 30 (Alfonse l'Africain, roi de Portugal);—*c.* C. Bonnard. Costumes historiques II;—*d.* J. v. Hefner—Alteneck. Trachten II. Taf 67 (Гернхъ IV испанскій).
- 155. *a.* V. Carderera. Iconografia. Estad. XXXVII. (Donna Maria de Orozco);—*b.* Ibid. Estad. XXXVI. (Donna Sancha Roxas).
- 156. *a.* Ibid. XXXVI. (D. Elvira de Azebedo);—*b.* Ibid. XXXVIII (D. Maria Ximenes Corad).
- 157. *a. b.* C. Bonnard. Costumes histor. I. № 99; № 85 (Элеонара португальская); № 89 (ея штатсъ-дама).
- 158—159. V. Carderera. Iconografia. Estad. XLVIII (Донъ Хуанъ I Кастильскій, 1454); LXXIII (Дона Изабель португ. 1496).
- 160. *a. b.* Ibid. Est. XIV (D. Berengar de Puigvert, 1290); XXXV (D. Juan Alfons, señor de Ajofrin).

- Фиг. 161. *a. b.* Ibid. Estad. XLIV (Alonso de Cartagena Begidor); XLIV (Remon Bonifas Alcalle).
- 162 — 163. G. Houbigant. Moeurs et costumes des Russes. pl. 36; 31.
- 164. *a. c.* Древности російскаго государства. IV. № 28.
- 165. Тамъ-же, I. № 20.
- 166. Тамъ-же, IV. № 7.
- 167. *a. b. c.* Тамъ-же, IV № 17.
- 168. *a.—c.* Тамъ-же, IV. №№ 3; 19.
- 169—171. Тамъ-же, IV №№ 10, 7.
- 172. *a. b. c.* Тамъ-же, I. № 9—12, № 4.
- 173. Rockstuhl. Musée d'armes rares etc. pl. CXXXII.
- 174—176. Древности рос. государства. III. №№ 44; 114; 77—78; 82.
- 177. *a.* Didron. Annales archéol. I, 159 (Фреска въ Аоняхъ); —*b.* J. Elssner. Neueste Beschreibung der griech. Christen. Fig. 1 (S. 62).
- 178. *a. b.* Ibid. Fig. 6. (S. 103), Fig. 4. (S. 98).
- 179—181. Przediecki et Rastawiecki. Monuments du moyen âge dans l'ancienne Pologne. Livr. XVII et XVIII. Pl. 5.
- 182. *a. c.* J. v. Hefner-Alteneck. Kunstkammer S. K. H. des Fürsten C. Anton v. Hohenzollern-Sigmaringen. Taff. 18 A, 18 B; —*b. d.* Его же: Geräte des christl. Mittelalters. I. Taf. 59.
- 183. F. Bock. Das heilige Köln. Beschreibung der mittelalterlichen Kunstschatze X. 39. (Domschatz).
- 184. *a. b.* Asselineau. Meubles et armes du moyen-âge. № 18.
- 185. Violet-Le-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français. I, 15. Fig. 15.
- 186. Съ фотографій средневѣковыхъ памятниковъ въ Кенсингтонскомъ музеѣ.
- 187—188. E. v. Sacken. Mittelalt. Kunstschatze der k. k. Ambraser-Sammlung. Taf IV.
- 189. C. Heideloff. Die Kunst des Mittelalters in Schwaben. S. 5. Fig. 16. (Stiftskirche zu Herrenberg).
- 190. F. Kugler. Geschichte der Baukunst. IV (J. Burckhard. Die Renaissance in Italien). S. 258. Fig. 142. (клароси сидѣнья въ Орвіето).
- 191. C. Heideloff. Die Kunst des Mittelalters in Schwaben. S. 30. Fig. 17.
- 192. *a. b.* Asselineau. Meubles et armes etc. № 89, № 90.
- 193. A. Worsaa. Nordiske oldsager i det kongel. Museum i Kjobenhavn (1859) p. 179. № 601.
- 194. C. Heideloff. Die Kunst des Mittelalters in Schwaben. S. 5. Fig. 15. (Stiftskirche in Herrenberg).

- Фиг. 195. F. Kugler. Baukunst. IV. S. 313. Fig. 116 (Св. Марка въ Венеци).
- 196. Съ фотограф. средневѣков. памятниковъ въ Нюрнбергскомъ музеѣ.
- 197. Asselineau. Meubles et armes, etc. № 79.
- 198. J. v. Hefner-Alteneck. Geräthe des christl. Mittelalters. II. Taf. 43.
- 199. D. van der Kellen. Neerlands Oudheden. Pl. 12.
- 200. Kunstdenkmale des oesterr. Kaiserstaats (съ ризницы приходской церкви въ Брукъ-на-Муррѣ).
- 201. Violet-Le-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français. I, 90. fig. 5.
- 202. Оригин. гравюра Израиля Мекенема (Bartsch. 31).
- 203. Violet-Le-Duc. Dictionnaire, etc. I, 58. fig. 3.
- 204. Оригин. гравюра Израиля Мекенема (Bartsch. 4).
-





ИЗДАНИЯ К. СОЛДАТЕНКОВА.

|                      |                                                                                                            |            |
|----------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| Аванасьева.....      | Народныя Руссія сказы. 4 части. Изд. 2. . . . .                                                            | 6 р.       |
| —.....               | Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 3 части . . .                                                    | 8 р.       |
| Бэра.....            | Исторія всемірной торговли. 3 ч. Пер. Э. Даммермана. . .                                                   | 7 р. 50 к. |
| Берга.....           | Записки объ осадахъ Севастополя. 2 части. . . . .                                                          | 2 р. 50 к. |
| —.....               | Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ). . . . .                                                            | 7 р.       |
| Вейса.....           | Вышній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ вре-<br>менъ. Т. I. и II. Пер. В. Чаева и И. Васильева. . .  | 16 р.      |
| Вольскаго.....       | Историческое народно-хозяйственное значеніе обработаи<br>крестьянами-собственниками. . . . .               | 2 р. 50 к. |
| Гартмана.....        | Сущность міроваго процесса или философія безсознатель-<br>наго, въ 2-хъ выгахъ. А. Козлова. . . . .        | 4 р. 50 к. |
| Геттнера.....        | Исторія всеобщ. литерат. XVIII вѣва. Т. III, Кн. I и III                                                   | 4 р. 75 к. |
| Грановскаго.....     | Сочиненія. 2 части . . . . .                                                                               | 2 р.       |
| Ешевскаго.....       | Сочиненія. 3 части. . . . .                                                                                | 6 р.       |
| Забѣлина.....        | Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. 2 части.                                                     | 4 р.       |
| —.....               | Кунцово и древній сѣтунскій станъ . . . . .                                                                | 2 р.       |
| Игеринга.....        | Борьба за право. Перев. П. Волкова. . . . .                                                                | 75 к.      |
| Кавелина.....        | Сочиненія. 4 части. . . . .                                                                                | 5 р.       |
| Каррера.....         | Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I,<br>II, III, IV и V. Перев. Е. Корша. . . . .       | 20 р.      |
| Ключевскаго.....     | Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ.                                                   | 2 р.       |
| Кольцова.....        | Стихотворенія. Изд. 6. . . . .                                                                             | 20 к.      |
| Куглера.....         | Руководство къ исторіи искусства. Перев. Е. Корша. 2 ч.                                                    | 10 р.      |
| —.....               | Руководство къ исторіи живописи. Перев. И. Васильева.                                                      | 7 р.       |
| Курциусъ.....        | Исторія Греціи. Т. I-й. Пер. А. Веселовскаго. . . . .                                                      | 3 р.       |
| Лотце.....           | Микрокозмъ. 3 части. Перев. Е. Корша. . . . .                                                              | 6 р. 50 к. |
| Любке.....           | Исторія пластики. Перев. В. Чаева. . . . .                                                                 | 6 р.       |
| Огарева.....         | Стихотворенія. Изд. 3. . . . .                                                                             | 50 к.      |
| Попова.....          | Россія и Сербія. 2 части. . . . .                                                                          | 4 р.       |
| Рихтера.....         | Вліяніе целлулярной патологіи. . . . .                                                                     | 1 р.       |
| Рѣшетникова.....     | Сочиненія. 2 части. . . . .                                                                                | 5 р. 50 к. |
| Тацита.....          | Лѣтопись. 2 тома. Перев. К. Кроненберга. . . . .                                                           | 1 р. 50 к. |
| Трачевскаго.....     | Польское безкорольевъ. . . . .                                                                             | 3 р.       |
| Тана.....            | Чтеніе объ искусствѣ. . . . .                                                                              | 2 р.       |
| Тренделенбурга.....  | Логическія изслѣдованія. 2 части. . . . .                                                                  | 4 р.       |
| Фета.....            | Стихотворенія. 2 части . . . . .                                                                           | 2 р.       |
| Фрикена.....         | Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христі-<br>анскаго искусства. Часть I и II. . . . .          | 2 р. 50 к. |
| Фюстель-Куланжъ..... | Гражданская община античнаго міра. Переводъ Е. Корша.                                                      | 2 р. 50 к. |
| Чичерина.....        | Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2 и 3; за каждую .                                                  | 3 р.       |
| —.....               | Нѣсколько современныхъ вопросовъ. . . . .                                                                  | 1 р.       |
| —.....               | О народномъ представительствѣ . . . . .                                                                    | 3 р.       |
| —.....               | Областные учрежденія . . . . .                                                                             | 3 р.       |
| —.....               | Опыты по исторіи русскаго права. . . . .                                                                   | 1 р.       |
| —.....               | Очеркъ Англіи и Франціи. . . . .                                                                           | 1 р.       |
| Шекспиера.....       | Драматическія сочиненія. Перев. Н. Кетчера. 7 частей.                                                      | 7 р.       |
| Шилова.....          | Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи С. Со-<br>ловьева. Съ 6-ю родословными таблицами. . . . . | 3 р.       |